

Рязанский этнографический вестник

Н. И. Лебедева

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Том второй

Рязань, 1996 г.

"Рязанский этнографический вестник"

Главный редактор В. Коростылев

Н. И. Лебедева

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Том второй

Рязань, 1996 г.

- Журнал "Рязанский этнографический вестник"
- Учредители:
 - 1. В. Коростылев
 - 2. Рязанский областной научно-методический центр народного творчества
- Зарегистрирован Министерством печати и средств массовой информации Российской Федерации, рег. № 012372
- Тираж 1000
- Заказ 1237
- Цена свободная
- Редакция:
 - 390000, Рязань, ул. Урицкого, 72.
 - Тел. 77-94-76
- Отпечатано в ТОО "Рязанская областная типография"
390023 г. Рязань, ул. Новая 69/12.

Н. И. Лебедева

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ. Том второй.

**Творческое наследие Наталии Ивановны Лебедевой.
Этнографические исследования и материалы.**

Ответственный редактор-составитель и автор примечаний Б. В. Горбунов, к. и. н., доцент

Набор и верстка издательства "Голос"
(лицензия ЛР № 030046 от 19.07.1991 г.)

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© В.Коростылев

© Рязанский областной центр народного творчества, 1996 г.

Прядение и ткачество восточных славян в XIX - начале XX в.

Введение

Домашнее ткачество восточных славян, в том виде, как оно сложилось к концу XIX в. и продолжало бытовать вплоть до 1920-х годов, представляет собой сложный комплекс приемов работы и орудий производства различного происхождения, возникших в разные времена, отражающих долгую и сложную историю народного мастерства.

В данной работе описаны процессы, связанные с изготовлением тканей при домашнем прядении и ткачестве; рассмотрены орудия производства с разделением их на основные и дополнительные, на старые и новые формы, установлены их варианты. При этом прослежено географическое распространение приемов и орудий прядения и ткачества на территории восточных славян и в ряде случаев на территориях соседних с ними народов, с датировкой, насколько это было возможно, времени их появления.

Вместе с картографированием и хронологической датировкой других элементов материальной и духовной культуры (жилище, одежда, народные обряды и пр.), а также с данными славянской диалектологии, изучение прядения и ткачества может содействовать решению сложных вопросов этногенеза восточных славян.

Прядение и ткачество у восточных славян проделали длинный путь развития: домашнее ткачество для удовлетворения потребностей семьи, при помощи примитивных орудий; ремесленное и кустарное ткачество в условиях мелкотоварного крестьянского хозяйства; надомничество в условиях раннекапиталистического мануфактурного производства конца XVIII — начала XIX в.; капиталистические прядильные, ткацкие и суконные фабрики с машинным производством и паровыми двигателями 1830-1840-х годов. Это развитие завершилось крупным электрифицированным ткацким производством, организованным в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции.

Предметом настоящей работы является изучение домашнего ткачества конца XIX — начала XX в. «Домашней промышленностью мы называем, — говорит Ленин, — переработку сырых материалов в том самом хозяйстве крестьянской семье, которое их добывает. Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкотоварное крестьянство»¹.

Домашнее крестьянское ткачество было неразрывно связано с сельскохозяйственным трудом и лучше всего сохра-

нялось в черноземной полосе, где меньше были развиты кустарные и отхожие промыслы. Сырьем для ткацкого производства служили лен, конопля, шерсть, получаемые в собственном хозяйстве. Хлопчатобумажная нитка для тканья проникла в это время лишь в пригородные районы, в районы, соседившие с прядильными фабриками, и в крестьянские хозяйства с развитым отходничеством. Весь процесс прядения и ткачества происходил в обычной крестьянской избе. Домотканину из льна, шерсти крестьянин продавал лишь в случаях крайней материальной нужды, а обычно она почти целиком шла на нужды семьи. Домашнее ткачество характеризовалось слабым разделением труда и нередко полным отсутствием этого разделения. Все основные процессы обработки льна и конопли при этом выполнялись исключительно женщинами: одна и та же работница проводила все стадии обработки.

Процесс приготовления пряжи и ткани — настолько длительная, кропотливая и трудоемкая работа, что нельзя не удивляться выдержке, терпению, работоспособности, которые проявили при этом русская женщина, украинка и белоруска. Работа начиналась с осени и продолжалась до весны. Сделанная за это время ткань шла на одежду для семьи; при первой возможности ткань откладывалась в запас. Чтобы соткать три холста (150 м), нужно было затратить около 240 рабочих дней при восьмичасовом рабочем дне. Но всю работу необходимо было сделать за 6 месяцев, — следовательно, приходилось работать по 12-15 часов в день. Кроме того, обязанностью женщины было приготовление пищи, уход за скотом и за детьми. Надо учесть также, что женщины изготавливали не только простые ткани, но и узорные, работа над которыми была еще более трудоемкой. При создании тканей женщина проявляла большой вкус, и нередко ткани являлись настоящими произведениями искусства.

Работая на продажу, ткачиха могла больше всего заработать, изготавливая ткань из кудели, но и это был мизерный заработок, не обеспечивающий даже прожиточного минимума. При обработке же очесок заработок составлял только около 30% заработка, получаемого при обработке кудели, а при обработке отрепьев снижался до 24%. Однако и этот заработок мог быть получен лишь в случае применения улучшенных способов обработки — при наличии самопрялки, вертящейся сновалки. Если же ткачиха пользовалась более примитивными орудиями, ее заработок составлял только 18-20% заработной платы сельскохозяйственного рабочего. Ясно, что при такой нерен-

¹ В. И. Ленин Соч., т. 3, стр. 285

табельности домашнего ткачества оно могло существовать лишь в условиях мелкого крестьянского хозяйства.

Наиболее трудоемким процессом при изготовлении ткани было прядение. Чтобы перепрять 16 кг кудели, нужно было затратить 955 часов. В конце XIX в., с появлением хлопчатобумажной нити, начали применять уток из хлопчатой бумаги, покупаемой на рынке, что значительно ускорило процесс выработки ткани. Это способствовало развитию кустарного ткачества из готовых фабричных ниток.

До самой Октябрьской социалистической революции преобладающая часть сельского населения нашей страны обходилась преимущественно домотканной, особенно южновеликорусы черноземной полосы и белорусы. В наши дни рост зажиточности колхозников, развитие легкой промышленности и торговли на селе дали возможность крестьянке покупать разнообразные ткани для одежды и других надобностей. Труд женщины колхозницы используется в новых отраслях хозяйства, он стал несравненно более производительным.

Домашнее прядение и ткачество в колхозном хозяйстве сохраняются лишь в некоторых районах и имеют второстепенное значение. Они в основном ушли в прошлое, и поэтому представляет большой научный интерес тщательная фиксация их остатков.

Изучение народного ткачества важно также и потому, что высокохудожественные произведения народного творчества используются в качестве образцов на социалистических фабриках и в кооперативных артелях. Так, например, на Украине (с. Дехтари Черниговской обл.) изготавливаются ткани по образцам старинных плахт, ткацкими артелями Рязанской обл. (в г. Сапожке), развивающими народные традиции, в настоящее время выпускаются прекрасные художественные ткани, удовлетворяющие высокие запросы советских людей.

Материалы для этой работы были собраны мною в 1921 — 1932 гг. в РСФСР: в Рязанской, Калужской, Брянской, Тульской, Смоленской, Новгородской, Псковской и Московской областях; в Белоруссии (Гомельщина, Мозырщина, Туровщина, Витебщина); на Украине (Полтавщина); в 1950 г. в Рязанской обл. (Конобеевский и Сасовский районы), в 1951 г. — в Пензенской обл. (Земетчинский район), в 1953 г. — в Смоленской и в Псковской областях, в 1954 г. — в Курской и Орловской областях.

Для изучения коллекций по прядению и ткачеству были использованы следующие музеи: Музей народов СССР в Москве, 6. Московский областной, Государственный этнографический музей народов СССР в Ленинграде, Рязанский, Смоленский, Витебский краеведческие музеи. Кроме полевых и музейных материалов, использована литература, освещающая в той или иной мере вопросы прядения и ткачества у восточных славян.¹

I. Материал

Материалом для изготовления тканей у восточных славян издавна служили шерсть и растительные волокнистые вещества.

Шерсть

В конце XIX — начале XX в. употреблялась в основном овечья шерсть, в небольшом количестве — козья, кроличья и лишь в особых случаях — верблюжья, коровья и собачья².

Где бы ни была родина дикой овцы, — в Южной Европе, Африке или в другом месте, — овца была, вероятно всего, впервые одомашнена древнейшими культурами народами Средней Азии и Египта. В СССР древнейшие археологические находки костей овцы известны Анау близ Ашхабада (IV — III тысячелетия до н.э.), трипольской культуре, в курганах Триалети в Грузии (III тысячелетие до н.э.) и в фатьяновских погребениях Ленинградской области, в междуречье Оки и Волги. Употребление овечьей шерсти на территории восточных славян было возможно, таким образом, с III тысячелетия до н.э. с эпохи неолита. В так называемом Младшем Волосовском могильнике (на р. Оке близ г. Муром), который датируется концом II — началом I тысячелетия до н.э., найдены в числе других предметов кусочки шерстяной коричневой ткани³.

Коровья шерсть употреблялась в конце XIX в. в Каргопольском уезде Олонецкой губ., в Ошвенской и Нифантовской волостях, где при выделке кож оставалось много отходов шерсти. Из нее изготовляли кушаки, попоны, одеяла для себя и на продажу⁴. Верблюжья шерсть шла на сукно — «армячину» (Урал), козья шерсть — на изготовление платков (знаменитые «оренбургские платки»).

Растительные волокнистые вещества

Лен, конопля, крапива, липовое мочало издавна употреблялись как прядильный материал.

Лен

Родиной льна считают Персию, Кавказ, Малую Азию. Лен культивировался в шумерийских городах-государствах в начале III тысячелетия до н.э. В Египте в эпоху Древнего Царства лен разводился уже в большом количестве, и в это время изготовлялись льняные ткани: саисскую и в эллинистическую эпоху льняные ткани Египта вывозились в греческие полисы и в Рим. По свидетельству Плиния Старшего, лен был известен в его время (1 в. н.э.) в Галлии и Германии. О льняной полотняной одежде германцев упоминает Тацит; ее носили женщины и высокопоставленные люди⁵. О чрезвычайном разнообразии полотняных тканей свидетельствует известный эдикт императора Диоклетиана 301 г. н.э. «о продажных ценах».

¹ Приношу благодарность В. Н. Белицер, давшей мне сравнительный материал по прядению и ткачеству тюрко-финских народностей Поволжья, и Д. В. Найдич за консультацию по ряду вопросов. Покойный Е. М. Шиллинг сообщил мне сведения о ткацких станках бытующих на Кавказе.

² В народной медицине употреблялись до недавнего времени изделия из собачьей шерсти. В ряде мест (например, в Рязанской обл.) ревматикам рекомендовали носить чулки из немой собачьей шерсти, что, согласно поверью, излечивает эту болезнь. Н. Я. Никифоровский сообщает, что в Белоруссии носили нитки и «пояса» из собачьей шерсти на руках, ногах, шее, тем, кто боится собак (дер. Софоненки б. Полоцкого уезда Витебской губ.). (Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного быта в Витебской Белоруссии и описание предметов обихода. Этнографические данные. Витебск, 1895, стр. 150).

³ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 81.

⁴ Н. Р. Левинсон и Н. Я. Маясова. Материальная культура русского Севера. Сб. «Историко-бытовые экспедиции 1949 — 50 гг.». М., 1953, стр. 130.

⁵ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 147.

В Восточной Европе лен был известен с глубокой древности. Древнейшей установленной пока датой для нашего Севера является начало II тысячелетия до н. э. На р. Модлене (близ оз. Воже Вологодской обл.) «в свайном поселении в торре были найдены не только семена культурного льна, но и часть деревянной прялки», описанные А. Я. Брюсовым¹.

Кусочек полотняной ткани найден в упомянутом выше Младшем Волосовском могильнике². Однако А. Я. Брюсов не упоминает о результатах анализа волокна, который необходим для установления наличия именно льняной, а не конопляной или крапивной ткани. Бесспорно, в Восточной Европе в VII в. н. э. уже употребляли полотняную, именно льняную ткань (раскопки В. И. Равдоникаса в Старой Ладоге).

В диком виде лен растет в южнорусских степях, где он мог быть использован как масляничное и волокнистое растение еще до начала земледелия. По мнению Б. А. Куфтина, предки восточных славян начали употреблять льняные ткани значительно раньше, чем население Западной Европы³. Он считает, что источником, откуда могла у них появиться льняная одежда, была «Средиземноморская область, находившаяся через черноморские колонии в близком общении с населением восточной Европы»⁴. Вполне возможно, что это был один из путей, по которому шел лен, но, вероятно, не единственный. Территория восточных славян настолько велика, что для отдельных ее частей могли существовать разные пути развития обработки льна.

Конопля

Предполагают, что родиной конопли является Средняя Азия, юго-восточная Европа и, возможно, Китай.

В V в. до н. э. конопля была известна у скифов, которые из ее семян изготавливали опьяняющий напиток. Согласно Геродоту, конопля была единственным волокнистым растением у скифов. Она росла у них в диком виде, а также засеивалась. Однако ничего не сообщая о ткани из конопли у скифов, Геродот прямо переходит к рассказу о фракийцах, которые из конопли ткали и приготавливали «платье, до такой степени похожее на льняное, что человек, недостаточно опытный, не сможет узнать, сделано ли платье из конопли, или льна, а кто никогда не видел конопляной материи, тот примет такое платье за льняное»⁵.

В раскопках Старой Ладogi VII-IX вв. конопля представлена зернами и изделиями — веревками, а лен «встречен в виде остатков чешуи, зерен и тканей из льняного волокна»⁶. А. В. Збруева⁷ сообщает, что в верхнем слое Пижемского городища (X в.) были обнаружены следы употребления конопли. Персидский географ Гардизи в X в. упоминает о «рубашах» славян⁸. О выращивании льна

и конопли свидетельствует Устав Ярослава (XI в.)⁸.

Такие сравнительно поздние сведения о конопле, еще не говорят о времени ее появления. Конопля могла обрабатываться на территории восточных славян и в очень древнее время, так как в Поволжье и на Украине она была известна в диком виде. (Местное население Западной Сибири и Средней Азии, где конопля также растет в диком виде, кое-где продолжало ею пользоваться для получения волокна и выделки конопляного масла в 1920-х годах). Возможно, что ее употреблял еще до начала земледелия неолитический человек. На древность употребления конопли указывает применение конопляных ниток для плетения сетей даже в таких районах, в которых лен в настоящее время является преобладающей культурой. Например, рыбаки на оз. Ильмень и на Псковском озере уверяют, что рыба будто бы лучше идет на запах конопли. Это суждение рыбаков свидетельствует об исконности применения конопли для вязания сетей.

Ткани из конопли — посконный холст (Рязанская, Тульская области), замашный холст (Брянская обл.) — были еще в XIX в. очень широко распространены у белорусов, украинцев и у южновеликорусов (Рязанская, Калужская, Орловская, Курская и другие области). Замашечные, т. е. конопляные, рубахи носили во всем Брянском Полесье. В Тульской губ. в 1856 г. отмечалось наличие рубах посконных, так как лен сеялся мало⁹.

Еще более широко употреблялись конопляные ткани у тюркских и финских народов Поволжья (мордва, мари, удмурты, чуваша, касимовские и казанские татары).

Посевы конопли были широко распространены у русского населения Сибири с самого появления его там. Крестьяне Илимского воеводства в XVII в. сеяли коноплю почти в каждом дворе (в 88 из 100), и не только на масло, но и на волокно. Они вносили в казну пеньку и холст «на парусы»¹⁰ и, очевидно, изготавливали из холста и одежду.

Вопрос о времени появления льна и конопли на территории восточных славян уже давно мог бы быть разрешен путем тщательного анализа тканей, изготовленных из растительных волокон, найденных в Волосовской стоянке близ Муром, в Абашевских курганах, а также в грунтовых погребениях II-VII вв. Однако такой анализ до сих пор не произведен, а между тем археологи часто называют фрагменты, найденные в раскопках, льняными, упуская из виду широкое распространение тканей из конопли; кстати, они забывают еще об одном волокнистом растении — крапиве, которая широко применялась в древнее время и недавно еще использовалась некоторыми племенами Севера.

Крапива

Крапива растет повсеместно и является очень неплот-

¹ А. Я. Брюсов. «Сетчатая» керамика. СА, XIV, 1950, стр. 298; его же. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М. 1952. стр. 129.

² А. Я. Брюсов. «Сетчатая» керамика, стр. 302 и рис. 12,5; его же. Очерки по истории племен..., стр. 81.¹ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. 1. «Труды Государственного музея ЦПО», вып. 3. М., 1926, стр. 20.

³ Там же, стр. 22.

⁴ Геродот. История. Перевод с греческого Ф. Г. Мищенко, т. 1. М., 1885, стр. 330.

⁵ В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, XII, 1950, стр. 39.

⁶ К вопросу о появлении домашних животных в Прикамье. СА, III, стр. 47, 51.

⁷ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью (1893-1894). «Записки Академии наук», т. 1. СПб., 1897, N 4, стр. 123.

⁸ Д. Я. Самоквасов. Памятники древнего русского права, ч. 1. М., 1908 стр. 141.

⁹ Этнографические сведения о государственных крестьянах Тульской губ., сообщенные Соколовым (АГО, XII, стр. 27, 48).

¹⁰ В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Пашня Илимского воеводства в XVII и начале XVIII в., т. 1. Иркутск, стр. 331, 332, 335-337. Сообщая об этих фактах, автор неосновательно предполагает, что холст делали из льна. О посевах льна в то время нет никаких указаний в исторических источниках; речь идет, очевидно, о конопляном холсте. «Ни одного гектара» льна не сеяли, по сообщению самого Шерстобоева, на современной территории б. Илимского воеводства и во время издания им книги.

¹⁰ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. 2 Л., 1947, стр. 276.

хим волокнистым растением. В торфянике близ Антреа на западном берегу Ладожского озера была найдена рыболовная сеть неолитической эпохи, предположительно из крапивы или лыка¹⁰. Косвенные данные позволяют считать, что в далеком прошлом крапива в какой-то степени могла использоваться славянами для выработки ткани. В памятниках XI-XII вв., правда, нет никаких упоминаний о ткани из крапивы, но в русских народных сказках рассказывается о рубашках из крапивного волокна. Кроме того, в конце прошлого века употребление крапивы для пряжи было известно в детских играх. В деревнях Рязанской губ. девочки пряли волокна крапивы для получения ниток, которыми шили из тряпочек платья для кукол, — готовых ниток матери не давали (Астромино Рязанского района и Городецкое Старожиловского района)¹.

Мочало

Мочало, получаемое из луба липы, употреблялось повсеместно для вития веревок и производства кульков, рогож, решет. В раскопках В. И. Равдоникаса на Ладожском озере, на неолитических стоянках были найдены веревки от рыболовных сетей, сплетенные из мочала². Область распространения городищ с «рогожной» керамикой частично совпадает с распространением липы. Отпечатки рогож встречаются на черепках городищ дьякова и городецкого типа, что говорит о широком ее применении в древности. У древних германцев лыко употреблялось для изготовления плащей, поясков и пр. Ряд русских пословиц указывает на применение рогожи в старину в качестве одежды: «В рогожу одеться, от людей отречься»; «Всей одежи три рогожи да куль праздничный»; «Не к роже рогожа, не к лицу епанча» и др.³ В дер. Мосолово Шелуховского района бывшей Рязанской губ. — одном из центров изготовления рогож — рогожный кулек, свернутый двумя углами, воткнутыми один в другой, употреблялся в конце XIX в. как плащ от дождя, а в самой Рязани можно было видеть фонаричков, накрытых таким же образом рогожей во время дождя.

Много раз поднимался вопрос о сравнительной древности употребления тканей из шерсти и тканей из растительных волокнистых веществ. Д. К. Зеленин категорически утверждает, что шерстяная ткань древнее, чем ткань из растительных волокнистых веществ⁴. Б. А. Куфтин также считает шерстяную одежду восточных славян древнее льняной: «рубашке из растительных волокон льна и конопли в Восточной Европе должна была предшествовать шерстяная одежда»⁵. Свою мысль он подтверждает, между прочим, указаниями на шерстяные вышивки по полотну, крашенные мареной, у русских и мордвы, на шерстяные подолы, пришиваемые к низу украинских рубашек, объясняя это как пережиток ношения привычных шерстяных материалов. Куфтин указывает также на преобладание шерстяных тканей, при наличии небольшого количества льняных фрагментов, в греческих и скиф-

ских курганах⁶, славянских курганах Средней России и

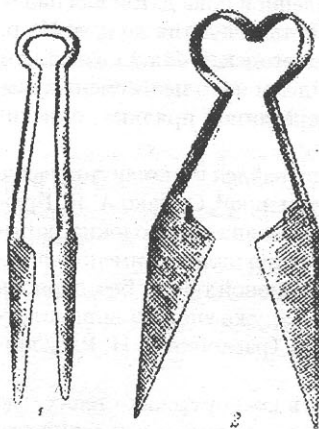

Рис. 1. Ножницы для стрижки овец

1 — из Старо-Рязанского городища XI — XIII вв.; 2 — современные

финских могильников XI — XII вв. Это подтверждается и этнографическими материалами из Рязанской и Тульской областей. Там наблюдалось еще в XIX в. обилие шерстяных женских тулупов, никообразных по покрою, одежды; таковы шушкы, кофманы, желтики, котосы, рые предшествовали, несомненно, рубахе с косыми поликами, известной уже в XVI в., хотя на исключено и более раннее бытование последней. Но все эти факты еще не могут считаться бесспорным доказательством того, что шерстяная одежда появилась раньше одежды из растительной ткани.

II. Подготовка материала к прядению

Процессы, необходимые для подготовки материала к прядению, различны для шерсти и для растительных волокнистых веществ.

ПОДГОТОВКА ШЕРСТИ

Получение шерсти от животного

В настоящее время для снятия шерсти с животного повсеместно применяется стрижка. Ножницы для стрижки овец состоят из железной упругой пластины, согнутой вдвое, концы которой заходят друг на друга и служат лезвиями (рис. 1).

Древнейшие находки таких ножниц датируются началом III в. до н.э.⁷ На Западе этот тип ножниц известен в латинской культуре. В Восточной Европе они встречаются в большом количестве в славянских курганах XII — XIII вв. (владимирские курганы, Старая Рязань, Новгород), найдены также и в одном из мордовских могильников XI — XIII в.⁸

Ножницы обычного типа из двух половинок — лезвий с кольцами на концах, соединенных посередине, о которых говорит известная народная загадка, были распространены в русских городах уже в XI — XIII вв. Они найдены в большом количестве при археологических раскопках в Старой Рязани⁹. Возможно, что через арабов они попадали к волжским болгарам, откуда распространились по нашим городам. Однако в крестьянское хозяйство они проникали слабо, а для стрижки овец никогда не употреблялись; повсеместно применялись для этого ножни-

¹ Крапива как прядильный материал была известна у народа Крайнего Севера: ханты изготовляли из нее холст для одежды и сети; орочи в районе современной Советской гавани и ительмены Камчатки также плели из нее сети (Н. П. Григоровский. Очерки Нарымского края. «Записки Зап.-Сиб. отд. Геогр. об-ва», 1882, кн. 1, гл. V Б. А. Васильев. Описание коллекции, приобретенной Тунгусской экспедицией Центрального музея народоведения в 1928 г. (рукопись); С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.-Л., 1949, стр. 238).

² В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. 2, стр. 276.

³ В. Даль. Толковый словарь великорусского языка.

⁴ D. Zelenin. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin -Leipzig. 1927, стр. 149.

⁵ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 22.

⁶ Там же, стр. 20, 21.

⁷ А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 110.

⁸ А. Е. Алихова. Куликовский могильник. СА, X, 1948, стр. 284.

⁹ А. В. Арциховский. Введение в археологию, стр. 152.

ицы первого типа. В XIX — начале XX в. они были в дехревной основной формой ножниц. Н. Я. Никифоровский д-пишет, что в Белоруссии они употреблялись для кройки а-и вместо шила, циркуля¹. В русской деревне еще в нача- тиле XX в. можно было видеть полосатые головы ребят, йвыстриженные такими ножницами.

Если ножницы для стрижки овец появились сравни- тельно поздно, то невольно возникает вопрос, каким спо- у-собом получали ранее шерсть от животных. На это могут ука-зывать бытующие до настоящего времени приемы ее по- лучения: 1) собирание шерсти во время линьки (у коз ее о-собирают прямо руками); 2) вычесывание при помощи е-гребенки; костяные гребенки с крупными зубьями, изве- ст-ные на городищах дьякова типа, возможно, употребле- йлись для этой цели; 3) срезание шерсти острым ножом; 4) соскабливание шерсти со шкуры животного ножом или бритвой. В неолите существовали многочисленные скреб-

лезные бритвы, бритвы-скобели, применяемые до сих пор скорняками. Со шкурок кроликов в настоящее время сбри- вают шерсть при помощи обычных бритв, вплоть до без- опасных.

Чесание и битье шерсти

Подготовка шерсти к прядению заключается или в разборке ее руками, или в чесании и битье. Иногда прядут шерсть, только разобранную руками; из полученной грубой нитки изготавливают чулки и перчатки. Шерсть для тканья обычно чешут или бьют.

Шерсть чешут для того, чтобы разрыхлить ее и при- дать волокнам одно направление. Существуют два спосо- ба чесания шерсти: чесание деревянным гребнем и битье лучком со струной (с «тетивой», как говорят в Новгород- ской обл.). Деревянные гребни встречаются двух типов: вертикальные (лопатообразные) и горизонтальные (рис. 2). Вертикальные гребни представляют собой лопату с длинной рукояткой; на лопасти нарезаны зубья, ручка гребня нижним концом вставляется в донце или в скамью (1). Гребенку (2) берут в руку и ею чешут. Горизонталь- ный гребень — щетка — узкая доска с расширением по- середине в виде круга, в который перпендикулярно встав- лены, как щетка, деревянные или железные зубья (3); гребень кладут при работе на лавку; иногда щетка дела- ется без доски (4).

Вертикальные гребни известны у русских, белорусов и у большей части украинцев, горизонтальные гребни — у населения юго-западной Украины, Закарпатья и юго- западной Белоруссии. Те и другие известны также лит- овцам.

Лучок² (рис. 3) представляет собой круглую палку дли- ной от 1,8 до 1,87 м и толщиной 9 см. На расстоянии 20 см от одного края и 15 см от другого края к палке приде- ланы четырехугольные дощечки, называемые кобылками (б); через кобылки натянута струна из овечьих кишок (а). Струна натягивается при помощи натяговича (в), т.е. короткой палочки, вставляемой между кобылкой и луч- ком в петлю, образованную струной. Натягович называ- ют также перо-зубец. Струну натягивают путем закручи- вания. Лук делается из березы самим мастером, струна покупается.

Лучок прицепляют при помощи чапельки (д) — петли из веревки — к кольцу (г), ввернутому в стену. По стру- не бьют инструментом, называемым катеринка (Брян- ская обл.), боек (Московская обл.), матренка (Киров- ская обл.), напалок (Ярославская обл.). Это круглый бру- сок, длиной 20 см, диаметром 10 см, сделанный из бере- зы; на одном его конце делают вырез-рубец, — задевая за него, струна сильнее бьет по шерсти. На другом конце катеринки прикреплена петля из ремня, которая надева- ется на руку работающего.

При разрыхлении шерсти кладется на решетку (е) из деревянных пластинок длиной 100 см, связанных в трех местах на расстоянии друг от друга 0,6 см, отчего образу- ются небольшие промежутки, в которые во время битья шерсти проваливаются на пол сор, грязь и отходы. Од- ним боком решетка прикрепляется к стене на высоте око- ло 1,5 м, а под другим ставится упорище (ж) — палка с острием на конце, втыкаемая наискось в стену, чтобы

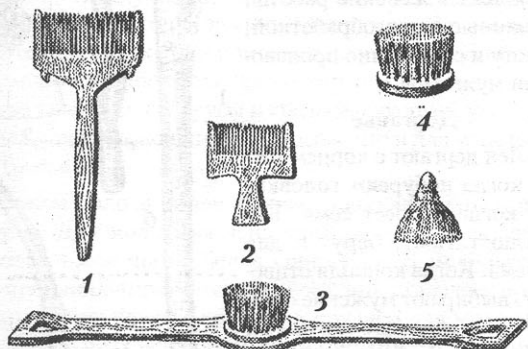

Рис. 2. Орудия для чесания льна, конопля и шерсти 1 — гребень; 2 — гребенка (с. Рождествено Тульской обл.); 3 — щетка с деревянными зубьями (с. Таль Минской обл.); 4 — щетка с железными зубьями (Полтавская обл.); 5 — щетка волосяная (дер. Толбица Псковская обл.)

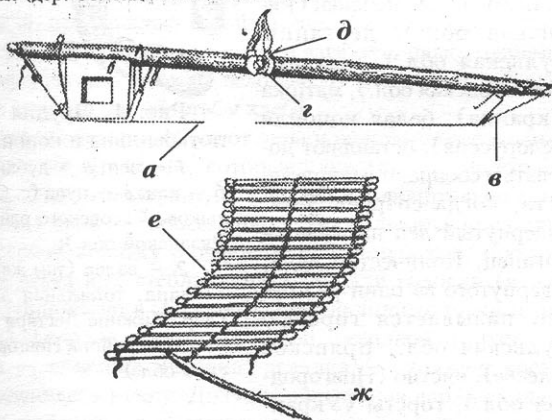

Рис. 3. Лучок со струной для разбивания шерсти (г. Почеп Брянской обл.) а — струна; б — натягович; г — кольцо; д — чапелька; е — решетка; ж — упорище

ки: возможно, что ими счищали не только мездру, но и волос. Изогнутые кремневые пластинки очень близки по форме к железным скобелям, которые употребляют скор- няки для соскабливания волос со шкуры. Известны же-

¹ Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 172.

² Раздел об обработке шерсти при помощи «лучка» перенесен из ранней работы «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом и 1926-ом годах)», ч. 1. М., 1927, стр. 122 - 123.

поддержать решетку. С боковых сторон решетки подвешивается полоса холста, называемая фартук, на которую сваливается битая шерсть.

Процесс работы заключается в следующем: шерсть кладется на решетку, мастер левой рукой держит на весу лучок, подвешенный к chapelке так, что струна находится немного выше разложенной на решетке шерсти, а правой рукой при помощи катеринки ударяет по струне, которая начинает колебаться и разбивает верхние слои шерсти. Шерсть сваливается на фартук. При движении струна издает очень своеобразный звук, по чистоте которого можно узнать, насколько «ловок» мастер. Когда работают несколько мастеров, они стараются бить в такт, и получается своеобразный концерт.

Лучок известен у южных великорусов в Рязанской обл. (например, Польное-Ялтуново, Астромино, Веря и др.), Тульской обл. (Каменев, Гремячее, Шатово), Калужской, Брянской, Орловской и Курской областях; его знают и средние великорусы — в Московской обл. (Куликово б. Дмитриевского уезда), северные великорусы — в Калининской, Ярославской, Ивановской, Кировской, Новгородской, Псковской областях, у украинцев он известен на Полтавщине и Черниговщине¹. Предположение, что струна на Украине заимствована у русских (как считает Д. К. Зеленин), очень мало вероятно.

Генезис этого инструмента следует искать в какой-либо древней скотоводческой культуре, типа фатьяновской или срубной. Большой ареал распространения у степных скотоводческих народов и древность струны делают предположение о позднем заимствовании ее украинцами у русских неуместным. Струна применяется для приготовления шерсти, предназначенной для валяния сапог, шапок, изготовления войлока, для конской упряжи, а в Средней Азии — для изготовления кошм.

Струна, видимо, генетически больше связана с валяльным производством, чем с ткачеством. Она известна также у финнов Поволжья, у литовцев, в Крыму, в Средней Азии у киргизов, в Казахстане, а за рубежом — у болгар, в Иране и в Индии².

Новым способом разбивания шерсти явилось битье ее на шерстобитной машине. Машина, стоившая несколько сот рублей, была недоступна по цене одному хозяину, а по количеству обрабатываемого материала не была нужна для одного хозяйства. Находились два-три богатых крестьянина, которые заводили сообща шерстобитную машину и ею обслуживали довольно большую округу, принимая заказчиков у себя на дому или объезжая с машиной целый район; при этом они получали за пользование машиной известный процент или деньгами или натурой от количества битой шерсти. С 1918 г. сельская кооперация взяла все шерстобитные машины в свои руки. В настоящее время владельцами машин являются колхозы и промысловые артели.

ПОДГОТОВКА РАСТИТЕЛЬНЫХ ВОЛОКНИСТЫХ ВЕЩЕСТВ

Выращивание льна и конопли

Для выращивания волокнистых растений необходима соответствующая обработка земли и посев семян. Для этого употребляются те же сельскохозяйственные орудия

и машины, как и для хлебных злаков.

Посев льна в крестьянском хозяйстве сопровождался в прежние времена многочисленными обрядами. Это свидетельствует о том, что лен был для крестьян особо ценным культурным растением. Что же касается посева конопли, то в связи с ним почти никаких обрядов не известно. При посеве льна соблюдались различные приметы: сеяли его в то время, «когда с осины пух летит» (Староселье на Витебщине) или «когда калина цветет» (Александровка Брянской обл.), и т.п.

Лен обычно сеяли до конца мая. Считалось, что хорошо сеять его по картофелю (Милашевичи на Мозырщине). В Новгородской обл. лен сеяли на нови. Землю под лен обычно удобряли особенно тщательно. Пахали под лен один раз, иногда два раза. Боронили один раз, а в северных областях — до трех раз. Если лето было дождливое, то лен пололи. С полки льна начинались женские работы, связанные с его обработкой; пахоту и сев обычно производили мужчины.

Дерганье

Лен дергают с корнем тогда, когда побуреют головки, т.е. когда поспеет семя. Коноплю тягают, берут в два приема. Когда конопля отцветает, выбирают мужские стебли, называемые головни (Тульская обл.), поскань (Рязанская обл.), плоскин (Украина) или синяя конопля (Белоруссия). Женские стебли, называемые моченец (Рязанская обл.), дерганцы (Тульская обл.), мыканка (Новгородская обл.), матірка (Украина), белая конопля (Белоруссия), оставляют дозревать и собирают в конце августа, когда созреет семя. Выдернутый лен называется дерганец. Количество льна, выдернутого за один раз рукой, называется горстью (Тульская обл., Брянское Полесье), пясно (Новгородская обл.), горсты (Украина), жмен (Белоруссия). Эта горсть служила единицей измерения собранного льна. Несколько горстей составляют сноп. Количество горстей в снопе очень неустойчиво — от двух до восьми. В Тульской обл. в Гремячем сноп состоит из двух-трех горстей, в Шатово — четырех-пяти, в Московской слободе — шести, в Новгородской обл. Подберезье — трех-четырех, в Белоруссии в Тонеже — шести-семи, в Милашевичах — четырех-пяти. На Укра-

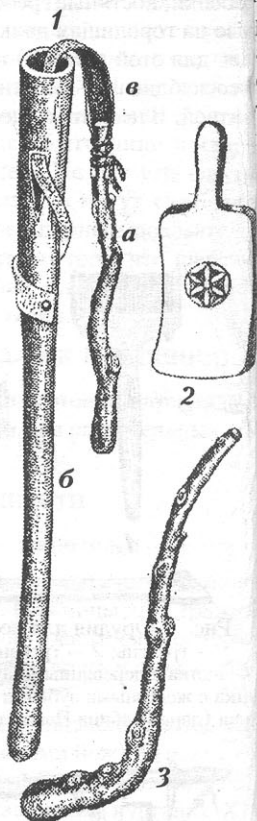

Рис. 4. Орудия для обработки льна и конопли. 1 — цеп; 2 — валец (там же); 3 — лапа, топальная лапа (дер. Нижние Дегтяри Залучского района Новгородской обл.); 4 — дубинка; 5 — пуца (с. Салтыково Сасовского района Рязанской обл.); 6 — кац.

¹ Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Пг., 1916, стр. 494.

² У многих скотоводческих народов в степных и горных областях (например, у казахов, киргизов, алтайцев) сохранилось употребление более примитивного орудия для разбивания шерсти: это просто две наложки, которыми бьют по разостланной слою на земле шерсти.

ине сноп (мандаль) состоит из семи-восьми горстей. В б. Полтавской губ. четыре-пять жменей составляют снопик стеблей — горстку, 30 горсток — полукіпок, два полукіпка, или 60 снопов — копу¹. В копне в Белоруссии содержится до 50 снопов, в Брянском Полесье — до 100 снопов. Характерно то, что все копны льна ставят в форме бабок; снопы ставят стоймя, кверху головками, осякже и в тех местах, где для хлеба употребляется складывание крестцами (южновеликорусы, Украина).

Обмолот и другие способы удаления семян

Удаление семян волокнистых растений производится или раздавливанием коробочки с семенами (обмолот), или резыванием головок. При молотье ударами раздавливается верхняя часть стебля, при срезывании же головок верхняя часть стебля пропадает. В результате обмолота отделяются семена, идущие на посев и выделку растительного масла, и стебель, из которого вырабатывается волокно. Общая потеря волокна при обмолоте и срезывании головок достигает в среднем 10 — 15%. Еще в XIX — начале XX в. головки удаляли или без орудий, протергивая их между пальцами рук (например, Зиновьево в Заонежье), или топча ногами (например, Запесочье в Белоруссии), или же при помощи различных орудий: цепями молотили коноплю, вальками и лапами — лен. Южновеликорусы, белорусы и средневеликорусы употребляли для молотьи конопли те же цепи, что и для молотьи хлеба (рис. 4, 1).

Вальком молотили лен южновеликорусы, украинцы, белорусы. Для молотьи льна употребляли валеk, применяемый и для мытья белья (рис. 4, 2). В Белоруссии валеk применяли при молотье проса; это заставляло предполагать, что он служил когда-то и орудием для молотьи хлеба. У западных эстонцев известна молотья хлеба колоушками. В некоторых местах валеk употреблялся при молотье льна, но был неизвестен при мытье белья. Лапа, употреблявшаяся для молотьи льна в Новгородской обл. (рис. 4, 3), а также на Севере в местах бывшей новгородской колонизации, представляет собой сделанную из копани — ствола дерева, выкопанного с корнем загнутую палку, напоминающую ступню и голень человека. В этих местах она служила также и для молотьи хлеба.

Таким образом, обмолот льна и конопли производился теми же орудиями, которые служили для молотьи хлеба. Одно только орудие связано исключительно с обмолотом льна — бросальница. Бросальница представляет собой лопатку с очень толстыми зубьями; продергивая через них стебли льна, отдирали головки (в том же с. Зиновьево в Заонежье, где удаляли головки и руками). Головки срезывали косой, резалкой и драчком. Коса — обычная литовка; резалка — обломок косы, ставленный в ручку. Драчок — железная двойная пластинка-вкладыш, в которую вставлено от трех до четырех зубьев в форме острия косы. Он встречается в Плянове, Толбице, Обиже на Псковщине. Территория его распространения охватывает бассейн р. Великой и побережье Ильменя. Упрощенный драчок известен на Смоленщине, Витебщине и в Московской обл. Драчок характерен для Прибалтики, где он известен у литовцев и латышей. Близкий к драчку инструмент, сделанный из кости, известен по раскопкам в Эстонии и датируется I

в.н.э. (по сообщению проф. Моора).

На прилагаемой карте нанесены три ареала примене-

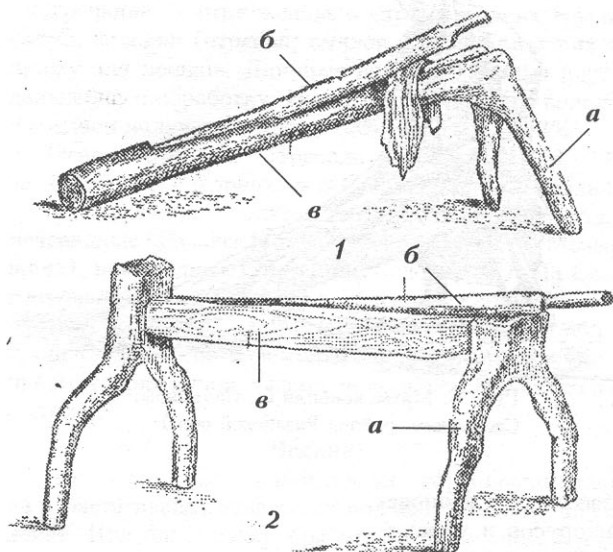

Рис. 5. Мялки

1 — мялка наклонная из копани; а — пожки; б — било; в — щечки (с. Бояничы Любанского района Минской обл.); 2 — мялка горизонтальная на пожках из корня дерева; а — пожки; б — язычок (било); в — щечки (с. Грабово Копаткевичского района Гомельской обл.)

ния различных орудий и приемов обмолота льна и конопли. Первый ареал (обмолот цепями и вальком) охватывает территорию расселения южно- и средневеликорусов, части белорусов и части украинцев; второй ареал (обмолот лапой) — Новгородскую обл. и области новгородской колонизации на северо-востоке; третий ареал (обмолот драчком и близкими к нему по типу орудиями) — Псковскую и Новгородскую области и восточную Прибалтику.

Так как в орудиях обмолота льна и конопли следует, несомненно, видеть очень древние типы орудий, то ареал их распространения может свидетельствовать о древних культурных связях между славянами, жившими по Ильменю и Чудскому озеру (Новгород, Псков) и населением Прибалтики, что подтверждается также и другими культурными параллелями.

Стлание и мочение льна и конопли

Эти процессы имеют целью разложить и удалить вещества, склеивающие волокна между собой и с древесной стебля.

При первом способе расстилают на лугу обмолоченные стебли льна и конопли (поскони) тонким равномерным слоем. Разостланный лен или конопля лежат 15 — 20 дней. Делается это в сентябре — октябре. Обилие рос и тепла считается при этом благоприятным условием. Мочение заключается в погружении стеблей в пруд, болото или в специально вырытую в низине яму, которая быстро наполняется почвенной водой. Вылежавшиеся или вымоченные стебли сушат.

Стлание — очень широко распространенный прием,

¹ Сообщение Д. В. Найдич.

Рис. 6. Мятё конопли (с. Салтыково Сасовского района Рязанской обл.)

известный у южновеликорусов и украинцев; мочение же свойственно главным образом Псковской, Ярославской и Вологодской областям. У северных великорусов в районе Хола и Великих Лук сохранилось больше стлание льна, чем мочение. Преобладание того или иного приема, по-видимому, отчасти связано с климатическими условиями; в районах с более суровым климатом лен хуже вылеживается, поэтому его мочат. В конце XIX в. 85% всего льна подвергалось стланию и 15% мочению. Коноплю мочат всегда.

Мочат лен и в тех районах, где имеет место промысловая переработка его.

В Новгородской обл. ранее практиковали стлание льна, а с тех пор, как начали вывозить лен-волокно на продажу, стали его мочить, потому что большое количество волокна немислимо обработать стланием; так объясняли это, например, крестьяне в Порховском районе.

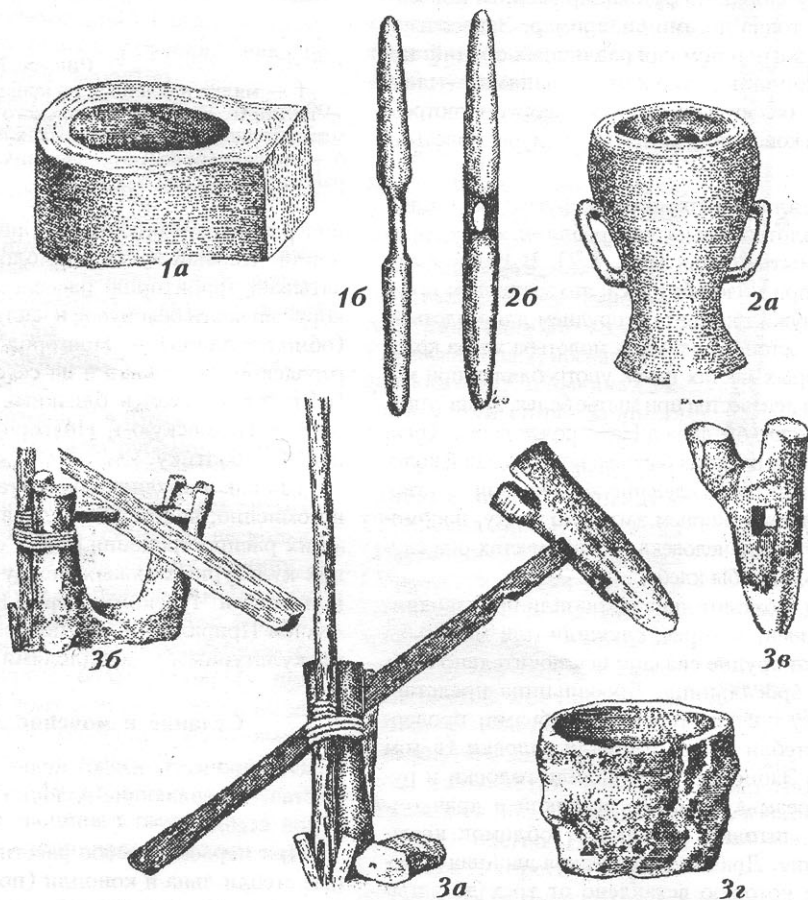

Рис. 7. Ступы для толчения льна и конопли
1 — ступа ручная: а — стулак; б — пиктиль (с. Вяземка Земетчинского района Пензенской обл.); 2 — ступа ручная: а — ступа; б — пехтель (с. Польшое-Ялтуново Конобесевского района Рязанской обл.); 3 — ступа ножная: а — общий вид; б — подножка; в — товкач; г — ступа (с. Таль Любанского района Минской обл.)

Мятё
Мятё — изламывание древесины с целью отколоть кострику от волокна. Волокно составляет 18 — 20% кострика — 80% всего веса снопа. Для мятя служили мялки: 1) наклонные или горизонтальные и 2) вращающиеся (терницы).

Старинные наклонные мялки (рис. 5, 1) делались из копани, цельного небольшого дерева, вырытого с корнем. Корень служит ножками (а), а било (б) вырезалось из ствола; оставшиеся боковые части ствола назывались щечками (в). Било — трехгранное в сечении, с острым углом, направленным вниз. В тех местностях, где волокно обрабатывалось в большом количестве на продажу, билы бывали двойными, с двумя острыми параллельными ребрами на нижней поверхности.

Горизонтальные мялки (рис. 5, 2) позднего типа делались из отдельных кусков дерева на двух или четырех ножках (а) с небольшим ножевидным билом (б). На Украине (Полтавщина) употреблялись для мятя две мялки: битка и терница (здесь термин «терница» перенесен

на горизонтальную мялку). Обе — с подставками и ножками и щечками из досок. Рядом с терницей между ними в разном положении (била). Битка — из больших размеров, нередко трехгранная, а у терницы — из большой, да ножевидный. При обработке льна употребляли и другие битки и терницы. Битка разламывает трепу (кострику) терница служит для отделения костриков. Переходной формы является мялка с приставными ножками из копани (см. рис. 5, 2).

Горизонтальные и наклонные мялки были распространены у всех групп восточных славян.

вян.

Вертящаяся мялка — терница¹ — состоит из столба высотой 1,5 м, на который на высоте 60 см от земли, как на вертикальную ось, надет деревянный круг; в этот круг вставлено девять стоек — четырехгранных палочек высотой 0,5 м. Сверху она укреплена в кружке такого же диаметра, как нижний круг. К нижнему кругу наглухо прикреплена доска до 2 м длиной, служащая как бы рычагом. При помощи этой доски двое работающих вра-

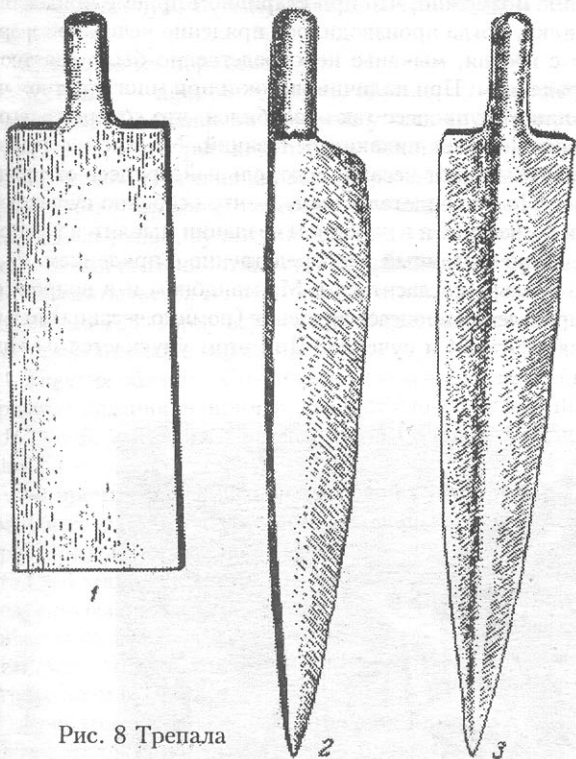

Рис. 8 Трепала

щают мялку вокруг средней оси, ходя вокруг мялки. Эти терницы по конструкции очень близки к кожемалкам, применявшимся у бурят. Можно предположить, что древний способ мятья кож (а обработка кож вообще древнее обработки волокнистых веществ) был перенесен на обработку льна. Улучшенным орудием является вальцовая мялка, состоящая из двух вращающихся валов с узкой щелью между ними. Она была распространена в тех местах, где волокно льна шло на продажу (Смоленская, Литовская, Новгородская и Псковская губернии).

Коноплю-моченец везде толкли в ступе, без мялки. В некоторых местах (Витебская обл., Мозырщина) лен дополнительно также толкли в ступе. Ступы были ручные и ножные (рис. 7). Ручные ступы были распространены у восточных славян повсеместно, кроме юго-западной части Белоруссии, Волыни, Подолии и Карпат, где употребляли ножные. Ручные ступы употреблялись обычно и для «отолакивания» проса — отделения верхней вердой кожицы — «лузги» и для изготовления пшенной муки. Известна местами и двойная ступа: с одного конца она служит для толчения проса, а перевернутая — для толчения льна (Киселево Старожиловского рай-

она Рязанской обл.).

Трепание

Трепание — отряхивание костры и мелких грубых частиц волокна (отрепья, смялов — укр.), идущих на пряжу для мешков. Длинные волокна (мычка) идут на дальнейшую обработку. Из общего количества волокна в среднем получается мычки 83%, отрепья — 17%.

Основное орудие — трепало — известно с VII — IX вв. (раскопки Равдоникаса в Старой Ладоге). Различают трепала (рис. 8) лопатообразные (Московская обл.), мечевидные (Рязанская и Горьковская области, Мозырщина), ножевидные (Липляны, Белоруссия). На Севере трепала обычно покрыты долбленной трехгранной резбой или росписью. На Полтавщине и в Курской обл. в прошлом коноплю и лен трепали («тіпали» — укр.), просто ударяя пучок льна и конопля о стойки битки или о столб².

Чесание

Чесание — дальнейший процесс сортировки волокна и растягивание отдельных волокон в одном направлении. При тщательной обработке ручным способом волокнистое вещество чесали до трех раз. Для чесания служили гребни того же типа, что и для чесания шерсти (см. рис. 2, 1 — 4), и на той же территории. Большой костяной гребень для чесания льна был найден в Гродненском городище, в слое XII — XIII вв.³

Щетка волосная для чесания (рис. 2, 5) делалась следующим образом: свиную щетину связывали в пучок наподобие большой кисти и один конец обматывали растопленной еловой смолой: вынув из смолы, свободный конец щетки расставляли наподобие зонтика и между щетинами тоже наливали смолу и давали ей застыть. Женщины клали горсть чесаного льна (намычку) на колени и, придерживая лен левой рукой за конец, правой чесали щеткой. Как единственное орудие чесания льна щетка была известна в Новгородской и Псковской областях и в пределах новгородской колонизации на севере; в других местах она встречается вместе с гребнем (Тульская, Московская, Смоленская области, Белоруссия и Украина). Волокно накладывали маленькими пучками между зубьев деревянного гребня и чесали небольшой деревянной гребенкой, затем разглаживали щеткой, что называлось мыкать мычки. В результате чесания получали кудель — длинные, лучшего сорта волокна; верховину, клочанки — очески, остающиеся на гребне после первого чесания; пачеси (пачосы) — мягкое волокно, остающееся на щетке, на меленькой гребенке, — продукт второго чесания.

Процентное соотношение разных сортов волокна, вырабатываемого из одного снопа льна

(Старое село Витебской обл. и района; приняты термины этого села)

Кудель 36%
Переработанные волокна, отлетевшие при мятье . . . 17%
Отрепья — волокна, оставшиеся от трепанья 11%

¹ Приобретена в дер. Липляны Лельчевского района Гомельской обл. для Центрального музея народооведения в 1929 г.

² Сообщение Д. В. Пайдич.

³ Н. П. Воронин. На берегах Клязьмы и Немана. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь», 1953, стр. 281.

Волокна, оставшиеся от первого чесания 30%

Пачеси — волокна от второго чесания, оставшиеся на гребне 6%
Вес волокна составляет $\frac{1}{5}$ веса всего снопа;
кострики — $\frac{4}{5}$.

III. Прядение

Прядение — способ получения нити из шерсти или из растительного волокна. В процессе прядения различают три момента: 1) дерганье волокна или шерсти, т.е. получение длинной пряди; 2) сучение (кручение) пряди и 3) наматывание готовой пряди.

Некоторые исследователи склонны и чесание относить непосредственно к прядению. Например, Монтандон в процессе прядения отмечает три момента: чесание, дерганье и сучение¹. Д. К. Зеленин в своей книге «Russische (Ostslavische) Volkskunde» совсем опускает процесс чесания, упоминая о гребне лишь при прядении. Некоторые энциклопедические словари, описывая прядение, относят к нему также и чесание, потому что в фабричном производстве этот процесс, как подготовитель-

пускали в переработку. Чесание и прядение разделялись даже пространственно: чесание шерсти на шерстобитных машинах производилось часто в другом селе (шерстобитную машину точнее было бы назвать шерсточесальной машиной), а чесание льна и конопли — на гумнах или на дворе задолго до начала прядения. Лишь при прядении с гребня нечесаной шерсти или нечесаного льна процесс мыкания соединяется с процессом прядения, по существу он и здесь является лишь подготовительным. Возможно, что при старинном приеме прядения жилку, когда производилось прядение нечесаной шерсти с гребня, мыкание непосредственно было связано с прядением. При наличии щеток и при многократном сании этот процесс так обособился, что соединять его с прядением нет никаких оснований. Многие исследователи выделяют чесание в отдельный процесс от прядения. По их свидетельствам, — что особенно существенно, — чесание и в народном сознании мыслится как процесс, не связанный непосредственно с прядением.

Нельзя согласиться с Монтандоном и в вопросе определения процесса прядения (помимо чесания) только как дерганья и сучения. При этом упускается из виду

Рис. 9. Прядение руками верчи (дер. Можары Пензенской обл.)

Рис. 10. Завязывание петли при прядении на веретене (с. Красная Дубрава Пензенской обл.)

ный к прядению, происходит на прядильных фабриках. Однако с этим положением едва ли можно согласиться. В народной среде как чесание льна и конопли, так и битье шерсти представляли процессы, отделенные обычно большим промежутком времени от прядения: заготовленные волокна лежали часто месяцами до того времени, как их

момент наматывания, необходимый при всех видах прядения.

Три способа прядения

Тремя основными способами домашнего прядения

¹ G. Montandon. L'ologenese culturelle. Paris, 1934, p. 527.

являются верчь, прядение на веретене и прядение на са-
попрыхках.

Верчь — дерганье и кручение ладонями остатков во-
локна от прядения (хлопок) или от чесания (пачеси),
лежащих в корзиночке или фартуке или привязанных к
Рялке (рис. 9), и наматывание готовой пряжи на руку
или вокруг корзины. Полученная нить называется верчь
или сучанина (Рождествено (Монастырщина) Тульской
обл.; Можары Пензенской обл.).

Сучанина служит утком при тканье подстилок и поло-
Риков¹.

Прядение на веретене

Веретено — простая палочка, обычно с утолщением
посередине. Прядение на веретене у всех групп восточ-
ных славян, как у русских, так и у белорусов и украин-
цев, производится одинаковым образом. Лево́й рукой
пряжа дергает прядево; веретено, приводимое во враще-
ние правой рукой, сучит, т.е. скручивает волокно в ни-
тку; готовая нить наматывается на ладонь левой руки, с
нее перематывается на веретено, поставленное на коле-
но, после чего наверху веретена затягивается петлей (рис.
10); затем прядение продолжают.

В других областях Советского Союза известны и иные
приемы прядения, например, дергают клочок кудели пра-
вой рукой, а крутят веретено левой (Кавказ, Средняя
Азия).

Во время прядения пальцы левой руки приходится
смачивать слюной чтобы придать, как говорят, нитям
пряжи большую «крепость». Никифоровский отмечает,
что «при продолжительной и усердной работе пряжа рас-
содует невероятное количество слюны, и нет ничего уди-
тельного в том, если к концу работы голос ее хрип-
лет»; при этом она нередко во время работы берет по
годке клюкву, калину, рябину, бруснику².

Есть три способа начала прядения нити: 1) тонкий
слочок прядева надевают правой рукой (как бы шапоч-
кой) на смоченную слюной оконечность веретена, а ле-
вой рукой тянут прядево; 2) пряжа без веретена выводит
нитку длиной сантиметров 18, затем завертывает ее на
гонкой оконечности веретена и начинает пряхть; 3) иногда
для начала прядения пользуются и готовой ниткой, при-
прядывая ее к кудели.

Способ прядения на веретене, характерный для всех
славян, Монтандон называет «классическим», так как
он был известен также в классической Греции и Риме³.

«Классический» способ прядения на веретене охва-
тывает довольно значительную территорию: славянские
и тюрко-финские народы Восточной Европы и часть За-
падной Европы (южные и западные славяне)⁴. Дополни-
тельной частью к веретену служит пряслица.

Пряслица известны под разными названиями: пряс-
лице (Рязанская обл.), котелочка (Брянская обл.), пряс-
лен, кружалo (Белоруссия). Пряслица бывают (рис. 11,
1 — 4) бочкообразные, «ребристые» (в виде двух усе-
ченных конусов, сложенных основаниями) или дающие
в разрезе прямоугольник. Пряслица надеваются на вер-
хнюю часть веретена или на нижнюю, поэтому их разде-

ляют на «низовые» и «верховые». При «низовых» пряс-
лицах веретена бывают без бородки, т.е. без утолщения
на одном конце (рис. 11, 5), так как пряслице как бы
заменяет ее. Веретена без бородки были отмечены Б. А.
Куфтиным у касимовских татар и автором данной рабо-
ты в с. Ватранцы Елатомского района Рязанской обл.
— у русских. «Верховые» пряслица употребляются с ве-
ретенами, имеющими бородку (рис. 11, 6), главным об-
разом при сучении спряденных ниток.

Глиняные пряслица были широко распространены в
неолите, в культурах бронзы; их находят в городищах
дыкова типа и в славянских городищах и селищах VII
— XIII вв.

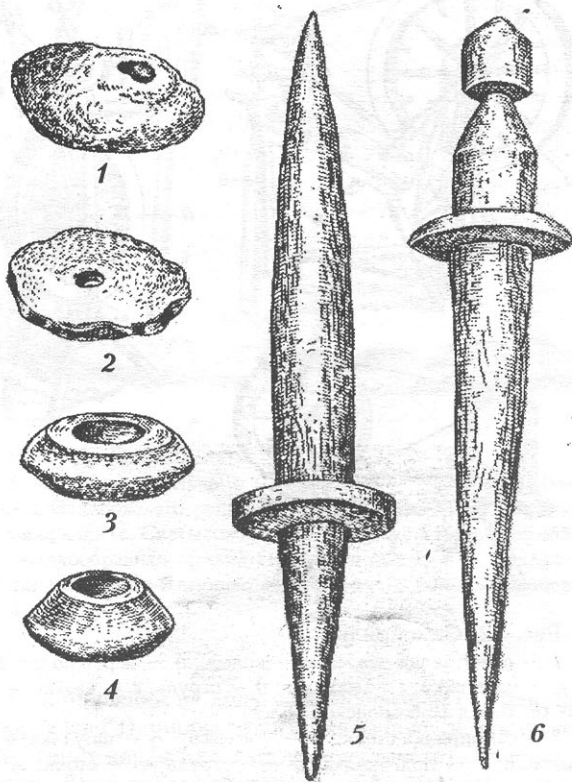

Рис. 11. Веретена и пряслица

1, 2 — пряслица из городищ дыкова типа; 3, 4 — из славян-
ских городищ XI — XIII вв.; 5 — веретено без бородки с низовым
пряслицем (с. Ватранцы Елатомского района Рязанской обл.);
6 — веретено с бородкой и верховым пряслицем (с. Польное-Ялту-
ново Конобеевского района Рязанской обл.)

Пряслица XI — XII в. делались из розового шифе-
ра. Они имеют устойчивую «ребристую» форму (Киев,
Овруч, Владимир, Новгород, Старая Рязань, Херсонес,
Болгары).

Гелисс Оссовский еще в 1876 г. доказал, что произ-
водство пряслиц из розового шифера должно было су-
ществовать возле Овруча б. Волынской губ., где сосре-
доточены залежи розового шифера (разновидность слан-
ца). Вопрос о производстве овручских пряслиц и о пу-

¹ Изготовление верчи близко к получению ниток из крапивы у хантов, орочей; их волокно сучат руками, на коленях, затем складывают в лукошко кругами.

² Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 152.

³ G. Montandon. Указ. соч., стр. 529.

⁴ Своеобразные приемы прядения встречаются у живущих в СССР айсоров (потомки древних ассирийцев); у них веретена как бы сами наматывают полученные нити. В левой руке у пряжи рогулька с волокнами шерсти, веретено палкообразное с верховым деревянным пряслицем и металлическим крючком, пряжа правой рукой дергает шерсть и правой же рукой вертит веретено; веретено сучит и само наматывает.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 188 — 202.

тях их распространения разработан Б. А. Рыбаковым. Возле Овруча удалось открыть остатки древнерусских мастерских по изготовлению пряслиц. Их продукция была рассчитана на широкий рынок. Шиферные пряслица были распределены на обширном пространстве — от Одера и Варты до Средней Волги, от Ладоги до Роси и Воркслы⁵.

Пряслица в древней Руси, как видно, высоко ценились. На некоторых пряслицах обнаружены надписи, свидетельствующие о принадлежности их отдельным лицам: «Молодило» (Рязань), «Маврин» (Новгород), «Не-

Прядение на самопрямке

При прядении на самопрямке (рис. 12) рука прядет шерсть или волокно, шпулька самопрямки, приводимая в движение подножкой и вращающимся колесом, сучит и наматывает нить.

Основные детали самопрямки — веретено, шпулька, вложенная в катушку с гребенкой (б); ножки (в), приводимые в движение ногой при помощи шатуна — маخالки (г) и дающие колесу (а) движение, которое передается через туго натянутую струну (д) ретену. Весь этот механизм укрепляется на стойке (е) наверху одного столбика стойка находится винт (ж), регулирующий ход веретена, другой столбик имеет гонок (з) — кусочек кожи с отверстием, в которое вставляется веретено.

Веретено самопрямки — металлический или деревянный стержень с крючком на одном конце и деревянным кругом на другом; на конец с кругом надевается катушка, на которую наматывается готовая нить; через деревянный круг, надетый на другой конец веретена, проходит струна от большого колеса самопрямки, приводящего в движение ножным приводом².

Все части самопрямки почти везде называются одинаково, за исключением лишь шатуна, который называют маятником, шатуном (Кировская обл.), скачком (Новгородская обл.), махалкой (Ялтуново Рязанской обл.) и погонялкой (Местковичи Брянской обл.).

Имеется два типа ножных самопрямок: лежак и стояк. Разница между ними заключается в положении колеса (а) и катушки с веретеном (б). У самопрямки-лежака колесо и катушка расположены в горизонтальной плоскости, а у самопрямки-стояка — в вертикальной. Самопрямку-лежак обычно называют русской. Самопрямку-стояк местное население называет голландкой (район Бобруйска), немкой (Брянская обл.) и чухомкой (б. Вятская губ.). Это указывает, возможно, на их западное происхождение самопрямки-стояка. Точная дата появления на Руси кожной самопрямки, известной на Западе с XV в., не установлена, но в конце XVII в. развитой мануфактуре она уже существовала. Что касается самопрямки-лежака, то наблюдения на местном уровне подтверждают, что она гораздо древнее самопрямки-стояка. В тех местах, где встречаются самопрямки обоих типов, население указывает, что «стояк» вытесняет самопрямку-лежак (Брянская, Калужская, Тульская, Новгородская, Псковская области и др.).

Для древнего типа самопрямки-лежака характерно наличие цельного колеса без спиц, вырезанного из сплошного отрезка ствола дерева, т. е. древнейшего типа колеса. Такие самопрямки известны в Крапивинском районе Тульской обл., в Псковской обл. — на Талабских горах и в дер. Гребневе Середковского района, в Новгородской обл. (с. Взвэд).

Ручная самопрямка-лежак очень близка по устройству к сукальне — по-украински шпулеру — прибору, приводимому в движение рукой и употребляемому для сучения ниток (рис. 12, 3)³.

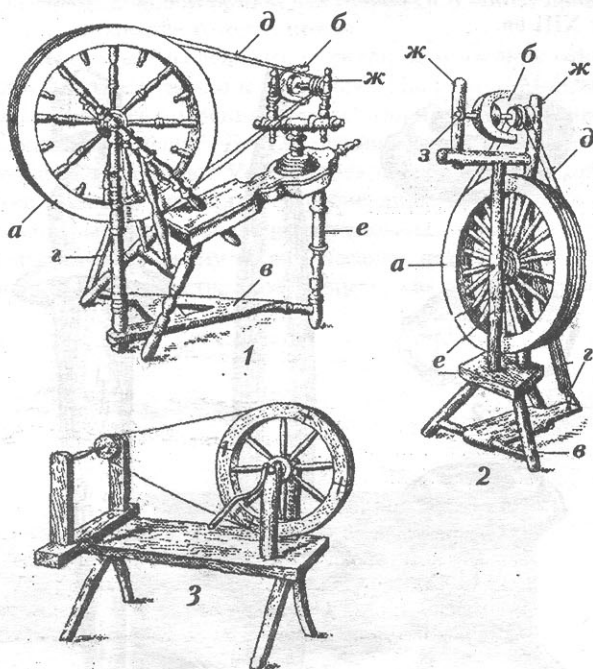

Рис. 12. Самопрямки

1 — самопрямка-лежак: а — колесо; б — веретено-шпулька; в — подножки; г — махалка; д — струна; е — стойка; ж — винт (с. Взвэд Новгородской обл.);

2 — самопрямка-стояк: а — колесо; б — шпулька; в — подножки; г — подгонялка; д — струна; е — стойка; ж — винт; з — гонок (Московская слобода Тульской обл.); 3 — ручная самопрямка-сукальня (Полтавщина)

весточь» (Вышгород под Киевом) и др.

С XIII в. пряслица стали опять делать из глины: овручские мастерские были, по-видимому, разорены татарами¹.

Пряслица бытуют и до настоящего времени.

В с. Лесном-Ялтунове Конобеевского района Рязанской обл. иногда до сих пор употребляют для прядения и те пряслица, которые находят в земле на месте бывшего здесь селения XVI в. В Шацке на базаре в 1950 г. гончары из с. Демидова того же района продавали для местного населения глиняные пряслица, ничем не отличающиеся от пряслиц XVI в.

Употребляют также деревянные и каменные пряслица, а в случае нужды — горлышки от бутылок, половинки картофелины и т.п.

¹ Там же, стр. 196.

² Веретено самопрямки аналогично веретенам, употребляемым айсорями для ручного прядения на веретене, а также напоминает веретено хантов; последние прядут в горизонтальном положении веретена.

³ Ручная самопрямка типа «лежака» была известна еще в древнем Риме и в настоящее время употребляется в Средней Азии, на Кавказе и в Афганистане (см. А. Заремский. История и техника тканья украинских килимов. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1. Л., 1926, стр. 10, рис. 6. «Исследование коврового производства в Кубинском уезде», Сб. «Кустарная промышленность на Кавказе», вып. 1. Тифлис, 1902, стр. 42. Н. И. Вавилов и Д. Д. Букнич. Земледельческий Афганистан. 1929, стр. 211, рис. 174).

Почти ничем от ручной сукальни не отличается скальница, на которую мотают цевки. Эта скальница — та же сукальня, но без ручки; в движение она приводится рукой, скользящей непосредственно по колесу. Ей предшествовала скальница (скально), состоящая из веретена с колесиком (рис. 13). Вся система приборов для мотания, сучения и прядения, а также близость веретена самопрядки некоторым веретенам ручного прядения говорят о возможности развития самопрядки из веретена и появления самопрядки-лежака в Восточной Европе в ту эпоху, когда появились ножные приводы, которые были использованы для различных по назначению станков.

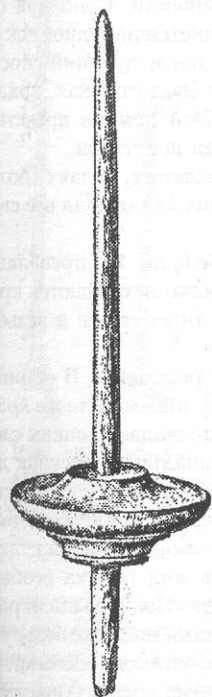

Рис. 13. Скально — прибор для мотания цевки (2/3 нат.

Таким образом, для самопрядки-лежака есть исходные формы на нашей территории, и она по своему происхождению действительно может быть названа «русской».

О том, какими путями в начале XIX в. распространялось прядение на самопрядке и о самом промысле их изготовления в б. Вятской губ., где были большие посевы льна и конопли, дает интересные сведения работа Ф. Г. Кучина¹.

Прядение на самопрядке идет значительно скорее, чем на веретене: на самопрядке в день прядут 400 г шерсти, а на веретене это же количество шерсти прядут за 7 дней. Несмотря на большую производительность самопрядки она все же целиком не вытесняла собой веретена ни в одной деревне. Обычно часть женщин прядла на самопрядке, часть — на веретене. Были места, где самопрядок не было совсем. Население объясняет это тем, что, прежде всего, самопрядка была дорога (в дореволюционное время она стоила 3 — 5 руб., а то были большие деньги для крестьянской семьи, которая вела чаще всего натуральное хозяйство). Кроме того, работа на самопрядке осваивалась с трудом; молодые обучивались, а для старых, привыкших прядть на веретене, было трудно координировать работу ног на подложке с работой левой руки, дергающей нитку, а также работать левой рукой с той быстротой, которой требовал ход самопрядки. И, наконец, жужжание самопрядки казалось слишком надоедливым; особенно оно мешало на посиделках. Возможно, самопрядку не любили также из-за того, что работа на ножных приводах вообще считалась для женщин вредной, прядение же на веретене — здоровым и благоприятно действующим на психику занятием.

Н. Я. Никифоровский отмечает, что на выводимой нитке отражается настроение и физическое состояние

пряжи. Нитка молодой женщины тонка, ровна, круто скручена; нитка старухи выходит вялой, толстой, слабо скрученной. У людей неуравновешенных нередко нитка получается неровной: то толстой, то тонкой, то крутой, то слабой².

Прялки

Вспомогательным орудием для прядения являются прялки, служащие лишь подставками, к которым привязывается кудель. Для качества пряжи форма их значения не имеет. Формы прялок очень разнообразны (рис. 14, 1 — 4) и могут быть разделены на две основные группы: прялки, на которых можно прядть или на ходу или

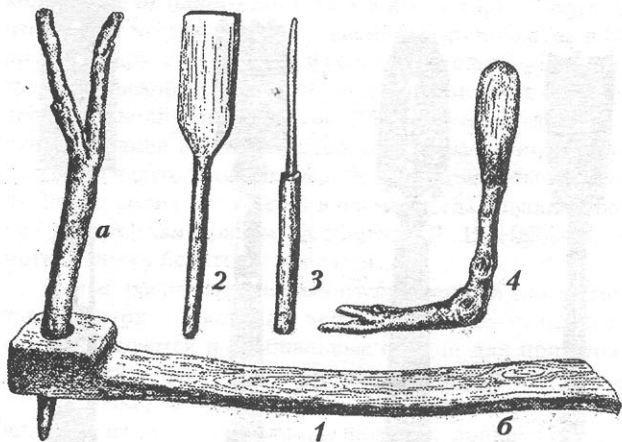

Рис. 14. Типы прялок

1 — прялка-рогулька: а — рогулька; б — донце (с. Федоровское Захаровского района Рязанской обл.); 2 — лопатообразная прялка (с. Салтыково Сасовского района Рязанской обл.); 3 — палкообразная прялка (Киевская обл.); 4 — прялка из копани (с. Десное-Ялтуново Конобеевского района Рязанской обл.)

сидя.

При прядении на ходу лопатообразная (2) или палкообразная (3) прялка затыкается за пояс, и, когда женщина гонит коров или идет в поле, она может дорогого прядть. Дома прялка втыкается в скамейку (Полтавщина, с. Таль Минской обл.). Лопатообразные прялки такого рода зафиксированы в Брянском Полесье, палкообразные — на Карпатах³.

Прялки, при помощи которых прядут сидя, могут быть разделены на два типа: цельные прялки из одного куска дерева — копани (4) и прялки «с пером» (1), легко вынимаемым из «донца».

Древнейшей формой цельной прялки является прялка из копани: у нее верхняя лопасть — церо, или личина, как говорят в Новгороде, вырезана из древесного ствола, а место для сидения — гузно, хвост — из корня дерева. Они известны у средне- и северовеликорусов. Прялка из копани была найдена в свайном неолитическом поселении на р. Модлоне (Вологодская обл.), в торфяном слое начала II тысячелетия до н.э. (по датировке А. Я. Брюсова), вместе с семенами культурного льна⁴.

Прялки, вставленные в отдельные приспособления для сидения (донце), бывают лопатообразные, гребне-

¹ «Материалы по описанию промыслов Вятской губернии», вып. 2, 1890, стр. 21 - 23.

² См. Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 147 - 148.

³ Прядение на ходу широко распространено также у румын, молдаван, болгар и др.

⁴ А. Я. Брюсов. «Сетчатая» керамика, стр. 294 - 298; его же. Очерки по истории плетения Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 129.

образные, вилкообразные и палкообразные.

Лопатообразные прялки известны в Карельской АССР, в Архангельской, Вологодской, Московской областях, в северной части Тульской и Рязанской областей, на Черниговщине, Могилевщине, Витебщине. Гребнеобразной прялкой является гребень, которым чешут шерсть. Южновеликорусы (Тульская, Рязанская, Воронежская области), белорусы (Витебская, Гомельская области), украинцы, а также мордва и литовцы прядут с нее лен и коноплю, изредка шерсть. Прядение шерсти с гребня называется тянуть жилку.

Вилкообразная прялка (рогулька), с которой прядут

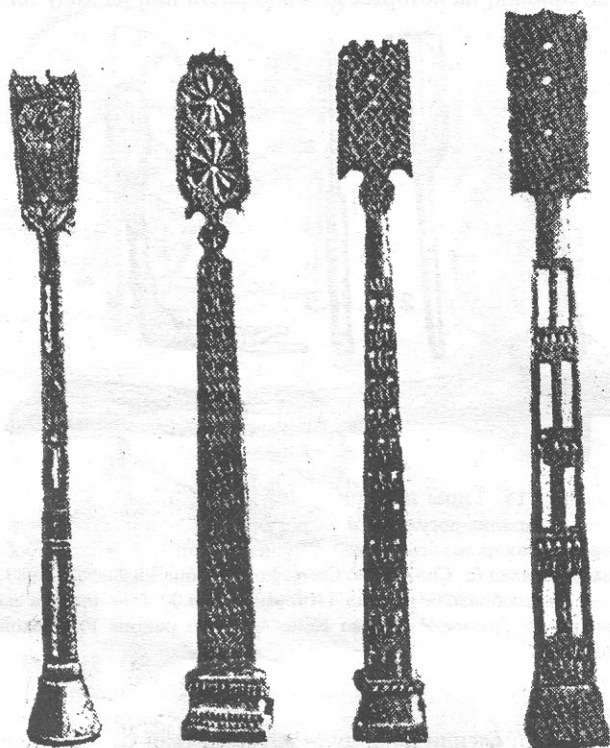

Рис. 15. Резные прялки середины XIX в. (Ярославская обл.)

шерсть, вставляемая в донце (см. рис. 14, 1), известна в Рязанской, Калужской, Орловской, Курской, Воронежской областях. В Рязанской обл. граница проходит приблизительно в меридианальном направлении по рекам Пра и Ранова.

Эта граница в основном совпадает с границей так называемого вятичского (московского) и мордовского типов плетения лаптя, а также с границей между славянской и неславянской топонимикой. Таким образом, этнографическая граница двух ареалов разных типов прялок приобретает реальный исторический смысл границы между двумя крупными племенными группами неолитического возраста.

Палкообразная прялка, вставленная в донце, известна на Киевщине, Подолии и Карпатах, в Болгарии, а также у удмуртов, мордвы и башкир.

Таким образом, все разновидности прялок, выделенные путем этнографического анализа, имеют строго оп-

ределенное географическое распространение. Если же рассмотрим в археологическую карту Восточной Европы неолитической эпохи, то нетрудно будет убедиться, что ареалы распространения каждого типа прялки могут быть сопоставлены с территорией северных лесных племен, юго-западной территорией земледельческих племен и юго-восточной группой степных племен¹.

Лопатообразные прялки поражают своим разнообразием, в особенности по типу украшений. С полной силой при украшении прялок проявляется народное искусство резьбы по дереву; применяется и древний способ долбленной резьбы треугольником (вологодская, архангельская, костромская прялка)². Эти прялки представляют собой поистине произведения искусства.

Прялку девушке обычно дарил жених, делая ее большей частью сам, и в ее изготовление вкладывал все свое мастерство.

В трехгранно-выемчатой резьбе (рис. 15) преобладает геометрический орнамент. Нередко встречаются кресты и полоса из треугольников, известные также в резьбе украшающей избы.

Некоторые прялки украшены росписью. В старину применяли для этого ту же технику письма и те же краски, что и в иконописи. Доска покрывалась тонким слоем грунта из мела и клея. Первоначальный рисунок делали тонкой линией, иногда его выпарывали. Краски разводили на яичном желтке, разбавленном квасом (т. е. пера). Заканчивали роспись вторичной обводкой контуров. Роспись прялки покрывалась для блеска особым составом, в который входила олифа. Позднее стали рисовать прялки масляными красками на доске без грунта. Рисунок при этом наносили крупными мазками. В росписи прялок встречаются бытовые сцены (типа диданка), элементы растительного и животного орнамента.

Исходя из украшений прялок, последние можно разделить на ряд типов и дать им названия в соответствии с их распространением.

Прялка из копани лопатообразная с долбленным орнаментом — архангельская; покрытая краской и подкрашенная грубой росписью — архангельская и вологодская; прялка с овальным пером и росписью мелко выполненным орнаментом — мезенская. Из двух досок, соединенных вместе неподвижно, с долбленной резьбой и росписью — олонекская; с длинным пером и росписью — поморская; с наклонным пером, покрытым долбленной резьбой — ярославско-костромская; башнеобразная ажурная миниатюрным пером, названная в литературе «готическая» (см. рис. 15)³, — ярославская. Тверская четырехгранная прялка с маленькой лопаткой наверху, вставленная в ручище, и лопатообразная прялка, известная в прошлом на территории Московской, Смоленской, на севере Рязанской и Тульской областей, украшений не имели.

В некоторых местностях Новгородской и Псковской областей наблюдается соединение прялки с самопрядкой: самопрялка с личиной. Личина — вертикальная часть прялки — прикрепляется к стойке самопрядки, тогда прялка как отдельное орудие производства и не существует (Талабские острова, дер. Толбицы, Платаново).

На личине делают отверстия; через одно из них продевается шнур, закрепляемый одним концом в этом же

¹ См. П. Н. Третьяков, Восточно-славянские племена. М. - Л., 1948, стр. 14, карта «Три группы неолитических племен Восточной Европы».

² Резные прялки с долбленным орнаментом известны также в Прибалтике, в частности в Литве.

³ Georg Buschan. Illustrierte Völkerkunde, Bd. III, 1926, S. 5.

верстии. Шнуром обвертывают кудель и привязывают к спине, вместе с которой затыкают в другое отверстие

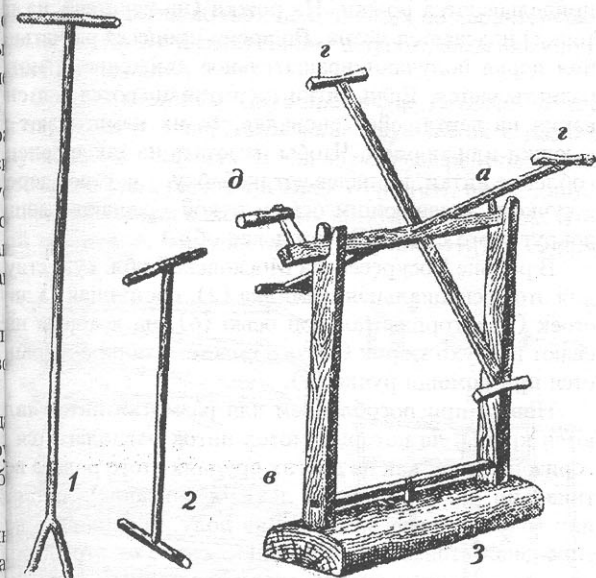

Рис. 16. Моталки
1 — талька (Новгородская обл.); 2 — полуталька-мотовило (дер. Шатово Тульской обл.); 3 — баран: а — планшетки; б — ось; в — ножки; г — рожки; д — ручка (с. Таль Минской обл.).

е личины. В Новгородчине этот шнур имеет разные названия: мутоз (Юрьева Слобода), мутовец (Морино). Спица называется спицей кованой (д. Подберезье), кулиной (Взвзд). Бывает спица винтообразная с расплюсненной головкой, через которую продеты трапециевидные подвески (с. Бор Новгородской обл.). Подвески эти хозяйственной роли не играют, а являются лишь украшением; подобные подвески характерны для грунтовых погребений II — V вв. на той же территории, так что можно предполагать непрерывность этой традиции.

Прядением обычно занимались в зимние месяцы; начинали не раньше октября (когда заканчивались все сельскохозяйственные полевые работы) и кончали на масле. Был обычай кататься на последний день масленицы с гор на пряхках и сжигать отбросы от прядева (Новгородская обл.), причем пряхи выражали радость по поводу окончания длительного процесса прядения, требующего большого терпения и выдержки.

Во многих местах 1 октября девушки собирались под деревом и ходили подыскивать на тех или иных условиях женихов, в которых в течение зимы можно было бы устраивать посиделки-беседы. На посиделки приходили и парни, нередко выбиравшие себе здесь невест. Посиделки были исключительно организацией молодежи. Хозяйки на них были девушки, а парни — гостями.

Б. А. Рыбаков объясняет многочисленные надписи на пряслищах теми условиями, в которых пряли на шумных посиделках. Эти надписи, возможно, действительно восходят к той далекой эпохе, когда все женщины одного поселка имели свой общий дом, где и занимались рукоделием прерываемым играми и плясками. Чтоне перепутать веретен, на них и делали надписи¹.

IV. Подготовка ниток к тканию

МОТАНИЕ НИТОК

Напряженные нити перематываются с веретен или со шпулек в мотки, причем припрядывают конец нитки каждой шпульки или веретена друг к другу. Мотком называется достаточно длинная нить, свернутая концентрическими кругами. Учет напряженных ниток ведется мотками. Для учета длины мотка существует единица счета — пасма (на Украине пасмо). Пасма делится на 10 чисменок (на Украине числиня), а чисменка на три круга. Следовательно, в пасме — 30 кругов, длина нитки в круге колеблется от одного до двух «локтей» (0,5 — 1 м). В некоторых местах у русских пасмой считают моток в 60 кругов, в других — в 40, а в селах Подхожем и Рождестве Тульской обл. пасмой называют моток с неопределенным количеством кругов. В некоторых местах у украинцев длина нитки, обведенной 4 раза по мотовилу, называется нить (единица меры). Помещики обычно увеличивали количество ниток в пасме, когда давали «уроки» крепостным пряхам (сообщение Д. В. Найдич). В мотках нитки белятся и красятся.

Самый распространенный и упрощенный способ мотания ниток — мотание через плоскость стола или скамьи. Имеются и специальные орудия для приготовления мотков (рис. 16) — мотовила и бараны.

Мотовило — стержень, на одном конце образующий вилку, а на другом имеющий палочку, прикрепленную к нему перпендикулярно своей серединой. Приспособление, имеющее перпендикулярные палочки на обоих концах, называется «талькой».

Впрочем, названия «талька» и «мотовило» очень неустойчивы; нередко тальку также называют «мотовило».

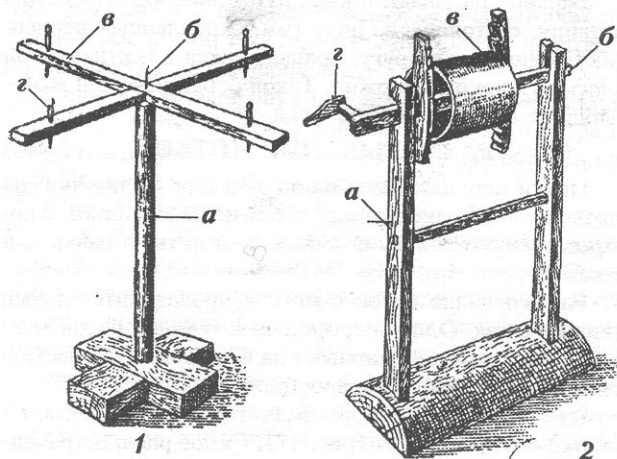

Рис. 17. Орудия для разматывания ниток

1 — воробы (кресты): а — стойка, «ноги»; б — шпиль; в — кресты; г — веретена (перья, поточки) (с. Гремяче Тульской обл.); 2 — щемилка: а — стойка; б — ось; в — тюрник; г — ручка (Воскресенский район Московской обл.).

Название и форма мотовила говорят о его более древнем происхождении. Мотовило («вилка для мотания») делают из естественного сука, а тальку сбивают из отдельных палочек. Тальки разделяются на две группы по своей

¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 201 — 221, рис. 39.

длине: тальки и полутальки. Длина полутальки — локоть, т.е. расстояние от сжатого кулака до локтя. Талька равняется трем или двум полуталькам, т.е. двум или трем локтям.

При наматывании нитки с веретена на тальку или мотовило отсчитываются численки и перевязываются отдельно, обычно цветной ниткой для счета; численки соединяются в пасмы, и каждая пасма также вновь перевязывается.

Пасмы нужны, чтобы знать, во сколько «стен» сновать «кросна», т.е. основу для ткани. Стена — условная величина для измерения холста. У каждой ткачихи длина стены различна, в зависимости от размера ее избы. Бывали стены, равные 5, 6, 7 и 8 аршинам. Пасмы необходимы также для того, чтобы нитки не перепутались при окрашивании. Вспоминая времена крепостного права, крестьяне говорили: «Пряди на барина, чтобы лучше учить было материал, господу вводили тальки». С барского двора тальки проникли и в деревню. У казенных крестьян нитки мотали чаще всего на стол, а не на тальки.

Баран (3) состоит из двух перекрещивающихся под прямым углом планшетонок (а), скрепленных между собой наглухо и вращающихся на горизонтальной подвижной оси (б) между двумя стойками (в). На свободных концах планшетонок барана укреплены рожки (г). Ось барана приводят в движение при помощи ручки (д). Планшетки с рожками крутятся в вертикальной плоскости. В Вологодской обл. баран называют мотовилом, в Белоруссии — крыжами, костылями. Баран бытует не повсеместно; кроме упомянутых выше местностей, он отмечен в Воскресенском районе Московской, в Псковской и Новгородской областях.

Бараном называют также другое приспособление для мотания, состоящее из двух рам, скрепленных перпендикулярно друг к другу, вращающихся в вертикальной плоскости вокруг стержня. Такой баран известен в Мозырщине и в районе Бобруйска.

РАЗМАТЫВАНИЕ МОТКОВ

Нитки перематывают на клубок или на тюрики, на выюшки — деревянные или лубяные цилиндрики, с которых и снуют основу и наматывают нить на цевки для утка.

Разматывание ниток с мотков производится двумя лицами, с рук. Один человек надевает моток на две поднятые руки, другой сматывает их в клубок. Это повсюду известный и широко распространенный способ.

В некоторых местах для разматывания ниток применяются особые орудия (рис. 17). Самое распространенное из них — кресты (у южновеликорусов), мотовила (Вологодская обл. и район Бобруйска), связка (Полтавщина), воробы (Ярославская обл.).

Кресты (1) — это деревянная стойка (ноги) (а), нередко отрезок ствола дерева с двумя-тремя корнями, на котором сверху укреплен короткий шпиль (б) (обычно железный гвоздь без головки); на шпиль надеты две планшетки, пересекающиеся под прямым углом и скрепленные друг с другом неподвижно — кресты (в), также перья (в разных селениях Новгородской обл.). В концы план-

шетонок вставляются палочки (г), также поточки (в с. Новгородской обл.) или веретена. На Украине к перьям приделываются рожки. На рожки (на веретена, на поточки) надевается моток. Во время процесса разматывания перья получают вращательное движение, и моток разматывается. Если нитки подготавливаются для вязания на вертящейся сновалке, то их наматывают на выюшки или тюрики. Чтобы намотать на такое приспособление нитки, их надевают на бабку, т.е. ствол дерева с сучком, заменяющим ось, и рукой вращают выюшку вокруг этого сучка (Вологодская обл.).

В районе Воскресенска Московской обл. существует для этого специальная шемилка (2), состоящая из стоек (а) с горизонтальной осью (б), на которую надевают наглухо тюрик (в); ось вместе с тюриком вращается при помощи ручки (г).

Новым приспособлением для размотки ниток являются кроны, на которых моток ниток располагается горизонтально, как на других орудиях этого рода, а вертикально. Е. С. Радченко дает их описание¹: «в виде толстой доски, лежащей на полу, укрепляется вертикальная стойка высотой в 145 см; от этой стойки отходят в перпендикулярном направлении две планшетки, длиной в 48 см; к концам этих планшечек прикреплены поперечники, выступающие у верхней планки вверх, у нижней — вниз на 10 см; в середине этой поперечной вставлен железный шпинец «попруток» и такой же против него — в стойке; на этих шпинях, как на барабане, вращается катушка («кружок») (2 кружка) диаметром в 10 см соединенных 6 — 8 спицами, длиной в 30 см. На эту катушку и одевается «мот», располагающийся таким образом, в вертикальной плоскости, а не в горизонтальной, как на «воробах». Так как мот бывает разных размеров нижняя планочка «крон» устроена подвижной (в нижней части стойки сделан сквозной жерлок, в котором она и движется вверх и вниз, укрепленная кольцом, так что расстояние между ней и верхней планочкой можно менять сообразно размерам мота. У нас можно встретить кроны и более простого устройства: на двух подпорках стоит деревянная рама из толстых планок; в них на всем протяжении проделаны дыры, в которые вставлены два железных стержня. На этих стержнях вращаются катушки; расстояние между катушками может изменяться путем переставления стержней в другие дырочки. Кроны, несомненно, занесены в наш край из домашнего ткачества фабрики и являются, по моему мнению, более поздним орудием». С последним утверждением Е. С. Радченко можно вполне согласиться.

СУЧЕНИЕ НИТОК

Сучением называется процесс соединения двух ниток в одну. Сученные нитки толще и прочнее несученные. Нитки, употребляемые для вязанья, шитья, а иногда для тканья, сучатся.

Сучение производится или вручную, или при помощи веретена и других орудий.

При сучении руками два человека, стоя друг против друга, держат за концы натянутую нитку между ладонями и сучат (крутят) ее, один в одну, другой в другую сторону. Когда нитка достаточно скручена, оба к-

¹ Е. С. Радченко. Материальный быт населения Воскресенского уезда и некоторых видов производства и промысла. Ткачество. Рыболовство. «Труды Гос. ун-та в Воскресенске», вып. V. Воскресенск, 1928, стр. 13-15.

² Следует заметить, что племена эпохи «шнуровой керамики», расселенные от бассейнов Эльбы и Дуная на западе до верхнего и среднего Днепра на востоке, безусловно показывают исследования советских археологов, предками славян, как и остальных индоевропейцев.

соединяют вместе и еще раз их просушивают, после чего получается шнур, употребляемый для поясов, обор и пр. Отпечатки таких шнуров имеются на сосудах эпохи бронзы II тысячелетия до н.э., получивших по характерному для них орнаменту, нанесенному шнуром, название «шнуровой керамики»².

Сучение состоит из двух процессов. Первым является тарашение — перематывание двух ниток с разных клубков в один клубок. Чтобы нитки не перепутывались, раньше иногда применяли юрок (о нем см. ниже), который содействовал более тугому натягиванию ниток. Второй процесс — это собственно сучение. Нитки сучили

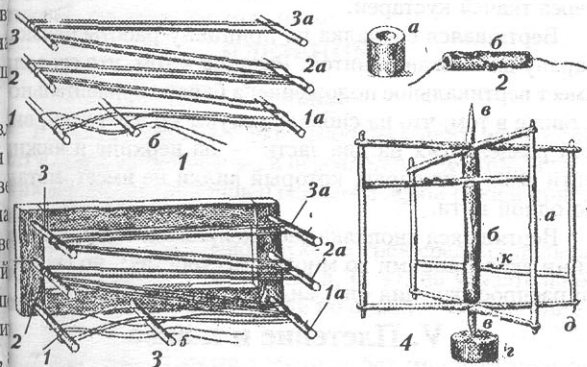

Рис. 18. Сновалки
1 — схема снования по стене (Старое село Витебской обл. района); 2 — а — юрок (Местковичи Брянской обл.); 3 — рамочная сновалка (с. Астромино Рязанской обл.); 4 — вертящая сновалка; а — рама; б — ось; в — оси; з — брус; 5 — вилочка (дер. Каменево Тульской обл.).

на веретене, на ручной сучильне, на самопрямке.

Сучение на веретене заключается в следующем: на веретено наматывают небольшое количество тарашенных ниток, веретено ставят на колено и вращают между ладонями обеих рук. С веретена нитки наматываются на левую руку, причем они получаются уже скрученными. Руки их опять перематывают на веретено. Затем, выше клубка ниток на веретене, на него наматывают несученные нитки и проделывают тот же процесс.

Ручной сучильней является и скально (см. рис. 13). Оно состоит из круглой палочки и деревянного колеса, надетого на один конец палочки; посередине последней одвизывается тарашенная нить с клубка. Скально держат горизонтально в левой руке; правой рукой поддерживают нить. Скально вертят: нить ссучивается, ее натягивают на скально, разматывают опять часть клубка и начинают вращать скально.

На самопрямке нитки сучат, перематывая на шпиль самопрямки тарашенные нитки; в процессе перематывания они ссучиваются.

Ручные сукальни — это самопрямка-«лежаки» без ручного привода. Колесо сукальни вращают при помощи ручки (см. рис. 12, 3).

Сучение ниток при помощи примитивного ветрового двигателя известно в с. Взмад Новгородской обл. Таким образом нитки сучили для изготовления сетей. По льду Ильмень зимой расставляли ряд столбиков, наверху которых привязывали крестообразные вертушки с под-

ветренной стороны. Тарашенные нитки растягивались через ряд вертушек, которые приводились в движение ветром, и таким образом ссучивались.

СНОВАНИЕ

Снование — подготовительный процесс для тканья на горизонтальном ткацком стане. Оно подготавливает для навивки на стан основу, т.е. длинные нити, расположенные параллельно друг другу, разделенные на две группы, которые при заправке на стан будут верхними и нижними нитями зева. Есть два способа получения основы: снование по колышкам на стене или на рамочной сновалке и снование на вертящихся рамах (рис. 18).

Снование на стене

Снование на стене (1) — старинный широко распространенный способ. В стену, немного отступая от угла, втыкают колышки (1, 2, 3...) на расстоянии 15 — 20 см друг от друга по вертикальной линии; у другого угла той же стены также располагают ряд колышков (1а, 2а, 3а...), параллельно первому ряду.

Расстояние между первым и вторым вертикальным рядом колышков составляет 4 — 6,5 м, в зависимости от длины стены избы. Это расстояние служит единицей меры для длины основы и для будущей тканины и называется стеной (у белорусов — губкой).

Между колышками 1 и 1а вставляют добавочный колышек (б), который нужен, чтобы разъединить будущий зев.

Снуют по две нитки, сразу с двух клубков, которые лежат прямо на полу или в решете, или в корзиночке. Обе нити перекидывают через два деревянных крюка, воткнутых в потолок, или продевают в ушки ножниц, воткнутых в матицу. Каждая нитка отдельно продевается потом через сновальную лопатку с двумя дырочками или юрок (на Украине — ряды), задача которых соединить обе нитки, но так, чтобы они ближе ложились друг к другу и не скрещивались.

Юрок (2) бывает двух видов: старинный — в виде полого цилиндра из дерева или кости с двумя или тремя отверстиями сбоку (с. Борщевое Рязанской обл., Брянское Полесье) и длинный деревянный.

Юрок первого типа был известен в Киевской Руси XI — XIII вв. Б. А. Рыбаков называет его «костяным кольцом для ссучивания ниток». Вероятнее всего, найденный костяной юрок употребляется для снования и его наличие, повидимому, свидетельствует о существовании горизонтального ткацкого станка, так как для снования на вертикальном станке он не нужен. Наличие на одном юрке четырех дырочек, а на другом — шести, говорит о существовании в это время тканья на четырех и более подножках, когда снуют не по две нитки, а по четыре-шесть сразу.

Юрок второго типа — цилиндрическая палочка длиной около 20 см, на которой на расстоянии примерно 2,5 см от концов делаются поперечные надрезы до половины толщины палочки, но на противоположных сторонах, навстречу друг другу. С обоих концов в палочке прокалываются тонким шилом отверстия, доходящие до надрезов; промежутки между надрезами остаются непроколотыми. Нитка пропускается сквозь отверстия и выходит на поверхность через надрезы. Такое устройство

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло. «История культуры древней Руси», т. I, стр. 110.

юрка усиливает трение и позволяет натягивать основу более туго. Этот тип юрка известен в Витебской, Вологодской, Новгородской, Московской и других областях.

Начинают снова с колышка 1; концы обеих ниток связаны вместе. Одна нитка идет над колышком, другая под ним. Обе нитки идут к колышку 1а (получается первая «стена»), от колышка 1а к колышку 2 (получается вторая «стена»), от колышка 2 к колышку 2а (получается третья стена») и т.д.

Таким образом, для холста «в одну стену» нужно три колышка, «в две стены» — четыре, «в три стены» — пять колышков. Дойдя до последнего колышка, обе нитки идут назад, причем, дойдя до колышка 6, обе нитки один раз кладутся над ним, а другой раз — под ним.

Снятие основы с колышков производится с глухого конца, т.е. с того, где нет колышка (6); основу складывают петлями (косой). После этого, если основа льняная или конопляная, ее нередко обваривают кипятком и толкут в ступе, чтобы она была прочнее; высушив, основу навивают на стан.

Ширина ткани измеряется пасмами.

Тканина бывает в 9, 10, 12 пасм.

Снование по стене — процесс весьма медленный и утомительный, так как требует непрерывного перехода ткачихи от одного колышка к другому. Чтобы основать холст в 10 пасм (300 ниток) «в 12 стен», при длине стены в 3,2 м нужно совершить 3600 таких переходов («метаний»), т.е. пройти в общей сложности 16 км. Снование считают нужным закончить в один день; на ночь основу оставлять рискованно, так как она может перепутаться¹.

Рамочная сновалка

Рамочная сновалка (рис. 18, 3), на Украине — оснвница, представляет собой раму длиной 2 - 3,2 м и шириной 1,3 м. В боковые планки рамы втыкаются колышки, а колышек 6 для образования зева в нижнюю планку рамы — долевую. Крестьяне обычно говорили, что рамочные сновалки стали делать, «чтоб не портить избу дырами для кольев в стене». Но главное преимущество рамочной сновалки в том, что она переносная. На ней можно сновать и на улице, и в сарае, и, не окончив работы в один день, вынести на ночь в сарай.

В ряде мест рамочная сновалка заменила снованье на стене, например, Польное-Ялтуново, Мелехово Рязанской обл., Гремячее Тульской обл., Старое село (Витебщина), Тельпуны, Боровики (Мозырщина).

Принцип снования на раме и по стене один и тот же.

Вертящаяся сновалка

В основу работы на вертящейся сновалке положен другой принцип: сновалка вертится, а работница стоит на месте. Вертящаяся сновалка (сновница — укр., сновальня — белор.) (рис. 18, 4) состоит из двух больших четырехугольных рам (2,5x1,5) (а), перпендикулярно вставленных одна в другую и вращающихся на проходящей через них вертикальной оси (б) (высотой до 2 м). Ось одним концом с острием (в) упирается в брусок (г), положенный на пол, а другим — в потолочную балку. Для образования зева на конце одной рамы делается де-

ревянная вилочка (д) или две перекладных с двумя лышками; при сновании нити описывают на них зев. Во время снования работница держит в левой нити, а правой вращает сновальню и следит, чтобы нити ложились правильными рядами, спиралью, из которых каждый называется стеной. Пасмы перевязываются же, как и при мотании мотков.

Этот способ снования в 5 раз быстрее снования по стене и менее утомителен. Со снованием по стене он исторически не связан. Можно предполагать, что этот способ перешел в народную среду из фабричного ткачества через ткачей-кустарей.

Вертящаяся сновалка по принципу работы близка барану для мотания ниток. Разница в том, что сновальня имеет вертикальное положение, а баран горизонтальный, а также в том, что на сновалке снуют по две нитки, одной разделяя их на две части — на верхние и нижние нити зева, а на баран, который вилки не имеет, мотают по одной нити.

Вертящаяся сновалка зафиксирована этнографическими экспедициями во многих местностях², но широкое распространения она, видимо, не получила.

V. Плетение и тканье

Тканьем называется такой способ получения материи или тесьмы, при котором имеются налицо два признака: 1) разделение ниток на две группы — основу и уток.

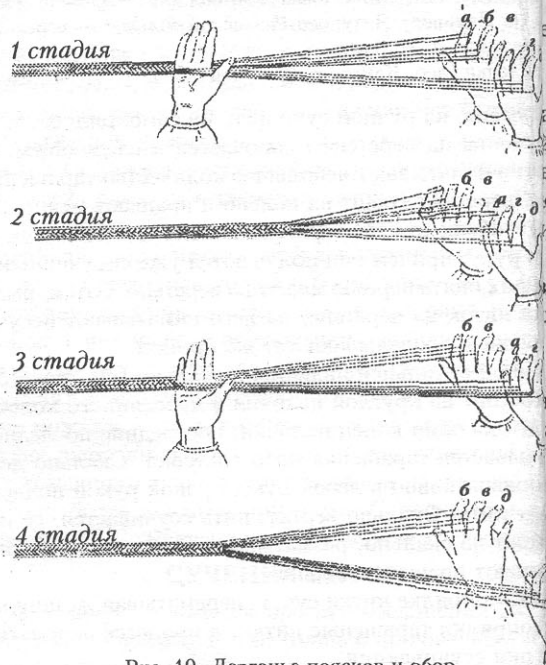

Рис. 19. Дерганье поясков и обор (с. Фролово Калужской обл.)

ком называются нитки, пропускаемые под прямым углом к нитям основы; 2) механическое чередование — нитки основы разделяются на две группы, образующие зев, и при каждом чередовании зева нитки, находящиеся внизу, поднимаются кверху, а находящиеся вверху, опускаются вниз, что достигается применением дощечек,

¹ Существовало даже поверье, что «иначе в нее ночью заберутся черти и перепутают нитки» (Н. Я. Никифоровский. Указ. соч., стр. 158).

² Петровский уезд Саратовской губ. (1923 г.). Зиновьево в Заонежье (1927 г.). Московская слобода, Каменев, Шатово, г. Крапивна Тульской обл. (1928 г.).

течка, нита и нита с подножками (см. ниже). К примитивному тканью следует отнести тканье на дощечках, на дердечке, на нити, «живой стан»; к развитому — тканье на вертикальном и горизонтальном станах. Способы, в которых отсутствуют один или оба признака тканья, можно отнести к плетению и полутканью. Плетением обычно считают такой процесс, когда не имеется различия между основой и утком, а также отсутствует механическое чередование зева, а полутканьем — когда основа и уток различаются, но нет еще механического чередования зева. К плетению относятся дерганье обор и шнура, плетение на стене; к полутканью — плетение на илочке, на ноге, на колодочке.

ПЛЕТЕНИЕ

Дерганье

В работе участвуют двое. Пальцы одного из них служат для надевания основы и переплетения ее; второй участник держит другой конец основы в левой руке и прибивает уток правой (рис. 19).

1-я стадия. На правой руке на трех средних пальцах одето по одной петле (петли а, б, в), на указательном пальце и на среднем — также по одной петле (петли д и е).

2-я стадия. Первый работник безымянным пальцем левой руки продергивает петлю а через петли б и в; второй — дергает всю основу к себе и правой рукой прибивает полученное плетение.

3-я стадия. Первый работник переносит петлю б со среднего на указательный палец правой руки, петлю в — с безымянного на средний.

4-я стадия. Первый работник безымянным пальцем правой руки продергивает петлю д через петли а и г левой руки; второй работник дергает к себе основу и прибивает полученное переплетение. Чтобы получить плоскую тесьму, нужно левую сторону петель б и в опускать вниз, а правую сторону петель а и г поднимать вверх.

Чтобы получить круглую тесьму, нужно при продергивании петли а брать ее за ее правую сторону, а при продергивании петли д брать ее за ее левую сторону.

В день можно надергать около 4,5 м тесьмы.

Таким образом, при дерганье нет резкого различия между основой и утком и однообразного чередования зева, почему его и нельзя отнести к ткачеству.

Эта техника известна у русских в Рязанской, Смоленской, Брянской, Липецкой областях: у белорусов — в Могилевщине и Витебщине.

Сирелиус описывает эту же технику тканья у финнов¹.

Шнур, полученный таким образом, употребляется на ашники и на окаймление понев (Зимницы, Новый Свет Рязанской обл.), на оборы (Щигры, Ловать, Фролово, Местковичи, Турьевка, Моховая, Белый Колодезь и многие другие селения той же области) и на петли к пуговицам рубах (Красная Дубрава Пензенской обл. и во многих селениях Рязанской обл.).

Территория распространения этой техники говорит о древней культурной общности предков южновеликорус-

сов и белорусов, а наличие ее у финнов позволяет поставить вопрос о более широком ее распространении среди древних групп населения Восточной Европы, что может пролить свет на их взаимоотношения в прошлом.

Плетение на стене

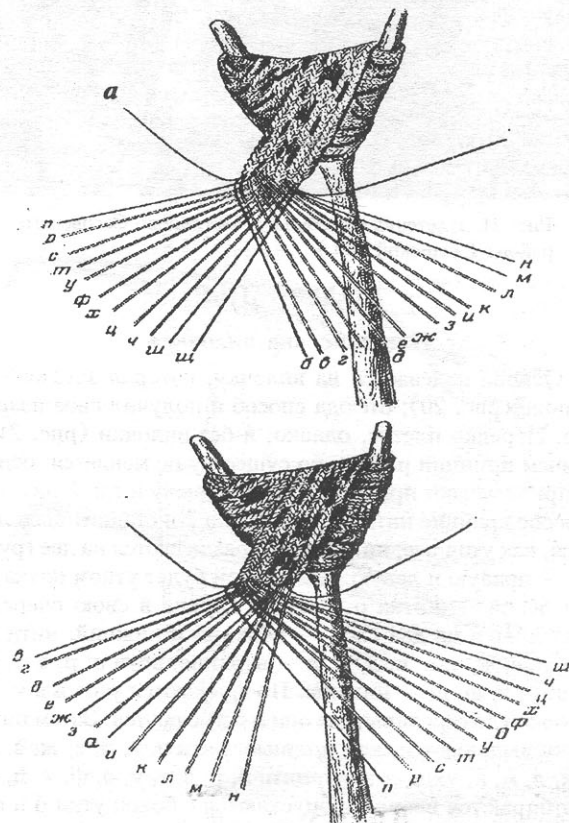

Рис. 20. Плетение на вилочке (Старое село Витебской обл.)

Снуют основу между двумя колышками, воткнутыми в стену. Плести начинают, не снимая основы с колышков.

1-я стадия. Каждую верхнюю нитку, надевая ее на большой палец, переплетают с лежащей под ней нижней. Все нижние нити держат в руке.

2-я стадия. Нижнюю нить перевивают с верхней, надевая ее на большой палец и держа верхние нити в руке. Когда три раза повторяют обе стадии, начинают плести с другого конца; при плетении на одном конце получается плетение и на другом.

Рассмотрение ареала такого способа плетения представляет значительный интерес.

Плетение поясов на стене характерно для украинцев² и белорусов³, а у русских⁴ наблюдается лишь в западных частях областей, соседствующих с белорусскими и украинскими, т.е. там, где проходила в прошлом этническая граница между древними восточнославянскими племенами, а может быть, и между их предками.

¹ U. T. Sirelius. Suomen kansanomaista kulttuuria. Helsingi, 1926, т. II, стр. 118. рис. 134.

² На Полтавщине — М. Хомутец, Вел. Сорочинцы; на Черниговщине — Случевск и во многих других местах.

³ На Витебщине — Старое село; на Мозырщине — Грабово, Сарычи, Пуховичи, Лучники; на Туровщине — Запесоцье, Тонеж; в Б. Гомельской губ. — Песчанка.

⁴ В Брянской обл. — Алексеевка, Бояновичи, Гуличи, Местковичи, Немеричи в западных частях Орловской и Курской областей.

Рис. 21. Плетение с гребня (с. Салтыково Сасовского района Рязанской обл.)

ПОЛУТКАНЬЕ

Плетение «на вилочку»

Основа издается на вилочку, которая затыкается за пояс (рис. 20); отсюда способ и получил свое название. Нередко плетут, однако, и без вилочки (рис. 21), причем принцип работы по существу не меняется: основу привязывают при этом к палке, крюку и т.п. При этом способе крайние нити основы (1-я и 2-я стадии) выделяются, как уточные; нити основы разделяются на две группы — правую и левую: для правой будет утком нитка, а для левой — нитка о. Каждая группа в свою очередь разделяется на два слоя — верхний и нижний; нити б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н — верхние, нити п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ — нижние. Пропускаются уток а и уток о с боков до середины, где они и встречаются. Затем нити б и щ выделяются, как уточные: нити в, г, д, е, ж, з, а, и, к, л, м, н, уходят вниз; нити п, р, с, т, у, о, ф, х, ц, ч, ш отбираются вверх; пропускаются с боков утки б и щ до середины каждой и т.д. При делении ниток на верхние и нижние они отсчитываются по две, при образовании нового зева половина ниток старого зева остается. Этот способ изготовления тесьмы шассообразно называть полутканьем, так как в разделении ниток на верхние и нижние закладывается уже зачаток зева, другие же черты тканья отсутствуют. Узор достигается подбором цветных ниток; в основе и получается в процессе работы механическим путем. Особых приемов для получения узора нет. Излюбленный узор, легко получаемый технически, — ромбы (в Старом селе на Витебщине называемый копытца).

Этот способ зафиксирован у белорусов¹, русских², литовцев³ и финнов⁴. Плетение на вилочку в Киевской Руси засвидетельствовано славянскими материалами раскопок XII в. на Кубани (коллекция ГИМ).

Плетение на игле

Примитивность этого способа тканья позволяет предполагать наличие его в еще большей древности, чем предыдущего способа.

В детских играх в Рязанской обл. и в Белорусии, которые мне случилось наблюдать в 1927 г., применялся этот способ: девочка надевает по одной петле на каждый палец ноги, концы их соединяет вместе и привязывает к поясу, через каждую нить пропускает уток, вбивая его рукой. В Мелехове (Чучковский район Рязанской обл.) девочки таким способом ткали повесу куклы. Основа была конопляная, уток — сученая, белая и красная шерсть; получался клочок ткани, аналогичный повесной ткани, изготавливаемой взрослыми ткацким станом. В Белоруссии в с. Грабове (Копаткевский район Гомельской обл.) девочки ткали таким способом пояски. В Литве в Даукия ткали «на палец» и взрослые.

Плетение на колодочке

При плетении на колодочке берут деревянную щипцовую колодочку или пробку с просверленной сквозной дыркой в середине, или катушку; вокруг этого отверстия вкалывают булавки или иголки. На каждую из них петлю накидывают нити, которые пропускают через отверстие и на обратной стороне отверстия связывают узлом. Затем новой нитью по очереди на каждую булавку наматывают новую петлю, а первую петлю снимают с булавки, перекидывая через вновь образованную петлю.

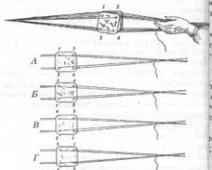

Рис. 22. Тканье на дощечках (с. Таль Минской обл.). А — 1-я стадия; Б — 2-я стадия; В — 3-я стадия; Г — 4-я стадия

Когда пройден один круг, то нижним узлом готовый шнур оттягивают вниз сквозь отверстие и т.д. Полученная «плетенка» имеет петлю, аналогичную петле привязывания чудок на спицах и кружева крючком. Нити основы разноцветны, и это дает узор.

Возможно, что некоторые «грузинки» Савиных-Городица на верхней Волге служили колодочками тканья круглых поясов.

Плетение на колодочке зафиксировано в Белорусии (Ляховичи, Беседки на Мозырщине), кое-где у славян.

¹ Старое село на Витебщине: Домантовичи, Бокосы, Чуховичи, Грабово, Таль на Мозырщине.

² Гандыбинцы и Бокосы Калужской обл.

³ Историко-этнографический музей Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе.

⁴ У. Т. Вителли, Уаки, стр. 118—119, рис. 135, 137.

⁵ ММА, № 12, 1926, рис. 19.

⁶ На Кавказе у лезгин (Ю. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882, стр. 140) и в Средней Азии изготовляли из кожаных «сплетенных» веревками карт (коллекция ГИМ).

ных великорусов (например, в Горьковской обл.) и в Московской обл. (Савино Дмитровского района).

ПРИМИТИВНОЕ ТКАНЬЕ

Тканье на дощечках

Тканье на дощечках — своеобразный древний способ изготовления тканей, имевший широкое распространение в Европе и Азии. Ткали при помощи квадратных дощечек из дерева и кости с четырьмя дырочками¹. В раскопках Кимрского городища XI — XIII вв. Н. П. Милоновым найдена костяная дощечка с четырьмя дырочками.

Ширина ткани определяется количеством взятых дощечек — от двух до 150. Изготавливались этим способом главным образом тесьма для обора, пояса, обшивка подола пояса (до 40 см шириной)² и даже платки³.

В каждую из дырочек дощечки вставляют по одной нити основы. Один конец основы привязывают к гвоздю, другой — к поясу ткачихи. Тканье состоит из четырех стадий (рис. 22). При каждом переворачивании дощечек образуется новый зев, через который пропускают уток.

1-я стадия. Нити, продернутые через первую и вторую дырочку дощечек, образуют верхние нити зева; нити, продернутые через третью и четвертую дырочки — нижние нити зева. Пропускают уток.

2-я стадия. Дощечки переворачивают так, что нити, продернутые через вторую и четвертую дырочки, были сверху, а нити, продернутые через первую и третью дырочки, были снизу; получается новый зев. Пропускают уток.

3-я стадия. Дощечки переворачивают; нити, продернутые через четвертую и третью дырочки зева, находятся сверху; нити, продернутые через вторую и первую дырочки, находятся снизу. Образован новый зев. Пропускают уток.

4-я стадия. Дощечки поворачивают; нити, проходящие через третью и первую дырочки, находятся наверху; нити, проходящие через четвертую и вторую дырочки — внизу. Образован новый зев. Пропускают уток.

Таким образом, при каждом чередовании зева сменяется одна четвертая часть нитей основы. Уток приближается правой рукой ткачихи особым деревянным ножиком (кордиком). Этот способ может быть уже назван тканьем, так как имеются самостоятельные основы и уток, а также механическое чередование зева.

Узор получается чаще всего механически, благодаря сочетанию разных цветов нитей в основе, либо путем выборки отдельных нитей для узора во время тканья, чем нарушается механически полученный зев.

Излюбленные узоры — елочка, круги, гребеш, ерши. Перед тем как ткать целые фразы; например: «Кого люблю, тому дарю» (Ярославская, Костромская, Псковская области). Чтобы получить узор «елочку» при тканье на ельнике дощечках, в две средние дощечки через первую и вторую дырочки пропускают красную нить, а через

третью и четвертую — желтую.

Для получения узора «крут» через первую дырочку средних дощечек пропускают черную нить, через вторую — белую, через третью — лиловую, через четвертую — красную и т.п.

Тканье на дощечках имеет очень широкое распространение. Оно сохранилось у русских (как северных великорусов⁴, так и южных великорусов⁵), у белорусов оно известно на Витебщине (Старое село) и Мозырщине. Тканье на дощечках было распространено у так называемой русской мешеры и у всех народов Поволжья: мордвы, мары, чувашей, удмуртов, а также у карелов, ижор-

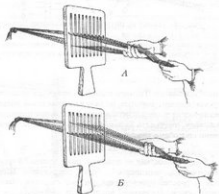

Рис. 22. Тканье на дощечке (Лер. Беловка Гомельской обл.)
А — 1-я стадия; Б — 2-я стадия

цев, эстонцев, литовцев, латышей, финнов-суоми⁶ и у болгар.

Существование в прошлом в Западной и Северной Европе этого способа тканья подтверждается находками в неолитических свайных постройках на территории Швейцарии, в погребениях в Ютландии (II тысячелетие до н.э.)⁷, в Норвегии и Швеции (X в. н.э.) и в Эстонии (XIII в. н.э.).

Ранее всего тканье на дощечках появилось, вероятно, в культуре древнего Дунавья⁸.

На территории Европейской части СССР с эпохи позднего неолита (в городищах дьякова и городицкого типа) встречается в большом количестве «текстильная керамика» — с отпечатками тканей, сделанных на дощечках. Автором данной работы вместе с А. А. Мансуровым проведены опыты отпечатывания поясов, сделанных на дощечках, на пластах глины. При этом получались образцы, вполне аналогичные черепкам, найденным в раскопках городищ.

Тканье на дощечках охватывало, таким образом, громадный ареал Европы, Кавказа, Средней и Передней

¹ С. Роденство (Монастырщина) Тульской обл.

² Узоры на острове Сарока и Хитра (коллекция Этнографического музея Академии наук Латвийской ССР в г. Тарту).

³ См. летопись в Новгородской обл. (на р. Куле и в деревнях Лопати), на Петрове, Мезин, Северной Двине, в Вологде, г. Вязники, в Костромской обл. (Котормово, Любимово, Игнатово, Северная, Соловьевское, Черное, Шелковское, Моложское, Окуловское). См. В. И. Смирнов. Русское узорное тканье, СЗ, III, 1940, стр. 92.

⁴ В Карелии, Тульской, Ульяновской, Оренбургской, Курганской и Рязанской областях.

⁵ В. Т. Зинин. Узор, стр. 126, рис. 126.

⁶ А. В. Барков. «Сетчатое» керамическое, стр. 287.

⁷ А. Я. Давидов-Гугут. Узоры керамики древней истории до позднего 50 лет. «Восточная древняя история», М., 1937, № 1, стр. 45. В той же работе отмечено бытование известного способа тканья до 40 лет до этого в Тифлисе, а во время написания статьи — в грузинских деревнях.

Азии. Оно дожило до наших дней в отдельных довольно многочисленных пунктах, в виде реликта древнего производственного процесса, и употребляется для изго-

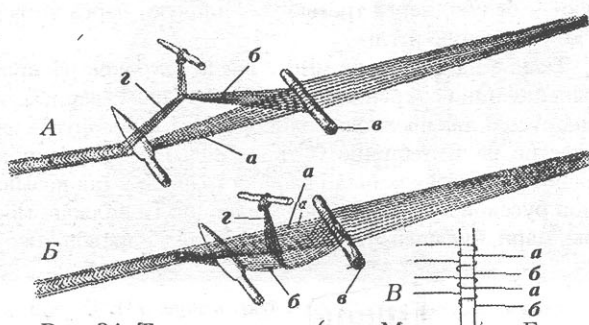

Рис. 24. Тканье на ниту (дер. Местковичи Брянской обл.) А — 1-я стадия — нит поднят; Б — 2-я стадия — нит опущен; а — нити верхнего зева; б — нити нижнего зева; в — качулка; г — нит; В — схема пропуска ниток через качулку

товления поясов. Техника тканья на дощечках не имела прогрессивного развития, не дала в течение веков новых технических усовершенствований. Все данные приводят к выводу, что тканье на дощечках ни с какими позднейшими способами тканья не связано.

Тканье на бердечке

Бердечко состоит из дощечки, разделенной на трости параллельными щелеобразными отверстиями. В середине тростей просверлены круглые дырочки. Часть нитей основы (нечетные) продевается через дырочки в тростях, другая же часть (четные) — между тростями берда (рис. 23). Один конец основы надевается на крюк, вбитый в стену, а другой привязывается к поясу ткачихи. Основа находится в немного наклонном положении от стены по направлению к ткачихе; ткут вдвоем: одна ткачиха поднимает и опускает бердечко то вверх, то вниз; другая пропускает уток и прибавляет его или рукой, или деревянным ножом.

1-я стадия. Бердо поднято: нити, продетые между тростями, находятся внизу; пропускается уток.

2-я стадия. Бердо опущено: нити, продетые в круглые отверстия тростей, находятся внизу; нити, продетые между тростями, — наверху; пропускается уток. Узор достигается выборкой, подъемом вне очереди ряда нитей. Полученный узор ничем не отличается от узоров, получаемых при тканье на ниту (см. ниже).

Способ тканья на бердечке является действительно тканьем, так как здесь есть самостоятельные основа и уток, располагаемые перпендикулярно друг другу. Здесь имеется и механическое чередование зева.

На территории СССР этот способ известен по материалам городищ дьякова и городецкого типа, где встречается в большом количестве штампованная «рогожная керамика», которая считается сосуществовавшей еще с более поздним комплексом «текстильной керамики»¹.

Наличие рогожной керамики заставляет предполагать

существование бердечек для тканья рогож, потому другие орудия для производства рогож и решет неиз-

тны. Бердечко распространено в рогожном и решет производств у всех групп восточных славян. В настоящее время тканье поясов на бердечке известно по Псковщине, в ильменском Поозерье, в низовьях Лов, в Вологодской обл., на Смоленщине, Могилевщине. Кроме того, оно известно у пермяков, мордвы, а также Сибири — у хантов. Описано оно и у западных нов².

Тканье на бердечке имело очень широкое распространение во всей Европе, начиная со средних веков, также в Америке с XVI в., куда по всей вероятности было занесено европейцами.

Некоторые ученые полагают, что бердечко было прототипом нитов и берда, употребляющихся в современных горизонтальных ткацких станках, причем его функция как бы разделилась впоследствии между ними. Вернее считать, что современный ткацкий стан развился из другого примитива — тканья на ниту. Бердо, служащее в нем для прибавления утка, ничего общего с бердечком для тканья поясов не имеет, кроме самого названия. Правильнее всего считать, что бердечко осталось только в решетном и рогожном производствах, не дав, как тканье на дощечках, дальнейших более совершенных технических форм.

Тканье на ниту

Тканье на ниту является прототипом тканья на бердечке.

Тканье на ниту, главным образом поясов, состоит в том, что нити основы прикрепляются одним концом гвоздю на стене, а другим привязываются к поясу ткачихи. Длина основы колеблется от 1 до 2 м, в зависимости от предполагаемой длины пояса (рис. 24). Верхние (а) и нижние (б) нити разделяются на две группы при помощи деревянной палочки (качулки) (в), помещенной между нитями. Нечетные нити (б) обертываются вокруг палочки сверху, а четные (а) — снизу по схеме прохождения нитей через палочку, рис. 24. Этим создается основное положение зева. Чтобы получить второе положение зева, нижние нити перевязываются петлями из суровых ниток, называемых ниточками, при помощи которых они подтягиваются кверху, отчего произошло и название этого способа тканья. При каждом чередовании зева пропускается уток.

1-я стадия. Нит поднят — подняты нечетные (б) нити. Пропускается уток.

2-я стадия. Нит опущен — четные (а) нити основы находятся сверху, нечетные (б) — внизу. Пропускается уток.

Уток прибавляется рукой или кордиком (Брянская обл.), ножом и т.д.

Такой способ тканья известен у русских в Рязанской, Тульской, Орловской, Курской, Вологодской, хангельской областях; у белорусов — на Мозырщине, Витебщине, а также у литовцев.

¹ О. Н. Бадер. Древние городища на верхней Волге. МИА, № 14, 1950, стр. 131.

² U. T. Sirelius. Указ. соч., рис. 141 и 143.

³ Таль, Беседки, Сарычи, Домантовичи, Бобры, Пуховичи, Милашевичи.

У белорусов пояса, вытканые на ниту, обычно узкие, с небольшим количеством красных или синих шерстяных нитей в основе; у русских — пояса широкие многоцветные, с большим разнообразием узоров.

В Брянском Полесье, например, излюбленными узорами являются глазики, гречишка, гребенки и косячки, елочки, пальцы, клин и баран, улицы, крючки, гуиные лапочки, прянички, кривая лапка, дробанка. Их получают путем выборки ниток из зева. Все эти узоры геометрические, хотя носят название частей человеческого тела, животных или растений, что определяется частями холщовым переплетением ткани; геометрические фигуры все угловатые, например, круг изображается в виде шестиугольника.

«Живой стан»

К началу XX в. относится единичное сообщение о существовавшем в это время в Пензенской губ. довольно слож-

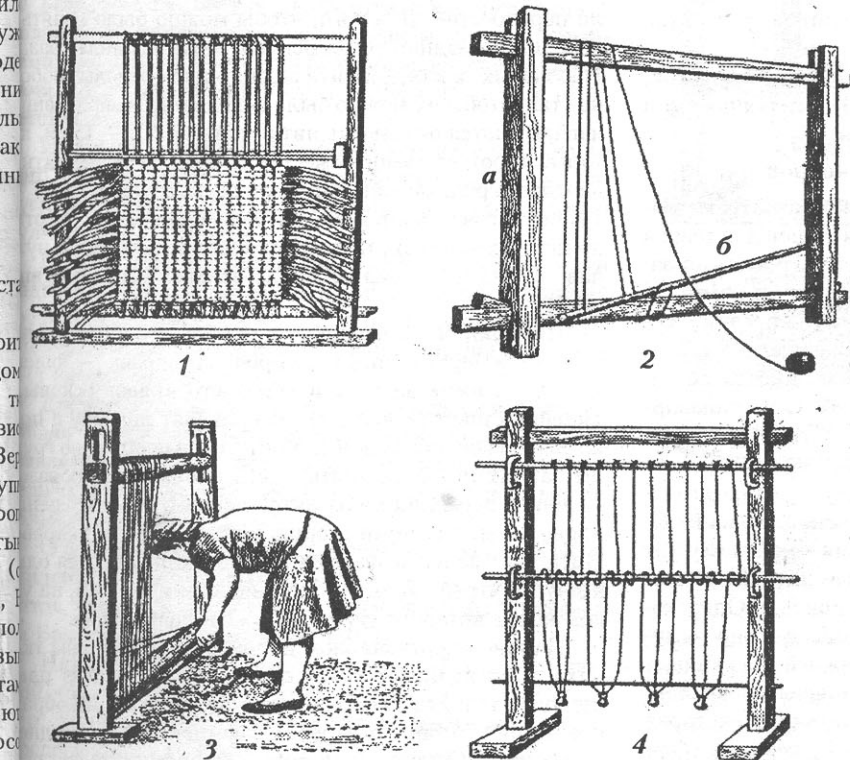

Рис. 25. Вертикальные ткацкие станы

1 — стан для тканья рогож (УССР); 2 — кросна для тканья ковров (Полтавщина); а — кросна; б — бервины; в — глиця; 3 — стан для тканья ковров (дер. Долженково Курской обл.); 4 — реконструкция ткацкого стана с грузиками

ом способе тканья на пальцах, названном местным краеведом Гвоздевым «живой стан»¹.

Этот способ представляет большой исторический интерес, так как возможно, что мы имеем здесь дело со случайно сохранившимся реликтом древней техники тканья. Поэтому нельзя считать удачным название, данное Гвоздевым, предполагающее подражание горизонтальному ткацкому стану.

Процесс тканья происходит следующим образом.

Пять женщин становились рядом, пять других — против них; одиннадцатая женщина сновала основу через пальцы от одной группы женщин к другой. Она командовала одной группе женщин, когда основа была готова, поднять руки вверх и пропускала уток; после этого, по ее команде, другая группа женщин поднимала руки, а первая опускала, и руководительница вновь пропускала уток. В результате тканья получалось полотняное переплетение. В основе было 100 нитей, и пояс получался довольно широким. При большем количестве женщин, участвующих в этой работе, можно было достичь большей ширины ткани. В этом способе тканья налицо основа, уток и механическое чередование зева при помощи пальцев.

Допустимо предположить, что этот способ тканья мог возникнуть в прошлом при наличии большой семьи или даже материнско-родовой группы, позволявшей организовать такой сложный процесс, требовавший участия большого количества женщин, идеальной дисциплины и слаженности в работе, руководимой «старшей».

РАЗВИТОЕ ТКАНЬЕ НА ВЕРТИКАЛЬНЫХ И ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ ТКАЦКИХ СТАНАХ

Станы, употребляемые в настоящее время для тканья у восточных славян, исследователи обычно делят на два типа: вертикальные и горизонтальные.

На вертикальном ткацком стане основа находится в вертикальном положении и длина ее определяется размером рам; зев образуется двумя палочками; имеется или нит, или берdeckko; уток прибивается пожевидной пластинкой — трепалом (веслом, билем) или коротеньким гребнем. Вертикальный ткацкий стан сохранился в решетном, рогожном и ковровом производствах.

На горизонтальном ткацком стане зев образуется при помощи берdeckka (в рогожном производстве) или нитченка и подножек. Горизонтальный ткацкий стан допускает неограниченную длину основы и, стало быть, ткани.

Различают два типа горизонтальных ткацких станов: рогожный стан со своеобразным бердом вместо ремизок, без подножек, с веслом для прибивания утка и стан для нитяного тканья — с нитами, подножками и бердом для прибивания утка.

Вертикальный стан для рогож

Вертикальный ткацкий стан для тканья рогож и «мелкого кулька» описан Н. А. Филипповым, изучившим ро-

¹ Гвоздев экспонировал в 1923 г. на Сельскохозяйственной выставке в Москве образцы поясов, вытканых этим способом, процесс тканья сообщен собирателем тору данной работы.

² Н. А. Филиппов. Орудия рогожного промысла и способ производства работ «Отчеты и наследования по кустарной промышленности в России», т. IV, 1897, стр. 98.

гожий промысел в 6. Нижегородской и Костромской губерниях: «Верхние концы основы привязаны шестью узлами к палочке..., лежащей на шестах..., укрепленных под потолком избы. Основные нити пропускаются через бердо..., висящее на 4 бечевках». Бердо состоит из тростей с дырочками. Одно лыко пропускается между тростями, другое — в дырочку трости. «Нижние концы основы перевязываются мочальной бечевой и привязываются веревкой к палке...; на эту последнюю для натяжения основы привешивается деревянная колода... Для образования зева бердо отклоняется левой рукою ткача, а правую он вкладывает челнок с уточным мочалом»². (Тип челнока тот же, который употребляется для вязания сетей).

Работа состоит из двух стадий.

1-я стадия. Все лыки, находящиеся между тростями, образуют задние ряды основы, а лыки в отверстиях — передние. Между ними пропускается уток.

2-я стадия. Лыки, пропущенные в отверстия, уходят назад, а нити между тростями переходят вперед. Уток прибавляется биллом.

Такой же стан, но только с рамой вместо брусков, известен на Украине (коллекции ГМЭ) для тканья сит и решет (рис. 25, 1).

Вертикальный стан для ковров

Типичный ковровый ткацкий стан описан А. И. Зарембским¹ (рис. 25, 2). «Вертикальный станок для тканья ковров в восточной Украине называют «кросна», в западной Украине — «разбои». Он состоит из рамы — двух деревянных столбов... (собственно «кросна»), соединенных сверху и внизу двумя перекладинами... («бервинами»).... Размеры станка различные, иногда достигают 2,5 м длины и свыше 1,5 м высоты. Он устанавливается в хате в наклонном положении, упираясь верхней частью в стену.

На полученную таким образом раму стана натягивается вертикально через перекладины основа в два ряда, по обе стороны рамы. Для натягивания основы служит «глиця» (в) — тонкая цилиндрическая палочка немного длиннее предполагаемой ширины ковра... Одна коверщица привязывает конец нити основы к концу «глицы» и, сама оставаясь с клубком у нижней «бервины», передает «глицю» своей помощнице, стоящей сбоку станка, а эта передает «глицю» третьей коверщице, которая помещается на какой-нибудь подставке у верхней «бервины»; последняя перебрасывает «глицю» через верхнюю «бервину» на заднюю сторону станка; вторая коверщица тянет «глицю» вниз и передает первой коверщице, которая подводит ее под нижнюю «бервину», выводит на переднюю сторону станка и прикладывает ее к наружной стороне нижней «бервины» таким образом, чтобы конец «глицы» с привязанной нитью находился с левой стороны. Затем эта же коверщица, придерживая «глицю» на «бервине» в приданном ей направлении, проводит справа нитку основы между «бервиной» и «глицей», помещая нитку над первой задней нитью, и, обогнув «глицю» нитью снизу, передает нить второй и третьей коверщицам. Нить таким образом идет вверх, перебрасывается петлей через верхнюю «бервину» на заднюю

сторону станка, проводится под нижней «бервиной» на переднюю сторону станка, обвивает сверху «глицю», ходит далее между «глицей» и нижней «бервиной», тягивается; получается первая пара нитей основы, т.д. «Таким образом навивается основа до конца. разделяется «глицею» на два ряда — передний и задний, последовательно нить за нитью. Конец основы привязывается к правому концу «глицы». Основа после этого плотнее натягивается заколачиванием клиньев в отверстия в «кроснах», через которые проходят «бервины». Чтобы не спутался порядок нитей, их обыкновенно называют на верхней «бервине» тестом.

Для образования перекрестия верхнего и нижнего рядов основы служит вторая «глиця», длиннее первой и обычно не цилиндрическая, а в форме линейки. помещается на лицевой стороне основы на расстоянии около 1/2 м от нижней «бервины», параллельно основному ряду продевается... таким образом, чтобы передние нити, введенные назад, и задние, притянутые вперед, образовали перекрестие. Для того, чтобы можно было менять передний и задний ряды основы ниже «глицы», для сдвигающей их, к каждой нити заднего ряда основы свиваются по две нити (так, чтобы их можно было передвигать вверх и вниз), навязываются отдельные нитки длиной 10 — 15 см, которые в соответственных местах выводятся сквозью из переднего ряда основы наружу и здесь группами по 10 нитей связываются вместе узлом. Во время работы по мере надобности, натягиванием одного из узлов передняя группа нитей заднего ряда основы выводится на перед.

Принцип образования зева тот же, что и при ткачестве на нуте: «Первую нить утка проводят справа — между нитями» заднего и переднего «рядов основы» линейку ставят ребром; затем приводят линейку в нижнее плоское положение и, притягивая постепенно нити задних нитей за «ниты», и... меняя таким образом задний и передний ряды нитей основы, — постепенно проводят между ними вторую нить утка слева направо. Нити утка не натягиваются сильно и прибавляются к другой «гребенкою» — деревянным молотком, концы которого укреплены железные зубья».

На таком вертикальном ткацком стане ткот односторонние чиха. Она начинает ткать снизу; когда выткана одна сторона, ткачиха готовую ткань передвигает на другую сторону стана, а наперед сдвигает основу с задней части стана. Длина ткани равна двойному размеру ширины.

На этих станах ткот и мешкообразные ткани? Их вдвоем — одна ткачиха с одной стороны, другая с другой, причем они пользуются одним утком, передавая его друг другу при каждом чередовании зевов.

Возможно, что таким способом изготовлялись некоторые туникообразные одежды кодмана. Плащ-кодман, известный в Скопинском уезде Рязанской обл., в Данковском — Липецкой обл., с Рождествено (Монастырщина) Тульской обл., из двойного полотнища шерстяной ткани, перегибается пополам, вернее из мешка. Кодман накидывают на плечи и придерживают на груди двумя пришитыми к

¹ А. Зарембский. История и техника тканья украинских килимов, стр. 11 — 12.

² Имеются данные об умении ткать мешки и одежду без швов в древнем Египте в эпоху 22-й династии (М. Хвостов. Очерки организации промышленности и ремесел в греко-римском Египте. Казань, 1914, стр. 13). Письменные источники начала нашей эры также говорят о существовании таких одежд в Передней Азии.

ей его части узкими полотнищами, сделанными из той же ткани. Двойной слой ткани на кодмане, может быть, является пережитком описанной выше техники тканья, так как для большей толщины кодмана проще было бы делать его из сукна.

К этому же типу изделий, возможно, относятся посёлки — спальные мешки, сшитые из ватол (ткань с моноплиной основой и утком из тряпок или верчи), которые в Брянской и Рязанской областях служили одновременно и подстилкой и одеялом.

Очень широко распространено изготовление ковров на вертикальных ткацких станах в юго-восточной части Орловской обл. и повсеместно в Курской и Белгородской областях. Геометрический и растительный орнамент выполняется закладной техникой, но нередко применяется и другой, очень своеобразный прием: каждый пучок ниток, предназначенных для утка, окрашивается обжиганием отдельных участков его в краски нескольких цветов. Такой уток дает узор стрелками.

Более древние вертикальные станы, как можно предполагать по археологическим находкам, были с грузиками (рис. 25, 4); зев в них образовывался двумя палочками, которые разделяли нити основы на четные и нечетные группы¹.

Изобретение в раннеметаллическом веке вертикального ткацкого стана наряду с железным оружием, паусными и весельными кораблями ознаменовало собой культурную революцию.

Наличие вертикальных станов на территории России подтверждается многочисленными находками ткацких рузил на городищах дякова и городецкого типа². Л. Пидерле считает, что древним ткацким станом у славян был именно вертикальный.

Древние типы женской и поясной одежды восточных славян — запаска, плахта, распашные поневы, представляющие короткие полотнища, вытканые каждое отдельно, возможно, изготавливались в древности на вертикальном стане.

О бытовании такого стана у русских в конце XIX в. свидетельствуют бурболки — грузила для оттягивания иток, употреблявшиеся в дер. Сосновке близ Трубчевска Брянской обл. (коллекция ГМЭ).

Интересен в этом отношении пулагай так называемой «русской мешеры» (с. Мелехово Рязанской обл., дер. Ушинка Земетчинского района Пензенской обл.), представляющий собой затканную полоску с очень длинной красной шерстяной бахромой. Этот пояс легко изготовить, заткав часть основы сверху, остальную же часть оставив как бахрому. Территория обитания мешеры совпадает с поселениями городецкого типа, в которых бытовал вертикальный ткацкий стан³.

Общим для всех типов вертикального ткацкого стана является ограниченность основы рамой и вертикальное ее положение; но имеется большое различие в способах получения зева. Нити основы могут разделяться палочками, нитяными петлями или бердом. Поэтому

следует выделить три вида вертикального ткацкого стана: 1) с грузиками; зев образуется палочкой, уток прибивается веслом или гребнем (городища дякова типа⁴); 2) рамочный ковровый стан; зев образуется при помощи нити, основа прибивается гребнем (на Украине и у южновеликорусов⁵); 3) рамочный решетно-рогожный стан; основа прибивается веслом, зев образуется при помощи берда (вероятно, он бытовал одновременно со станом первого типа на городищах дякова типа и известен до настоящего времени в кустарном рогожном производстве у русских).

Горизонтальный рогожный стан

Основным рабочим инструментом горизонтального рогожного стана (рис. 26) является бердо (а), при помощи которого образуется зев. Оно относится к типу бер-

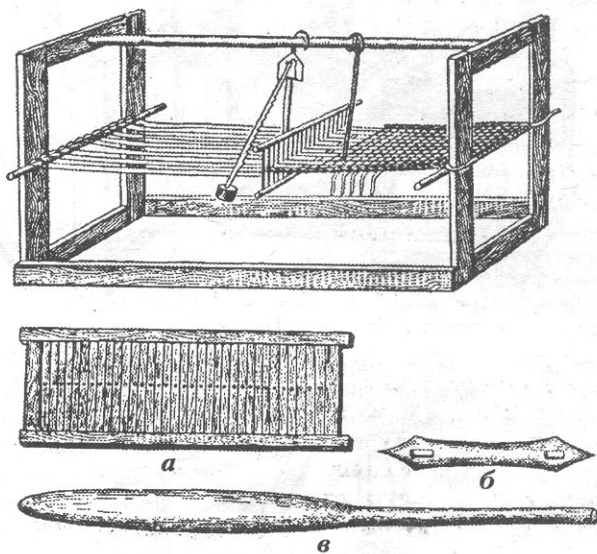

Рис. 26. Горизонтальный рогожный ткацкий стан (дер. Мосолово Рязанской обл.) а — бердо; б — весло; в — челнок

дечка для тканья поясов. Одна часть основы проходит через глазки — круглые отверстия берда, а другая — в промежутки между тростями берда. Для прибивания утка служит веслообразное било (б). Челнок (в) — деревянный, вилкообразный; нередко он отсутствует и отдельные отрезки мочала-утка пропускаются рукой. Заправленная в бердо основа прикрепляется одним концом к стене, другим концом — к перекладине стоек стана, в горизонтальном положении. Иногда основа прикрепляется обоими концами к стойкам. Тип стоек, образующих раму стана, очень неустойчив; это, в прошлом, 4 столба, вбитых в земляной пол, соединенных перекладинами (например, Добрицы Ельнинского района Смоленской обл.), или две вертикальные рамы, соединенные между собой перекладинами (Мосолово Шелухов-

¹ Станы этого типа были известны в древней Греции, в средневековой Западной Европе и сохраняются в настоящее время у басков в Пиринеях и у норвежских парей.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 186; О. Н. Бадер. Древние городища на верхней Волге, стр. 106. Там были найдены «грузики... отверстия которых открыты ниткой».

³ Пулагай из Пензенской обл. имеется в коллекциях ГМЭ.

⁴ Существовал также в Древнем Риме.

⁵ Близок по типу к ковровым ткацким станам Средней Азии.

ского района Рязанской обл.). Бердо приводится в движение привязанной к нему веревкой, которая перекинута через блок, укрепленный на перекладине, соединяющей стойки, или в потолке.

Разница между горизонтальным и вертикальным рогожным и решетным станами лишь в положении основы и в ее размерах. Переход от вертикального стана к горизонтальному был естественен с увеличением длины основы.

косы) варьируют в зависимости от степени развития сложности и от особенностей локальных форм.),

Сущностью работы этого стана является механ. Ское чередование зева при помощи системы нит и и ножек и прибывание утка при помощи берда, не не. го в горизонтальном стане других функций (т.е. обивания зева).

Прототипом горизонтального ткацкого стана явля-
ется ткање «на нуту». Появление подножек, благода-

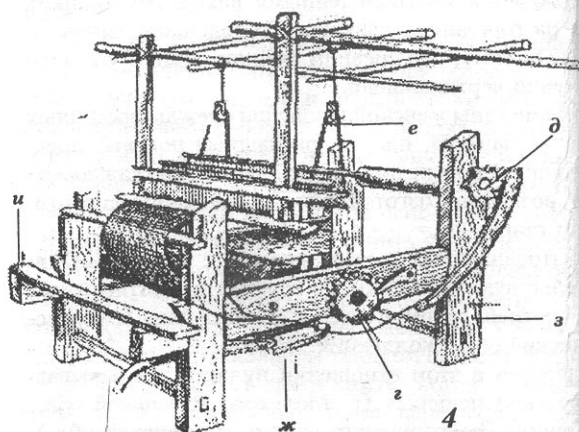
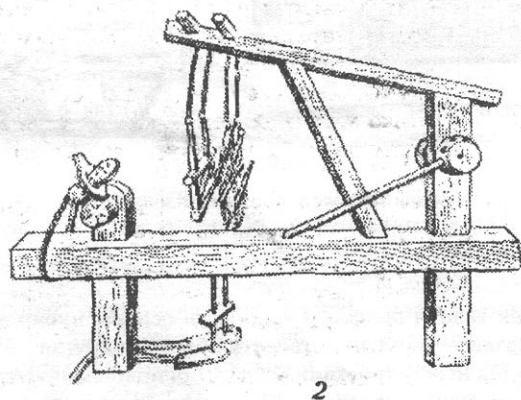
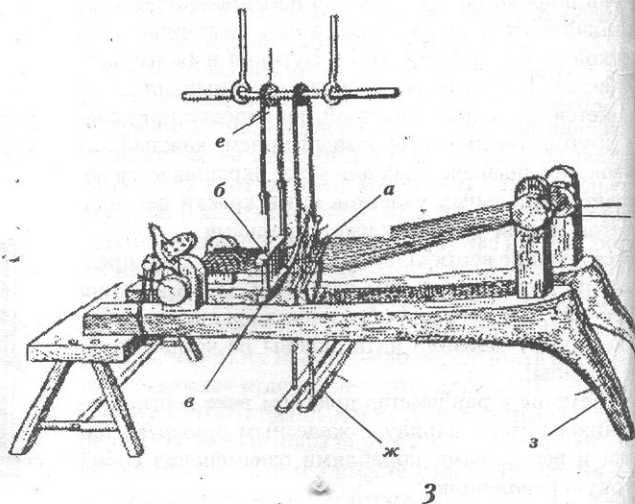
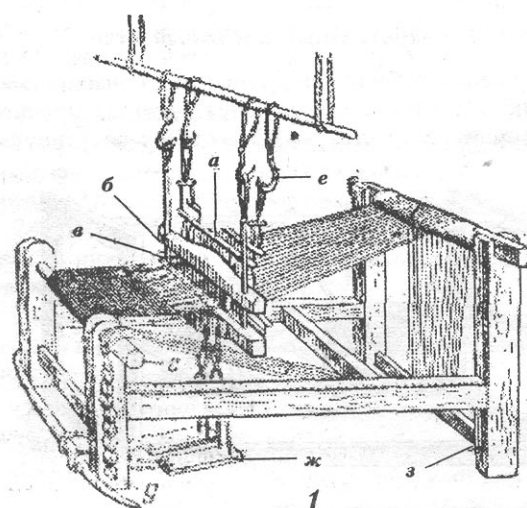

Рис. 27. Горизонтальные ткацкие станы

1 — стан без пряжного наvoja (с. Полдьное-Ялтупово Конобеевского района Рязанской обл.): а — нит; б — набилки; бердо; г — навои полотняный; д — основа-коса; е — крючки; ж — подножка; 2 — стан передвижной с поднебником (с. Астроминно Рязанской обл.); изображена половина стана: 3 — кросна из статавах (с. Пуховичи Гомельской обл.): а — нит; б — набилка; в — бердо; г — навойка полотняная с кием; д — навойка пражная; е — крючья и катушки; ж — поножи; з — статавы; 4 — верстак (Великие Сорочинцы, Полтавщина): а — начиня; б — блят; в — бердо; г — навои с трибой и усад; д — блок с котелками; ж — пиднички; з — стан; и — сиданка

Горизонтальный стан с бердом и подножками

Рассматривая все четыре стана, помещенные на рис. 27, следует отметить наличие общности их основных частей (основа, нит, бердо, подножки, нитченки).

Способы укрепления основы и нита (рама, ставы, крючья, блочки, поднебник, наличие нитяного навоя или

чему ткач получил возможность работать не только руками, но и ногами, и применение берда для прибивки было революцией в ткацком деле¹. Не установив, появились ли обе эти части одновременно или нет, все же можно предположить последнее².

Такие станы у восточных славян известны по

¹ Так, в Египте в эпоху Нового царства ткацкий стан с подножками привел к развитию ремесленного ткачества; египетские ткани в большом количестве стали в Грецию и Рим.

² В Осетии бытует, например, ткацкий стан с подножками, но без берда.

ваниями стан, кросна (рус., укр., белор.), нарад (белор.), верстат (укр., белор.).

Слово «кросна» чаще относится к основе, чем к стапу, и «кроснами» чаще называется стан с навитой основой. Так, в Тульской обл. говорили: сгорел стан с кроснами, т.е. навитой ткацкий стан, в Смоленской же обл. кроснами называли и ненавитой ткацкий стан (дер. Ципань Смоленской обл.). Слово «верстат» чаще всего применяется к улучшенным ткацким станам.

Названия «бердо», «нит», «подножка» Л. Нидерле, К. Зеленин и Б. А. Рыбаков считают общими для всех славян и на основании этого делают вывод о наличии горизонтального ткацкого стана уже в глубокой древности.

Б. А. Рыбаков, ссылаясь на технику тканья в «елочку» (узорного тканья в несколько нитов), встречаемого фрагментах тканей, находимых в курганах эпохи Киевской Руси, делает вывод о существовании в то время горизонтального ткацкого стана¹. Он приводит даже рисунок «костяного гребня» с дырочками — бердечка². Но бердечко не могло служить для образования зева, так как у него нет прорезей между отверстиями. Оно могло служить только для прибивания утка.

Бердо в современном ткацком стане состоит из тросов, соединенных сверху и внизу тоненькими (около 2 мм) пластинками. В зависимости от ширины изготавливаемой ткани, берда делают на различное количество асм: 8, 9, 10, 11, 12 и даже 20. Бердо вкладывается в абилки — раму из двух горизонтальных планшечек с продольными желобками для него, верхняя планшечка свободно поднимается и опускается по боковым планшечкам, вставленным в нижнюю планшечку. Бердо служит для прибивания утка. При тканье пошев уток, чтобы он ложился плотней, помимо берда прибивают деревянную гребенкой³.

Навои — вал с утолщением на одном конце в виде цилиндра, в середине имеющий желобок, в который вкладывается прут (затыкален) надетыми на него петлями основы. Чтобы на заправленном стане навои не вертели, в утолщенную часть вала вставляется палочка (прижальник). В обычном стане имеется два навои. На один, на который наматывают основу, называется пряжкой, а тот, на который наматывают ткань, — полотняный, или пришив.

Однако имеются и более примитивные ткацкие станы, с одним только навоем, или, как их называют, станы с косой. Последние не имеют пряжного навои для основы, которая не навивается на вал, а сложенная петлями привязывается к колу, вбитому в пол, к лестнице, стану и распускается постепенно в процессе тканья (рис. 1). Такие станы сохранились до нашего времени в селах Рязанской⁴, Воронежской, Белгородской⁵ областей. Известны они и у народов Поволжья: мордвы, чувашей, татар, удмуртов⁶. Навои от ткацких станов и свои, за-

крепляющие кросна, найдены в славянском Гродненском городище в слое XII — XIII вв.⁷

Подножки ткацкого стана в самом примитивном виде — это веревки с петлями, в которые вставляет ноги ткачиха (с. Вяземка Земетчинского района Пензенской

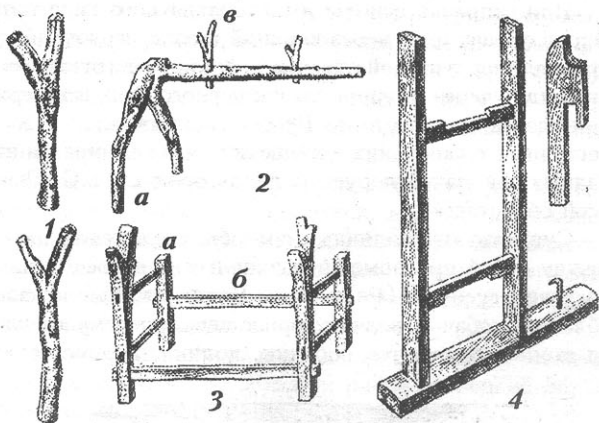

Рис. 28. Части неподвижных горизонтальных станов

1 — сохи (дер. Щербино Ельнинского района Смоленской обл.); 2 — стativa (с. Пуховичи Житковичского района Гомельской обл.): а — ножки; б — рогульки; 3 — лестница и крюки (с. Вяземка Земетчинского района Пензенской обл.); 4 — стан (с. Мелухово Чучковского района Рязанской обл.):

обл.), или палки, к которым привязаны веревки, идущие от нитов (в дер. Пуховичи на Мозырщине). Обычный тип подножки — овальная дощечка, соединенная веревкой с нитом. У более совершенных ткацких станов система подножек из досок, свободно вращающихся на перекладине нередко железной. Подножки подвешиваются к ниту; ткачиха, наступая по очереди на них, получает тем самым зев.

Ниты — часть ткацкого стана, служащая для образования зева. По своему устройству ниты разделяются на два вида — русский нит с одним глазком и нит латышский — с двумя глазками. («Глазком» называется отверстие одинарной или двойной петли нита, через которое пропускается нить основы).

Русский нит представляет собой два параллельных прутика, соединенных двумя рядами нитяных петель, продетых попарно одна в другую, т.е. верхний ряд петель через нижний). Нит делается следующим образом: берется дощечка, на нее навязывают петли; когда вся дощечка заполнена петлями, ее выдергивают, а вместо нее вставляют прутик. Начинают делать второй ряд петель вокруг той же дощечки, зацепляя каждую петлю этого ряда за петлю первого ряда. Когда вся дощечка заполняется петлями, ее выдергивают и, так же как в первом ряду заменяют прутиком. Таким образом, каж-

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 187.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло «История культуры древней Руси», стр. 110.

³ С. Вяземка Земетчинского района Пензенской обл. Отметим, что на западном побережье Кавказа уток прибивают железной гребенкой, так как там стан берда не имеет нит и подножки. Возможно, что пришивание гребенкой утка в Вяземке является пережитком того времени, когда стан имел подножки и нит, а берда не имели.

⁴ Борщевое, Мелухово, Полное-Ялтуново, Лесное-Ялтуново. В. П. Добровольский. Кросна Смоленской губернии. ЭО, 1902, № 1, стр. 78.

⁵ Роговатое Шаталовского района.

⁶ Такие же станы имеются и у ряда кавказских народов (абхазы, осетины) и в Таджикистане; возможно, что это является подтверждением древних связей их со славянами и финно-угорскими племенами Восточной Европы.

⁷ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 281.

дый нит представляет два ряда петель, попарно проде-
тых одна в другую. При навивании основы на двух ни-
тах одну нитку пропускают через верхнюю петлю перво-
го нита и между петлями второго нита; вторую нитку
пропускают между петлями второго нита и в нижнюю
петлю первого нита.

При заправке основы в нит латышского типа нити
верхнего зева идут через верхний глазок первого нита,
проходят через второй глазок второго нита; нити нижнего
нита идут через нижний глазок первого нита и в верх-
ний глазок второго нита. Русский нит известен у всех
восточных славян, нит латышский — в северных и за-
падных районах Белоруссии, в Новгородской и Смолен-
ской областях.

Существуют различные способы соединения нитов
между собой при помощи различных приспособлений:
косточки гусиные (Рязанская, Брянская, Смоленская
области), собачьи, волчки, горностаевые, почему эти ча-
сти стана называются собачки, волчки, горностаечки

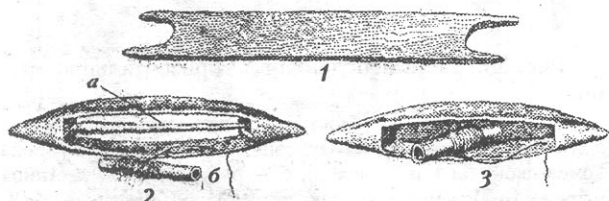

Рис. 29. Челноки

1 — челнок вилкообразный для тканья дерюг (с. Астро-
мино Рязанской обл.); 2 — обычный челнок (с. Астромино
Рязанской обл.); 3 — челнок ладьеобразный — старая форма (дер.
Зиновьево, Заонезье)

(Тульская обл. с. Пуховичи на Мозырщине¹); киёчки
— круглые цилиндрики, надеваемые на палку (напри-
мер, Полтавщина, Старое село на Витебщине); круглые
колесики, называемые котелочки, коляски (например,
Рождествено Тульской обл., Брянское Полесье, с. Пу-
ховичи на Мозырщине).

Иногда ниты вращаются на деревянных блочках (Ря-
занская, Московская, Вологодская области, Украина,
Белоруссия). Ниты и набилки подвешиваются к потол-
ку или к поднебнику, сволочку — верхней Г-образной части
подставки стана при помощи деревянных крюков.

Ткацкие станки отличаются друг от друга и подстав-
ками, на которых укрепляются навои. В зависимости от
этого различают станы походные, которые легко пере-
двигаются с места на место, и неподвижные.

Походной стан (рис. 27, 2) имеет хорошо оборудо-
ванные подставки-стативы, соединенные между собой до-
сками, одна из которых служит сидением для ткачихи.

Стативы, поднебник и боковые столбы, вырезанные
из копани, были присущи наиболее старинным станам;
такие станы встречались в лесной полосе — в Вологод-
ской и Пермской губерниях.

Станы неподвижные имеют разнообразные подстав-
ки для навои и пришивы: сохи, стативы, лестницы, ста-
ны. Сохи (рис. 28, 1) — две палки с рогулькой, втыка-
емые в земляной пол, в дырки деревянного пола или в
отверстия в лавке; на них кладется полотняный навой, а

пряжный навой кладется на скамью и придержива-
ется двумя воткнутыми в нее палками. Стативы (рис. 28, 2)
— два обрубка ствола сосны (длиной около 1 м,
толщиной около 20 см) с сучками, из которых сделаны
ки (а) (высотой 40 — 50 см) и рогульки (б) на дру-
гую сторону. Ножки упираются в пол, а на рогульки кла-
дутся навой и пришив (Белоруссия).

Бывают также подставки-станы, представляющие со-
бой две соединенные между собой перекладины
рамы (а), на которые кладутся навои (рис. 28, 4).

Лестницу (рис. 28, 3) ставят на пол так, чтобы
она упиралась в матицу; к ней привязывается коса ос-
новных нитей, крюки вставляются в лавку, на них кладется по-
лотняный навой. Распространена мало; по экспедициям
данным, известна только в Борщевом Чернавском
районе Рязанской обл., в Вяземке Земетчинского
района Пензенской обл. и в Роговском Шаталовском
районе Белгородской обл.

У всех неподвижных станов набилки и ниты при-
вязываются к потолку.

Горизонтальные ткацкие станы, исходя из вышесказанного,
можно классифицировать различным образом: походные и
неподвижные; с навоєм и с косой; с собачками, киечками,
блочками; на сохах, стативах и с лестницей.

Неподвижные станы с косой распространены в
Рязанской, Воронежской областях и Поволжье, на сохах —
в Смоленской обл. и Брянском Полесье, на стативах — в
Белоруссии.

На Полтавщине неподвижный ткацкий стан с косой
основных нитей не имеет поднебника и ниты его
подвешиваются на двух палках, воткнутых в стену хаты.

Навивка на горизонтальный ткацкий стан

Навивка на стан проходит пять стадий.

1-я стадия — бердо метать. Для того чтобы проверить
правильность выполненного снования, вся основа по две
нити протаскивается через трости берда с одного ее
конца, который уже разрезан, до глухого конца, где нити
еще не разрезаны; после протаскивания «хвой» конец
также разрезается. Во многих местах (Смоленская,
Рязанская области) обходятся и без протаскивания. На
Украине вместо берда употребляются риги — это то же
бердо, но большего размера, с очень толстыми тростями.

2-я стадия — в ниты принимать. Нити глухого
конца берутся по две и продеваются через ниты основы,
чем одна нить проходит через глазок первого нита, а
другая — через глазок второго нита.

3-я стадия называется так же, как и первая. Нити
детые через ниты, попарно продеваются через трости
берда.

4-я стадия — концы завязывать. Концы основ-
ных нитей подвязываются к пруточку, который вкладывается
в пришив (полотняный навой).

5-я стадия — затыкать. Пропускают уток сначала
рядом, не прибивая его туго, затыкают на расстоянии
20 см; после этого заготовленную ткань навивают на
пришив или подшивают к готовой полосе на пришиве.
Этим заканчивается навивка на стан; навой туго
натягивается и можно начинать ткать полотняный навой.

¹ В. Н. Добровольский. Кросна Смоленской губернии. ЭО, 1902, №1, стр. 78.

² Например, большая часть фрагментов тканей, найденных в Робенгаузеновской стоянке в Швейцарии, имеет полотняное переплетение (А. Брюсов. «Сетчатая ткань», стр. 288).

лист. В Новгородской обл. при метании в нити и в бер-
употребляется деревянный крючок, которым прини-
аются нитки.

Челноки

Для пропуска утка при тканье употребляется чел-
нок. Известны три типа челноков (рис. 29): вилкооб-
зный, полый, ладьеобразный.

Вилкообразные челноки употребляются при верти-
льным рогожном и ткацком стане, а при горизонталь-
ным ткацком стане для тканья ватол; верчь наматывает-
на вилку. Такие же челноки, только более узкие, упот-
бляются для плетения рыболовных сетей. Так как ры-
ловство очень древнее занятие, можно считать, что этот
челнока заимствован в ткацком деле из техники пле-
тия сетей, ибо ткачество возникло значительно позд-
е рыболовства.

Полые челноки встречаются в двух разновидностях:
аринный — резной (был встречен мною в Брянском
лесе) и новый — точеный, употребляемый повсемес-
е. В середине вдоль челнока вставляется деревянный
и железный прут (а), на который надевается цевка
— деревянный или бумажный цилиндр с намо-
ной нитью утка.

Ладьеобразные челноки отличаются от полых тем,
е цевка в них не надевается на прут, а свободно вра-
ется, и нить проходит через отверстие в дне челнока.
дьеобразные челноки были встречены мною в с. Таль-
инской обл. и в дер. Зиновьево в Заонежье.

VI. Техника тканья

Результат тканья — ткань, тканье. По технике из-
говления различают: 1) тканье на подножках (двух,
ех, четырех и более), 2) закладки, 3) бранье, 4) слож-
е тканье, где комбинируется техника тканья на под-
жках с браной или закладной техникой: тканье на
ырех подножках с бралисьницами, тканье на кукол-

ТКАНЬЕ НА ПОДНОЖКАХ

На двух подножках

Самый простой и распространенный способ тканья в
стильной технике называется полотняным перепле-
тием. При этом способе нити ткани располагаются крес-
образно, нити утка — перпендикулярно нитям осно-
е. Каждой нити основы соответствует одна нить утка.
а техника известна уже со времен неолита¹. Такое пе-
летение обнаружено на двух фрагментах тканей, на-
енных в Младшей Волосовской стоянке конца II ты-
елетия до н.э., одна из которых шерстяная, другая
из еще не определенного растительного волокна².

Этой техникой тканья у нас изготавливаются: ватола,
лист (полотно, точиво) из льна или конопли (послед-
е время — с утком из хлопчатобумажной нити), пони-

точная шерстяная ткань.

Холст в большинстве случаев ткется белого цвета,
только у северовеликорусов и средневеликорусов было
широко распространено тканье клетчатых и полосатых
тканей; частично они бытовали у южновеликорусов. Узор
получался от сочетания цветных ниток основы и утка.

Шерстяная ткань, изготовленная этим способом, под
названием пониточной, известна в Рязанской, Тульской,
Калужской областях, а под названием волосень — в Кур-
ской и Воронежской. Она бывает одноцветной (черная,
синяя, красная), клетчатой, кубиками.

Черная пониточная ткань употребляется для понев²,
для верхней одежды — понитков, для черных плащей
— кодманов, известных в южновеликорусских областях
среди той части населения, которая, по мнению некото-
рых исследователей, происходит от меланхленов-черноп-
лащников, описанных Геродотом³.

Эта же ткань шла на нагрудники — туникообразную
женскую одежду (Данковский район Липецкой обл.),
на онучи — повила у «русской мещеры»⁴.

Черные повила известны также у мари, чувашей и
мордвы-мокши.

Клетчатые пониточные ткани чрезвычайно разнооб-
разны и варьируют по отдельным селам, а в поневах за-
мечается разница по возрастным группам и в пределах
одного и того же села: в выборе нитей, которые образу-
ют клетку, и узора. В Пригородных слободах б. Сапож-
ковского уезда Рязанской губ. в поневе-белоглазке (тра-
урная и «старушечья») клетка характеризуется тремя бе-
лыми нитями в основе и в утке, окаймленными одной
красной и двумя зелеными нитями на синем поле, в жел-
тоглазке — тремя желтыми нитями в середине клетки; в
красноглазке (понева молодых) — тремя красными и
т.д.⁵

В Скопинской районе Рязанской обл. в селах Восле-
бы, Ильинское, Секирино и Чулково клетка образуется
двумя красными, двумя белыми, двумя синими, тремя
зелеными, двумя синими, двумя белыми и двумя крас-
ными нитями в основе и утке; в Петрушине клетка такая
же, только зеленых нитей берется четыре, а в Полянах в
середине пропускается пять зеленых нитей; в деревне
Пупки клетка образуется теми же нитями, только белая
заменяется голубой.

Черная клетчатая понева встречается довольно ред-
ко; она известна в западной части Орловской обл. (г.
Льгов) и в Курской обл. (с. Кубань), в Данковском уез-
де Липецкой обл., а также в районе села Салтыково
(Буты) Рязанской обл. — как одежда пожилых жен-
щин; для молодых там была типична красная браная
понева.

Синяя клетчатая понева (рис. 30, 1) широко распро-
странена у южновеликорусов (Рязанская, Тульская, Ка-
лужская, Орловская, Тамбовская, Курская области) и
на западе до самой Десны. Известна она и в б. Духов-

¹ Там же.

² Чучково, Папушево Рязанской обл.; Роговатое Белгородской обл.

³ В. П. и П. П. Семеновы. Исторические судьбы среднерусской черноземной области и культурные ее успехи. «Россия. Полное географическое описание нашего

ства», т. II, СПб., 1902, стр. 117.

⁴ Селения Рязанской обл. (Куриша Касимовского района; Пригородная слобода Сапожковского района; Полное и Лесное-Ялтуново Конобеевского района; Мелехово

совского района); Ушишка Земетчинского района Пензенской обл. и б. Аткарский уезд Саратовской губ.

⁵ Подробнее см. П. И. Лебедева. Материалы по одежде южных уездов Рязанской губернии. Рязань, 1929.

⁶ Непубликованная работа (1940) М. Д. Малининой.

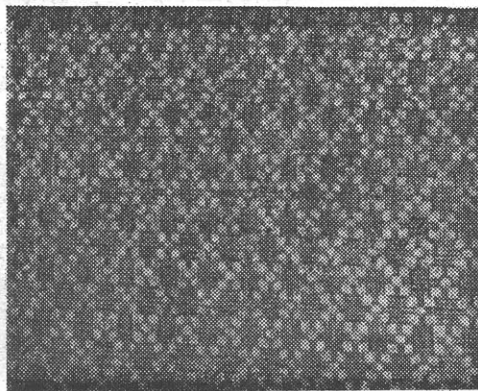
⁷ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, стр. 71-72.

⁸ Ткань этой пошевы по технике производства близка к тем тканям, которые найдены в Робенгаузенской стоянке и которые А. Гетце считает тканями на дощечке

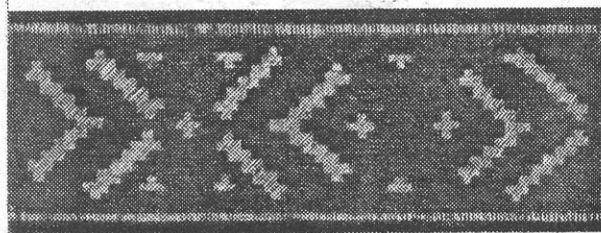
с отверстиями (А. Я. Брюсов. «Сетчатая» керамика, стр. 288).

щинском и Бельском уездах Смоленской губ. Иными словами, она зафиксирована в древней области вятичей и небольшом очаге расселения кривичей; отсюда она распространялась на юг и восток вместе с колонизацией южновеликорусов. По данным археологических раскопок, она существовала здесь же с XII — XIII вв.; синяя краска, которая употреблялась для ее крашения — индиго, была привозной из Индии.

В красный цвет клетчатая пониточная ткань для понев красилась мареной. Большое разнообразие красных понев дает с. Роговатое Шаталовского района Курской обл. Красная понева встречена в районе с. Рождествено и в некоторых других селах Тульской обл. Красные клетчатые ткани для понев иного покрова бытовали в 1925 г. в б. Трубчевском районе Брянской обл. (Орельск), где эти ткани изготовляли с двумя узорами: цыганка и бровка. Узор «цыганка» с клеткой 2х1 см образуется двумя

1

2

Рис. 31

1 — ткань выполненная на четырех и более подножках, узор «круги» (с. Банищи Курской обл.); 2 — ткань, выполненная закладной техникой (с. Ягодное Сапожковского района Рязанской обл.)

белыми, двумя черными, двумя желтыми, двумя черными и двумя белыми нитями. Фон красный из шерсти, окрашенной мареной. Узор «бровка» имел клетку 3,5х2,5 см, образованную двумя белыми, двумя черными, двумя белыми нитями. Основная клетка разделена на четыре части двумя взаимноперпендикулярными полосами, образованными двумя желтыми, двумя черными и двумя желтыми нитями. Этот тип поневы известен на правом берегу Десны у тех групп населения, которые генетически связываются с северянами.

Шерстяная ткань кубиками (шашечками) (рис. 30, 2) образуется из красных и синих полос в основе и та-

ких же полос в утке. Когда красный уток попадает на синюю основу или синий уток попадает на красную основу, получаются полутоны. Этот тип понев известен в Рязанской обл. (Бусаево Спас-Клепиковского района).

Понева такого типа, как считают некоторые этнографы⁶ заменила синюю браную поневу, тканную на черех подножках.

К тканью на двух подножках относится тканье с шерстяной основой и шерстяным утком, сученным из толстых прядей. Этот тип ткани известен у «русской щеры» (Рязанской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской областей). Расцветка тканей — синяя, чаще с черными или синими поперечными полосами. А. Куфтин относит этот тип тканья к упрощенному типу тяжелой браной поневы, основываясь на том, что ее носят там, где ранее носили браную поневу, причём в качестве реликта теперь у нее сохраняется шерстяной подольник⁷ — нижний край ее, затканый узором или иногда пришивной.

Думается, однако, что этот тип поневы является старым и что такая понева бытовала как будничная, в наличии парадной браной⁸. Для этой ткани характерен толстый уток, а переплетение достигается разными способами. Можно предположить, что мешчерская понева ранее ткалась также на дощечках, которые существовали на территории расселения мешчеры с эпохи неолита. Тому же тканью на дощечке с двумя отверстиями служило и на территории восточных славян; такая дощечка с дырочками называется вертлюг (в Вятской губ. употреблялась для тканья шлей). Характерным в этой тканью является толстый уток из мочала или пеньки, который пропускается пучками.

На трех подножках в три «цепка» (нита)

Этот тип тканья употребляется в основном при изготовлении тяжины — холщовой ткани с белыми и синими полосами в основе и с белым утком. Для тканья на трех подножках служило особое приспособление, называемое коромыслом, с двумя отверстиями (дер. Златоустовской обл.). К одному отверстию коромысла навязывалось два нита; при тканье опускались то два, то один. Эта ткань у русских шла на мужские штаны.

Шерстяные ткани для полосатых юбок ткались на подножках однодворцы, жившие на территории Рязанской, Тульской, Тамбовской, Орловской и Курской областей.

Загадка говорит про полоски на этих юбках: «Сити ясныцы до ног семьдесят семь дорог». Узор получается от применения различных нитей в основе. Уток — красный. Ткут эти ткани на трех подножках, причём связываются вместе, а третья ходит одна. Замечается различие между узорами ткани в сочетании полос с сельскими селам. В с. Ягодном (б. Сапожковский район Рязанской обл.) название узоров юбок зависит от того, какими полосами окаймляется основа: узор, желтый (два желтые полосы по бокам); узор, зеленый (две зеленые полосы по бокам); белый (две белые полосы по бокам); узор, желтый и зеленый (зеленая полоса между голубыми) и т.д.

В с. Сурках Данковского района Липецкой области: в три красные — три красные полосы в полотнище.

¹ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр 281.

различной юбки; в одну крась — одна полоса в сочетании с темными и желтыми полосами — для юбки траурной и «старушечьей»; гулевини узор — в селе была юбка Гулевка, которая первая набрала этот узор, другие заимствовали у нее; чиликини узор — впервые был подобран в семье Чиликиных.

Узор весь «подбирается в основе», т.е. при выборе берутся разноцветные нити, а «забивают» всегда красными; для ткани идет пряжа крученая в две нити; красится она в котлах покусными анилиновыми красками.

Полосатая ткань для юбок употреблялась у русских в Рязанской обл. (Сараевский район между селами Вердой и Прой и Скопинский район), Тульской обл. (например, в с. Левенском) и Орловской обл., а также у белорусов (в окрестностях Минска и Гродна, на Могилевщине) и у украинцев (на Киевщине). Была она известна и у латышей, литовцев, поляков. У русских полосатой юбочной ткани во всех указанных местностях предшествовали другие местные типы тканей. У западных и южных славян и у народов Прибалтики полосатые юбки известны с XVI — XVII вв.; у южновеликорусов они связаны с однодворческим костюмом и, вероятно, существуют здесь также с XVI в. Ношение полосатых юбок у южновеликорусов отмечено мною именно в бывших однодворческих селениях.

На четырех подножках

Шерстяные ткани, из которых хотят получить сукно, т.е. валяную ткань, ткут на четырех подножках, называя их подрид. Для узора «елочка» и «крути» (рис. 1) ход подножек: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 3-я, 2-я, 1-я, по разному порядку накладки основы в нити; для узора «дорожка» — 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и т.д.

Ткань на четырех подножках широко распространена у русских и белорусов. Оно было известно уже в Киевской Руси. В Гродненском городище в слое XII — XIII вв. найдены «обрывки грубой шерстяной ткани — «сукина» коричневого цвета, вытканного в елочку»¹. На четырех подножках ткут также одеяла и скатерти. Стан, заваленный (навитой) на узорное ткачество (узор хребтик) на четырех подножках, был приобретен мною для Центрального музея народоведения в 1927 г. в с. Пуховичи на Мозырщине (хранится в фондах ГМЭ). Основа накладки: пять пар на 1-й и 2-й нити (т.е. 1-я нить из пары в 1-й нити, 2-я нить из пары во 2-й нити) и пять пар на 3-й и 4-й нити (т.е. 1-я нить из пары в 3-й нити и 2-я нить из пары в 4-й нити). Затем накладывают узор начинается сначала.

Подножки подвязаны попарно: 1-я и 3-я, 2-я и 4-я вместе. При ткачестве этого узора на стане из с. Пуховичи нужно нажимать на подножки в различной последовательности — в зависимости от того, ткут ли поле (фон), т.е. синие кубики, или узор — красные («червошные») и желтые кубики; когда ткут поле, то нажимают вначале 1-ю и 4-ю, потом 2-ю и 3-ю подножки.

Когда ткут узор «червошный» кубик, нажимают 1-ю и 2-ю или 3-ю и 4-ю подножки; когда ткут желтый кубик — нажимают 3-ю и 4-ю подножки или 1-ю и 2-ю.

Употребляется два утка: синий тклет поле, красный или желтый тклет узор. Тканье поля и узора происходит одновременно в пределах кубика — первый раз нажимают подножки для образования поля, второй раз —

для образования узора. Когда крестьянка с. Пуховичи Евфросиния Шприсевич ткала указанные узоры, мною было записано следующее чередование подножек:

Подножки Уток
Желтый 1-ая 4-ая синий Синие нити образуют

Узор «картошный»									
1 нит	----	"	----	"	----	"	----	"	----
2 нит	----	----	----	----	----	----	----	----	----
3 нит	----	----	----	----	----	----	----	----	----
4 нит	----	"	----	"	----	"	----	"	----

поле,

Рис. 32. Узор ткани, выполненной браной техникой:

1 — конец запона (новый тип ткани «валенкой»), с. Ветчины Касимовского района Рязанской обл.; 2 — ширинка (старый тип браны), Рязанская обл.

кубик	1-ая	2-ая	желтый	желтые - узор
	2-ая	3-ая	синий	
	1-ая	2-ая	желтый	
Красный	1 +	2 +	красный	
кубик	2 +	3 +	синий	Синие нити об

	1 *	2 *	красный	разуют поле, красные - узор
	2 *	3 *	синий	
	1 *	2 *	красный	
	2 *	3 *	синий	
	1 *	2 *	красный	
Желтый	3-я	4-я	желтый	Синие нити об разуют поле желтые - узор
кубик	1 *	4 *	синий	
	3 *	4 *	желтый	
	2 *	3 *	синий	
	3 *	4 *	желтый	
	1 *	4 *	синий	
	3 *	4 *	желтый	
Красный	1 *	4 *	синий	Синие нити об разуют поле, красные - узор
кубик	1 *	2 *	красный	
	2 *	3 *	синий	
	1 *	2 *	красный	

Набор основы в нитах для тканья на четырех подложках весьма сложен. Ткачихи пользуются схемами, которые составляют сами на бумаге карандашом.

Схема заправки основы нита для тканья одеяла в четыре нита (Домны Андреевой из дер. Ермолково Пустошинского района Великолукской обл., 1953 г.)

На бумаге проведены четыре линии; каждая линия соответствует одному ниту; на них ставят значки, каждому из которых соответствует пара нитей, причем одна нить проходит через глазок одного нита, а другая, парная первой, через глазок парного нита. Судя по схеме, парными нитями являются 1-й и 4-й, 2-й и 3-й. Основа черная портяная. Два утка: черный портяной тклет полотно, шерстяной четырех цветов тклет узор. Ход подножек: 1-я и 4-я для тканья полотна, 2-я и 3-я — для тканья узора. Протяв 30 раз одинаковый узор, его тклет в обратном порядке. Получается середина и одинаковые края узора.

В Белоруссии и у русских в западных областях во второй половине XIX в. широко развилось ткачество на 8, 12, 16 подложках. Этот вид ткачества появился под влиянием фабричного тканья, а также специальных инструкторских школ для кустарного производства. Аналогичное явление наблюдалось у литовцев, латышей и эстонцев.

ЗАКЛАДКИ

Этот способ тканья заключается в том, что для утка берутся нитки разных цветов и уток пропускается не по всю ширину основы. Каждый цвет нитки тклет определенную часть узора. В тех местах, где нитки поворачивают назад, в ткани получается отверстие, вернее — узенькая щель.

Закладная техника тканья применяется как на горизонтальных, так и на вертикальных станах, но особенно удобно ее применять при работе на последних. Она была широко распространена при изготовлении ковров у южнеликуров (Курской и Орловской областей) и у украинцев, а также при изготовлении крас для рубаш и пе-

редников-«заванесок» у русских¹.

Большое распространение она получила у южнеликуров (узоры челноки, кроки, медведи, лягушки т.д.). В Рязанской области встречается целые очертывания закладной техники: Куриша, Пригородные боды Сапожка, район Скопина (рис. 31, 2); Рождено Тудской обл., где отмечено большое количество готовленных этой техникой крас — тканей с узорами копейца, барабанчики, кресты, челноки и др.: Алевка около ст. Навля Брянской обл.; отдельные районы Курской обл. и др. В западных областях Украины техника хорошо известна при тканье передников-«заванесок».

В Белоруссии она мало распространена, однако в некоторых местах ее еще помнят². Там, где не развилась широко закладная техника тканья встречаются ее отдельные элементы, например, когда тклет с пропуском нити, нити укладывают на определенных участках именно делались поныне в Брянской обл. (с. Вовчи), в западной части Орловской обл. (г. Лысково) закладная техника широко применяется при изготовлении ковров в Курской и Орловской областях.

Фрагменты тканей, выполненных закладной техникой, обнаружены при раскопках курганов XI в. в Ярицево Смоленской обл. (коллекция ГИМ).

БРАТЬЕ

Название браная техника тканья происходит от «брать», «выбирать». Сзади за бердом отдельные основы выбирают, прокладывают прутком или пальцем, закладывают петлями из ниток. Выбранные нити подкладывают под обычный уток, под них подкладывают дощечки или прутки, отчего нередко этот способ тклет также тканьем на дощечке, тканьем на прутках.

Есть два способа тканья на дощечках — с одним и двумя утками.

Браное тканье с одним утком заключается в следующем: при образовании очередного зева под группами выбранных ниток подкладывают доску, обычный уток в этом несколько нарушен; пропускается уток. Если браная одна группа ниток, то это называется тклет доску, если выбраны две группы — тканьем в два и т.д. Этот способ тканья применяется при производстве скатертей у всех групп восточных славян, но наиболее развитое получил у севернеликуров, среди корюсов и белорусов.

Очень развита также браная техника у литовцев. Раскопки курганов XII — XIII вв., произведенные Бульчевым по р. Угре (коллекция ГИМ), обнаружили шерстяную ткань с клетками, выполненную браной техникой. Широко применялось «бранье» в Московской мануфактуре XVI — XVII вв. В описании этого имущества постоянно упоминаются «браные скатерти», «браные уборы».

При бранье с двумя утками идет собственно два тканья: полотна и узора. Когда образуют очередные и пропускают уток, вытягивается полотно; затем, некая зев, поднимают выбранные нити и под них про-

¹ Эта техника существовала с давних времен. Она была известна еще в эпоху Нового царства в Египте; бытует в Индии, Китае; известна в Средней Азии, на Кавказе, в Японии, Болгарии и других странах. Закладная техника аналогична «обделенной» западноевропейской ткачеству.

² Например, фигура из дер. Роты Ельского района Гомельской обл. с узором калаша была приобретена мною для Центрального музея народнознания. Также в XIX в. употреблялась также в Могилевском районе. Белорусские при жалге, впрочем, один фигура подается напере, а другой сзади, и они применялись вместе.

³ Раздел «Браная техника» перенесен из ранней работы автора «Парадный быт в деревнях Олза», стр. 20 — 21.

⁴ Количество подкладываемых нитей при получении узора зависит здесь от слов ткачихи.

зат второй уток — вытягивается выпуклый узор. Заправленный для бранья с двумя утками стан из дер. Шербино 6. Ельнинского уезда Смоленской губ. был приобретен для Центрального музея народоупования в 1926

Порядок набора узора «круги» на восьми досках на том стане следующий⁴.

- 1-й ряд - три пары ниток вверх и одна пара вниз.
- 2-й ряд - три пары ниток вниз, три пары ниток вверх.
- 3-й ряд - пять пар по три вниз и одна пара по три вверх.
- 4-й ряд - три пары вверх, одна пара вниз.
- 5-й ряд - две пары вверх, три пары вниз.
- 6-й ряд - три пары вниз, пять пар вверх; три пары вниз, две пары вверх.
- 7-й ряд - одна пара вниз, три пары вверх.
- 8-й ряд - четыре нитки с конца вниз, потом три пары вверх, три пары вниз.

Все нитки, поднятые вверх, подвигиваются в каждом ряду петлями.

Вторая половина узора начнется с подкладывания дощечки под группу нитей, выбранных в 8-м ряду, потом под группу нитей, выбранных в 7-м ряду, и так до первого ряда.

Набирание узора — процесс медленный. Для того чтобы набрать указанный узор для холста шириной в 5 см (250 нитей), ткачихе нужно затратить 6 часов. Но за узор набран, можно наткать большое количество одинакового узора с небольшими промежутками между полосами. Эти полосы, отрезанные одна от другой, можно пришивать к разным вещам. Но это не всегда делается, так как для каждой вещи нужен свой узор. Если бы ткачиха наткала 200 одинаковых полос, то не смогла бы употребить их в течение многих лет; к тому же пришивные полосы считаются худшим украшением, чем непосредственно вытканые с полотнищем, предназначенным для той или другой вещи. Иногда эти полосы все же шли на продажу (например, на рынке в г. Скопине Рязанской обл. в 1930-х годах). Ткачиха обычно заранее вычитывает, какой длины будет, например, рубашка, сколько нужно банок для попки, для рукава, чтобы через известное количество нитей утка пропустить узор. Готовый холст поэтому представляет собой белое поле, прерываемое на разных расстояниях забранными, обычно красными полосами.

Сама техника бранья интересна тем, что здесь в станке с ремизками и подножками для получения добавочного зема применяются дощечки, — прием, который в истории развития ткацкого станка предшествовал развитию ремизки и берда⁵ и который до сих пор известен у казахов и у черкесов⁶.

Бранья техника известна всем группам восточных славян. Слабее она выражена у украинцев, а наиболее широкое применение получила у южнорусских и у белорусов. Узоры, вытканые последним, очень близки по характеру к узорам, выполненным браной техникой

у литовцев. Узоры выполнены красной бумагой и весьма разнообразны: круги, решетки, кресты (рис. 32).

Севернорусская экспедиция Института этнографии Академии наук в СССР в 1948 г. установила очаги многоцветного браного ткачества в Вологодской (Велико-Устюжский район) и в Архангельской (Приморский и Каргопольский районы) областях. Узоры забранных подолов-юбок и утиральников выполнены красной бумагой, шерстью и разноцветным гарусом. Забранные гарусом у севернорусских г. С. Маслова относит ко второй половине XIX в.⁷; известно оно также южнорусским и литовцам и относится к ним к тому же периоду. Узоры располагаются поперечными полосами с наиболее широкой центральной полосой. Элементы узора — геометрические фигуры (ромбы, кресты, меандры) и геометризированные фигуры животных (олени).

Браная техника очень близка к браной технике при вышивании иглой. По готовым образцам трудно различить, сделана ли ткань на ткацком стане или «выбрана» иглой.

СЛОЖНОЕ ТКАНЬЕ

На четырех подножках при двух основах с браньями

При этой технике тканья снуют двойную основу — две нитки белые «портняные» и две нитки «суконные», т.е. шерстяные. Эта техника описана Б. А. Куфтиным. Ткут на четырех подножках — 2 цанка белых и 2 цанка суконных (красных и синих), т.е. двумя ремизками захвачены все белые нитки, каждой ремизкой через одну, а двумя остальными — суконные⁸. Работают три челнока — один с белой портняной ниткой, другой с шерстяной красной, третий с шерстяной синей. При первом нажоне подножек пропускают белый уток, при втором нажоне — красный или синий уток. Мастерица так объясняла собирая этот способ ткачества: «Сначала одну белую потоплю, ширию белый уток вниз, потом одну красную подымю, пускаю красную уток наверх»⁹.

Судя по готовой ткани, можно предположить, что при ходе подножек — 1-я, 3-я, 2-я, 4-я — получается двойная ткань: «портняная» подкладка и суконный верх. Цветной узор достигается путем вкладывания дополнительных дощечек позади нита (браньями), которые образуют дополнительный зев, т.е. нарушают правильное чередование нитей основы, выполняемые ремизками.

Таким образом, этот тип тканья является своеобразным сочетанием тканья на подножках с браной техникой; поныне, тканые этой техникой, дают большое разнообразие орнамента. Наименование узоров отмечает не наиболее бросающиеся в глаза части узоров, а менее с первого взгляда заметный рисунок сетки тканья. Лишь меандра называется коситницей; прерывающийся меандр — полукоситницей; меандр, расположенный четырехугольником, — гребенкой, грабильницей. Четырехугольник с зубчиками, тканый на шесть ниток, называется

⁴ Б. А. Куфтин. Кирго-казань. М., 1925, стр. 41; его же. Материальная культура русской женщины, стр. 59.

⁵ Коситницей и черкеской станицы этого типа хранятся в коллекции ГИЭ, фонд 12041.

⁶ С. Маслова. Узорное ткачество на русском Севере. КСНХ, XI, М. -Л., 1950, стр. 14.

⁷ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской женщины, стр. 58.

⁸ Там же.

⁹ И. И. Лебедева. Отчет о летних работах 1924 г. по археологии в окрестностях г. Казань. «Восток рязанских краев», Рязань, 1925, № 1 (5), стр. 3. Б. А.

Куфтин. Материальная культура женщины, стр. 63.

¹⁰ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской женщины, стр. 53.

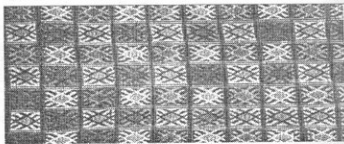
¹¹ Савинков, Успен, Коробков 6. Ельнинского уезда; Курин, Колосников, Ветчина 6. Касимовского уезда Рязанской губ., Токмаков 6. Токмаковского уезда Тамбовской губ. (Б. А. Куфтин. Материальная культура русской женщины, стр. 34-55).

Рис. 33. Ткань для пончев, выполненная брашовой техникой в сочетании с тканьем на четырех подложках (узор "мелюки"), с. Култуки Касимовского района Рязанской обл.: 1 — с изнанки; 2 — с лица

1

2

Рис. 34.

1 — украинская пледка, тканная на подложках (с. Головинцы Жмеринского района Винницкой обл.); 2 — пледка, тканная на куколках (Полтавщина)

плетения или комбинирования. Меандрический орнамент берет свое начало от эпохи ранней бронзы и известен и в восточнославянских культурах Оки и верхнего Днепра. Сейчас он встречается у касимовских и тамбовских татар. Одна группа их — древнее тюркоязычное население, другая — военно-служилые люди, поселенные в XVI в.; обе группы смешались здесь с местной и восприняли от нее местный орнамент, восходящий к эпохе бронзы.

В конце XIX в. тип пошев, выполненных описанной техникой, был распространен в Рязанской губ.: в б. Пашинской волости Касимовского уезда, в Тумском районе по р. Нарме, в селах Палиши, Кузьмино; более древнего его разнообразия известны в б. Прудновской и Пашинской волостях¹. Соседние селения называют их по-своему со змеями и ястребами.

Другой разновидностью этого типа тканья является основа со своеобразным орнаментом, ромбическая сетка которого называется челноки (рис. 33); основа у нее колышная, заправлена на четыре ремешка, ход подножек — 1-я, 2-я, 3-я, 4-я; для получения узора применяются разноцветные нити; уток у нее — сученая шерстяная нитка. Основной район ее бытования — семь селений по р. Курше (у «куршаков»), по тракту Касимов — Темников и к северу от Мокши².

Летом 1950 г. автором этой работы и Б. А. Васильевым был найден новый очаг бытования этого типа пошевы в Рязанской обл. около ст. Салтыковка по линии Ласово — Вернадовка; здесь жители пяти селений — Салтыково, Шафторка, Каменец, Студенец, Рынская имеют также пошевы до сих пор и умеют их ткать. У мастериц-ткачих имеются образцы узора пошевы, редко встречаемые, по ним они и выбирают нити.

Пошевы эти встречаются двух цветов — красные и белые. Делают их в упрощенном виде, с двумя ремешками «в три шага», т. е. нити. В б. Касимовском уезде Рязанской губ. в селах Жданово, Телебукино, Шосты, Колесниково, Акулово узор называется огнищцы; в селах Иверхус, Волково-Марьино — челночки, ушки; в селах Колесниково, Акулово, Телебукино — развилки; в селах Чарус, Кипово — «репы» и т. д.³

Б. А. Куфтин считает, что такую пошеву носили женщины у древних славян, представлявших «остатки того же самого населения, которое некогда занимая обширную область вдоль берегов Оки, оказалось разорванным более новым потоком южной колонизации»⁴, принесшим с собой окаящий говор и клетчатую синюю пошеву и отнесенным затем за Оку.

В другом месте он высказывает мысль, что обладателями этого типа пошевы было «ядро туземного населения, лишь к XIII веку становившегося заметно русским»⁵.

На четырех подножках при одной основе с брадынищи.

Этот тип тканья связан с изготовлением плахт на Украине, близким по технике к тканью пошев в северных районах Рязанской обл. Разница в тканье заключается в том, что здесь имеется одна основа и один уток и двойной холст не получается. Узор достигается движением

подножек и получением второго зева от движения брадынищи. Образцом может служить плахта из с. Великие Сорочиницы на Полтавщине (ГМЭ, фонд Музея народов СССР). Эта плахта сделана в 1860-х годах, крашена растительными красками, в ее основе лежат красные и синие нити, расположенные широкими полосами. Уток красный и синий. Сочетание основы и утка дает тип шапечного тканья. Белые нити основы, поднимаемые брадынищами, образуют узор. Растительный узор называется рожала — это цветок «бабы рож», который здесь передается в несколько стилизованном виде на одной плоскости. Подобным же образом выткана плахта из с. Головиницы (хранящаяся там же) (рис. 34, 1).

На куколках

Другой вид тканья украинских плахт — тканье на куколках. Оно называется так потому, что нити для узора наматываются на круглые бумажные трубочки — куколки (рис. 34, 2). Здесь имеет место сочетание тканья на двух подножках с закладной техникой. Полотно ткется как простой холст, при помощи двух подножек; узор ткется вторым утком разноцветными нитями закладной техникой, т. е. узор как бы вышивается по готовой ткани.

Близко к этой технике брады шелковой на ткани, идущей на изготовление фартуков, когда второй уток не пропускается насквозь, а укладывается на определенных участках. Оно известно у тех же «куршаков», у литовцев и удмуртов.

Происхождение способа тканья на куколках, по-видимому, связано с вышиванием пошев брадой техникой, которое было известно, например, еще в XIX — начале XX в. в Орловской, Курской и Воронежской областях.

VII. Обработка готовых тканей

БЕЛЕНИЕ ХОЛСТА

Основной способ белины холста — белины на солнце. Окунув холст в воду, его кладут на камень и колотят вальками (пральником, прачей) (южнобелорусы, северобелорусы, украинцы), а в некоторых местах Белоруссии, где валец неизвестен, холст топчут ногами (дер. Белыева около Черчерска). Затем холст расстилают на дугу мокрым. С белины на солнце соединяется зеленение холста. Холст на ночь кладут в котлы и заливают щелоком — раствором березовой золы в воде. В южной Белоруссии, на Черниговщине, в западных частях Орловской и Курской областей применяется бучение холста. Существуют особые бучки — жлукто — выдолбленные колоды без дна с двумя крестообразно расположенными перекладинами в середине. Холст складывается в этот буч, его заливают горячей водой или щелоком; после этого холст расстилают на траве. Бучат иногда на берегу реки; в этих случаях разводят костер, греют воду и заливают холст в буче.

В Пензенской обл. (с. Вяземка Земетчинского района) холст при белины толкут в ступе или в ступаке (небольшая колода, лежащая горизонтально, с круглой выемкой посередине).

ВАЛЯНИЕ СУКНА

У восточных славян известно три способа валяния

¹ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской старины, стр. 68-69.

² Там же, стр. 73-74.

³ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской старины, стр. 83.

сукна: 1) валяние ногами, 2) валяние по шероховатой поверхности, 3) толчение в ступе и толчеях с ветряными или водяными приводами.

Валяние ногами — древний способ. На кровать или на лавку стелили доски, на них раскладывали сукно и поливали его понемом, но непрерывно горячей водой. Двое мужчин ложились друг к другу ногами и поочередно двигали сукно то к себе, то от себя.

Второй, более новый способ заключался в том, что сукно накатывали на скалки и, поливая водой, катали рубелом по валяльным решеткам или по столу с рубцами (дер. Китовишки, Подберезье Новгородской обл.), или по кадке, обмотанной веревками.

Валяние сукна по рубчатой поверхности односторонне с валянием войлоков, шалков и валенок и, вероятно, всего, с ним связано. При валянии на решетках в Верее Спас-Клепиковского района и в Лесном-Ялтунове Конобеевского района Рязанской обл. соседи обычно помогали друг другу. Двое мужчин становились по одну сторону решетки, а двое по другую. Сукно двигали друг к другу, женщины же поливали его горячей водой. Помощь соседей была особенно необходима при тяжелом процессе выработки сукна.

Третий способ — толчение в ступе — известен у белорусов и у южных великорусов; возможно, этот способ был известен и в Новгородской обл. Для толчения сукна употреблялась та же ступа, что и для толчения льна и конопли. В юго-западной части Белоруссии и в западных областях Украины для толчения сукна употреблялись ножные ступы. Аналогичная ножная ступа была известна и в с. Подхожем Тульской обл.

Водяные и ветряные толчен представляют собой систему ступ с пехтелями (т.е. пестами). Пехтель приводится в движение валом, который связан с водяным колесом мельницы (Московская слобода, г. Крапивна Тульской обл.) или с приводом ветряной мельницы (Подберезье Новгородской обл.). При валянии сукна на толчею оно также поливалось горячей водой.

ЛОЩЕНИЕ ШЕРСТЯНЫХ ТКАНЕЙ

Готовую ткань для юбок отдавали лощить под жом, т.е. под пресс.

Материю для юбок наматывали на картон и затем юбки (а их лощили сразу несколько) перестилались картоном. Сверху накладывались бруски горячего железа. Свернутые таким образом юбки клали в лощилку. Прибор этот состоит из двух столбов в 1,8 м высотой с перекладиной в 1,8 длиной; в середине перекладины находится металлический винт, на нем дубовый круг с железным обручем, на котором четыре ручки; толщина круга 13,5 см; вышуп под кругом две доски размером 1,8 кв. м, каждая толщиной 4,5 см. Между этими досками клали картон с материей и туго прижимали винтом. Материю оставляли в досках на сутки, потом вынимали. После лощения материя становилась блестящей и без волосков (Сурки Данковского района Ленинградской обл.).

Заключение

1. В народном прядении и ткачестве восточных славян в дореволуционное время сохранялось в крестьянской среде много начальных форм производства — без применения орудий, например, обмолот конопли руками, мытье льна ногами, топтание холста ногами при стирке его в реке, собирание руками шерсти с животного во

время линьки, валяние сукна ногами, получение без веретена (верчь), разматывание мотков с ручной стан. Это еще раз подтверждает древность ткачества и ставит вопрос о существовании его, а также дедна еще до появления пряслица и веретена. Сами же, находки этих орудий, относящихся к эпохе неолита, говорят лишь о переходе к механическим способам, а этому мог предшествовать большой промежуток времени, когда прялки и «плетенки» (моталки и т.п.) изготовлялись без помощи каких-либо орудий.

2. Организация труда при «живом стане» с главным руководителем-женщиной, возможно, является отголоском тех производственных отношений, которые существовали еще в родовом матриархальном обществе. На ту же мысль наводит и обычный посиделок, в которых хозяйками были девушки.

3. Ряд орудий производства возник в результате стремления людей создать приспособления, заменившие работу человеческой руки или ноги. Бросальщики, например, появились как подражание специальному конопли и льна растопыренными пальцами руки, гребень для чесания растительного волокна и шалапа как подражание способу обмолота ступней.

4. Орудия производства, применяемые в доисторическом ткачестве, во многих случаях служили для других целей, например лучок-струна для разбрасывания шерсти и лучок для добавления и для изготовления веретен (точильный лучок).

Орудия для молотбы льна и конопли были применены орудиями для молотбы хлеба; валеки применялись и при мытье белья. Ножницы для стрижки овец универсальными в крестьянском хозяйстве. Гребень для расчесывания волокна обычно расчесывали и сы. Мялки для конопли и льна были ранее кожаные. Ступа для толчения волокна служила также отапливания проса и для толчения шпена на Ножные приводы, когда они вошли в употребление, применены к ткацкому станку и ручной самопрядальной машине водяных мельниц на Руси (а они были известны уже в XII в.) дало возможность использовать воду на толчеях для льна и конопли и на сукновальнях. Появление ветряных мельниц в XVII в. в Московском государстве дало ветряные приводы к толчеям и вальням.

5. Можно установить следующее распределение моментов прядения и ткачества во времени их появления.

В неолите существовали прялки трех типов, с которыми территориями распространения, два типа гребешков, с которыми территориями распространения сальная щетка, обнаруженная на одной из этих территорий, ткани на дощечках, тканые полотняные ткани, пряслице и, следовательно, веретено. Прялку, культурный лен, шерсть. По материалам дьякова и горюхиного типа установлено наличие периода вертикального ткацкого станка, ткани на каках и на бердечке и, возможно, ножиц для стрижки.

У славян в VI в. применялось трепало; с IX в. известен горизонтальный ткацкий стан, а с XI в. новая и закладная техника и тканье на четырех подножках.

В эпоху феодальной раздробленности были и

альные типы ткацких станов, тканей, северных трепал, прялок. В позднейшее время на территории восточных славян вырабатывались различные типы тканей, которые становятся типичными для русских, украинцев и белорусов: 1) синяя клетчатая пошева и тяжелая браная лицевая у южновеликорусов; 2) плахта у украинцев; 3) лоскутные и клетчатые юбки у белорусов. Появление всех этих типов тканей относится к очень отдаленным временам, но характерные их особенности и расцветке и, кроме того, выработались вместе с процессом образования национальных особенностей русских, украинцев и белорусов.

6. Исходя из территориального распространения орудий и технических приемов прядения и ткачества, можно выделить элементы, общие всем группам восточных славян. Общими для них являются мялки, трепала, прялки на веретене, моталки-«кресты», спонание по степу, горизонтальный ткацкий стан с бердом и подножкой, который имеет локальные вариации лишь во восточных своих частях, браная и закладная техника донная и многоподножное ткачество, имеющие, конечно, ряд местных особенностей.

Древнейшие из этих элементов прядения и ткачества восходят к общности культуры восточных славян, восходящей к эпохе Киевской Руси и к более ранним временам. Общими для восточных славян являются также такие формы орудий, проникшие, по-видимому, в восточное прядение и ткачество из русской мануфактуры: моталки-бараны, вертящиеся споналки, самопрядки, некоторые детали ткацкого стана: блокны, рабушки, подножки, «станина с подношником».

Капиталистическая мануфактура, развившись на базе восточных промыслов XVI — XVII вв., в свою очередь оказала сильное влияние на народное прядение и ткачество.

7. В способах и приемах прядения и ткачества, характерных для великорусского населения, выделяются следующие элементы:

1) Южновеликорусское прядение и ткачество

Для него характерны: цепь, палец, вертикальный гребень, вилкообразная прялка, горизонтальный ткацкий стан с косой, ткачество на трех подножках, черная пошевая шерстяная ткань для огуц, закладная техника, являвшаяся весьма своеобразными формами и расцветкой, распространность тканей из конопля, употребление в шерстяном деле струны. У южновеликорусов в элементах прядения и ткачества отмечаются общие черты с восточно-русскими народностями Поволжья и с древнейшей группой, с XIII в. обрусевшая, которая вошла в состав восточной части южновеликорусов и определила некоторые (второстепенные, локальные) особенности их культуры. Кроме того, в культуре южновеликорусов замечается как будто еще более древний «угорский» элемент, общий с манси и хантами. Это проявляется в нали-

чии тканей на бердечке, горизонтального стана с косой и некоторых очень характерных элементов орнамента и др.

2) Северновеликорусское прядение и ткачество

Северновеликорусы, как известно, по диалекту и по многим элементам культуры — одежде, жилищу, обрядам и прочему — имеют особые черты. Это сказывается и в прядении и ткачестве. В северновеликорусском ткачестве отмечается, во-первых, слой, общий с Прибалтикой: прядение на вилочке, драчки, карды, латышский нит; во-вторых, специфический «ильменский слой» (главным образом в Приильменье и областях новгородской колонизации на севере): лапа, щетка, «спинца кована» для протыкания кудели; в-третьих, слой, общий со средневеликорусами и белорусами: лопатообразная прялка, горизонтальный ткацкий стан из копаня, ткачество на трех подножках, браная техника при одном утке.

3) Средневеликорусское прядение и ткачество

Смешанность северо- и южновеликорусских элементов прядения и ткачества на территории центральных областей с выделением особой, более поздней средневеликорусской группы, сложившейся на территории Московского государства и проникшей на север, на юг и на восток.

Этот вывод совпадает как с данными истории русского языка, так и с этнографическими данными, полученными на основании изучения других элементов средневеликорусской культуры — жилища, одежды, обрядов и др.

Отмеченные выше особенности северо- и южновеликорусского прядения и ткачества и особенности других сторон быта объясняются наличием в культуре северо- и южновеликорусов архаичных элементов, восходящих к эпохе существования древних племенных объединений. Что же касается средневеликорусов, то для их культуры характерно позднее сращивание в органическое целое элементов культуры как северо-, так и южновеликорусов.

8. В ткачестве и прядении других двух восточнославянских народов — украинцев и белорусов — резко выделяются особенности, характерные для правобережной и юго-западной Украины, включая Прикарпатье, и юго-западной Белоруссии: палкообразные прялки, круглые гребни, закладная техника ткачества. Этот культурный ареал некоторые исследователи связывают с расселением племенной группы воляний, вошедшей в состав белорусов и украинцев¹.

9. Таким образом, мы приходим к общему выводу, что все рассмотренные выше орудия и технические навыки прядения и ткачества составляют общее культурное достояние восточных славян. Ткани же являются одним из элементов культуры и быта, отличающих одну национальность от другой, причем специфика тканей выражается преимущественно в их орнаменте и расцветке, выработанных русскими, украинскими и белорусскими народами.

¹ А. А. Смирнов. Основные русские племена. Сб. «Культура и быт населения СССР». М., 1929, стр. 20 — 29.

**Получение материала и его первичная обработка
(XIX - начало XX в.)**

Источники получения	Способ получения	Орудия обработки		Продукция
		основные	новые формы	
I. Домашние животные: овца	Стрижка	Ножницы	Ножницы с электрическим приводом	Шерсть-«волна» осенняя, весенняя поярка Шерсть
корова верблюд кролик, коза	Соскабливание	Скребок Бритва	-	Шерсть
II. Волокнистые растения	Вычесывание	Гребень		Шерсть
	Дерганье			Лен-дерганец Посконь Моченец

**Последовательность процессов подготовки к домашнему прядению и ткачеству
шерсти, льняного и конопляного волокна и орудия производства
(XIX - начало XX в.)**

Материал	Название процесса обработки	Орудия обработки			Продукция
		основные	дополнительные	новые формы	
I. Шерсть	Чесание Битье	Гребень Струна		Шерстобитка	«Жилка» Шерсть битая
II. Волокнистые растения: Лен		Карды			
	Молотьба	Валек Лапа	-	-	Лен-стебель и Лен-семя
	Срезывание головок	Коса	-	-	
Конопля-моченец	Молотьба	Нож Цеп	-	-	Конопля-стебель и конопля-семя
		Околачивание о скамью			
Стебли льна, конопля-моченец и посконь	Мятое	Мялка	Ступа с песком (ручная или ножная)	Мялка вальцовая Толчея	Волокно и кострика
Волокно льна, конопля-моченец и посконь	Трепание	Трепало	-	-	Мякиш, отрепья, кострика
Мячка льна, конопля-моченец и посконь	Чесание	Гребень и гребенка	-	-	Кудель
Кудель	Мыкание	Щетка			Кудель и пух

**Последовательность процессов домашнего прядения и ткачества
(шерсть и растительные волокнистые вещества)
(XIX - начало XX в.)**

Материал	Название процесса обработки	Орудия обработки			Продукция
		основные	дополнительные	новые формы	
I. Шерсть белая чужая	«Жилку тянуть» (с гребня) Прядение	Веретено	Гребень или прялка	Самопрялка	Пряжа Пряжа
II. Лен и конопля Кудель Верховина Стрежня Пачеси Пряжа	То же « « « « Снование	Крюки, лопатки, колышки (при сновании на стене) Цевка	Юрок	Сновалка рабочая или вертящаяся	Основа
III. Основа	Подготовка утка Навивка на стан: 1) протягивание пробы 2) навивка на навой 3) кидание в нит 4) проборка через берда 5) навивка на полотняный навой Тканье	Бердо Навой празднич- ный Нит Бердо Навой полотняный и пруток Стан ткацкий челнок с цевкой	Сукало - - - - - Правило	Самопрялка Ритки - - -	«Цевки» «Кросна (осно- ва, заправлен- ная на стан)
IV. Кросна					Холст или шер- стяная ткань

**Обработка готовых тканей при домашнем производстве
(XIX — начало XX в.)**

Материал	Название процесса обработки	Орудия обработки			Продукция
		основные	дополнительные	новые формы	
Холст	Беление	Валек	Бук	-	Беленый холст
Шерстяная ткань	Валение	Рубель Решетка	-	Ступа с пестом Валюша Толчея	Сукно
Шерстяная	Лощение ткань	Лощилка	-	Ступа с пестом -	Лощеная ткань

Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской революции

Большую и сложную историю прошла советская этнография со дня победы Великой Октябрьской социалистической революции. За это время выработались методы этнографических исследований, намечались проблемы для изучения, и сама этнография нашла место среди научных дисциплин как историческая наука. Изучение Рязанской области (в пределах бывшей Рязанской губернии) после Октября 1917 г. внесло также свои крупинки в общий процесс развития советской этнографии.

Первым толчком к изучению бывшей тогда Рязанской губернии послужила командировка в губернию Б. А. Куфтина в 1921 году. Он прочел доклад в Касимовском уездном отделе народного образования о методах и задачах изучения одежд. Результатом дальнейшей работы явилось создание в 1 — 2 года этнографического отдела Касимовского музея.

В 1921 году известный археолог П. П. Ефименко, проводя раскопки групповых Окско-финских могильников, поставил вопрос перед Рязанским музеем о необходимости организации этнографического отдела и разработал программу для изучения одежд, увязывая этнографию с археологией.

Великая Октябрьская социалистическая революция, изменившая социально-экономические отношения, положившая начало эпохе социализма, с головокружительной быстротой поколебала старые бытовые устои; начиналась ломка их, нарождались новые формы жизни. В связи с этим изучение уходящего в прошлое и нарождающегося нового явилось неотложной задачей этнографических исследований.

До Октябрьской революции Рязанская губерния в этнографическом отношении специально не изучалась, но были отдельные работы, имевшие историко-этнографическое значение. Из печатных работ дооктябрьского периода необходимо отметить работы В. В. Селиванова «Год русского земледельца» (Беседа, 1854 г.), О. П. Семеновой «Жизнь Ивана» (С.-П., 1914 г.), «Описание коллекции Дашковского музея» В. Ф. Миллера (М., 1893 г., вып. 2). В этой работе описаны коллекции музея и по Рязанской губернии 1867 г., приведены также некоторые материалы из анкет, которые рассылало ОЛЕАС¹ в восьмидесятых годах XIX века.

В архиве АГО² сохранилось несколько ответов на анкеты, рассылаемые АГО в 40-х годах XIX века и по Рязанской губернии. Среди них наибольшую ценность

представляет рукопись Н. Ловцова «Этнографическое описание с. Рыкова-Слобода», где даны прекрасные снимки и описание одежды жителей этого села³.

В Государственном музее этнографии (Ленинград) имеется коллекция одежды, собранная О. П. Семенов в южных уездах Рязанской губернии в 1910 — 1912 г. Рязанским областным краеведческим музеем хранятся костюмы, полученные из кустарного музея губернского земства, и кружева, вышивки, полученные от архивной комиссии.

Все это заставляло фиксировать внимание этнографии на Рязанской губернии и обещало при дальнейшем следовании дать хорошие результаты.

Рязанской губернией интересовались и интересуют представители разнообразных дисциплин: и лингвисты и историки, и антропологи, и археологи. Причина в том, что по своему географическому положению и историческому прошлому губерния занимает особое место: здесь проходит граница леса и степей. Начиная с энеолита, прослеживается столкновение культур: лесной и степной неолита, фатьяновской и срубной культур (ха бронзы), дыковской и городищской (эпоха железного века). Здесь формируется сложная угро-финская группа; закладываясь «славянский узел»; из различных славянских племенных групп формируется великорусский народ. А так как наблюдается сосредоточение племенных групп, хорошо сохраняются реликтовые черты быта, как замечено на Калужском Полесье, на Енисее, на Камке Дальнем Востоке.

Отстала экономически и в культурном отношении Рязанская губерния долгое время сохраняла многожитков прошлого. Изучение же бытовых арханизмов ряду с археологическими данными дает возможность конструировать различные этапы в развитии обществ материальной культуры.

Планомерное этнографическое изучение Рязанской губернии центральными и местными краеведческими учреждениями началось с 1920 и шло по 1931 год.

Основной идеей общего плана исследования было изучение различных этнических групп восточных славян, имеющих связь с другими народами неславянского происхождения и в известной мере до настоящего времени сохранивших следы соприкосновения с другими народами. Велось исследование не великорусов или южнорусов вообще, а отдельных этнических групп, как

¹ Общество любителей естествознания, антропологии, этнографии при Московском университете.

² Географическое общество в Ленинграде.

³ Имя село Завское, Рязанского района.

па территориально в характерные этнические комплексы, неоднородные по своему происхождению и неоднородные по своему этническому облику. Изучалась в основном материальная культура и некоторые явления культуры духовной, но главное внимание было обращено на изучение одежды и постройку.

Коллекции, собранные по губернии в 20 — 30-х годах, охоронялись в Рязанском краеведческом музее и музее ЦПО.¹ Метод изучения был принят маршрутный. Было проведено однокомплексное монографическое (в археологическом, этнографическом и лингвистическом отношении) изучение с. Мелехова Чучковского района в 1925 г. При раскопках мелеховского городища выявлены были культуры: городищская и финская, тесно связанные друг с другом. Материал, собранный по данным языка, лег в основу опубликованной работы Н. П. Сидорова, где он, в частности, считает «црканые» остатком дославянского населения.²

В результате многолетнего изучения вышли в свет следующие работы.

Б. А. Куфтин опубликовал работу «Материальная культура русской мещеры» (т. 1, Москва, 1926 г.). В ней автором большой материал, ранее неизвестный, имени методика, классификация и проблематика изучения одежды. В этом труде одежда рассматривается как источник культурной и этнической истории народов; устанавливается связь одежды с культурной исторической средой, выявляются отдельные этнические группы по данным одежды.

В качестве основной проблемы в указанной работе автор рассматривает русскую мещеру как реликтовую мещерскую группу, наименование которой связано с названием местности. С этим выводом автора многие исследователи были не согласны (С. П. Толстов и другие).³ Работа Б. А. Куфтина и до сих пор является лучшим руководством по изучению одежды всех народов.

А. Г. Данилин издал работу «Крестьянская одежда района Богословщины Рязанской губернии», относящуюся к бывш. крестьянам Богословского монастыря (Рязань, 1927 г.). На основании детально собранного материала по старой и новой одежде методически правильно с привлечением всех имеющихся по этому району коллекций в центральных и краеведческих музеях, архивных материалов автор дает исчерпывающее описание одежды той группы монастырских крестьян. Она сохранилась в 20-х годах XX века характер обособленной группы населения, по одежде характеризующейся наличием сильной клетчатой поленки, нагрудника — желтка, рогатой юбки с кистями.

Автор настоящей статьи опубликовал «Материалы по народной одежде Рязанской губернии» (Рязань, 1929 г.). Это — результат изучения одежды населения кожных уездов Скопинского, Сапожковского, Данковского, Раненбургского в 1923 — 1924 гг. В указанном труде выделена социальная группа крестьян четвертого права с 3 комплексами одежды, включающими историю заселения юга

бывш. Рязанской губернии.

Г. С. Маслово опубликовала отчет по изучению озер мещерского края: были изучены рыболовство (орудия и способы лова), одежда (южновеликорусская), жилище (имеет ряд северновеликорусских черт).

М. Д. Малинина в своей работе «Вопросы изучения материальной культуры северной части Рязанской губернии» подвела итоги изучения губернии с 1923 по 1927 год. В этой работе очень удачно выделен и описан район Окской поймы, имеющей громадное этническое значение. Из составленных указанным автором карт особую ценность имеет карта «этноимов», выявляющая этнические группы по субъективному признаку.⁴

Кроме отмеченных исследований, в Рязанском музее имеется богатый архив, состоящий из материалов (получены из отдельных сельских местностей) по материальной (одежда, жилище и прочее) и по духовной (особенно много материалов по свадьбе) культуре.⁵

В послевоенный период в Москве оформился институт этнографии Академии наук СССР имени Николуха-Маклая. Он становится основным руководящим центром всей этнографической работы в стране, осуществляя большую работу по изучению этнического состава населения мира и этнических особенностей отдельных народов.

Перед исследователями русской деревни были поставлены две задачи:

1. Проблема этногенеза, «ставившаяся в плане отыскания элементов, из которых составлена современная народность и ее культура, и тех исторических процессов, из которых складывалась и развивалась народ».⁶

2. Изучение современной жизни народов, быта и культуры социалистических наций, изучение пережитков как капиталистических, так и докапиталистических в плане их выявления и активной борьбы с ними в интересах коммунистического воспитания масс, увязывание научных исследований с практическими задачами строительства коммунизма в нашей стране.⁷

Исходя из первой проблемы, восточнославянский сектор института этнографии Академии наук предпринимает большую работу — составление атласа «Русские» из 3 частей: 1) Сельское хозяйство, 2) Постройки, 3) Одежда. Все собранные материалы в 20 — 30-х гг. в Рязанской области находят здесь свое место. Рязанская область оказывается лучше изученной, чем другие. Если по ряду областей нужно было производить дополнительные экспедиции, то по Рязанской области материала было достаточно. По одной одежде здесь была 1000 карточек.

Работа по атласу закончена, приступают к его изданию. Просматривая материалы, собранные по Рязанской губернии и вошедшие в атлас, можно сделать выводы по этнической истории и исторической географии Рязанской области.

Анализируя народную одежду Рязанской губернии конца XIX и начала XX века, рассматривая ее как сложный конгломерат элементов, появившихся на протяжении долгой и сложной истории развития русского народа, исследователь как бы снимает пласт за пластом, идет

¹ Областной музей Центрально-промышленной области.

² Н. П. Сидоров, «Известия из архива одного из говоров рязанской мещеры», Материалы и исследования по диалектологии, 1949 г.

³ Сборник «Культура и быт ЦПО», М., 1929 г., стр. 134.

⁴ Сборник музея ЦПО, М., 1929 г.

⁵ А. А. Масуров, Описание рукописей архива Рязанского краеведческого общества, Рязань, 1928 — 1933 гг.

⁶ С. А. Тихарев, К постановке этногенеза, С. 3, 1949 г., № 3.

⁷ Из реферата этнографического совещания, М., 1951 г. Издание Академии наук СССР.

в глубь веков.

Первый верхний слой — одежда из покупного материала: у женщин — юбка, кофта, передник по талии, платок; у мужчин — жилет, поддевка со сборами, фуражка, куртка, сапоги. Первые признаки этой одежды появляются еще при крепостном праве в связи с отходничеством и в местах, где развита была фабрично-заводская промышленность¹. После крестьянской реформы эти элементы одежды широко распространяются в связи с ростом промышленного капитализма, расслоением деревни, ростом сельского пролетариата. «Успехи хлопчатобумажной промышленности с переходом в 50-х годах на изготовление собственной пряжи, хотя и из привозного хлопка, сделали хлопчатобумажные ткани самым дешевым материалом для изготовления одежды, создали им широкий рынок, и те успешно конкурировали с употреблением полотняной ткани»². Этот тип одежды, поскольку в деревню ее несла рабочая масса, может быть назван «рабочим».

Карта распространения этой одежды охватывала промышленные районы Рязанской губернии (Зарайск, Егорьевск, Касимов) и места, где сильно было развито отходничество, что совпадает с картой, составленной В. П. Семеновым-Тянь-Шанским в 1897 г. и показывающей интенсивность торгово-промышленной деятельности в России³.

Картина распространения рабочей одежды наглядно подтверждает связь изменений одежды с развитием товарно-денежных отношений.

Сравнительно поздним для Рязанской губернии является комплекс, связанный с сарафаном. Время его появления датируют XIV в. на северо-западе. Г. С. Маслова считает, что «массовое распространение сарафана связано с формированием великорусского народа и его национального костюма, хотя возникновение его более древних форм могло произойти и раньше»⁴. Возникнув в народной среде в XIV веке, сарафан становится мужской и женской одеждой всех классов общества. На территории Рязанской области он известен в юго-восточной части (Шацк, Конобеево), в тех местах, где ассимиляция русских мордовских и татарских племен проходила в XVII в.,⁵ а также в районе сел по Оке (Свинтус, Копаново), у спас-клениковских старообрядцев, у крестьян четвертного права (вокруг г. Данкова) и в ряде других мест как дешевая одежда. Позднейшая форма — ситцевый сарафан на лямках — была во многих местах переходной формой одежды от комплекса, связанного с поневой, к юбочно-му.

Комплексом, предшествовавшим сарафанному и широко распространенным, является комплекс, связанный с поневой. Это древний крестьянский комплекс. Термин «понева» в значении ткани упоминается в летописи в XI веке. Разные русские ткани в виде набедренной одежды являются древней одеждой славянских народов. Во время сопоставления славянских племен с финскими группами на Оке этот комплекс был ведущим. С ним вместе сформировалась и рубашка с косым полком, и рогатые головные уборы.

В Рязанской губернии население носило несколько типов понев. Синяя — клетчатая, соединенная с шерстяным белым нагрудником, охватывает пойму Оки и берега рек Прони и Рановой и проникает отдельными островами на юг от Прони. По территории своего распространения, совпадающей с территорией распространения типичных семилепестчатых височных колец, может быть названа «вятичской». К другой группе понев относятся тяжелые поневы, сложной техники тканья на 4 подложках с брашными и сложными узорами; они имеют черными и кубическими связываются с северной частью Рязанской губернии, с мецкерским краем, что говорит о наличии здесь древних групп населения, не утративших до конца XIX века своей специфики. К третьей группе относится красная понева или черная клетчатая, соединенная с черными нагрудниками и плащевидной одеждой — «кодманом»; она бытует в бассейне реки Дона.

Таким образом, типы поневенного комплекса разделяют нашу область на три части: 1-ю, согласно археологическим данным, связывают с вятичами, 2-ю — с кривичами, 3-ю — со славянскими племенами Подонья.

С этим можно сопоставить распространение, размер, типов лодок. Лодка из двух колод со вставным днищем связана с территорией Оки (территория древних вятичей и доходит до Шилова, а далее уже идет парная лодка, известная на реках Днепр, Соже, Припяти. В Рязанскую область она могла быть принесена лишь кривичами.

Идя дальше в глубь веков, можно найти под историко-культурным слоем индоевропейские компоненты. За первую очередь проследивается связь с «чуждыми» (с финно-угорскими) народами: тупикобразные одежки, лопатообразные и одноротые головные уборы, обшарки, вятичским и чуждым народам. Но здесь можно предположить, что они возникли одновременно у тех и других.

Имеется и ряд других общих элементов южнорусских с чуждыми народами, а именно — ношение волос в ушах, известное также мордве, горным мари, чувшам; прикрасление «селенных кудрей» на висках; известно, кроме славян, мордвы; черные повязки обшарки мордвы-мошней, а также с мари и чувшами. Широкое распространение бисера известно также волжским финнам и чувшам, а также южным болгарам, предки которых связаны с народами Поволжья, что заставляет считать эту общность культуры к VII — VIII вв. Более поздней является общность раковин-ужовок, хорошо известных в финских грунтово-глинистых могильниках, что бытует русской мецкеры (с. Мелихово, Касимовское уезд); это говорит о возможности ассимиляции русскими чуждых элементов.

Распространение плетеной обуви — «мордовской» — выявляет границу чуждого элемента на территории Рязанской губернии в дославянское время по реке Пронь; к северу и к востоку от них идет связь территории обитания в прошлом чуждых племен, что совпадает с данными археологии.

Некоторые элементы выявляют и специфику отдельных чуждых групп: наличие пояса, сходного с «чуж-

¹ С. Столицы, где были суконные и шелковые фабрики. Коломенские шелковые фабрики, Истринские чулочно-носочные заводы, Егорьевские и Зарайские.

² В. П. Семенов-Тянь-Шанский. История России, 1930 г., т. 13, стр. 128.

³ В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Город и деревня Европейской России, 1910 г., стр. 51.

⁴ Г. С. Маслова, Вятские сообщения ИЭА Академии наук СССР, 1955 г., стр. 13.

⁵ Иероним. Акты рязанского края.

«с. Мелихово, Касимовского уезда, с. Ушвака, Пензенской губернии»); армянский шов¹, известный только у нас, встречается и в Спасском, и в Михайловском уездах, подтверждают мнение А. Л. Монгайта о наличии эрзи на территории Оки, а может быть, говорит о близости эрзи к эрзи. Техника вышивки — роспись и косоворот прослеживается часто среди рязанских вышивок, они схожи к вышивкам мешеры и мордвы-мещеры. В вышивках населения с. Мелихова (контурная гладь) отмечается близость к вышивкам мари и мордвы-мещеры, а также к рязанским, болгарским и удмуртским вышивкам².

Такая дробность и разрозненность вышивок среди отдельных групп населения говорит об очень древнем их происхождении, о влиянии на них других групп населения. Кроме того, это свидетельствует о расселении древних племенных групп, о возможности их передвижения.

Вышивки — хороший материал, обнаруживающий древние этнические компоненты³.

Историки В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, Н. М. Карамзин⁴ и другие сходились на том, что чудские племена принимали участие в образовании великорусской народности. Датируя и прослеживая территориальную распространность элементов одежды русского населения, выходя у русских элементы одежды, общие с финно-угорскими народами Поволжья, получаем конкретное подтверждение и документальную апробацию предположения историков о наличии финно-угорских элементов в культуре русских, и ясно рисуется картина общности элементов одежды в прошлом у тех или иных групп.

Непременно согласиться с Б. А. Куфным, что Рязанская область более, чем другие области, сохранила свои культурные связи с местными финскими племенами, во взаимодействии с которыми слагался великорусский тип, а также с А. Л. Монгайтом⁵ в том, что здесь была не только культурная связь, но и ассимиляция, чем и объясняется антропологическая близость витячей и мордвы. Однако и высказание нельзя отрицать. Выяснение финно-угорских племен прослеживается и в позднейшее время. Это — датские мешеры в Пензенскую губернию в XVI веке и в Саратовскую губернию в XVII веке; оно хорошо прослеживается по материалам одежды⁶.

В элементах культуры угро-финнов отмечаются безусловно и более древние элементы этой культуры, вошедшие в нее из очень древних культур. Расшифровка компонентов финно-угорских племен и предшествовавших им племен по одежде — дело будущего. Попытки эти сделаны по другим элементам культуры.

Средства передвижения искривают также финно-угорские элементы. Одер — двухколесная телега — распространен в северной части губернии, а можара — 4-колесная телега — в Саловском уезде. С ними связаны древнейшие этнические элементы, вошедшие в состав культуры русских Рязанской области. Одер связывается с монголо-татарскими народами Азии, входит в состав русской культуры через финно-угорскую среду⁷.

По материалам изучения жилища и хозяйственных

построек, вошедшим в состав атласа «Русские», а также в недавно опубликованной статье В. Г. Руденко «Историко-этнографические данные о жилище Рязанского края», Рязанская область разделяется на 2 части: северновеликорусскую и южновеликорусскую. Отмечается наплыв на южновеликорусские формы жилища элементов средневеликорусского жилища, характеризуемого двухскатной крышей, клетью, планом с печью устьем к улице. Эти признаки бытовали еще во второй четверти XIX века. Средневеликорусский план, датируемый XIV в., является тем же культурным влиянием Москвы, которым явился сарафан.

Эти средневеликорусские элементы распространялись на юг, на восток и даже в далекую Сибирь как культурное влияние Москвы. Старые границы распространения средневеликорусского и южновеликорусского жилища идут по реке Пре и совпадают с границами распространения типов полей.

Быт юга Рязанской губернии характеризуется домами-крепостями. Они известны данковским крестьянам четверного права, характеризуются наличием большого количества холодных хаток, построенных невестками для своих семей, входящих в общую хозяйственную деятельность большой семьи. Этот тип построек связывается с постройками Орловской и Курской губерний.

Низкая изба с земляным полом, полкой для спанья, с 4-скатной крышей, с двумя вариантами южновеликорусского плана распространена на юге Рязанской области и связывалась в общем массиве с Орловской, Тамбовской и Курской губерниями и также с мордвой. Земляники-ваходы, охватывающие эту территорию, очень близки к Боринским (на Дону) землянкам, а также к землянкам жилищ болгар, предки которых соприкасались с казанскими болгарами. Своеобразная рига с «земли» на Дону, общая с югом Курской и Орловской областей, выделяет также бассейны Дона как своеобразный район.

Вся предельная работа — собрание этнографического материала и обработка его — дает яркую картину прочной связи краеведческой работы на местах с научной работой. Большой конкретный материал, тщательно и продуманно собранный, вливается в общие исследования по большому территории, а результат этих работ служит прекрасным материалом для понимания местной культуры.

По линии изучения второй проблемы, поставленной институтом этнографии — изучение социалистической культуры и быта колхозного крестьянства — в 1950 — 1951 гг. проводились две экспедиции кафедрой истории СССР Рязанского педагогического института совместно с краеведческим музеем.

В селе Полное Ялтуново, бывшего Конобеевского, ныне Шацкого района, изучались история, экономика, материальная и духовная культура в прошлом и настоящем. Изучение шло по линии выявления элементов социалистической культуры и быта, а также по линии этногенеза. Одновременно изучалась вновь обнаруженная

¹ Шарый шов с длинной бахромой, спускающейся сверху.

² Пестрая роспись.

³ Из истории Г. Л. Шербиной.

⁴ Г. С. Маслова, Народный праздник восточно-русских варяг. Труды института этнографии Академии наук, т. II, М. - Л., 1951 г.

⁵ Курс русской истории, т. 1, стр. 368.

⁶ А. Л. Монгайт. Из истории заселения бассейна среднего течения р. Оки в I тысячелетии н. э., т. XVIII, М., 1953 г., стр. 176.

⁷ Восток русского этнографического общества. 1859 г., № 11, ст. Масловой «О южной Поволжской губернии».

⁸ В. В. Богданов, Структура средств передвижения, СПб., М., 1929, стр. 69.

⁹ В. Г. Руденко, Ученые записки Рязанского педагогического института в XVI, 1957 г.

группа русской мещеры в 7 селениях вокруг села Салтыково-Буты, Сасовского района. Последняя группа детально исследовалась в 1952 году вместе с отдельными этническими группами русской мещеры — «чуранами» и «цуканами» Пензенской области. Материал, собранный во время этих экспедиций, частично имеется в настоящее время в Институте этнографии Академии наук СССР¹. В феврале 1953 г. на совещании в Институте этнографии Академии наук СССР было сделано 3 доклада: Н. П. Милованов — «История села Полное Ялтуново», Ю. В. Фулиным — «Экономика и новый быт в колхозе имени Сталина», Б. А. Васильевым — по вопросу этногенеза. В стенограмме совещания эта работа была отмечена, как очень удачное разрешение изучения колхозного быта; его истории и развития.

Если раньше Рязанской областью интересовались потому, что здесь можно было найти много архаизмов, то в настоящее время, когда она преобразовалась и во многих отношениях стала передовой, исследователи стали интересоваться изучением нового быта.

Летом 1956 г. Институт этнографии АН СССР командировал Л. Н. Чижикову вместе со студенткой МГУ А. Е. Тер-Саксянц для изучения нового колхозного строительства в Рязанскую область. Эта тема поставлена в план очередных исследований института. Выбрана была Рязанская область, как занимающая одно из первых мест по колхозному строительству. Изучены были новые строения в колхозе «Россия» Рыбновского района, в колхозах «Россия», имени Димитрова, «Красная культура» Спасского района, колхозах имени Ленина, Спас-Клепиковского района, «Красное Знамя» Рязанского района и имени Хрущева Рязанского района. В этих колхозах изучено широко развернувшееся строительство общественных построек хозяйственного, культурного и административного значения, а также индивидуальное строительство колхозников. По итогам этих работ можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Строительство домов колхозников принимает все более широкий размах; 56 процентов домов в колхозе «Россия» построены за последние 5 — 6 лет.

2. При возведении новых домов колхозники в одних местах придерживаются старых традиций в плане жилого помещения, в других — вводят новые планировки.

3. Типовые проекты в обследованных селениях и строительстве сельских домов не применяются.

В 1956 — 1957 гг. Рязанский пединститут вел работу по монографическому изучению с. Кораблина Рязанского района. Результатом этого изучения является недавно вышедшая из печати книга: «Рязанское село Кораблин (история, экономика, быт, культура, люди села)».

Весь этот материал по истории села в советское время показывает, что с созданием нового, социалистического общества происходит внутренний революционный процесс, направляемый Коммунистической партией. Этот материал дается на фоне исторического процесса в селе с характерными особенностями Рязанской области. Приводимые примеры из жизни села Кораблина иллюстрируют отдельные моменты, выявляют общее со всем страной и в то же время подчеркивают местную специфику. Во всей многообразной конкретной действительности авторы выделяют все передовое, все идущее, что должно в будущем повести к созданию коммунистического общества. Наряду с этим отмечают и те недостатки, редко вредные пережитки старого, которые тормозят развитие коммунистического общества, и указывают на борьбу с ними.

Несколько сделано в плане изучения Рязанской области этнографическом отношении. Собранные коллекции в Рязанском краеведческом музее и изданные труды дают определенный объем проделанной работы. Но еще многое можно сделать по изучению Рязанской области в этнографическом отношении. Теперь, когда она стала передовой в области жилищного строительства и городского благоустройства, она должна стать передовой и в области научных исследований.

¹Т. Н. Анискина и В. А. Васильев «К вопросу о единстве происхождения русской мещеры и татар».

Рецензия на работу: **Рязанское село Кораблино**

(История, экономика, быт, культура, люди села)

«Ученые записки Рязанского педагогического института», т. XVIII, Рязань, 1957, 437 стр.

Книга «Рязанское село Кораблино» представляет собой коллективный труд работников Рязанского государственного педагогического института (руководитель коллектива — проф. В. И. Селиванов). В исследовании активное участие приняли учителя Кораблинской средней школы и руководители местных партийных и общественных организаций.

Работа опубликована в серийном издании «Ученые записки Рязанского педагогического института». «Ученые записки» выходит с 1939 г., в основном по одному тому в год. В годы, совпадающие с юбилейной датой (как, например, десятилетие Педагогического института), выпускались дополнительные томы. В «Записках», как правило, печатаются статьи научных работников четырех факультетов института, выполняемые в качестве плановой работы или же связанные с подготовкой кандидатских или докторских диссертаций. Для этнографов представляют интерес работы историко-краеведческого характера: статьи по топонимике и этнонимике Н. П. Милонова (т. XI и XVI); историко-этнографический очерк по истории крестьянского жилища с конца XIX в. В. Г. Руделева (т. XVI); статьи по археологии Рязанского края Н. П. Милонова и других (т. III, IV, VI, XIV и XVII).

Рецензируемый труд состоит из семи глав. В главе I — «История села Кораблино» (автор Н. П. Милонов) дается материал по ранней истории села Кораблино, характеризуется состояние села в XVII — XX вв., описывается установление Советской власти на селе (последний раздел написан учительницей Р. А. Некрасовой). Глава II — «Современная экономика села» (авторы А. М. Жуков и С. Ф. Бутров) содержит характеристику экономики села с 1941 по 1957 г. и состояния торговли в этом селе. В главе III — «Колхозная семья» (автор В. И. Селиванов) рассматривается колхозная семья как первичный коллектив людей, ее благосостояние и выполнение по воспитательным функциям. Глава IV — «Современный сельский быт» (авторы Т. С. Жбанкова, В. Г. Руделев и Э. А. Ерофеевская) включает три раздела: 1) Постройки в селе Кораблино; 2) Домашняя обстановка, пища, одежда, праздники; 3) Особенности говора села Кораблино. В этой главе, на наш взгляд, распределение материала неудачно: непонятно, почему говор попал в главу о быте, и также почему соединены совершенно различные категории материальной и духовной культуры. В главе V — «Сельские советские и общественные организации» (авторы Ю. В. Фулин, А. Д. Иванова и В. Ф. Кечигина)

прослеживается работа комсомольской организации Кораблинского сельсовета и партийной организации с 1918 г. Глава VI — «Кораблинская средняя школа» (авторы Д. С. Логинов и М. С. Говоров) содержит материал по истории школы, учебно-воспитательной и внешкольной работе, характеристику педагогического коллектива школы и кораблинских школьников. В главе VII — «Культурный рост населения» (авторы И. П. Попов, В. И. Селиванов, К. Т. Каширина) прослеживается культурно-просветительная работа на селе и здравоохранение с 1918 г. В заключение дана характеристика духовного облика людей этого села.

При составлении отдельных глав использованы различные источники: документы Рязанского областного архива, материалы, хранящиеся в учреждениях села Кораблино, документы, находящиеся в правлении колхоза, бухгалтерские годовые отчеты и приложения к ним, протоколы общих собраний и производственных совещаний; из архива Кораблинской школы использованы протоколы родительских собраний; собран материал непосредственного наблюдения и опроса населения, в некоторых разделах — по специально составленным программам. Так, В. И. Селивановым была составлена программа по изучению колхозной семьи; в основу ее была положена статья П. И. Кушнера (Кышшева) «О некоторых процессах, происходящих в колхозной семье» («Сов. этнография», 1956, № 1). Широко использована литература по истории Рязанского края, в основном по постройкам, и педагогическая.

Необходимо, однако, отметить, что не все источники полностью изучены. Не привлечены материалы переписей 1916, 1917 г.г., хранящиеся в Рязанском областном архиве. Они могли бы дополнить конкретные данные по экономике села Кораблино накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Не использован богатейший материал по свадьбе, хранящийся в Рязанском краеведческом музее, а также большая литература по одежде Рязанского края, которая была бы полезна автору раздела «Одежда» в отношении методики и сравнительного материала.

Следует всячески приветствовать проявленный авторами интерес к изучению современности — изложенные в книге материалы характеризуют преимущественно современную жизнь обитателей села Кораблино. Можно лишь посоветовать на то, что, описывая явления современного быта, авторы некоторых глав недостаточно показали их связь с элементами дореволюционной материальной и духовной культуры, корни которых хорошо открыты

в главе I книги.

В предисловии авторы называют свою работу очерками. С этим нельзя не согласиться. Если говорить о монографии, то нужно было бы ввести ряд новых тем, — в первую очередь, конечно, главу о географических и природно-условных села Кораблино; можно было бы дать и антропологическую характеристику жителей села; необходимо было бы описать организацию труда и производственные отношения к колхозе, широко охарактеризовать рост техники в сельском хозяйстве, целесообразно было бы описать рыболовство и дать более полные исследования материальной и духовной культуры. Однако, не будучи монографией, работа все же представляет собой единое целое. Круг правильно намеченных вопросов объединяет отдельные очерки, связанные также единой установкой.

Задачу своей работы авторы определяют как попытку показать на примере радового колхоза те изменения, которые произошли за 40 лет Советской власти в экономике, быте и духовном облике людей русского села. Материал всех глав показывает руководящую роль Коммунистической партии при ломке старого уклада и создании нового, социалистического уклада. В работе показано, как новые производственные отношения, сложившиеся в результате коллективизации, изменяют экономику села, улучшают благосостояние семьи и создают, вместе с просветительской работой школы и массовых культурно-просветительных учреждений, новый облик крестьянина — строителя коммунистического общества. В заключении дается характеристика лучших людей села. Здесь и школьные работники, и доярки, и телятницы, и агрономы. Они — носители новых качеств, присущих не отдельным лицам, а всей массе передового советского крестьянства. Это — социалистическое отношение к общественному труду, коллективизм, патриотизм, дисциплинированность, оперативность. Авторы во всех разделах работы отмечают все ведущее, что характерно для социалистического общества. Наряду с этим они отмечают и вредные пережитки прошлого (так, в некоторых семьях отмечается превалирование интереса к работе в своем хозяйстве и другие отрицательные явления) и указывают меры борьбы с ними, хотя это сделано далеко не везде. Изучение современного села в таком разрезе совпадает с резолюцией Этнографического совещания 1951 г., в которой рекомендовалось связывать исследование современного быта и культуры с практическими задачами строительства коммунизма в нашей стране (см. «Сов. этнография», 1951, № 2). Хотелось бы отметить некоторые недочеты в этом отношении. Так, отмечая недостатки в культурно-просветительной работе, преподаватели Педагогического института могли бы указать конкретные мероприятия, необходимые для усиления этой работы. Если бы авторы раздела «Экономика колхоза», обратив внимание на низкую урожайность зерновых и заболоченность лугов, связались со специалистами Рязанского сельскохозяйственного института имени Костычева, они могли бы наметить выход из этого положения.

Следует помнить, что в целом рецензируемая работа не является этнографической. Но изучение процесса переустройства быта народа, изучение новых, социалистических форм его быта — тема, крайне мало разработанная, — стоит перед всеми исследователями современной деревни. Не во всем эта книга удовлетворяет требованиям, которые стали обязательными для этнографов при

разработке этой темы. Мешают и отсутствие указаний на территориальную распространенность явлений, и некоторая невыдержанность принципа историзма, недостаточное внимание к вопросам об этнических связях и к выявлению этнических особенностей, слабое привлечение данных фольклора и изобразительного народного искусства. Однако методическая разработка отдельных глав может быть полезна и для этнографов.

Главы I — III в методическом отношении могут в известной степени служить руководством для изучения быта в историко-этнографическом аспекте. В главе I («История села Кораблино») выявляются следы обитания человека в окрестностях села Кораблино с эпохи неолита. Славянское селище обнаружено на территории самого села. Наличие городищ дьякова типа, финских могильников, славянских курганов, городищ и селищ в близлежащих к Кораблину селениях — все это очень четко полагается к тем компонентам, из которых складывалось население села Кораблино. Формирование населения на территории Рязанского княжества, в треугольнике между Осеетром и Проней, — это формирование части козельников, ветви великого русского народа. Материал, использованный в этой части главы, подводит хороший фундамент под разработку проблемы этногенеза крупной группы населения Рязанского края, хотя рецензируемая работа не ставит этой проблемы как таковой. Короткая, очень компактная статья о говорах характеризует говор села Кораблино как козельноликорусский. Он же свидетельствует элементы построек и одежды. К сожалению, авторами не привлечены материалы по быту в Кораблине в прошлом лодки из двух колес, выставленным дном, хотя ареал ее, совпадающий с территорией обитания ветвей, позволяет поставить вопрос о местном населении с ветичами. Не изучены авторами многие элементы материальной культуры, которые могли бы вскрыть и остатки дославянских культур: например, в Кораблине бытовала двуколка — «одер», типичная распространенная в северной части Рязанской области; исследователи связывают ее с тюрко-монгольскими народами Азии и считают, что в состав русской культуры она вошла через финно-угорскую среду. Изучение рыболовства, имевшего громадное значение в жизни кораблинцев в прошлом и сохранившего его отчасти и в настоящее время, помогло бы вскрыть в некоторых ремеслах и орудиях лова древние элементы культуры.

В главе I прослеживается история села Кораблино феодальную эпоху, в связи с историей Рязанского края всей страны, а также сложение капиталистических отношений в XVIII и XIX вв. Обрисована обстановка накануне Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы Советской власти, до коллективизации. В этой части работы на основе документальных материалов показана во всех подробностях неволя — работа крестьян за землей и за свободой. Отмечено малоземелье, зависимость крестьян от мелкопоместных землевладельцев-дворян, эксплуатация со стороны которых была особенно жестокой, что вызвало сильное развитие отходничества: кораблинцы были на обroke еще в эпоху крепостного права; еще большее значение отходничество имело в конце XIX в. Описано быстрое проникновение в сознание кораблинцев передовых революционных идей, которые ярко выразились в 1917 г. при голосовании в Учредительное собрание (97,5% голосовало за большевиков). Все это явилось важнейшей предпосылкой хо-

и трудовой активности кораблинцев в условиях нового, социалистического общества после Октябрьской революции.

Глава II («Современная экономика колхоза») написана хорошо. Удачно подобраны диаграммы, с расшифровкой их содержания. Очень ценным является выяснение себестоимости продукции. Вся глава — хороший образец изучения экономики колхоза. Но для этнографических целей недостаточно изучения колхоза с точки зрения его доходности. Следовало бы сравнить направление деятельности здесь и в других колхозах Рязанской области и связать это с природными условиями изучаемого села, с техникой и организацией труда.

Глава III («Колхозная семья») содержит обильный конкретный материал по современной семье. Очень ценным является показ современной трудовой крестьянской семьи, ее морального облика, выявление ведущей роли женщины в воспитании детей и в борьбе с некоторыми, еще сохраняющимися в семейном быту отрицательными явлениями. Анализ и обобщение этого материала дают возможность считать эту главу образцом для изучения современной семьи.

В материалах по современному сельскому быту, содержащихся в главе IV, хочется особо остановиться на материале «Постройки в селе Кораблино». Автор проследил изменение построек за сто лет. На основании сохранившихся старинных строений («жили дворовых») и топографии отдельных частей современного жилого поселения автор делает вполне правильный вывод о наличии в древности на этой территории южновеликорусского плана. Распространение северновеликорусского плана и клети он относит к более позднему времени. В современных постройках им отмечается связь с традиционными формами и в то же время выявляются совершенно новые черты в развитии жилого дома: его многокомнатность, изменение положения русской печи, появление новых отопительных приспособлений, значительное улучшение санитарных условий. Проследивается отмирание ряда хозяйственных построек (риг, амбаров), так как они стали ненужными при общестепленном хозяйстве. Однако и в этом разделе приходится отметить некоторую недоработку: не дана конкретная картина современного распределения построек по их характерным признакам в связи с временем их возведения, не показано и бытовое использование описываемых строений. Недостатком является и то, что планы даны без масштаба, подписи под фото, рисунками и планами, неточны и имеются не везде, тогда как в этих подписях должны быть указаны точное название строения, год постройки и т. д. Что же касается сборного раздела «Домашняя обстановка, пища, одежда, праздники», то весь этот раздел скорее беллетристическая статья, чем научная. Основная мысль статьи — что все изменилось к лучшему, все говорит о зажиточности колхозников, — выражена декларативно. Автор, описывая убранство дома, отмечает стремление хозяев удовлетворить свои эстетические запросы, говорит о ковровых, о картинах, как о положительном явлении. Но все же благополучие в этом отношении? Не приходится сомневаться, что образцы народного прикладного искусства (вышитые полотенца, кружева и пр.), выполненные жителями села или доставшиеся им от матерей, больше говорят о подлинном эстетическом вкусе народа, чем приобретаемые на рынке картины и ковры. Если подходить критически к внутреннему убранству современно-

го сельского дома, то приходится иногда констатировать некоторый уклон в мещанство, чему немало способствует широкое распространение малохудожественных рыночных изделий.

В статье об одежде автор правильно отмечает смену комплекса одежды, связанной с поневой, комплексом одежды, связанной с сарафаном, в конце XIX в., но остается несвязным, какую из современных форм одежды стали носить в начале XIX в. У автора имеются попытки разделить одежду — по возрастным группам, на праздничную и будничную, но в это деление не вкладывается соответствующего содержания. Не даны описания форм одежды и ее типология, не указаны основные признаки отдельных видов одежды, бытовавших до революции и сохранившихся до наших дней.

Автор определяет пошеву как юбку из домотканой клетчатой материи. Между тем, как известно, пошева не юбка, а особая поясная одежда, в прошлом несшитая, на задержке или подвязываемая поясом; различают типы пошевы — по способу ношения, по расцветке поля и клеток и по другим признакам. В селе Кораблино можно четко проследить южновеликорусский комплекс одежды. Здесь носили синюю клетчатую с прошовой пошеву, белый распашной шерстяной шушпан, рогатую юбку (в конце XIX в.) или рогатый повойник и лапти московского типа. Этот комплекс характерен для определенной части Рязанского края (в древности Рязанского княжества): территории от реки Пры между Проней и Осетром, связанной с древними поселениями вятичей. Второй комплекс — с прямым московским сарафаном, как и северновеликорусский план жилища, связан с влиянием Москвы. Комплекс одежды с юбкой и кофтой — результат влияния отходничества. При изучении современной одежды следовало отметить, что сохраняется традиционный в рабочей одежде (например, фартуки), а также разобраться в причинах устойчивого бытования головных уборов типа платка. Необходимо было бы обратить внимание на распространение покупной готовой одежды, проследив, всегда ли ее носят в том виде, как она куплена, или изменяют в связи с местными вкусами.

В разделе о пище имеются и некоторые фактические ошибки. Так, яичница с салом и ветчиной и жареный в сале картофель отмечаются автором как новые блюда (стр. 196). Между тем эти блюда готовили и до Октябрьской революции, но они были «гостевыми» или обрядовыми (яичницей с очень отдаленных времен «кормили молодых» и до сих пор обязательно готовят ее на свадьбе), теперь же, благодаря зажиточности колхозников, такие кушанья стали повседневными.

Недостаточно глубоко описаны и явления духовной культуры, в частности фольклор, а материал по этим вопросам в Кораблине богатый. Так, в 1934 г. Р. С. Липец записала там большое количество произведений прозаических жанров. Наряду с этим следует отметить, что составители сборника при записи автобиографий и легенд использовали жанр устного сказа, хотя жанр этот, по существу, в значительной степени имеет служебное, а не художественное значение.

Несмотря на некоторые недостатки, отмеченные нами при анализе отдельных глав книги, следует признать работу, проведенную авторским коллективом, шагом вперед в изучении колхозной деревни, приветствовать начин Рязанского педагогического института и пожелать его коллективу продолжать свое полезное дело.

Этнографическая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей

I. Потомки служилых людей

А. Бывшие однодворцы (селения Работыково, Кислово, Чернава, Войсковая Казинка, Слобода, Волоотово).

По особенностям одежды конца XIX в. бывшие однодворцы могут быть разделены на две группы: 1) с комплексом одежды с сарафаном с лифом — Слобода, Волоотово; 2) с комплексом одежды с домотканой юбкой — все остальные селения.

Типы жилища однодворцев: юго-восточный и юго-западный. Первый встречается в Волоотове, Работыкове, Слободе; второй — в Кислове, Чернаве, Войсковой Казинке. Особенностью однодворческого жилища в целом является строительство в прошлом так называемых «дворов-крепостей».

Пища бывших однодворцев говорит об их русском происхождении и принадлежности большей их части к русской нации (щи, отсутствие сыра и т.д.). У некоторых (западных) групп обитим с пищей украинцев является борщ.

Материальная культура однодворцев в своей основе южновеликорусская. Исключение составляет одежда, сходная, как уже указывалось, с одеждой белорусов, прибалтийских народов, западных славян. В XVI в. одежда, характерная для однодворцев, охватывала широкую территорию, частично входившую в Литовское государство.

Вероятнее всего предположить, что эта одежда была усвоена населением южных окраин России как одежда определенной социальной группы, а именно групп служилых людей. Однако в этой одежде прослеживаются элементы костюма разных групп населения, вошедших в состав однодворцев. Так, московский лапоть, черный шушун, пузатка, селезенные кудри — все это остатки культуры славянских старожитов края, вербовавшихся на службу Московским государством. Меньшее участие в складывании материальной культуры бывших однодворцев приняли пришельцы из западных областей. Но и они оказали довольно значительное влияние на местное население.

Б. Бывшие крестьяне четвертного и душево-четвертного права (Будинце, Старое-Меловое, Долженково, Никитское, Роговатое).

По одежде крестьяне этой категории разделяются на две группы: 1) с комплексом одежды с сарафаном — села Будинце, Долженково, Никитское; 2) с сохранившимся местным комплексом — села Роговатое и Никитское. Нужно отметить, что в Никитском одновременно с сарафаном

бытовал и комплекс одежды с понежей.

В жилище выделяются два вида планировки — средневеликорусская и аналогичная белорусско-украинской. Распространены хозяйственные постройки круглой формы из хвороста (курники, пухьки), известны названия «клуня», «жизжа».

В пище преобладает борщ при отсутствии щей. За мясом блюдами считаются вареники и творог — сдобряемую пищу вводит рождественская и новотроцкая кутья.

Средневеликорусская планировка жилища, встречаемая вдали от основной территории распространения комплекса одежды с сарафаном и наличием с длинными оглоблями и запряжкой с дутой (что известно только в Дмитровском р-не Московской обл.) — все это, особенно в связи с общим этнонимом населения — «москвичи», говорит о переселении в прошлые века эту территорию из окрестностей Москвы служилых людей. На службу, видимо, было привлечено также и некое старожильческое население, среди которого был распространен комплекс одежды с понежей (села Низне-Роговатое). Это население издавна было связано с местным населением с белорусско-украинской территорией, что указывает планировка жилища и особенности сходные с белорусско-украинскими.

Типично для украинцев и белорусов название Будинце Курской губ., где живут потомки крестьян четвертного права.

II. Группы населения Окского бассейна

А. Цуканы. Цокаящая по говору группа бывших помещичьих крестьян известна под названием цуканов Курской обл., в районах Щигровском (деревни Навеза, Соловьевка, Полоникова), Долгоруковском (Долгоруково, Екатериновка, Березовка, Муранка), Советском (деревни Ефросимовка, Марынка, Шенка), в Орловской обл., в районах Лытовском (деревни Цуканы) и Троснянском (деревни Змеевка, Онок), в Липецкой обл., в Чернавском р-не (села Липно, Анфисино).

Одежда. Женщины из этой группы населения носили клетчатые понежы с прошвой, рогатые юбки и вышивочные занавески.

Жилище цуканов по своей форме и планировке западное, с переходом к юго-восточному.

В пище основные традиции русские; отмечено, что в свадебной обрядовой пище свиной головой, за

известной в восточной части Рязанской обл. и у мордвы.

В работах Р. И. Афанасова¹ и В. Н. Сидорова по горам высказывается мнение о том, что цоканые являются эталом говоров дославянского населения бывших бродячих охотников и рыболовов и вошло в говоры новгородцев, а также в говоры жителей некоторых северных (Архангельская, Вологодская) и южных (Рязанская) губерний.

В этнографической литературе на основании того, что большая часть цуканов являлась помещичьими крестьянами, была тенденция считать их пришельцами, переселенцами помещиками в свои имения из других губерний России. Однако, четкое выделение в культуре цуканов южнорусских особенностей, более древних, чем у единоверцев, дает возможность предположить, что цуканы — группа населения значительно более древняя, чем единоверская.

Расположение поселений цуканов широким массивом безусловно говорит о том, что дело здесь не в помещичьих переселенцах. Этнографический материал дает возможность утверждать, что в б. Орловской и Курской губерниях, в глухих местах, в стороне от татарских шляхов, сохранились остатки древнего населения.

В этих губерниях жили также и волыные сходцы, продвигнувшиеся в XVI — XVII вв. далеко на юг и попавшие позднее частью в разряд служилых людей (с. Никитское), частью в разряд крепостных крестьян (с. Долженково).

Б. Саяны. Название группы «саяны» произошло от особенностей говоров — замены звуков ц, ш, ч звуком с и сильного «яканья». «Зовем их саянами, — говорят местные жители, — потому что они все говорят на «с» и «я»»². Дialectы считают, что этот говор возник на границе Литовского государства на базе белорусских говоров, смешавшихся с восточными и южнорусскими говорами.

Д. К. Зеленин отмечал в своей книге «Великорусские говоры» наличие саянских говоров не только у саянов Курской губ., но и у других групп населения в Суджанском, Дмитровском, Ливенском и Малоархангельском уездах Орловской губ. и даже в Тульской губ.

Вопрос о саянском говоре ставится в двух разрезах. Один (Д. К. Зеленин и др.)³ считают, что этот говор возник на почве белорусско-полюсских говоров и является позднейшим, распространившимся у некоторых цокальщиков. Другие (С. И. Соболевский, Е. Ф. Будде) относят говор саянов к древнему говору племени северян⁴.

Саяны заселяют большую территорию на севере от р. Сейма в Слободском, Советском, Фатежском, Паньковском, Лытовском, Дмитровском районах Курской обл. (в прошлом Курской, Штировской, Лытовской, Фатежский уезды). Экспедицией обследованы саянские селения — Старый Бузец, Ливенские Дворы, Банище, Моценка.

Большая часть жителей дер. Старый Бузец — крестьяне Коренского монастыря, существовавшего по документам с XVI в., а по преданиям — с XII в. Среди населения Старого Бузца сохранилось предание о том, что сюда сбежали провинившиеся крепостные из разных мест.

Жители с. Банища, и соседней с ним дер. Моряцы считают своих предков крестьянами Коробковского монастыря.

Для женской одежды саянов типичен комплекс с поновой: синяя клетчатая понева без прошивы — в западных селениях (Банище, Старый Бузец) и с прошивой — в восточных селениях. Рубаха в восточной части с косыми полками, в западной — с прямыми полками, пришитыми по основе. Особенностью одежды является также наличие девичьих черных косоклиных сарафанов, рогатах лопатообразных юбок, девичьих венцов, тулупообразных фартуков.

Следует отметить, что по имеющимся ранее материалам делались неправильные выводы о саянском костюме. Так, Д. К. Зеленин писал, что «саяны отличаются от своих соседей костюмами», причем костюм этот «не представляет из себя чего-нибудь очень цельного или очень древнего»⁵. Материалы, собранные экспедицией, приводят к иным выводам, согласно которым саянская одежда имеет общие черты с одеждой цуканов и населения южных районов б. Калужской, Тульской, Рязанской губерний. Не представляя действительно единого целого (поскольку имеется разница между западной и восточной группами саянов), их одежда является, тем не менее, древней, ибо комплекс одежды с поновой у саянов сложился несравненно ранее, чем комплекс одежды с юбкой у единоверцев.

Нельзя согласиться также с тем, что характерной чертой саянского костюма является его черный цвет⁶. Напротив, одежда саянов отличается большой красочностью (красные затканки и вышивки на рубахах и фартуках, пестрота покупного материала для головных уборов). Черного цвета лишь сарафан и верхняя суконная одежда (в отличие от одежды белорусов и палехов).

В противоположность утверждениям, будто саяны носили юбки без рогов, экспедицией зафиксированы рогатые юбки в Старом Бузце, Банище и Моценках.

Цокающий говор наводил многих исследователей на мысль, что саяны переселились с запада. Д. К. Зеленин, например, в работе «Великорусские говоры» делал даже попытку связать саянский костюм с полесским костюмом Черниговской губ. Он указывал в подтверждение этому на бытование в Гордеевской вол. Суражского у. «саяна» — сарафана из синего и красного сукна и поневы «малорусского» типа. Тип сарафана Черниговской обл. неясен, вероятнее всего, это был сарафан с лифом, не встречавшийся у саянов.

Под названием «саяна» у крестьян-саянов известен косоклиный черный сарафан из холста, общий со всеми сарафанами Курской обл. Такой сарафан носили также женщины среди бывших крестьян четвертого права и девиц некоторых групп помещичьих крестьян. Сам тип саянской поневы ничего общего не имеет с поновой-пахтой Суражского у.⁷

Таким образом, костюм саянов имеет много общего с костюмом восточных южнорусских групп населения и только незначительные аналогии (в западной группе) с костюмом украинско-белорусского населения, что

¹ Р. И. Афанасов. Проблемы образования языка великорусской народности. — «Вопросы языкознания», М., 1955, № 5, стр. 23.

² Архив ИЭ, кн. 251, полевая запись № 2426 (Старый Бузец).

³ Д. К. Зеленин. Великорусские говоры. СПб., 1913, стр. 72.

⁴ Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. Сб. ОРСР т. XXVI, № 3, 1904, стр. 100.

⁵ Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. 145.

⁶ Архив АГО, кн. 2, № 24.

вполне совпадает с выводами, сделанными на основании изучения пищи и жилища.

Из группы саянских деревень по особенностям жилища выделяется с. Банище. Там распространены хлебные («шейные») ямы; планировка хаты аналогична белорусско-украинской планировке в отличие от юго-западного типа планировки жилища других селений саянов.

Таким образом, в жилище саянов, как и в одежде, намечается различие между их восточной и западной группами, причем жилище западной группы саянов (с. Банище) имеет общие черты с белорусским.

Население с. Банище выделяется из группы саянов так же и по пище. Здесь не едят щей, готовят вареники, «узвар», сыр (прессованный творог) и пр.

Поскольку территория саянов расположена в стороне от татарских шляхов, т. е. там, где могли сохраниться остатки древнего славянского населения, вполне возможно, что сложение группы саянов произошло на основе отдельных древних северянских и вятичских групп⁸. Различия между восточными и западными группами саянов объясняются скорее всего происхождением от разных древних групп.

В целом же саяны имеют южновеликорусский этнографический облик.

В. Западная группа бывших удельных и помещичьих крестьян (с. Лытово Хатыньского р-на и с. Работьково Дмитровского р-на Орловской обл., с. Кубань Дмитровского р-на Курской обл.).

Во всех деревнях и селах этой группы прослеживается комплекс женской одежды с поновой: клетчатая распашная понева, рубаха с прямыми ползками, пришитыми по основе или по утку, туникообразная занавеска, кичкообразный головной убор со слабо развитыми «рогами», наличие платообразных головных уборов. Мужские рубахи встречаются: 1) с прямым разрезом ворота и откладным воротничком (с. Кубань), 2) с прямыми ползками (с. Работьково). В целом весь комплекс одежды — южновеликорусский с некоторыми чертами общности с одеждой белорусов (мужские рубахи и платообразные головные уборы).

Жилище во всех селениях западной группы — юго-западного типа. В с. Кубани заметны общие черты с украинским жилищем, а именно: появление наряду с юго-западной планировкой так называемой белорусско-украинской планировки, хлебной ямы в форме кувшина, клуны и др.

В пище — сближение южновеликорусских и украинских вкусов (приготовление борща и щей, каравай, шпик и пр.).

Итак, все селения рассматриваемой группы по своему этнографическому облику могут считаться южновеликорусскими и являются самой западной частью распространения распашной синей клетчатой поны. Далее находится уже б. Севский у., где понева распространена в форме украинской плахты.

Близостью от с. Кубань украинских деревень и сел, а следовательно, постоянным культурным взаимодействием объясняются общие черты в материальной культуре местного русского, белорусского и украинского населения.

Г. Селения Прудиче и Спасское-Лутовиново Мцен-

ского р-на Орловской обл. Первый комплекс женской одежды с поновой: клетчатая синяя понева с прямой рубахой с прямыми ползками, пришитыми по основе синюхообразная занавеска, слабо развитый кичкообразный головной убор с селазеными кудрями, с пушками и серыми ожерелья.

Второй комплекс женской одежды — с сарафаном. Появился этот комплекс в начале у дворовых, а затем у барщинных крестьян. В него входят: ситцевый сарафан прямого покроя, на лямках; рубаха с прямыми ползками, пришитыми по утку; занавеска с грудничком.

В Прудиче и Спасском-Лутовинове в XIX — начале XX в. господствует юго-западный тип жилища.

Тип крестьянского двора переходный от закрытого открытому. На зиму небольшой просвет в крыше закрывается соломенным щитком.

Как одежда, так и жилище дер. Прудиче и Спасское-Лутовиново позволяет предполагать, что их население типично южновеликорусское, исконно местное (вятичей).

Д. «Исальчики». Из группы поселений Орловской обл. с икающим говором было обследовано с. Исакино Троснянского р-на. Большая часть жителей — потомки крепостных, другая — старообрядцы — представители государственных крестьян.

Одежда крестьян с. Никольского сходна с одеждой крестьян четвертого права. В прошлом женщины носили косоклинные сарафаны — шугай, в настоящее время носят сарафаны прямого покроя «звонкого атласа». Бытование туникообразной занавески и кичкообразного головной убора с позатыльным жакетом жителей с. Никольского с цуканями. Они и называют себя цуканьянами.

Жилище — юго-западного типа.

Наличие южновеликорусских форм как в одежде и в жилище позволяет предположить, что группа населения в с. Никольском южновеликорусская в своей основе. Возможно частичное смешение этой группы с крестьянами, переселившимися сюда помещиками, и с переселившимися старообрядцами. Икающий говор населения селений исальчицкой в средней полосе Орловской обл., наиболее опустевшей во время татарского нашествия, дает основание С. И. Коткову считать это население сравнительно поздней волной поселения, шедшей в цуканскую массу. К группе исальчицкой этнографическим особенностям можно отнести жителей Большого Калчево (Кромский р-н Орловской обл.). Большим Калчеве и близлежащих деревнях Рязанской области живут потомки казенных крестьян, живших частью старообрядцы. Одежда этих крестьян димелирована вследствие близости к городу. Сохранились женские рубахи с прямыми ползками, прямые по утку, и халатообразная ватная одежда.

Жилище — юго-западного типа. Однако в отличие от обычного для этого типа расположения переднего двора, в хатах старообрядцев передний двор не находят против двора. Причины такого отклонения в планировке объяснялись переселением из с. в средневеликорусской планировке во времена р. (XVII в.) старообрядцев; позднее старообрядцы из местную юго-западную планировку жилища, но

⁸ Саяны живут на степе древних территорий вятичей и северян.

ности по традиции иконы на прежнем месте.

Старообрядцы из Большого Колчева, Рязицы и Кромского Моста — средневеликорусы по происхождению, а за предков их селились в прошлом среди цуканов, с которыми они постепенно смешивались.

III. Группа населения притоков Днепра

К этой группе относятся жители Акимовки, Неплюевы и соседних с ними деревень.

Крестьяне дер. Дурово называют жителей Акимовки, Слободки и некоторых других деревень «бурдюками» за их сороды, за то, что они «жили грязно, носили поневы и шапумы с фантами».

В конце XIX в. одежда в Акимове изготовлялась главным образом из фабричных тканей, которые крестьяне приобретали на заработанные отходничеством деньги. Женщины Акимовки работали по экономкам и часть своих денег затрачивали на покупку ситца и других фабричных материй. Домотканями были только женские рубахи с прямыми полками, пришитыми по утку. Тем не менее удалось установить по воспоминаниям старшего поколения (70 — 80 лет), что ранее бытовали три комплекса одежды. Для первого характерна понева-плахта, суконная юбка, девичий венчик с цветами, мужская рубаха с прямым разрезом ворота и откладным воротником, мужской белый валыный колпак, женские и девичьи хустки, пояса, плетеные на стене; во втором комплексе определяющим является ношение домотканых шерстяных юбок, а в третьем — распространение красных и черных косоплывных сарафанов («сукон») и распашной халатообразной сити. Все эти три комплекса отражают историю заселения края. Первый комплекс связывает жителей Акимовки и других деревень с горняками — монастырскими крестьянами около Путивля*, о которых Д. К. Зеленин говорил в книге «Великорусские говоры» как об автохтонном населении⁴. Возникновение второго комплекса есть результат вхождения в XVI в. территории этой группы населения в Польско-Литовское государство. Третий комплекс сложился в XVII в. под сильным влиянием культуры поселившихся здесь служилых людей и крепостных крестьян, переведенных помещиками из Подмошья.

В одежде крестьян Неплюевки, Кветути и Амоня понева-плахта, запаски (сукон) и покроя мужских штанов указывают на общность с украинской одеждой.

По преданиям местных жителей, селения Неплюевка, Кветути и Амонь входили во владение Мазепы; после бегства Мазепы эти селения были рождены русским помещикам.

Четко прослеживаются общности с украинскими чертами в жилище третьей группы, а именно так называемая бело-руско-украинская планировка, название переднего угла кутом, распространение клуны и круглых хозяйственных построек с плетеными стенами. В строительной технике 25 — 30 лет тому назад сохранялся еще способ постройки крыши на «козлах» и «крючьях».

Пища также дает ряд совпадений с украинской, а именно: приготовление борща при отсутствии щей, изготовление сыра, обрядовых каравай и шишек, рождественской и новогодней куты.

Много украинского в разговорном словаре (ужинать — «вечерить», завтракать — «сидать» и др.).

IV. Группа населения бассейна Дона

Этнографические особенности части населения бассейна Дона рассматривались при характеристике культуры служилых людей. Эта часть населения в прошлом была привлечена государством к военной службе и вошла в разряд крестьян четвертного права и однодворцев. Но в материальной культуре всего населения сохранились специфические местные особенности, которые не были уничтожены с появлением других особенностей, свойственных культуре служилых людей.

Так, в состав одежды жителей с. Казюво наряду с распространенным среди бывших однодворцев комплексом с домотканой юбкой вошли остатки местной домонгольской одежды и обуви. В этом слое можно найти черные шапшаны, нагрудники — пузати, шерстяные черные оборы.

Своеобразный комплекс одежды наблюдается в с. Роговатом. Хотя почти все 13 тысяч жителей этого села — потомки крестьян четвертного права, они целиком сохранили местный комплекс одежды с поневой. В этом комплексе ряд черт связывает население Роговатого с южно-великорусской средой, а именно: рогатый клещкообразный головной убор с бисерным позатыльником и пушками, туникообразный фартук — занавеска — с рукавами, понева с прошлой. Другие черты являются общими с украинской одеждой: браные поневы иглой, предшествующие тканью плахт на «куколках», мужская рубаха с прямыми полками, браные черной шерстью вышивки на рубахах, аналогичные вышивки на старинных рубахах в Черниговщине.

Жилище с. Роговатое — юго-восточного типа. В терминологию жилища отмечается сосуществование двух названий: «рига» и «клуна» применительно к хозяйственному строению с низко, до самой земли, спускающейся крышей, предназначенному для молотилы и для хранения кормов. Встречаются также названия: «бандырь» (деревянная труба в сенях), «нахлик» (труба из горшков, что идет от печи в сени).

Русская основа пищи сказывается в приготовлении щей, белого кваса и т.д. Особенности свадебной еды можно считать свиную голову. Общее с украинцами — приготовление вареников.

Этноним жителей Роговатого — щекуним, щекольщики.

Роговатое расположено близ древних поселений VII в., известных по раскопкам П. П. Ефименко (Борцево), и находится в стороне от татарских шляхов. Это дает основания предположить, что жители Роговатого — остатки древней Довской группы славянского населения, переведенной в XVI — XVII вв. в разряд служилых людей. Щекольщики известны не только в Курской, но и в южных частях Рязанской и Воронежской областей, где они также, вероятно, представляют собой остатки древнего населения Дона.

V. Группа украинского населения

В юго-западных и южных районах Курской и Белгородской областей имеются как русские, так и украинские селения. К числу смешанных русско-украинских районов Курской и Белгородской областей относятся: Крупецкий,

* Гретье были обобщены в 1956 г. сотрудниками Ин-та этнографии АН СССР В. А. Гуревыми.

⁴ Д. К. Зеленин. Указ. соч., стр. 118.

Рыльский, Суджанский, Белгородский, Карачанский, Ново-Оскольский и южная часть Старо-Оскольского р-на. Единичные украинские селения встречаются в Львовском и Хотынском районах Орловской обл.

Заселение целой полосы украинскими и русскими деревнями и селами является отчасти результатом встречной русской и украинской колонизации края в XVII — XVIII вв. «Специальный интерес, — писал Костомаров, — заключается, между прочим, в том, что для одной и той же культурной цели сошлись здесь две отрасли русского племени — великорусская и малорусская»¹⁰.

Экспедицией установлено, что в прошлом местные русские и украинцы здесь жили несколько обособленно. Однако не следует преувеличивать такое обособление, как это делал Д. И. Багалей¹¹, который писал, что взаимоотношения и модификации великорусов и малорусов разных селений были незначительны, а смешанные браки крайне редки.

В одежде украинцев отмечены поздние формы украинского национального костюма, представленные сподницами и корсетами. Отмечено также ношение украинцами кожаной обуви — сапог «чаровник». Термин «чаровник» переходил здесь иногда и на русские коты.

Жилище украинцев — белорусско-украинской планировки, деревянное, с четырехскатной соломенной крышей, обычно обмазанное и побеленное, с открытым двором.

По сельскохозяйственным орудиям украинцы почти не отличались от русских. Основными сельскохозяйственными орудиями были соха, вязаная деревянная борона и др.

Особенностью средств передвижения украинцев является дышлаковая упряжка волов с ярмом, не встречавшаяся ранее в хозяйствах русских крестьян даже в селениях, соседних с украинскими. Дышлаковая упряжка с волом у русских применялась только в помещичьих хозяйствах; в настоящее время эта упряжка о нем широко применяется местным русским населением.

Материалы, собранные Орловско-Курским отрядом, позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся этнографической специфики обследованной территории, а также ее этнической истории.

1. Материальная культура населения обследованной территории в целом типично русская, но различается в разных районах частными особенностями. Различия в материальной культуре определенных групп населения связаны с историей этого населения, с тем, что на разных этапах в формировании населения, как уже указывалось, принимали участие потомки древних славянских краев, переселенцы из-за литовского рубежа, служилые люди Московского государства, беглецы из Тульской, Московской, Калужской и других губерний, наконец, крепостные крестьяне, переведенные помещиками в свои имения.

Ряд особенностей, отмеченных в жилище, одежде и

платье русских крестьян в смешанных русско-украинских районах Курской обл., является здесь в одних случаях следствием общности местной этнической основы формирования русских и украинцев, в других — объясняется позднейшими культурными взаимодействиями.

2. Материалы экспедиции в сопоставлении с литературными данными говорят о том, что колонизация называемого дикого поля не была преимущественно привлекательной. В таких же размерах как и правительственная колонизация, проходило добровольное заселение пустошорожных земель волнами людьми и беглыми крестьянами.

Да и самим правительством в качестве охраняемых рубежей привлекалось, и, вероятно, в первую очередь, местное население, жившее в глухих лесах, вдали от татарских шляхов (например, однодворцы Роговато и др.). Трудно предположить, что в период татарских набегов вся южная окраина Русского государства представляла дикое поле, никем не заселенное, как принято считать на основании описания путешествия епископа Пимена из Москвы в Константинополь. Заселены были только места, расположенные по путям татарских набегов, подвергавшиеся разорению. Лесные районы были малодоступны и не представляли большого интереса для грабежа. Именно в этих районах обнаружены этнографические особенности, которые могут быть связаны с древним населением края.

К таким же предположениям приходит С. И. Котков, детально изучавший курско-орловские говоры. Анализируя южновеликорусские типы языков, он приходит к выводу, что эти типы, образующие единую стройную систему, могли сложиться только в длительном процессе внутреннего развития, а не «в короткий срок заполнения Курско-Орловской земли волнами колонизации, при диалектно-пестрой». По мнению С. И. Коткова, это свидетельствует о наличии здесь в XIV — XVI вв. постоянного русского населения¹².

3. Остатки древнего населения делились на три группы: Окскую, Днепровскую и Донскую. Первая группа занимала бассейн Оки (большую часть территории смешанной Орловской обл. и северную часть Курской обл.). Вторая охватывала западные районы Курской обл. В районах отмечены некоторые архаизмы материальной культуры, которые можно связать предположительно с остатками «северян».

Донская группа, наименее изученная и наиболее запущенная, представлена реликтовым утолком в с. Роговато.

4. Материальная культура русских крестьян обследованной территории складывалась, развивалась и изменялась в зависимости от социально-экономических условий жизни крестьян, их общественных отношений и семейного быта, в зависимости от изменений в области экономики деревни, в ее культурном уровне.

¹⁰ Цит. по Д. И. Багалей (Указ. соч., раздел «Историческое введение», стр. 2).

¹¹ Д. И. Багалей (Указ. соч., стр. 226).

¹² См. С. И. Котков. К изучению орловских говоров. — «Учен. зап. Орловского Гос. ун-та», т. VII, Кафедра русского языка, вып. 3, Орел, 1952, стр. 10.

Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей* (XIX — начало XX в.)

В 1954 г. на территории Орловской, Курской, Белгородской и Липецкой областей работал Южновеликорусский отряд Русской этнографической экспедиции (рис. 1). За два месяца отряд обследовал в Орловской обл. (б. Орловская губ.) следующие селения: Прудниче и Спаское-Лутовиново Мценского р-на (б. Мценский у.), Лыгово и Ильинское Хотынецкого р-на (б. Болховский у.), Песизлово Знаменского р-на (б. Болховский у.), Большая Колчева Кромского р-на (б. Кромский у.), Работово Дмитровского р-на (б. Дмитровский у.), Нивальское и Мураль Троснянского р-на (б. Кромский у.); в Курской обл. (б. Курская и часть Воронежской губ.) — Старый Бузец Михайловского р-на (б. Дмитровский у.), Кубинь Дмитровского р-на (б. Дмитровский у.), Неплюевку и Вель Хомутовского р-на (б. Рыльский у.), Акмонову и Дурово Крупенского р-на (б. Рыльский у.), Банище Лыговского р-на (б. Лыговский у.), Будище Больше-Солдатского р-на (б. Суджанский у.), Далежово Обоинского р-на (Обоинский у.), Ефросиньку и Мошечку Свободинского р-на (б. Тимский у.), Старое Меловое Есеновского р-на (б. Никоздевинский у.); в Белгородской обл. (в части б. Курской и Воронежской губерний) — Никитское Борисовского р-на (б. Суджанский у.), Роговатое Шаталовского р-на (б. Никоздевинский у.); в Липецкой обл. (в части б. Воронежской и Орловской губерний) — Ксизово и Камышевку Задонского р-на (б. Задонский у.), районный центр Черяну и Войсковую Казинку Чернавского р-на (б. Бельский у.).

Южновеликорусский отряд состоял из пяти человек: двух научных сотрудников — Н. И. Лебедевой и О. А. Гавриковой (научный отряд), аспиранты А. С. Парниковой, художника Н. А. Юсова, фотографа В. В. Вештеля.

Главной задачей отряда был сбор материалов для Русского историко-этнографического атласа.

Сбор материалов проводился путем опроса информаторов разного возраста, а также путем наблюдений материального быта и документальной фиксации (обмеров, зарисовок, фотографирования и пр.) памятников материальной культуры.

ВВЕДЕНИЕ

Территория б. Орловской, Курской и Воронежской губерний является древней территорией расселения славянских племен.

Об этом говорят славянские курганные погребения, городища и селища. Из них наиболее исследовано Боршево. На основании археологических данных намечается следующее расселение славянских племен: вятичей — по верхнему Оки и ее притокам, северян — по Десне, Ворскле, Сейму, левым притокам Днепра и неизвестной славянской группы — по Дону¹. Последнюю группу одни исследователи считают вятичами (П. П. Ефименко, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков), другие — северянами (А. А. Шахматов).

С отдаленных времен южные области рассматриваемой территории служили ареной столкновений восточных славян с кочевниками, нападавшими на селения славян, угонявшими жителей в неволю, грабившими их имущество. Печенег, половцы, татары — в особенности последние — были настоящим бичом для сельского населения этих областей. В XIV — XV в. татары своими постоянными набегами опустошали большую территорию, известную в дальнейшем под названием «дикого поля».

В XVI — XVII вв. в борьбе Московского государства с татарскими набегами происходит процесс освоения и вторичного заселения так называемого дикого поля. В этом процессе складываются этнографические особенности населения.

Степные окраины Московского государства осваивали многочисленные переселенцы, привлеченные выгодами занятия земледелием на незанятых просторах. Многие поселенцы были бегами крестьянами из Тульской, Московской, Калужской, Костромской, Владимирской губерний или выходцами из «польских» городов (т.е. из городов, основанных в диком поле). Одни из беглецов селились вокруг монастырей (например, в Путивле) и образовывали группы монастырских крестьян, другие просто занимали пустошь, порожние земли, брали на откуп у правительства охотничьи и рыболовные места, занимались торговлей. Так, в Указе 1686 г. на имя орловского воеводы сказано, что «в г. Орлове жили в своих собственных и наемных дворах и промышленли торговлей крестьяне села Покровского» (Московский у.)².

Одновременно с вольными переселенцами шла правительственное заселение края. В запустевшие места привлекались на военную службу выходцы из Литвы. Так, в

* Работы «Хозяйство и семейный быт» выполнены О. А. Гавриковой, «Питие, одежда, утварь» А. С. Парниковой, «Одежда», «Воспитание» — Н. И. Лебедевой.

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1933, стр. 20.

² Д. И. Бугай. Обзор из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, т. 1. М., 1886, стр. 308.

конце XV в. из-за литовского рубежа сюда приходили князья с целыми вотчинами — Воротаевские, Одоевские, Бельские. Позднее главный контингент переселенцев составляют служилые люди, а со второй половины XVI в. на службу

пригласили на помощь козырьцев, а будищенцы приехали пана Извекова из вышневого с. Знаменского, что к р. Бельце. Пан приехал с вооруженными людьми — жолтами и псовой охотой. Лес был отбит у саморядовцев

Рис. № 1. Маршрут Южновеликорусского отряда Русской этнографической экспедиции (1954 г.)

к московскому государю приходят казак¹.

С деятельностью Московского государства связано заселение третьей заповной черты — Белгородской, при этом в Белгородской черте главными насельниками края были великорусы, а украинцы жили южнее Белгорода. Суджа была обязана своим происхождением украинцам².

Иногда земли занимались силой. Так, жители дер. Саморядовой (б. Курской губ.), которые называли себя в старину рязанскими бондарами, рассказывали, что первые их поселения («осадичи»), «облюбован место, вернулись домой и начали смиривать сходцев: леса там хорошие, кадушки будем делать, черкасы мешать не будут. И вот пришло целых 40 дворов и заняли место, захватив лес, принадлежащий к владениям детей боярских из деревни Будище (обследованная в 1954 г. дер. Будище Курской обл. — Н. Л.), у которых на эти угодья были грамоты. Началась открытая война: саморядовцы

но за услугой пана будищенцам пришлось отрезать в поле Извекова чуть не больше отвоёванного. Но мало-помалу саморядовцы «отбили себе землю»³.

Д. И. Багалей, приводя это описание самовольной захвата земли сходцами, сомневается в том, что образование селений таким путем является обычным для великорусских окраин. Несомненно, однако, то, что многие беглые крестьяне, задавленные нуждой, находились на месте для поселения в южных окраинах России несмотря на строжайшие указы правительства об их возвращении.

Однако автор указывает и другие случаи, когда крестьяне переходили в южные области с оружием в руках. Например, в Новосильском у. крестьяне сожгли дворовых владельцев и человек по сто потянулись обозом украинские города. Воронежскому воеводе было приказано выступить против крестьян⁴. Большая часть бегцов из крепостных оседала на Дону.

¹ Там же, стр. 148.

² Там же стр. 261 — 272.

³ И. Бондовский. О формах частного земледелия в Суджанском уезде. — «Самодельные Суджанского уезда», 1885, № 27 и 28, стр. 3.

⁴ Д. И. Багалей. Указ. соч., стр. 371 — 372.

В XVIII в. с образованием четвертой оборонительной линии (Чугуев, Валуйки и т.д.) в пределах третьей линии происходила помещичья колонизация. Помещики не только и не столько переселялись в новые свои владения принадлежащих им крепостных крестьян из других губерний, сколько получают эти земли с волынскими людьми в дар от государства. Таким образом происходило закрепощение этих людей (так называемых волынских людей).

Около Тросны и Кром встречаются старообрядческие поселения, возникшие после церковной реформы. Такие поселения отсутствуют южнее третьей засечной черты, поскольку правительство строго запрещало раскольников появляться там из-за близости к донским казакам, и без того опасавшимся расколов¹.

В формировании этнического состава изучаемой территории, помимо служилых людей, волынских сходцев и крепостных крестьян, переселенных из других мест, принимало участие и местное старожиловское население, жившее во времена татарских набегов. Надо полагать, что это были жители поселков, находившихся в стороне от татарских шляхов, в лесных районах, и поэтому не подвергшиеся разрушению. В процессе колонизации края жители древнего населения частью вошли в разряд служилых людей Московского государства, частью были закрепощены или стали государственными крестьянами.

Современное русское население своими прозвищами — этнонимами — отмечает многообразие и пестроту прежнего этнического и социального состава населения обследованной территории. Таковыми этнонимами обозначаются как социально-экономические и культурно-исторические группы, так и группы населения, отличающиеся особенностями говора («саяны», «пушкары», «школашники»).

Особую группу населения составляют потомки служилых людей, которых в этнографической литературе принято называть однодворцами. Во время полевой работы Южновеликорусского отряда было выяснено, что население различает две категории бывших служилых людей: в одних случаях их называют однодворцами, в других — крестьянами четвертного права.

Исторические источники показывают, что термин «однодворец» получил широкое распространение лишь после переписи 1719 г. По этой переписи в разряд однодворцев вошли как потомки служилых людей «по прибору» (стрельцов, затинщиков, пушкарей), получившие небольшие земельные держания, зачастую с одним только двором (отсюда и термин «однодворец»), так и мелкие служилые люди «по отчеству» (потомки бояр и детей боярских), которые смогли доказать жалованными грамотами, что их предки получили ранее от государства за службу поместья в виде земельных наделов. В эпоху крепостничества последние имели право владеть крепостными крестьянами.

В прошлом однодворцы держались несколько обособленно от крестьян, избегали жениться на крестьянках. Разнообразные прозвища, которыми награждало население однодворцев, говорят о недружелюбном к ним отношении. Например, в Советском р-не Курской обл. бывших однодворцев называли «галынами», так как, по мнению крестьян, у однодворцев «язык толстый». В

Свободинском р-не Курской обл. саяны называли бывших однодворцев «кулгурами», потому что однодворцы резко отличаются от них своим говором. Звали женщин из семей бывших однодворцев также «индохами» за то, что они носили на головах вместо павильных индохов перья, а отчасти и за спесь, которая была им присуща (Советский р-н Курской обл., Болховский р-н Орловской обл. и др.).

Потомки бывших однодворцев занимают южную часть Орловской обл., северо-восточную часть Курской и западную часть Липецкой областей. В одних местах они живут компактно, создавая как бы однодворческие гнезда (например, в Липецкой обл. Долгоруковского р-на — деревни Вязовка, Сухое, Стрелец, Жерновец, Слепец и др.; в Чернавском и Задонском районах деревни Грызовка, Войсковая Казинка и др. Подробнее об этих гнездах см. ниже). В ряде мест однодворцы живут среди других групп населения. В Советском р-не Курской обл., по словам местных жителей, «как село, так и однодворцы, а цуканы живут в маленьких деревушках».

Некоторые однодворцы живут в одних селениях с бывшими помещичьями крестьянами — в с. Работково Дмитровского р-на Орловской обл.; наряду с боярскими крестьянами жили они в с. Ксизово Задонского р-на Липецкой обл. и в других селениях.

Из однодворческих селений экспедиция изучала Работково Орловской обл., Ксизово, Чернану и Войсковую Казинку Липецкой обл.

В отличие от однодворцев существовала другая большая группа служилых людей, которые по переписи 1719 г. вошли в категорию так называемых «прежних служб служилых людей». Это были потомки служилых людей «по прибору» — казаков, стрельцов, сторожей, пушкарей. Служилые люди «по прибору» поселились в XVI — XVII вв. целыми группами и получали землю на каждую группу с точным определением количества земли на отдельный двор.

По государственному законодательству некоторая часть служилых людей «по прибору», получавшая наделы не индивидуально, а группами, была причислена к казенным крестьянам с душевым владением и стала называться душево-четвертными крестьянами или просто казенными.

По статистическим данным 1880-х годов, крестьяне четвертного права в Курской губ. составляли 32,2% ко всему населению. В Тимском уезде их было 71,5%, Фатежском — 57,8%, Старооскольском — 60,4%, Суджанском — 42,2%, Курском — 41,1%, Щигровском — 44,9%, Рыльском — 13,6%, Льговском — 41,2%, Белгородском — 26,1%, Корочанском — 18,9%, Новооскольском — 27,7%, Грайворонском — 12,7%, Дмитриевском — 9,2%, Путыльском — 11%, Обоянском — 7,5%.

Таким образом, наибольшее число крестьян четвертного права было сосредоточено в средней части территории, значительно меньше — в самой южной, а также на западной и восточной окраинах Курской губ. В одних уездах крестьяне четвертного права расселены гнездами: в ряде волостей они составляют господствующую массу населения, как, например, в Каменской, Чашлинской, Муравлевской, Троицкой волостях Курской губ.,

¹ Там же, стр. 318.

² Курская губерния. Итоги статистического исследования, Курск, 1882, стр. 72.

в Бобровской вол. Белгородского у., в Солдатской, Скородинской, Мартыновской волостях Суджанского у. В других местах селения крестьян четвертного права располагались перемежу с селениями бывших помещичьих и государственных крестьян. Как и однодворцы, крестьяне четвертного права передвигались также в деревнях и селах наряду с крестьянами других категорий (Дынговский, Новоскопский и Лыговский уезды Курской обл.).

Из селений, в которых жили потомки крестьян четвертного права, были обследованы села Будинье, Старое Меловое, Никитское и Долженково Курской обл., а также с. Роговатое Белгородской обл.

Основная масса населения южных губерний состояла из помещичьих, удельных, монастырских и государственных крестьян. В разряд государственных крестьян, как уже говорилось, были частично включены служилые люди «по прибору».

В разряд крепостных крестьян вошла часть вольных выходцев и потомков старожиловского населения. Процесс закрепощения местного населения происходил одновременно с помещичьей колонизацией южных губерний, поскольку государство предоставляло помещикам право владеть не пустопорожними, а в той или иной мере заселенными землями. В XVIII в. широким размахом получило переселение помещиками на вновь приобретенные земли крепостных из Московской, Тульской, Рязанской и других губерний России. Таким образом, в этнический состав населения Орловской и Курской губерний входили новые группы великорусов.

Существовавшие в эпоху феодализма различия в социально-экономическом положении однодворцев, государственных, крепостных, удельных и монастырских крестьян сказались на их дальнейшем экономическом и культурном развитии в пореформенный период.

Хозяйство и семейный быт

Основным занятием населения обследованных районов издавна являлось земледелие. Развитию земледелия и особенно полеводства благоприятствовало преобладание плодородных черноземных почв. Животноводство, птицеводство, равно как и пчеловодство, имели в хозяйстве крестьянской семьи лишь подсобное значение.

Во второй половине XIX — начале XX в. для бывших помещичьих крестьян была характерна общинная форма землевладения. Так как после отмены крепостного права в уставных грамотах наделы и повинности были разложены по ревизским душам, сельские общины поделили земли между крестьянскими дворами по числу ревизских душ и в каждой семье. Пахотная земля в сельском обществе составляла, как правило, три поля (севооборот), которые делились на дальние и ближние участки. В каждом таком поле крестьянский двор получал участки по жребью. Довольно регулярно, через 6 — 12 лет, происходили переделы земли.

Луга принадлежали обществу. В одних селениях (например, у бывших крепостных крестьян с. Работыно Орловской обл.) луга для покоса ежегодно делили по дворам на участки. Существовал еще и другой способ пользования лугом, а именно раздел сена компаниями (дер. Прудинье Орловской обл. и др.). В с. Неплюевке (Курс-

кая обл.) луга делили на участки по 10 дворов, а покосы делили котлы по числу душ в семье.

Выпас был обычно общественным. Общество наняло пастуха, которого каждая крестьянская семья кормила очереди. До 1917 г. крестьяне не только отдельных дворов, но иногда и целого уезда работали пастухами на стороне. Пастыба скота была распространенным занятием мужского населения Трубчевского у. Орловской г. Старики из с. Работыно рассказывали, например, что скот у их отцов и дедов пасли трубчевские пастухи «там была такая квалификация». Распачивались сенокосы по расчету полуды хлеба за корову.

От общинного землевладения бывших помещиков крестьяне почти не отличались землевладением в реальных, монастырских и казенных деревнях и селах. Так, в с. Кубавь (Курская обл.) бывшие удельные крестьяне вел. кн. Михаила делили землю также по мужьям душам по 3,5 десятины. Всего общество имело 414 наделов, переделы происходили через 6 — 9 лет, покос делался ежегодно. В монастырской дер. Старый Бузек (Курская обл.) общество производило переделы земли через каждые 6 лет. Луга распределялись тоже по душам: на 100 душ отводилось 100 сажень; котлы делили по жребью.

Несколько иначе обстояло дело с землевладением потомков служилых людей, как однодворцев, так и крестьян четвертного права.

Землевладение большинства крестьян четвертного права было подворным. По преданиям, в с. Никитское (Курская обл.), существовавшем более 300 лет, в старину жило всего 30 семей. У каждой семьи была «собственная земля — четвертные права. Крестьянин мог землю свою продать, пропить». Земельные участки постепенно дробились в связи с ростом населения и семей. Переделы делались. Крестьяне говорят, к примеру, что «детины размножились на 20 дворов и земли у них стало очень мало — ее всю поделили». После смерти отца черп земли, как правило, не наследовали. Дочь не могла землю отца только в том случае, если у нее было сыновей. Тогда дочь брала к себе в хозяйство. Но если земля была материнская, дочь имела право. При подворном владении пахотной землей в с. Никитском до начала XX в. имело место общее пользование лугом. Луга делили несколькими семьями, т.е. в зависимости от количества пахотной земли у каждой семьи¹.

В другом селе — Будинье (Курская обл.) земля, как говорят крестьяне, «заслуженная, четвертных Жители села владели землей подворно. Крестьянский двор имел по участку земли в каждом из трех полей севооборота. На семью во второй половине XIX в. приходилось «и по 5, и по 10 четвертей» (1 четверть = 2,5 десятины). Но по мере того как семьи постепенно делились все более и более раздроблялись земельные наделы, кто побогаче, покупали землю, а бедняки продавали наделы и переселились в Томскую губернию». Частично — «сыбрище» — принадлежала деревенскому двору Будинье. Общинную землю передавали или сдают в аренду безземельным, а также тем, кто переселился из других губерний. Деньги, вырученные от аренды общинной земли, использовались на общественные нужды.

¹ Архив ИО, оп. 251, наказы земства № 199, 290, 201.

² Там же, наказы земства № 143.

же, как постройка колодезь, мостов, общественных амбаров для хранения зерна на случай голода.

Возвращаясь к четвертным крестьян с подворным земледелением четвертные крестьяне с. Долженково (Курская обл.) принадлежали во второй половине XIX в. к ряду государственно-душевных землевладельцев, т.е. *дмшников*. В этом селе вся земля была поделена по мужским душам. Вреци от времени сельское общество утрясало переделы земли.

Вопрос о земледелении однодворцев, как и четвертных крестьян, недостаточно исследован. Само название «однодворец», казалось бы, определяет форму владения землей одним двором. Подворное владение землей было действительно широко распространено у однодворцев Орловской, Орловской и Воронежской губерний. В разряд однодворцев после перенесения 1719 г. попали, как уже отмечалось, служилые люди по отечеству, предки которых поселились в XVI — XVII вв. отдельными дворами и получали от государственных земель наделы — «поместные осклады». Впоследствии в результате разрастания и деления семей из таких поселений вырастали целые деревни. Юридически до 1861 г. однодворцы имели право владеть крепостными, но фактически правом этим пользовались в первой половине XIX в. лишь немногие семьи.

Интересны сведения об однодворцах с. Работыково Орловской обл. (б. Орловская губ.). Первоначально в этом селе среди крепостных крестьян жила только одна семья однодворцев Урыжковых. В конце XIX в. семей Урыжковых было уже 13. В 1884 г. у семьи отца Федора Митрофановича Урыжкова было лишь 1,5 десятины, а после отделился от женатых братьев Федор Митрофанович, ему досталось только 0,5 десятины. Однодворческие семьи Урыжковых входили в свое общество («свое общество»), отдельное от общества остального населения Работыкова¹. В некоторых однодворческих деревнях (например, в Сухоречниках Курской обл.) земля числилась не только за мужчинами, но и за женщинами.

Однодворцы с. Кисново б. Воронежской губ. (Липецкой обл.) жили вместе с крепостными крестьянами. При крепостном праве в селе было шесть обществ. Пять из них обществ назывались по фамилиям помещиков: Бехлевское, Бородинское, Солнцевское, Савельево, Решетовское; шестое общество было однодворческим. Те же названия обществ остались после 1861 г. Житель села И. П. Шабунин рассказывал, что «как с ревизии поделались — было 404 мужских души у однодворцев, а второй раз уже 500»². В сообщении Шабунина имеется, таким образом, прямое указание на переделы в однодворческом обществе с. Кисново. Отдельные случаи обращения в общинное владение однодворческих земель, как, впрочем, и земель крестьян четвертного права, отмечались уже в конце XVIII — начале XIX в. Ведомство государственных имуществ издавало в первой половине XIX в. циркуляр, согласно которому четвертные владельцы имели право по общинному приговору разделить свои земли по ревизским

душам, кроме жалованных и купленных земель. Однако несмотря на ряд случаев перехода земель бывших служилых людей в категорию общинных земель земледеление этой части сельского населения южных губерний России продолжало оставаться в XIX — начале XX в. преимущественно подворным. Так, например, по данным статистического исследования Курской губ. (1887 г.) установлено абсолютное преобладание подворного земледеления среди бывших государственных крестьян тех уездов, «куда главным образом направлялись московские служилые люди и черкасы, отправлявшиеся сторожевую службу». Это уезды Фатежский, Щигровский, Тимский, Курский, Старооскольский и Суджанский. В уездах Обоянском, Белгородском, Новооскольском и Лытовском государственно-душевные крестьяне преобладают или число их почти равно подворным владельцам³.

Большой материал об экономическом положении крестьян южных губерний России в 1880-е годы дают земские статистические сборники⁴. Данные этих сборников, относящиеся к некоторым из обследованных деревень и подтвержденные нашими полевыми материалами, свидетельствуют о том, что в 80-е годы XIX в. в южных губерниях России крестьянский двор имел земли в среднем от 2 до 7-8 десятины. Несколько выше средняя цифра обеспечения земель бывших однодворцев и крестьян четвертного права. Их семейные наделы доходили до 13 — 15 десятины, а у богатых — до 30 десятины. Так, у бывших крепостных крестьян на наделенный двор приходилось в Неплюевке 6,4 десятины⁵, в Акимовке — 3,5 — 4,5 десятины⁶, а у четвертных крестьян в Будинке — 11 десятины⁷.

Развитие капиталистических отношений в деревне приводило к обезземельиванию бедняцких хозяйств. Распространенным явлением во второй половине XIX в. становится аренда земли. Имеются сведения о том, что в Акимовке в 1880-е годы арендовали землю более 70 хозяйств⁸, в Старом Бузце и Новом Бузце — 168 домохозяйств из 228 арендовали в среднем по 3,2 десятины⁹. Была распространена аренда земли за отработку. Многие крестьяне за пользование наделом работали в «экономных исполу», т.е. пахали, сеяли и собирали урожай своим инвентарем на земле помещика, отдавал ему половину урожая (Неплюевка и др.).

В крестьянском хозяйстве господствовало трехполье; переход на четырехпольную систему земледелия с травосеянием наблюдался только в некоторых районах, но и там проходил очень медленно. Главными культурами, которые возделывали крестьяне на своих наделах, были рожь, пшеница, овес, гречиха, просо (не повсеместно). Несмотря на черноземные почвы, урожайность зерновых была невелика, так как техника земледелия стояла на низком уровне.

Сельскохозяйственный инвентарь крестьянских семей был единичным. Во всех обследованных областях можно было наблюдать только отличие в вариантах отдель-

¹ Архив ИО, оп. 251, подлинная запись № 56.

² Там же, подлинная запись № 222.

³ «Курская губерния. Итоги статистического исследования», Курск, 1887, стр. 73.

⁴ «Сборник статистических сведений по Курской губернии», вып. I — XIV, М. — Курск, 1883 — 1887; «Сборник статистических сведений по Орловской губернии», вып. I — IX, М., 1886 — 1897.

⁵ «Сборник статистических сведений по Курской губ.», вып. VI. Рыльский уезд, Курск, 1884, стр. 4.

⁶ Там же, стр. 108.

⁷ Там же, вып. IV. Суджанский уезд, Курск, 1884, стр. 64.

⁸ Там же, вып. VI, стр. 162.

⁹ Там же, вып. III. Дмитровский уезд, Курск, 1884, стр. 131.

ных частей сельскохозяйственных орудий и различную обеспеченность инвентарем зажиточных семей и семей бедняков. В конце XIX — нач. XX в. хозяйства кулаков отличались от бедняцких и середняцких применением более совершенных сельскохозяйственных орудий (фабричные железные плуги, бороны и др.) и машин (молотилки, соломорезы, веялки и пр.).

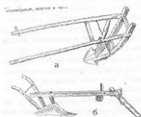

Рис. № 2. Орудия пахоты
а — деревянная соха (Белгородский краеведческий музей); б — деревянный плуг (с. Лыгово Хотинского р-на Орловской обл.)

соха с с. Никитском (Белгородская обл.), в Акимовке (Курская обл.). По коллекциям Белгородского музея, ее бытование в XIX — начале XX вв. установлено также в селениях Пушкарное и Тамаровка (Белгородская обл.).

Термин «рало» встречался в применении к орудиям, которыми проводили борозды для посева буряков (Акимова). В начале XX в. повсеместно начали распространяться деревянные плуги (рис. 2, б), а к 1917 г. — железные. Сеяли крестьяне из решета или корзины; бороновали вязаной бороной с деревянными зубьями, которая в начале XX в. сменялась в некоторых селениях рамочной бороной с железными зубьями. Серпы для уборки хлеба в большей части селений в XIX в. был уже заменен косой с граблями — «краком». Для покоса травы употреблялись обычные косы. Вилы и грабли были обще-

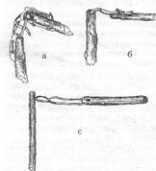

Рис. № 3. Цепи. Способы соединения ручки и была
а — цепь из коллекции Курского краеведческого музея; б — из с. Косово Задонского р-на Липецкой обл.; в — из дер. Кубин Дмитровского р-на Курской обл.

распространенного типа.

До конца XIX в. снопы хлеба сушили в ямных овинах. В ряде селений Курской обл. (с. Кубань и др.) ямные овны назывались ригами. Наряду с ямными овинами в некоторых из обследованных селений помещения для сушки снопов были с печью, расположенной не в яме, а на поверхности земли. Они также назывались ригами. В отличие от «риг-снопосушителей», имелись еще «кормовые риги», или клуны. Наличие в хозяйстве большой «кормовой риги» считалось признаком зажиточности семьи. Бедняки вместо риги строили себе «половини», которые были вполноту меньше риг.

В ригах передко молотили. Молотыба производилась также на открытых токах и в закрытых специальных помещениях — «пеледах» с крышей на столбах. Зерно молочивали чаще всего пепами (рис. 3), но был известен обмолот зерна и катками. Веялки крестьяне делали лопатой, стоя. Конные молотилки и веялки насчитались в деревне единицами, их имели зажиточные семьи. Остальные крестьяне пользовались молотилками и веялками за плату, собираясь «кустами», т.е. группами. Молоди зерно на мельницах. Мельницы были ветряные, водяные, разных систем (рис. 4), принадлежали разным лицам.

В эпоху капитализма на хозяйственный быт крестьян большое влияние оказал рост экономических связей между разными областями России. Особенно сказался рост экономических связей на быте населения деревень в расположенных по большим дорогам. Одним из таких является Гнездилово, которое стоит на дороге, связующей Жиздру с Орлом. Жиздринский р-он был лесостроной, там жгли уголь и добывали гонгот на прир. в Орас, а Орловщина поставляла хлеб. В Гнездилово приезжали купцы и крестьяне были открыты два постоялых двора, имелась почтовая станция. На Запечеве (с. села) жил купец 3-й гильдии Никитин, державший банк — «честную». В коммерческую деятельность влились местные помещики. Так, например, гнездиловские помещиком Ольгиным были организованы кредитное товарищество, банк, страховое общество, открыт мясной магазин.

Крестьянское население Гнездилово жило в основном бедно, перебиваясь отходничеством в Н.в.е, где мужчины работали главным образом землекопами. В то же время из крестьянской среды здесь выдвинулось в конце XIX в. несколько кулацких хозяйств. Например, хозяйство Харитоновых, который скупал землю у помещиков и разорявшихся крестьян.

На р. Вытевять, притоке Оки, расположено с. З.

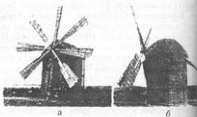

Рис. № 4. Типы мельниц
а — из Борисовского р-на Белгородской обл.; б — из Обоянского р-на Курской обл.

во (ныне Хотинского р-на Орловской обл.). В дореволюционное время через Лыгово шла дорога на Нижний Новгород из Калужской губ. и Брянского у. Орловской губ. Население Калужской губ. и Брянского у. от «полян» — жителей степной части — называло «лехами». Палехи через Лыгово (пограничные с «полями») вели на продажу в Нижний Новгород и

¹ Происхождение этого названия не известно. Возможно, что это население жило на «клинах», т.е. на наклонных участках земли.

ые изделия: сани, «колесные хода» (телеги), кадушки, веру. Оживленное движение торговых обозов, проходивших через Лыгово, послужило причиной возникновения в этом большом селе промысла пекарей. В селе было 5 пекарен, принадлежавших частным лицам. Булки и бранки не только потреблялись проезжими, но и развозились для продажи по ближайшим базарам. Профессия пекаря стала во Лыгове наследственной, передаваемой из поколения в поколение. Многие пекари из Лыгова работали часть года в городах, не порывая связи с семьями, оставшимися в деревне. И в настоящее время во многих изданных семьях Лыгова имеются родственники, которые живут в городах и работают там в пекарнях.

С развитием товарно-денежных отношений расширяется занятие ремеслами и промыслами также и в других обследованных селениях. В с. Кубань, например, многие крестьяне были печниками, портными, плотниками, они же делали кадушки, колеса, телеги и отвозили их в уездный город Дмитрияев. Около сотни плотников было в с. Банище. Один из них, Ф. И. Корыстелев, рассказывал, что он строил дома не только жителям своей и окрестных деревень, но работал на лесопромышленников, рубил их срубы, которые потом продавались крестьянам. Плотники работали у лесопромышленников обычно артельно в 6 — 8 человек, заработанные деньги делили поровну, «а что пропало, проели — не считали».

Из дер. Старый Бузец плотники и каменщики ходили на Украину, преимущественно к немцам-колонистам. Бесные крестьяне с. Будинье уходили на заработки в Овсюк. В Донбассе работали крестьяне из дер. Ефросимовки, сел. Работыково и Долженкова. На рудниках шла обычно артелью, которую возглавлял выборный артельщик. Готовить нанимали кухарку. Из с. Долженкова ходили также на Украину косить траву и убирать хлеб. Своеобразный отхожий промысел существовал у крестьян с. Роговатое, которые с марта по ноябрь ежегодно по найму пасли овец на Кавказе. Меньше всего из обследованных селений было развито отходничество в с. Никитском, где крестьянские семьи получали значительные доходы от фруктовых садов.

Отходники, как правило, присылали заработанные деньги главе семьи. На эти деньги семья нередко арендовала землю, строила жилище и хозяйственные помещения, покупала скот и самые необходимые предметы домашнего обихода. В семьях бедняков большая часть присылаемых денег уходила на покупку хлеба.

Женские отхожие промыслы не имели сколько-нибудь значительного развития. Работа женщины на стороне ограничивалась обычно областью земледелия (прополка, работа на огородах). На свои личные нужды женщины добывали деньги, продавая коноплю, нередко при этом невестки крали ее у свекора¹.

До конца XIX в. крестьянское хозяйство зачастую являлось большой неразделенной семьей. Главой семьи был отец; после его смерти, если не происходил раздел братьев — сыновей, главой семьи становился старший брат.

Старши обследованных сел и деревень хорошо пом-

нят, как жили большими семьями они сами или их родители и деды. Так, по воспоминаниям стариков, 50 — 60 лет назад были большие семьи в с. Никольском. В то время при жизни отца сыновья редко делились. Отец мог не дать землю отделившемуся сыну, сказать ему: «Бери жену, да подушку и дорожку — вот это твое»². То же самое наблюдалось в с. Банище, где «отец не давал воли отделиться, а сыновья ему подчинялись, хотя и женатые уже были»³.

Во многих неразделенных семьях, земельный надел обрабатывал глава семьи с женщинами, а остальные мужчины, как уже отмечалось, уходили в города на заработки или подрабатывали местными промыслами, ремеслом и сельскохозяйственными работами на стороне. Так, в неразделенных семьях дер. Прудиче, поскольку «земли было мало, в хозяйстве оставался отец или один брат, остальные уезжали на заработки, деньги присылали старшему в семье» (т. е. отцу или старшему брату)⁴. Старики с. Лыгово говорят, что и там на их памяти в неразделенной семье земледелием занимался только «старший в семье с бибамы», остальные служили пекарями в городах или в пекарнях самого Лыгова⁵.

Вопрос о причинах долгой сохранности больших неразделенных семей в южных губерниях не вполне ясен. Крестьяне старшего поколения говорят, что большой семьей «жить было выгоднее, получалось больше земли, а если ее разделить, то нечем было бы кормиться»⁶. Имеются сведения о том, что в конце XIX в. и даже в начале XX в. хозяйства неразделенных семей были «более крепкими», чем хозяйства разделившихся родственников. В других случаях указывается, что неразделенными семьями жили не только зажиточные, но и мало-земельные крестьяне; женатые братья «не делились потому, что даже хату где-то негде было поставить — так мало было земли»⁷.

Сохранение неразделенного хозяйства давало возможность крестьянам-отходникам не отрыватьсь целиком «от своей земли», на которой работали их близкие родственники. Власть земли в прошлом веке была очень еще сильна в сознании крестьян, боясь оторваться от земли несколько задерживала семейные разделы. В богатых хозяйствах разделу препятствовал, как правило, отец — глава семьи, который хотел сохранить неразделенными наделенные и купленные земельные владения — главный источник благосостояния семьи.

В конце XIX и начале XX в. процесс распада неразделенных семей, несмотря на ряд препятствующих причин, становится все более и более интенсивным. Если еще в 1870 — 1880 гг. отец — глава семьи, зачастую не соглашался на раздел и сыну, который отделился против его воли, не давал земли, то в начале XX в. разделы происходят по взаимному согласию родителей и женатых сыновей. Земля и имущество при разделах семей делилась между братьями и отцом, если он был жив. Когда количество земли в семейном владении было очень мало, имели место случаи денежной и имущественной компенсации одному или двум братьям, добровольно от-

¹ Архив ИО, ин. 251, полковая записка № 84.

² Там же, полковая записка № 66.

³ Там же, полковая записка № 132.

⁴ Архив ИО, ин. 251, полковая записка № 23.

⁵ Там же, полковая записка № 28.

⁶ Там же, полковая записка № 132.

⁷ Там же, полковая записка № 172.

казавшимся от своей части земли. Родители оставались жить в своей хате, обычно с младшим сыном.

В крестьянской семье существовало традиционное разделение труда в полевых работах и в работе по дому. Мужскими занятиями считались посев, пахота, боронование, косыба, заготовка дров, уход за лошадьми и многое другое. Однако эти работы нередко выполняли и женщины, особенно в тех семьях, где мужчины уходили летом на заработки, и в семьях вдов. Женский труд вообще занимал большое место в хозяйстве семьи. Главными обязанностями женщин, помимо различных полевых работ и ухода за скотом, являлись прядение, ткачество, изготовление одежды и приготовление пищи. «Женщинам особенно тяжело жить было, — вспоминают старые жительницы с. Долженково. — Зимой день и ночь пряли и ткали, а летом весь день в поле; там часто и рожать приходилось».

Поселения и жилище

По форме большая часть обследованных деревень и сел относится к двухрядным поселениям, застроенным в одну или несколько улиц (рис. 5, а). Однорядная застройка встречается значительно реже, чем двухрядная (рис. 5, б). Своеобразно расположение домов в с. Работаво Орловской обл. В этой деревне дома живописно протянулись по двум сторонам большого оврага.

В селениях Неплюевка, Дурово, Акимовка, Банище, Будие, Долженково (Курская обл.) дома стоят преимущественно перпендикулярно к улице, т.е. обращены к ней торговыми фасадами, в остальных обследованных деревнях и селах дома параллельны улице, т.е. обращены к ней боковыми фасадами.

В тех деревнях и селах, где в конце XIX в. преобладала параллельная застройка, в 1900-е годы нередко можно было увидеть до 20 — 25 домов, как бы стоящих под одной крышей. Так, в с. Льгово (Орловской обл.), по словам местных жителей, под одной крышей стояло больше 20 хат, а позади них располагались надворные постройки. Почти сплошная застройка была в с. Вель (Курская обл.), вплотную друг к другу строились дома в с. Ильинском (Орловская обл.), а также во многих других деревнях и селах. Возникновение подобной застройки престарелые жители обследованных селений считают результатом семейных разделов, участвовавших в конце прошлого века. Главная причина появления сплошной застройки крылась в земельной нужде, которую испытывало большинство крестьянских хозяйств. При семейных разделах отделившиеся братья не получали новых усадебных наделов и были вынуждены строить свои дома и дворы примыкающими друг к другу, а равным образом к домам и дворам соседей. Сплошная застройка селений была ликвидирована только после Великой Октябрьской революции, когда каждая крестьянская семья получила отдельный участок.

В некоторых деревнях (например, в дер. Старый Вузец) на протяжении XIX столетия в связи с постепенным процессом семейных разделов изменялось традиционное расположение домов. Крестьяне перешли от постановки домов параллельно улице к перпендикулярной застройке, ибо эта застройка давала больше возможностей для максималь-

но уплотненного использования усадебной земли. При перпендикулярной застройке на одной и той же улице размещалось больше домов, чем при параллельной.

Против домов вдоль улицы во многих селениях тянулись в один или два ряда (в зависимости от одной или двухрядной жилой застройки) амбары и сараи, значительно реже эти постройки находятся во дворе или на огороде. Двор всегда стоит около дома; сарай, или клуна, размещаются в конце усадьбы.

В середине XIX в. в обследованных районах преобладало строительство жилых помещений из дерева (осина, береза, ясень). Использование в это время других строительных материалов для постройки домов имело большого распространения. Постройка хат из местного кирпича, например, имела место лишь в дер.

Рис. № 5. Типы застройки селений
а — двухрядная (с. Банище Любовского р-на Курской обл.).
б — однорядная (Борисовский р-н Белгородской обл.)

них Ливенские Дворы и в с. Ефросимовка. Обожжение кирпича почти не находило применения даже там, где особенно ощущался недостаток хорошего строевого леса. В таких районах были богатые месторождения глины. В таких районах крестьяне обычно строили свои дома из недоброкачественного леса и с особой тщательностью промазывали глиной стены для их утепления.

Строительство из других материалов получило развитие главным образом в конце XIX в. В то время в связи с возросшим спросом на лес для нужд промышленности и железных дорог происходило истребление многих богатств России, что особенно сказалось на жилищном строительстве русских крестьян южных областей. Там уничтожались последние остатки лесов, а при этом сокращался при одновременном повышении его стоимости. По этой причине во многих южных деревнях селовозросло строительство из глины, камня, обожженного и саманного кирпича. Так, в с. Долженково (Курская обл.) «в старину строили только деревянные хаты, а с 1900 г., когда леса стали «переходить», начали ставить хаты из камня-саморodka, скрепленного гонимой с навозом»¹. По воспоминаниям К. Н. Комарова (с. г.), жителя с. Кисново (Задонский Липецкой обл.), «мелкие дома в этом селе строились с 1890-х годов, «кирпич тоже давно перешли. Дома из дерева перестали строить, когда стало мало леса»². 80-летний стар-

¹ Архив ИО, оп. 251, полевого записки № 163, 166.

² Архив ИО, оп. 251, полевого записки № 228.

И. П. Шабукин из того же села сообщил, что «в его деревне все хаты у крестьян были деревянные, а потом все они построили себе кирпичные. Притом и у одноворочесных были большие кирпичные хаты, чем у борских. При постройке две из двух хат сеницы между ними были часто плетневые, а затем стали строить большие каменные сеницы»¹.

Из-за недостатка леса каменные дома начали строить в Войсковой Казинке (Липецкой обл., 6. Елецкий у. Борокской обл.). Одновременно там началось местное производство кирпича. Вначале кирпич использовался только в строительстве кулацких семей, поскольку он был дорогим материалом. Затем с расширением кирпичного производства и соответствующим его удешевлением кирпичные постройки получали уже более широкое распространение. В Войсковой Казинке нередко хату ставили из кирпича, а сени строили из камня, который добывался и сбывался сейчас на берегу р. Олым, притока Сосны.

С конца XIX в. кирпичные дома строили также в Чернаве, Чесноданове и других селениях.

В дер. Прудиче Орловской обл. кирпичное строительство началось с 1890-х годов. В этой деревне только зажиточные семьи строили целиком кирпичные дома, остальные к кирпичной хате обычно приставляли деревянные или плетневые сени. Наряду с кирпичными продолжались, как это имеет место и сейчас, строительство домов из дерева. Из 38 хат дер. Прудича, зафиксированных экспедицией в 1954 г., насчитывается 23 срубных, семь целиком кирпичных, семь кирпичных с деревянными или плетневыми сенями и одна деревянная хата с плетневыми сенями.

Дворы и хозяйственные постройки, как правило, строили раньше и строятся сейчас из более дешевого, чем хата, материала, — например, из мелкого леса или хвороста (плетневые дворы, риги, курники, коровники и др.). В селениях, расположенных недалеко от месторождений дикого камня, дворы и хозяйственные постройки чаще всего каменные (Войсковая Казинка, Чернава, Чесноданово).

Срубный жилой дом строили сами хозяева в том случае, если они владели плотничьим мастерством, но чаще они нанимали плотников-специалистов как местных, так и приехавших. По сведениям, полученным в дер. Прудиче (Орловская обл.), дома там строили местные плотники и плотники из Тверской губ. В Ефросимовке работали плотники из Никнедевицкого у. Воронежской губ., в дер. Лавенские Дворы плотники приходили из одноворочесных деревень Кузыминки и Воробьево и т.д. «Полные» — жители Лыгова и соседних с ним селений Болховского у. Орловской губ. — нанимали плотников «палехов» по пограничным лесным деревням Калужской губ. Зачастую поляне покупали у палехов уже готовые срубы.

В тех случаях, когда на хату шел общественный лес или купленный у лесопромышленников на корню, материал для сруба заготавливали в лесу осенью или зимой, затем при помощи соседей его привозили в деревню, где недалеко от места, предназначенного для постройки дома, плотники рубили сруб.

Срубы ставили из круглых бревен и только в тех местах, где лесов было особенно мало, — из бревен, распиленных пополам. В XIX — начале XX в. строительство из

брусчат почти не имело распространения. Венцы дома соединялись и соединяются в простой угол, т.е. «в чашу» или «в обло». Соединение венцов из круглых бревен в простой угол отмечено, например, в самой старой из обследованных построек — в хате из дер. Дурово, выстроенной еще при крепостном праве².

Населению обследованных областей были известны и более совершенные способы соединения венцов, чем в простой угол. Это рубка «в потемки», с выступами в пазах верхнего и нижнего бревна, и «в развал», с зарубкой в пазе нижнего бревна. Венцы из тонких бревен соединяли нередко «в охряпку». При этом способе пазы вырезаны и в верхнем и в нижнем бревне. Прибегали к этому способу потому, что он давал более прочное соединение тонких бревен по сравнению с рубкой в простой угол.

При всех отмеченных способах соединения венцов концы бревен обязательно выступают в месте их перекреста, т.е. по углам сруба. Соединение венцов «в лапу», т.е. без выступов концов бревен по углам, применялось как более дорогой способ только в строительстве домов у зажиточных крестьян.

Для прочного прилегания венцов сруба друг к другу при всех способах их соединения в каждом бревне с одной из его сторон вынимался продольный паз. Вследствие недостатка хорошего леса крестьяне довольно часто строили сени домов и хозяйственных помещений из мелких бревен, соединенных в столбы («в шулы»), или из досок.

Основанием срубной хаты служат преимущественно деревянные столбы («окладины» или «спод» — Банище — «подвалки» — Роговатое, Ефросимовка; «стулья» — Работьково, Лыгово и т.д.) или камни, вкопанные в землю. Пространство между столбами в некоторых домах забрано мелкими бревнами — «подборниками». На столбы или камни положен первый венец, который в Ефросимовке называется просто «дубом», в Банище — «подвалиной», в Мошенках — «почтовой» и т.д. В старину существовал обычай, по которому после того, как положен первый венец, будущие хозяева вносили в сруб елку, ставили плотникам водку и закуски, пили и ели вместе с ними.

Поверх первого венца старались до окон положить еще три или четыре дубовых венца. Пространство между окнами забиралось бревнами («середяки», «простенки» и т.д.). Поверх окон шел венец, который в с. Банище, например, назывался «перевязным деревом»; в с. Долженково — «ошеплином» и т.д.

Во время сборки сруба в стенах между бревнами закладывали мох, коноплю, нередко стены клинцевали (обивали щепой), обмазывали глиной и белили. Однако, по воспоминаниям стариков, обмазка глиной и побелка хаты применялись в первой половине XIX в. далеко не во всех деревнях. Не обмазывали и не белили хаты во Лыгове, Прудичах, Гнездилово и в ряде других селений Орловской обл. В этих селениях обмазка и побелка хат — сравнительно позднее и необширное распространение явление. Здесь даже в домах, построенных во второй половине XIX и в XX вв., обмазки глиной и побелки только жилые помещения, а сени, как правило, не

¹ Там же.

² Архив ИД, оп. 251, чертёж № 24 и описание.

имеют ни обмазки, ни побелки. Нередки еще дома, совсем не обмазанные глиной и небеленые (рис. 6, а). Ярво выражена побелка хат в Неплюевке, Вети, Акимовке, Дурово и в других селениях Курской обл., расположенных в полосе этнической границы с украинцами (рис. 6, б). Более тщательная побелка хаты в этих деревнях по сравнению с другими, вероятно, объясняется постоянным культурным влиянием украинского населения.

Под стены каменных и кирпичных домов подводились каменные или кирпичные фундаменты. Для постройки таких фундаментов копали прежде всего ров по линии стен будущего дома, в ров насыпали мелкие камни — «щебер» и тщательно их утрамбовывали. На щебер ставили большие камни или кирпичи, скрепляя их глиной или известью.

В селениях, где с конца XIX в. получило распространение кирпичное строительство, производством кирпича занимались специальные мастера. Так, в с. Кизово вы-

для горна и выкладывали его сырым кирпичом, который выжидали там докрасна. В кирпичной кладке стен различались два способа заполнения пустого пространства между внешним и внутренним рядами кирпича: «защипка» и «засыпка». Для заливки использовался раствор гашеной извести с песком, а для засыпки — сухой настил золы и земли. Крестьяне считали, что при заливке стен прочнее, но в доме холоднее, чем при засыпке. Ряды кирпичей соединяли железными связями (рис. 7). Стены в которых домов с внешней стороны нередко украшали ритмическими узорами.

Жилища крестьян по всей обследованной территории — низкие, без подклета. Для всех селений характер-

Рис. № 7. Кирпичный дом (с. Кизово Задонского р-на Липецкой обл. Дом построен в XX в., принадлежит Комарову).

Рис. № 6. Типы деревянных домов

а — срубный дом, не обмазанный глиной (с. Лысово Хотынецкого р-на Орловской обл. Дом построен в начале XX в., принадлежит Бурзиковой); б — срубный дом, обмазанный глиной и побеленный (дер. Дурово Крутицкого р-на Курской обл.)

жигать кирпич приходили в 1880-е годы мастера из Лебедина, а затем этому ремеслу обучилось несколько местных крестьян.

Процесс изготовления кирпича начинался с замачивания и размешивания глины в заранее вырытых ямах. Готовую глиняную массу обжимали в деревянных ящиках-формах. Вынутый из форм сырой кирпич некоторое время держали на солнце, затем копали котлован

преобладание земляного пола — «земли», который сверху нередко залит глиной¹. Деревянный пол — «мост» получил распространение только в 1880 — 1890 гг. и считался признаком зажиточности семьи.

В первой половине XIX в. в хатах строились потолки из «крутляков» — круглых бревен или плах — бревна, рубленных на две половины. Потолок из плах вился, например, в хате Коротковых в дер. Дурово Курской обл.² Хата эта была построена, как уже говорилось, при крепостном праве. Позднее круглые потолочные бревна и плахи были заменены пилеными досками. Круглые бревна, плахи или доски лежат на двух-трех матицах («матках», «сволоках»), идущих поперек сруба. В деревянных хатах матицы врублены в предпоследний венец («подматовник» — с. Банище), в кирпичных домах они укреплены в гнездах стен. Сверху с чердака потолки промазаны глиной с песком и навозом. На чердаке хранят довольно часто яблони, сено, прялки («прихи»), разную мелочь.

Крыши домов — четырехскатная. Двухскатные крыши встречаются очень редко. Во второй половине XIX — начале XX в., как и в настоящее время, преобладала обычная стропильная конструкция четырехскатной крыши, однако в некоторых домах сохранились примитивные способы перекрытия. Так, в с. Неплюевка Хомутовского р-на Курской обл. на последний венец сруба помещали две-три матицы, предназначенные для установки «козлыков» — стропил с концами, выступающими наверху при их перекрестке. На козлыки вдоль дома клали балку, а на балку с одной и другой сторон попарно вешали «кряжчю» в виде тонких бревен с загнутыми концами. Интересно отметить, что у белорусских крестьян подобная конструкция крыши также считалась более древ-

¹ Архив ИЭЗ, оп. 254, опись № 138. «Косца поставлю сруб, насыпав землю и побелю глиной матушками» — «чирмарина»; опись № 139. «Насыпав землю до первого вена, поверхность замазывает глиной».

² Архив ИЭЗ, оп. 254, чертек № 24 и пояснение к нему: «Потолок на двух матицах, настлан полных плахон».

и, чем обычная стропильная. В Крупецком р-не Курск. обл. (Акимовка и др.) в середине XIX в. строились жилища с крыши на сохах¹.

При постройке четырехскатной крыши обычной стропильной конструкции плотники устанавливали несколько пар стропил — «кроки» на некотором расстоянии от стены бревен длинных сторон дома. На каждой из коротких стен срубля плотники укрепляли по три-четыре «стропильных дерева» (на углах «угольники», иначе «ворожники», посередине — «упротивники», которые устанавливались в князике с крайней парой боковых стропил — прямо на стены, более новый — на поперечные балки («перемычки», «переводники», «переметинны»). На стропила вдоль крыши настилали «слезги» («латы»).

Самым распространенным кровельным материалом был солома. Дома, покрытые железом, строили только очень богатые и знатные крестьяне. В редких случаях деревенские богачи покрывали свои дома черепицей или шестой.

Соломой крыши крыши «в натруску», или «в растру», и «сплошными»². С 1880-х годов начинает применяться способ покрытия «под глину»³. Так, по данным статистических сборников, в 1883 г. в с. Вель Курской губ. был один дом, крытый «под глину», в Неплюевке — два дома, в Будинке — 75 домов. В последующие годы XIX в. число домов, крытых «под глину», заметно возросло.

Многие из упомянутых способов постройки жилища (способы соединения венцов, возведение стропильной крыши и др.) находят применение также и в настоящее время, хотя в целом строительная техника крестьян стала более совершенной. Некоторые старинные технические приемы постройки (настил пола и потолка из круглых или плоских, способ устройства крыши на козлах и др.) выявлены лишь при изучении старого жилого и хозяйственного фонда, а также по рассказам пожилых крестьян-строителей.

Под одной крышей крестьяне строили собственно хату (т.е. жилое помещение) и сени, которые использовались для разных хозяйственных нужд. Во время существования больших семей передки были так называемые «связи» из двух жилых помещений, соединенных сенями. Так, в дер. Старый Бузец (Курская обл.) у семьи Лопуховых четверо братьев со своими семьями жили в одной хате, четверо в другой. Хаты соединялись сенями. Обедали постоянно в одной из хат. Хлеб несли через два дня то в одну, то в другую хату. Во многих деревнях вторую хату нередко ставили не с русской печью, а срубкой, предназначенной только для отопления. Дома, состоящие из жилого помещения, сени и неотопиваемой горницы, были обычно достоянием экономически крепких семей.

При разделках больших семей, особенно участвовавших, как уже говорилось, в 1880 — 1890-е годы, одна половина трехканерного дома ставилась отдельно (к ней тогда пристраивались сени) или же оставалась на прежнем месте, но переходила в собственность одного из членов

бывшей большой семьи (рис. 8). В результате семейных разделов появились, кроме того, двоянные дома из двух половин (сени плюс хата плюс хата плюс сени). Каждая половина включает сени и хату (рис. 9). В двоянных домах жили вначале семьи родных братьев или семьи отца и сына. В настоящее время в таких домах, как и в домах — «связях», чаще всего живут родственники.

40 — 50 лет назад к хатам начали пристраивать сенок сени, а ту часть дома, которая раньше служила сенями, приспособлять под кухню, ставя там русскую печь (Старый Бузец и другие деревни). К началу XX в. относятся также постройки хаты с «теплушкой» — помещением, куда выходила часть печи с устьем, тогда как остальная часть печи обогревала комнату. В с. Долженково и соседних с ним деревнях и селах б. Курской губ. с 1900-х годов сбоку к дому пристраивается навес со столбами и крыльцом.

Рис. № 8. Дом «связь» (с. Льгово Хотынского р-на Орловской обл.)

Дома-пятистенки были редкостью даже для богатых крестьян, так как постройка пятистенки в малолесных районах юга требовала больших материальных затрат.

В обследованных районах выделяются три основных типа внутренней планировки (по размещению печи и переднего угла): 1) юго-восточная, 2) юго-западная и 3) планировка, аналогичная белорусско-украинской и западнорусской.

При третьем типе планировки печь стоит около двери в угол, устьем повернута к длинной стороне дома. По диагонали от печи расположен передний угол, который зовется «кутом», как в украинском и белорусском доме (рис. 10, а, 11, а). В домах больших размеров печь ставилась и ставится несколько отступая от стены, между стеной и печью делается закуток для теленка. Старые жители дер. Прудиче б. Орловской губ. рассказывают, что, по воспоминаниям их дедов, при крепостном праве, отступая от стены, ставили печь только баринские крестьяне, имевшие свое хозяйство, дворяне же крестьяне закутка не оставляли, так как не держали скота.

Третий тип планировки охватывает селения Неплюевку, Дурово, Акимовку, Банище, Будинке, Долженково, Никитское. Все эти селения находятся по соседству с украинскими селами и деревнями или недалеко от них. Распространение этой планировки среди местного русского населения можно объяснить украинским культурным

¹ Архив ИЭО, оп. 251, подл. № 126, 127. «70 лет назад в деревне строили еще жилища, обладавшие их жесом, делая сверху настил из бревен и настилали сверху шестой. Для крыши ставили две сохи с двоянками».

² Так же, подл. № 223 (с. Козлово Задонского р-на Липецкой обл.): «Лучшим считалось покрытие солоной пучком, а более старым способом — «в натруску», когда солому поднимали на крышу выдвигая ее в связки. Так ее утаптывали ногой, приутапывая приутапывая (соломонично) и прижимали деревянными досками».

³ Так же, подл. № 168 (с. Будинке Курской обл.): «Соломой крыши пучком, ради печи сени вверх, а не кругом хаты».

⁴ Так же, подл. № 30: «Для покрытия дома под глину сены соломы обшиваются в глиняный раствор и настилается ряд за рядом вдоль карнизной или от карнизной к коньку крыши».

влиянием.

В селениях Старое Меловое, Роговатое, Камышенка, Кисзово, Чернава, Паниковец, находящихся в северо-восточной части изученных районов, преобладает юго-восточная планировка жилого помещения. Печь стоит вдали от двери углу, устье печи повернуто к двери. Передний угол находится около двери по диагонали от печи (рис. 10, 6, 11, 6).

В остальных деревнях и селах преобладает юго-западная планировка, отличающаяся от юго-восточной тем, что печь своим челом обращена к длинной стороне дома (рис. 10, в, 11, в).

Интересное отклонение встречено в юго-западной планировке жилища у старообрядческого населения дер. Большое Колчево Орловской обл. (Кромской р-н). В

Рис. № 9. «Сдвоенный» дом (дер. Камышенка Задонского р-на Липецкой обл.)

хатах старообрядцев, при характерном для этой планировки размещении печи, передний угол находится не у двери, а рядом с печью. Жители объясняют это тем, что у старообрядцев положено было молиться на «восток», т.е. на иконы, висящие против двери. Вероятнее всего предположить, что старообрядцы Большого Колчева переселились в XVII — XVIII вв. из Московской губ. и соседних с ней губерний, для которых типична средне-великорусская планировка с печью около двери, обращенной устьем к узкой стороне, с передним углом по диагонали от печи, т.е. против двери. Поселившись среди южновеликорусского населения, старообрядцы восприняли традиционное для южновеликорусского жилища расположение печи в дальнем углу, но в силу религиозной консервативности и строгости соблюдения обычаев оставили иконы на прежнем месте, т.е. против входа.

В 6. Обоянском у. Курской губ. у крестьян четвертного права была распространена среднерусская планировка жилища. Эта планировка, наряду с планировкой, аналогичной белорусско-украинской, до сих пор встречается в с. Долженково.

В конце XIX — начале XX в. у крестьянских семей появляется стремление отделить чистую половину от места приготовления пищи и тем самым как-то благоустроить свое жилище. Удобными для выделения кухни оказалась планировка, аналогичная белорусско-украинской, средневеликорусская и юго-восточная; менее пригодна для этого юго-западная планировка жилища. В домах с так называемой белорусско-украинской планировкой кухня с печью легко отделяется досчатой перегородкой от остального помещения и находится прямо при входе; далее размещается чистая комната. В домах средневеликорусской планировки (печь около двери, устьем обращена к узкой стене) и юго-восточной планировки (печь в дальнем углу, устьем обращена к двери) кухня, по местному «чулан», выделяется вдоль дома. Выделение кухни в домах с юго-западной планировкой (печь в даль-

нем углу от двери, обращена устьем к длинной стороне) возможно только во второй части жилого помещения. При этом через чистую половину необходимо пройти в кухню дрова, продукты для приготовления пищи и для и корма скоту. Естественно, что такое выделение

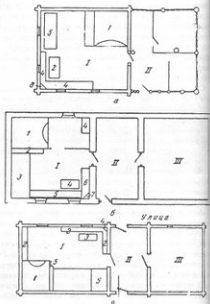
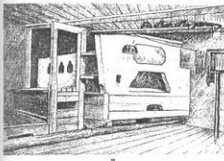
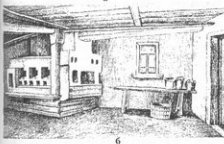
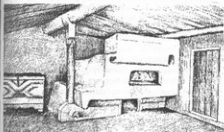

Рис. № 10. Типы внутренней планировки а — планировка, аналогичная западнорусской и белорусско-украинской (дер. Дурово Крупецкого р-на Курской обл. Построен более ста лет назад, принадлежит Шумаровой); б — хата, II — сени, I — печь, 2 — стол, 3 — передний угол, 4 — лавки, 5 — кровать; 6 — юго-восточная планировка (с. Комарово Задонского р-на Липецкой обл. Дом построен в 1905 г., принадлежит К. Н. Комарову); в — юго-западная планировка (с. Лыгаво Липецкого р-на Орловской обл. Дом построен в начале XX в., принадлежит С. Абрамовой); I — хата, II — сени, III — чистая половина; 1 — печь, 2 — лавки, 3 — стол, 4 — передний угол, 5 — столбы для «полочки» (полон)

нел крестьяне не считали и не считали целесообразным. Это в ряде селений объясняется переход к иной постановке задачи в доме (например, в дер. Прудыше, Орловской губ.).

До 1917 г. изменения во внутренней планировке, связанные с выделением нескольких помещений, были незначительными, что объясняется экономической нуждой большей части крестьян. Развитое многоквартирное жилище с надземными перегородками встречалось в Курской, Орловской части Воронежской губерний довольно редко и, как правило, в экономически крепких хозяйствах или у семей, где были плотники-профессионалы.

Обстановка крестьянского дома XIX в. поражала своей бедностью. Во многих домах не было кроватей. Члены

в

Рис. № 11. Различные интерьеры домов
а — с планировкой, аналогичной западнорусской и белорусско-украинской (дер. Дурово Крутицкого р-на Курской обл. Дом построен более ста лет назад, принадлежит Шуморовой); б — с юго-восточной планировкой (с. Рогозатое Шаталовского р-на Белгородской обл. Дом построен в начале XX в., принадлежит Т. С. Анисимову); в — с юго-западной планировкой (с. Работыково Дмитровского р-на Орловской обл. Дом построен в конце XIX в., принадлежит А. И. Урыковой)

семья спали на «полу» — дощатом настиле, идущем от печи до противоположной стены, и на полках, помещавшихся над полом. Местом для сна служили также лавки, поставленные около стен и соединявшиеся в переднем углу, где стоял обеденный стол, накрытый домотканой скатертью. Недалеко от печи помещался «конник» — лав-

ка в виде продолговатого ящика. Сиденье конника являлось одновременно и его крышкой.

От печного столба под потолком или полки («полицы»). Около печи, например, имелась полка, на которую клали выпеченный хлеб. Рядом с печью стояли, как и сейчас, ухваты, чашельники, кощерга, ведро с водой. Фабричная мебель была только в домах материально обеспеченных крестьян.

Дневной свет проникал в хату через два-три небольших окна. В крестьянских домах XIX в., кроме косщатых окон, делались еще «волоковые», которые закрывались доской. В с. Лыгово, например, волоковое окно прорубали против устья печи, а другое — косщатое — около двери, где был святой угол. По вечерам 80 — 90 лет назад хата освещалась березовой лучиной, вставленной в светел. В большой неразделенной семье, когда стемнело, следили за лучиной невестки по очереди — «одна светила, а другие работали»¹. Позднее для освещения хаты стали использовать керосиновые лампы.

Хата отапливалась русской печью, которая была одновременно и хлебной, и «варистой». В первой половине XIX в. появляются уже кирпичные печи. Для возведения русской печи прежде всего рубится из бревен «в замок» опечек («запечек» или «загнет»). В домах с земляным или глинобитным полом опечек ставится на деревянные стулья («стоны») или камни. Если в доме деревянный пол, то опечек помещается на перевах пола или брусках. Глиняный свод печи выводится поверх положенных на пол мешков с зерном. После окончания бития печи и ее просушки зерно из этих мешков выгребается, а мешки сжигаются.

Русская печь в середине XIX в. повсеместно топилась по-черному, а в селах Работыково и Никольское куриные хаты встречались еще в начале XX в.

В конце XIX в. в ряде деревень и сел (Акимова, Вель, Банище, Будище и др.) дым из хаты с печью, стоящей около двери, начали выводить в сени через отверстие в стене; в хате с печью в дальнем углу для вывода дыма в сени проводили под потолком горшечную (горшки, «черешня», «кашлик») или соломенную трубу, идущую через всю хату к стене, в которой прорубалось отверстие. Первоначально при этом в сенях труба не устраивалась, дым выходил через открытую дверь. Затем там стали устанавливать деревянные или плетневые трубы вывода дыма через крышу (рис. 12). Наряду с такими «полубелыми» печами в деревнях тогда уже было много хат с печами, имеющими дымоход — «верх». У некоторых богатых крестьян дома отапливались, кроме русской печи, грубой или голландкой; плиты строились очень редко.

Рядом с домом на крестьянской усадьбе стоял двор. У большинства крестьян дворы были плетневые, а у тех, кто побогаче, — с рублеными стенами. Бревна стен закреплялись чаще всего в столбы, поставленные по углам и по линии стен. На зиму плетневые дворы обставляли для тепла соломой. Стены их обмазывали глиной.

По типам двора обследованная территория делится на две части. К первой относится большинство селений Курской обл., а также Чернява, Войсковая Казинка и Ксеново Липецкой обл. Для этих селений характерен открытый двор нескольких форм: с разобщенными постройками

¹ Архив ИЭЗ, оп. 251, колода записей № 38.

ми, с постройками, расположенными в форме покая, глаголя, квадрата («круглые») или в одну линию с домом (рис. 13, а). Особенностью всех этих форм двора является наличие открытого пространства, значительного по

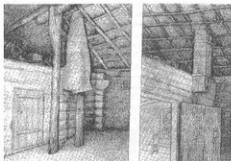

Рис. 12. Разновидности дымоходов

а — деревянная труба «бондир» (с. Роговатое Шаталовского р-на Белгородской обл. Дом построен в XIX в.); б — плетеная труба, обсыпанная глиной (дер. Бурово Крупинского р-на Курской обл. Дом построен более ста лет назад); в — плетеная труба «кокух» (с. Роговатое Шаталовского р-на Белгородской обл. Дом построен в XIX в.);

размерам. Двор другого типа — полузакрытый — стоит позади дома и соединяется с ним в форме каре (см. рис. 13, б). Такой двор был распространен во всех изученных селениях Орловской обл., кроме селений ее восточной части. Для него характерно наличие навеса на столбах, под которым помещаются отдельные постройки, связанные или несвязанные друг с другом. Открытое пространство такого двора («фонарь», «просвет» и т.д.) небольших размеров, на зиму оно нередко закрывается соломенным щитом.

Среди других типов выделяются дворы бывших однодворцев Работьково, Войсковой Казинки (рис. 14) и некоторых других деревень и сел. Их особенность заключалась в прошлом в постановке хаты или внутри двора или к улице стеной без окон. Двор-крепость как отличительная особенность однодворческого жилища возник, вероятно, во времена поселения служилых людей на южных рубежах Московского государства в связи с необходимостью постоянной защиты от татарских набегов.

На дворе стояли необходимые в хозяйстве помещения: коровники («варки»), конюшни, открытая поветь для

возовок, пушья, курники, в некоторых деревнях — бары. Висе зависимости от типа двора его размеры и число находившихся там построек были различными в разных, соседних и бедняцких хозяйствах. В экономически крепких хозяйствах, где было много скота, на дворе стояло несколько конюшен, коровников и других помещений. Постройки дворов богатых хозяев обычно смыкались друг к другу, а размеры двора были велики. В бедняцких дворах было много кулацкого, тем более отдаленного от кулацкого двора бедняка.

Когда существовали большие неразделенные сады во дворе, а иногда на огороде стояло по несколько неж, построенных из дерева, хвороста или камня (в зависимости от наличного строительного материала). Неж строилось столько, сколько было невесток в семье. Каждая невеста имела, таким образом, свою пушку, хранила личное имущество. В пушках спали летом, иногда и зимой. Жители дер. Старый Бузек рассказывают, например, что в любой большой семье невеста имела свою «хороминку». В однодворческой дер. Войсковой Казинки на дворе семьи Скрипиных стояли каменные пушки (рис. 14), где не только хранилось имущество ее брачных пар, но где эти брачные пары спали круглый год. Семейные разделы обусловили заметное сокращение числа надворных построек, поскольку в хозяйстве малых семей было обычно меньше скота. Малой семье не приходило также строить несколько пушек.

В современных деревнях и селах только часть дворов старых типов и форм сохраняется в неизменном виде.

Изменения в типах и формах двора произошли иным образом в 1930-х годах, когда крестьяне разоблачили ряд надворных построек (конюшни, возовня), в которых они уже более не нуждались при коллективном хозяйстве.

Вдали от дома, как уже говорилось, стояли помехи для сушки снопов (ямные овинны — риги и риги-печью на поверхности земли), кормовые ямы, или сени (рис. 15). Овинны были деревянными, кормовые ямы или клуны зачастую плетеными. Все эти постройки имели четырехскатную соломенную крышу. В конструкциях крыш сохранялись старые строительные приемы. В селениях Задонского и Новодедовского уездов Воронежской губернии строили обычно с краешей от земли, без стен. Стела для крыш вставляли прямо в землю.

Для хранения зерна крестьяне строили амбары. В давние времена старались выстроить амбар из прочного материала (из строевого леса, камня или кирпича), с полом, потолком, а кому было под силу и железной крышей. Хлеб для крестьянина был самым дорогим достоянием, и он хотел как можно лучше обезопасить его от частых пожаров, сырости, грабежа.

В селениях Веть, Акимовка, Банище, Будинье Курской обл. зерно для длительного хранения хранили так называемые «швейные» ямы. Эти ямы имели форму кушницы высотой около 3 м, с диаметром в наиболее широкой части 1,5 м, у горла и в основании — 1,20 м. Перед засыпкой зерна яму выжигали, закладывая в нее солому, и обшивали берестой с помощью деревянных девок. В верхнюю часть ямы (горло кушницы) вставляли большой сруб или же обставляли эту часть обрубы деревьев.

* Архив ИЭ, оп. 251, полевая записка № 124 (Александров Курской обл.): «Курны строили на двух столбах, на столбах каменных (длинное бревно), на столбах деревянных».

По мнению археологов, наличие хлебной ямы было одной из особенностей, отличающих южный тип древнерусского жилища от северного. В XIX – XX вв. хлебные ямы в форме купшины встречаются не только у русских крестьян юга, но также у белорусов и украинцев (кроме жителей Полесья); обычай хранить зерно в ямах различной формы охватывает вообще многие степные и малолесные районы Европы, населенные славянскими и славяноязычными народами (вешгры, румыны, бессарабские болгары, сербы и другие)¹.

Запасы картофеля, овощей, мясных и молочных продуктов держали, как и теперь, в специальных погребах. Различаются погреба нескольких типов: 1) с шалашеобразным покрытием, 2) выкопанные в небольших плет-

дах, выложенными бревнами, камнями или кирпичом, 3) погреба, покрытые только деревянным щитом или

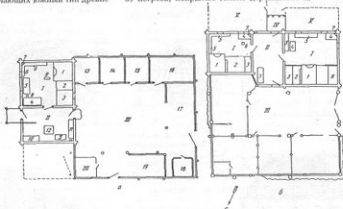

Рис. 13. Типы дворов

а — открытый «круглый двор» (с. Ефросимовка Курской обл. Дом и двор построены в 1910 г., принадлежит А. И. Алмазнову): I — хата, II — сени, III — двор: 1 — печь, 2 — полки — «хоры», 3 — деревянный настил — «пол» (спальное место), 4 — кровать, 5 — стол, 6 — лавка, 7 — передний угол, 8 — стул, 9 — лавка, 10 — деревянный настил, на котором спят в летнее время, 11 — ящики, 12 — погреб, 13 — «закутка» для овец, 14 — пунья, 15 — «закутка» для коровы, 16 — сарай для корма, 17 — подвальный сарай, 18 — «закутка» для кроликов, 19 — вояс, 20 — «закутка» для свиней, полузакрытый двор (с. Льгово Хотынецкого р-на Орловской обл. Дом и двор построены в XX в., принадлежит А. Качковой): 6 — I — хата, II — сени, III — открытая часть двора «проезд», IV — пристузок, V — палисадник; 1 — печь, 2 — деревянный настил — «пол» (спальное место) — кровати, стоящие на «полу», 4 — стол, 5 — лавка, 6 — табуретка, 7 — передний угол, 8 — кровать.

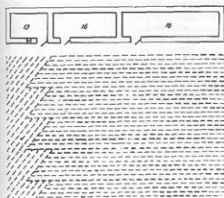

Рис. 14. «Двор-крепость» (с. Войсковая Казинка Чернавского р-на Липецкой обл. Дом и двор построены сто лет назад, принадлежит С. А. Сархину; двор полуразрушен, дом перестроен)

I — хата, II — сени, III — горница с нереком, IV — двор, V — огород; 1 — печь, 2 — устье печи, 3 — деревянный настил — «пол» (спальное место), 4 — стол, 5 — лавка, 6 — «конник», 7 — передний угол, 8 — кладовая, 9 — курятник, 10 — «закутка» для свиней, 11 — ворота, 12 — «закутка» для приготовления пищи скоту, 13 — пунья, 14 — «закутка» для коров, 15 — конюшня, 16 — сарай

невых сараев («пуньях») с четырехскатной крышей (рис. 16), 3) выкопанные в срубном или столбовом помещении под двускатной крышей, 4) погреба — «выходы» со сво-

большим камнем.

Во всех обследованных селениях в прошлом не было бань, за исключением с. Кислого Липецкой обл., где бани

¹ К. Мозыш. *Kultura ludow słowian, cz. 1. Kraków, 1929, s. 227–228.*

имелись, хотя и не у всех хозяев.

Итак, деревянные материалы дают возможность выделить в обследованных областях три типа жилища XIX — нач. XX в. Для этих типов характерно преобладание низких

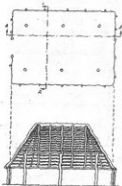

Рис. 15. План и разрез клуни по линиям АБ и СД (с. Будинье Большое-Солдатское р-на Курской области). В настоящее время в клуни хранятся колхозные телеги и сани

домов (с земляным или глинобитным полом) под четырехскатной соломенной крышей, открытого или полузакрытого двора, распространение явных овинов и отсутствие бани.

В первом типе дом имеет планировку, аналогичную белорусско-украинской планировке, и расположен к улице торцовым фасадом. Двор открытый, покособразный. К первому типу относятся жилища селений Неплюевки, Акимовки, Дурово, Никитское, Банище, Будинье, Долженково. В части этих селений были распространены хлебные ямы и хозяйственные постройки круглой формы. Как уже говорилось, перечисленные селения расположены в полосе атипической границы с украинцами. Возможно, что жилища русских крестьян этих селений складывались на той же древней основе, что и жилища украинцев.

Жилище второго типа распространено на большей части изученной территории. Этот тип отличается от первого юго-западной планировкой дома, его расположением боковым фасадом к улице, наличием, наряду с открытыми, большого числа полузакрытых дворов.

Третий тип отмечен в нескольких селениях восточной части территории (Есеновский р-н Курской обл., Задонский и отчасти Чернявский районы Липецкой обл.). Расположение домов то же, что во втором типе, но внутренняя планировка юго-восточная. Характерны риги и клуни «с земли», т. е. с крышей, идущей от земли.

Различия в жилищах отдельных групп населения незначительны. Наиболее четко прослеживаются особенности жилища бывших служилых людей. Особенности жилища однодворцев является наличие так называемых «дворов-крепостей». Этот тип двора был характерен для русского однодворческого населения также и других районов (Данковский у. Рязанской губ., Землянский, Никоневский, Усманский, Новохоперский, Бобровский уезды Воронежской губ. и др.). По мнению Е. Э. Бломквист, исследовавшей жилища однодворцев Воронежской губ., замкнутый двор-крепость специфичен «для феодальной усадьбы различных районов, с ее натуральным хо-

зяйством, замкнутостью и разобщенностью от соседей».

В жилище крестьян четвертого типа отмечено бытование среднерусской планировки, наряду с плани-

Рис. 16. Типы погребов
а — погреб «лаз» с шапанообразным покрытием; б — погреб «выход» (с. Старый Бузун Хомутовского р-на Курской обл.)

кой, аналогичной белорусско-украинской; распространение плетневых хозяйственных построек круглой формы, типичных для украинской деревни; распространение названия «клуни», «хижка» и других терминов, общих с украинскими. Наличие среднерусской планировки объясняется тем, что среди предков четвертных крестьян было много стрельцов и пушкарей — «детей московских», поселенных на окраинах государства для сторожевой службы. Поселившись там, служилые люди сохранили особую планировку жилища, характерную для среднерусских областей, откуда они были родом.

ПИЩА, ПОСУДА И УТВАРЬ

В неразделенных семьях пищу готовили невестки по очереди, по одному дню. Печь топили «дневная» (дежурная), иначе «дещница», а свекровь выдавала ей продукты и следила за приготовлением пищи. В некоторых семьях приготовление пищи было обязанностью старшей невестки, она же, если свекровь была стара, собирала сметану и сбивала масло. Свекровь топила печь только в страдную пору, когда все невестки работали в поле. Если семья была велика и жила «на две хаты», для приготовления пищи топили печь одновременно в обеих хатах. В небольшой семье приготовлением пищи занималась хозяйка с помощью взрослых дочерей.

Взрослые члены неразделенной семьи обедали за общим столом. Подавала на стол «дневная». Дети ели вместе

¹ Е. Э. Бломквист. Материалы по истории жилища Воронежской области. — «Советская этнография», 1934, № 5.
² Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 58.

и взрослыми или отдельно на полу, а также на лавках — под присмотром кого-либо из взрослых. Ели из общей чашки, которая ставилась на середину стола. Хлеб резали большими ломтиками и клали прямо на стол.

Члены семьи сидели за столом в определенном порядке. В переднем углу сидел хозяин, рядом с ним хозяйка, по сторонам — взрослые сыновья и подростки-мальчики. Женщины и девочки обычно сидели на приставной лавке, так как за столом на неподвижных лавках им места не оставалось. Нередко, когда не хватало места и на приставной лавке, женщинам приходилось есть стоя. Они в таком случае доставали пищу из общей чашки через головы сидящих за столом. Малолетние дети ели из отдельных миски, которая ставилась специально для них. Грудных детей кормили из маленькой чашечки. В малых семьях взрослые и дети садились за стол одновременно и ели из общей чашки.

Особую заботу хозяйки составляло приготовление продуктов к полевым работам, в особенности к уборке хлеба и сенокосу. Хозяйка к полевым работам засаливала шиншу, делала запасы круп, масла, сметаны, яиц. Закотченные имели в период полевых работ также и мясо. Мужчин давали в поле более обильную пищу, чем женщин. В ряде селений при полевке в поле мужчины варили кашу-сливуху, которую ели с салом, сметаной, маслом (с. Роговатое). Женщины почти никогда не варили в поле ни обеда, ни ужина, а брали с собой на полевую работу хлеб, молоко, реже вареные яйца или сало. В постные дни женщины ограничивали свое питание хлебом с квасом и луком или просто хлебом с водю.

Масло и яйца в крестьянской семье обычно экономили для продажи. На вырученные деньги от продажи молочных продуктов и яиц женщинам разрешалось покупать такие необходимые в хозяйстве вещи, как иглы, нитки, пересты, мыло, иногда даже платки и фарфур.

По сообщению местных жителей, режим питания был, как и сейчас, трехразовый: завтрак, обед и ужин, иначе — «следаше», обед и «вечора» (селения Дурово, Никитское, Банище, Будище, Войсковая Казинка, Мошенка, Акимовка). По этой терминологии выделяются две географические группы местного русского населения: называя «обеда», «завтрак» и «ужин» связывают одну местную группу с русскими других областей, термин «следаше» и «вечора» — вторую местную группу с украинцами и белорусами.

Пищу варили раньше и варят сейчас преимущественно в русской печи. Печку топят рано утром и пищу готовят сразу на завтрак, обед и ужин одновременно. Летом начинают топить печку после того, как отгоняют скот в стадо, т.е. с восходом солнца. Зимой затопляют печку еще до рассвета. Сваренная пища весь день находится в печи в горячем виде.

Раньше завтракали (снedaли) утром, обедали в полдень. Зимой ужинали обычно при свете, летом старались успеть «засветло», так как экономили освещение; некоторые крестьяне ужинали летом до прихода стада, другие — после.

Во время полевых работ и сенокоса все члены семьи вставали очень рано. Те, кто работал в поле, чтобы не терять даром времени, не дожидаясь завтрака, а отправлялись на работу, захватив пищу с собой. Придя в поле или на сенокос, сразу же начинали работать, а завтракали во время отдыха. В это же время кормили и лошадей,

если работали на лошади. После завтрака работали до наступления жары. В полдень, когда тень становилась короткой, обычно обедали и отдыхали. Если поле было близко от дома, то обеда приходили домой. В старую пору обедали в поле, куда приносили пищу дети.

Состав продуктов для приготовления пищи определялся направлением хозяйства. Преобладала растительная пища, в которой первое место занимали хлеб, мучные и крупяные блюда.

В праздничные дни порядок питания несколько изменялся. По праздникам иногда не завтракали, а обедали сразу же после окончания обеда в церкви. Но так как обед в праздник был раньше, чем в обычные дни, то к вечеру еще «полудинавали». По «годовым», т.е. большим, праздникам иногда вместо полудинавания пили чай, особенно при гостях.

Пища в обычные дни повсеместно была довольно однообразной и скудной. За завтраком ели горячую картошку чаще всего с солью и луком, с огурцами, капустой или квасом, реже со сметаной и маслом. К завтраку также варили картофельный суп. В юго-восточной части изученной территории (Старое Меловое, Мошенка, Кисилово) картофельный суп называли «похлебкой». В других местах (Акимовка, Банище, Будище, Роговатое, Камышевка) готовили «кулеши» из пшена или гречневой крупы и ели его за завтраком и за обедом. Почти везде пекли блины из пшенной, гречневой и ячменной муки на закваске. Блины ели с маслом, сметаной, квашеным молоком. Галушки из пресного теста, заваренного в кипятке, готовили к обеду и завтраку во всех обследованных деревнях и селах б. Курской губ. за исключением Старого Бузца и Кубани. Кисели — овсяный, гороховый и гречневый (гороховый никогда не заквашивали, в то время как гречневый делали квашеным) в крестьянской семье подавали за завтраком в горячем виде, в обед — в холодном, разрезая его на куски и обливая растительным маслом. В Кубани и Неполюевке варили еще бурачный кисель. В Орловской губ. к обеду готовили щи из капусты и лука, нередко с примесью картофеля; в Курской и Воронежской губерниях преобладал борщ из бураков, реже из бураков и капусты. Но в с. Роговатое борщ не был известен, там готовили только щи. Наоборот, щи никогда не готовили в Неполюевке, Вете, Акимовке, Банищах, Будищах, Долженкове, Никитском, Мошенке. Картошку варили почти всегда в кожуре, а потом уже чистили, резали и смешивали с маслом, салом, яйцами. В постные дни картошку часто оставляли непорезанной. За обедом ее резали и затем обильно растительным маслом или же ели с квасом, огурцами, капустой. К обеду готовили густую кашу из гречневой крупы или пшена. Кашу ели с молоком, маслом, шпиком и даже квасом, а также с конопляным семенем (толченым).

В некоторых местах на обед подавали «кулагу» (Роговатое, Мошенка, Кисилово), иначе «калинку» (Мошенка, Ефросимовка, Никитское, Банище) или «солдуху», «саломать» (Акимовка, Будище, Кубань, Старый Бузец). Эти виды пищи больше готовились в постные дни. Калина и кулага представляли собой парное тесто с добавлением в него яблок, груш, калины; солдуха — заквашенное парное тесто, зачастую с обжаренной мукой, без фруктов. В горячем виде эти блюда ели вечером, а за обедом и за завтраком уже холодными. Квас, заправленный огурцами, луком, хреном, картофелем, подавался как

за завтраком, так и за обедом и ужином. Мясо в будничные дни варили только закочичные, в большинстве крестьянских семей мясо считалось праздничной пищей. Мясо старались также готовить во время тяжелых полевых работ.

Своеобразно приготовление так называемого сыра в виде прессованного соленого творога. Сыр ели за завтраком, брали на работу и в дорогу. Готовили сыр в Неплюевке, Акимовке, Банище, Долженкове, Старом Меловом, Войсковой Казинке.

На праздничный стол в обед нередко подавались пироги из ржаной муки, просеянной через сито. Ели пироги, обмазывая их в квашеное молоко. После пиров следовали холодец с квасом, борщ или щи с мясом, потом лапша молочная или с мясом, каравайцы (Старый Бузец, Банище Курской обл., Никитское Белгородской обл.), пшеник на молоке с яйцами. В селах, пограничных с украинскими, готовили вареники из пресного теста с творогом. В большинстве селений пекли «пампушки» наподобие оладий.

К праздничному столу в ряде деревень Курской губ. подавали также «взвар» из яблоч, груш, вишен (Дурово, Акимовка, Банище, Будиче, Никитское).

В дореволюционном крестьянском быту довольно стойко сохранялась обрядовая пища. Так, например, во многих из изученных деревень (Старый Бузец, Кубань, Неплюевка, Дурово, Веть, Акимовка, Ефросимовка, Кисзово) на свадьбу пекли каравай у жениха или невесты, а иногда и у жениха и у невесты одновременно.

В западных и южных районах 6. Курской губ. (Неплюевка, Веть, Банище, Будиче, Долженково, Никитское) под рождество и под крещение варили кутью (в старину главным образом из пшеницы, позднее из риса) и «звали мороза» кутью есть. На поминки пекли лепешки, и всей

«дворней» (так назывались родственники) ходили на могилу, принося с собой выпивку и закуски. На 40-й день после похорон пекли из теста «лестницы»; лестница пекли также на вознесение.

Повсеместно была известна пасха, приготовленная не из творога, а из самой лучшей муки, на закваске.

На праздник сороки (40 святых, празднуемый 21 марта по новому стилю) пекли квашеные или пресные «сорочки» (Неплюевка, «чибицы»

(Кубань, Веть), «кулики» (Мошенка), «жаворонки» (Ефросимовка, Кисзово, Глузмово, Камышевка). Эти печенки дети бросали птицам.

На четвертой неделе поста был обычай выпекать крес- ты, которые оставляли до начала сева, когда их брали с

собой в поле (Веть, Банище, Никитское, Роговатое, Ефросимовка, Мошенка, Войсковая Казинка).

Во многих местах на тропцу девушки ходили «кумиса» в сад, где жарили яичницу (Старый Бузец, Дурово). Будиче, Роговатое, Старое Меловое, Мошенка, Войсковая Казинка).

Обед на свадьбу, поминки (похороны), крестины начинался обычно квасом с холодцом, затем ели борщ с мясом, лапшу с мясом или молочную, п а м п у ш к и, блинцы, каравайцы или пшеник, пирог и т.д., но почти всегда обед кончался кашей. В селениях Роговатое, Ефросимовка, Войсковая Казинка в конце свадебного обеда подавалась свиная голова. Картошку на такие обеды не готовили. Если каша с холодцом на первое не подавалась, то обед начинали прямо со щей или борща с мясом, а затем следовал тот же порядок блюд.

Весь ассортимент блюд делится в основном на две группы: 1 — общерусские и 2 — общие с украинскими блюдами. Общерусскими были главным образом щи; общие с украинскими — борщ, галушки, вареники. Кроме того, наличие творожного сыра связывает население части территории не только с украинцами, но также с белорусами, поляками, прибалтийскими народами.

Приготовление борща, галушек, вареников характерно для русских крестьян юго-западной и средней частей Курской обл., иначе говоря, для населения бассейна Днепра. Галушки и вареники не готовило население бассейна Оки и частично население бассейна Дона. Борщ имел более широкое распространение, что объясняется отчасти расширением посевов свеклы в XIX в. По всей вероятности, именно в связи с расширением посевов свеклы борщ известен крестьянам четвертого прага, которые по остальным особенностям культуры близки к средневековым.

Как уже отмечалось выше, во всех обследованных районах, кроме бассейна Дона, русские крестьяне пекли на свадьбу каравай. Приготовление каравай является еще одной общей чертой в их пище с пищей украинцев и белорусов. Обрядовое значение свиной головы на свадьбе имеет аналогичный в юго-восточных районах Рязанской обл., на северо-востоке Тамбовщины и в Пензенской обл.

Посуду и утварь русские крестьяне обследованных

Рис. 18. Деревянная посуда и утварь.

а — лещка для теста (с. Будиче Большее-Солдатского р-на Курской обл.); б — «бучило» (дер. Старый Бузец Михайловского р-на Курской обл.); в — «ряска» (с. Неплюевка Хомутовского р-на Курской обл.); г — доска (дер. Долженково Обоянского р-на Курской обл.); д — боченок для воды (дер. Старый Бузец Михайловского р-на Курской обл.).

Рис. 17. Долбленная и токарная посуда.

а — «калганка» (с. Будиче Большее-Солдатского р-на Курской обл.); б — «юченка» (дер. Долженково Обоянского р-на Курской обл.); в — ступа с толкачом (с. Неплюевка Хомутовского р-на Курской обл.); г — блюдо (с. Роговатое Шаталовского р-на Белгородской обл.); д — тарелка «крути» (с. Будиче Большее-Солдатского р-на Курской обл.).

(Кубань, Веть), «кулики» (Мошенка), «жаворонки» (Ефросимовка, Кисзово, Глузмово, Камышевка). Эти печенки дети бросали птицам.

На четвертой неделе поста был обычай выпекать крес- ты, которые оставляли до начала сева, когда их брали с

и в XIX в. преимущественно из дерева и глины. Широко встречались утварь, изготовленная из соломы, хвороста и даже камыша.

Деревянные утварь и посуда использовались как в домашнем обиходе, так и для различных хозяйственных целей. Эти утварь и посуда были обычно самодельными и отличались грубостью отделки, массивностью.

Большое место в домашней утвари и посуде занимали долбленные и токарные изделия: долбленные чашки — «блюды», из которых обычно ели взрослые; деревянные ложки, половники; деревянные тарелки — «крути», на которых резали

мясо и ставили на стол гостям пироги, или мясо; большие деревянные чашечки — «колотушки» или «калны», служившие для толчения сала в борща, а также для развлечения детей. Долбленные кадки для меда и кадки для соли имели вставленные дощички. Стуны также из них были долблены. В них толкли зерно на крупу. Сделанная посуда и утварь были почти всегда некрасивы, по форме же мало отличались от покупных (рис. 19).

Как прежде, так и сейчас, помимо долбленных, среди посуды и утвари нередки предметы, сделанные из досок (рис. 18). К таким относятся: деревянные мерки для муки (тары, дежки для теста (рис. 18, а), бучила — «жлукты» (Курская обл.) для бучения хлеба (рис. 18, б), ушаты «боды» (с. Будинше), «ряжки» (дер. Неплюховка (рис. 18, в), доенки (рис. 18, г), корыта для стирки белья, яры для кормления скота, корыта у колодезь, бочонки (рис. 18, д), совки для насыпания зерна и муки, соковы, човны для муки и др.

Из досок изготавливали большие кадки для соли огурца, капусты и других овощей, ряжки или лосанки для яшек, доенки, ведра («цебер» — Акимовка), сундуки (ящики для хранения белья, закрома, коробы для муки и зерна (небольшого размера иногда употреблялись для яиц). Их заказывали местным мастерам или же покупали на базаре. Из дерева сделаны коромысла, «пращы» или вальки (Никитское, Веть, Старый Бузец), предназначенные для того, чтобы колотить белье, рубели и скалки для катания белья, толкушки, которыми толкали сало для борща, кочерги для загребания углей, толкучки для толчения пшена и зерна в ступке и т.д. Деревянные были также «коробы» или «коробели», которые использовались в прошлом вместо сундуков. Эти коробели делались овальной формы из тонких досок или коры (дуба). Сейчас они известны только по воспоминаниям.

Пшеницу готовили главным образом в обливной или не обливной глиняной посуде, купленной на местных базарах. Глиняную посуду лепили на гончарном круге горшечники Старого Оскола, Стрелецкой Слободы в Белгороде, с. Горшечное и в других местах. В горшках с высоким горлышком, называвшихся «кубань», «махотка», «ворчак», «кубышка», хранили молоко, а в горшках с широким горлышком варили пшеницу. Горшок с высоким гор-

лом и с ручкой назывался «кухлик», в нем пекли хлеб в поле, а также воду для питья. Горшки с низким горлом, но больших размеров — «макитры» (Будинше, Долженково) — употреблялись вместо дежки для теста. Были еще «черепушки» — глиняные миски для еды, жаровки для обжаривания картофеля в печке, которые сейчас уже вышли из употребления.

Широко бытовала и бытует до сих пор посуда и утварь из соломы и хвороста. Корзины, «коробки» или севалки, изготовленные из соломы и хвороста, встречаются повсеместно. Из соломы и хвороста сделаны «ячичники» в форме кувшина; в них складывают яйца и насыпают муку. Из соломы и хвороста (верхняя часть из соломы, а нижняя из хвороста) сплетены лукошки, в которых сажали на яйца гусей, а только из соломы плелись в Старом Меловом «кубары» — своеобразные гнезда для кур (рис. 19). Из соломы изготовлены также «обметалки» для обметания сажи в печных трубах.

В крестьянском доме можно увидеть соломенный сундук овальной формы — «лабонь» (Войсковая Казинка).

Корзины, или плетушки, из ивы (вербы, ветлы) разных размеров применялись и применяются при уборке картофеля, для сбора грибов и т.д.

В селениях, расположенных недалеко от выходов камня, находится в употреблении каменная посуда. Так, например, до сих пор крестьяне используют в каменные корыта воду для кур. В прошлом посуда из камня применялась, видимо, более широко, чем сейчас. Об этом свидетельствуют находки многочисленных осколков от этой посуды (дер. Войсковая Казинка и др.).

Все описанная выше посуда и утварь русского населения обследованных районов характерна также для большинства народов Восточной Европы; специфика проявляется здесь в связи соломенной посуды и утвари. Их терминология связывает население целого ряда районов с украинцами и белорусами («цебер» — ведро, «бодня» — ушат, «жлукта» — приспособление для перетягивания белья и холстов).

ОДЕЖДА

Большое место в работах Русской этнографической экспедиции занимало изучение одежды как современной, так и традиционной.

Изучение одежды населения обследованной территории позволяет в известной мере осветить историю его формирования. По собранному в 1954 г. материалу выделены типы мужского и женского костюма в целом, а также отдельные его части. Ниже мы будем рассматривать отдельные части одежды, поскольку так удобнее выделить ее местные особенности.

Женская одежда

Рубашка. Рубашка — основная часть женской одежды — в конце XIX и начале XX в. была нательной и в то же время выходной одеждой. Во второй половине XIX в., когда в народном быту распространяется вошение кофты, рубашка начинает использоваться как белье. Позднее нижняя рубашка нового покрова без рукавов вошла в состав комплексов одежды как с юбкой, так и с платьем. В комплексах же с поневою и сарафаном рубашка продолжала оставаться одновременно нательной и выходной одеждой. Поэтому сохранился в основном старый покрой рубашки; ее верхняя часть и рукава украшались затканными, вышивками, а также нашивками из покупного

материала. При ношении пояса украшался еще и подол рубашки. Рубашка, подпоясанная поясом, служила рабочей одеждой для женщин всех возрастов на покосе, во время жатвы, при выгове скота.

Материал, типы покрой и украшения рубах существенно изменились.

Во второй половине XIX в. стали делать рубахи не из

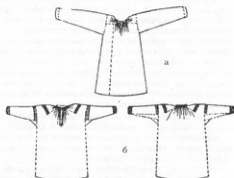

Рис. 20. Рубашки цельные
а — из дер. Большое Колечко Кромского р-на Орловской обл.; б — из с. Рябьково Дмитровского р-на Орловской обл.

домашней, а из покупной ткани. Рукава, верхняя часть рубахи, а в некоторых случаях и вся рубаха шились из покупного ситца, сатина, пике, миткаля, дешевой льняной ткани. Более широкое распространение это получило в тех местах, где развивалось отходничество, так как отходники возвращались домой с покупными тканями. Даже домашний холст стали ткать с хлопчатобумажной ниткой (в утке), так как при изготовлении домотканцы самым трудоемким процессом является прядение, которое можно сильно сокращать, частично заменяя спряденные лен и коноплю покупной хлопчатобумажной ниткой. До применения покупной хлопчатобумажной пряжи в тканье употреблялись лишь конопляные и льняные нитки. Конопляный «замашный» холст являлся основным материалом, из которого шились рубахи. На изученной территории очень редко верхняя часть рубахи делалась из льняного холста.

Рубашки конца XIX — начала XX в. делятся на две группы: «цельные», т.е. сшитые из длинного полотнища, идущего от ворота до подола, и «составные», сшитые из двух частей, верхней и нижней.

Цельные рубахи в XIX в. встречались в свадебных, похоронных обрядах, хранились как праздничные. Такими являются рубахи «на смерть» в Большом Колечье и в Рябькове¹ (рис. 20, а, б).

Нижняя часть составной рубахи по всей изученной территории называется «подставок» (селения Баннине, Лыгово, Старый Бузец, Акимовка, Никитское, Роговатое, Неплюевка); названия же верхней части разнообразны: «манишка» (с. Лыгово), «стан» (с. Никитское, дер. Ефросимовка), «грудь» (дер. Неплюевка), «грудка» (с.

Баннине), «нагрудник» (дер. Старый Бузец), «верхняя». Названия стан и манишка — южнорусские, остальные названия — локальные, неизвестные в нашей литературе.

По покрою женские рубахи разделяются на четыре группы: I — туникообразные рубахи, II — с полками, III — с блузками, IV — льняные.

I. *Туникообразная рубаха* состоит из куска ткани перегнутого по утку пополам и таким образом образующего центральные полотнища — переднее и заднее. К этим полотнищам по кромке пришито с обеих сторон по льняному полотнищу, перегнутому по основе; над боковыми полотнищами к центральному пришиваются рукава из льняных полотнищ. Такая рубаха зафиксирована в Неплюевке, в Кубани она встречается как часть старинной одежды. Встает вопрос, сохранилась ли эта рубаха древности, или в какое-то время произошло возрождение древней одежды. Наличие таких же старинных рубах в Калужской губ., а также у белорусов и литовских старообрядцев, говорит скорее о непрерывном бытовании, хотя, видимо, в XIX в. такие рубахи были мало распространены.

Разновидностью рубахи этой группы является туникообразная рубаха без рукавов. В такой рубахе полотнище перегнуто по утку, в полотнище вырезан ворот, а бокам его вставлено по клину. Покрой туникообразных рубах без рукавов близок к древней форме сарафана: к передникам — занавескам. Однако, несмотря на древность покрой, отмечено, что по всей территории эта рубаха появилась в связи с распространением кофты, когда не стали нужны рукава и когда рубахи стали только нательной одеждой. Тем не менее возможно, что старые формы одежды (покрой запона и сарафана) сыграли свою роль в образовании этой рубахи.

Собранный материал свидетельствует о бытовании женской туникообразной рубахи в южнорусской деревне. Тем самым опровергается высказывание Б. А. Куртина предположение об отсутствии этой рубахи в кутюме русских женщин². Туникообразные рубахи, общие с рубахами финнов Поволжья, существуют у русского народа с давних времен.

II. *Рубашки с полками.* По форме полков разделяются рубахи с прямыми или косыми полками; в способу пришива полков — рубахи с полками, пришитыми по основе или по утку. Разновидностью рубахи с полками, пришитыми на основе, является рубаха с «тапшами». В такой рубахе полки пришиты к основе полотнища, между полком и рукавом остается часть основного полотнища, называемая «ташкой».

Примером может служить рубаха Ерохиной С. А. (70 лет), сшитая лет 40 тому назад (с. Рябьково)³. Рубашка цельная, из четырех полотнищ холста, швы поперечные и по бокам, прямые полки пришиты по основе, рукава с двумя клиньями (сзади кулачный, спереди холщовый). На обшивке ворота вышивка, браная игол красной бумагой, при пришиве «вышивки» шнур, тканый «пальцы» (дерганный; на одной руке 3 ветли, на второй — 2). При пришиве — полоса, браная на двух досках. Узор — коски. При пришиве рукава — бранка на рукавах. Длина рубахи 111 см, длина рукава 39 см, тапки

¹ Архив ИЭЗ, оп. 231, полотно лент № 116, 356.

² Б. А. Куртин. Материальная культура русской Мещеры. — «Труды Государственного музея Центр. провинц. обл.», вып. 3, М., 1926, стр. 23.

³ Архив ИЭЗ, оп. 231, полотно лент № 116.

8 см, затканка шириной 6 см, длина полка 15 см. Ероша бережет эту рубашу на смерть. Примером рубашки с прямыми полками, пришитыми по утку, может служить рубашка П. Д. Плотниковой (70 лет) из с. Роговатое (рис. 21, а) с прямыми полками, пришитыми по утку, с плуторным рукавом¹, вышью в сборку на обшивке. Длина 129 см с подставком (длина 55 см). Обшивка ворота — «передия», браная. Браный узор идет вдоль разреза

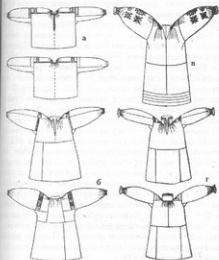

Рис. 21. Рубашка с прямыми полками, пришитыми по утку

а — из с. Роговатое Шаталовского р-на Белгородской обл.; б — из с. Будинце Болыше-Солдатского р-на Курской обл.; в — из с. Спасское-Лутовиново Хотинского р-на Орловской обл.; г — из с. Кисляково Задонского р-на Липецкой обл.

и груди. При пришиве рукава к полотнищу «хверботка» — прошивка, плетенная «клепушками» (на кодушке 40 пар клепушек), узор «у рейей». Верхняя часть рукава «стан». Нижняя часть рукава «подставка». Обшивка рукава «вышивка». Рукав забран красной и черной бумагой, узор «ромбы». Подол «красный», бран в 3 нитки «оволошками», по краю обметан красной бумагой. При пришиве полки к основному полотнищу «свозка» — соединительный шов, выполненный красной бумагой. Бранье красной или черной бумагой вообще очень широко распространено.

Приведем в качестве другого примера описание рубашки Е. Глушаковой (56 лет) из дер. Кубань². «Глушакова из поневах не ходила, был достаток чтобы кушать юбку. С рубашкой и юбкой носила миткалевый фартук по поясу». Рубашка сшита лет 40 тому назад. «Верхник» из миткаля длиной 54 см, «нижник» из замшистого холста длиной 66 см, полки прямые, пришиты по утку. Рукав прямой, внизу заложил складочками, на них нашит «шлаг» —

полоса покупной тесьмы. Рукав заканчивается «брыжками» — оборкой из такой же тесьмы и покупным кружевом, плетеным вручную (чисменное) из красных и белых ниток. Откладной воротник — «передия» — обшит белыми покупными кружевами, а по самому воротнику наложена шерстяная «виллошка» малинового цвета. Глушакова сообщила, что такие рубашки с откладным воротником носили с юбкой и поневою. Сейчас встречаются замашные будничные рубашки с прямыми полками, пришитыми по основе. Говорят, что и в старину были будничные рубашки подобного покрова.

В дер. Будинце 40 лет назад А. И. Мироненко (60 лет) выткала материал и сшила из него рубашку с прямыми полками, пришитыми по утку, со вставленной полосой закладной техники — «тканкой»³. Рукав в полтора полотнища на узкой обшивке — «чешольчике клетчатом». Воротник — «передия» — откладной с двумя петлями «петельчанин» для заправки. Сверху рубашки на пол-полотнища — «станочка» — затканки поперечные красные полосы (пропуск красных ниток в утке). Верхняя часть рубашки — «станочек» — льняной, нижняя часть — «подставка» — замшиный. Ластовица четырехугольная. Носили также рубашки с «водносками», т.е. большими клиновыми, вставленными в рукава. Рукав у таких рубашек был постепенно суживающимся. Старушки еще недавно носили эти рубашки, а раньше их надевали и молодые. «Подноски», т.е. клины, молодые женщины и девушки «подкладывали из кумача». Брызжки надевались отдельно, делались они из бумажки, сатина, шелка зеленого и красного цветов. Шелковые брызжки были праздничными. Аналогичные рубашки встречались нами в Спасском-Лутовинове и Кисляове (рис. 21, б, в, г).

Рубаша с прямыми полками, пришитыми по утку, была широко распространена у разных групп населения, но значение ее было различно. В одних местах она является единственно известной формой (у населения Нендоевки, Акимовки, а также у крестьян четвертого права в Будинце, Долженкове, Никитском); в других же местах — новой формой, заменяющей предшествующие ей рубашки с прямым полком, пришитым по основе (Спасское-Лутовиново, Будинце) и ношение ее связано с появлением льняных сарафанов.

Рубашка с прямыми полками, пришитыми по основе (рис. 22), по форме полков является общей с рубашкой с прямыми полками, пришитыми по утку, а по способу пришивания — с рубашкой, имеющей косые полки. Ворот рубашки собирается, рукав в старых формах — клинчатый, в новых формах — пышный. Б. А. Кухтин называет эту рубашку жюжнорусским подтипом или украинской. Жители дер. Долженково (Курская обл.) отмечают различия в этой рубашке с украинской, заключающиеся в том, что у русской рубашки ворот более узкий и облетает шею, а у украинцев остаются обнаженными плечи. Рубашка этого типа известна у русских крестьян в Калужской, Орловской, Курской губерниях, в восточной части Смоленской губ., в Шацком и Спасском уездах Тамбовской губ. В некоторых местах рубаха с прямыми полками, пришитыми по основе, является упрощенным видом рубашки с косыми полками (с. Буто Тамбовской губ.), но в ряде мест изученной территория она

¹ Там же, полковая записки № 3736.

² Архив ИЭО, оп. 251, полковая записка № 1536.

³ Там же, полковая записка № 2926.

⁴ Там же, полковая записка № 126.

представляет собой единственно известную форму.

Образцом такой рубашки может служить рубашка Наталии Костяковой (80 лет) из с. Работьково¹. Рубашку сплела сестра Наталии, будучи еще девушкой. «Брат работал в Питере, дал ей денег, она купила льняное полотно по 10 копеек за аршин и сплела рубашку». Материал, из которого сплела рубашка, называется «дранковым», тон выткан из очесок льна (дешевое полотно). Носила эту рубашку мать Наталии, носила и сама Наталия, ходила в ней на богомолье в Киев. После этого хождения рубаш-

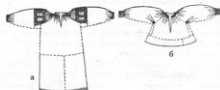

Рис. 22. Типы женских рубашек

а — с прямыми полками пришитыми по основе из дер. Старый Бузец Михайловского р-на Курской обл.; б — рубашка с рукавами, пришитыми к основному полотнищу; с — из Никольское Троснянского р-на Орловской обл.

ка осталась у нее. Бережет ее как память о матери. Рубашка называется «с долгими рукавами, широкими полками». Это самый старый покрой рубашки с прямыми полками, пришитыми по основе в разрез полотнища. Здесь ее называют рубашкой с «ташками». Подол рубашки был заткан красным, но Костякова недавно его сплела. Рубашка цельная, длина ее 118 см., ширина 74х2. На рубашку пошло два полотнища покупной материи. Длина рукава 71 см, рукав постепенно суживается до 10 см. В рукав вставлены сверху по ширине в 20 см два клина: один, сзади, кумачовый, длиной 31 см, шириной 12 см, и холщовый, шириной 10 см, длиной 15 см. Разрез по груди 24 см, обметан красной бумажной петлей и вышит двухсторонней строчкой. Обшивка ворота «вошника» вышита красной бумажной, бранье в семь шпек, узор «уголки». Ворот завязывается двумя плетеными шнурочками. На месте пришива рукава и «полки» обметка красной бумажной. Вышивка выполнена красной и черной бумажной крестом, узор «листки». Н. Костякова бережет рубашку на смерть.

Рубашка с цельными рукавами, пришитыми по основе, на изученной территории в ряде мест является сравнительно новой формой, связанной с покупными материалами и льняными сарафанами. Образцом такой рубашки может служить рубашка Бармашовой (60 лет) из с. Никольского (рис. 22, б)².

В дер. Старый Бузец найдена рубашка с особенностями покрова, которые могут считаться пережитками покрова рубашки с прямыми полками. Эта рубашка состоит из двух частей (рис. 22, а)³. Верхняя часть — «нагрудник» — сшита из миткаля, нижняя — «подставка» из трех

полотнищ домашнего замашного холста. Полик называется «ташкой», сделан он из кумача и пришит к основе. Ташки браны красной бумажной. Рукав широк, пришит к полику. На каждом рукаве имеется вышивка, как бы отделяющая полик. Внизу рукав собран и ушит оборкой. Ластовица четырехугольная, подол из красных полосами на двух подножках⁴.

В Старом Бузце отмечена еще одна рубашка домашнего покрова. Это — рубашка М. Т. Илюной (47 л). Рукав рубашки пришит к вороту в сборку, на него на белая белая прошивка на розовой подкладке, которая бы выделяет «ташку» от рукава. «Нагрудник» — из каленной, «подставка» — из четырех полотнищ замашного холста. Рубашка сшита 20 лет тому назад⁵. Такие рубашки встречены в с. Будинце⁶.

Рубашка с косыми полками. Полик кроится трапециевидным. Рукав пришивается к основанию рубашки или непосредственно к полику. В ранних рубашках рукав с клином, постепенно сужающимся, в более новых — в сборку внизу, на узкой шивке. По воспоминаниям крестьян, рубашка с косыми полками была известна у саянов. Ее распространение захватывало северо-восточную часть Курской обл. Коллекция Государственного музея этнографии с рубашки из дер. Ясеновки). Рубашка с косыми полками была широко распространена в бассейне Оки, в Рязанской, Калужской, Тамбовской губерниях. В Пензенской, Воронежской и Саратовской губерниях она попадала в XVI — XVII вв. Наличие рубашки с косыми полками на Орловско-Курской территории, в местах, оторванных с XV в. от Рязанского княжества Польско-Литовским государством, указывает на существование ее до разрыва, т.е. уже в XIV в.

III. Рубашка на кокетке. Рубашка на кокетке вышита с рукавами и без рукавов. Образцом для нее послужил фасон платья с блузкой. В дер. Акимовка рубашка Ф. И. Фоминной⁷ состоит из миткального «станка» и верхней части, «подставка» из двух полотнищ холста шириной 66 см, длиной 102 см и блузки. Длина блузки спереди и сзади 110 см. «Станок» пришит к блузке в родках. Рукав постепенно суживается, по его краю вышивка крестом красной и черной бумажной и русские белые кружева. Ластовка четырехугольная, миткальная. Разрез на груди — «пазуха» и планка по воротнику шириной в 1 см, вышиты красной и черной бумажной. Рукав пришит к груднице немного в сборку. Ф. И. Фоминна венчалась в этой рубашке и бережет ее на смерть.

Рубашка с блузкой как новый тип известна по изученной территории, а также у русских соседних областей, у белоруков и в Прибалтике.

IV. Рубашка с ляжками. Ляжочная рубашка шита из двух немного скошенных полотнищ, которые соединены ляжками. Б. А. Куфтин называет эту рубашку еще носавлянской или западноевропейской⁸.

В русской деревне рубашка с ляжками распространена из города в конце XIX в. вместе с платьями, по-

¹ Архив ИЭ, оп. 251, полковая запись № 596.

² Там же, полковая запись № 2196.

³ Там же, полковая запись № 2116.

⁴ Там же, полковая запись № 2116.

⁵ Архив ИЭ, оп. 251, полковая запись № 1706.

⁶ В. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 25.

которые она надевалась. Как старая форма рубаха эта в древние неизвестна. Г. С. Маслова связывает ее появление с процессом инвентаризации национальных форм, происходящим в эпоху капитализма¹.

Выводы

1. Туникообразная рубаха как древняя форма, обща с рубахой финнов Поволжья и эстонцев, не распространена широко, но непрерывно бытует на изучаемой территории с древних времен в качестве одной из частей старшей одежды.

2. Рубашку с рукавами, пришитыми к вороту, так же, как и рубашку с блузкой, можно считать позднейшими формами этого вида одежды.

3. Рубашка с прямыми поликами, пришитыми по основе, и рубашка с косыми поликами, возможно, являются вариантами одного типа и, безусловно, родственны между собой.

4. Рубашка с прямыми поликами, пришитыми по утку, обнаруженная в Акимовке, Неплюевке, Роговато, встречается также у украинцев, но на изученной нами территории у крестьян четвертного права рубаха такого же покрова связана с кососкладными сарафанами и говорит о близости этой группы населения к средним великороссам и северным великороссам.

5. Рубашка с поликами, пришитыми по основе, встречается как в западной части изученной территории (где она является древнейшим типом рубахи), так и на Черниговщине.

6. Рубашка с косыми поликами связывает восточную часть изученной территории с восточными областями бассейна Оки.

Понева. Понева — набедренная одежда, надеваемая непосредственно на рубаху. На изученной территории этот термин относится и к некоторой домотканой материи. Так, например, в дер. Большое Колчево всякую клетчатую домотканую, которую продавали на базарах, называли «понева».

Понева была женской одеждой, девушки ходили в одних рубахах, позднее — в сарафанах или домотканых юбках, в них же венчались. Надевали поневу после венча одновременно с женским головным убором (Кубль, Старый Бузуг)². В с. Льгово поневу обычно надевали после «княжеского обеда». Иногда поневу надевали на молодую на второй день после свадьбы сестры или свекрови (когда шли поднимать молодых), за это молодая подносила им водку.

70-летняя М. Андрианова рассказывала, что надевала поневу сама, а раньше поневу на молодую надевала свекра, причем молодая прыгала по лавке, а свекра приговаривала: «принь, прынь, дитятко, в вечный хомут». Как пережиток остался обычай надевать поневу молодым женщинам на весенние праздники — на Троицу, Вознесение, на проводы кукушки (с. Никитское) и на свадьбы (с. Льгово)³. Женщины старше 40 лет и сейчас ходят в поневах, донашивая запасы.

Понева обследованной территории по покрою разделяется на две группы: понева-«плахта» и собственно понева-«трехполка».

Понева-«плахта» состоит из двух полотнищ шерстяной домотканной (длинной до 1,10 м), сшитых до пояса и надеваемых сшитую частью назад. Несшитые концы полотнищ подтыкались спереди так, что концы болтались. Завязок понева-«плахта» не имела, она укреплялась на талии широким поясом, плетеным из красной шерсти.

Воспоминания о поневах-«плахтах» сохранились в деревнях Акимовка и Неплюевка среди крестьянок 70 — 80 лет, бабушки которых носили эти поневы (Е. К. Ломонова 85 лет в Акимовке, Е. Т. Золотых 75 лет, Гаяна Баева 85 лет в Неплюевке и др.)⁴. У Гаяны Баевой в дер. Неплюевке имеется коврик, сделанный из понева, которую носила ее бабушка (рис. 23). Коврик сделан из полутора полотнищ домотканой шерстяной материи красного цвета, длина 158 см, ширина одного полотнища 41 см и полуполотнища — 20 см. Клетка ткани образована следующим образом: в основе взяты красные нитки на протяжении 6 см, далее 12 зеленых, 4 лиловых, 4 синих, 4 белых, 4 черных, 4 красных, 4 синих, 4 красных, 4 белых, 4 синих, 4 желтых, 12 зеленых и потом опять красные нитки на протяжении 6 см. Уток красный на протяжении 5 см, а потом следует набор ниток в том же порядке, как в основе, только вместо четырех ниток — по три нитки. При ткачестве получился узор в виде красного квадрата посередине и зеленых квадратов по его углам. Между квадратами полосы полутонов, образованные благодаря тому, что основа взята одного цвета, а уток другого цвета.

Все поневы красные, разница между ними заключалась в подборе ниток в клетки. По сведениям Ломоновой, поневы в Неплюевке были клетчатые с «зубчатиком», выбранными на досках, а также и шелковые, браные шелковыми нитками. Бабушка Ломонова была взята замуж из соседней дер. Анатольевки (украинская деревня), свекор ей подарил браную шелковую поневу. Однако поневы-«плахты» носили не только женщины родом из украинских деревень. Поневы-«плахты» известны в б. Трубчевском у. Орловской губ. (Рябчевск, Уты, Любичи, Орельск)⁵, в деревнях Нетино, Невдала, Какушино и в б. Севском у. (деревни Логаревка, Бобрик, Бересток)⁶, а также в Черниговщине. Таким образом, этот тип поневы, захватывающий самую западную часть изученной территории, связывает ее с Днепровским бассейном и правобережьем Десны.

Понева-«трехполка» состоит из трех полотнищ домотканой шерстяной клетчатой материи, собранной сверху на шнур — «гашник» (с. Льгово), «гашень» (дер. Старый Бузуг), «гашень» (с. Роговато), «уцукур» (с. Никитское). Шнуром понева стягивается и укреплается на талии. В простом виде такая понева является распашной, она закрывает только часть туловища.

Примером такой поневы может служить понева А. И. Ланиной 35 лет из дер. Старый Бузуг⁷. Эта понева «О 17 кругах», сшита из «трех полок» шерстяной черной домотканной «волосины». Домотканная «ширококлещевая», наткана в утке красными широкими полосами с

¹ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX и начале XX в. — «Восточнославянский этнографический сборник», М., 1956, стр. 612.

² Архив ИЭО, оп. 251, полковая запись № 2156, 1495.

³ Там же, полковая запись № 876.

⁴ Там же, полковая запись № 1256.

⁵ Там же, полковые записи № 1726, 3296, 3306.

⁶ Н. И. Лебедев. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927, стр. 41—45.

⁷ ИЭО. Материалы, собранные Савицким.

⁸ Архив ИЭО, оп. 251, полковая запись № 214.

желтыми «перетыками», выполненными закладной техникой, узор «лапочки». Вязерка на шнуре — «агаши» — из замашных ниток, плетенных в три пряди (в каждой пряди по три нитки). На заднем полотнище вышит красным гарусом узор «голови» и насажены блестики. Шов вышивки — гладь (рис. 23). Вдоль поны — вышивки браньем с поворотом разноцветной шленкой (узор «углы»). Между средним и левым полотнищами вставлена полоса красного шелка — «штоховое бедро», с другой стороны между правым и средним полотнищами — короткая полоса кумача — «кумачное бедро». На подоле пона из позумента. Ткала эту пошеву бабушка Лавина. Лавина носила ее на покое «укорого» по годовым праздникам Великдень и Троицу. Поневу носили «кульком», т.е. подтыкая переднее полотнище сзади за пона, а поэтому на правой стороне узор делали наизнанку. На подолах будничных понов бывали пона, тканые «косариком» (на ниточках), узор «челюки» и «барабашки». Основой для таких понов служила замашная и красная шерсть.

Понева «трехполка» известна во Льгове, в Кубани и Работковке¹. Понева Качевой (39 лет) во Льгове² состоит из трех полотнищ синей клетчатой материи — «волосени». Одно полотнище носится сзади, второе сбоку, третье спереди, сходятся полотнища слева неспитыми. Понева на вязерке — «агаши», плетеном в три пряди из шерстяных красных и черных крашеных и некрашеных серых ниток. Понева украшается вдоль шнива двух полотнищ соединительным швом («столбец») и вышивкой разноцветной шерстью и шелком (вышивка называется «решеточки»). Рядом с ними вышивка гладью, узор «крути». Далее идет полоса красного сукна или шелка. При шниве бокового полотнища с передним идет вышивка на 20 см, внизу по подолу тоже вышивка. У первого полотнища и вдоль распах вышивка с изнанки, на втором боковом полотнище вышивка и с изнанки, и с лица. Понева носится подоткнутой. Правая пола поднимается углом до пона, левая на треть складывается и укрепляется при помощи крючка или английской булавки. При шниве правой полосы с средней вышивается холщовый карман («у мужика деньги воровать, подсолнухи шелкать»). «Горячая понева» (траурная) украшается скромнее. На этой пошеве нет аппликаций красной материи, но соединительный шов («столбец») сохраняется так же, как и «решетка». По подолу вышиваются крестом «шашечки» шленкой. У старушечей праздничной пошевы вышиваются крестом «лапочки» и сохраняется «столбец». По бедному пошеву вышивали красной домашней шерстью. Этими пошевами «гребовали» (брезговали), называя их «облизанные». Лет пять тому назад большинство женщин бросило носить пошевы. Старые еще носят пошевы и зашивают в них себя похоронить. Молодые в них «рядятся» только на свадьбах.

Другая понева, Демкиной (68 лет) из с. Кубани³, сшита из синей домотканой клетчатой материи в три полы: носили ее кульком, «обкладывая» кругом пояском, тканым «кордиком» (на ниточке). Украшалась понева выложенными кругами (меандр) и «лапочками» из полос красной и белой хлопчатобумажной ткани. В настоящий мо-

мент никто таких понов не носит; их носили 20 — 25 лет тому назад.

Более развитой формой пошевы, чем трехполка, на изученной территории является пошева с прошвой и пошева с прошвой и бедром. Прошва — это четвертое полотнище, которое шивалось кроме основных клетчатых трех полотнищ. Прошва встречается шерстяная, из во-

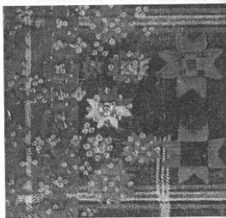

Рис. 23.
Поневая ткань из дер. Старый Бузук
Михайловского р-на Курской обл.

Рис. 24.
Поневая ткань из с. Роговатое
Шаталовского р-на Белгородской обл.

лосени черного цвета, из покупной нитки (Прудиче, Спеское-Лутованово) или из кумача. Поневу надевали так, что спереди или на одном боку находилась прошва.

¹ Там же, полевая запись № 136, 146, 149Б.

² Там же, полевая запись № 856.

³ Там же, полевая запись № 149Б.

⁴ Архив ИД, ин. 251, полевая запись № 46.

Поневу с прошвой носила, например, М. Кириллова (73 г.)¹. Понева сшита из трех полотнищ темно-синей, почти черной, ткани в клетку. Клетка образована четырьмя красными, четырьмя белыми, двумя черными, двумя красными, четырьмя желтыми, двумя красными, двумя черными, четырьмя белыми, четырьмя красными нитками в основе и утке. Прошва из темно-синего холста. На поеву нашиты полосы красной шелковой и черной шерстяной ленты. При шитье полотнища поевы идут полоса кумача 5 см шириной. Подол на протяжении 30 см выложен красной шерстяной материей, по ней в два ряда желтая шелковая лента, две плетенки из серебряной и золотой ниток, окаймленных черной тесьмой; крутом по подолу пришит тканый на ниточке пояс.

Понева с бедром и прошвой встречена в с. Никитском² у П. И. Земляной (62 г.). Сделана поева 40 лет тому назад, обошлось ей в 10 рублей: «дорог материал, который на ней нашит». Сшила ее П. И. Земляная еще «в девках». Вечалась в сарафане, поеву же надевала после свадьбы. В первые годы замужества носила эту поеву по праздникам весной и летом: на Пасху и Троицу, когда ходила «танки» водить (хороводы).

Понева сшита из трех полотнищ черной дотканщины — «волосени» — в клетку размером 9х10 см. При образовании клетки в основе: 2 белых, 2 черных, 2 красных, 2 желтых, 2 красных, 2 белых, 2 черных, 2 белых нитки, в утке: 2 красных, 2 черных, 2 белых, 2 красных, 2 желтых, 2 красных, 2 белых, 2 красных и 2 белых нитки. Две полосы дотканщины приходятся сзади, одна спереди. Ширина полотнища 45 см, длина 88 см. Переднее полотнище на 35 см сверху надставлено черной волосенью. Переднее полотнище выложено долевыми полосами красного кашемира (4 полосы по 7 см шириной и 54 см длиной). По краям — по полосе красного кашемира шириной 7, 5 см (полосы заходят на прошву и на бедро). По подолу — полоса зеленого кашемира 4,5 см шириной, красного — 5 см, синего позумента с золотом — 4 см, полоса черного бархата, а по ней две серебряные плетенки. Подол оторочен полосой кумача в 0,5 см. Заднее полотнище выложено лентами, которые расположены углами, полосами бархата, квадратами, разделенными крестом на четыре части (внутри каждого квадрата полоса позумента — меандром). С левого бока нашита прошва — полоса кашемира шириной 60 см, окаймленная цветастой шарпой по 4 см с каждой стороны. Под прошвой подкладка из ситца в мелкую розовую полоску. С правой стороны пришито бедро. Оно состоит из полосы красного «штофа» шириной 15 см, длиной 70 см. По обеим сторонам бедра зеленая, красная и голубая ленты с цветами, шириной по 4,5 см. Подкладка под бедром из красного ситца в клетку. «Ведерка» — шпур, плетеный из красной шерсти. Понева носится алысированной. Эта поева называется «добрая — с зрювями», т.е. с узором «меандра». Есть поевы без «меандра», просто с квадратами, сделанными из треугольников разных цветов. Будничные поевы были без

лент и позумента, но обязательно с прошвой и бедром. Фарук с поевой не носила. Подписывалась поева широким поясом, концы которого закладывались спереди.

Материал поевы всегда шерстяной, вытканый на двух подложках. Певы встречались синие клетчатые, черные клетчатые и, кроме того, красные и черные бравые. Черные и красные поевы из материала, окрашенного местными растительными красками, являются более старинными, чем синие. Для крашения ткани в синий цвет употреблялась краска индиго, известная в Индии в I в. н.э., которая на нашей территории, вероятно, распространилась в связи с торговлей по Волге.

Своеобразной группой среди поев с прошвой являются поевы, бравые по черной шерстяной ткани «волосени» или по красной клетчатой ткани на двух подложках. Бравые узоры этих поев выполнялись иглой на стене во время таяния или после его окончания в пальцах.

Бравая по полотну поева имеется у М. К. Сериковой (80 лет) из с. Роговатое³ (рис. 24). Серикова прала нитки для поевы и ткала ее еще «в девках». Понева эта праздничная, носила ее по годовым праздникам. Стоит из четырех полотнищ волосени, три полотнища забраны руками красной и зеленой шлевкой. Узор «круги». Край каждого полотнища забраны шлевкой. Образцом бравой красной поевы является поева «красно-полка» П. А. Плотицкой (70 лет) из того же села⁴. Понева надевается прошвой на левый бок, при этом ее «подтыкают», т.е. поднимают переднее полотнище и часть бокового на «гачень» («гачень» — суконная вздержка, плетенная из пяти прядей черных шерстяных ниток), сзади получается, таким образом, кулек — «калошница». Опустив полотнища, поевы носят в тех случаях, когда идут в город (рис. 25). В Роговатое и в настоящее время еще можно встретить женщин старше 35 лет, одетых в поевы, но постепенно их перестают носить.

6. Роговатое дает большое разнообразие поев по узорам; различают не менее пяти разновидностей: 1) «го-локлетка» — праздничная поева с девятью белыми полосами по краям каждого полотнища⁵, в середине белые клетки; 2) «посигушка»⁶ — ткань «десятью», т.е. в 10 пасм; 3) поева «краснополоска»⁷; 4) поева «в дурочку»⁸ — три полотнища с узорами, одно полотнище — прошва из черной волосени; 5) поева «старушья в полоску» — из трех полотнищ ткани с черной прошвой из волосени⁹.

Бравые поевы игло¹⁰ очень характерно для Лыгова и Старого Буца, но самые развитые формы они получило в с. Роговатое. Бравые иглой можно считать прототипом тканья плахт на «куколках», известного на Украине. Сами поевы с Роговатого по своей форме близки к синим клетчатым поевам, но по расцветке очень своеобразны. По способу вышивания, по размещению узоров, наличию боковых полос на полотнищах поевы эти близки к украиновским плахтам.

Рассмотрев все поевы, мы можем разделить территорию их распространения на три района: 1 — окский, с двумя подтипами поевы — с прошвой и без прошвы;

¹ Там же, вышивочный ленточный № 1265, 1256.

² Архан. ИДЗ, см. 251, вышивочный ленточный № 3776.

³ Там же, вышивочный ленточный № 3756.

⁴ Там же, вышивочный ленточный № 3786.

⁵ Там же, вышивочный ленточный № 3796.

⁶ Там же, вышивочный ленточный № 3806.

⁷ Там же, вышивочный ленточный № 3816.

⁸ Там же, вышивочный ленточный № 3826.

2 — западный, днепровский, характеризуемый поневами-плахтами и 3 — донской, со своеобразными красными бранями поневами. Понева является очень древней одеждой, и территория распространения разных видов понев частично совпадает с территорией расселения летописных славянских племен.

Сарафан. Сарафан — домашняя женская одежда. На изученной территории известны сарафаны разных покровов, сшитые из различных сортов домотканной (сукна — валяной шерстяной ткани и волосени, шерстяной материи, тканой на двух подложках из ниток, пряденных на гребне) и покупной ткани (начиная от ситца и кончая шелковым штофом). Сарафан имеет разные названия и является одеждой разных возрастных и социальных групп. По покрою встречены сарафаны косоклинные, с лифом («с лихвой») и прямые.

Косоклинные сарафаны (рис. 27) встречены туинко-

Рис. 25. Крестьянки в поневах, одетых разными способами (с. Роговское Шаталовского р-на Белгородской обл.)

образные и с ламками. Образцом туинкообразного сарафана может служить обнаруженный экспедицией девичий сарафан в Заречье — части с. Лывова¹. Сарафан только скроен, но не сшит. Он состоит из одного полотнища белой шерстяной ткани (основа и уток — шерсть), перегнутого по утку, на месте перегиба сделан вырез для головы, по бокам вставлено по два клина. Каждая пара клиньев выкроена из одного полотнища наискось, причем клинья на 20 см короче всей длины сарафана с тем расчетом, чтобы, когда клинья пришьют наравне с подолом основного полотнища, сверху оставалось бы место для рук.

Такого же покрова девичий сарафан бытовал и с. Роговатом. Шился он из двух полотнищ волосени: одно перегибалось пополам по утку, а второе разрезалось на четыре клина. По два клина пришивались к каждому боку. Сарафанчик обшивался зубчиками и плетенью. На перед нашивался чехол из шленки с золотом. По подолу нашивался зеленый поясик².

Близкие к ним черные или красные сарафаны под названием «сукна» были известны в с. Баннище³ у замужних женщин. Там у Н. П. Синицовой (60 лет) была

сукня, которую она носила по праздникам, тогда как в будни ходила в поневе. Аналогичные сарафаны в б. Динковском уезде Рязанской губ. (коллекция ГМЭ). Более распространенным является сарафан с ламками.

Один из таких сарафанов зафиксирован в с. Будине у Бельской (60 лет)⁴. Сарафан этот имеет спереди одно прямое полотнище и два клина (сбоку), сзади — два полотнища и по бокам — по одному трапециевидному клину. От каждого из трапециевидных клиньев отрезан маленький «подклиньчик» и вставлен между задними и передними клиньями. Сарафан сшит из черной волосени, выложен парчой в два ряда и золотым шнуром (черный парчовый шнур обмотан золотой ниткой). «Мышки» — ламки выкроены из цельного полотнища, и сзади они соединены вместе, спереди же расходятся в разные стороны. По подолу — красная шерстяная тесьма, плетеная на 12 «катушках» — палочках. На палочки наматываются разные

Рис. 26. Юбки дмотканые а, б — из дер. Ефросимовка Слободянского р-на Курской обл.; в — из с. Кисково Задонского р-на Липецкой обл.

ветные нитки и разделяются на две группы — верхние и нижние. Две крайние нитки служат утком, их пропускают до середины. Этот тип плетения является видоизменением известного в литературе плетения на «вилочке»⁵.

Того же типа праздничный «воскресный» сарафан П. И. Земляной (62 г.) из с. Никитское⁶ (рис. 27, б). Сарафан сшит лет 40 тому назад из двух полотнищ черной волосени, длина каждого полотнища 108 см, ширина 66 см, по бокам по два клина длиной 85 см, шириной внизу 42 см, сверху 4 см. Боковые клинья образованы от разрезанного наискось одного полотнища. Ламки скроены вместе

¹ Архив ИЭЗ, оп. 251, полковая запись № 886.

² Архив ИЭЗ, оп. 251, полковая запись № 3846.

³ Там же, полковая запись № 2096.

⁴ Архив ИЭЗ, оп. 251, полковая запись № 2966.

⁵ Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян. «Восточно-славянский этнографический сборник». М., стр. 501—502.

⁶ Архив ИЭЗ, оп. 251, полковая запись № 1246.

те с задним полотнищем, вытожены красными бейками. Грудь выложена красными бейками, серым полуэзентом

Рис. 27. Типы сарафанов
а — сарафан «пубка» (с. Будинце Большое-Солдатского р-на Курской обл.); б — праздничный (с. Никитское Борисовского р-на Белгородской обл.); в — сарафан «азнатка» (с. Никитское Борисовского р-на Белгородской обл.)

а зеленого бейкой. По разрезу на груди нашита бейка из зеленого бархата. По подолу — полоса черного бархата (16 см шириной), на бархат нашиты кружева (0,6 см), острый «плетенок» (0,3 см), полоса красного кашемира (0,3 см), зеленого (0,3 см). Над ним полоса полуэзента, шириной 4,5 см, полоса красного кашемира 4,5 см, зеленая с цветами лента 4,5 см, полоса лилового бархата, шириной в 1 см, обсаженная блестками и окаймленная серебряной плетенкой 0,3 см шириной, шелковая малинового цвета лента с цветами, шириной 4,5 см, серебряные кружева 1 см шириной с красной кашемировой бейкой. Сарафан плиссированный. Носили такой сарафан девушки и женщины круглый год (рис. 26, 6).

Сарафаны с лямками известны как девичья одежда и одежда замужних женщин крестьян четвертого права (в Будинце, Долженкове, в Белом, Никитском, в Большом и Малом Солдатском), а также как девичьи сарафаны у сизов (дер. Мошенка). Красные сарафаны с лямками бытовали под названием «сукня» у женщин всех возра-

стных групп дер. Неплюевки. Сукнями они назывались потому, что были сшиты из сукна — шерстяной материя, тканной на двух подложках, и затем валиной. Сукни носят в Долженкове и Будинце, носили их зимой.

Косовлиный сарафан с лямками, сшитый из парчи или атласа, назывался шубкой. В Будинце и Долженкове шубки носили богатые, а бедные ограничивались сарафанами из сукна и волосени. Сарафан из шени был известен под термином «шутай» (с. Никольское).

Сведения о сарафане с лифом из домашней ткани получены в дер. Слобода (в прошлом однодворческой)¹. Такой сарафан принадлежал свекрови одной из женщин (1894 год рожд.). Сарафан имел лиф (длиной 4 см, шириной 20 см) на подкладке из холста. Спереди лиф застегивался на две пуговицы, по талии к лифу была пришита юбка из четырех полотнищ и завязки. Шерстяной красный в черную мелкую клетку материал для сарафана ткали на пяти подложках. Этот тип сарафана характерен для однодворческих селений второй засечной черты. Ситневые сарафаны «с лихвой» были в с. Работьково (село состоит из однодворцев и помещичьих крестьян)².

Прямые сарафаны шились из пяти-шести полотнищ покупного материала (чаще всего из ситца), с лямками. Встречались прямые сарафаны в двух разновидностях: или с грудничкой спереди (Акимовка, Лыгово) или со спинкой сзади (Спаское-Лутовиново). Праздничный сарафан прямого покроя носила и носит сейчас, например, в с. Никольском А. Бармашова (60 лет). Называется он «азнатка» и сшит из шести полотнищ красного ситца, спереди обшивка шириной 10 см, сзади 15 см. По этим полосам кумача вложен бархат шириной 7 см. По нему — три ряда серебряного шпура, между которыми «черный шпур с блестками». Спереди «плисс» — бархат полосой шириной в 5 см, по нему в три ряда серебряный шпур. Проймы из плисса «прошита», по ним темная тесьма с блестками. По подолу ряд украшений из ленты, кружева и оборочки (рис. 27, в).

Прямые сарафаны известны были во Льгове, где их носили одновременно с поневями. «У кого мужья работали на шахтах или кто сам работал у помещиков, у тех были сарафаны»³.

В с. Кубань сарафаны прямого покроя появились лет 50 тому назад у девушек. Их носили по праздникам, в них и венчались. После свадьбы на молодую обязательно надевали поеву. Мать А. К. Демкиной (68 лет) имела один сарафан для трех дочерей, девушки носили его по очереди, в нем все три и перебрались.

Прямые сарафаны из покупного материала в Будинце и Долженкове назывались саянками, в с. Никитском — «саяничками», в дер. Большое Колчево — «саявками», в дер. Морозини и селах Никольское и Банище — «азнатками» или «азнатками». В Будинце прямые сарафаны плетировали следующим образом: складывали складочками, на них клали ковригу хлеба, только что вынутую из печи.

В с. Никитском девушки носили сарафаны прямого покроя только до 15 лет. Потом им обязательно шили широкие черные шерстяные сарафаны. В Большом Колчеве в таких сарафанах старообрядцы ходили в моделе-

¹ Архив ИД, см. 251, Волжские записки № 1156.

² Там же, Волжские записки № 156.

³ Там же, Волжские записки № 695, 616.

ню. В Никольском женщины старше 30 лет такие сарафаны носят и сейчас.

Юбка. Юбка — набедренная одежда, состоящая из нескольких полотнищ (четыре-пять) домашнего или покупного материала, собранных сверху в сборку на узкой обшивке. Юбка из покупного материала во второй половине XIX в. постепенно вытесняет поеву и сарафан. Юбка из домашнего долгое время являлась основной одеждой некоторых групп крестьян, в XIX в. кое-где она также вытесняла поеву и сарафан. Приведем домотканую юбку может служить юбка из Работкова Ерохиной Дары (43 г.)¹, сшитая на руках из пяти полотнищ (длинной 80 см) красного шерстяного сукна. Материал для юбки выткан на двух подножках и связан в локани погами. Подол для юбки оторочен черной полосой хлопчатобумажной материи. Сверху обшивка из клетчатой бумажной ткани. В с. Работково вначале носили такие юбки лишь женщины из однодворцев. Бывшие помещицы крестьяне начали их шить только после первой мировой войны, когда стали «бросать поевы». В дер. Ефросимовке мать А. И. Барановой (58 лет) оставила ей юбку², сшитую из двух поперечных полотнищ. Полотнища красного цвета, клетчатые, вытканые из шерсти на двух подножках. Подол юбки оторочен бирхатом (рис. 26, а). Эту юбку считают новым типом; ей предшествовала юбка старого типа, которую носила, например, в дер. Ефросимовка мать Аристратовой. Юбка Аристратовой³ из пяти долевых полотнищ (ширина каждого полотнища 46 см) шерстяной материи красного цвета, в клетку. Материал выткан на двух подножках. Размер клетки 2х2 см. Клетку образуют две черные, две красные, две черные нитки в основе и в утке (рис. 26, б). Юбка замаскирована от бывших однодворцев соседних деревень, у них же взяты узоры для ткани.

Благодаря по форме этой юбкам были юбки бывших крестьян дер. Старое Меловое и у однодворцев с. Ксизово (рис. 26, в)⁴. Богатые крестьянки имели там целые мешки домотканых юбок. Носить их перестали только в 1930 г. В дер. Акимовка⁵ помнят полосатые юбки с продольными красными, желтыми, синими, черными полосами, а также красные юбки суконные и замашные. Последние были исподними. Подол исподних юбок обладался для красоты цветной материей, так как верхние юбки во время работы подтыкали.

Сохранился обряд надевания юбки, аналогичный обряду надевания поевы (см. выше).

Домотканые шерстяные юбки имели широкое распространение у белорусов, украинцев и народов Прибалтики, а также в Восточной Пруссии в XVI — XVII вв.

Передник. Передник по преимуществу одежда женская, но известны и мужские рабочие передники.

Передники разделяются на несколько групп по покрою и способу ношения и известны под разными названиями. По покрою мы выделяем две группы передников:

- 1 — туникообразные, являющиеся плечевой одеждой,

— «занавеска» и 2 — тип короткого передника, являющегося поясной одеждой. Последний разделяется на две подгруппы: «занавеска» и фартук.

Туникообразные передники по своему покрою близки к туникообразным рубашкам и нагрудникам. Шьются туникообразный передник из полотнища холста, в разгнутом пополам по утку, в середине полотнища сделан круглый вырез для головы.

Подшивкой формой туникообразного передника является передник с кокеткой (с. Лыгово)⁶. Основой для передника тоже служило разгнутое пополам по утку полотнище, но более короткое, спереди к лезу подшивки сборку два других полотнища (рис. 28). В Старом Брже туникообразный передник носили лет 30 тому назад.

Передник состоял из прямоугольника, 45 см длин и 40 см шириной с четырехугольным в середине вырезом (20х20 см), и другого полотнища, длинной 80 см шириной 60 см, собранного в сборку. К последнему полотнищу подшива красная перетяга, бранная гаруза (длинной 18 см) и оборка из кушача. Под оборкой — сев махров из желтого, синего, красного гаруса.

В с. Никольском⁷ были туникообразные «занавески» с постепенно суживающимися рукавами.

Основное полотнище передника разгнутого по утку (длина полотнища спереди 42 см, сзади 16 см), по бекам подшива полотнища, разрезанные наискось так, что сверху 5 см приходится на перед, 5 см на зад, выше же 30 см. Над боковым полотнищем пришит рукав, из которым бывает кушачовая ластовица.

К основному полотнищу подшив «кокетка» длинной 5 см, состоящий из покупной черной тесьмы, белой «брани» на одной доске, полосы холста с десятью красными полосками; белой «бранью» на одной доске, покупная затканка, семи красных полос черной тесьмы с белым кружевом (длинной 7 см). Сзади вышивка крестом красной и черной бумажой.

В с. Лыгово⁸ «занавески» были с рукавами и без рукавов, старинные занавески — «замашные», колодные. К началу XIX в. шили уже занавески «бумажные» из холста с хлопчатобумажным утком. Старинные «старушечьи» и рабочие занавески были с длинными рукавами, праздничные — с короткими рукавами, вышиты крестом красной и белой бумажой, узоры «мыльные». По краю к подолу подшивались кружево, ленты или вышитые полосы. На «старушечьих» замашных занавесках встречаются закладные затканки (узор «пальмы»). В виде очень узеньких красных затканых полос, идущих поперек плеча и по животу. Такие занавески встречаются и сейчас у старух. Женщины среднего возраста надевали их по праздникам «крестить кукушу» и на тропу, а также на свадьбы. Молодые радятся в них для выступления в хоре. У молодых являются занавески из ниткаля. В Меще 80-летняя женщина носила «долгую» занавеску из кашемира с сарафанами, а мать ее с поевовой носила туникообразную занавеску с «концами» спереди, без рукавов; по подолу были «задирушки», «мюхры»; с боков пр.

¹ Архив ИЭ, инв. 251, полевая запись № 486.

² Там же, полевая запись № 2776.

³ Там же, полевая запись № 2756, 2766.

⁴ Там же, полевая запись № 3645.

⁵ Там же, полевая запись № 1775.

⁶ Архив ИЭ, инв. 251, полевая запись № 956.

⁷ Там же, полевая запись № 2175.

⁸ Там же, полевая запись № 626.

⁹ Архив ИЭ, инв. 251, полевая запись № 956.

шавшая узенький пояс с «махрами».

Завяска с груднойкой прослеживается повсеместно как вторичная форма туникообразной целой завяски (села Лыгово, Работьково, Спасское-Лутовиново, деревни Старый Бузец, Мошечка и др.).

В с. Никитском передник называется еще «затулкой»¹, здесь он бывал как рабочий фартук с рукавами; в нем жила, надевая на рубашу без поневы. В других местах термин «затулка» неизвестен. В Работькове передник называется «надевкой»². Этот термин близок к термину «одежда», известному в Рязанской губ. (Куриша), где он относится к туникообразным нагрудникам. В Работьково фартуки-надевки носили девушки сверху рубашек. Завяска везде носится с поневою. В некоторых местах дер. Ефросимова, с. Никольское), где понева не сохранилась, наличие завясок — части поневого комплекта — дает возможность предположить, что там также бывала понева. Наличие других элементов поневого комплекта в этих деревнях подтверждает это предположение.

Под термин «завяска» в Будинге³ известны прямые длинные передники-завяски, надеваемые с сарафанами и подвязываемые высоко на груди завязками. По форме они являются чистою завязкой с груднойкой (это подтверждает общность названия). Форма их близка также к фартуку, надеваемому по талии. Старинные завяски были домотканые, шились из трех полотнищ клетчатой востриды. Носили их по праздникам с сарафанами. Праздничные завяски — кисейные, белые, с оборкой или бахромой, вышью с цветной шелковой бахромой; будничные — из цветного ситца.

Короткие передники. Первый подтип такого передника — «завяска» — представляет собой две «подки» (полотнища), которые надевали спереди и сзади и подвязывали красным поясом (дер. Неплюевка). Во время жатвы эти подки надевались сзади. В дер. Акимовке находят также передники — «сукни» — с поперечными волосами, состоящие из одной подки⁴. Привязывались сукни красным плетеным поясом. Сукни являются общими с украинскими «запасками».

Вторым подтипом короткого передника являются фартуки («хвартуки») из одного, двух, трех полотнищ попушного материала на обшивке с завязками. Фартуки повсеместно известны как более новые виды передников, вытеснивших бытовавшие прежде формы. Их носят с платками, с юбками и кофтами, кое-где с сарафанами (с. Никольское)⁵. Рабочие фартуки шьют с груднойкой (дер. Неплюевка, с. Кубань). Особенно узкие фартуки в одно полотнище известны в Неплюевке, что наводит на мысль о связи их с древними сукнями. Праздничные фартуки украшаются вышивкой. В с. Кубани были известны фартуки, вышитые тамбуром цветной бумагой. В некоторых местах на фартуки вышивают прошивки, цветные бежки, кружева (с. Никольское). В Неплюевке фартуки шьют с оборочками и вышивают крестом.

В начале XX в. были в моде покупные фартуки с набиными узорами. «Мужья ходили в шахты» (Донбасс)

и оттуда их приносили (Неплюевка, Лыгово и др.). Их называли «донские»⁶.

Старушка (73 г.) во Лыгове рассказывала: «Мой дед жил у попа в работниках, купил в давке фартук синий с набиными петухами и подарил попоной кухарке, а моя бабушка у ней его нашла и отняла. И мы все в нем форсали, надевая его сверх завяски. Покупные фартуки были у тех, у кого деньги были, кто был побогаче».

Итак, по типам и названиям передников на исследованной территории различаются две области:

1. Бассейн Оки и частично Дона, где бывала завяска — плечевая одежда, неизвестная другим группам русских и соседним народам. Завяска генетически близка к другим туникообразным одедам г. теснейшим образом связана с поневным комплексом.

2. Западная часть Курской обл., где бывала сукня, близкая к украинским запаскам.

Головные уборы

Девичьи головные уборы

Девичьи головные уборы на изученной территории в конце XIX в. сохранились весьма слабо. Фабричный покушной платок, сложенный треугольником, подвязанный под подбородком, давался основным головным убором девушек. Молодое поколение вообще легко воспринимает новые формы одежды и головных уборов. Лишь по воспоминаниям старшего поколения и по версифицированным формам уборов, встречающимся в наиболее глухих местах, удалось выделить некоторые старые типы девичьих головных уборов. Девичий головной убор должен был быть с открытой макушкой, задача его — поддерживать распущенные волосы. Хотя плетение косы — «девичья краса» — давно уже распространено среди русских, однако распущенные волосы приходится все же признать основной и более древней прической девушки. Обычай венчать и хоронить девушек обязательно с распущенными волосами говорит о том, что в древности распущенные волосы были прической, общей для всех девушек. Перевязывание распущенных волос и определяло основные формы девичьей прически.

В девичьих головных уборах различаются две раз-

Рис. 29. Девичьи головные уборы
а — «чадобинка» (с. Работьково Дмитровского р-на Орловской обл.); б — «венчик» (с. Роговато Шаталовского р-на Белгородской обл.).

новидности: повязка и венчик.

Повязка. Самой простой повязкой была «оповиска» (с.

¹ Архив ИД, оп. 251, фольклорный запас № 1276.

² Там же, фольклорный запас № 196.

³ Там же, фольклорный запас № 2006.

⁴ Там же, фольклорный запас № 1285.

⁵ Там же, фольклорный запас № 686.

⁶ Там же, фольклорный запас № 906.

⁷ Архив ИД, оп. 251, фольклорный запас № 4916, 4925.

Кубань). Это — полоса, оторванная от красного хлопчатобумажного платка фабричного производства, называемого «французским». Опысок повязывали по лбу. Ходили так в будни летом и зимой. По праздникам головной убор состоял из сложенного полосой платка, повязанного по лбу, и налобника с бисерными поднизями. Сложенный полосой платок во многих местах заменял девичью повязку. В дер. Никитское девушки повязывались «кочетком»: платок складывался в виде полосы, которая повязывалась по лбу. Концы платка закладывались на боках под повязку. Такого же типа повязка, но с дополнительными частями была известна в дер. Прудине и в селе Спасское-Лутовиново¹. Там праздничным головной убор состоял из полосы холста длиной 35 см, шириной до 8 см. К нему пришивалась оборка из красной ленты, а по холсту нашивалась красная лента, собранная кругами. Лента украшалась бусами и блестками. Отдельно нашивались наушники с черными пушками и нитями из блестящих бус длиной до 20 см. Платок складывался пополам, концы его зашивались сзади. Сверху платка надевались «банты» — шелковая красная лента, сложенная складочками.

Близок к нему головной убор, встреченный в с. Работково². Носили его по праздникам взрослые девушки, считавшиеся невестами (в будни девушки покрывались обычно платком).

В этом праздничном шелковом уборе различались следующие части: 1) «пушки» — полоска холста с черной бахромой и блестками; 2) «налобник» с блестками и позументом (рис. 29, а); 3) «киски» — четырехугольник из позумента с бахромой над ушами; 4) «селезневые косицы» — украшения из перьев селезня; 5) шелковый платок, красный отрезной или штампованный серебром, сложенный полосой и повязываемый по лбу концами назад; 6) в ушах — белые «пушки» из гусиного пуха; 7) сзади и спереди «павлины» — павлиньи перья. Некоторые девушки носили настоящие павлиньи перья, а другие заменяли их перьями индюков. Индюшечьи перья носили девушки из однодворческих семей, а у них эти заимствовали барские крестьяне. По головным уборам с индюшечьими перьями однодворцы стали в этой местности называть «индюхами».

В косу влетали ленту, завязанную бантом. Она называлась «косинка».

Подобный головной убор бытует до сих пор в селах Будинце³, Казаревка, Саворьяжево. Он состоит из: 1) «прилобника» — полосы золотого позумента; 2) платка, сложенного полосой и положенного вокруг головы, с концами, завязанными наперед, связанными лентой; 3) цветов (раньше были перья); 4) застежки из шести петель, длиной до пояса, из шестых лент назад.

Венец. В дер. Старый Бузец⁴ венец делался из лубяного круга, шириной в руку. Круг обшит позументом. Сзади пришивался «цвет» («штор») — полоса парчи (длиной 50 см, шириной в шесть пальцев) с махрами из гаруса. Ф. А. Лялина (70 лет) носила такой убор в де-

ках по праздникам в течение восьми лет. Только недавно в деревне продали последний венец.

Такие венцы помнят в с. Кубани и в с. Роговато (я. 29, 6). Несколько иного типа были венцы в дер. Ахине: ке: они были из бумажных цветов; позднее стали покрывать из восковых. Носили венок девушки с 15 — 17 лет на праздники, в нем венчались. Перестали носить венцы лет 50 тому назад.

Итак, во всех девичьих головных уборах преобладали повязки.

Женские головные уборы

Женский головной убор должен был совсем скрыть волосы, которые замужняя женщина по старым обычаям не должна была показывать. Поэтому отличительной чертой всех женских головных уборов является закрытая макушка.

Плетение волос в две косы, закладывание их так, чтобы они образовывали «рога» — широко распространенная прическа в прошлом по всей изученной территории, независимо от головных уборов, надеваемых на нее. Только в женской прическе с Роговатом мы замечаем особенность: заплетенные косы складываются наперед «в бок».

Все женские головные уборы на изученной территории могут быть разделены на платкообразные, кичкообразные, кокошники и повойники-чепцы.

Платкообразные. Шапринка. В с. Лыове 70-летняя бабушка помнит, что мать ее ходила в шапринке⁵. Шапринка была холщовая, размером 80х70 см. К двум углам были подшиты квадраты 40х40 см, к двум другим углам — прямоугольники 30х40 см, затканые складной техникой. Шапринка перетягивалась наискось и вверху завязывалась так, как позднее повязывались платки. Позднее этот способ повязывания заменился повязыванием двумя платками: один, сложенный на угол, завязывался концами назад, а другой — концами наперед. Эти головной убор носили старики (рис. 30).

В с. Кубани шапринка как головное покрывало сохранялась в свадебном обряде⁶. Невеста дирила женохвой родне холщовое полотенце, длиной до 60 см, вышитое по концам. Этими полотенцами накрывались в них плясая.

«Хлустка». В соседней с Акимовской дер. Анатолиевке, по сообщению Г. К. Ломановой⁷ (85 лет), у ее бабушки, умершей на 101 году своей жизни, была старинная «хлустка альяная», «господская», т.е. сотканная из широкого ткацком стане, на котором «ткали для господ» (с бердом 18 пасм, а в деревне были лишь 13 пасм). По краям хлустки были красные «краюшечки», по три «служечки» и «макры» — остатки «основки». Хлустку складывали на угол, чтобы видны были затканые концы, и завязывали сначала концами под подбородком, потом назад. В с. Акимовке носили также замашные хлустки.

В Старом Бузце⁸ старинный головной убор старух — холщовый платок, сложенный на угол. Концы платка сначала идут назад, там перекрещиваются и, окружив

¹ Там же, архивная запись № 1376.

² Колосовых носила из. Турецкого в Спасское-Лутовиново.

³ Архив ИЭ, ин. 231, архивная запись № 236, 246, 256.

⁴ Там же, архивная запись № 6086.

⁵ Там же, архивная запись № 3016.

⁶ Архив ИЭ, ин. 231, архивная запись № 1036.

⁷ Там же, архивная запись № 1526.

⁸ Там же, архивная запись № 1756.

⁹ Там же, архивная запись № 2236.

позву, ведутся вперед и на лбу спереди завязываются тремя узлами.

Покрытка. В с. Будинце до сих пор бытует повязывание головы «покрыткой». Этот головной убор состоит из

Рис. 30. Женщина в головной повязке (с. Лыгово Хотьковского р-на Орловской обл.)

двух платков — ранние домохозяйки холщовых, позднее купных. Один платок, сложенный на угол, повязывается по лбу сначала концами назад, потом вперед. По бокам получается два ребра. Молодые подкладывают под лоб платок подкладки — жгуты, скрученные из холста (по два вдоль головы). Второй платок, сложенный на угол, повязывается концами под подбородком.

Женщины старше 60 лет и сейчас повязываются «покрыткой», а молодые таким же образом покрываются шелковым платком на весенние гулянки. Этот головной убор надевают при сарафане, с рубчик же обязательно надевают кокетки.

Близким к платочным головным убором является головной убор в Прудничах, Спаском-Лутовинове, Баридове¹. Он имеет следующие части: 1) «бодрик» — жгут из холста; 2) «подлобник» — полоса холста с черным бисером; 3) платок, повязываемый концами назад; 4) банты — полосы холста с оборкой из лент, выложенные крутами из лент с блясками и бусами; 5) пять концов лент сзади.

Шаль. Зимой женщины покрывали головы шалью. Шали были купные, производства русских фабрик, но носили название, указывающее на их происхождение до возникновения фабрик, — «бухарская» (1,5х1,5 м) с бахромой, клетчатая (села Будинце, Никитское), «турецкая» — полосатая (с. Ефросимовка), «заграничная» — с цветами. Встречались шали с белыми и черными клетками, особенно у бывших однодворцев и крестьян четвертого права².

Кичкообразные головные уборы. Кичкообразные головные уборы состоят из различных частей, которые надеваются каждая отдельно, но образуют все вместе единый головной убор, носящий разные названия. Обычно в такой женский головной убор входит как составная часть

и девичий головной убор.

По форме кичек головные уборы могут быть разделены на «рогатые», «лопатообразные», «комытообразные» и «с лубяным обручем». К головному убору с рогатой кичкой относится головной убор «оправа» из с. Роговатое³ и «головное» из дер. Старый Бузет⁴.

«Оправа» состоит из следующих частей: 1) «роги» — два рога длиной 20 см, стеганные из холста, к ним спереди пришита полоса холста в форме прямоугольника (20х20 см), сзади у этой полосы два ушка для продевания тесьмы (рис. 31); 2) «позатыльник» — квадрат 16х16 см, к нему подшиты по бокам по треугольнику, 19 см в основании. Внизу полоса позумента ручной работы (узор растительный) и черная шерстяная бахрома. Квадрат соединен с треугольником «связкой» черным шелком; 3) «сорочка» — надевается на роги. Дно ее прямоугольное с двумя закругленными углами. Длина 26 см, ширина 20 см. Спереди окаймлена полосой позумента шириной 5 см. Сзади пришит квадрат со стороной 7,5 см из красного бархата с вышивкой золотой ниткой и черная шнур 9 см шириной с кистями из лиловой шерсти; 4) «дымка» — кляса 240 см длиной и 41 см шириной. Посредине на протяжении 48 см пришито белое кружево шириной 1,5 см. На концах голубые шелковые ленты шириной 4 см.

Роги надеваются на чуб из плетеных кос; на роги надевается сорочка, под хвост сорочки поддевается позатыльник и сверху всего убор покрывается дымкой. Надевают этот убор на молодую перед венцом. Раньше надевали его «к вечеру». Из церкви молодую привозили к отцу и матери, а жених уезжал домой. Вечером, когда жених приезжал за невестой, на невесту надевали «оправу». В настоящее время молодая за свадебным столом сидит в платье, но головной убор — оправу — на нее все же надевают. Имеется на всю деревню — 3-4 таких убора («как кто идет замуж, так берет у соседей на время»).

«Головное» из дер. Старый Бузет имеет части: 1) «кучка» — стеганая со стоячими рогами, обращенными назад. К кичке подшита полоса кумача, которая при надевании стягивается назад продев шнуром; 2) позатыльник «золотой» прямоугольный, 30х30 см, на твердой основе, вышит золотой ниткой, с полосой бархата, шириной 5 см. Раньше была бисерной позатыльник; 3) «сорочка» — дно ее (длиной 32 см, шириной 11 см) слегка закруглено по двум углам. Ко дну, к стороне с закругленными углами, пришито чело «золотое» (вышитое золотой ниткой гладью). На сорочке имеется вышивка красным гарусом (бразье с поворотом; излюбленный узор — «сетка»); 4) шелковый красный платок, сложенный «в полосу», кладется по лбу, концы завязываются назад; 5) «мажоринка», сделанный из та-

Рис. 31. Часть женского головного убора «оправа» — «роги» (с. Роговатое Шаталовского р-на Белгородской обл.)

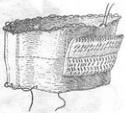

Рис. 32. Кичка (с. Никольское Троицкого р-на Орловской обл.)

¹ Архив ИЭО, кн. 251, рукопись записки, № 4286.

² Там же, рукопись записки № 2796, 2805.

³ Там же, рукопись записки, № 3346.

⁴ Там же, рукопись записки, № 2226.

руса, стоит стойки с правого бока; 6) «макушка» — связка лент или полос шелковой материи, длиной 15 см, четыре полосы внизу объединены золотым кружевом. Над ним еще 7 лент. Макушка надевается на затылок, шнуром при-

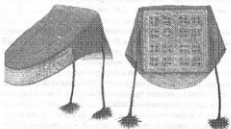

Рис. 31а. Часть женского головного убора «оправа» — «сорока» (с. Роговатое Шаталовского р-на Белгородской обл.)

вязывается спереди; 7) «увязка» — плетеный шнур из красных ниток, с кистями, спускается до талии позади; 8) «селезеновые косицы».

Сороки были обычно кумачные, красные шелковые. Невесты венчались с распущенными волосами, накрытыми полотенцами. Весь этот сложный головной убор надевали на молодую после венча. Носили его по праздникам.

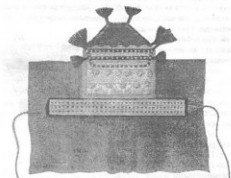

Рис. 32а. Часть женского головного убора «головное» — «сорока» (с. Никольское Троицкого р-на Орловской обл.)

Перестали носить лет 20 — 25 тому назад.

К головным уборам с лопатообразной кичкой относятся «головное» в с. Никольском¹, «повило» в с. Кубань², «сорока» в с. Банщике³.

«Головное» в с. Никольском состоит из следующих частей: 1) «кичка» — стеганный холщовый прямоугольник. К нему пришта по двум углам полоса холста, которая охватывает голову и стягивается завязками сверху и снизу (рис. 32); 2) «позатыльник» из кумача с полосой позумента и бахромой из разноцветного бисера с

черными пушками по бокам; 3) «сорока» — из полосы кумача, надеваемой чехлом на кичку, спереди шестиугольник, выложенный позументом и тесьмой с черными «шарами» (бахромой) сверху; 4) «платок» — рывные брызги в виде холщовой полосы (70х40 см), вышитой красной бумагой двусторонним швом с полосой кумача длиной 5 см, с зеленой, малиновой, желтой лентами, с махромой длиной до 10 см. Складывали платок наизок и склеивали так, что получался палик, который клали на лоб, концы шли назад, а потом закладывались на бок.

Головное надевается на молодую в первый год замужества.

«Повило» — головной убор с лопатообразной кичкой встречен в с. Кубань. Части повила: 1) «кичка» — «селезенка» — простеганная полоса шириной в три пальца, которая надевается на лоб; 2) «козачок», сделанный из белой материи, стягивающийся сзади; 3) «позатыльник» — полоса кумача (20х6 см), окаймленная бахромой из желтого, лилового, зеленого, синего гаруса с красными пушками по бокам; 4) «надбровник» — полоса холста (40х2,5 см) «с нахвостами» из черного шелка, с черным бисером на кончиках. По холсту проходит три полосы блесток; 5) «верхуша» — красная бархатная макушка в форме полуовала, вышитая серебряной ниткой гладью, узор стилизованный, «растительный». Околыш из холста с полосой кумача. Ширина холста спереди 10 см, сзади 3 см. Место пришива лобной части к макушке обшито серебряным позументом; 6) платок шелковый с кистями по углам складывался в узкую полоску и завязывался сзади; 7) налобник с бантами и «сизозами»; 8) «селезеновые кудри» — их носили очень давно.

Повило здесь перестали носить после первой мировой войны: возвращавшиеся с фронта мужья не желали, чтобы жены носили повило. Вместо повила на молодую стали надевать «чепец с круглым дном и околышем».

Головной убор «сорока», встреченный в с. Банщике, включал: 1) «кичку» — полосу стеганого холста (20х3 см), свернутого в несколько рядов. К кичке, вероятно, раньше была пришта другая полоса холста, которая охватывала голову. Есть следы ниток (рис. 33); 2) «дно» — четырехугольное из красного бархата. Два угла дна слегка закруглены (20х20 см). Сзади четырехугольный хвост, выложенный позументом. Лобная часть — полоса позумента (20х7 см) — пришта к одной стороне дна, по бокам дна пришиты полосы бархата. Сзади два махра, 3) «позатыльник» — полоса кумача (20х4 см) с треугольниками по бокам (10 см длиной), по кумачу наложена полоса позумента (шириной 1 см) и нашита бахрома из бисера (1 см); 4) красный шелковый платок, сложенный в несколько рядов, концы завязывались сзади; 5) «селезеновые кудри».

В Работькове найден головной убор «кичка», который состоял из: 1) налобника с пухами, как в девичьих головных уборах; 2) собственно «кички» — полосы холста с палочкой на лбу; 3) «сороки» — повойника с блестками; 4) бисерного позатыльника; 5) кистей, как в девичьем уборе головном; 6) платка, сложенного полосой, как в девичьем головном уборе; 7) «селезеновых косиц».

¹ Архив ИЭЛ, оп. 251, опись лент № 668.

² Там же, опись лент № 1556.

³ Там же, опись лент № 1965.

⁴ Архив, оп. 251, опись лент № 226.

в дугу; 8) «плавильных перьев».

Надевали кичку на молодую после венца, а венчали накрывшую полотенцами с распущенными волосами. В будни носили только в кичках (части убора) и платках. По праздникам надевали все остальные части головного убора.

Головные уборы с копытообразными кичками — головной убор с твердой частью, напоминающей по форме кышто, известен на Лыгве под названием «увалы», или

Рис. 33. Кичка (с. Банное Лыговского р-на Курской обл.)

«алы». Последнее название более позднее, оно связано со вторым платком, который придает характерный вид плавильному убору¹.

Головной убор имеет следующие части: 1) «увалы» — копытообразная кичка, стеганая, с прямой полосой плста, который облетает голову покрут и издергивается шнуром сверху или снизу (рис. 34); 2) «сорочку» — дно прямоугольное (20х10 см), околыш-полукруг; 3) «позатыльник» — полоса позумента с шерстяной бахромой (длина 5 см), с блестящими (рис. 34а); 4) «подлобник» — полоса позумента; 5) «косицы» — черная и белая шерстяная бахрома; 6) платок красный шелковый (1,75 х 1,75 см) — повязывается на затылке, откладывается вперед; 7) второй шелковый красный платок (80 х 80 см); 8) швы из бумаги и воска; 9) «плетушки» — шесть разноцветных шелковых лент; 10) «подкожные» — четыре ленты.

Теперь этот головной убор надевают, когда идут гулять на свадьбу. 80-летняя старуха надевала в молодости такой головной убор на второй день свадьбы и была в нем один день. По будням полного головного убора не носили, надевали кичку и сорочку, а сверху повязывали платок «рогом», т.е. концами вперед, нидо лбом.

Кичкообразный головной убор «с дубинным обручем» известен у саянов². Он состоит из собственно кички с «дубинным» обручем, «золотного» позатыльника, сорочки и хохлоу. 80-летняя старуха вспоминает, что, выйдя 19 лет замуж, носила этот убор до 24 лет, а затем перестала его носить. Сверховы вначале была недовольна таким нарушением старого обычая, но вскоре она и сама не стала носить этот убор, так как он был неудобен (дер. Мошенка).

Косишники (рис. 35) хорошо сохранились в с. Будинце³. В косишниках молодые женщины («молодайки») ходят на гулянья по праздникам: на Ляваду, на Троицу, по Петровское заговенье; гулянья в косишниках наблюдались еще в 1954 г.

Головной убор в целом называется «голова», имеет следующие части: 1) «кукошник» — на твердой основе, дно прямоугольное, сложенное седлом. Околыш полу-

круглый, обложен позументом, подкладка из лиловой хлопчатобумажной ткани (рис. 35, 6); 2) «позатыльник» — в виде картонного прямоугольника (30 х 20 см), с завязками. На позатыльнике вышивали гладью золотой ниткой (размер 20 х 20 см). Узор «калачи» и «глаза» (камни); 3) «прилобник» — полоса холста (60 х 20 см), по ней полоса позумента (10 см шириной) и по краю — «пе-

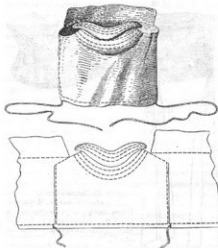

Рис. 34. Кичка «увалы» (передняя часть и поворот) (с. Лыгово Хотмыщенского р-на Орловской обл.)

ревянка» — полоса черного шелка, обложенного золотой ниткой. Полоса холста слегка издергивается, почти закрывая макушку; 5) индюшечьи перья по бокам (теперь

Рис. 34а. Часть женского головного убора «позатыльник» (с. Лыгово Хотмыщенского р-на Орловской обл.)

их заменили бумажными цветами). Платок складывался на угол, повязывался по лбу концами назад, сзади концы перекрещивались и поворачивались вперед, где связывались обрывком кумача; 6) «застежку» — разноцветные ленты, которые прикладывались к платку. Волосы теперь складывают пучком сзади (раньше плели две косы и складывали их на затылке). Аналогичный убор был в с. Долженкове, но там он не сохранился.

Описанный косишник относится к типу «седлообразных» косишников. Эта местная форма косишника характерна, как предполагает Г. С. Маслова⁴, для Курской и

¹ Архив ИД, ин. 251, фольклорный запас № 1026.

² Архив ИД, ин. 251, фольклорный запас № 2026.

³ Там же, фольклорный запас № 3026.

Хараковской областей и имеет общие черты с украинским «очинком».

Другая форма кокошника известна в с. Никитском² под названием «бархатник» (рис. 35, а). Его надевали после венца и носили по годовым праздникам. При бархатнике был позатыльник из лент и четыре кисти — «баготы». Также кокошник был в употреблении у однодворцев. Одновременно с кокошником здесь носили со-

Рис. 35. Кокошники
а — «бархатник» (с. Никитское
Борисовского р-на Белгородской
обл.); б — «кукошник» (с. Будинье
Большо-Солдатского р-на Курской
обл.)

роки с кичками. Сорока отличалась от бархатника тем, что была мягкой. Когда ходили на вечеринку, то под сороку подтыкали «селезеневые кудри». Кокошники той же формы, что и бархатник, были в с. Работьково.

Повойник-шлык, чепец. Под этим названием известны мягкие головные уборы. Они появлялись здесь позднее и вытеснили предшествующие им головные уборы типа кичек-кокошников. На территории изученных областей известны два покроя мягких головных уборов.

Головной убор первого покроя — повойник, или шлык, представляет собой прямоугольный кусок материи, один конец которого собирается, а на другом посередине на расстоянии $1/4$ его длины делается надрез. Надрезанная часть служит ошейником. Такой убор мы зарегистрировали во Льгове под названием «повойника», в Вети же аналогичный убор называли «шлык».

Второй вид головного убора по покрою напоминает детский чепчик. Посредине — полоса ткани, по бокам — два полукруга. Длина средней полосы 31 см, ширина 10 см. Диаметр полукругов 18 см, высота 10 см. Головной убор этого покроя называется чепцом-«сборником» (дер. Неплюевка), «шлыком» (дер. Акимовка), «чепцом» (села Работьково, Кубань, Долженково). Появился чепец-повойник лет 40 тому назад. В Банище его носили сначала по будням, а когда несли жениха, стали носить и по праздникам.

Рассмотренный выше материал по головным уборам приводит нас к некоторым выводам:

1. Платкообразные головные уборы сосредоточены в западной части территории. Они имеют одинаковые черты с белорусскими и украинскими головными username.

2. Все виды кичкообразных головных уборов и их основные части (кичка, сорока и позатыльник), по стилю дела, — варианты одного и того же русского головного убора, который известен с XIV в.

3. Дополнительные части кичкообразных головных уборов — результат местного творчества. Вариантом в одной группе населения отличается от другой. Погибшие холщовые кички связывают исследованную нами территорию с Калужской, Рязанской и Тульской областями. Кичкообразные головные уборы с дубинным обручем имеют сходство с белорусскими и украинскими головными username. Длинный хвост из шнуров у кички в с. Роговом сходен со шнурами головного убора в Богословском Рязанской обл., а также с хвостами чувашских головных уборов.

4. В западной части обследованных районов отмечается слабое развитие форм сорок и кичек. Кусок материи заменяет здесь сороку, а жгут из холста — кичку.

5. Кокошник так же, как и кичка, является составным головным убором. Он носится с позатыльником, с налобником, с селезеновыми или павлиньими перьями, с полотенцами и платками. Его отличие от кичкообразных головных уборов заключается в наличии твердой шапочки. Поэтому имеющиеся в ряде музеев один лишь твердые шапочки, называемые «кокошники», безусловно нельзя считать полными username, они отнюдь не характеризуют этот тип головного убора в целом.

6. Кокошник был праздничным головным убором. Наряду с ним существовали будничные головные уборы (такие, как повойники и различными способами повязанные платки).

7. Кокошник носили главным образом в семьях крестьян четвертного права, он входил в комплекс одежды с сарафаном. Изредка кокошник надевался у однодворцев с домотканой юбкой и только в отдельных случаях встречался у крестьян (неоднодворцев), как, например, в с. Работьково, где вместе жили крестьяне и однодворцы.

Таким образом, рассмотренные типы головных уборов характеризуют этнографический и отчасти прежний социальный состав населения изученной территории.

Украшения

Украшения ушные. В с. Никитском сохранились серебряные старинные серьги очень грубой работы. В Неплюевке носили серьги с лентяными приписками не только женщины, но и мужчины, причем в обоих ушах.

Пушки³ — шарик из гусиного пуха, которые привешивали к серьгам, известны были в селениях Прудше, Банище, Мошенка, Работьково, Кубань, Льгове, Неплюевка и т.д. Пушки — излюбленное украшение южновеликорусов Окского бассейна, а также и среднеднестровцев; они встречаются также на верховье Волги, в Костромской и Псковской областях и у финнов Поволжья.

Украшения нагрудные. Нагрудные украшения встре-

² Г. С. Маслова, Указ. соч., стр. 677.

³ Архив ИЭЗ, оп. 251, инвентарный номер № 138.

⁴ Архив ИЭЗ, оп. 251, инвентарный номер № 2206.

чится главным образом в виде «жерелок» — ниток, на которых наизнанку разноцветный бисер (села Работьково, Спаское-Лутовиново, дер. Старый Бузец и др.). Под названием «сизакки» известны группы ниток, наизнанку в бисера, стеклянных бус и стекляруса (в Старом Бузце и др.). Бусы из янтаря широко распространены среди бывших крестьян четвертого права и однодворцев. Восток их в дер. Прудиче. «Зячмуч» (жемчуг) — бусы² из хрупкого полевого шпата (с. Никитское). Покупали жемчуг в Киеве, когда ходили туда на богомолье. Их носили вместе с «монетами», к которым золотари прижимали ушки. Носили монеты и отдельно, без жемчуга. «Бордор» — украшение для материи в виде воротника — замена старых бисерных украшений. Для бордора вырезали из материи круг, закладывали складки, пришивали стоячий воротничок. Обшивали бордор разноцветными лентами (с. Спаское-Лутовиново).

Украшения сшитые. «Подолетка» — известна в Старом Бузце. Состоит из полос красного сукна (длиной 1 м 20 см, шириной в 4 пальца). Полосы наложены друг над друга и прошиты поперек на 15 см от концов. К концу пришивались махры. Надевали подолетку так, что сзади концы перекрещивались, а спереди шли вокруг рук, так что махры приходились под руками. Носили их молодые девушки по праздникам.

Мужская одежда

Рубашка. По воспоминаниям местных жителей, в конце XIX и начале XX в. длинная (до колен) рубашка являлась единственной одеждой мальчиков. В Неплюевке мальчики ходили в одной рубашке до 10 лет, а старик Бовс (78 лет) из с. Кубань вспоминает, что он ходил без штанов в длинной (ниже колен) домашней рубашке с прямым разрезом ворота до 18 лет, до самой женитьбы, до того времени, когда ему невеста подарила «тяжильные» штаны, «чтобы ехать к вешу».

По покрою мужские рубашки делаются на туникообразные и рубашки с прямыми полками, пришитыми по утку.

Туникообразная рубашка. Образцом туникообразной рубашки служит рубашка из дер. Старый Бузец, сшитая 50 лет тому назад (рис. 36, а). Таковую рубаху считали самой старинной, позднее у рубах стали оканчивать бока.

Рубашка состоит из одного полотнища белого холста длиной 1,5 м, полотнище перегнуто по утку, на месте сгиба прорезан ворот. По бокам сверху на 18 см ниже перегиба пришито по полотнищу, перегнутому по основе, над полотнищами пришиты рукава. Рукава скроены из цельных полотнищ длиной по 40 см. Спереди и сзади с наизнанки подшита «подолетка». Для подолетки из одного полотнища сшиваются мешок, этот мешок разрезается наискось, получается таким образом два треугольника, один пришивается спереди, другой сзади утлом; длина подолетки 10 см. Ластовка кушачья — 9 см шириной. Разрез на груди «косой», с левой стороны. По разрезу ворота и разрезу на груди нашта попутная ленточка с браными красными цветками. Край рукава и подол украшены узором, выполненным браной техникой красными бумажными

нитками³. Образцом рубашки со скошенными боками является рубашка из села Будиче, сшитая около 50 лет тому назад. Рубашка сшита из четырех полотнищ дмотканого клетчатого холста (основа и уток из вокувовой хлопчатобумажной нитки). В клетке по 12, по 6 и по 4 красных нитки. Одно полотнище (длиной 132 см) перегнуто по утку. На левом полотнище сделаны ворот и «косой» разрез на груди. Боковые полотнища перегибнуты по основе, их ширина 21х2 см и сверху 6х2 см. Рукава из полотнища, перегнутого по основе, длиной 40 см. Подолетка без белого холста лежит прямой полосой с изнанки, спереди и сзади немного ниже пришива рукава. В с. Будиче все носили такие рубашки. Новой рубашкой в с. Будиче в конце XIX в. была рубашка «семендзинка», ее носили франты вплоть до Октябрьской революции. Рубашка — семендзинка состояла из семи клиньев. Среднее полотнище было перегнуто пополам по утку, а по бокам было по три клина. Эти клинья кроились из трех полотнищ разрезом наискось. В с. Никольском отмечен своеобразный вариант туникообразной рубашки с рукавом, пришитым в сборку к основному полотнищу (рукава на обшлаге).

Туникообразная рубашка в двух разновидностях, с прямыми или скошенными боками, с косым разрезом на груди, характерна для мужского населения всей изученной территории. Этот тип рубашки мы называем «русским». В западной части изученных районов (с. Кубань и дер. Акимовка) сохранились воспоминания о бытовании рубашки с прямыми боками и прямым разрезом на груди. В с. Лыгово⁴ у старшину 79 лет сохранилась до наших дней свадебная рубашка ее мужа, которую в селе называли «дедова рубаха» и брали для свадеб. Она была сатиновая, с прямым разрезом на груди, с откладным воротничком; грудь и обшлаги были вышиты белыми бумажными нитками крестом. Край подола шириной 40 см также был вышит. «Как повенчался деда, то надел рубаху лыновую, с косым воротом».

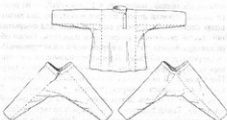

Рис. 36. Мужская одежда
а — рубаха-косоворотка; б — штаны (дер. Старый Бузец Михайловского р-на Курской обл.)

Рубаха с прямым воротом предшествовала косоворотке. Она известна белорусам и украинцам. Ношение в прошлом такой рубашки указывает на связи населения западной части исследованной нами территории с белорусами и украинцами. Но возможно также, что здесь со-

² Там же, вольное издание № 456.

³ Там же, вольное издание № 1356.

⁴ Там же, вольное издание № 2246.

⁵ Архан. 182, см. 251, вольное издание № 2136.

⁶ Там же, вольное издание № 2906.

⁷ Там же, вольное издание № 836.

хранился древний тип восточнославянской рубашки.

Для начала XIX в. характерна рубашка косоворотка из покуного материала (так как мужчины занимались отхожими промыслами, то их одежда ранее женской стала изготавливаться из покуного материала).

В начале XX в. выработался определенный тип мужской рубашки с грудничкой, вышитой крестом красной и черной бумагой. Но мода на вышитые рубашки скоро прошла. После 1917 г. носили уже рубашки с прямым разрезом ворота и стоячим воротничком.

Рубашки с ползиками. Сведения о втором типе рубашки — с прямыми ползиками — собраны в с. Роговатом от нескольких лиц: О. Бездетовой, 44 года; Антона Акимова, 46 лет; П. Плотникова, 70 лет и др.¹. Рубашка шилась с прямыми ползиками, пришитыми по утку, с рукавами, собранными в сборку на узком обшлаге, с прямым разрезом ворота на груди. Между ползиком и рукавом вставлялась белая плетеная прошивка — «хвостик». Ползик и рукав пришивались соединительным швом («своякой») красной или черной бумагой. Рубашка эта напоминала по покрою женскую, но шилась несколько короче. Подол вышивался браньем красной или черной бумагой. От таких рубашек некоторые женщины отрезали подолы, подшивали подставки и дошивали их как женские рубашки. Мужские рубашки с прямыми ползиками носили лет 40 — 50 тому назад. Этот тип мужской рубашки известен и у украинцев.

Таким образом, по типу рубашек вся обследованная нами территория в основном русская. Выделяются лишь западная и восточная (по Дону) части территории, где мы видим общность этого вида одежды с одеждой белорусов и украинцев.

Штаны. Мужчины в старину (как это помнят старики 70 — 80 лет) надевали иногда только один штаны — «порты», «портки» (рис. 36, 6).

Штаны шили из грубого полосатого (белый в голубую полоску) холста или из белого и черного сукна; в некоторых местах, например, в Неплюевке², — из белого холста. Кроили штаны из трех полотнищ: два полотнища сшивали по кромке; они служили для покрытия ног, третье полотнище разрезалось наискось. Таким образом образовывались два клина, один клин пришивался спереди, другой сзади. Клинья эти назывались «клинцы» (с. Будинце), «мотия» (с. Банище), «креслы» (дер. Неплюевка). В некоторых местах помнят, когда вместо кресел вставлялся четырехугольник — «карточка». В этих местах и теперь детям шьют штаны с квадратной «далькой». Такой тип штанов по покрою является общим с белорусскими и с литовскими из Даукии. На изученной территории эти штаны встречались в Неплюевке. Сверху штаны были на застежке (основное название которой «гашинок»). В некоторых селениях для обозначения гашинка был распространен украинский термин — «учкур». В трех случаях застежка называлась белорусским термином «повчар» (с. Банище)³. С застежкой учкуром связаны интересный местный обряд: в с. Нинитском учкур повивали корове рога, говоря: «Не будь ленива, будь молодича, коровушка-матушка».

Необходимо отметить, что на всей обследованной нами

территории основной тип штанов был русским, только западной ее части (дер. Неплюевка) в старину носили штаны, сходные по покрою с белорусскими, но подол этих штанов был вытеснен штанами, обычными для большинства русских крестьян.

Мужские головные уборы

Колпак «валенка» — старинный головной убор в виде колпака, валенного из белой шерсти. Колпак имеет форму усеченного конуса, высотой 15 см; поля колпака вверху по всю ширину околыша и плотно к нему прилегают. Колпаки были белые и серые. Белые известны в деревнях Неплюевка, Акимовка и Мощенки⁴, валены коричневые — по всей западной части Курской обл.

По типу колпак близок к белорусской магерке, в отличие его в западных частях Курской обл. говорит о русско-белорусских связях. Колпаки покупали в Севе, валели их в деревнях вальцешники, приходящие из-под Почепя.

Соломенные шляпы носили в деревнях Неплюевка, Будинце и старый Бузце. Поскольку соломенные шляпы были широко распространены на Украине, можно предположить, что образцы этих шляп принесли к себе деревню крестьяне, ходившие на сельскохозяйственные работы на Украину.

Рис. 37. Женская одежда «пузатка» (с. Кензово Задонского р-на Липецкой обл.)

Меховые шапки по форме были круглые и конической формы, по материалу — овчинные барашковые («курятчатые»). Меховые шапки большей частью были покуные, но делами их и сами крестьяне, обладавшие крутом барашком.

Мужская и женская верхняя одежда

В XIX и в начале XX в. различие между мужской и женской верхней одеждой не было сколько-нибудь значительно. Это различие сказывалось главным образом в украшениях и в размерах. Лишь немногие виды одежды были только женскими или только мужскими. Однако позднее, в XX в., в связи с переходом на городскую одежду, все более и более стали выделяться специально мужская и специально женская одежды.

По покрою верхняя одежда населения обследованных деревень может быть разделена на 1) туникаобразную, 2) халатообразную, 3) с цельной спинкой, с клинью или складками, 4) с отрезной спинкой, со сборкой и 5) одежду более нового типа — прямого покроя, с порезными плечиками и кроенную по выкройкам.

К туникаобразной одежде относится «пузатка» (рис. 37) — белый холщовый нагрудник с рукавами. Носили пузатку женщины с. Кензово. К первому же типу относится «шущун», который шился из черной ткани, имел

¹ Архив ИЭ, оп. 251, опись документов № 3746.

² Там же, опись документов № 342.

³ Архив ИЭ, оп. 251, опись документов № 2666.

⁴ Там же, опись документов № 2826.

прямой покрой, полы без застежек. «Шушун» бытовал в с. Кисово; в с. Роговато шушун встречался под названием «балахона»¹. Жительница Роговатого Н. Устинова

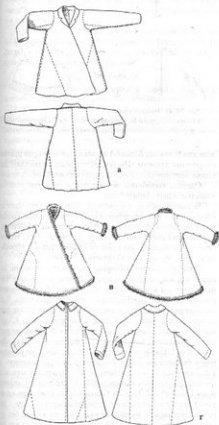

Рис. № 38. Халатообразная верхняя одежда
а — зипун «чекмень» (дер. Старый Бузец Михайловского р-на Курской обл.); б — чекмень с воротником (с. Лыгово Хотьковского р-на Орловской обл.); в — шуба (с. Будинце Большесолдатского р-на Курской обл.); г — пальто на пате (дер. Большое Колчезно Кромского р-на Орловской обл.)

(50 лет) рассказала, что шушун был «прямой, длинный, распашной, без застежек, пражный», т.е. из волосени.

Халатообразная одежда, относящаяся ко второму типу верхней одежды, встречается суконная, овчинная и даже ватная. Примером суконной одежды может служить зипун-чекмень из дер. Старый Бузец (рис. 38, а). Чекмень шьют местные портные² из двух сортов сукна: из «старпы», т.е. весенней шерсти, и «перейбон», т.е. осен-

ней шерсти. Первая — коричневая, вторая — почти черная. Сукно хорошо палится, очень мягкое. У чекменя складки и спереди по два прямых полотнища, а по бокам два клина. Каждый клин — половина полотнища, разрезанного наискось. Когда полотнища и клинья сшиваются, по подолу получаются восемь широких полотнищ. Чекмень не имеет застежек; запахивается он справа налево; запах очень глубокий. Раньше чекмени носили мужчины. Сверху чекмень подпоясывали широким поясом, закладывая концы наперед. Сейчас чекмень носят женщины зимой и осенью. Нередко надевают чекмень в дорогу поверх шубы и тулупа. Дорожные чекмени шьются с большим воротником «хрюпом» (рис. 38, б). Этот вид одежды известен под названием «халата» (с. Роговато — с большим воротником, носится в дороге) и «халуна» (Никитское, Акимовка — носится как верхняя одежда летом, зимой как дополнительная к шубе), «чекменя» (Кубань, Мошенки), «сапуки» (Ефросимовка), «зипуна» (Доженково, Будинце, Ефросимовка, Лыгово), «свнты» (Ильинское, Неплюевка, Прудинье). В Неплюевке боль-

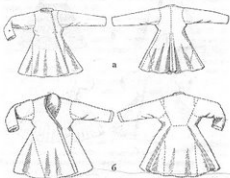

Рис. № 39. Верхняя одежда с клиньями
а — «жулинка» (с. Башинье Лыговского р-на Курской обл.); б — чекмень (с. Роговато Шаталовского р-на Белгородской обл.)

шой воротник называется «закорень» и пристегивается отдельно.

Как видно из разнообразных названий, в терминологию этой одежды нет устойчивости так же, как и ее применению. Она является круглодоной одеждой, то дорожной. В некоторых случаях только рабочей или только парадной; ходят в ней и в церковь и непрячутся. Так как термин «свнта» — древнерусский, а термин «чекмень», «зипун» — восточного происхождения, этнографы считают, что суконную одежду этого типа удобнее называть «свнто». К этому же типу одежды относятся тулуп и шуба (термин восточного происхождения). Разница лишь в том, что они шьются из овчины (рис. 38, в)³. К этой группе может быть отнесено и халатообразное ватное пальто старообразок из Большого Колчеза (рис. 38, г)⁴. Пальто шилось из «ломбока» или бархата, делалось распашным, с небольшим откладным воротником, без застежек, того же

¹ Архив ИГЭ, оп. 251, источник данных № 3895.

² Там же, источник данных № 226 — 2295.

³ Архив ИГЭ, оп. 251, источник данных № 3895.

покрой, что «свитки», но с очень длинными рукавами. Носили пальто вышивку, рукава обычно болтались. Пальто в рукава надевали только тогда, когда было очень холодно. Пальто надевали почти всегда к венцу, поскольку венчалась после свадьбы и до Великого поста, когда было еще холодно.

Одежда с цельной спинкой и клепачи по бокам называлась «зипуном» (Лыгово) с тремя клепачами по бо-

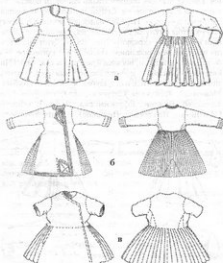

Рис. № 40. Верхняя одежда со сборами или складками
а — поддевка (с. Лыгово Хотынецкого р-на Орловской обл.);
б — (с. Никитское Троснянского р-на Орловской обл.); в —
«коротайка» (с. Лыгово Хотынецкого р-на Орловской обл.)

кам, а если она шилась из шерстяной материи волосенки, то называлась «поплетник» (Лыгово), «куцник» (Банище — рис. 39, а). Из всех терминов, обозначающих этот вид одежды, наиболее устойчив термин «зипун»².

Одежда с отрезной спинкой, со складками или сборами. «Полусвитка» (Лыгово)³ (с «хвалдами»). Примерно так же шилась куртка («кружка») Кургановой (50 лет) из Неплюевки⁴. Спинка куртки отрезная, по бокам ее два клепача. По бокам при шитье клепачи с полотнищем, а также последние при шитье задних полотнищ вставляли по три полосы сукна, длиной 40 см, шириной 10 см. Сложенные напополам полосы образуют складки. Получается одежда с девятью складками — «хвалдами» (три посредине и три по бокам). Куртку напоминает по покрою «чезмен», «чекменек» из с. Роговатое (рис. 39, б)⁵. Чекменек шьется из коричневого сукна с «поясничкой», т. е. с отрезной спинкой, с тремя складками на каждом боку, запахиивается справа налево, застегивается на та-

лин при помощи кожаных петель и кожаных пуговиц.

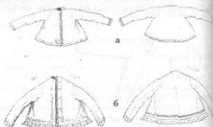

Рис. № 41. Ватные кофты
а — с. Будинце Большесолдатского р-на Курской обл.;
б — из дер. Большое Колечено Кромского р-на Орловской обл.

женских чекменей большой вырез на груди и края рукавов оторочены хромом. По бокам чекмени вставляют два клепача, которые складывают в три складочки «фалдочкой».

Одежда подобного покрой под названием «зипун» известна в дер. Анисимовке.

Верхняя одежда с отрезной спинкой была чаще с сборами, чем со складками. Одежда со сборами, шита из сукна, известна под названием «свитки» (с. Кубань, дер. Неплюевка), «зипун» (дер. Акимовка, села Никитское, Никольское), «коротайки» (села Лыгово, Никитское, рис. 40, в), «полусвитки» (Лыгово).

Одежда, шитая из черных или желтых овчин, называлась, как сказано выше, шубами и тулупами. Черные тулупы и шубы носили, например, в с. Никитском и в дер. Будинце. Полушубок — это короткая шуба. Чуть полушубки: талия, полы, юбка. На полушубок из восьми-девяти овчин, в подол была ширина до 4,5 аршин. Такого же покрой, но из фабричного сукна на мех шились поддевки (рис. 40, а), со сборами посреди (с. Лыгово, дер. Ефросимовка и др.). В Прудных до революции у бывших дворовых поддевки были «в сборочку», у барщинных — «в складочку». В Никитском мужская одежда называлась «поддевкой», а женская — «калтаном» (рис. 40, б). Калтан (вероятно, искаженное «калтан») шился из покушного хорошего синего сукна с отрезной спинкой, с мелкими складками на талии, без застежек, не имел ни ваты, ни подкладки, являлся как бы покрывной шубы. Носился калтан поверх шубы из праздничная одежда. В мужском калтане сборов было меньше, чем в женском⁶. С отрезной спинкой и складками, но без рукавов были «корсетки» из влиса на вате с подкладкой. Бедные шили корсетки из сатина. Известны корсетки в деревнях Неплюевка, Анисимовка, в селах Кубань, Лыгово. К этому типу относятся еще «чиньки» (дер. Болоховое) и «казички» (дер. Ефросимовка).

Одежда более нового типа представлена кофтами (с рис. 41, а, б). Среди кофт выделяется «холодильник» (с Будинце) из покушной черной материи на вате с подкладкой, со скошенной спинкой, с длинными рукавами, с

² Архив ИЭЗ, оп. 251, фольклорная запись № 285.

³ Там же, фольклорная запись № 986, 996.

⁴ Там же, фольклорная запись № 966.

⁵ Там же, фольклорная запись № 1396.

⁶ Архив ИЭЗ, оп. 251, фольклорная запись № 2886.

⁷ Архив ИЭЗ, оп. 251, фольклорная запись № 1396.

оборточная, распашная, без застежек. Носили кофты по праздникам с шубами и сарафанами, когда прохладно на улице. Такая же кофта под названием «веситник» известна в дер. Акимовке. Воротник стоячий, узкий, по воротнику строчка, по подолу тоже идет строчка прямыми и волнообразными линиями. Ватные кофты носили в настоящее время.

Сравнительно поздней верхней одеждой были шубы на вате с дисками воротниками (Ефросимовка, Будинце), а также пальто на вате (Долженково) и пиджаки мужские из покупного материала¹.

Выводы

1. Глухая (накладная) верхняя одежда на обследованной территории сохранилась плохо.

2. Все виды халатообразной одежды с клипсами и бортами являются общими для всей изученной нами территории и в то же время общерусскими. Они не имеют территориальных различий. Только нераспашная пузатка и черный шушун в селах Кислово и Роговато выделяют данную группу изделий.

3. Терминология видов одежды более разнообразна, чем сама одежда, так как для обозначения одежды одного и того же вида употребляется несколько терминов. Одна группа терминов общеславянская («свитки», «олусвитки»), другие термины восточного происхождения («зипуны», «чекюзы», «шуба», «тулун»). При этом славянская терминология больше распространена в западной части изученной территории, а восточная — в южной и восточной ее части.

Пояса

Пояс в XIX в. являлся необходимой частью как мужской, так и женской одежды всех возрастов. Им подпоясывали рубашки, укрепляли набеленную одежду (попел-пахта без пояса не могла держаться на бедрах), им подпоясывали распашную верхнюю одежду, не имеющую никаких застежек. Ходить без пояса считалось неприличным. С поясом связывался ряд обрядов. Распашать человека означало обесчестить его.

Пояса разделяются на две группы: 1) узкие, от 3 до 10 см, для ношения с нательной и домашней одеждой. Известны под названием «пояс» (Веть, Прудинце, Никитское), «опояска» (Кубань), «вожровка» (Ефросимовка, Спасское-Лутовиново) и 2) широкие, от 20 до 40 см, которыми подпоясывали верхнюю одежду; они назывались: «кушники» (Кубань и др.), «подпояска» (Никитское, Лыгово, дер. Мошенка)².

Пояса встречались самодельные и покупные. Самодельные пояса ткали на дощечках, на бердечке, на нитке, на обычном ткацком стане с бердом и без берда; были пояса вязаные, плетеные по стене, витые.

Способы плетения поясов

Тканье на дощечках — древний способ тканья, известный по всей Европе со времени неолита, в Средней Азии, на Кавказе. На изученной территории применялось тканье на дощечках мужских поясов в селах Будинце, Долженково, Банище, Никитское, Роговато³. Этот способ тканья заключался в том, что брали небольшие

квадратные дощечки с четырьмя дырочками и через дырочки пропускали основу. При очередном вращении дощечек образовывался зев, через который пропускали уток. Таким же способом ткали шуру для бахмалов.

Пояс мужской и с. Банище ткали из красных и зеленых ниток на шести дощечках. Одна доска — 4 красных нитки; вторая и третья доски — 2 нитки зеленых, четвертая и пятая доски — 2 нитки зеленых, 2 красных; шестая доска — 4 красных. Длина пояса 2 м, ширина 2 см. На каждом конце пояса по три выхора из красной шелкови.

Тканье на нитку заключается в подпалывании четырех нитей основы при помощи шпальных петель, которые соединяются группами в одну, в две, в три петли. Оттягивание и опускание петель образует зев. Этот тип тканья является прототипом горизонтального ткацкого станка. Тканье на нитку известно в Мошенке, Кубани, Старом Бузце, Будинце, Вети, Спасском-Лутовинове⁴. Так, в с. Будинце на нитку выткан свадебный пояс; длина пояса 115 см, ширина 1 см. Пояс ткан на трех пальцах (пальцах). Выбрано три группы ниток и каждая из них подпалывалась с отдельной пальцею. Подпалывали нитки в разном порядке, причем каждый набор по два раза. Основа — красная, желтая, черная, зеленая шерсть, уток — портьонный.

Тканье на бердечке. Тканье поясов в с. Долженково осуществляется при помощи бердечка с дырочками на тростях и широкими отверстиями, между тростями. Черные нити в основе пропускаются через дырочки в тростях. Они четные между отверстиями в тростях. Подпалывание и опускание берда образует зев. Тканье на бердечке известно средневеликорусам и широко распространено у белорусов⁵.

Тканье поясов на горизонтальном ткацком стане ничем не отличается от изготовления из нем обычных тканей. На ткацком стане выткан, например, пояс «подпояска» из с. Роговато⁶. Его носят с понойей-краснопошкой; пояс ткан на стане с бердом, на четырех подножках, из черной шерстяной нитки волосенки, пряженной с гребен (длина 246 см, ширина 11 см, три пояса). По концам пояса на протяжении 20 см заплата полосы золотой ниткой, шлевкой малиновой и синей, серебряной ниткой, по краю — бахрома (длинной 4 см) из синей шлевки, около бахромы по бокам — по два узла («унопона») из желтой и малиновой шлевки. Надевается пояс спереди назад, концы закладываются на левом боку, без узла. Тканье пояса известно дарили женщинам. Пояс из шлевки был признаком богатства. «Мать судно соткет, продаст его и даст деньги дочерям для покупки шлевки для поясов».

На стане пояса ткот с бердом и без берда. Для поясов, тканых на стане, характерны продольные полосы, которые образуются от цветных ниток в основе. Приходится отметить своеобразный орнамент, который встречается на поясах в Курской обл. Узор «стрелки» подучается от окрашивания нити в разные цвета лутен: переплывания отдельных частей основы (Мошенка, Будинце и др.). Этот прием известен в Средней Азии⁷.

Вязаные пояса вяжутся, как чулки, на нити спицах. Они известны как локальная форма в дер. Акимовке и с. Работыкове. В Работыкове мужские подпояски вязали

¹ Архив ИЭО, ин. 251, подшивки журналов № 2096, 286, 1935, 3666.

² Там же, подшивки журналов № 4206, 4306, 4316, 4336, 4906, 4126, 4196, 4156, 4216.

³ Там же, подшивки журналов № 4065, 4076, 4207.

⁴ Архив ИЭО, ин. 251, подшивки журналов № 4216, 4036, 4106, 4336, 4206, 4256.

⁵ Там же, подшивки журналов № 4116.

⁶ Там же, подшивки журналов № 2006.

на двух-трех спицах, адевали в них «оборочку», чтобы были круглые. На концах делали «косульки» — кисти. Невеста дарила такой пояс жениху, который повязывал его узлом («колечником») на правый бок. Надевший такой пояс считался просватанным. Такие пояса близки к поясам, изготовленным способом плетения по стене. Можно предположить, что вязание поясов есть упрощенное древнего весьма сложного способа плетения по стене².

Плетение по стене³. Втыкают в стену два колышка, через них делается основа так, как обычно делаются основы для стага. Для широкого пояса свуют 70 ниток. Плетение начинают, не снимая основы с колышков. Берут верхнюю нитку на большой палец, а нижнюю все время держат в руке. Второй ряд начинают, когда закончат первый ряд; поднимают нижнюю нитку на большой палец и ею переплетают верхнюю, верхние держат в руку и переплетают нижними; третий ряд делается так же, как и первый. По окончании трех рядов перевязывают «зев» т.е. между группами верхних ниток кладут поперечную нитку. После этого начинают плести с другого конца основы, делают таким же способом три ряда. После этого опять начинают плести с первого конца и т.д. Во время плетения нит с одного конца переплетаются на другом конце (Лыгово, Неплюевка, Акинювка).

Встречаются еще мужские «перевитые» пояса в с. Долженкове. Основа (шесть нитей по 2 пары), разделена на три группы; в каждой группе четыре нитки разделены на две и перевиты разноцветной шленкой — белой, зеленой, красной, синей.

Из покупных поясов широко распространены были полосатые кушачи «коренские». Их покупали на ярмарке около Коренского монастыря под Курском. Продавали пояса кушари из уездов Ширинского, Фатежского и др.

Кроме специально изготовленных поясов, пояса шили из различных покупных тканей со всевозможными украшениями. Такие «подпояски» носили во Лыгове, Никольском и других деревнях и селах. Подпояска из с. Никольского — шерстяная зеленая, длиной 2,8 м и шириной 30 см; по краям полосы малиновые и желтые, на концах — бахрома длиной в 11 см.

Пояс два раза обвязывается вокруг талии, на левом боку завязывается в два узла со спущенными концами. Носили подпояску с шугаем. На поясах женщины носили куринные косточки, чтобы рано вставать (дер. Пруднище), теребенки (с. Банище); мужчинам — ножны с ножом (с. Роговатое — мужчины в Роговатом были овчарями, и ножи им были необходимы), «костерики» для табака, шитые из холста (с. Никитское)⁴.

Женщины носили пояс очень низко, завязывая его спереди двумя узлами (дер. Старый Бузец) или петлей (с. Никитское). Мужчины складывали пояс вдвое и затягивали его через петлю (с. Никитское).

Особенно характерны для изученной области широкие пояса, тканые на стане, известные также в Воронежской, Рязанской, Тамбовской областях. Пояса эти необходимы для повязывания халатообразных верхних одежд.

По типу плетения и тканью поясов можно выделить юго-западную часть Орловской и Курской областей, которые и по другим элементам одежды также выделялись в своеобразный район, имеющий общность в одежде с украинцами и белорусами.

Обувь

Лапти. В XIX в. лапти были основной рабочей и праздничной обувью населения всех деревень и сел изученной области. В настоящее время лапти сохранились только как рабочая обувь (например, в дер. Старый Бузец), плетут их мужчины и женщинами. О том, что лапти являлись основной обувью, говорит и то, что они имели некоторое обрядовое значение. В селах Вет и Будин, когда жених шел свататься, он нес к невесте лапти; если невеста их принимала, то это означало, что она согласна идти за него замуж. После этого можно было начинать сватовство⁵.

Преобладающий тип лаптя — так называемый «моковской», т.е. с круглой головкой, с плотными бортиками, через которые продеваются обмоты. Начинают плести моковский лапоть с пятки, плетут на колоде 10 — 12 лык, чаще всего из липы.

Лапти разделяются на «простолетки» и на «подпоясанные», т.е. с подошвой, переплетенной лыковыми лыками или пеняковой веревкой (с. Банище). Разница между мужскими и женскими лаптями заключается в размерах, в ширине лыка на носках. Женские лапти более дробные (т.е. из мелких лык), а мужские — широкие, «адренные» (Ефросимовка). Праздничные женские лапти делаются с украшениями (писаные), с узорами «елочку», «у сосны» (Старый Бузец). Сохранилось воспоминание о рабочем лапте «рабочий» в виде белорусского «коверня» (Лыгово)⁶. Наличие этого лаптя прослежено также в юго-западной части Брянской обл. (Ружное), а также в Севском р-не.

Опучи. Опучи — холщовые, суконные или портянные полотношки, которыми обертывают ноги⁷. Ткани в четырех подложках из замашных ниток или из черной и белой шерсти. У богатых были белые суконки с основой из замашки и утком из белой шерсти (села Долженково, Лыгово, Будин, Никольское). В других местах встречались «рябые» опучи с основой из замашки, утком из черной шерсти (Неплюевка, Старое Меловое, Старый Бузец). Длина мужских опуч пять локтей, женских — четыре локтя («локоть» — длина руки человека от локтя до пальцев). Суконные опучи толкли в ступах, валяли в корыте ногами, поливая горячей водой (Никитское), или «на зайцах» — станке с плетевой решеткой. По решетке катали опучи слегой из трех бревен с клепушками, длиной 2 см (Ефросимовка). Валяли опучи также на сукновальных у молочков в Коренском монастыре (Мошеница) и на валяльных при мельницах (Неплюевка).

Оборы — обмотки, придерживающие на ноге опучи, в основном вшитые в три пряди из пеняки (Акинювка) или вшитые из двух прядей (Долженково). Черные обмоты,

² Там же, фольклорный запис № 4236, 4356.

³ Архив ИЭ, оп. 251, фольклорный запис № 9916.

⁴ Там же, фольклорный запис № 4336, 4326.

⁵ Там же, фольклорный запис № 4966, 4076, 4106, 4146, 4256, 4306, 4316.

⁶ Архив ИЭ, оп. 251, фольклорный запис № 3156, 3216.

⁷ Там же, фольклорный запис № 1096.

⁸ Там же, фольклорный запис № 286, 666, 1066, 1626, 2386, 2516.

платье на дощечках или дерганные на руках, были известны в Работькове.

По преимуществу домашней обувью служат «чуни» — туфли, плетенные из пенных Чуни (Баше, Ефросимовка) вяжут крючком, ходяки плетут на иглоде, как лапти.

Поршни — кожаная обувь. Поршни шились из одного куска кожи со швом на носке и на пятке. Они носились на издержке из ремня. Известны лишь в дер. Ефросимовке, где лет 50 тому назад старики пахали в поршнях¹.

Коты — женские туфли из грубой кожи с небольшим каблучком и железными подковками. Были известны как «копички» (с. Лыгово), «чаровизки» (с. Никитское). Коты были больше распространены у бывших одишворцев, чем у помещичьих крестьян. Носили их с суконным «набором», т. е. с чулками (с. Лыгово), с «оборона», ткаными на досках (с. Никитское)².

Сапоги. Носить сапоги начали с того времени, как стали уходить на заработки (с. Работьково). А раньше сапоги были лишь у богатых, но и те носили их не каждый день. Женские сапоги были с подковками, «с золотыми пятками» (с. Будиче). Венчались в сапогах (дер. Большое Колчево)³.

Чулки. Шерстяные чулки очень широко распространены. Сейчас их носят летом как рабочую обувь, с галошами. Чулки старинные были без пятки, потом стали вязать с пяткой. Вяжут чулки на 5 спицах, по сохранности еще вязали на одной игле из сваной кости (с. Никитское) и на «гусином пере». В с. Большое Колчево бытует еще много чулок, вязанных на гусином пере, называемом «подклады», на косточке от крыла. Чулки белые, сверху с двумя черными полосами, без пятки. Пятку обшивали холстом, чтобы была прочней. Вязать начинали с носки, «брали одну петлю, накидывали другую, четыре забирали, спускали через две, потом перекидывали, оставалась одна, опять накидывали, забирали четыре, спускали через две, оставалась одна и т. д.» Подсудывались чулки с поперечными полосами. Длина их 85 см⁴.

Валенки — «волнушечки» — зимняя обувь. Своих валяльщиц было мало. Были приходящие валяльщицы со стороны, в частности из-под Почепа. «Носили валенки те, у кого побольше было овец». Даже богатые крестьяне по три года носили одни и те же валенки, «больше на них глядела, чем носили».

Комплексы одежды

Все описанные элементы традиционной одежды составляют различные комплексы, характерные для тех или иных групп населения. Среди женской одежды выделяются три комплекса одежды: комплекс с поневой, с сарафаном и с юбкой.

1. Комплекс женской одежды с *поневою* (рис. 42) разделяется на три разновидности:

1) Клетчатая синяя *понева*, распахнутая или с прошивой, рубашка с прямыми полками, пришитыми по основе или утку, туникообразная занавеска или занавеска с грудной, рогатая юбка с бисерным позатыльным, бисерные

нагрудные украшения, коричневая верхняя одежда с клиньями и халатообразная верхняя одежда.

Распространение этой разновидности комплекса одежды с *поневою* прослеживается на очень широкой территории, включающей Орловскую обл., север Курской и отдельные селения вплоть до Белгорода (с. Никитское). На этой территории живут группы бывших помещичьих крестьян под названием «цуканов», «саянов» — крестьяне сел Лыгово, Работьково. Описанный выше комплекс одежды является общим с женской одеждой Рязанской, Тульской и Калужской областей. Комплекс этот можно назвать окским; территория его распространения совпадает с древней территорией вятичей. Поскольку в него

Рис. № 42. Крестьянка в старой народной одежде (с *поневою*) (с. Спасское-Лутошино Хотынского р-на Орловской обл.)

входят древние элементы одежды, возникновение которых можно предположительно отнести еще к племенному быту, то его можно назвать также комплексом вятическим и указать на его тесную связь с финнами Поволжья.

2) *Понева-плахта*, рубашка с прямыми полками, пришитыми по утку, головной убор — «хустка», лапти «рачки» и белая верхняя одежда с клиньями. Эта разновидность комплекса одежды с *поневою* встречается в самой западной части изученной области (Акимовка, Неплюевка) и близка к одежде крестьян Севского и Трубочевского уездов 6. Орловской губ. Ближние к ней формы одежды встречаются у украинцев Черниговщины.

Древние элементы одежды второй разновидности комплекса с *поневою*, его распространение на древней территории славянского племени (или племенного союза) северян, рядом с территорией, заселенной горнянами, которых Д. К. Зеленин считал «антохотами» края, — все

¹ Там же, рукописная запись № 2875.

² Архив ИЭО, оп. 251, рукописная запись № 1956, 1346.

³ Там же, рукописная запись № 286, 2376.

⁴ Там же, рукописная запись № 495.

это позволяет назвать повсеместный комплекс второй разновидности северинским. Нашествием татар он, возможно, был несколько оттеснен к западу.

3) Красная браная попева с поясом, рубашка с прямыми полками, пришитыми по утку, и рогатая кивка

Рис. № 43. Крестьянка в старой народной одежде (с сарафаном) из с. Никитское Борисовского р-на Белгородской обл.

— черный шушун. Эта своеобразная разновидность комплекса одежды с поповой позволяет выделить отдельную группу населения бассейна Дона (с. Роговатое), которая по своему говору относится к «шекутам». Оцениваясь на археологических данных, один исследователь относит бассейн Дона к вятичской области, другие — к территории северян.

II. Комплекс женской одежды с сарафаном (рис. 43, а, б) представлен несколькими разновидностями.

1) Косой сарафан «сукня», рубашка с прямыми полками, пришитыми по утку, кокошник. Эта разновидность комплекса одежды с сарафаном принадлежит бывшим крестьянам четвертного права.

Сложилась она в Московском государстве в XIV в., на обследованную нами область распространялась с поселением пушарей и стрельцов (московских людей) на третьей засечной черте. Тот же комплекс, но в соединении с рогатой кивкой, известен в Никольском — селе помещичьих крестьян, которые по говору относятся к «икальчанкам».

2) Сарафан с лифом, рубашка с прямыми полками, головной убор «наколка» или кокошник. Встречается эта разновидность комплекса одежды с сарафаном у бывших однодворцев второй засечной черты и имеет много общего с одеждой населения Смоленщины, белорусов и народов Прибалтики.

3) Прямой сарафан, рубашка с прямыми полками, пришитыми по утку, головной убор «повойник». Эта разновидность комплекса одежды с сарафаном является общей для всех групп населения, различия лишь в степени ее распространения — не бывала только там, где был

распространен третий комплекс женской одежды — с юбкой.

III. Комплекс женской одежды с юбкой. Характеризуется суконными домоткаными юбками, рубашками с прямыми полками, пришитыми по утку, с большим откладным воротником, головными повязками и кокошниками. Этот комплекс одежды бывших однодворцев второй засечной черты оказывает некоторое влияние на группы населения, среди которых ранее была распространена одежда с поповой.

В мужской одежде выделяются три комплекса:

I. Мужская рубашка с прямым воротом, штаны с четырехугольной шпиринкой, белый колпак и, возможно,

Рис. 43 б. Крестьянка в старой народной одежде (с сарафаном) из с. Никитское Борисовского р-на Белгородской обл.

белая свитка.

II. Рубашка-косоворотка, штаны с треугольной шпиринкой, коричневая шапка-валенка, халатообразная свитка.

Первый комплекс имеет много общего с одеждой белорусов и украинцев. Он распространен в западной части обследованной территории.

Второй комплекс охватывает всю остальную часть изученной нами территории и является общерусским. Его основные особенности — рубашка-косоворотка и халатообразная свитка — создавались в послемонгольский период.

III. Третий комплекс при наличии русских штанов, халатообразного чехмежа характеризуется мужской рубашкой с прямыми полками, пришитыми по утку. Эта рубашка, как мы видим, роднит обитателей с. Роговатого с украинцами, где рубашка с прямыми полками, пришитыми по утку, встречается у мужчин ряда этнографических групп.

Таким образом, комплекс мужской одежды так же, как и женской, подчеркивает общность населения западной

части наученной нами области с белорусами и украинцами, общность обитателей с. Роговатого с украинцами.

Но если среди комплексов женской одежды выделяется комплекс, являющийся только южновеликорусским, то комплекс мужской одежды является общерусским.

Анализируя распространение комплексов мужской и женской одежды, мы по пережиткам древней одежды, сохранившимся и в XIX в., выделяем прежде всего словенские группы, сложившиеся в XVI и XVII вв., а именно однодворцев и крестьян четвертного права. Обе эти группы характеризуются словенской одеждой XVI — XVII вв., одна — москвитинская, другая — польско-литовского происхождения.

Подлинейная словенская одежда вытеснила предшествующие формы одежды. Однако в некоторых случаях их все же удается проследить, например, в комплексах одежды. Никитское-Тростенец, где за бытовавшим до недавнего времени комплексом женской одежды с сарафаном скрывается более древний комплекс синей клетчатой поневы с рогатыми кичками. Обнаруженные древние формы костюма говорят о том, что служилые люди с. Никитское, возможно, сформировались из окской группы (где носили поневу). Общность с окской группой обнаруживается также у населения сел Будини и Долженково. Эта общность проявляется в отдельных деталях одежды — в наличии селеневых кудрей в головном уборе, распространенных, как мы знаем, на территории южновеликорусов и средневеликорусов.

Рассматривая остальные группы селений, мы выделяем три территории: окскую (комплекс с синей клетчатой поневой в отдельных случаях заходит и на юг — с. Никитское), приднепровскую и донскую.

В эти группы входят мелкие подразделения, но в этом комплексе есть более широкая общность.

В окскую группу входят: «цуканы», «саяны», жители селений Сивасское-Лутовиново, Прудиче, Лыгов, Работьково, Кубань, Старый Бузец.

В приднепровскую группу входят жители деревень Аюмовки и Неплюевки.

В донскую — жители с. Роговатое.

В выделенных нами группах указываем только обследованные селения. Но каждое обследованное селение окружено целым рядом деревень и сел, жители которых носили ту же одежду, что и в этом селении. Таким образом, указанные селения являются как бы представителями определенных гнезд. При общности основных элементов каждое гнездо имеет свои особенности в одежде. Нередко отличия в одежде соседних сел определяют степень сохранности отдельных черт традиционного костюма. Так, одежда дер. Старый Бузец резко отличается от одежды соседних сел тем, что в ней хорошо сохранились старые формы. В других случаях одежда отличается некоторыми второстепенными чертами (например, введением воковую материю в старую традиционную одежду, шившуюся ранее из доматканной).

Определенные гнезда объединялись или церковным приходом (Старый и Новый Бузец), или владением одного помещика: «Потемкины» (с. Никольское и прилегающее к нему селения), «Мазешины» (Ивановка, Степановка, Марьяновка, Неплюевка, Аюмов и др.), или социальным происхождением. Принимая во внимание сложность состава населения каждого гнезда, целесообразно предложить вниманию читателя список всех этих

гнезд.

СПИСОК ГНЕЗД

I. Бытие однодворцы

- 1-е гнездо — Слобода, Сатово, Коскино, Коцеевка.
- 2-е гнездо — Вологово-Роговец («индохин»).
- 3-е гнездо — Репец, Резное, Аюнов, Бутырки, Знаменское («гольманы»).
- 4-е гнездо — Дубовец, Вязека, Сухое, Стрелец, Степановка, Жорлово, Слепуха, Яблоново, Пасковец.
- 5-е гнездо — Кузьмино, Воробьевка, Сухарь, Чалыгино, Шерстопаловка («кулгуры»).

II. Бытие крестьяне четвертного права

- 1-е гнездо — Будини, Долженково, Пушкарное (Большое и Малое), Филатово, Бегичево, Касиновое, Бабини, Бакастово, Кривницкие Буды, Леоновка, Любостан, Кукуй, часть Большого Солдатова, Козаревка, Бирюковка, Черное, Осиновка, Бички, Черный Алех, Осиновка, Песчаное, Щегелево, Борзя, Плехово.
- 2-е гнездо — Никитское.
- 3-е гнездо — Роговатое.
- 4-е гнездо — Змеевка, Студенок.

III. Группы населения Окского бассейна

а) Цуканы

- 1-е гнездо — Никольевка, Соловьевка, Полянковка.
- 2-е гнездо — Долгоруково, Березовка, Муравка.
- 3-е гнездо — Ефросимовка, Марьяновка, Шелеповка.
- 4-е гнездо — Змеевка, Студенок.
- 5-е гнездо — Алухтино, Акифисно.

б) Саяны

Селения: Долгое, Мошенка, Будановка, Жерновец, Служкое, Малаховка, Дубовец, Газово, Винограбель, хутор Гремячки, Водянал, Липенские Выселки (крестьяне Коренского монастыря), Банище, Пристань, Зайконо, Жилище, Горюстаевка, Морща, Боронино (крестьяне Коробковского монастыря), Старый Бузец.

IV. Группа населения Днепровского бассейна

Селения: Неплюевка, Крупец, Хомутовка, Дмитриево, Клевень, Акимовка.

V. Группа крестьян Донского бассейна

Села: Роговатое, Кисзово.

Сохранность старых традиционных форм одежды в XIX — начале XX в. была различной у разных слоев сельского населения. Принято считать, что доматканная одежда была одеждой бедняков, а одежда из фабричной ткани — одеждой богатых. (Это нашло отражение в музейных экспозициях, а также в Трудах Государственного исторического музея). Однако характер материала одежды беднейших слоев деревни и наиболее богатых определяется прежде всего степенью развития в данной конкретной области денежного хозяйства. Так, например, в Псковской губ., где в конце XIX — начале XX в. был широко развит сбыт льна-волока, считалось более выгодным продавать лен, а ходить в одежде из ситца. С другой стороны, на юге бывшие однодворцы, которые были гораздо зажиточнее бывших помещичьих крестьян, долго сохраняли доматканную старинную одежду. С интенсификацией развития денежных отношений не только сельская буржуазия, но и главным образом пролетаризировавшаяся

часть деревни становилась носительницей новых форм одежды из фабричного материала. Различные классовые группы в деревне были по-разному обеспечены одеждой: богатые имели возможность запастись большим количеством одежды (рубаш, понев и т.п.), которая передавалась по наследству детям и даже внукам; середняки не имели больших запасов одежды, и бедняки часто не были обеспечены даже необходимой одеждой (особенно верхней) и обувью. Очевидна и разница в цене употреблявшегося материала (сарафаны из атласа и штофа — у богатых, из ситца — у бедных), в стоимости головных уборов, украшений и т.п. Разрушение старых традиционных форм в связи с развитием капитализма происходило с наибольшей интенсивностью у двух крайних социальных групп крестьянства: бедной и богатой. Наиболее активна в изменении одежды всегда молодежь. Новые виды одежды приносили в деревню «фабричные», т.е. те, кто уходил работать на фабрики в города или окрестные фабричные центры. Старое поколение, оставшееся в деревне, и сейчас хранит одежду своей молодости. Особенно ярко это проявляется в погребальной одежде. Древний обычай хоронить в том, в чем викался, нередко приводит к консервации старинной одежды, которая сохраняется в течение ряда столетий как погребальная.

Элементы новой одежды и головных уборов обычно сильнее всего проявляются в праздничной одежде. Новые, модные покрои платья, головные уборы, украшения внедряются в праздничную одежду. Но в то же время мы видим, что нередко именно в праздничной одежде сохраняется ее старая форма. В особенности этим отличается праздничная одежда, которая надевалась на весенние праздники, по своему происхождению очень древние, дохристианские, связанные с языческими культами. Поз-

днее они были приурочены к красной горке, семени, зорскому заговенью, Ивану Купале. Так, в с. Никитин (Грайворонский у. Курской губ.) при господствующем комплексе одежды с сарафаном сохраняется и пошева («весенняя одежда», обязательно надеваемая молодые женщинами на «гулянки», начиная с пасхи и до троих). Тут же обязательно надевания старинной одежды и видим в свадебных обрядах. В с. Роговато, например, считали необходимым на молодую в первый день свадьбы надеть старинную одежду с пошевой; рогатые кнз во многих местах сохраняются в нескольких экземплярах и являются необходимой принадлежностью головного убора молодых женщины в первые дни замужества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собранный экспедицией материал, характеризующий старую традиционную русскую одежду, показывает, что большинство прежних форм одежды перестало употребляться населением и что в настоящее время в советской деревне преобладают те же формы одежды, которые носили в городе. Этому способствовал ряд обстоятельств: повысившийся при колхозном строе материальный и культурный уровень жизни сельского селения, тесная связь колхозной деревни с городом, наличие сравнительно дешевых и хорошего качества материалов для пошива одежды, большой ассортимент готовой одежды, обуви и головных уборов в магазине сельской кооперации. Во это нивелирует сельскую одежду, создает общий тип сельской и городской одежды. Кепка или шапка, мужская рубашка с прямым вырезом ворота, мужские и женские костюмы и платья, трикотажное белье — стали общими достоянием города и деревни.

Материальная культура русского сельского населения западных областей* (во второй половине XIX — начале XX в.)

Введение

Летом 1953 г. началась экспедиционная работа по сбору материалов для Русского историко-этнографического атласа. Западный отряд Русской экспедиции в течение двух месяцев обследовал более 40 населенных пунктов (рис. 1), а именно: в Смоленской обл. (б. Смоленская губ.) Булгаково, Третьяково, Обухово Духовщинского р-на (б. Духовщинского у.); в Великолульской обл. (часть б. Псковской и Витебской губерний) Пески, Кокарево, Петрово и другие Невельского р-на (б. Невельский у.), Мясово, Чертеж, Уолзи и другие Пустошкинского р-на (б. Себежский у.), Жуки, Турково, Казинка Себежского р-на (б. Себежский у.), в Псковской обл. (часть б. Псковской и Петербургской губерний) Савинцы, Карпово Пыталовского р-на (б. Лихвинский у.), Грызавино, Савино, Патамино, Борщово, Цювица и другие Островского р-на (б. Островский у.), Долое, Александрово Слобода, Баслаки Духовногорского р-на (б. Новоржевский и Опочевский уезды), Митковицы, Загорье, Затрубье Печорского р-на (б. Псковский у.), Ренда, Заболотье, Колы, Гребени, Болдырево, Клинь Середнинского р-на (б. Гдовский у.), Дленищина Береговая, Колоколово, Каменный конец, Капуновщина Гдовского р-на (б. Гдовский у.); в Латвийской ССР поселения Бригского и Рундзановского наместов Зилупского р-на (б. деревни Савиня, Бриги, Нагоги, Ковалишки)¹, Рагинские, Ковалево, Белоурдово, Авлен, Саконо, Граверы, Лесные доски и другие селения Краславского р-на; Грина, Переклевка, Кирлишки, хутора Калкунского сельского совета Дунавильского р-на, поселок Аудриня, Филькино, Зарец, Козловка, Гринканы, Игнашаны, Спружево Рижского р-на.

Направление работы Западного отряда Русской экспедиции определялось основными задачами издания Атласа. В соответствии с этими задачами прежде всего были изучены в историческом развитии крестьянское хозяйство, одежда, сельскохозяйственные орудия.

Документальный иллюстративный материал представлял чертешками, рисунками и фотографиями.

В постоянный состав Западного отряда Русской этнографической экспедиции входило шесть человек: научные сотрудники О. А. Ганцкая (начальник отряда), Н. Н. Лебедева, Л. Н. Чинчикова, художник Н. А. Юсов,

аспирантка А. А. Заварина, фотограф Р. П. Беляев. На территории Латвии изучение местного русского и латышского населения проводилось совместно с Л. Н. Терентьевой, возглавлявшей в 1953 г. этнографическую работу Прибалтийской археолого-этнографической экспедиции. В Печорском, Середнинском и Гдовском районах Псковской обл. сбором материалов занимались, помимо участников Русской экспедиции, сотрудники АН Эстонской ССР А. Х. Моора и Е. В. Рихтер. Кроме того, к отряду были привлечены студенты-дипломники кафедры этнографии исторического факультета МГУ Г. Н. Давылова и М. Н. Морозова.

Обследованные деревни Смоленской, Великолульской и Псковской областей в своем большинстве русские по национальному составу населения. Исключение составляют деревни Казинка Себежского р-на Великолульской обл., Затрубье и Загорье Печорского р-на Псковской обл.

Дер. Казинка находится на территории Армейского сельского совета. Селения этой территории в прошлом делились на русские и польские. В последние, например в Казинке, жили малоземельные крестьяне-католики, считавшие себя потомками шляхты. Уже в конце XIX в. среди этих крестьян польский язык знала хорошо лишь часть старшего поколения, остальные говорили «по-простому» (т.е. по-русски). В настоящее время все население Армейского сельсовета, как и всей Великолульской обл., говорит по-русски. В XIX в. здесь имело еще место некоторое обособление крестьян-польков от русского населения. Так, поляки и русские не приглашали друг друга на свадьбу и праздники, редки были браки между ними. В наши дни подобного обособления в быту крестьян не замечается.

По материальной культуре и по терминологии предметов домашнего обихода крестьяне-католики, как, впрочем, и православные Себежского р-на, близки к белорусам. Вполне возможно, что это потомки польской и ополячившейся белорусской шляхты, которая поселялась Польско-Литовским государством на его окраинах. После присоединения к России (1772 г.) большая часть разорившейся шляхты была приписана к разряду государственных крестьян.

Жители деревень Затрубье² и Загорье Печорского р-на — сету. Это этноциды православного вероисповедания.

* Работы «Хозяйство» писала О. А. Ганцкая, «Поселения и жилища» Л. Н. Чинчикова, «Одежда» и «Вещные» — Н. Н. Лебедева.

¹ Название деревни носит теперь группа хуторов, на которых проводились буржуазной реформы в Латвии.

² Деревня носит, по мнению местных жителей, название Затрубье, потому что в ней ранее, чем в других, стали строить печи с трубами.

Говорят они на диалекте, отличным от литературного эстонского языка настолько, что дети сету в первый год обучения в школе не совсем понимают эстонскую речь и просят учителей говорить так, как говорят у них дома. Взрослые обычно хорошо говорят по-эстонски, многие из них, кроме того, знают русский язык и хотят, чтобы их дети тоже знали русский язык. Сету в отличие от остальных эстонцев были рано присоединены к Московскому государству. Этим объясняется наличие многих русских черт в их культуре.

Сету и русские жили в прошлом несколько обособленно друг от друга. Смешанные браки у них были редки, так же как было редким исключением приглашение сету русскими и наоборот на свадьбы и в гости в праздничные дни. В условиях советской действительности с проведением ленинской национальной политики обособление сету от русских постепенно стирается.

В Митковичском сельсовете, помимо Затрубы и Загоры, есть еще немало деревень, где живут сету; все колхозы, кроме «Красного пахаря», смешанные по национальному составу. Так, в колхозе им. Калинина русские живут в деревнях Лебеды, Бобково, Гвоздиково; сету — в деревнях Березник, Второй Березник, Булатово, Денидово, Херково, Рысево и т.д. По национальному составу населения сельские советы Петорского р-на могут быть разделены на две группы. В деревнях сельсоветов, относившихся к первой группе, а именно в Веребковском, Кулейском, Городищенском, Сенском, Печковском, Вельевском живут русские; в сельсоветах второй группы — Паниковском, Петорском, Лезговском, Ивановолотинском, Шилкинском, Митковичском и Изборском — русские и сету. Граница поселений сету на севере проходит недалеко от Старобизиды.

В Зидулском, Краславском, Резекненском и Даугавпилском районах Латвийской ССР живут, помимо латышей, русские, белорусы и поляки. Среди верующих поляки и большинство белорусов — католики, как и латыши Латвии. В части Даугавпилского р-на (б. Гивский у.) латыши — протестанты, так же, как и в остальной Латвии. В Зидулском р-не большая часть верующих русских — православные, но много живет там старообрядцев. Последние преобладают среди русского населения остальных районов. Русские старообрядцы считают себя потомками последователей дядища Феодосия, бежавших во время гоений в Польское государство из соседних областей России. Кроме федосеевцев, в Латвию в восточные районы Литвы бежали также поморцы, объединившиеся в одно «согласие» с федосеевцами только в XX в. Другую группу русского населения Латвии составляют крестьяне, переселенные сюда царским правительством.

Поляки в Латвии были, возможно, подобно себеским полякам, поселены в XIV — XV вв. правительством Польско-Литовского государства. Так же, как в Себеском у., после присоединения к России значительное число их попало в разряд государственных крестьян. Поляками считают себя также некоторые белорусы, предки которых назывались «поляками» по принадлежности к «польской вере», т.е. католичеству. Среди таких крестьян польский язык знают лишь

немногие представители старшего поколения.

Многие крестьяне, деды и прадеды которых были белорусами православного вероисповедания, называют себя сейчас русскими. Они не знают белорусского языка и сохраняют только воспоминание о том, что их предки были белорусами.

Довольно далеко зашел процесс сближения белорусов, поляков и латышей, которых издавна объединяла принадлежность к католической церкви. Браки между латышами и белорусами были распространеным явлением уже во второй половине XIX в. Так, по рассказу крестьянина Луна И. М., в дер. Саково Краславского р-на «давно все перемешались: и белорусы и латыши. Бывало белорус возьмет латышку, и дети пишутся латышами, а бывало и наоборот»¹. Реже заключались браки между латышами и белорусами, с одной стороны, и поляками — с другой.

Имели место в прошлом браки русских православных крестьян с местным католическим населением, причем чаще с белорусами и поляками, чем с латышами. Русские старообрядцы из-за боязни своего духовенства, а также в силу консерватизма бытовых устоев очень редко вступали в брак с католиками. Выход замуж за старовера или женитьба на староверке осуждалась, в свою очередь, и в латышских семьях. Если брак все же должен был состояться, католическая церковь настаивала на принятии инвертием католицизма, а духовенство старообрядцев — на крещении в старообрядчество. В советское время латышская, русская, белорусская и польская молодежь при вступлении в брак не придает значения различию национальной принадлежности или вероисповедания.

Несмотря на некоторое бытовое обособление разных национальных групп крестьянства восточной Латвии между ними всегда были тесные экономические и культурные связи. Языком общения этих групп служил русский язык, который хорошо знали почти все латышцы, не говоря уже о белорусах и поляках. Русские, белорусы и поляки далеко не всегда владели латышским языком; сравнительно хорошо говорили по-латышски только русские ремесленники, работавшие плотниками, каменщиками, печниками в деревнях и городах Западной Латвии. Постоянное общение латышей, русских, белорусов и поляков не могло не оказать известного взаимного влияния на их быт и культуру.

Хозяйство

В эпоху крепостного права сельское население западных областей России делилось на три категории: барщинных крестьян, государственных крестьян и крестьян-арендаторов. В Латвии к категории крестьян-арендаторов относились преимущественно русские старообрядцы, переселившиеся из соседних губерний России после церковной реформы. В XVII — начале XVIII в. местные помещики, заинтересованные в дешевой рабочей силе, охотно принимали беглых раскольников на свои земли. На правах аренды русские семьи или группы семей получали от помещиков земельные участки. По договоренности с помещиком за аренду крестьяне должны были обрабатывать на земле помещика своим инвентарем, поставлять лошадей для имений, вносить денежную плату. Условия аренды устанавливались договорами не

¹ Архив ИОЗ, см. 238, подлинник записки № 144а.

оформлялись. В окрестностях Гривы сохранилось предание о том, что бежавшие сюда во время гонения старообрядцы поселились вначале около Лептинских, в Войтинских и Володине, а оттуда расселились по всей округе на землях барона Этингера. Старообрядцы не были крепостными, они имели право передвигаться с места на место.

Рис. № 2. Орудия нахвата и боронования:
а — двухлепестная соха (дер. Пески Невельского р-на Великолукской обл.); 1 — «деревя»; 2 — лемех 3 — оглобли «обжи»; 4 — перекалка; 5 — верхний корень; 6 — деревянный плуг. Концы XIX — начало XX в. (дер. Доржиново Духовнического р-на Смоленской обл.)

Старик А. И. Вавилов (90 лет) из дер. Прелевки сообщил, что «отец его батюки был российским, из России перебежником. Российские здесь не были пригошными». Отец Вавилова жил вначале не в Прелевке (это была польская деревня), а в Гниловке, затем он купил землю в Прелевке у барона. До покупки земли он платил барону деньги за ее аренду.

После отмены крепостного права барщинные крестьяне получили за выкуп небольшие земельные наделы. Положение крестьян-арендаторов не изменилось, так как большинство из них продолжало оставаться в полной экономической зависимости от помещиков.

Только в связи с польским восстанием, стремясь создать себе опору в лице старообрядцев, царское правительство пошло на ряд мер по обеспечению их земель. К таким мерам относился циркуляр от 17 июня 1863 г., воспрещавший помещикам удалять крестьян с арендуемых земель по истечении срока аренды. Однако в апреле 1869 г. последовал другой циркуляр, по которому старообрядцы должны были или заключить с помещиками

формальные договоры, или покинуть арендуемые земли. Был установлен двухлетний срок: в апреле 1871 г. все прежние обязательства владельцев прекращались. В 1871 г. помещики начали переходить к осуществлению своих прав, оговоренных циркуляром 1869 г. Однако этот циркуляр был отменен 27 мая 1876 г., и за старообрядцами были закреплены арендуемые ими участки на правах бессрочной аренды или на правах выкупа. Тяжбы с помещиками из-за бессрочной аренды в Витебской губ. длились еще долгое время. Так, крестьяне деревень Стародворье, Деркали, Згаевские, Алейники и другие Прельского уезда судились с помещиком Реутом из-за бессрочной аренды до 1917 г.¹

Данные о размерах крестьянских землевладений в западных губерниях России в конце XIX — начале XX в. говорят об ускорении процесса классовой дифференциации крестьян. Наряду с выделением бедняцкой прослойки в крестьянской среде появлялись семьи зажиточных крестьян, скупавшие помещичьи земли и державшие подарды. Так, например, в дер. Прекемели Гривского р-на была в 1880-х годах семья, владевшая 70 га земли, купленной у барона в Калкутах. Однако преобладающая масса крестьян Псковской, Смоленской и Витебской губерний была малоземельной, основные массивы земли принадлежали крупным землевладельцам-помещикам. В зависимости от того, была ли семья малой или большой², на нее приходилось от 2 — 5 до 15 — 20 десятин. Так, например, в дер. Жуки семья Пахомова в 80-х годах XIX в. на 15 душ имела 20 десятин, а в дер. Турково семья из семи человек владела четырьмя десятинами. Раздел семей вел к дроблению надела; многие крестьяне, не имевшие возможности купить землю, становились безземельными.

Разделы больших семей во второй половине XIX в. происходили по мере их чрезмерного разрастания, а также зачастую в случае смерти главы семьи. Земля при разделе делилась только между сыновьями, но отец мог заранее «отписать» часть надела незамужней дочери. Если раздел происходил при жизни отца, то он оставлял себе надел, обычно равный наделу каждого из сыновей. После раздела семьи родители поселились с одним из сыновей, чаще всего с младшим. К престарелым родителям в семье этого сына относились хорошо, боялись их обидеть, потому что родители в противном случае могли переехать к другому сыну и передать ему свою долю земли.

Крестьяне сели на своих наделах розь, овес, ячмень, в меньшей степени пшеницу, а также выращивали картофель, огородные культуры. Специфика хозяйства обследованной территории складывалась в течение длительного исторического периода под воздействием нескольких факторов. Так, географические условия большей части Псковской, Витебской, Смоленской губерний благоприятствовали развитию льноводства. Как известно, эти губернии, наряду с Новгородской, являлись главными поставщиками льна на внешний и внутренний рынки. Центрами закупки льна у крестьян были города Псков, Печора, Витебск, Двинск, Остров. На долю последнего приходилось 10 — 15% общего вывоза льна из России³. Географические условия Петербургской губ.

¹ Архив ИД, оп. 238, подкладочный лист N 124а.

² Большой семьей мы считаем трехдетную семью, в которой живут родители, их несовершеннолетние дети, поселившиеся и живущие с сыновьями с женой и детьми, а также сестры родителей — вдовья братья со своими женой, детьми и несовершеннолетними сестрами.

³ Россия, т. 3. Очерки области. Под ред. В. Н. Семенова. СПб., 1900, С. 136.

(наличие озер и близкие дуги) способствовали развитию промыслового рыболовства и животноводства.

Производственная специализация губерний и отдельных районов обозначилась особенно резко в период наибольшего развития капитализма в России, в конце XIX — начале XX в.

Необеспеченность земель лишала крестьян возможности вводить агротехнические новшества в хозяйство. Несмотря на быстрое проникновение в деревню товарно-денежных отношений, крестьянское хозяйство во второй половине XIX в. и даже в начале XX в. находилось на низком уровне развития. Господствующей системой хозяйства было трехполье; имела еще место даже однополье, или лядина, система хозяйства (например, разработка льда под лен и зерновые культуры в б. Духовщинском у. Смоленской губ.). Многополье с присоединением вводилось лишь в помещичьих имениях. Сельскохозяйственный инвентарь крестьян был небогат и не отличался от сельскохозяйственных орудий соседних областей.

Во второй половине XIX в. целину подымали «отрезом» или, как его называют в Невельском р-не, «резином». Отрез представляет собой однодвуметную соху, у которой на единственный рог надет железный клин. К отрезу прикреплялись «обжи» для запряжки.

Повсеместное распространение как у русских, так и у белорусов, латышей, поляков имела двулемешная соха с прищогом (рис. 2 а), которая в начале XX в. стала вытесняться деревянным и железным плугом (рис. 2, б). Сохой запахивали, в противоположность отрезу, старые земли. Под яровую и озимую рожь пахали два-три раза, под ячмень три раза, под лен один раз. В 1880-х и даже 1890-х годах бороновали землю нередко еще «смыками» — боронами из еловых сучьев. Этот тип бороны в первое десятилетие XX в. сменялся боронами других типов, с деревянными, а позднее с железными зубьями (рис. 2, в). Сеяли из соломённых «сеялок», «лубков». Хлеб убрали преимущественно серпами, на территории современных Середнинского и Печорского районов яровые убрали большими косами с длинными рукоятками. Уборка хлеба серпом была распространена не только среди русских, но также у белорусов, поляков и латышей обследованных районов б. Витебской губ. Этим витебские отличались от латышей Курляндии, где хлеб убрали типичными для Прибалтики малыми косами.

Однотипными для всей территории можно считать многие сельскохозяйственные орудия, например вилы, грабли, цепи и др. (рис. 3). Для цепов повсюду характерно такое соединение била и ручки, при котором соединяющий ремень, или веревка, проходит через отверстие била и привязывается к головке ручки, образуя петлю (рис. 3, а). В дер. Пески Невельского р-на зафиксирована своеобразная разновидность цепи этого типа: ремень проходит здесь не через отверстие била, а через петлю, пропущенную в это отверстие (рис. 3, б). Грабли состоят из слегка изогнутой ручки — «грабешника» и лубка; деревянные вилы для навоза с двумя развилками, на которые насаживались железные лемешки, сменялись в XX в. железными двух- и трехзубыми вилами. Широкое распространение имела воздушная сушка овса, ячменя, проха на «стрельных» — сучковатых палках, поставленных

по одной в ряд или по три в виде остова для шалаша (Великолукская обл.). Снопосушители имелись далеко не в каждом хозяйстве, поскольку для их постройки требовалось много леса, приобретение которого было не под силу отдельным семьям. Нередко снопосушитель строили сообща два-три хозяйства¹.

Велия зерно при помощи лопатки (рис. 3, в), причем женщины во время веяния сидели на чурбаках или низких скамеечках. Размол зерна в крестьянских хозяйствах производился преимущественно ручными жерновомы; на мельницах (водных и ветряных — «штарных восьмериком») мололи зерно только зажиточные крестьяне.

Сельскохозяйственный инвентарь середняков и бедняков отличался от инвентаря богатых крестьян. В хозяйстве последних ранее, чем в середняцких и бедняцких, началось вытеснение сохи плугом, замена смыка рамочной бороной, т.е. применение более совершенных сельскохозяйственных орудий. В XX в. в некоторых кулацких хозяйствах можно было видеть конные молотилки, сепки, люнетребики и другие машины.

Животноводство в XIX — начале XX в. имело в крестьянских хозяйствах подсобное значение. Породы местного крупного рогатого скота были малоценны, из

Рис. № 3. Орудия уборки урожая:
а — цеп (дер. Мисово Пустынского р-на Великолукской обл.); б — цеп (дер. Пески Невельского р-на Великолукской обл.); в — лопатка для веяния зерна (дер. Дворяниново Духовщинского р-на Смоленской обл.)

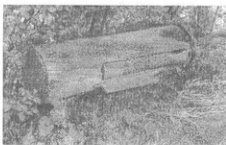

Рис. № 4. Улей-волода (дер. Пески Невельского р-на Великолукской обл.)

мелкого рогатого скота разводились главным образом овцы, шерсть которых использовалась для изготовления одежды. Значительного развития животноводство достигло в Петербургской губ. и в Латвии (как и во всей Латвии). В наши дни здесь имеется ряд животноводческих колхозов.

Пчеловодством в крестьянских семьях занимались обычно для личного потребления и лишь изредка с целью продажи меда на рынке. Пчелиные ульи представляли

¹ О тесном сотрудничестве см. раздел «Население и хозяйство».

собой долбежные колоды (рис. 4); для ловли ичелюных роев на деревьях ставили «коряжки» — «стайки». Коряжки делали из ели, весной, когда шел сок. Кора части дерева подрезалась сверху и снизу, а затем снималась, после чего в коряк вдевались деревянные донышки. Такие коряжки можно встретить и сейчас наряду с рамочными ульями.

Большим подспорьем в хозяйстве крестьян было речное и озерное рыболовство. В районах Псковского и Чудского озер рыболовство издавна имело промысловое значение. Там ловили рыбу артелями. Рыболовецкие артели были организованы, например, в деревнях Колы, Ремда, Лукишицы Берсговки, Колоколово. В артелях насчитывалось от 5-6 до 20 человек, в числе которых нередко были и женщины. Старшим в артели летом был кормовой, зимой — старший жердник. Ловили неводом и сетями с грузилами (рис. 5, а) плотву, леща, судака, щуку, окуней, зимой сига, рыбу были также острогой (рис. 5, б). Доходы от рыбной ловли члены артели делили поровну. Большая часть улова продавалась скупщикам, остальное заготавливали (валяли) в каждой семье на зиму для личного потребления.

Особенный интерес представляет зимний промысел рыбы. Для зимнего промысла собиралась артель в 17 — 20 человек. На лошадях артельщики отъезжали от берега Чудского озера на 20 — 30 км и более. На застланный соломой лед ставили из теса «дуб» («избежку») с крышей, но без потолка. Дуб делали заране в деревне, перевозили его на длинных дрошках. В дубе складывали кирпичную печь и зимовали в нем всей артелью. Пищу готовил артельный повар. При ловле сига вырубали по льду проруби по овалу, этим занимались «пехлецы», которые шли впереди. Лед рубили «вешней» из кованого железа с острым концом. За «пехлецами» шел «жердник», который вел жердь, пропустив ее в первую прорубь — «корыто». После жердника шли «тигуны», подававшие ему сети. Сети из второго корыта тащили всей артелью.

Из других промыслов были распространены плетение корзин и гончарное дело. В дер. Масово, например, гончарством занимались в каждой крестьянской семье. Лепили на пологом круге главным образом горшки, которые затем обжигали и развозили по соседним деревням. Глины около Масова не было, гончарам приходилось тайком добывать глину подле Шумихи, несмотря на протесты жителей этой деревни. На полученные от продажи горшков деньги крестьяне покупали хлеб, лен, ткани для одежды, необходимые предметы домашнего обихода.

Во второй половине XIX в. в связи с усилившимся проникновением капитализма в деревню, сопровождавшимся обезземельиванием крестьян, в связи с невозможностью для значительной части населения обеспечить прожиточный минимум доходами от земледелия на всей

Рис. № 5. Орудия и приспособления для ловли рыбы (Сер. Пески Невельского р-на Великолукской обл.)

а — грузила, б — острога

обследованной территории, кроме Смоленской обл., получает большое развитие отходничество.

Развитию отходничества способствовало то обстоятельство, что крестьянские хозяйства нередко велись еще большими семьями; в такой семье из-за малоземелья создавался излишек рабочей силы, что давало возможность некоторым членам семьи работать на стороне. В свою очередь отходничество не могло не оказать влияния и на семейный быт, ускоряя процесс распада больших семей. С развитием капиталистических отношений все большая ценность в глазах крестьянина приобретали деньги, которые можно было купить хлеб, одежду и другие товары. При таком положении члены семьи, зарабатывавшие деньги ремеслом, стремились отдавать не все полученные деньги главе семьи, а оставлять большую их часть у себя. Впоследствии, желая полностью пользоваться своим заработком, они настаивают на разделах. Это было одной из основных причин распада в конце XIX в. многих больших семей. Основным хозяйственным коллективом становится малая семья, которая ведет своими силами хозяйство и лишь в некоторых случаях прибегает к родственной и общественной помощи (различные виды «лози»).

Из Псковской и Петербургской губерний крестьяне уходили в отход преимущественно в Петербург, где работали весной и летом мостовщиками, бетонщиками, грузчиками. Некоторые крестьяне устраивались в Петербурге чернорабочими на фабрики и заводы, в эти случаи они нередко жили в городе с семьями по несколько лет.

Грузчики и бетонщики устраивались на работу через подрядчиков. Жизнь артельщиков в городе была тяжелее, быт их крайне неустроенным. Крестьянин дер. Кануновщина Гдовского р-на Захарий Петрович Савельев так, например, описывает свое пребывание на заработках в Петербурге (конец XIX — начало XX в.): «Работал в Петербурге я начал с 13 лет, сначала помогал мастерам мостовщикам, а потом и сам овладел этим ремеслом. Руководил работой подрядчик, который получал все деньги и выплачивал из них заработную плату рабочим. На рабочих подрядчик снимал небольшую комнатенку, где они спали в ряд на нарах. Кроме нар, в комнате стоял только стол и лавки. Готовила пищу нанятая подрядчиком кухарка, артельщики являлись ее матерью. Тут же в комнате, где спали и ели, висела на веревке около печки рваная и мокрая одежда».

В приозерных районах Псковской губ. многие крестьяне занимались грузчиками на суда и баржи. Были среди крестьян пильщики и сплавщики леса. Женщины, особенно незамужние, зачастую уезжали под Петербург работать на огородах «капорками» (деревни Ремда, Кануновщина и др.), а некоторые из них поступали в услужение.

Глубокие корни имело отходничество русского старообрядческого населения Латвии. Помещики, принявшие в XVII и в начале XVIII в. на свои земли русских беглых крестьян, позднее, наряду с отработкой и натуральной оплатой, нередко требовали арендную плату деньгами. Из архивных документов об этом свидетельствует «Акт инвентаря арендных земельных наделов старосты Мирянгеновского, расположенного в Инфлях».

* Из писем «капоркам», «капоркам» от жителей села Кануновщина Гдовского р-на Великолукской обл. (См. Толстой словарь русского языка, т. II. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1953. С. 150).

ком воеводстве». По этому акту в 1738 г. в дер. Слинчичи числились арендаторами «захожие из Москвы Сазон в Васюко», которые должны были платить за арендуемую землю 4 талера. В акте имеется еще немало сведений об арендной плате, возникшей с бедных русских крестьян¹. После присоединения Латвии к России, с развитием в деревне товарно-денежных отношений, помещики вообще начинают предпочитать денежную аренду натуральной оплате и отработкам. Это обстоятельство вынуждало русских крестьян Латвии заниматься ремеслом. Еще в эпоху крепостничества русские ремесленники ходили на заработки по деревням и городам.

После отмены крепостного права отходничество стало занимать еще большее место в быту русского населения Витебской губ. Во второй половине XIX в. отходничество, а не земледелие, служило основным источником доходов большинства русских крестьян Латвии.

Наиболее распространенными профессиями среди русских ремесленников Латвии были профессии плотников, каменщиков, печников. Русские плотники в деревнях строили дома не только русским, но и латышам, что не могло не повлиять на развитие латышского жилища. С другой стороны, русские плотники перенимали у латышских плотников некоторые особенности в постройке жилых и хозяйственных помещений. Для постройки крестьянского дома «сбивалась» артель из 5 — 6 человек, куда входили плотники и печники.

Во второй половине XIX в. русские строительные артели, уходившие на заработки в города, нередко состояли из 20 — 30 человек. Членами артели были обычно жители соседних деревень, которые очень часто входились в родственные отношения. Но иногда в артель принимали и латыши — соседи по деревне, если они считались хорошими мастерами. Артель работала на подрядчика или самостоятельно. В последнем случае во главе артели стоял «старшой», который считался более умелым по ремеслу. По рассказам бывших членов артели, старшой получал столько же, сколько и остальные члены артели. Ему оплачивались, кроме того, дорожные расходы. Отходники делились на летников, которые ходили из деревни на все лето, и месячников, скучавшихся периодически, по одному месяцу.

Артели ходили на заработки в такие города, как Москва, Рига, Петербург, Смоленск, Витебск и др. 80-летний старик из дер. Белогородово помнит, например, как артель, членом которой он был, строила в Смоленске военные казармы. Один из жителей дер. Ковалево в числе других каменщиков строил в Москве почтамт на Мясницкой улице. Жили члены артели в Москве на Соборной площади.

Отходничество сельского населения из западных губерний России в промышленные города отразилось на всех сторонах деревенского быта.

Поселения и жилище

Основными типами сельских поселений исследуемо-

го края в XIX в., а для Смоленской, Псковской и Петербургской губерний и в XX в., были деревня и село. В связи с острым недостатком земли столыпинская аграрная политика, проводимая правительством в западном крае, не имела большого успеха — на хутора выселились жители лишь небольшой части деревень².

Хуторская система расселения получила большее распространение в обследованных районах Латвии, но здесь она возникла сравнительно поздно — в 1920-х годах — в результате буржуазной аграрной реформы.

В Латвии каждая группа хуторов, жители которой выселились из одной деревни, сохраняет название этой деревни (например, Ковалево, Белогородово и др.).

Большинство выбранных для изучения селений Смоленской, Великолукской и Псковской областей существуют издавна. Так, в дер. Мясово Великолукской обл. жили, по рассказам стариков, их деды и прадеды. Лет 80 назад в деревне было всего девять «жизарей» (жителей), дома которых стояли по одной улице. Соседние деревни Чертеж и Усохи, где живут старообрядцы и православные, существовали с первой половины XIX в. Так же, как и Мясово, эти деревни на хутора не разбивались³. При крепостном праве в дер. Жуки той же области было 14 хозяйств крепостных крестьян⁴.

Средняя численность дворов в обследованных жесдепций деревнях составляет от 10 до 40. Небольшое население пунктов характерно для Псковской обл., где часто и сейчас встречаются деревни, не превышающие 9 — 18 хозяйств⁵. Как исключение попадаются крупные села, насчитывающие свыше 100 дворов (дер. Митковичи Печорского р-на, где уже в начале XX в. было 70 — 80 дворов).

Дома обычно вытягиваются в ряд вдоль дороги, иногда же они расположены вдоль ручьев и рек, по балкам и оврагам. Два ряда домов, обращенных друг к другу передними фасадами, составляют улицу. Для исследуемого края в целом характерна уличная планировка селений. В конце XIX в. правильная уличная планировка в некоторых деревнях нарушилась в связи с семейными разделами. В нередких случаях отдельные родственники ставили свои дома позади родительского на той же усадьбе. Селение росло ширию, сохранялась одна старая улица, а в остальной части села застройка приобрела разбросанный характер. Так, например, дер. Суноплево (Латвия), по рассказам стариков, в XIX в. состояла из двух рядов домов, образующих улицу, в деревне было 27 — 28 дворов. Позднее, когда семьи стали делиться, план деревни изменился, так как строительство велось беспорядочно, а в 1926-1927 гг. эта деревня была расселена на хутора⁶.

По воспоминаниям стариков, для некоторых районов Латвии и Псковской обл. в XIX в. были характерны деревни с беспорядочной планировкой. «В старину в нашей деревне, — рассказывает М. О. Осечкин (1880 год рожд., дер. Митковичи Печорского р-на), основывался на воспоминаниях своих родителей, — дома стояли раз-

¹ Вегго В. *Lätlands invånare och generaliserad befolkning*. 1685 — 1784. Riga, 1913, С. 16.

² Там же, начало XX в. из хутора были расселены дер. Третьяково (Смоленская обл.), в 1930 г. в связи с коллективизацией сельского хозяйства хутора были снова поселены в «колхозы» — отдельные группы домов, объединенные в один или два ряда (Архан. ИЦ, оп. 238, полные записи № 13).

³ Архан. ИЦ, оп. 238, полные записи № 55а.

⁴ Там же, полные записи № 90а.

⁵ Судя по данным артели Русского географического общества (АГО), в середине XIX в. многие деревни в Псковской губ. не превышали двух-четырех дворов. Так, по запискам из Овчинского у., в 1853 г. деревня в этом уезде состояла из двух-трех изб, «средний же доход до шести» (АГО, XXXII — 240. В Великолукском у. в 1868 г. селение состояло из тридцати крестьянских дворов (АГО, XXXII — 30).

⁶ Архан. ИЦ, оп. 238, полные записи № 76, 97.

бросано по пригоркам ближе к ручью, а там, где сейчас дома стоят, были огороды. После пожара, который случился лет 80 тому назад, дома стали строить по плану на расстоянии 6 сажени друг от друга, узкой стороной к улице¹.

В большей части исследованных селений жилые дома, построенные в конце XIX — начале XX в., поставлены перпендикулярно по отношению к улице. В Духовщинском р-не Смоленской обл. жилые постройки стоят параллельно к улице своими боковыми фасадами².

Хозяйственные постройки обычно размещались сзади дома на крестьянских усадьбах; в некоторых случаях бани ставили около реки, а амбары выносились за деревню (дер. Савино Псковской обл.).

В селениях Псковской обл. на улицах растут вековые деревья (деревни Александрово Слобода, Митковичи), перед многими домами разбиты насаждения, посажены кусты сирени, а также деревья — рябина, береза, липа и т.д. Почти все исследованные деревни хорошо обеспечены водой. Воду для питья берут в настоящее время и брали в прошлом из колодезь, которых строили от 2 до 5 на деревню (в зависимости от величины последней), иногда колодезь рыли совместно на 3-4 хозяйства (дер. Сунополево). В некоторых деревнях, расположенных около озер, рек и ключей, водой пользовались из естественных водоемов (деревни Мясово, Митковичи); в настоящее время колодези роятся и в этих деревнях.

Жилые помещения крестьянского жилища на исследуемой территории называются различно; в Смоленской, Великолукской областях, в Зилупском р-не Латвийской ССР — избой и хитой, в Даугавпилском и Гривском районах Латвии, так же как и в Псковской обл., — избой и «изпокой». Кроме того, крестьянское население известно название «дом» применительно к пятистенкам; в наши дни домом называется также жилое помещение, разделенное тесовыми перегородками на несколько комнат.

Закрепленная в западных областях срубная техника строительства крестьянского жилища в основном носит черты, характерные для всего русского крестьянского домостроительства во второй половине XIX — начале XX в.

Строительным материалом для постройки крестьянских домов в исследуемом крае служил — главным образом — дерево. Избы строили преимущественно из лучших строительных пород данного края — сосны и ели. В тех деревнях, от которых хвойные леса были на значительном расстоянии, на постройку домов употреблялись также и осины³.

В районах, богатых залежами бутовой плиты и валуного камня, в крестьянском строительстве начала XX в. находят употребление этот ценный строительный материал. В Печорском, Старо-Изборском, Ново-Избор-

ском и Гдовском районах Псковской обл. (б. Псковский у. одноименной губернии и Гдовский у. Петербургской губ.), а также в Латгалии с начала XX в. вплоть до настоящего времени из валуного камня и бутовой плиты сооружаются фундаменты жилых домов, стены скотных дворов, клетки.

Поскольку во владениях крестьянских обществ лес обычно был плохим, строительный материал крестьяне покупали в казенных лесах. Были случаи и самовольной рубки леса, после чего нередко «топорик водкой у лесника выкупали» (Зилупский р-н Латвийской ССР)⁴.

Заготовка леса обычно происходила зимой. Лес пилили, бревна очищали от сучьев сами хозяева всей семьей, в переволок же бревен принимали участие родственники и соседи — собиравась «толока»⁵. Только устраивалась также при сборке сруба и, кроме того, вообще имела широкое бытование среди русского крестьянства во всех случаях тяжелых работ.

Привезенный лес складывали около старого дома и штабеля и оставляли его в таком виде до весны. Весной лес скобляли, очищали от коры и приступали к рубке сруба. Рубить срубы раньше умели все мужчины, и поэтому каждая семья обходилась чаще всего своими силами без приглашения посторонних плотников. Сруб рубили на три клетки по 4 — 6 венцов каждая. В большинстве обследованных районов срубы складывали из круглых бревен. Только с начала XX в. в обследованных деревнях Латгалии круглые бревна стали обтесывать с четырех сторон в виде бруска⁶.

При рубке сруба в каждом верхнем бревне делали из четырех бревен, соединенные друг с другом на углах посредством прорубки глубоких выемок, называвшихся венцом. Самым распространенным способом соединения бревен был простой угол, носивший в отдельных районах различные названия, сохранившиеся до настоящего времени: в Духовщинском р-не Смоленской обл. «называется «и обло» и «и круглый угол»; в Гдовском, Себежском и Печорском районах — «и чашу»; в «круглый угол» и «простой угол» — в обследованных районах современной Латвии.

В обследованных деревнях Смоленской и Псковской областей в постройках XX в. иногда встречается рубка «и лапу». Гораздо большее распространение эта техника соединения бревен получила с конца XIX в. в обследованных районах современной Латгалии как среди латышского (латгальского), так и среди русского населения. Здесь рубка «и лапу» обычно называется «и гладкий угол», «и чистый угол», «и немецкий угол».

Меньшее распространение на исследуемой территории имела рубка «и охрипку» («и рогатый угол») и «и крюк». Последняя применялась специалистами-плотниками при постройке домов жилищных крестьянских

¹ Там же, фольклорный запис № 185, 195.

² Жилые строения последних домов к улице во второй половине XIX в. были характерны и для других, соседних с Духовщиной, уездов Смоленской губ. — Дорогобужский, Смоленский, Юзевский — в переволоках и постройку на территории волостей, извостовской губернии. Параллельная постановка домов бытовала в конце XIX в. вплоть до переизобретения в северных районах Псковской обл. — Сердешинском в Гдовском (Гдовский у. Петербургской губ.), а также в б. Яблунском у. Петербургской губ.

³ «Леса в нашей местности были плохи, — рассказывает К. Т. Шенников из дер. Ильинское Островского р-на Псковской обл., — да и тут был излохот. Сосновый и еловый лес приносил по году, такой лес называли «излохот», до расчистки он стоял деревню — 100 — 150 р. на сажу. Поэтому, кто был беднее, те строили дома и бани. Осина была в наших лесах обильно» (Архив ИЭ, оп. 238, фольклорный запис № 162).

⁴ Архив ИЭ, оп. 238, фольклорный запис № 61.

⁵ Там же, фольклорный запис № 31, 61, 85, 217. «Толика» — «толока», сбор населения к плетению снопов по плетью, для дружной работы на один день; название уходит ввысь... (В. В. Давы. Толковый словарь, т. IV, М., 1956, стр. 432).

⁶ «В старину рубили избы из круглых бревен, их же обтесывали, но 50 году начали бросать стали обтесывать с четырех сторон» (записки от Н. К. Коваленко, 1878 год, род. дер. Заречье Рязанской р-н, Латвийской ССР. — Архив ИЭ, оп. 238, фольклорный запис № 122).

более дорогой, но зато и более прочный способ рубки⁴.

После просушки бревен в клетках их разбирали и приступали к сборке сруба. Для сборки сруба, как уже отмечалось выше, устраивали толоку — приглашали человек 15 — 20 соседей и родственников. Женщины раскладывали мох, мужчины носили бревна, собирали сруб за один день, после чего хозяин угощал толоку⁵.

Сруб коноватили мхом; в передний угол по широко распространенному обычаю под первый венец клали камни.

В тех районах, где было распространено трехраздельное жилище, одновременно с избой строили сени, а передок и вторую избу или клеть. При двухраздельном жилище сруб сеней соединяли со срубом избы посредством вертикальных столбов, иногда сени строились вместе с избой одним срубом и отделялись от избы капитальной стеной. В случае трехраздельного жилища сени строились в забор, т.е. бревна сеней крепились между двумя вертикальными столбами, приставленными к торцам бревен избы и клетки.

Характерной чертой строительства на данной территории была постановка первого венца срубов на камни: под углом каждого сруба ставили по четыре больших камня; такие же камни подставляли и под стены срубов, пространство между камнями иногда заполняли камнями меньших размеров и промазывали глиной, как это было, по рассказам стариков, в дер. Иловницы Островского р-на Псковской обл. Там, где камня было мало, это пространство засыпали землей (дер. Савино того же района), а для тепла снаружи и изнутри всегда делали завалины⁶.

В некоторых местах (Духовщинский р-н Смоленской обл., дер. Саково Гривского р-на Латвийской ССР) вместо земли под углы срубов ставили деревянные столбы («стулья», «стулбы», «шулы») из сосны или дуба высотой до 1 м; для большей прочности иногда их слегка обжигали в огне, пространство между ними обычно зашивалось тесом⁷.

Каменные фундаменты начинают строить в крестьянских домах лишь в начале XX в. В районах, бедных камнем (Смоленская и Великолукская области), каменные фундаменты возводились лишь в домах богатых крестьян; они делались из кирпича или из валунистого камня и назывались «подмуровкой»⁸. Более широко распространены были каменные фундаменты в обследованных районах Псковщины и особенно в Латвии. Благодаря наличию там залежей бутовой плиты из валунистого камня фундаменты строили из этого прочного материала, скрепляя его глиной, известью, позднее цементом; высота таких фундаментов от уровня земли колебалась от двух четвертей до одного аршина. В настоящее время в обследованных районах Латвии строят бетонированные фундаменты, которые делают из гравия с цементом, с применением опалубки.

Перерубы пола делались еще в период рубки сруба,

Рис. № 6. Дома с высоким подклетом
а — дом из дер. Александрова Савбода
Пункиногорского р-на Псковской обл.; б — дом на дер.
Баслахи Пункиногорского р-на Псковской обл.

а при сборке его они окончательно закреплялись. Поскольку высота жилища на рассматриваемой территории различна в разных ее частях, то и перерубы пола врубались на разных венцах, в зависимости от высоты жилища (рис. 6, 7).

Низкое жилище характерно для обследованных деревень Смоленской, Великолукской областей и Латвии (б. Смоленская и Витебская губернии). Перерубы пола⁹ врубались здесь в настоящее время в первый или второй венец, ранее они устанавливались на деревянные столбы или большие камни на расстоянии 15 — 30 см от земли¹⁰.

По воспоминаниям многих стариков, в курных избах Смоленской и Витебской губерний нередко встречались земляные полы¹¹. Г. С. Коженикин (1868 год рожд.,

⁴ О различных способах рубки углов см. Архан. ИЗ, см. 238, иллюстр. занесены № 64, 87, 122, 144, 169.

⁵ Архан. ИЗ, см. 238, иллюстр. занесены № 31, 144.

⁶ Архан. ИЗ, см. 238, иллюстр. занесены № 62, 137, 192.

⁷ Там же, иллюстр. занесены № 7, 12.

⁸ Архан. ИЗ, см. 238, иллюстр. занесены № 17, 38, 45.

⁹ Нередко пола на обследованной территории чаще всего называются «слоты» или «слотки»; в дер. Турново Себежского р-на они называются также «клетями», а в Псковской р-не Великолукской обл. и Смоленской р-не Псковской обл. — «базисы».

¹⁰ В доме Баскрановой Е. М., построенном около 186 лет тому назад, из дер. Турново Себежского р-на Великолукской обл. настилки устанавливали на камни, расстояние между ними 16 см. Архан. ИЗ, см. 238, иллюстр. занесены № 141; в доме Машинского С. В. (дер. Машово, Пустынский р-н), который был построен более 70 лет тому назад, настилки лежали на камнях и деревянных колунах, камни также уже сохранились и слоты в некоторых местах лежали прямо на земле.

дер. Бриги Зилупского р-на Латвийской ССР) рассказывают, что земляные полы в его местности перестали делать лет 100 тому назад¹. Но их еще изредка можно встретить в старых домах и теперь², сени же с земляным полом в жилых постройках этих районов — явление совсем редкое.

Значительно более высокие избы возводились в обследованных деревнях Псковской обл. Переводы пола врубались здесь в третий, четвертый и даже пятый венец сруба. Несколько ниже строились курные избы в Середкинском и Гдовском районах Псковской обл. — здесь

Рис. № 7. Дом с низким подклеем (дер. Жуки Великолукской обл.)

переводы пола в середине XIX в. врубались в первый венец сруба.

В настоящее время, поскольку в домах Псковской обл. стали делать высокие каменные фундаменты, переводы пола вносятся в первый или второй венец; общая же высота дома в Островском, Пушкиногорском, Печорском районах остается такой же, как и прежде, а в Гдовском и Середкинском она стала значительно большей.

В зависимости от высоты жилой постройки делались и проемы для окон. В районах, где высота жилища была небольшой, отверстия для окон прорубались в 4-5 венцов; в обследованных постройках Псковской обл. — в 6 — 10 венцов. Вместе с окнами прорубались и отверстия для дверей. В постройках Смоленской, Великолукской областей и Латгалии дверь прорубалась, начиная с 2 — 3 венцов; в жилищах Псковской обл. — с 4 — 6 венцов.

Общее количество венцов в срубах колебалось в обследованных деревнях Смоленской и Великолукской областей от 11 до 16 в зависимости от толщины венцов; обычно срубы здесь строили из 12-13 толстых венцов³. В жилищах Псковской обл. в срубе было от 14 до 19 венцов; в старину по рассказам стариков, «лес был крупнее, избы строили из 14 — 15 венцов, теперь лес тоньше, строят из 19 венцов»⁴.

В верхние продольные бревна жилой постройки вру-

бались потолочные балки. В Духовщинском, Себежском и Середкинском районах потолочная балка называлась «матцей», в Невельском и Гдовском районах — «башкой», во всех остальных — «слегой». Число потолочных балок в курных избах было различным. Одна матца (балка, слег) устанавливалась над хатой (избой) в большей части обследованных деревень Смоленской, Псковской областей, в Невельском р-не Великолукской обл.; потолок в хате лежал на двух и трех слегах в жилищах тройках Латгалии⁵. Обычно балка представляла собой округлое бревно (дер. Иловицы Островского р-на) или четырехгранный брус (дер. Бриги Зилупского р-на); в дальнейшем поверх него настилали сквозные потолочины. В XX в. (в богатых семьях уже в XIX в.), когда шток стал строиться из теса, в потолочных балках вырубались пазы для укрепления потолочины, таких балок тогда всегда клалось три. При сборке сруба потолочные балки врубались в предпоследние (или третьи от верха) продольные бревна сруба. Эти бревна в различных районах имели разные названия⁶.

После сборки срубов в них подбивали мох и устанавливали основную конструкцию кровли. Преобладающая форма крыши была двухскатной. Однако многие латышские и русские постройки конца XIX — начала XX в. Латгалии, а также надворные постройки в юго-западной части Псковской обл. имеют полуovalную крышу с низким козырьком (рис. 7). Такая форма крыши появилась здесь, по всей вероятности, под влиянием прибалтийской культуры.

В жилищах XIX в. двухскатная крыша укреплялась в «самцах» и устранилась следующим образом. Сверху наружных поперечных стен воздвигнутых срубов выкладывали бревенчатый фронтон, который в Псковской губ. назывался «самцом», в Невельском у. «порубом», в Себежском — «зарубом», в Латгалии — «вырубом посомом». В средней части жилища постройки крыши поддерживались, кроме того, двумя-тремя парами стропил («крюкныи» — Пустошкинский р-н, «шпары» — преобладающая часть населенной территории). Стропила врубались в верхние продольные бревна дома⁷, а на коньке крыши попарно соединялись друг с другом посредством вырезанного паза в одной из стропил и выступа в другой из них. В настоящее время стропила чаще всего «прошивают», т. е. зуб одной из них продевается в отверстие другой⁸.

По рассказам некоторых стариков, в старину, когда избы строили без гвоздей, вместо стропил для поддержания слег устанавливались столбы молодых елей с загнутым корневищем («курница», «курничина»), которые соединялись попарно на коньке кровли, а концы на их загнутые корневища клали желоб — выдолбленное бревно («пото», «лото»); в желоб упирались свесы крыши и по нему стекала дождевая вода⁹. Подобная кон-

¹ Архив ИО, оп. 238, полевые записки № 17, 77, 122.

² Там же, полевые записки № 64.

³ Например, в доме А. Д. Лозова (Духовщинский р-н, дом построен около 100 лет тому назад), по второй половине, сохранился последний венец (Архив ИО, оп. 238, полевые записки № 114).

⁴ Архив ИО, оп. 238, полевые записки № 45, 50.

⁵ Записки от Е. Е. Ишуканова, 1878 г. изд. рукоп., дер. Иловицы Островского р-на Псковской обл. (Архив ИО, оп. 238, полевые записки № 162).

⁶ Архив ИО, оп. 238, полевые записки № 7, 30, 162, 169, 192.

⁷ Там же, полевые записки № 64, 77, 87.

⁸ В дер. Третьяково (Духовщинский р-н) в старых постройках потолка врубались в тон горизонтальные «башкетные бревна», что покрывалось сверху двумя бревнами — «крякницами» и «шпарками», а сажено бревно врублено стропилами кровли. В дер. Копорно (Псковской р-н) «башкет» врублен в предпоследнее бревно сруба, сзади него клали «крякница» бревно. В Великолукской губ. «башкет» врублен в «полупоток» желоб, сверху него клали «крякница» желоб; в дер. Востроуново сруб врублен в «полупоток» желоб, сверху него был «крякница» желоб (Архив ИО, оп. 238, полевые записки № 7, 31, 77, 87).

⁹ Верхние продольные бревна сруба носили самые разнообразные названия: «крякница», «крякница», «крякница», «крякница», «крякница» и т. д.

¹⁰ Архив ИО, оп. 238, полевые записки — 122.

струкция крыши была известна в XIX в. во многих северных и центральных губерниях России.

В конце XIX в. при строительстве крестьянских изб самцовая конструкция крыши постепенно заменяется стропильной¹, при которой основной скелет крыши составляют стропила, поставленные на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга², а рубленные фронтоны заменяются тесовыми.

В жилых домах, построенных за последние 20 — 40 лет, концы стропил врубаются не в последний венец сруба, как это было раньше, а в поперечные «связи» («связки»), положенные на мауэрлаты; концы связей обычно выступают за уровень стен жилой постройки и обшиваются тесом — таким образом получается карниз городского типа («горбык» — как его здесь называют)³.

Самым распространенным и наиболее старым типом кровли покрытий повсеместно была солома. Под солому крыши обрешечивались тонкими жердями⁴, концы которых укладывались на бревна фронтонов, а в середине крыши поддерживались стропилами. Существовало два способа покрытия крыши соломой: «вниз маковками» (или «вниз колосьями») и «под лопату»⁵. Покрытие соломой «вниз колосьями» было более дешевым и преобладало в XIX в. в большинстве деревень. При покрытии крыши «вниз колосьями» крыши покрывались маленькими снопами соломой, причем первый ряд снопов насаживался на поток или застрешину колосьями вверх, остальные ряды насаживались на жерди («латы», «долгуны») колосьями вниз. Этот способ покрытия не требовал много солом, был прост по исполнению, но соломенные крыши были непрочны, быстро разрушались от дождя и ветра. «В старину крыши некультурны — вниз маковками, наряд или темноватый, или леноватый был», — так охарактеризовал нам подобное покрытие крыши Т. К. Шпилькин (1878 год рожд., дер. Иловцы Острогожского р-на)⁶.

Примерно уже со второй половины XIX в. распространяется, а в XX в. занимает преимущественное положение покрытие соломой «под лопату»⁷. При покрытии «под лопату» первый ряд крыши укладывали из небольших снопов соломой колосьями вниз, пригнетали их тонкими жердочками и привязывали прутьями или проволокой к латам («долгунам», «жердам» и т.д.). Следующие ряды соломой расстлались колосьями вверх, пригнетались жердями, привязывались к латам и покрытыми шер-

ху следующим слоем соломой. Для того чтобы соломенная крыша имела опрятный вид, ряды соломой подбивались и выравнивались лопаткой.

Крыши, покрытые под лопату, очень прочны и служили до 30 лет, но так как они требовали много солом, то были доступны главным образом «староватым» (т.е. зажиточным) хозяевам. В некоторых деревнях, где крестьяне особенно сильно страдали от малоземелья, соломенное покрытие крыши вообще было распространено мало⁸.

Бытовало на данной территории и покрытие крыши «дранью» (Псковская обл.) или «дором» (Духовицкий и Невельский районы).

По рассказам плотников, дранью или дором крыли крыши с драных пор⁹. В Духовицком р-не покрытие крыши дором сохранилось до настоящего времени. В XIX в. дор представлял собой тонко нарезанные (толщиной меньше 1 см) доски, длиной до трех аршин; резали его из ели и сосны при помощи ножа или пилы. Когда было много гвоздей, дор скрепляли «лотком» — поперечным брусом, положенным посредине крыши, в пазы которого входили концы дора. С начала XX в. дор делают тоньше и короче (до 1 м), кладут его, как и раньше, в три слоя, но привязывают гвоздями к слегам¹⁰.

Покрытие крыши тесом не имело большого распространения на исследуемой территории. В Смоленской и Витебской губерниях тес был доступен лишь наиболее зажиточной прослойке крестьянства; в Псковской губ. тес как кровельный материал имел более широкое применение¹¹.

В XX в. многие крестьяне стали крыть крыши щепой¹². Покрытие жилища железом, гонтом, черепицей или шифером имело место только в хозяйствах богатых крестьян буржуазной Латвии¹³.

Для наиболее ответственных работ по отделке собранного пола (настил пола, потолок,ставление окон и дверей, внутренняя отделка жилого помещения) обычно приглашали плотников.

Пол в курных избах настилали поверх «слег» («бадок») из тонких круглых бревен «крутящей» или из бревен, расколотых пополам («плак», «горбылей») ¹⁴. Такой пол назывался «мостом». «Мостом» называется в настоящее время в Смоленской и Великолукской областях обычный дощитый пол. Более состоятельные хозяева уже в конце XIX в. настилали полы из досок; широкое

¹ Там же, вольная запись № 45.
² Самцовую конструкцию крыши можно встретить в старых домах и в настоящее время. Участник экспедиции зафиксировал ее на ряде жилых построек конца XIX в., на которых уже не хватало, где она вероятно будет и сейчас. Так, например, крыша на сарае сохранилась в доме С. В. Машинского, построенном более 60 лет тому назад (дер. Машкино Пустошского р-на), в доме Семеновы Н. И., одна из двух из которых построена около 190 лет назад (дер. Жук Соболевского р-на), и в других постройках (Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 35, 35, 186).
³ «Обычно уступавшие 5 вершков над карнизом и 2 вершка над концами» (Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 31).
⁴ Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 1, 61, 122.
⁵ Эти жерди в обследованных деревнях Соболевского и Пустошского районов называются «аюрами», в Покровском и Григорьевском районах — «латы», в Острогожском — «коровами», в Духовицком — «жердям», в Пустошском, Красновском районах — «жердям».
⁶ В дер. Третьяково Духовицкого р-на этот способ покрытия называется «по-простому», в дер. Турново Соболевского р-на — «под колоском».
⁷ Этот способ покрытия в Духовицком р-не называется «под горбык», в дер. Жук Соболевского р-на и в дер. Пески Покровского р-на — «под лопату».
⁸ Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 162.
⁹ Там же, вольная запись № 7, 41, 162.
¹⁰ «И при этом в буржуазной Латвии те крестьяне, кто имел достаточное количество солом, крыши крыли соломой, на соломенные крыши только щепой. Богатые крыши крыли железом» (Свидетельство от Солдаткина, 1883 год рожд., дер. Кирюхины, Григорьев р-н. — Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 100.) «Соломой крыли лавы, потому что раскол досок не раскл. 60 лет назад крыли из крышек соломы, потом тесом стали крыть, только тесом больше богатые крыли», — рассказывал нам Н. В. Павлов (1878 год рожд., дер. Машкино, Пустошского р-на. — Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 58).
¹¹ Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 7, 158.
¹² Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 7.
¹³ «Щепом», — рассказывал А. Антонов (1869 год рожд., дер. Александров Соболевского р-на), — тесом крыли крыши. Тесом стреляли одна к одной, прикрепляли к ней, подвешивали друг к другу, анал над ним поддевали прямо тесом» (Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 169).
¹⁴ Покрытие крыши щепой наиболее характерно для крестьянских жилищ буржуазной Латвии (Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 26, 77, 198).
¹⁵ Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 77, 108.
¹⁶ «Пол в помещиках обих (т.е. курных — Л. Ч.) был из плак, расколотых пополам, которые клали на слегы. Такой пол нестом выкладывали. Когда парод стал изобретать, пол с настилом стали строить: на пост сверху рейки клали и настилали доски второго пола» (Свидетельство от А. Антонова, 1869 год рожд., дер. Александров Соболевского р-на, Пустошского р-на). «Раньше пол делали из плак — расколотых пополам бревен. Такой пол назывался «мостом». Дольше полы стали укладывать лет 30 тому назад» (О. Ф. Ковалев, 1886 год рожд., дер. Митюхины, Псковская обл. — Архив ИЭ, оп. 238, вольная запись № 162, 169, 184, 192, 193).

распространение дощитые полы получают на территории Великолукской, Смоленской областей и Латвии в начале XX в. В домах послереволюционной стройки нередко строят двойные полы «с накатом», которые обычно называются «полом»¹.

Под полом всегда устраивалось подполье «подпол», «погреб», «подвал», «подзабиза», «истопка» — для хранения картофеля и овощей. В постройках Псковской обл., где подполье делается значительно выше, в нем хранят бочки с капустой и огурками. Вместительность подполья в жилище всех исследованных районов увеличивалась за счет вырытых ям. В отличие от Великолукской и Смоленской областей в жилище Псковской обл. вход в подполье часто устроен не только из избы, но и с улицы.

Потолок, как и пол, во второй половине XIX в. делался из крутляшей или из плах. Потолочины накладывались сверху на одну или две слегы (матцы) и были обычно «связными» — от одной стены до другой². В XIX в., а в состоятельных хозяйствах отчасти уже в XIX в., потолок строится из теса, слегы делаются с боковыми назами, в которые укрепляются доски потолочины. Со стороны чердака потолочины для утепления обычно промазываются глиной и сверху засыпаются сухим листом.

В настоящее время в жилищах исследуемой территории прорубаются и вставляются окна, мало отличающиеся от окон современных городских построек. По воспоминаниям стариков, в курных избах данной местности окна были косые (красивые) и волоковые. На фасадной стене прорубалось только одно косое окно, в него вставлялись косыя, переплеты рам и стекла, по размеру его были почти вдвое меньше современных окон (50х30, 60х40 см). «Старые люди говорили, — рассказывает С. В. Максименко (1897 год рожд., дер. Мясново Пустошского р-на), — что от больших окон холодно в хате»³. Такое же окно с косыми иногда прорезалось в боковой стене напротив устья печи, но чаще окно против печи прорубали в двух смежных бревнях, оно было без косынок и задвигалось досками («зализанми»), как говорили в дер. Мясново Пустошского р-на. Окно без косынок называлось «луковым», а в Резекненском р-не — «слуховым».

Луковое окно прорезалось также на фасадной стене около настила для кровати. За печью прорубали «дымник» — отверстие для выхода дыма, которое закрывалось доской, тряпками или соломой⁴. В некоторых местах дымник устраивался в потолке. По воспоминаниям Г. С. Коженикина (1868 год рожд., дер. Бриги Зилуновского р-на), в старину в окна вместо стекол вставляли «слезы» (т.е. слоду), но такие окна при жизни Коженикина уже «вывелись»⁵.

В начале XX в. волоковые окна исчезают, косые окна⁶ делаются больше по своим размерам, их уже

становится два или три. Но на фасадной стене, как и раньше, чаще прорубается только одно окно, что является характерной особенностью жилища большинства районов данной территории.

Двойные рамы в окнах стали делать всего лишь 30–20 лет назад⁷, растворные рамы на петлях также явление довольно позднее: в постройках XIX в. створки раз большей частью задвигались одна за другую, а рамы делались в четыре переплета. В дер. Третьяково (Духовицкий р-н) в настоящее время встречаются квадратные окна с крестообразным переплетом, не свойственные русской народной стройке. Эти окна в жилищах были сделаны немцами во время оккупации этих районов во время Отечественной войны.

В курных избах двери делались двойными. Внутренняя дверь была меньше, не доходила до верхнего косяка и при топке печи закрывалась, тогда как наружная дверь была открыта⁸.

Внутреннее убранство жилого дома также изготовлялось плотниками. Плотники обтесывали изнутри стены, сооружали деревянный опечек для печи, лавки, стол, деревянный настил для кровати, палаты и прочую несложную мебель.

Для кладки печи обычно приглашали специалистов-печников. В жилых постройках XIX в. печи преимущественно кледи из глины или сырового кирпича. На деревянный опечек («опечек» — Себежский, Островский, Пушкиногорский районы; «принечек» — Невельский, Духовицкий, Печерский, Краславский районы; «завечка» — Пустошский р-н) сверху настилали «накат» из досок или тонких бревен и на нем начинали кладку печи. В большинстве крестьянских хозяйств прошлого столетия печи топилась по-черному, их сооружали без «колосника» и трубы; на накате опечка выкладывали «под» печи и свод по кругу⁹ (выступающая часть пода называется «ошток» в Островском, Пушкиногорском, Гдовском, Зилуновском, Краславском, Себежском районах или «агнетка» — в Невельском и Себежском районах). В курных избах у оштка делали выступ, на который сажали маленьких детей, когда открывали дверь для выхода дыма. Сбоку в оштке устраивалось углубление — «ляпка» или «лазуха» — для загребания угля. В обследованных деревнях, входивших раньше в Витебскую (за исключением Невельского у.), Псковскую и Петербургскую губернии, над оштком висел подвесной котел, в котором разогревали воду, разводили огонь на оштке¹⁰ (рис. 8). Сбоку печи устраивалось приспособление для лежания, называемое «лепушкой», «лежанкой», «лепухой».

Массовая замена черных печей печами с дымоходом происходила на данной территории лишь в начале XX в. С этого же времени начинают выкладывать печи из кир-

¹ Пол в один ряд по плах называется постель. Собственно пол настилается из досок поверх него из плах. «Полон называется двойной пол с постелью» (Архив ИО, оп. 238, фольклорный запас № 173, 210а).

² Архив ИО, оп. 238, фольклорный запас № 37, 96, 169, 186, 192. Там же, фольклорный запас № 49а.

³ Там же, фольклорный запас № 53, 192.

⁴ Там же, фольклорный запас № 64.

⁵ Косые окна в исследуемом крае имеют разнообразные названия. Верхний косок называется в большей части деревень «зализной», в дер. Савино Островского р-н — «перелазной»; боковые косыки называются «ушниками» в Пестовском и Зилуновском районах, «ляпкой» — в Пустошском и Себежском районах, в дер. Богородице Краславского р-на — «кислойкой»; нижний косок или поперек называется «перелазом».

⁶ Архив ИО, оп. 238, фольклорный запас № 77, 152.

⁷ Косые двери, так же как и косые окна, имеют различные названия: верхний косок называется «перелазной» в Островском р-не, «перелазной» в Печерском и Гдовском р-нах, «ляпкой» — в Себежском, Псковском, Зилуновском и Пустошском районах, боковые косыки чаще всего называются «ляпкой», в Пестовском и Зилуновском районах «ушниками», нижний косок двери обычно называется «перелазом».

⁸ Подробное описание кладки печи см. в работе М. Самойлова «Домашний быт крестьян Лодовицкой волости, Барановского у. Новгородской губ. (Жизнь стариков, 1865, № 4). Подробное же описание, судя по рассказам стариков, кладки печи в конце XIX в. и на территории обследованной местности.

⁹ Архив ИО, оп. 238, фольклорный запас № 64, 157, 198.

и ставить добавочные преземные печи для отопления жилого помещения — «чугунки», «щиты». Плиты появлялись в начале XX в., а в некоторых местах уже в конце XIX в., но массовое распространение они получают в исследуемом крае лишь в 20 — 30-х годах XX в. В настоящее время русскую печь нередко выкладывают из кирпича с самого ее основания.

Крестянами исследуемого края мало внимания уделялось внешнему оформлению сооружаемых жилых построек. Обшивка домов тесом была характерна в XIX — начале XX в. только для наиболее зажиточных крестьянских хозяйств. Не было распространенным на этой территории и украшение жилища различными архитектурными деталями, резьбой и росписью. Декоративная обработка применялась на верхних и нижних притоках верднего и боковых окон, которые украшались несложными вырезами в виде кружочков, городков, зубчиков. Иногда простейшими геометрическими узорами плоской долбленой резьбы украшали подзоры. Более часто встре-

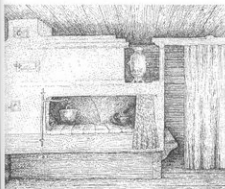

Рис. № 8. Печь и подвешенный котел (дер. Савино Островского р-на Псковской обл.)

чались подобные украшения в старых постройках северных районов Псковской обл. Не получил значительного развития в Западном крае и более поздний тип украшения, в котором орнаментальные деревянные узоры вырезаются при помощи пилы-ножовки. Узоры ажурной пропиловки в виде зигзагообразных плетений, S-образных завитков, сердцевидных фигур и прочих орнаментов криволинейного рисунка украшают наличники, подзоры, карнизы некоторых домов, построенных в начале XX в., а чаще в послереволюционные годы.

В низких жилищах Смоленской и Великолукской об-

ластей часто совсем отсутствует крыльцо, иногда оно заменяется небольшим навесом, поддерживаемым колоннами над нижней площадкой с лестницей в одну-две ступени. В более высоких избах обседеланных деревень Псковской обл. крыльца устроены на столбах или выпускных бревнах, поддерживающих рундук и покрытых сверху односкатной крышей. Лестница крыльца состоит обыкновенно из шести-восьми ступеней.

Слабое развитие архитектурных украшений в XIX — начале XX в. характерно также и для других, не обседеланных экспедицией районов Западного края Смоленской, Великолукской областей, Латгалии, а также для западных районов Новгородской обл.¹

На всем протяжении маршрута зафиксирована двух- и трехраздельная планировка жилища. Двухраздельный дом состоит из хаты (избы) и сеней; в трехраздельном доме с другой стороны сеней пристроено еще одно помещение — хата (изба) (рис. 9). По рассказам стариков, в прошлом (конец XIX — начало XX в.), несмотря на то, что семьи часто были большие (от 15 до 25 человек), преобладали жилища двухраздельные, две избы через сени строили лишь состоятельные хозяйства². Нередко из-за экономии топлива второе жилое помещение не отапливалось, оно использовалось для жилья только летом³.

При разделе больших семей вторая изба обычно перешла в собственность одного из женатых членов семьи, помещение нередко переносилось на новое место и к нему приставлялись сени. Такой раздел домов между родственниками происходит вплоть до настоящего времени. Экспедицией был зафиксирован подобный раздел дома, происшедший в 1938 г. На усадьбе колхозницы М. Сорокиной (дер. Митковичи Печорского р-на) стоит дом ее деверя. Дом М. Сорокиной, построенный в конце XIX в., первоначально состоял из двух изб через сени. В 1938 г. этот дом поделен между собой муж Сорокиной и его семейный брат. Брат, получивший вторую половину дома, поставил ее отдельно сзади родительского дома на расстоянии 5 м, впоследствии он пристроил к ней сени, еще одну избу и надворные постройки. У мужа М. Сорокиной осталась изба с сенями, хлев и клеть, стоящая сбоку от дома⁴. В ряде случаев раздел домов между родственниками происходил в послевоенное время, чаще это случалось в тех семьях, где оставалась сноха — вдова с родителями своего мужа. Так, например, дом Скороходовых (дер. Ковалинши Зилупского р-на), состоящий из двух хат через сени, поделен между свекровью и ее снохой, оставшейся после смерти мужа с двумя детьми.

В конце XIX в. в более зажиточных больших семьях глава семьи заранее, еще до раздела, ставил на своем участке, а иногда и в разных концах деревни несколько изб по числу сыновей. Так, по рассказам О. Ф. Ковалова

¹ В данных анкеты АГО, датированной 1917 г., нам известно, что резные украшения изб встречались в Великолукском, Южновском, Смоленском, Поречском, Тихоновском, Удском, Смоленском, в Крестовском и Друговском уездах украшений домов, из которых лишь двух деревень, не было. В Бельском у. постройки половинки деревень приписаны по жилам. В Великолукском у. украшения отмечены в Великолукском, Поречском уездах; резные встречались они в Островском, Тарнопольском, хотя бы не были присвоены в Великолукском и Южновском уездах. В Новгородской губ. архитектурные украшения были мало распространены в постройках западных уездов, граничащих с Великолукской и Новгородской губерниями. — В Новгородском, Старорусском, Дновском, Волдавском, Таловском ГАГО, ф. 24, он. 1, № 16, 1952.

² Архив ИД, он. 238, листовая запись № 15, 18, 122, 137, 192.

³ В семье Коваловых (Савино от Г. С. Ковалова, дер. Пески, Псковский р-н) в начале XX в. было 17 детей, вместе жила две семейные брати, их родители и младшие братья. Хозяйство вел дед Г. С. Ковалова. Семья жила в доме, состоявшем из двух хат через сени, одна из хат была «холодной», т. е. без печи, и использовалась только в теплое время. «Жила вместе сестра, что жила было мать, а в холодной семье хозяйство было крепче, больше рабочих рук». Старший женатый сын в этой семье отделился в начале 1912 г. (Архив ИД, он. 238, листовая запись № 294).

⁴ Архив ИД, он. 238, листовая запись № 383.

(1886 год рожд., дер. Митковичи Печорского р-на Псковской обл.), семьи, в которой он родился, состояла из раздела из 20 человек, которые жили в двух избах, соединенных сенями. Совместное хозяйство вели дед Кононов, отец и его четыре женатых брата. Перед разделом семьи

Рис. № 9. План трехраздельного дома Д. И. Блинова, построенного в 1880 г. (дер. Колы Серданинского р-на Псковской обл.)

1 — первая изба; II — вторая изба; III — сени; IV — «крыльцо» (крыльцо); 1 — печь; 2 — стол; 3 — лавка; 4 — кровать; 5 — сундук; 6 — полка; 7 — планка для занавески.

в 1894 г. были выстроены на той же усадьбе еще три дома, в которых после раздела поселились три старших сына. Семьи двух других сыновей поделили между собой отцовскую избу, причем родители остались с младшим сыном.

В Опочкинском и Островском уездах Псковской губ. во второй половине XIX и в начале XX в. встречались еще постройки, состоящие из избы, сеней и так называемого селянина, аналогичного клетям центральных областей РСФСР¹. Селяник устраивался большей частью на столбах и служил складским помещением. Нередко там спали молодые. Помещение под селяником использовалось как хлев. По рассказам стариков, вместо селянина в начале XX в. стали строить вторые избы. Так, в дер. Баслаки Пушкиногорского р-на в избе В. Н. Нефедова до 1922 г. был селяник, поставленный на столбах. Пространство между столбами было заплетено хворостом. Под селяником держали гусей и овец. В 1922 г. когда перебирали дом, селяник был перестроен в жилое помещение, под которым сейчас находится амбар².

Сруб для хранения продуктов пристраивался в XIX в. к жилой хате (через сени) и в некоторых обследованных деревнях Смоленской, Великолукской областей и Латвии. В Духовишском р-не такой сруб назывался «амбаром», в Великолукской обл. и Латвии — «клетенкой», «коморой», «чуланом». В отличие от псковских селяников амбары (клетенки) строились на данной территории одноэтажными.

В конце XIX в. в хозяйствах более состоятельных крестьян для увеличения жилого помещения и экономии топлива (отопление двух изб через сени было дорогим)

вместо сеней и второй избы (хаты) к первой избе пристраивали «придел», ставили в нем русскую печь, превращали придел в кухню, а избу, или хату, использовали в качестве парадного помещения, отапливая его лежанкой, голландкой или плитой. Подобный же план жилища имели и латвийцы, которые в начале XX в. (в некоторых случаях даже в конце XIX в.) с развитием капиталистических отношений и увеличением в деревне процента отходников строили зажиточная часть крестьян. В некоторых деревнях, население которых особенно сильно страдало от малоземелья, а отходные промыслы были плохим подспорьем (деревни Савино, Митковичи Псковской обл.)³, строительство пятистенков получило распространение только в 1920-х годах, т.е. после Октябрьской революции.

В настоящее время новые дома колхозники строят пятистенными, с приделами, или ставят четырехстенки больших размеров, в которых перегородками можно выделить несколько комнат. В домах старой постройки для увеличения жилой площади сени нередко превращают в кухню. Так, например, в доме Клеоновой⁴ (дер. Булгаково Духовишского р-на) в 1938 г. в сенях была поставлена русская печь, прорублено два окна, сени были превращены в кухню, хата — в переднюю комнату, а сбоку был пристроен дощатый коридор. Жилая площадь в результате этой перестройки увеличилась на 25 м² (в хате было 32 м²). В последние 10 — 20 лет наблюдается тенденция к замене сеней коридором, пристроенным сбоку дома в сооруженным из мелких бревен, полубревен или досок.

Расположение печи, переднего угла и всего внутреннего убранства в избе (хате) в XIX в. было однообразным для всей исследуемой территории и сохранило некоторые свои особенности вплоть до настоящего времени. Наличие или отсутствия у входа, как в прощол, так и в настоящее время, стоит русская печь, обращенная устьем к боковому фасаду. В хатах Духовишского р-на Смоленской обл. печь нередко расположена не в углу, а отступая от задней стены посередине глухой боковой стены дома. Угол, где висят иконы, расположен по диагонали от печи и называется по-разному: «кут», «кутний угол» — в Смоленской обл., в Венельском, Себежском районах Великолукской обл.; «передний угол», «перед», «в перед» — в Себежском, Пустошском районах Великолукской обл. и Гривском, Резекненском районах Латвии, в Островском и Пушкиногорском районах Псковской обл.; «божний угол» — в Зилупском р-не Латвийской ССР; «большой угол» — в Псковской обл.⁵

В Латвии и Духовишском р-не (Смоленская обл.) в избах, сохранивших традиционное расположение внутреннего убранства, обеденный стол находится в переднем углу.

В жилище же Псковской обл., а также в обследованных деревнях Пустошского и Себежского районов Великолукской обл. стол ставили не в переднем углу, а против устья печи; в передний угол его переносили только тогда, когда принимали гостей⁶ (рис. 10).

¹ Архив ИД, инв. 238, полевые записки № 162, 168, 169.

² Там же, полевые записки № 168.

³ Там же, полевые записки № 151, 192.

⁴ Там же, полевые записки № 13.

⁵ Подобный тип внутренней планировки избы (хаты) был характерен в XIX — начале XX в. для всего Западного края. Такое же расположение внутреннего убранства было в избах всех уездов Псковской и Новгородской губерний, в некоторых южных уездах Псковской губ. (Островский, Великолукский, Духовишский, западные уезды Новгородской губ. (Новгородский, Старорусский, Старошарский, Духовишский, Тихвинский), западные уезды Смоленской губ. (Поречинский, Смоленский, Духовишский, Духовицкий, Смоленский), а также в западных уездах Орловской и Курской губерний, граничащих с Угренской и Белгородской.

⁶ Архив ИД, инв. 238, полевые записки № 157.

В некоторых старых домах за печью сохранился дощатый настил для сна высотой 0,5 — 0,7 м — «пол» (Духовицкий, Невельский районы), иначе «пары»

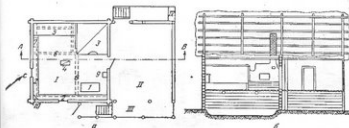

Рис. № 10. Традиционная планировка избы (дом А. Егоровой, дер. Александрова Слобода Пушкингородского р-на Пензенской обл.); дом построен в конце XIX в.
а — план дома: I — изба, II — сени, III — коридор, IV — уборная; 1 — стол; 2 — лавки; 3 — русская печь; 4 — голландка; 5 — кровать; 6 — «грядка»; 7 — шкафчик для белья; 8 — полка; 9 — стул; 10 — передний угол; б — продольный разрез по линии АВ.

(Латвия, Пушкингородский, Островский районы), «крюк» (Остальские районы). Доски пола настилялись с одной стороны на лавку, проходящую вдоль передней стены, с другой стороны на деревянную «подставку», прикрепленную к деревянному опечку печи или поддерживаемую козельками. Над полом устраивались дощатые ползаты, на которых также спали. В Псковской обл., в некоторых домах, построенных в конце XIX в., до сих пор сохранялись вертикальные стойки — «коник», «околыш». Стойка эта прикреплена к углу опечка. На стойку параллельно двери положена полка для шапок, с другой стороны прикреплен «грядка» для ползатей (рис. 10). Угол, где помещались пол, пары и ползаты, назывался «кроватьным» (Псковская обл.). Вдоль стен в домах XIX в. шли неподвижные лавки, а над ними были устроены полки для различных предметов бытового потребления. Около двери в курных избах висел деревянный шкапчик для посуды. Недалеко от печи обычно стояла деревянная вайна, над которой был подвешен глиняный котелок («гилек») для умывания. Угол против устья печи, где женщины занимались приготовлением обеда, назывался «ноуднем». В старых избах, кроме стола, лавок, ползатей и юр, не было никакой мебели, одежда хранилась в круглых деревянных сундуках («ублаха»), которые стояли в анбарах, клетях, селянниках¹.

Крестьянские жилища XIX в. освещались лунной, укрепленной в светлице, в начале XX в. получили распространение керосиновые лампы. В XIX и в начале XX в. избы были темными из-за малых размеров и небольшого числа окон. Большая численность крестьянской семьи при маленькой жилой площади создавала крайнюю тесноту и скученность. На парях обычно спало по две брачные пары, на ползатах спали дети, на печи — старики, остальные — на полу и лавках. Условия быта были крайне неблагоприятными. Тут же в избах зимой коровник корову, содержали овец, телат, над печью — кур. Мылись избы только во большие праздники. Вот что рассказал нам о

размещении большой семьи в старых избах XIX в. Н. Т. Зайцев (1884 год рожд., дер. Булгаково Духовицкого р-на): «Семья была раньше больше, а жили в одной хате,

только богатые две хаты имели. Печь стояла посередине глухой стены хаты, по обеим сторонам ее был «пол» для сна, сверху устраивались ползаты. Первая от двери лавка называлась «пороговой», две лавки, которые сходились в переднем «кутнем» углу, назывались «кутиними». Над лавками выше окон были полки. Ночью спящие всю хату занимали. На «заднем» полу спали старики, на «кутнем» полу спали молодые. Ребятишки спали на лавках и на ползатах. На пол стлали солому, покрывали ее дерюгой и на дерюгах спали. Иногда стлали и «сеники» — набитые сеном или соломою матрацы, которые покрывали одной дерюгой. Подушки делали большие, на 5-6 человек, из перьев. На пороговой лавке сидели больше женщины, сюда же они ставили горшки, ведра и всякую посуду. На кутней лавке хозяин лапти плел. Пряли и на пороговой лавке и на кутней. Обедать садились за два стола, за передним столом сидели мужчины, за задним столом — женщины; дети часто обедали сидя на полу. В «кутне» на почетном месте сидел хозяин, всех обдавая хлебом за обедом, потом хлеб ставил около себя за спину. Обед из печи вынимала хозяйка, сало из анбара приносили хозяин. Мясо хозяин сам клал в миску, а хозяйка суп разносила².

Некоторое улучшение бытовых условий крестьян происходит в начале XX в., но коренным образом они изменились только за годы советской власти. В настоящее время в обследованных экспедицией колхозах не только строятся новые дома, но и в соответствии с новыми бытовыми потребностями переоборудуются старые, построенные в конце XIX — начале XX в. В старых домах производят капитальный ремонт: перебирают бревна, перекрывают крышу более прочными кровельными материалами, подводят цементированные фундаменты, перестраивают пришедшие в ветхость полы и потолки; дома нередко обшиваются снаружи тесом, прорубаются дополнительные окна. Но больше всего изменений можно заметить при входе в избу. Во внутреннем убранстве жилого помещения, правда, еще нередко можно заметить мешанские вкусы, пустившие корни в деревне под влиянием развития капиталистических отношений в начале XX в., но, тем не менее, домашний быт колхозников стал совсем иным.

При всех изменениях, которые происходят сейчас в жилых постройках крестьян, в большинстве из них сохраняется традиционное устройство русской печи. Печь остается на старом месте (в углу налево или направо от двери), в то время как все помещение избы разгораживается перегородками на кухню, переднюю и спальню. Это

¹ О интересном убранстве курных изб, см. Архив ИЭН, от. 238, альбом записок № 38, 53, 77, 115, 157, 169, 198.

² Архив ИЭН, от. 238, альбом записок № 53.

объясняется, вероятно, тем, что такая постановка печи удобна, — недаром таким же образом строят теперь новые дома в центральных и южных областях РСФСР, где старая планировка избы была иной. Естественно, что в

дованию типов связи жилого дома и дворовых построек. В старых постройках Великолукской, Псковской областей (за исключением Гдовского и Сердвинского районов) и Латгалии обнаружен своеобразный тип дворе

Рис. № 11. Дом А. Ладика, построен в 1949 г.
а — внешний вид; б — план. Дер. Бриги ЗИШалунского р-на Латвийской ССР: I — столовая; II — зал; III — спальня; IV — кухня; V — коридор; VI — печь; VII — крыльцо; 1 — печь; 2 — стол; 3 — стул; 4 — диван; 5 — кровать; 6 — комод; 7 — шкаф; 8 — шкаф; 9 — передний угол.

Рис. № 12. Дом М. У. Рубенинского, построен в 1949 г.
а — внешний вид; I — кухня; II — столовая; III — зал; IV — спальня; V — кладовая; VI — коридор; VII — крыльцо; 1 — русская печь; 2 — обременительная печь.

многокомнатных домах новой стройки, пятистенках и четырехстенках больших размеров, форта и габариты которых (от 40 до 70 м²) не имеют ничего общего со старой избой (хатой), печь теряет свое традиционное положение (рис. 11, 12). И тем не менее в кухнях этих домов печь часто стоит по отношению к выходу так, как это было характерно для старых домов. В новых домах обследованных русских деревень Латгалии жилое помещение обычно делится на четыре комнаты. При входе в дом расположена кухня, русская печь стоит в кухне у входа, немного отступив от угла, устье печи имеет то же положение по отношению к входу, какое оно имело в старых избах. Столовая обычно примыкает к одной из боковых сторон печи; из столовой — вход в зал. Сзади кухни всегда находится спальня (рис. 11)¹. В пятистенках, состоящих из двух комнат, печь часто стоит в кухне в углу или несколько отступив от угла избы с устьем, повернутым в сторону двери² (по традиционному плану, характерному для этого края). И только в двух обследованных экспедицией пятистенках (из дер. Жуки Себежского р-на и дер. Александрова Слобода Пувлинского р-на) печь расположена в кухне по плану, характерному для традиционного жилища центральных областей РСФСР. Хозяин одного из этих домов объяснил нам, что печь поставлена в его доме таким образом потому, что поставить иначе ее нельзя: не хватило места; «удобнее, когда чело печи около двери находится, так культурнее» — заключил он³.

Большое внимание было уделено экспедицией обследо-

вой постройки, который можно назвать «трехрядным». Трехрядный тип постройки является специфической особенностью построек Западного края⁴.

При трехрядном типе постройки к глухой боковой стене дома примыкает крытый двор (рис. 13). Двускатные крыши дома и двора почти соприкасаются, в месте соприкосновения получается «сидов», где помещается лоток для стока воды. По другую сторону дома, на расстоянии примерно 7 м от него, идет ряд хозяйственных построек, параллельных дому. Длина этого ряда построек большей частью равна длине дома и крытого двора. Открытое пространство между домом и надворными постройками («заулица» — Великолукская обл., «улица» — Латгалия, «чистый двор» — Псковская обл.) огорожена вается от улицы бревенчатым забором — «задрогой», «загородом». В задрог, выходящей на дорогу, проделываются калитка и ворота, крытые зачастую двускатной крышей⁵.

В крытом дворе на стороне, противоположной дому, параллельно ему, расположены срубные хлевы, стены которых образуют одну сторону двора. Хлевы бывшие мшанные, с соломями, на которых хранятся солома. Крытое пространство двора между рядами хлевов и дома называется «скотинком» в Невельском, Пустошкинском районах, «скотеским» двором в Псковской обл. и «денником» на остальной территории. С обеих сторон денника делаются калитка и двустворчатые ворота. Стропила крыши

¹ Там же, последние данные № 32а, 40, 71, 116.

² Там же, последние данные № 11, 140.

³ Там же, последние данные № 45, 177.

⁴ Судя по данным АГО, это слово в XIX в. распространено также в Холмском, Торопецком, Порочинском уездах Псковской губ., но обследованных им деревень, в том числе, характерно для деревни Ладика и селу на юго-востоке Звенига СГО, ф. 24, № 16; ф. XXXII, № 13, 15, 19, 34 в Дереве ИЗО, см. 238, последние данные № 78, 130а, 179а; см. 142, последние данные № 33).

⁵ Дереве ИЗО, см. 238, последние данные № 78, 90, 181, 194.

дворов покоятся с одной стороны на ряде столбов и перегородок, отстоящих от дома на 1 — 1,5 м, с другой стороны — на наружных стенах хлевов (рис. 14).

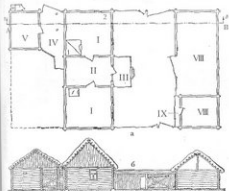

Рис. № 13. Дом с двором трехрядной застройки, 1897 г. (дер. Петрово Игдальского р-на Великолукской обл.)
а — план дома и двора; I — жилая; II — сенцы; III — «красная» (крыльцо); IV — двор; V — хлев; VI — уборная; VII — сарай для сена и соломы; VIII — амбар; IX — «красный» амбар; 1 — печь; 2 — передний угол; б — поперечный разрез дома и двора по линии АВ.

Рис. № 14. Столбовая конструкция внутри крытого двора при трехрядном типе дворовой застройки (дер. Калужница Псковского р-на Псковской обл.)

Надворные постройки, расположенные с другой стороны дома, на некотором расстоянии от него, включали в Псковской обл. амбар, сарай, поветь, конюшню, в Латгалии — клеть, поветь, конюшню, в Себежском р-не (дер. Жуки) — клеть, поветь, истопка; истопка была раньше также в Зидульском р-не. В настоящее время большая часть этих построек не сохранилась. Все они были срубными, стояли в ряд одна за другой, покрывались двускатными крышами, сооружаемыми в XIX в. на самцах. В амбаре шпатель пол, делались засеки для хлеба, снаружи, со стороны входа, устраивался «привлеть», «красель», представляющий собой неширокий настил из досок под свесом крыши. Подобным образом в Латгалии были устроены клетки, под углами которых обычно подкладывались боль-

шие камни, благодаря чему пол клетки был выше пола хаты. В засеках клетки хранили муку; в засечных хозяйствах в клетки стояли кублы (сундуки) с добром. Около клетки в Себежском и Зидульском районах стояла «истопка» — небольшой сруб без пола и потолка для хранения капусты, огурцов и молока. Конюшни конюхатались мхом, сейчас они используются для различных хозяйственных целей. Повети (возовны) обычно имели три стены, с четвертой стороны повети крыша крепилась на столбах. В повети раньше стояли телеги, сельскохозяйственные орудия, сейчас поветь служит главным образом для хранения дров.

Из рассказов населения выяснилось¹, что до установления Советской власти в богатых крестьянских хозяйствах, где было по несколько коров и лошадей, дворовая застройка имела форму «венца». В основе этой формы также лежит трехрядная планировка. Два ряда надворных построек (хлевы, с одной стороны, амбар и прочие постройки — с другой) продолжают за заднюю стену дома, повораживают под прямым углом и смыкаются друг с другом, образуя букву «П». В дер. Митковича Печорского р-на Псковской обл. старики рассказывали, что лет 70 — 80 тому назад были еще открытые дворы, где постройки также располагались в три ряда, но крыша дома не соприсакалась с крышей двора: дом стоял посередине двора, ничем не связанный с дворовыми постройками. Это подтверждается также тем фактом, что в наиболее старых постройках пространство скотного двора в дер. Митковичи не покрыто крышей.

На территории бытования трехрядного типа застройки встречались иногда и замкнутые открытые дворы. Их большей частью строили в тех случаях, когда размер усадебной земли не позволял ставить с обеих сторон дома по ряду дворовых построек; последние образовывали вместе с домом покоеобразный или замкнутый «круглый» двор. В формах дворовых застроек особенно ярко проследивается классовое расслоение, имевшее место среди крестьянства Западного края в конце XIX — начале XX в. Богатые хозяйства, имевшие много скота, строили, как мы видели выше, большие дворы в форме венца или замкнутого четырехугольника. У середняков, самой многочисленной прослойки крестьянства, надворные постройки шли в два ряда, рав-

Рис. № 15. Замкнутый «круглый» двор, или Сдер. Данилово Духовнического р-на Смоленской обл.)

I — хата; II — сенцы; III — чулан; IV — открытый двор; V — поветь; VI — хлев; VII — сарай для сена; VIII — поветь под односкатной крышей; IX — уборная; 1 — печь; 2 — передний угол.

¹ Там же, согласно записи № 27, 362.

² Архив ЦИО, ин. 218, согласно записи № 198.

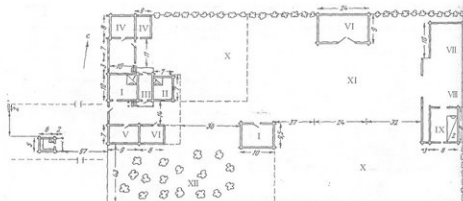

Рис. № 16. Усадьба А. Антонова (дер. Александрово Слобода Пущинского р-на Исковской обл.). Схематический план усадьбы:

I — первая изба; II — вторая изба; III — сени; IV — хлев; V — амбар; VI — сарай; VII — «заруб» для хлеба; VIII — гумно; IX — «рей»; X — огород (картофель); XI — луг; XII — сад; 1 — русская печь, 2 — печь в рейе.

ные длине дома (трехрядный тип застройки). В дворах более бедных крестьян вместо трехрядной застройки стояли только хлев и клеть, а у самых бедных в качестве хлева нередко использовались сени.

В дер. Баслаки Пущинского р-на «у кого были средства, устраивали два двора — чистый и коровий, у кого средств мало было, имели один двор, а бедняки хлевце устраивали на месте сеней»¹. «Дворы были неодинаковые, — рассказывал нам также О. Ф. Кононов, — постройки шли и в два, и в три ряда — у кого какие были средства»².

Выделяется по типу дворовой застройки территория Духовицкого р-на Смоленской обл. (Духовицкий у. Смоленской губ.), а также территория Середкинского и Гдовского районов Псковской обл. (Гдовский у. Петербургской губ.). Трехрядный тип дворовой застройки на этой территории не обнаружен.

В Духовицком р-не Смоленской обл. (Духовицкий у. Смоленской губ.) по второй половине XIX — начале XX в. были распространены замкнутые открытые дворы, называемые «круглыми»³ (рис. 15).

Круглый замкнутый двор в обследованных деревнях Духовицкого р-на был расположен сзади дома, последний обычно стоял своим длинным боковым фасадом параллельно к улице. К одному концу дома, сзади него, пристраивались клетки по числу замужних пар данной семьи, затем шли хлевцы, сарай, поветь — навес для транспорта и сельскохозяйственного инвентаря; вся подворная постройка огорожена сзади дома пространством в форме буквы «П» и доходила до другого конца дома, образуя замкнутый четырехугольник.

Подобный тип двора, правда, в несколько измененном виде, был зафиксирован членами экспедиции в дер. Данилово Духовицкого р-на. Как рассказывал Н. Т.

Зайцев (1884 год рож.), в дер. Булгаково круглые дворы строили чаще богатые крестьяне, в бедных же хозяйствах двор был пристроен непосредственно сзади дома

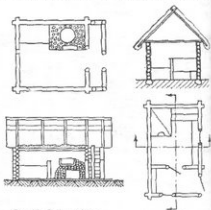

Рис. № 17. Типы бань
а — баня с «белорусско-украинской» планировкой (с. Булгаково Духовицкого р-на Смоленской обл.); 1 — схематический план; 2 — продольный разрез; б — баня с «южнорусской» планировкой (дер. Кануновщина Гдовского р-на Псковской обл.); 3 — план; 4 — поперечный разрез.

не превышал по своим размерам длину дома (двухрядный тип застройки)⁴.

По воспоминаниям стариков, замкнутые открытые

¹ Там же, полевой журнал № 167.

² Там же, полевой журнал № 192.

³ Замкнутые открытые дворы встречаются по второй половине XIX в. также и в других уездах Смоленской губ. — в Бельском, Сивьевском, Дорогобужском, Смоленском, Краснинском, верховьях на территории соседней Могилевской губ. и охватывая широкой полосой пространство, занимаемое южнорусскими губерниями — Тульской, Рязанской, Пензенской, Саратовской и др.

⁴ Архив ИЭ, оп. 238, полевой журнал № 18.

дворы бытовали во второй половине XIX в. также на территории б. Гдовского у. Петербургской губ. В настоящее время такие дворы в обследованных экспедицией деревнях Гдовского и Середкинского районов не сохра-

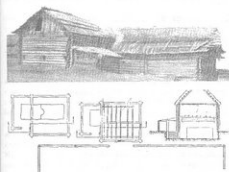

Рис. № 18. Явный овиш («овин-стол»), построен в 1949 г. по старинному образцу для сушки колхозного хлеба (с. Булгаево Духовницкого р-на Смоленской обл.)

а — внешний вид овина и топка; б — план нижнего яруса сада; в — план верхнего яруса сада и план топки: I — аиа, II — присеник, III — колосница, IV — отдушина, V — топка; г — разрез овина по линии АВ: I — садка; II — веник; III — аиа; IV — присеник.

нились и зафиксировать их поэтому не удалось.

На остальной территории традиционные типы застройки, характерные для исследуемого края в XIX — начале XX в., сохраняются лишь в сильно модернизированном виде.

После коллективизации сельского хозяйства стали ненужными многие надворные постройки, характерные для единоличных крестьянских хозяйств. Дворовые постройки в новых домах имеют самое разнообразное положение: они могут пристраиваться сбоку и сзади дома (по типу одвордвой и двухрядной застройки), могут располагаться сзади или сбоку дома наподобие круглого двора, но чаще всего дворовые постройки ставятся отдельно от дома на небольшом расстоянии от него¹. В обследованных районах Латгалии в связи с тем, что во время расселения крестьянских хозяйств из деревень на хутора строили дворы вплотную к жилому дому было запрещено, все надворные постройки расположены отдельно от дома².

Жилой дом и надворные постройки повсюду называются «хоромами». Усадьба в Смоленской и Великолукской областях называется «пешной», в Печорском р-не Псковской обл. «дворной», в Гдовском р-не — «ободворкой». Крестьянская усадьба обычно имеет прямоугольную форму, выхода на улицу одной из своих меньших сторон. Типичный для старого времени тип усадьбы был зафиксирован экспедицией в дер. Александрова Слобода у престарелого колхозника А. Антонова (рис. 16).

Форма, габариты усадьбы, дом, надворные, хозяйственные постройки и их расположение на усадьбе — все

это сохранилось без изменений с конца XIX в., за исключением того, что в XIX в. усадебная земля Антонова продолжалась через дорогу, что показано на плане пунктиром.

В крестьянской усадьбе дом с дворовыми постройками

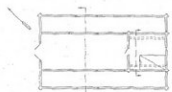

Рис. № 19. Рей (рига) с токовней (дер. Коваленки Зилуновского р-на Латвийской ССР)

а — внешний вид токовни и риги; б — план токовни и риги: I — токовня, II — рей; III — аиа; IV — веник; V — «нитса» (навесение для хранения обочелоченного и необочелоченного хлеба); в — поперечный разрез токовни по линии СД; г — поперечный разрез риги по линии АВ; д — столбовая конструкция кровли токовни.

ми обычно фасадом выходил на улицу; за домом на усадебной земле располагались амбар, саран, баня, гумно и сарай.

Баню ставили недалеко от дома на огородах, иногда около реки. В XIX — начале XX в. бани были не у всех крестьян³. В дер. Бриги (Зилуновский р-н) на 20 хозяйств

¹ Там же, по плану здания № 20, 21, 28, 43.

² «В Гдовском дворе стала строить по плану. Тес, кто строит жилища двора, надворных построек. Дом от клочка земли отстоит не много, чем на 15 м» (Смоленский Гдовский п. к., дер. Заречье, Волосовский р-н. — Архив ИД, ин. 238, м. экз. № 122).

³ Число бань строили обычно колхозники-хозяйственники. Там же, дер. Сосновка (Погорельский р-н) одной баней владели пять семей колхоз. Сельскохозяйственные бани на двести четыре выстроены в деревнях Волос (Псковский р-н), Суворово (Островский р-н), Жук (Гдовский р-н).

было всего две-три бани. «Бани у нас были только у исправнейших хозяев», — рассказывают старики. Бедные хозяева бань не имели, мылись в печах.

Бани в Западном крае строились срубными, небольших размеров (3х4 м, 3х3,5 м), покрывались соломенными двускатными крышами. К баням приставлялись предбанник («промыльник» — в Духовицком р-не), бревна стен которой большей частью забирались в столбы.

Планировка бань белорусско-украинская (как принято ее называть в литературе), т.е. печь стоит в углу у двери (рис. 17, а). Только в Гдовском р-не (б. Петербургская губ.), наряду с указанной планировкой, встречаются бани, у которых печь стоит в заднем углу от входа или посередине, устье печи обращено к входу (жонковеликорусский план, рис. 17, б). Все бани как старой, так и новой постройки отапливаются по-черному печными камнями, в которые вмазаны котлы для нагревания воды.

Для выхода дыма в потолках некоторых бань устроено отверстие — дымоход, закрываемый доской и соединенное на чердаке с деревянной трубой, выходящей дыма наружу¹. В конце XIX в., как рассказывают старики, воду нагревали раскаленными камнями в деревянных бочках («депках») или корытах, выдолбленных из целого бревна².

Из типов снопусушителей в Духовицком р-не Смоленской обл. зафиксированы только овинные, построенные в конце XIX в.³. Овинный овин называется здесь «овин-ствол». Он состоит из двух отделений: «примышка» — небольшой пристройки под односкатной крышей, и «сидки», в нижнем этаже которой, углубленном на 1 — 1,5 м в землю, находится печь, а в верхнем этаже на колосниках сушатся снопы. За ночь «сидка» овина вмещала до 500 снопов (рис. 18). Непосредственно к овину примыкает «ток» для молотыбы, стены которого рублены в углы или забраны в столбы; под ток — глинобитный или плотно утрамбованный земляной. С начала XX в. в Духовицком р-не перестали строить овин-ствол, его заменил «овин-овня» или рига. В овине-овне печь поставлена на поверхность земли, колосники находятся в том же отделении, где стоит печь.

На остальной территории во второй половине XIX — начале XX в. хлеб сушили в ригах, которые в Латвии и Псковской обл. называются «реями»⁴.

В ригах-рейх (рис. 19) печь обычно расположена справа от входа и углублена в землю на 0,5 или 1 м, длина ее занимает почти все помещение рига (2,5 — 3,5 м). Над печью на слегка устроены колосники. Немного ниже колосников на продольных бревнах укреплялся ряд досок, называемых «лохидня», «сидушка», на эти доски устанавливали во время пасаживания снопы на колосники. Снопы в ригу подавали в отверстие, прорубленное в стене недалеко от двери, немного выше ее. Рига большей частью расположена внутри «гумна» или «токовина», составляя одну из ее коротких сторон. Между боковой стеной рига и продольной стеной гумна оставалось пространство («закрылок», «примупек» — Невельский р-н, «заулок» —

Гдовский р-н) для складывания соломы или необмолоченного хлеба.

В гумнах Латвии и Псковской обл. ярко выражена столбовая конструкция. В Латвии стропила крыши покоятся на столбах, которые стоят посередине гумна в два ряда на некотором расстоянии от продольных стен (рис. 19, д).

В Псковской обл. стропила крепятся к столбам, составляющих столбовую конструкцию стен гумна.

В первом случае между столбами и стеной гумна находится помехи для складывания обмолоченного и необмолоченного хлеба.

Для русских и латышских снопусушителей обследованных районов Литвы характерно низкое свисание крыши гумна. Создается впечатление, что крыша гумна покоится на земле; высота его стен не превышает 1 м. Если рига находится внутри гумна, она не имеет самостоятельной крыши и покрывается крышей гумна.

Для постройки гумна и рига требовалось много леса, поэтому снопусушители были не у всех крестьян. Очень часто риги и гумна строили сообща несколько хозяев. По рассказам стариков, в некоторых деревнях бедняки сушили хлеб в овинах богатых крестьян, отработывая за пользование овинным домом три дня на земле владельца овина или платили его хозяину деньгами⁵. Во избежание пожара риги и гумна всегда строили в конце усадьбы, на расстоянии 50 сажен и более от дома. В 20 м от гумна ближе к дому обычно стояли сараи для сена, чаще «путь» (Невельский, Духовицкий, Резекненский, Середский, Гдовский районы).

Мельницы в обследованных районах почти не сохранились, здесь они были вообще редки, зерно молотли чаще ручными жерновками. В Псковской обл. встречались мельницы ветряные — «шаторные восьмериком» и водяные, в Латвии преимущественно водяные; в дер. Мисови Пустошского р-на и в дер. Пески Невельского р-на строили водяные мельницы⁶.

В результате обобщения и анализа полевых материалов, характеризующих жилище Западного края в конце XIX — начале XX в., можно прийти к следующему выводу:

1. При наличии ряда признаков, объединяющих жилища всей исследованной территории (имеется в виду та называемая белорусско-украинская внутренняя планировка избы-хаты; двускатная форма крыши, одинаковые приемы строительной техники, бытование бани, слабое развитие архитектурных украшений), локальные особенности, существовавшие в жилище отдельных районов исследованной территории, не позволяют объединить все жилища Западного края в единый тип.

2. На территории Западного края можно выделить следующие мелкие районы, жилища которых отличаются рядом локальных особенностей.

а) Духовицкий р-н Смоленской обл. Отличительные признаки жилищ данного района: параллельное положение дома по отношению к улице, небольшая высота

¹ Архив ИЦ, оп. 238, инвентаризация № 83.

² Там же, инвентаризация № 53, 78. — Бани были распространены также и в других, не обследованных исследователем уездах Витебской, Псковской и Новгородской губерний, а также в западных уездах Смоленской и Новгородской губерний. Но распространены были исследованный район составил большую территорию. В составе восточных уездов Смоленской губ., а также в близлежащих с ними уездах Московской и Тверской губерний бани встречались редко, но были бы на территории соседних Калужской и Орловской губерний.

³ Архив ИЦ, оп. 238, инвентаризация № 17.

⁴ Там же, инвентаризация № 31, 37, 65, 115, 162, 167.

⁵ Архив ИЦ, оп. 238, инвентаризация № 18.

⁶ Там же, инвентаризация № 21, 62-а, 88, 158.

его, устройство в XIX в. земляного пола, покрытие крыш дором или соломой, замкнутий открытый двор, наличие жилого окна.

В жилищах данного района имеются черты, сходные с жилищами белорусов. Сходство с белорусскими жилищами проявляется как во внутренней его планировке (постановка печи, положение пар, полатей, переднего угла и т.д.), так и в терминологии (хата, кут, кутний угол, столы, притечек, услон, балька и т.д.).

Многие особенности обликают жилища обследованных деревень Духовицкого р-на с постройками южнорусских областей: небольшая высота, наличие земляного пола, параллельная постановка дома по отношению к улице, замкнутый открытый двор, бытовавшие жилого окна.

б) Невельский, Себежский, Пустошеский районы Великолукской обл., Зидунский, Краславский, Гринский, Ресекенский районы Латвийской ССР, т.е. территория, входившая в Витебскую губ. Крестьянские жилища данного района характеризуют следующие отличительные черты: перпендикулярное положение дома по отношению к улице, наличие одного окна на переднем фасаде дома, покрытие крыш соломой, трехрядный тип дворовой постройки, наличие земляного пола и подвешенного котла у печи.

В крестьянских постройках этого района, расположенного в пограничной полосе с белорусскими и латышскими поселениями, встречаются черты, сходные с жилищами этих народов. Сходство с белорусскими жилищами проявляется во внутренней планировке хат и в терминологии (хата, клеть, комора, сварон, кутний угол, притечек, услон, балька, истопка, пуна, обора). Культурные связи латышей с русскими поселениями в Латвии скажутся в появлении в русских домах подвешенных котлов у печи, полуваляемых крыш, специфического наивысания крыши риги, в стесывании бревен с четырех сторон в постройках XX в., а также в терминологии (рей, шары). Жилища латышей, населяющих территорию, входившую в Витебскую губ., отличны от жилищ остальной части Латвии и сходны с жилищами местного русского и белорусского населения (общая планировка, трехрядная постройка и т.д.).

Совместное проживание латышей, русских и белорусов, культурные связи с русским населением соседних областей, наконец, непосредственное влияние русских этнологов — все это обуславливало одинаковое развитие их жилищ.

в) Пушкингорский, Островский, Печорский, Пыталовский районы Псковской обл., т.е. территория, входившая в Псковскую губ. Крестьянские постройки данной территории имеют много общего с жилищами предыдущего района, но отличаются от него большой высотой, наличием высокого или среднего подклета, устройством крылец, покрытием крыш тесом наряду с соломой.

В жилищах Псковской обл. имеются черты, обближающие их с постройками Новгородской и отчасти Калининской, Ярославской и Костромской областей. Так же, как и в этих областях, здесь дома строятся довольно большой высоты, под домом устраивается подклет, называемый «подзабейей», «подпольем», «подпалом», к сеним примыкает клеть (сеним) на высокой подклете, одинаково устройство драгцевой и тесовой крыш и многие привычки постановки сруба. Много общего с среднерусскими

областями и в терминологии псковского жилища (изба, истопка, большой или передний угол, коник, цело, подзабейя и пр.).

Наряду с этим существование в крестьянских постройках Псковщины белорусско-украинской планировки избы, наличие подвешенного котла у печи, а также распространение полуваляемых крыш на дворовых постройках и гумнах говорит о некотором сходстве псковских жилищ с жилищами Белоруссии и восточных районов Прибалтики.

г) Гдовский и Середненский районы Псковской обл. Для жилища исследованной территории, входившей раньше в Петербургскую губ., характерно наличие параллельной постановки дома к улице, наряду с перпендикулярной, сравнительно небольшая высота, замкнутый открытый двор, баня с южнорусским внутренним планом.

3. При суммировании всех общих и локальных особенностей, характеризующих жилища исследованного края, выделяются крестьянские постройки на территории бывших Псковской и Витебской губерний. Жилища этого большого района, расположенного в центре Западного края, имеют много общих черт и особенностей, выделяющих их из построек основной территории заселения русского народа (вместе в ладу трехрядный тип дворовой постройки, наличие одного окна при перпендикулярном положении дома к улице, бытование подвешенного котла у печи). Наличие этих особенностей, а также признаков, характеризующих жилища всей исследованной территории, позволяет выделить тип жилища, который можно назвать «западным». Западный тип жилища охватывает территорию Великолукской обл., Латвию, значительную часть Псковской обл. (по высотному показателю жилища данная территория разделяется на два подрайона с выделением Псковской обл.). В крестьянских постройках выделенного типа, наряду с общерусскими чертами, имеются особенности, характерные только для этого типа, в нем прослеживаются также черты, сходные с жилищем белорусов и народов восточных районов Прибалтики.

4. Собранные экспедицией материалы позволяют расширить пределы распространения внутренней планировки дома, которая неправильно называется белорусско-украинской. Планировка эта охватывает не только районы Белоруссии и Украины, но также, как мы видели выше, значительную часть Смоленской и Новгородской областей, всю территорию Великолукской и Псковской областей, восточные районы Латвии и Литвы. Наличие единой планировки жилищ в русских западных областях, у украинцев, белорусов, поляков, литовцев и латышей в восточных районах Латвии и Литвы является, по-видимому, следствием их известной этнической общности и постоянных культурных взаимосвязей.

5. Во второй половине XIX в. жилища на исследуемой территории сохраняли многие традиционные формы, характерные для русских крестьянских построек феодального периода. В конце XIX и особенно в начале XX в. под влиянием развивавшегося капитализма в деревне Западного края, как и в большинстве районов России, наблюдаются некоторые изменения в старых, этнически закрепленных формах крестьянских жилищ. Крестьянские постройки данного периода ярко отражают процесс классового расслоения деревни.

Одежда

В середине XIX в. русские крестьяне Западного края изготовляли свою одежду главным образом из льняной и шерстяной дмотканни. Фабричные ткани не имели в то время широкого сбыта в западнорусских деревнях. Однако уже в то время русские старообрядцы, отходники Витебской губ., покупали больше фабричных тканей, чем остальные крестьяне.

В последние два десятилетия XIX в. в Псковской и Витебской губерниях началось повсеместное вытеснение дмотканни фабричными материалами. С усилившемся развитием товарно-денежных отношений крестьянам льноводческих районов этих губерний стало выгоднее продавать лен, а не ткать из него полотно, так как спрос на лен был тогда велик на русском рынке и цены на него довольно высоки. На деньги, вырученные от продажи льна, крестьяне покупали дешевые фабричные ткани. Кроме того, в конце XIX в. большое место в бюджете многих крестьянских семей занимали денежные доходы от местных промыслов (например, на Чудском озере — от рыбной ловли) и отходничество. Часть этих доходов крестьяне также тратили на покупку тканей.

Отходничество сказалось на всех сторонах крестьянского быта, в частности, и на одежде. Нельзя не отметить, что поскольку мужчины занимались отходничеством в большей мере, чем женщины, мужской костюм претерпевал значительные изменения по сравнению с женским. В конце XIX в. постоянную принадлежность мужского костюма составляли сапоги, картуз городского покрова, поддевник, брюки, «тройка»¹. В женском костюме стали встречаться юбки, кофты, платья. У некоторых русских старообрядцев Латвии на семейных фотографиях, относящихся к концу XIX — началу XX в., можно видеть женщин, затянутых в корсеты, в праздничных платьях со шлейфами, мужчин в тройке. Крестьянки, работавшие в прислугах, нередко, по их же словам, донашивали «барские тринки». Там, где отходничество не получило большого развития, а именно у русского населения Духовицкого у. Смоленской губ. и у сел Псковщины, одежда по-прежнему изготовлялась из дмотканни и сохраняла старые формы.

Современная одежда русских колхозников по покрою сходна с одеждой городских жителей. Одной из главных причин инвентаризации одежды является постоянная экономическая и культурная связь сельского и городского населения.

Тем не менее в современной одежде колхозников можно еще отметить некоторые отличия от одежды городских жителей. Так, летом 1953 г. на Пушкинских торжествах в с. Михайловском и на празднике песни в Печорах многие колхозницы старше 30 лет были в платках, тогда как городские женщины этого возраста ходили с непокрытыми головами. Пожилые колхозники и сейчас носят старинную верхнюю одежду (шубы, кафтаны, армяки), хорошо защищающую от холода; в поле колхозники зачастую надевают поршни — обувь, легкую и удобную для сельскохозяйственных работ. Некоторые старики донашивают суконную дмотканную одежду. У стариков-старообрядцев старые формы русской народной одежды сохраняются также в пуховой одежде.

Специфические локальные особенности русского народного костюма XIX — начала XX в. позволяют разделить обследованную территорию на несколько частей с тем, чтобы иметь возможность привести подробное описание разных форм одежды, характерных для населения каждой из них.

1. Духовицкий район Смоленской области (деревни Третьяково, Данилово, Булаково)

Женская одежда

Рубашка. До 1917 г. женщины носили рубашки «с модельными», носить фабричные рубашки считалось поро-

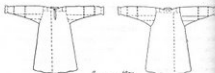

Рис. № 20. Рубашка с прямыми полками (с. Булаково Духовицкого р-на Смоленской обл.)

ком. Женская рубашка шилась с подставкой, с прямыми полками (впеченными застакана), пришитыми по утку, с прямыми рукавами на обшлагах (рис. 20).

Такая рубашка имеется, например, у Е. Журавлевой (77 лет) из дер. Третьяково. «Стан» (верхняя часть рубашки) колесниковый, «подставка» (нижняя часть) льняной, ползник прямые, пришиты по утку. Рукав выкроен из холста и колесника, к кисти руки постепенно сужается. Ворот в сборку, из узкой обшивки, застегивается стеклянной пуговицей в прорезной петлей. По ползнику сделан «подбор» — затканка красной бумагой в узор «щелочка»; поперек рукава — еще одна затканка «подползник», выполненная красной бумагой на 22 досках; узор «крутаны» и «гребенкой». К подолу пришиты ручки (вязанные крючком) и покушье кружева. У Е. Журав-

Рис. № 21. Типа сарафанов

а — из дер. Третьяково Духовицкого р-на Смоленской обл.; б — из дер. Данилово Духовицкого р-на Смоленской обл.

левой сохранялись еще венчалная рубаха того же покроя, но со станом из колесника. Рубашка эта называлась «добрая о шести узорах» (т.е. вышитая шестью различными узорами).

Сейчас носить рубашки с полками считается «недревески»; пожилые женщины надевают туникообразные рубашки без рукавов, с вырезным воротом, а молодые — на лямках.

Пососки — холщовый халат, бытовал в середине XIX

¹ «Тройка» — костюм, состоявший из пиджака, жилета и брюк.

² Архив ВД, ин. 238, записная книжка № 420-6.

как одежда казенных крестьян, помещичья крестьяне по не носили. Носовка делалась из белых полотняных «очей», прямого покроя, без рукавов, длиною до колен. Зоритника у носовки не было, ворот обшивался красной иткой или вышивался, грудь также вышивалась. Надевали носовку с белой рубашкой и холщовым фартуком¹.

Рис. № 22. Женщина в крестьянском костюме XIX в. (Духовницкой р-н Смоленской обл.)

Сарафан крестьянки шили с лифом («блужкой») и лямками. Сарафан из суконной дмотканщины называли «царафом», а из полусуконной портяной ткани — просто сарафаном. Так, сарафан, сохранившийся у Е. Журавлевой в дер. Третьяково, сшит из четырех полос сатинового бордового цвета с лифом (блужкой) и лямками («кресты») наверху (рис. 21, а). Носили также клетчатые сарафаны² и сшитые из материи с продольными полосами.

В дер. Давылово найден «закладной» сарафан, т.е. шитый на двух подножках с двумя утками в узор «велосипед» («велентик») (рис. 21, б). Отмечается, что у «велентика», т.е. казенных крестьян, были суконные сарафаны, у пацанских — клетчатые льняные (рис. 22).

Обычно девочки до семи лет ходили без сарафанов в своих рубашках, только те, «кто побогаче, шили сарафаны для девочек с 3 лет»³.

Юбки. Кроме сарафанов, крестьянки носили юбки из полушерстяной дмотканщины. В одной из таких юбок (дер. Давылово) основа была льняная, уток — льняные, оранжевые, красные шерстяные нитки.

Передники — шили раньше из холста, «забранные» по подолу на 7-35 досках. Покрой передника — по талии, в сборку на обшивке.

Куртка («курта») — верхняя одежда из белого сукна с «фантами» (складками) сзади (дер. Булгаково).

Жилет — женская безрукавка, шитая по талии из грубого или покупной материи. Носили безрукавки в холода.

Головные уборы. Наметка была известна в деревнях

Булгаково, Третьяково, Сзачково, Давылово. Как говорят крестьяне, «наметки носили, когда крепостными были, а потом их только донашивали». Наметкой, сложенной в виде полосы (длинной 3 м), несколько раз обертывали голову поверх шапочки с круглым дном и околышем. Концы наметки, украшенные «мохрами» из красной, желтой и зеленой шерсти, закладывали по бокам. Девушки так же, как и женщины, носили наметку, но без шапочки (макушка оставалась открытой).

Во второй половине XIX в. наметку сменили «шапочки» и «связанные чепцы», надеваемые с платками.

Позднее (конец XIX в.) стали носить сборник. Он состоял из прямоугольного куска материи с надрезом по

Рис. № 23. Головной убор «Сборник» (с. Булгаково Духовницкого р-на Смоленской обл.)
а — вид спереди; б — вид сзади.

одной стороне, сделанным отступом от краев на 8 см. Сзади и по надрезу были сборки (рис. 23). Волосы под сборник, как и под шапочку, плели на две косы, которые закладывали на голове в виде венца.

Лет 50 тому назад с шапочками и сборниками носили холщовые косынки и платки, «подбираемые» по двум углам (т.е. затканые «браным» узором). Платок складывали по диагонали, его концы завязывали под подбородком. Покупной шерстяной платок с вышивкой назывался «кокетка», он был праздничным и подвешивался головным убором.

Украшения. Крестьянки из богатых семей имели литарные бусы — «литари». Девочки с 7-8 лет, когда им прокалывали уши, носили гусиные пуговицы. Считалось, что гусиное сало снимает боль, содействует заживлению раны.

Мужская одежда

Рубашка. Материалом для мужских рубашек служил белый холст. Кроилась рубашка, как правило, туникообразно.

Рис. № 24. Рубашка мужская туникообразная (дер. Духовницкого р-на Смоленской обл.)

разной, с прямым или косым разрезом ворота. Грудь, ворот и обшлаги рубахи вышивали крестом красной и черной бузогой (рис. 24).

Штаны были преимущественно узкие, так называемые русского покроя. Шили их из белого, синего или подосаго холста с «грузем» и узкими штанинами-«калошниками».

¹ Архив ИО, оп. 238, выходные листы № 2666 и 2676.

² Сарафан П. «Видеоскопический (160 см) из дер. Третьяково синего, мажорного, из лент вышитых дмотканной материи (дл. 82 см, шир. 68 см). Основа холста бузогого, ок. льняной. В основе в уток: желтый, оранжевый, синий, желтый, голубой, белый, образующие при ткачестве клетчатый узор. Воротка — вышитой сзади 11 см, сзади — 3 см. Спереди на блузке обшивки. Полотняная сарафан оранжевая и белая в сборку.

³ Архив ИО, оп. 238, выходные листы № 4745.

Мужские и женские пояса

Женские пояса ткали на дощечках. Концы женских поясов украшались кистями. Мужские пояса плели на «вилочке» («ловатке») или же на «крюку»¹.

Мужская и женская обувь

Основной обувью крестьян в конце XIX в. являлись лапти двух типов: «крестовики» и «московские» (рис. 25).

Крестовики делались так же, как белорусские коверзи: вначале настилали лыжи, а затем перекрещивали их на головке.

Лапти московского типа (с круглой «головкой») плели с пятаки из шести лыжовых лык, в бортах делались отверстия для обора. Лапти-крестовики исчезли раньше московских, последние изготовлялись еще в начале XX в.

Рис. № 25. Лапоть московского типа (Духовицкого р-на Смоленской обл.)

С лаптями надевали *оборы*, вытканые на бердечке и на дощечках. Из шерсти ткали черные или черные с красной ниткой, из льна — белые. Черные оборы считались праздничными.

«Каловини» — обертки из белого льняного холста, ими крестьяне обертывали ноги, когда ходили босиком.

В одежде населения Духовицкого р-на Смоленской обл. прослеживаются много общих черт с белорусской одеждой. Некоторые из этих черт очень древние. К ним относятся, например, распространение черных обор и лаптей-крестовиков («костыли» для плетения таких лаптей встречаются в неолитических культурах), туникообразных женских носовок и мужских рубих с прямым разрезом ворота.

Глухие туникообразные льняные носовки (в отличие от шерстяных) носили также в западных частях Брянского полесья², на севере Рязанской губ. (там, как известно, в древности имела место кривичская колонизация) и на Псковщине. В общем вся территория распространения носовок в прошлом была территорией древних кривичей.

2. Невельский и Пустошкинский районы

Великолуцкой области

(деревни Мясово, Пески, Березово 1-е, Березово 2-е, Обухово, Кокарево, Плескуши, Колесниково, Петрово, Басулаево и Фатына)

Женская одежда

Рубаха с прямыми полками, пришитами по утку, цельная, рукава с обшивками, ворот в сборку, застегивается на пуговицу петлей (дер. Пески). Рубаха более нового покроя — «е блужой», т. е. на кокетке (дер. Обухово).

Сарафаны. Жители деревень помнят «торговые» сарафаны (т. е. сшитые из покупной материи) с «трудной» и лямками. Не носят такие сарафаны с 1916-1917 гг. Лет

70 тому назад сарафаны шили из доматканнины, в дер. Мясово их называли «набивальниками» и «нососами».

Юбка из 4-5 полотнищ льняной крашеной материи, вытканной в 4 — 8 нитах (дер. Пески); по талии юбка собрана в сборку на обшивке.

Головные уборы. По воспоминаниям старшего поколения, в старину женщины носили кокошники. Так, например, в кокошнике ходила мать 80-летней М. Фельшанковой, тогда как сама Фельшанкова носила уже шапочку в виде повойника. Кокошник был с круглым дном и околешем из кумача, шапочка — из колесника.

В дер. Обухово престарелая колхозница Филиппова (67 лет) носила кокошник: «Как замуж вышла, без кокошника нельзя было ходить. Свекровь не любила, когда без кокошника хлеб месит, считала, что будет несчастие». Надевали кокошники, по словам Филипповой после венца: «Как приедут от венца, восковой венчик снимут, после стола крестьянка мать кокошник надевает на голову. Молодую посадят на дежу, заплетут ей две косы, сложат сначала назади, а потом наперед уложат». При надевании кокошника молодая «голосола».

Украшения. В деревнях Кокарево и Пески женщины носят лентарные бусы.

Мужская одежда

Рубаха — косоворотка.

Штаны так называемого русского покроя, льняные или суконные перестали носить в 1915 — 1917 г.

Шапки — «кубашки» — делались круглыми, из срой овчины. Фуражки носят уже лет сто.

Верхняя мужская и женская одежда

Носовы (мужские и женские) — белые холщовые и латки, без застежек, распашные (деревни Пески, Обухово, Мясово).

Балахоны с клинами («усами») — будничные из белого холста, праздничные — из материи узорного ткачества.

«Ермак» — халатообразная, распашная одежда из серого или черного сукна, с большим воротником. Ермак как раньше, так и теперь надевают в дорогу мужчины и женщины. Только иногда его заменяет пальто (деревни Мясово, Обухово).

Пиджаки из доматканнины назывались сермягой.

Шубы (мужские и женские) шили овчинные, прямого покроя, без клиньев. В конце XIX в. лопы, у немощных крестьян были шубы со сборками по талии (дер. Обухово).

Кафтаны кроились с цельной спинкой и клиньями по бокам. На кафтаны шло черное и «свиное» сукно, не тканное на четырех нитках (дер. Мясово).

Мужские и женские пояса

Мужские пояса плели на вилочке и ткали на ниточке, женские плели также на вилочке, а ткали на бердечке. Старики рассказывают, что «только богатые носили по шубам и носовым шерстяные пояса, а бедные сплутым поясысывались» (дер. Кокарево).

Мужская и женская обувь

Поршни с носком, пришитым гвоздями, крестьяне по-

¹ Из «крюку» — двух деревянных рукояток — плетут войлок так, как плетут веревку. Для этого надвигают две рукоятки войлока на два крюка, при этом войлок крепко склеивается.

² Лебедев Н. Н. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927, С. 53 — 59.

сит еще и сейчас. Поршни более старой формы делались из цельного куска кожи (дер. Пески).

Ланты носили двух типов: 1) редкие крестовины, типа белорусских коверзаней, 2) лозовые с круглой головкой - носковского типа.

Оборы — черные, шерстяные, вытканые на бердечке. Мужчины надевали с поршнями ремешные, реже веревочные оборы.

Чулки вязались без пятки и с пяткой.

В целом изучение крестьянской одежды Невельского в Пустошкинском районе позволяет говорить о связях местного населения с белорусами (распространение лант-коверзаней, чулочных обор, носов). Общерусскими в той одежде являются мужские рубахи-косоворотки, покрыв мужских штанов, московский тип лантей, армяк-«ермек», прямые сарафаны.

3. Себежский район Псковской области (деревни Турково и Жуки)

Женская одежда

Рубаха. Крестьяне помнят рубаху с прямыми полыми, пришитыми по утку. Такую рубаху носили в конце XIX в.; позднее рубаха с полными была заменена рубахой на кокетке. В настоящее время старухи носят туникообразные рубахи без рукавов.

Сарафан. В конце XIX в. пожилые женщины одевались в «клиншишки» — холщовые и суконные косоклинные сарафаны с «грудничкой» и проймами. Материал для клиншишек красили в настое ольховой коры. Носили также сарафаны, сшитые из набойки («набойники»).

С конца XIX в. крестьянки стали носить кофты. В дер. Турково кофта, сшитая из суконной доматканной серого или коричневого цвета, называется *курточкой*. Рубачева М. Т. из этой деревни помнит, что мать ее носила кофту — «шушuku». Материал для шушuki ткали из льсткой лыжной пражки, сзади шушuka застегивалась на одну пуговицу.

Доматканые юбки в два полотнища (ширина 154 см) носили крестьянки дер. Жуки.

Передники делались в талию со сборками; в старину их шили из набойки.

Головные уборы. Повой — тип чепчика, был распространен 80 лет назад, в старину он назывался еще сорочкой. Повой надевали на молодую после венца. «Как приедут молодых — спать положить, а потом будит пономом, говорит: «Время вставать — скотине давать». Затем престная мать заплетает молодой две косы и надевает зовей»¹. Поверх повоя женщины покрывались платком, сложенным на угол, концы платка завязывали под подбородком. Девушек венчали в венках из восковых цветов; а вдов — без венков. Девичьим головным убором служил платок, сложенный на угол. До 19 лет девушки звали одну косу, а с 19 — две косы.

Мужская одежда

Рубаха — косоворотка.

Штаны холщовые, состояли из двух «кляшши» и чепеухотальной вставки — «ластовки». Мальчики до пяти лет ходили без штанов.

Теплые шапки были преимущественно овчинными. С конца XIX в. появились картузы.

Мужская и женская верхняя одежда

Халатообразные одежды известны под названием халата, армяка и кафтана. Халаты были мужской и женской одеждой. Делались они из холста, распашные, при-

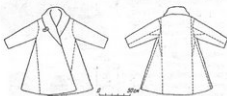

Рис. № 26. Армяк из дер. Жуки Себежского р-на Велюлинской обл.

мого покроя, длиной до колен. Ткань для халатов чернили настоем ольховой коры. Армяки «простые» из черного или белого доматканого сукна тоже имели прямой покрыв, были они широкими с запахом справа налево, без пуговиц (рис. 26).

Распашная одежда с большим воротником, надевавшаяся в дорогу поверх шубы, называлась кафтаном или «картаном». Кафтан шили местные портные из коричневого, белого или серого сукна. Сукно ткали на ткацком стане с четырьмя подножками, а затем валили². Спинка армяка кроилась из одного полотнища. Каждый пол закрывался также из одного полотнища, по бокам вставлялось по два клина, доходивших до проймы. Воротник кафтана — откладной, в рукав вставлен клин. Кафтаны и сейчас надевают поверх шубы или пальто, отправляясь в дорогу в холодную погоду (дер. Жуки).

В 30-х годах XX в. крестьяне стали носить вместо армяков «бурки» с пристегивающимся башлыком, сшитые из доматканого сукна.

Шубы овчинные, длинные, того же покроя, что и армяк.

Мужские и женские пояса

Мужские пояса «крутили» на четырех дощечках (основа — шерсть, уток — лен), женские — плели на вилочке «п 8 ниток». Женщины «окручивали» пояс на сарафану вокруг талии и завязывали его на левом боку.

Мужская и женская обувь

В дер. Турково ланты плели «плюховонькие», «коверешки» из шести лык (рис. 27, а). Сначала настилали вдоль шесть лык, потом, начиная с головки, их переплетали поперек, образуя пять ушей для обора. Уши надевали на деревянные спицы. В дер. Жуки плели ланты московского типа. Поршни старой формы изготавливались из цельного куска кожи, более поздней — с кожаным носком, прибитым гвоздями (рис. 27, б). На покров крестьяне надевали поршни с веревочными оборами. До 30-х годов XX в. носили черные шерстяные и лыжные оборы длиной до 4 м («на хату», т.е. с основой в длину хаты). Поршни ткали на двух подножках, а шерстяные — су-

¹ Архив ИЭ, инв. 238, источник записей № 2786.

² В старину валили сукно на ланте погонном: «Ложались двое на ланку друг против друга, сукно толкали на струги и валили то к себе и то к другу в другую» (Архив ИЭ, инв. 238, источник записей № 2786).

конки — на четырех подножках.

Валенок в старину почти что не знали, «носили валенки только те, кто побоялся»¹.

Рассматривая старую крестьянскую одежду Себежского р-на, необходимо отметить, что в дер. Турково в этой одежде встречается довольно много особенностей, характерных также и для белорусского костюма (лапти-коперзин, покроя мужских штанов и др.), а в дер. Жуки наблюдается преобладание северо-великорусской, точнее новгородской специфики. Северо-великорусская специфика в дер. Жуки сказывается также в вышивке, типичной для севера (двусторонний строчка с гладью, сюжет птицы и женщины).

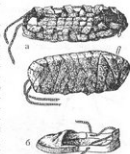

Рис. № 27. Крестьянская обувь
а — лапти-коперзин (дер. Турково Себежского р-на Великолукской обл.); б — воринки (дер. Жуки Себежского р-на Великолукской обл.)

4. Пушкиногорский, Пыталовский, Островский районы Псковской области, Красногорский район Великолукской области

(деревни Савино, Грызавино, Сапожково, Подберезье, Трубино, Александрова Слобода, Баслаки, Дятлово, Велье, Иловицы, Богданово, Барсено, Патакино)

Женская одежда

Рубаха встречается четырех типов (рис. 28): 1) туникообразная, 2) с рукавами, пришитыми по основе среднего полотнища к вороту, 3) с прямыми полками, 4) с блузой.

1) Туникообразные рубахи принадлежат женщинам старше 80 лет в деревнях Подберезье и Сапожково. Туникообразная рубаха А. Т. Трофимовой (около 100 лет) из дер. Сапожково состоит из ольечья и стана; ольечье — колесикор черного цвета, стан — три полотнища грубого льняного холста (по 45 см шириной); рукава прямые, ворот в сборку на узкой обшивке, прямой разрез на груди. В старину такие рубахи шили холщовые и набойчатые, «кто мог, шил станушки без подставок». В таких рубахах раньше «сено грабили»². Туникообразная рубаха из дер. Подберезье имеет постепенно суживающиеся рукава, которые заканчиваются оборками — «бахромочками». Ворот без сборки (рис. 28, а).

2) Наиболее распространенным типом является рубаха с рукавами, пришитыми по основе к вороту (деревни Трубино, Савино, Сапожково, Грызавино и др.).

Примером такой рубахи может служить рубаха той же А. Т. Трофимовой, шитая 80 лет назад. А. Т. Трофимова в ней венчалась и берет ее «на смерть». Ольечье рубахи — колесикорное, стан — льняной, холщовый. Спереди стан из двух точек, сзади из одной точки и клиньев,

рукав в сборку, с оборочкой (рис. 28, б). Рубаха Н. Ефимовой (70 лет) из дер. Трубино отличается тем, что рукава ее с клиньями, образованными из срезов полотнища. Рубахи подобного покроя ходили на жатву и сенокосах издевались с сарафаном и без сарафана. 70-летние женщины помнят, что они тоже носили такие рубахи.

3) По утверждению А. Ефимовой (74 г.), уроженки дер. Мерзанино, у ее бабушки была рубашка с кузовыми «прораман» (поликаны).

4) Для начала XX в. характерны были рубахи с блузой, иначе кокеткой или манишкой.

Е. Я. Яковлева (70 лет) из дер. Дятлово рассказывала, что манишка у ее рубахи была вырезана из цельного полотнища и заложена в мелкие складки («сеткой»). Ворот был в сборку, рукава собраны у кисти. Манишка и вышивки на рукавах были вышиты крестом и гладью, красной и черной бумагой. Е. А. Яковлева, будучи девушкой, носила эту рубашку с сарафаном. Сходные рубахи бывали в деревнях Савино и Баслаках. В дер. Савино девушки ходили на покос в одних рубахах с кокеткой (рис. 28, в).

Нарукавники — рукава от старой кофты, наголенки от чулок или специально узкие рукава надевали во время жатвы (деревни Сапожково, Дятлово, Грызавино) и когда шли «лен тягать».

Сарафаны были кососклянные и прямого покроя с «трудинкой» и ламками. Кососклянный сарафан под названием «синик» и вестен только по воспоминаниям старых людей (дер. Трубино). Синик шили из синего холста с клиньями по бокам. В Александровой Слободе Т. Максимов (71 г.) сообщила, что у ее бабушки был синик, сделанный из одного полотнища, перепнутого по утку, с вырезанным воротом и с пришитыми по бокам клиньями. Сарафан азиатского покроя, но из китайки, назывался «китаичинком», спереди китаичин украшался продольным рядом пуговиц (дер. Иловицы). Прямые сарафаны из набойки назывались «набойничками».

Жительница дер. Баслаки Т. П. Прокофьевой в наследство от свекрови досталась набойник, шитый из желтого полотнища синей с желто-зеленым узором набойки. По

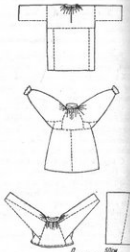

Рис. № 28. Женские рубахи Псковской обл.
а — туникообразная; б — с рукавами, пришитыми к вороту; в — с кокеткой.

¹ Архив ИЦ, ин. 238, полевой записи № 2396.

² Архив ИЦ, ин. 238, полевой записи № 3066.

талии на этот сарафан подшиты шпурты — проймы, которые завязываются сзади. Сарафан застегивается на груднике на пуговицу.

Цветной набойкой считалась набойка с синим фоном — «зелей» и желтыми цветами, набитыми масляной краской. Стоила цветная набойка дорого, поэтому из нее шили сарафаны главным образом богатые крестьянки. Простая набойка была синяя с белыми цветами.

Сарафаны из покупных фабричных тканей — «товарины» — кроились в три-пять полотниц. Так, «товариный» сарафан А. Т. Трофимовой (дер. Сапожково) шит из трех полотниц зеленой хлопчатобумажной ткани с выделкой (спереди два с половиной полотнища, сзади — полулотнище, ширина полотнища 85 см). Спереди к сарафану пришита в сборку грудника, к ней подшиты проймы, которые сзади прикреплены по талии к обшивке — так называемому «полску».

Юбки шили преимущественно из фабричной материи, реже из клетчатой домотканни. На юбку брали четыре-пять полотниц и собирали их в сборку по талии (дер. Савино). Женщины носили также нижние юбки, сшитые из шерстяной домотканни или вязанные крючком из шерсти домашнего прядения (дер. Баслаки).

Передники шили с грудничкой, завязками и карманами, надевали их через голову (Дятлово, Баслаки, Грызавино). Передники с грудничкой, сделанные из хорошего материала, носят еще и сейчас в праздничные дни.

Головные уборы. Плат — будничная косынка из белого холста в клетку, повязывалась сначала концами назад, а потом наперед (с. Велье). Праздничные косынки — шелковые, у богатых — пышные золотом. В дер. Баслаки шелковую косынку носила, например, мать Т. П. Прокофьевой (55 лет). Косынка эта сделана из лилового шелка, вышита золотом по лбу, затылку и концам. Споспосынышки — гладь с подстилкой, орнамент растительный. Косынка закрывает часть лба, концы ее переплетаются на голове сзади, а затем спереди закалываются булавками. Надевая таким образом косынку похожа на вышитую золотом шапочку.

В конце XIX — начале XX в. старухи носили кокошник с круглой маковкой и с широким околышем спереди. Кокошник этот делался мягким, из сита. Можно сказать, что здесь термин «кокошник» был, собственно, перенесен на повойник. Но в Сапожкове говорят, что в соседней деревне — Замощье — были бархатные повой на твердой подкладке, вышитые золотом. В Грызавине повой делался с круглой макушкой и околышем, широким спереди и узким сзади.

В дер. Трубино праздничный женский головной убор состоял из повязки — полоски материи с золотым шитьем, надевой на повязку повой в виде косынки и шерстяного платка, которым покрывались поверх косынки.

Женским головным убором был также «сборник», сделанный из холста. Повой или сборник надевали после венца. По воспоминаниям пожилых женщин, «матка заплетала дочерям-невестам косы, венчалась матка приводила покрытую платком невесту в избу и сажала за стол. Деверь и свекровь раскрывали молодую. Молодежь кричала «ура!» молодая хороша», после чего надевали на молодую убор»¹. Девушки ходили с одной косой до того времени, как становились невестами (17 — 19 лет); тогда

заплетали две косы. Пожилые женщины в дер. Савино помнят еще песню о косах:

Меня мамеышка ругала,
Не носи на две косы,
Замуж выйдешь, не увидишь
Своей девичьей красы².

Украшения. В деревнях Савино и Грызавино женщины подвязывали на ниточки пушки и продавали ниточки через отверстие в ушах. В дер. Грызавино пушки прикрепили к сергам.

Мужская одежда

Рубаха холщовая, из пестряди, с косым разрезом ворот.

Штаны — «портки» — холщовые, полосатые, с ширинкой из двух клиньев. В старину носили штаны на вдержке, но уже в конце XIX в. стали делать их на обшивке — «с кушном».

Верхняя мужская и женская одежда

Крестьяне ходили на работу в туникообразных насовах, сшитых из белого или черного холста (длиною до колен). Надевали насовы через голову. Такие насовы являлись также частью похоронной одежды.

В дер. Трубино были распахившие насовы — «халаты». Под названием «снайак» в деревнях Савино и Иловицы

Рис. № 29. Кафтан из дер. Савино Островского р-на Псковской обл.

были распространены в XIX в. холщовые синенные халаты прямого покроя без застежки. В них работали еще на барщине.

В холода крестьяне надевали **кафтаны** — белую или черную суконную одежду с прямой спинкой (дер. Дятлово). Верхняя суконная одежда несколько иного покроя (с карманами и пуговицами) также называется кафтаном (рис. 29).

Ермляк — сшитая чаще всего из серой (сизой) шерсти дорожная одежда с большим воротником, которым он отличается от кафтана.

Шуба — овчинная одежда прямого покроя, с запахом справа налено; застегивается шуба на ремешные петли и кожаные пуговицы.

Полушубок короче шубы, кроится так же, как и кафтан.

В дер. Савино богатые женщины, помимо этой одежды, носили шуган (шелковые и шерстяные) со сборами позади.

Мужские и женские пояса

Женские пояса ткали на бердечке. Сновали их в две

¹ Архив ИЭЗ, ин. 238, фольклорная запись № 3376.

² Там же, фольклорная запись № 3366.

пары ниток: одна льняная, другая шерстяная; льняные нитки продергивались между тростями, а шерстяные пропускались через дырочки тростей. На многих поясах вытканы имена ткачих или их женихов (рис. 30).

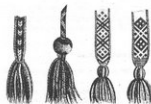

Рис. № 30. Образцы поясов из дер. Савино Остроговского р-на Псковской обл.
а — пояс, тканый на дощечках; б — пояс мужской, тканый на пробке; в, г — пояса женские, плетенные на бересте.

«...в будущий приказу, пойду замуж за тебя»¹. А. Ф. Яковлева (70 лет) родом из дер. Ажечино (недалеко от дер. Савино), когда ей было 10 лет, выткала пояс с такими словами: «Ткала Анастасия Федорова. Я nonetheless летушню задумавши хошу. Годовые свои праздники в слезах провожу. Неужель это состоит на этом году»². Недоткано:

«золотой венчик надедут на голову мою»³. Пояс два раза обвивался вокруг талии и спускался концом на левом боку. На концах пояса были кисточки с «шариками», сделанными из шерсти. Женские пояса ткали также на вилочке. Мужские пояса делались на дощечках (дер.

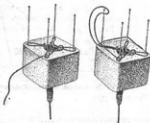

Рис. № 31. Плетение пояса (на пробке от бутылки).

Болдырево), на беречке и на пробке от бутылки. В последнем случае в середине пробки проверяли отверстие, по краям пробки втыкали 4 булавок, на которые накаливали петли. Затем накидывали новую петлю и через нее спускали по очереди петли булавок. Пояса, сделанные таким путем (рис. 30, 31), можно считать скорее не плетеными, а вязаными (дер. Савино).

Мужская и женская обувь

Поршни изготавливались из одного куска кожи с ремешками обрания и с носком, прибитым гвоздями. Эта поздняя форма поршней была известна в деревнях Трубино и Иловицы. Некоторые жители дер. Саложково еще и сейчас ходят в таких поршнях на работу в поле.

Лапти встречались трех типов: 1) лапти редкого плетения; раньше в таких лаптях ходили по болотам и пахоте (деревни Дятлово, Грызавино); 2) лапти московского

типа из 8 — 10 лык, с большой круглой головкой; 3) «крутенки» — лапти, плетенные из конопляных веревочек (рис. 32); 4) «босовики» — высокие сапоги, плетенные из бересты, обувались в них без опучи и без чулок, отсюда их название; 5) туфли из бересты назывались «берестяниками».

Опучи — «портяночки» были белые, холщовые. Поверх портяночек (у колена) надевали «половники» — половки сукна, вышитые цветами.

Рис. № 32. Обувь, плетенная из веревочек — «крутенки» (дер. Баслаки Пушкингорского р-на Псковской обл.)

Вязаные в узор паголенки женщинами надевали на голые ноги, а мужчины — поверх портянок, «под самое колено». Паголенками, сшитыми из холста, крестьяне прикрывали голени во время жатвы и при ходьбе босиком.

Черные, шерстяные оборы ткали на беречке или на дощечках и плели на вилочке.

Кроме шерстяных обор, крестьяне носили оборы портяные, плетенные из лык, и веревочные. С портяными мужчинами надевали ремешные оборы.

Сапоги. 50 лет назад многие крестьяне ходили в сапогах только в церковь да на ярмарку. Но и в этих случаях часто всю дорогу до церкви или ярмарки они шли босиком, а сапоги несли на палке.

Женские полусапожки (с резинкой) появились в конце XIX в. преимущественно у тех, кто ходил на заработки и имел возможность купить их.

Валенки приходили валять специалисты из восточных губерний, валяли их также и в городах. Носили валенки не все крестьяне.

Итак, в одежде населения указанных районов можно отметить особенности: 1) общие с одеждой русских Смоленщины и белорусов (лапти-коверзаны, черные оборы, носовики); 2) общие с одеждой народов Прибалтики и северовеликорусов (узорные паголенки); 3) связанные с новгородчиной (косоклинные сарафаны, шуган, берестяники, покроя женских рубаш); 4) общерусские (рубаша косоворотка, мужские штаны, распаханные халатообразные одежды, простые сарафаны).

5. Середкинский и Гдовский районы Псковской области

(села Болдырево, Булаково, Клино, Грибеново, Луновщина, Береговая, Кануновщина, Каменный Конец)

Женская одежда

Рубаша — старинного покроя (до 80-х годов XIX в.) состояла из основного полотно — «агроды», подставка — «станушки» и рукавов, пришитых к верхней части агроды. Подставка делалась из донотканого льняного холста, агроды — из ситца и сатины, у богатых из шелка. Ворот собирался в сборку на обшивке, застегивался пуговичкой. Пышный рукав с обшивкой или оборочкой украшался поперечной полосой вышивки. Рубаша старинного покроя сохранилась лишь в Кануновщине у И. С. Алесеевой (78 лет). По воспоминаниям населения, точ-

¹ Архив ИЭО, оп. 238, выписка записки № 3156.

² Там же.

³ Там же, выписка записки № 3075.

но такими же были рубашки в деревнях Болдырево и Луновщина Береговая.

Сарафан. Под этим термином известен собственно сарафан прямого покроя, с грудничкой, на лямках, а также всякая прямая юбка, сшитая из четырех-шести полотнищ, со сборками, на обшивке. Сарафаны и юбки делались из фабричных тканей: ситца, плица, шелка, кашемира и штофа. В зависимости от материала сарафаны имели разные названия: «кисейник» — сарафан из редкой хлопчатобумажной материи, белой с цветками; «набойничек» из набойки, которая производилась в городах Гдове и Ремде; «штофник» из красного штофа. Мать одной 60-летней женщины из дер. Болдырево имела штофник из восьми полотнищ (сохранилась половина сарафана). Ширина каждого полотнища 50 см. Сарафан был настолько длинный, что подол доходил до полу. В таких сарафанах, как говорят, «красна девица словно птица плывет». Женщины из бедных семей как в будни, так и в праздники надевали ситцевые сарафаны, а шелковые и шерстяные сарафаны были только у богатых. Девочки до 10 лет не ходили в сарафанах, а «у бедных и до 17 лет дежка гуляла в одной рубашке»¹. В 80-х годах XIX в. сарафаны начали исчезать.

Сшитый на вате *шугай* из плица, шелка, шерсти или кашемира являлся нагрудной одеждой богатых крестьянок. Носили его с сарафаном. Покрой шугая — в талию, спинка обтянута, ниже талии — «боры» (сборки).

Передники надевали с сарафаном или юбкой. Шили передники с грудничкой или без нее. Грудничка была отрезной, кроилась она вместе с основным полотнищем. Праздничные передники были шелковыми, шерстяными и саржевыми, будничные — из хлопчатобумажных фабричных материй и дмотканщины.

Головные уборы. Сборник (дер. Луновщина Береговая), иначе повойник (дер. Каменный Конец) кроился из куска материи длиной 35 см, шириной 24 см. Спереди делался прорез (вырезался кусок 17х8 см²), края которого сшивались. На основном полотнище у прореза делалась сборка. Сборки собирались также косы. Повойник носили замужние женщины. Поверх повойника они покрывали сложенный на угол платок, концы которого зашивали под подбородком. Сейчас повойник носят только некоторые старые женщины.

Повой — разновидность повойника. Круглое дно повоя (диаметр — 26 см) сзади заложено в складочки, под которые подложены комок ваты. К кругу пришит окольш (сзади ширина — 2 см, спереди — 9 см). По наобойнику нашиты полосы из бисера. Такой повой в Болдыреве называли «макопочкой». Под повой заплетают две косы, перекрещивали их сзади и укладывали спереди. Старались, чтобы как можно больше волос было сзади.

В дер. Клин были распространены шелковые косынки, вышитые золотом по углам и на лбу. Концы косынки зашивали позади, затем вели их наперед и на лбу затягивали двойным узлом.

Мужская одежда

Рубахи — туникообразные, с прямым или косым разрезом ворота. В дер. Катуновщина считают рубаху с прямым разрезом ворота более старой, чем с косым разрезом. Косоворотка стала модной во второй половине XIX в., ее носили франты, а теперь носят лишь старики. Ру-

баха, сшитая из холста, называлась «станкой», из покусной материи — «торговой», из ткани синего цвета — «краской». Бывали рубахи из дмотканной нестриди в полоску или клетку, но чаще крашенные — «синие». Праздничные рубахи из кумача назывались «александрийскими», так как их начали носить при Александре II, после освобождения крестьян от крепостной зависимости. Шивались праздничные рубахи также из сатина. Воротник, разрез ворота и обшлаги вышивались по канве крестом. Одевали рубахи поверх штанов, с поясом.

Штаны. Синие холщовые штаны («портя») состояли из двух «солох», т.е. полотнищ, перегнутых по основе, и пришитых к ним двух клиньев или четырехугольной «сальфеточки» (дер. Луновщина Береговая). В старину штаны были на вздержке, но даже старики помнят большие штаны на обшивке.

Штанки меховые были с круглым околешем и ушанки. Богатые крестьяне покупали в магазинах хорошие меховые шапки, бедные — похуже, а нередко бедняки сами их шили из «забинушки» (защепы шкурки). Во второй половине XIX в. в деревне появились картузы, а с 1917 г. — кепки.

Мужские и женские пояса

Женские пояса (узкие, до 5 см) с кистями ткали на бердечке — «сволоках». Для основы брали лен и шерсть, а для утка — льняные нитки. Богатые крестьянки ткали также шелковые пояса, причем более широкие, чем обычно. Девочки начинали ткать пояса с 10 лет и, когда становились уже девушками-невестами, имели их в своем приданом до 100 штук. На свадьбе невеста одаривала поясами всех гостей (родных и чужих), а во время поезда в свадебном «поезде» бросала пояса по дороге.

Мужские пояса шили из четырех прядей гаруса, с кистями. Широкие полосатые «кушанки» были фабричного производства, ими подпоясывали верхнюю одежду.

Верхняя мужская и женская одежда

Верхняя халатообразная мужская одежда, распашная, без застежек, известна под названием «балахон» (деревни Болдырево и Клин), кафтан (деревни Каменный Конец, Катуновщина, Болдырево), «редень» (дер. Луновщина Береговая), «красик» и армяк (дер. Катуновщина). Балахон и редень (мужской и женский) шили из льняного материала, тканного на двух-четырёх подложках; красик — из льняного синего холста, армяк и кафтан — из дмотканного белого, серого или коричневого сукна. Армяк имел большой воротник, надевали армяк поверх шубы. В будни халатообразная одежда подпоясывалась веревкой, а в праздники ткаными поясами. В конце XIX в. балахоны были будничной одеждой, но сохранилась песня, свидетельствующая о том, что балахоны носили когда-то и во праздники:

За полем, за полем

Едет молодец на коне

В томном, белом балахоне,

В александрийской рубашке

Полобялся парень Машке.

В Болдыреве старинные балахоны были выкроены как мужские туникообразные рубахи.

Длинная овчинная одежда того же покроя, что и ба-

¹ Архив ИЭ, оп. 238, опись дела № 2026.

лахон, называется тулупом, а короткая и более узкая — шубой. В конце XIX в. были еще шубы с отрезной спинкой и оборками, но вскоре их заменили шубы прямого покроя. В Канюновские овчинная одежда со сборками носит название «шуга шубного». Там же сохранились «дифчики шубные» — короткие безрукавки.

В конце XIX в. и начале XX в. ватная одежда со сборками, покрытая покусным сукном, называлась поддевкой; имели поддевки не все крестьяне, а «кто был побогаче».

Мужская и женская обувь

Поршни с веревочными или ремешковыми оборками мужчины еще и сейчас надевают на покос. С поршнями они носят портинки. Шпают поршни из цельного куска кожи. Сверху кожа собирается на «строках» с ремешками.

Лапти. В некоторых деревнях о лаптях не помнят. По рассказам пожилых крестьян, лапти там не носили, потому что не было поблизости леса, а следовательно, не было и лыка для их плетения. В Луневские Береговой носили лишь мелкие берестовые лапти в форме туфель.

В конце XIX — начале XX в. женщины носили полусапожки из белой кожи со вставными резинками по бокам, а позднее — полусапожки на путовиках и со шнурками.

Мужской обувью издавна были *кожаные сапоги*.

Шерстяные *рукавицы* вязали и вязнут узорчатые, называются они «деннин».

Специальная одежда рыбаков

Во время зимнего лова рыба женщины поверх обычной домашней одежды надевали пальто или шубу и кожаный фартук, на ноги — лыжные и шерстяные чулки, кожаные сапоги, на руки — шерстяные варежки и кожаные рукавицы.

Мужчины на рыбную ловлю надевали кафтаны или

халаты из домотканного, солдатского сукна или другой покусной материи, кожаные или клеенчатые фартуки (рис. 33, в), кожаные высокие сапоги, шапку, так же, как и женщины, шерстяные и лыжные чулки, варежки и кожаные рукавицы.

В целом женская одежда Серединского и Гдовского районов относится к комплексу одежды с сарафаном поздней формы (прямого покроя на лямках). Мужская одежда — общерусская, но в ней прослеживаются также и более древние особенности, а

Рис. № 33. Одежда рыбаков Псковской обл. Серединского р-на
а — кафтан (дер. Колы); б — шуба (дер. Заболотье); в — фартук (дер. Гребени).

именно распространение мужских рубах с прямым разрезом ворота и туникообразных балахонов, характерных для русских Смоленщины и белорусов.

Узорные парезки и терманы «красик», «редень» облекают население рассмотренных районов с эстонцами западного побережья Чудского озера и сету.

6. Старообрядческое население Латвии, Псковской и Великолукской областей

(деревни Аполье, Усохи, Чертеж, Ковалишки, Аудрино, Филькино и др.)

Старообрядцы, хотя и называли себя хранителями старины, бытовую старинную одежду утратили уже в конце XIX в. До настоящего времени сохранились только отдельные части их старинного костюма, причем главным образом в меленой и похоронной одежде стариков. Но у пожилых верующих крестьян нет сейчас единого мнения о том, что именно должно входить в похоронную одежду. Одни из них считают необходимой для погребения цельную рубашку, другие, наоборот, — рубашку с подставкой; одни хоронят мужчин в рубахе с косым разрезом, называя ее русской, другие — в рубахе с прямым разрезом на груди.

По сохранившимся отдельным частям старинного старообрядческого костюма, а также по воспоминаниям людей старшего поколения удается все же восстановить этот костюм в целом.

Женская одежда

Отмечено четыре покроя женской рубахи: 1) туникообразный, 2) с прямыми полками, 3) с пышными рукавами, пришитыми по основе, 4) на кокетке («блуждой»).

Туникообразная рубаха, одинаковая для мужчин и женщин, входит в погребальный костюм.

Такова, например, рубаха из дер. Аполье (рис. 34, а). Эту рубаху сшила перед первой мировой войной М. М. Семенова (66 лет). Рубаха сшита на рукав из цельного полотнища льняного холста, тканного на двух подножках. Некоторые старики еще носят туникообразные рубахи и считают их более поздними, чем с прямыми полками. В дер. Ковалишки у С. М. Скороходовой имеется туникообразная рубаха несколько измененного покроя. Материалом для этой рубахи послужил желтый сатин. Рубаха сшита на машинке, имеет одно полотнище, перегнутое пополам, и пришитые к нему по бокам клинья. Ворот собран в сборки на обшивке, застегивается на стеклянную пуговицу и прорезную петлю. Туникообразные рубахи известны как старушечьи также в деревнях Чертеж, Ковалишки и др.

Рубахи с прямыми полками, пришитыми по утку, имеются в деревнях Чертеж и Ковалишки (рис. 34, б). Рубахи с прямыми полками известны также в дер. Ковалево и на хуторе Бортинки. В дер. Чертеж хоронят в рубахах с прямыми полками без ластовиц, но с клиньями, вставленными в рукава, а в дер. Ковалишки — в рубахах с прямыми полками, с ластовицами, с рукавами без клиньев. Полки, пришитый по утку, в обеих деревнях называется проромкой.

Рубаха с рукавом, пришитым по основе к отпечке (рис. 34, в).

Встречена рубаха этого типа в дер. Аполье в доме Н. Терентьевой (63 г.). Отпечке рубахи и рукава сшиты из белого ситца с красными крапинками, «стан» равные был

холщовым, а сейчас заменен синим ситцем с цветами. Рубаха собрана у ворота, воротничок стоячий, рукава широкие в месте пришива к ошейнику и постепенно сужающиеся к кистям рук. Имеются вшитые ластовицы. В дер. Аполие старухи до сих пор шьют себе такие рубахи. В старину в них жали и ходили на покос (без сарафанов).

Рубаха на кокетке. Эта рубаха получила распространение в начале XX в., однако вскоре вышла из моды.

Таким образом, мы видим, что в женской одежде старообрядческого населения сохранилась древнейшая форма русской рубахи — туникообразная, с простым разрезом ворота. Наличие туникообразных рубах в современной и прошлой одежде старух свидетельствует о том, что рубаха эта бытовала по традиции непрерывно, несмотря на распространение других более модных покровов. Рубашка с прямыми полками и рубашка с рукавом, пришитым к вороту, характерны как для старообрядческих деревень, так и для соседних с ними поселений православных крестьян. Новым явлением в быту старообрядческого, равно как и православного населения, можно считать рубаху с блузкой.

Сарафаны. В качестве обычной повседневной одежды сарафан старообрядцев почти не сохранился. В то же время сарафан является необходимой частью похоронной одежды верующих крестьян и их востроумия для посещения моленной. По покрою различают сарафаны четырех видов. Из них самый старинный — это туникообразный широкоплечник (рис. 35, а, б). В дер. Чертеж у А. Р. Пироговой (79 лет) хранится сшитый ею на смерть широкоплечник из белого с черными горошинками ситца. В дер. Аполие широкоплечник называется «синяком», хотя он и шит из белого полотна.

Такой же сарафан, но с большим количеством клиньев по бокам будет под названием «картунинка» в деревнях Ковалево, Аудрино и Филыкино, а в дер. Ковалинниках опять-таки под названием «синяка». Синяк шит из лестрого ситца, спереди на плечах у него заложено по одной внутренней складке, сзади — по две.

Сарафан прямого покроя с грудничкой под названием «булейка» известен в деревнях Филыкино, Усохи, Ковалево, Аудрино (рис. 35, в). Приведем в качестве примера описание сарафана из дер. Усохи. Сарафан шит из четырех полотнищ красного сатина (шильи и из пяти полотнищ), с грудничкой. Длина сарафана — до пят. Грудничка трапециевидная. Сверху на грудничке сделаны сборки,

сбоку полотнища подрезаны и собраны в сборку в местах пришива к грудничке; сзади полотнища идут до талии и там собираются в сборку на обшлагах. Посередине пришиты проймы, которые спереди прикрепляются к углам груднички. В дер. Чертеж сарафан подобного покроя носит название «носовы» или «набивальника».

В дер. Ковалево сарафан любого покроя, сшитый из

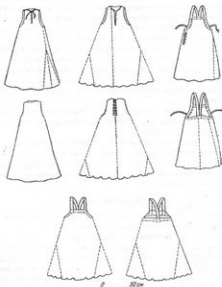

Рис. № 35. Типы сарафанов старообрядческого населения

а — сарафан «на смерть» дер. Аполие Пункинского р-на Псковской обл.; б — «широкоплечник», «картунинка» дер. Ковалинники Залуского р-на Латвийской ССР; в — сарафан прямого покроя с «грудничкой» дер. Ковалево Краславского р-на Латвийской ССР; г — косоплечный сарафан с лямками (хутор Бориники Гринского р-на Латвийской ССР).

шелковой ткани, называется «ферзалью».

Кроме описанных выше видов сарафана, отмечается еще ряд смешанных форм. Так, с переходом на шитье сарафанов из фабричного материала, более широкого, чем донотканья, они выкраиваются без клиньев по сохраняющей свою косоплечную форму. Широкие плечи во многих случаях заменяются лямками и т. д. (рис. 35, г).

Головные уборы состоят из платков и повойников. Платок, который носят отдельно, без повойника, называется «платом». В Ковалинниках и Аудрино ситцевый плат повязывали концами назад, сложив его на угол; поверх ситцевого платка покрывали другой, шелковый платок. Его тоже складывали на угол, но концы закладывали под подбородком. В Аполие плат повязывали, не складывая, кромкой по лбу, закладывали булавкой под подбородком. Концы платка покрывали спину до талии и всю грудь. Теперь так покрываются только старухи, когда идут в моленную и на похороны. Так же повязывают покойницу. В старину под плат женщины повязывали концами назад шелко-

вые, вышитые золотом, косыночки.

Головной убор типа повойника назывался не только повойником (дер. Чертеж), но также кокошником (Филькино, Бортники, Аудино) и шалочкой (Ковалишки). Кокошник не был твердым головным убором, каким его принято считать у русских. Он состоял из двух сшитых по длине матерчатых прямоугольников. К ним с трех сторон пришивались околыши. Край околыша и четвертая сторона сшитых прямоугольников собиралась на вздержку.

В одних местах под кокошник заплетади две косы, в других — волосы складывали «качковой» (в пучок) на затылке. У старообрядцев Латвии кокошник на молодую надевали после того, как родители признавали брак, поскольку старообрядцы Латвии были небрачного согласия, и свадьбы у них справлялись «тихоматом» (увозом). Вдовы кокошников не носили, их и хоронили без кокошников.

Девичьим головным убором был тот же, что и у женщин, большой платок. Этот платок сохранился, например, в дер. Чертеж.

Украшений женщины и девушки почти не носили. Бусы носить считалось грехом: «Если бусы носить, то гад обожется на том свете вокруг шеи» (дер. Филькино). Разрешалось надевать только «литари» (литарные бусы), но они были дороги.

Мужская одежда

Рубаха — туникообразная с прямым разрезом ворота встречается в настоящее время в похоронной одежде и у стариков, но в прошлом она была распространена очень широко. Рубаха с косым разрезом, стоячим воротником и выпуклой грудью называлась русской. В дер. Аполе первыми начали носить рубахи косоворотки плотники-отходники. В дер. Ковалишки на семейных фотографиях можно увидеть рубаху с косым воротом и выпуклой грудью на груди. Вышивали еще подол рубахи и рука-

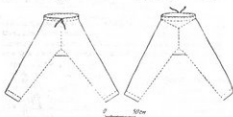

Рис. № 36. Мужские штаны старообрядцев (хутор Бортники Прибалтийского р-на Латвийской ССР).

ва. Косоворотки носят повсеместно и сейчас.

Штаны. Старинные штаны холщовые состоят из двух «воршиц» с двумя клинами. Штаны нового покроя (кальсоны) шьются с четырехугольным клином, на поясе, с застежкой (рис. 36).

Мужские и женские пояса

Женские пояса плели на вилочке из трех-четырех прядей разноцветных ниток (узор — ромб) и ткали на дощечках, «затыкая» слова молитвы. Мужские пояса

ткали на бердечке (основа — портяная и из цветной шерсти, уток — белый портяной).

В конце XIX — начале XX в. доматканые и плетеные пояса нередко заменялись фабричной тесьмой и крошками от покупок тканей.

Невеста дарила пояса гостям на свадьбе, жена могла подарить пояс мужу, а девушки поясов никому не дарили¹. Пояс являлся необходимой принадлежностью мужской, женской и детской одежды. Старики говорят: «Без поясов не ходили — грех. Как человек родится, как он окрестят, так сразу надевают пояс и крестик; без пояса и в баню войти нельзя. Крест можно бросить, а без пояса нельзя»².

Верхняя мужская и женская одежда

Верхняя одежда была трех видов: шуба, кафтан, «азям». Шубы были овчинные, преимущественно правого покроя с цельной спинкой, с запахом справа налево, застегивались на костяные пуговицы и ремешные петли (рис. 37, а). Кроились одинаково для мужчин и женщин.

Рис. № 37. Верхняя мужская одежда старообрядцев: а — шуба (хутор Бортники Прибалтийского р-на Латвийской ССР); б — азия (дер. Ковалево Прибалтийского р-на Латвийской ССР).

Кроме таких шуб, в дер. Аполе у богатых крестьян имелись шубы с отрезной спинкой и сборами по талии.

Верхняя одежда из белой или черной овчины длинной до колен называлась полушубком.

Кафтан — надевали мужчины и женщины в дорогу. Кафтан был суконный, халатообразный, с запахом справа налево, без пуговиц.

Только мужской верхней одеждой являлся азия. Старая его форма сохранилась до сих пор в похоронной одежде стариков. Похоронный азия в прошлом шили из черной доматканной, теперь шьют из черной фабричной материи. Это халатообразная, распахнутая одежда.

Азиям много покроя (не похоронный) шили с отрезной спинкой, с двумя-тремя клинами, сложенными и

¹ Архив ИД, инв. 238, рукопись записки № 9625.

² Там же, рукопись записки № 1635.

складки — «боры» по бокам (рис. 37, 6).

Мужская и женская обувь

В прошлом крестьяне ходили главным образом в поршнях и лаптях. Поршни на хуторах Бортинки и Аудрице назывались «постолонами». Делались поршни из четырехугольного куска кожи со швом на носке, кожа собиралась кругом на ремennую поддержку. Оборы к поршням подбирали ремennые или шпальные. Поршни носили в большинстве случаев мужчины лет 50 тому назад.

Лапти известны трех типов: коверзаны, московские и берестовые. Лапоть-коверзан плетут здесь, начиная с лышки, из двух лык. На носке лыки переплетают несколько шнорсочком. Этим местные лапти отличаются от белорусских коверзан, у которых лыки перекрещиваются под прямым углом. Когда плетут коверзан, лапти надевают на две палочки по бокам; после окончания плетения палочки вынимают и в лапти продевают обору. Обору идут выкале от носка к пятке, а потом они обвиваются вокруг ног по чулку. Раньше коверзаны носили на понос с портянками, а теперь носят с чулками. Лапти московского типа плетут из четырех-пяти лык с крутой головкой, высокие ботаны и отверстиями для продевания обору. Берестовые лапти в форме туфель плели в деревнях. В настоящее время там плетут из веревок так называемые «прасмешки», наподобие туфель.

Вальки носили, но валать их не умели. Черные обору, тканные на бердечке, были распространены в Аполе и Ковалишках; в дер. Чертеж также черные обору носили только женщины побогаче, «у кого было побольше овец».

Чулки вязали и вяжут из шерсти на спицах. Чулки имеют выглаженную пятку, украшенную узором.

Варески тоже вяжут на спицах, причем сплошь узором. Называются они «двипцы», «двипанцы», «панды».

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что женская одежда старообрядцев в целом относится к комплексу русской женской одежды с сарафаном. В мужском костюме отмечается бытование рубахи-косоворотки, характерной для населения Московского государства XVI — XVII вв., а во всей одежде — пережитки очень древних форм (туникообразные рубахи, туникообразные сарафаны — широкоплечники).

7. Одежда селу Печерского района Псковской области

В одежде селу хорошо сохранились старинные формы русского народного костюма: женская рубашка новгородского типа, косовильные сарафаны («сукуны», «китасники»), мужская рубашка с прямым разрезом ворота. Селу носили также прямые сарафаны с грудниками, верхнюю одежду из белого сукна со складками назад, посты. С другой стороны, в костюме селу обнаруживаются особенности, характерные для остальных эстонцев. Имеются в виду одинаковые головные уборы, ткацкий орнамент и особенно металлургические нагрудные украшения. Но и в нагрудных украшениях встречаются гривны, близкие по форме к славянским (витые из четырех проволоки), наряду с плоскими гривнами, типичными для финских народов.

Изучение собранного материала по одежде населения Северо-Западного края позволяет сделать следующие вы-

воды:

1. Глухая туникообразная холщовая одежда (мужская и женская), известная под названием «нососа», является одной из самых старых форм одежды населения всей территории — от Духовщины до Гдова.

2. Туникообразные мужские и женские рубахи можно считать здесь более старыми по сравнению с рубахами иных покровов. На это указывает наличие туникообразной рубахи в одежде старух и в похоронном костюме старообрядцев. Известно, что в костюме поместных крестьян, как и в похоронной одежде, сохраняются обычно старинные покровы.

Разнообразие форм сарафана (от туникообразного широкоплечника до смешанных форм) свидетельствует о его местном развитии.

Своеобразный тип сарафана с лифом («андаран») обнаруживает сходство с женской одеждой белорусов и народов Прибалтики. С этим типом сарафана, возможно, генетически связан косовильный сарафан с грудником.

4. Общность покровов косовильных сарафанов с покровами разных видов халатообразной верхней одежды, а также некоторое совпадение их названий («картушки» — сарафан, «картуник» — кафтан) говорит о том, что косовильный сарафан и халатообразная одежда, вероятно, были одинакового происхождения. Наличие на сарафанах — «китасничке» спереди фальшивых ? также указывает на его связь с распашной одеждой. Близость ? сарафанов к халатообразной одежде подтверждается ? в смежных областях между Холмом и Вильямом Луками ? фальшивыми рукавами.

? ная халатообразная верхняя одежда, только отчасти сходна с одеждой литовцев Дукны и белорусов, в целом является общей с ? одеждой всего русского народа. Чисто русские названия этой одежды, такие, как синяк, рещик, красик, говорят о ее местном происхождении. Тюркские термины «кафтан», «армяк» более поздние.

6. Платообразные головные уборы русского населения Западного края относятся к старинным общеславянским уборам. В изученных районах повой встречаются редко, кокошник бьет как термин, относясь к головным уборам иной формы. По всей вероятности, распространение кокошника в качестве праздничного головного убора не захватывало всех районов западных областей.

7. Одежда населения обследованных районов Северо-Западного края имеет общие основы с одеждой белорусов. Это сказывается в бытовании лаптей-коверзан, рубашки с прямыми полками, черных обору, поршней, в южной части Себежского р-на в распространении штанов белорусского покрова. В наиболее чистом виде особенности одежды, аналогичные белорусским, сохраняются в Духовинском, Невельском, Пустошкинском районах и в южной части Себежского р-на.

8. Общность с новгородской культурой проявляется в распространении косовильных сарафанов, берестовых лаптей, кокошников, в типах вышивки.

9. Общественная специфика одежды крестьян Западного края складывалась под влиянием московской культуры, на что указывает, в частности, широкое распространение рубахи-косоворотки, верхней халатообразной одежды, московских лаптей, сарафана прямого покроя и др.

Рецензия на работу: СЫСОЕВА Н. И. Касимовское узорное ткачество XIX — начала XX века.

Рецензируемая брошюра, изданная Научно-исследовательским институтом художественной промышленности, является одной из новых попыток изучения народного ткачества этого края.

Основная задача автора — проанализировать характер узоров и их территориальное распространение по бывшему Касимовскому уезду Рязанской губернии. Автор дает хороший искусствоведческий анализ орнамента рассматриваемых тканей, отмечая их типы, композицию, элементы узоров, выделяя особенности цветовой гаммы. Методом ее анализа вполне могут воспользоваться специалисты смежных с искусствоведением дисциплин.

В основу группировки материала положены технические особенности ткачества: автор характеризует ткани по технике их изготовления. Она выделяет браные ткани с двумя основами, с одним или двумя утками, ткани на двух или четырех ремизах и т.д. Районы распространения Н. И. Сысоева намечает следующие: Курша — Парахино и Касимов — Елазны. Трудно согласиться с таким подразделением, ибо в каждую группу попадает несколько отдельных гнезд, которые при наличии некоторой общности с соседними имеют свои особенности, резко отличающие их от смежных. Н. И. Сысоева сама указывает на то, что в Касимовском уезде «часто две соседние деревни резко отличались и по одежде и по обычаям» (стр. 6). Этнонимы, создаваемые населением, выделяют отдельные «острова», сохранившие древние формы костюма, украшений и техники исполнения. Например, прозвище куршаков (семь деревень по р. Курше) — «литва», а паракинцев — «жмен». Это указывает на различные древние элементы, вошедшие в состав этих групп населения. Анализ их материальной культуры также говорит о разных элементах, вошедших в их состав.

Автор стремится связать художественный облик этих тканей с Востоком — Средней Азией, Кавказ. Следовало бы указать, с какой именно техникой ковров и каким конкретно орнаментом он связывается.

Вышедшая в 1962 г. работа польского археолога Нахлика («Polska sztuka ludowa», 1961, № 3, стр. 137 — 148) проливает свет на генезис этих тканей. Реконструируя археологические ткани XI — XIII вв., Адам Нахлик дает рисунок ткани, близкой по технике и узору паракинским пошивам, и прослеживает их наличие в Московской,

Калужской, Смоленской и Новгородской областях. В настоящее время той же двухосновной техники польский археолог указывает в районе Мазурского болота (Польша) и даже в Швеции. Признавая влияние турецкого элемента в ряде узоров, необходимо теперь говорить и о связях с общеславянскими группами.

В частных вопросах следует указать на некоторые неточности. Говоря об отходничестве, автор не уточняет, что здесь существовало исключительно мужское отходничество. Это и послужило тому, что женское население сохранило местные особенности костюма.

Говоря о столкновении чуждских племен со славянами, автор не отмечает, что ассимилировалась лишь одна часть, а другая отступила на восток. Движение Мещеры продолжалось вплоть до XVIII в. Автор недостаточно ясно выразил свою мысль об общности мещерского и башкирского браного ткачества XIX в.

К мелким недочетам надо отнести то ли ошибку автора, то ли опечатку в названии фабрики Хлудова, названной на стр. 4 «Заводом Хлынова»; на стр. 7 помет названа юбкой, необходимо уточнить название: юбка и вадерке в отличие от обычной юбки на обшивке.

Работа снабжена большим числом иллюстраций (семь цветных таблиц и 11 одноцветных рисунков при 26 страницах текста), причем таблицы даны с прекрасных рисунков, передающих фактуру тканей. К сожалению, подписи к ним не удовлетворяют научным требованиям. Отсутствуют указания на место производства данной ткани. В таком случае непонятно, зачем потребовалось давать второй список подписей к таблицам в конце брошюры, ничего не прибавивший нового.

Таблица 1 передает «праздничный костюм русских крестьянок». Странно говорить о «русской» в работе, посвященной локальной группе населения. Кроме того, в этом костюме соединена куршанская пошева с натурником другого района (с. Дмитриев), который носили с синей клетчатой пошевой. Автор в данном случае не критически отнесся к экспозиции Рязанского краевого музея.

В целом брошюра Н. И. Сысоевой весьма полезна как популяризация народного искусства Касимовского края, его художников — местных ткачих, вышивальщиц и кружевниц, обладающих природным чувством красоты.

Народное искусство

Народное художественное творчество играет значительную роль в развитии профессионального искусства. К нему нередко обращались русские композиторы, писатели, архитекторы, живописцы. Чайковский и Римский-Корсаков, Мусоргский и Бородин, Пушкин и Гоголь, Казаков и Баженов, Суриков и Васнецов широко использовали в своем творчестве народные мотивы.

В настоящее время в одном из залов Рязанского областного краеведческого музея развернута выставка народного искусства. Она рассказывает о значительном периоде в жизни рязанских промыслов — периоде последних десяти лет. Это десятилетие знаменуется творческим ростом рязанских художниц, появлением новых черт в их произведениях. Выросли и окрепли местные промыслы, где с ткачихами, кружевницами и вышивальщицами, несущими традиции матерей и бабок, работают молодые специалисты, окончившие вузы и техникумы. Трудом этих коллективов создано не одно высокохудожественное произведение. Профессиональная отточенность художника-специалиста и природное чутье мастериц, хранящих верность старым традициям, образуют необходимое сочетание, которое двигает вперед народное искусство.

Шедевры, выставленные сейчас в музее, составляют золотой фонд музея при Научно-исследовательском институте художественной промышленности. Некоторые из них принадлежат фабрикам имени Крупской (Рязань), «Труженица» (Михайлов), «Пробуждение» (Кадам).

Многие из работ экспонировались на Международных выставках в Париже, Брюсселе и были удостоены высоких наград. Так, золотой медалью был отмечен занавес В. В. Грунковой, серебряной — занавес З. И. Бондаренко. Сейчас рязанцы впервые получили возможность

увидеть все эти вещи в единой экспозиции.

Мажорный колорит произведений и своеобразный орнамент характеризуют самобытность искусства Рязани. Оригинальные мотивы, определенные технические приемы составляют его основу.

Выставленные работы позволяют проследить творческую биографию выдающихся рязанских мастериц.

Тонкий колорит почти пастельных тонов вышивки, четкий ритм орнаментальных композиций выдают поэтическую натуру заслуженного художника РСФСР В. В. Грунковой. Ее декоративный занавес — праздничный и торжественный, но в то же время сдержанный и спокойный — говорит о незаурядном мастере, обладателе большого арсенала изобразительных средств, умеющем подчинить своей воле сложный язык вышивки.

Совсем иной эмоциональный и декоративный строй отличает работы Л. А. Свириновой. Талантливым многообразием палитры отличается ее михайловская «Жар-птица». Сколько огня, сколько фантазии! Вот он — образ Рязанщины, яркий, жизнеутверждающий!

Нельзя не отметить среди экспонатов работы З. И. Бондаренко, творчество которой строится на смелых композиционных решениях и блестящем исполнении больших и сложных работ. Достоинными участниками выставки стали также художницы, как З. А. Зайцева, А. Ф. Большакова, П. И. Пескова, Л. И. Волкова.

Но рядом с работами этих мастеров хотелось бы видеть и старое народное искусство Рязани, которое продолжает жить, развиваться и совершенствоваться. Мы надеемся, что музей в дальнейшем восполнит этот пробел и более широко покажет материалы фондовых коллекций.

Русская крестьянская одежда XIX — начала XX века

Одежда — неотъемлемая часть материальной культуры народа. Изменяясь в зависимости от конкретных исторических условий, народная одежда вместе с тем сохраняет иногда на протяжении многих столетий древние черты в покрое, украшениях, названиях, что дает возможность установить известную периодизацию в развитии одежды, выявить происхождение ее отдельных частей или комплексов.

Русская крестьянская одежда XIX–XX в. была сложной: претерпевая изменения, связанные с развитием капитализма в этот период, она продолжала в той или иной степени сохранять традиционные черты, уходящие своими корнями в глубь веков. Поэтому изучение одежды дает особенно ценный и обильный материал для проблемы этногенеза.

Картографирование крестьянской одежды XIX — начала XX в. позволило обобщить большой, разносторонний материал, который не является, однако, исчерпывающим, так как не все районы огромной территории расселения русских изучены в достаточной степени. Заполнить все имеющиеся «белые пятна» пока не представляется возможным. Но собранные сведения позволили составить карты, дающие представление об основных комплексах и направлениях в развитии русского народного костюма.

Раздел «Одежда» характеризует одежду сельского населения, главным образом крестьянства, казачества, а также населения промышленных районов и заводских сел (Урала и других областей).

Осуществить картографирование возможно было лишь после разработки четкой типологии одежды. Картографированы были как типы, т.е. комплексы мужского и женского костюма в целом, так и отдельные их части.

Одежда подразделена по основному ее назначению и роли в быту: на нательную, домашнюю или комнатную и верхнюю. Особо выделены головные уборы, обувь, пояса, украшения. Одним из существенных признаков при выделении типов являлся покрой. Однако в ряде случаев учитывались также признаки, как материал, техника изготовления, цвет, орнаментика и другие, которые имели существенное значение для более дробной классификации. Одежда картографировалась, в частности, и в связи с особенностями ее терминологии, что помогает пониманию генезиса ее отдельных видов, выявлению историко-культурных связей народа (хотя нельзя при этом забывать о том, что история термина иногда отлична от исто-

рин самого явления). В этой части работа этнографов-диалектологов тесно сопрягается с их взаимовыгодным друг другу необходима.

Типологические таблицы, сопровождающие карты, составлены в результате разработки этой классификации. Каждый из типов, изображенный на таблице, имеет обозначение на карте.

В середине — второй половине XIX в. черты традиционной одежды более всего сохранял крестьянский костюм. Различия в одежде разных классов общества особенно усилились с начала XVIII в. Господствующие классы переходят к ношению одежды западноевропейского образца. Петр I издал указы об обязательности для всех, кроме духовенства и крестьян, ношения в герского, затем немецкого платья; была выработана особая военная форма. Каждому «чину» полагалась своя одежда, как об этом писал в своем труде И. Т. Пашков, «чтобы всякий чин свое определение имел, чтобы люди и все купечество собственное свое платье носили, чтобы оно ничем ни военному, ни приказному не согласно не было»¹.

Рис. 1. Одежда горожан второй половины XIX в.

А — купчиха М. И. Кузнецова в «раскесе», сарафане, рубашке с кисейными рукавами, гор. Старина, Тверская губ.
Б — торговчанка в традиционной одежде, в кокошнике, Торонси, Псковская губ.

В костюмах мещан и купечества долго сохранялись черты, общие с крестьянской одеждой. В середине XIX в. «русский наряд» — сарафан и кокошник — носили многие горожане. У горожан, особенно у наиболее богатых, он отличался от крестьянского дорогими материалами и оригинальными украшениями (рис. 1).

¹ Пашков И. Т. Книга о суровости и безгласии в другие сочинения. М., 1851, С. 128.

Карты атласа: распространение типов женской одежды, типов сарафана, женских головных уборов, — давшие по двум периодам, иллюстрируют те существенные изменения, которые произошли в русской крестьянской одежде в конце XIX — начале XX в. по сравнению с серединой XIX в. (карты 38, 39, 41, 42, 57, 58). Но нельзя считать, что изменения в одежде, разрушение ее традиционных форм начались только после крестьянской реформы. Они начались значительно раньше.

Отходничество существовало и в период крепостного права. Накануне реформы 1861 г. крестьян, состоявших на оброке, в нечерноземной полосе было 58,9%, а в черноземной полосе — 28,8%.¹

Так как отходничество было почти исключительно мужским занятием, то прежде всего изменялся мужской костюм. В одной из рукописей архива Географического общества, относящейся к 40-м годам XIX в.², имеется рисунок молодого крестьянина из с. Рыкова Слобода Рязанской губернии и уезда, одетого в плисовые шаровары и в кумачовую рубашку, какие носили и в городах, в то время как рисунок женской одежды из этого же села показывают, что она мало подверглась влиянию города, сохраняя архаические черты.

Влияние тех, кто уходил работать на фабрики — в города или окрестные фабричные центры — и в пореформенный период было велико. Так, в Пронском уезде Рязанской губернии в селах Столбы и Календы (где были игольная и সুকোная фабрики) и в с. Истье (чугунолитейный завод) еще при крепостном праве крестьяне не занимались сельским хозяйством и одалживали в покупные ткани. Окрестное же крестьянское население звало их «фабричными» и с конца XIX в., стараясь подражать фабричным, отказывалось от своей традиционной одежды. То же происходило на Урале и около Тулы, где за заводским населением все больше начинали тянуться и крепостные земледельцы.

Большое значение для изменений в одежде имело развитие хлопчатобумажной промышленности в России. С переходом промышленности в 50-х годах на приготовление собственной пряжи, хотя и из привозного хлопка, хлопчатобумажные ткани стали самым дешевым материалом для изготовления одежды. Это создало им широкий рынок сбыта, и они успешно конкурировали с полотняными тканями.³

Особенно резкие изменения, отразившиеся и в одежде, происходят в крестьянском быту в пореформенный период, начиная со второй половины XIX в. Они были результатом усиления отходничества, развития промышленности, вовлечения крестьян в сферу товарно-денежных отношений.

В этот период в традиционной одежде домотканые части все более заменяются покупным материалом. Мужская рубашка-косоворотка, верхняя часть женской рубашки шьются из фабричного ситца, входит в обиход покупные платки, передники. Старинные вышивки дополняются и заменяются нашивками полосами ситца, покупных лент, кружев. В то же время распространяются иные по покрою, материалу и украшению виды одежды, соответ-

ствовавшие городским модам, или различные местные, но с заимствованиями из города формы. Входит в быт рубашка на кокетке, поддевки (с отрезной спинкой и со сборами, на вате), пиджаки, резче проявляются различия в мужской и женской верхней одежде, распространяется привычка носить нижнее белье, особенно у мужчин, и т. д.

Характерной чертой усиленного развития промышленного капитализма в России являлось интенсивное втягивание всех частей России в один общероссийский рынок. Изменения в одежде также охватывают всю Россию, и не только русских, а и другие народы, входившие в ее состав.

Во второй половине XIX в. ведущей социальной силой становится рабочий класс, поэтому понятно то огромное культурное влияние, которое он оказывал на быт деревни. Одежда рабочих в городах, крупных промышленных центрах сильно отличалась от крестьянской (рис. 2) и оказывала существенное влияние на одежду деревни.

Карты 38-40 показывают, что традиционный женский костюм (с сарафаном или понежей), еще широко распространенный вытесняется новым комплексом, состоявшим из юбки и кофты или цельного платья, считавшихся в покупной фабричной ткани. В более раннее время (см. карту 38) этот комплекс распространялся вокруг Москвы, в крупных районах кустарной промышленности Нижегородской, Тверской губерний, в Зарайском, Егорьевском уездах Рязанской губернии (где в 1830 г. развивались ткацкие фабрики), вокруг Рыбинска, Ярославля, Иваново-Вознесенска и других крупных центров текстильной промышленности. Распространялся он и на Урале — в Красноуфимском, Екатеринбургском, Ирбитском и других уездах Пермской губернии — в районах развития металлургической промышленности, в окрестностях Петербурга и в прилегающих к нему районах.

Во второй половине XIX — начале XX в. комплекс с юбкой и кофтой становится преобладающим. Область его распространения все более расширяется.

Сильное влияние городского костюма рано прослеживается на юге — в бассейне Дона, Кубани — в областях расселения казачества (карта 38)⁴. Степень проникновения и распространения новых видов одежды зависела от развития товарно-денежных отношений в деревне; феодально-крепостнические пережитки препятствовали этому. Вот почему в центрально-черноземных губерниях, где эти пережитки были особенно сильны, более, чем в других местах, сохранялись крупные массивы населения, где преобладал комплекс с понежей (Жиздринский уезд Калужской губернии; Брянский, Дмитровский и другие уезды Орловской губернии; Енисейский; Ефремовский, Богородицкий, Новосильский уезды Тульской губернии; Сапожковский; Скопинский; Касимовский и другие уезды Рязанской губернии и т. д.). Сарафан сохранялся в наиболее глухих уголках севера, особенно в Олонецкой, Архангельской, Вологодской губерниях.

Если отход в промышленность имел огромное значение для изменения деревенского быта, в частности одежды, то отходничество на сельскохозяйственные работы не

¹ Давиденко Н. В. История народного хозяйства СССР. М., 1936, т. 1, С. 361.

² Ломоносов Н. С. Этнографическое описание села Рыкова Слободы, 1859 г., т. 2, 5, 7; АГОН XXXIII-24.

³ Давиденко Н. В. Указ. соч., т. II, М., 1950, С. 128.

⁴ См. карты, таблицы отсутствуют при первой публикации.

оказывало существенного влияния, особенно, если оплата труда отходников производилась натурой, а не деньгами. Более того, это нередко содействовало консервации старых форм. Так было, например, в с. Роговато Нижегородского уезда Воронежской губернии. Мужчины из этого села обычно уходили на Кавказ, занимаясь пастухами (овчарами), и приносили оттуда много шерсти, полученной за работу. Это способствовало сохранению в Роговато одежды из шерстяной дмотканной материи (пошев и др.).

Принято считать, что в XIX — начале XX в. из дмотканщины шили одежду бедняка, а богатые покупали фабричные ткани. Однако и такой взгляд не вполне соответствует действительности, в чем убеждают следующие примеры. В Псковской губернии, где был широко развит сбыв льна-волокна, считалось более выгодным продавать его, а для себя покупать ситцев. Одиоворцы южнорусских областей, которые жали гораздо зажиточнее своих соседей — бывших помещичьих крестьян, тем не менее долго сохраняли дмотканную традиционную одежду, имея для этого большие запасы сырья. С интенсивным развитием денежных отношений не только сельская буржуазия, но и пролетаризировавшаяся часть деревни, связанная с городом, фабрикой, пользовалась в значительной степени покупными тканями. Изменения в одежде происходили с наибольшей интенсивностью, по-

традиционная женская одежда, вытеснявшаяся поздним городским костюмом из фабричной ткани, может быть сведена к нескольким комплексам: 1) с поновой, 2) с сарафаном, 3) с юбкой-аидаром, 4) с кубельком (см. карту 40 и табл. I, II, III, VII, VIII). Первые два — основные, два последних имели ограниченное бытование. Поневу обычно сначала заменяли сарафаном, а сарафан — юбкой с кофтой или же платьем (так было, например, во многих местах Московской, Владимирской, а также на севере Рязанской и в других южнорусских губерниях).

В костюме бывших одиоворцев переход от распространенной у них ранее юбки-аидара из дмотканщины к юбке из покупного материала был естественным, в то время как в других местах ситцевая юбка генетически не связывалась с предшествовавшей одеждой — ни с сарафаном, ни с поновой.

Сопоставление основных комплексов одежды с материалами карты, составленной В. П. Семеновым-Тянь-Шанским и показывающей по данным 1897 г. ¹ интенсивность торгово-промышленной деятельности в России, в значительной мере подтвердило связь между изменениями форм одежды и развитием товарно-денежных отношений. Там, где развивалась напряженная торгово-промышленная деятельность, распространился поздний городской комплекс одежды, где она была слабее — бытовал комплекс с сарафаном, а где она почти отсутствовала — комплекс с поновой, а местами — на севере — сарафан.

Когда мы говорим о комплексах одежды с сарафаном, поновой и пр., то имеем в виду ряд составных его частей, более или менее связанных друг с другом и бытовавших вместе, хотя не обязательно возникших одновременно.

Городской комплекс женской одежды второй половины XIX — начала XX в. — с юбкой и кофтой — включал безрукавную рубашку, ставшую только надетой частью одежды (бельем), головной платок, реже — повойник. С косоклиным сарафаном связана была рубашка с прямыми полками, пришитыми по утку, и головной убор — кокошник или кичка.

С прямым сарафаном обычно носили рубашки с рукавом, как бы слившимся с полником, пришитым к вороту. В ряде мест (например, в Спасо-Лутовинове Мценского уезда Орловской губернии) выяснено, что с поновой эти рубашки никогда не носили. С поновой неразрывно связаны рубашка с косым полником и кичкообразный головной убор, туликообразный передник (зипавоска, запан), а местами и нагрудник. Полосатая юбка (аидарак) сочеталась с рубашкой с прямыми полками (приштыми по утку) и характерным отложным воротником, с головным убором — кокошником (повойником или платком).

Основные комплексы имели немало вариантов. Так, например, в пограничных с Украиной и Белорусией уездах Курской и Орловской губерний бытовал своеобразный вариант женского костюма с поновой, в котором пошева (типа плахты) соединялась как правило с фартуком — запаской, с поясом, плетеным по стене (табл. XX, 3), с полотнячатым или кичкообразным головным убором, но иногда — с кокошником-шелюном, с лавтием-раками (белорусского типа). В конце XIX в. этот комплекс бытовал как определенное целое. Но границы распро-

Рис. 2. Одежда рабочих начала XX в.

1 — семейная группа рабочих Коломенского машиностроительного завода, 1915 г. 2 — артель углекислот № 6, Довбасс, 1902 г.

видимому, у двух крайних групп крестьянства — наиболее богатой и беднейшей.

¹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1900, С. 61.

шения его частей не всегда целиком совпадают друг с другом (карты 44, 49, 54, 61, 70). Совпадают границы распространения запяски и поневы-плахты; плетеный пояс распространялся несколько восточней и был известен в Мценском уезде Орловской губернии, в Новосильском уезде Тульской губернии и Жиддринском уезде Калужской губернии. Полотенчатые головные уборы бывали (уже как старушечьи) в Карачевском, Дытровском уездах Орловской и Жиддринском уезде Калужской губернии. Лапти-раки известны были как покровная обувь (надававшая во время сенокоса) в Карачевском, Брянском уездах Орловской губернии. Это совершенно определено в говорит о разном времени появления составных частей этого комплекса женской одежды, а в некоторых случаях о заимствованных в пограничной зоне одной групп населения у другой.

В результате перемещения отдельных групп населения, взаимодействий с соседями, под влиянием многих других факторов происходило как смешение комплексов, так и образование смешанных типов. То же наблюдалось и в мужской одежде, где выделены — по покрою и сочетанию отдельных частей — четыре характерных комплекса и их варианты.

Характерной чертой крестьянской одежды являлось ценопренебрежительное бытование комплексов, сложившихся в раннее время.

В ряде русских деревень можно было наблюдать в швей и той же деревне наличие нескольких типов костюма у разных возрастных групп. Шестидесятилетние женщины ходили в поневах, в белых шушанах, в рубашках с прямыми или косыми подолками, в повойниках. Сорокалетние женщины и молодежь — в прямых сарафанах с лапками, в рубашках с рукавами из покупного материала. Девочки лет до 10 бегали в одних рубашках или надевали еще ситцевые сарафаны, а молодежь 16-17 лет, бывавшая на фабриках, являлась домой в юбках и кофточках. Уже в начале XX в. можно отметить частую смешанность моды на покупные ткани. Так, например, в Пронском уезде Рязанской губернии в 1903 г. сарафаны и юбки шили из шерстяной малинового цвета; в 1904 г. вся молодежь к весенним праздникам сменяла их на голубые. Один год были распространены оранжевые юбки, причем считалось необходимым, чтобы все селение на весенние праздники было одето в одежду определенного цвета (бывшие помещичьи села Городецкое, Тарасово, Лукино, Соболево и другие Пронского уезда). Ведущую роль в изменении одежды всегда играла молодежь. Старое же поколение хранило одежду своей молодости. Нередко части одежды, головные уборы на определенном этапе времени сохранявшиеся как одежда и головной убор старшего поколения, в дальнейшем оставались бытующими в течение нескольких столетий как одежда и головной убор старух. Полотенчатые головные уборы, бывавшие как старушечьи в конце XIX в. с. Лыгово (Дытровский уезд Орловской губернии) при наличии рогатых пловных уборов у молодых женщин, можно считать более древней традицией, сложившейся уже в то время, когда появились рогатые головные уборы.

То же самое и в погребальной одежде. Основной принцип похоронной одежды — хоронить в том, в чем венчался: на умершего одевали его венчальную одежду или специально изготовленную одежду, причем такую, в ко-

торой хоронили (и венчали) дедов и прадедов. Это действовало консервации старинных одежд (в качестве погребальных) иногда на протяжении нескольких столетий. Так, русские старообрядцы в Латвии, из которых многие жили очень закяточно, и в конце XIX в. носили платья со шлейфом и даже корсеты (о чем говорят их семейные фотографии), сохранили в погребальной одежде холщовый сарафан — широкоплечник и халатообразный аяз. Все новое внедрялось как модная праздничная одежда.

Но в то же время именно в праздничных одеждах нередко и сохранялась старая форма. В частности, это относится к циклу весенних, очень древних, дохристианских праздников, связанных с языческим культом, которые позднее были приурочены к Красной горке, к Троице, к Семью, Петровскому заговенью, дню Ивана Купала. В селе Никитском Грайворонского уезда Курской губернии при преобладании сарафана у крестьян четвертного права сохранилась понева как весенняя одежда, которая обязательно одевалась молодыми женщинами на гулянье, начиная с пасхи до троицы. Та же обязательность надевания старинной одежды сохранялась в свадебных обрядах. В с. Салтыково-Буты Спасского уезда Тамбовской губернии считали необходимым в первый день свадьбы надеть на молодую старинную поневу со всеми другими частями одежды. Рогатые юбки во многих местах сохранились только в небольшом количестве и являлись необходимой принадлежностью головного убора молодых женщин в первые дни замужества; в таких случаях юбки брали напрокат у соседки.

Старые части одежды, головные уборы и обувь сохранялись в рабочей одежде женской, так и мужской одежде с определенными отраслями труда. Сюда относятся головные повязки из лыка (у гончаров во время изготовления горшков), плетеная лыковая обувь и кожаные поршни, сохранявшиеся в виду своего удобства во время пахоты и покоса, кожаные фартуки рыбаков из цельной кожи (лишь слегка подкрашенной), кожаные чулки древорубов (Псковской губернии).

Наколенники холщовые (Калужская, Тверская губернии), черные шерстяные повязки-обертки (в Касимовском и Сапожковском уездах Рязанской губернии), ведущие свое начало от древних времен, были рациональным приспособлением, предохранявшим от расширения вен при усиленной ходьбе и работе стоя, ввиду чего они сохранились в значительной степени до нашего времени.

Живучесть этнографических реликтов, сохранявшихся нередко с древнейших времен, отмечалась не только в одежде, но и в постройках, в народной технике — плетении и ткачестве, гончарстве. Некоторые явления, зародившиеся еще в эпоху неолита, жили до начала XX в. (глиняные, каменные праслица, изготовление горшков без гончарного круга и т. д.). С другой стороны, нужно отметить очень медленное распространение отдельных черт и явлений. Так, например, одежда со сборами, известная в XVII в., широко распространялась лишь во второй половине XIX в. и т. д.

Картографирование одежды помогло наметить время и основные области формирования тех разнообразных комплексов, которые одновременно бытовали в деревне XIX — начала XX в. Как бы снимая «напластования» позднего времени, мы пытались, подобно археологам,

вести исследование от «верхнего слоя» к «нижнему».

Женская одежда

Исключив поздний комплекс, хорошо датированный XIX (частично XVIII в.), рассмотрим традиционные комплексы женской одежды (начиная с более позднего): с кубельком, с юбкой-андарак, с сарафаном и с поновой.

Кубелек. Комплекс женской одежды с кубельком был специфичен для бассейна Дона и частично для северокавказских казаков. Он отмечен у донских казаков в середине XIX в., но уже в это время его вытеснили городское платье, юбка с кофтой или рубашка на кокетке, носившаяся с юбкой (из доматканщины или фабричной материи). «Кубелеком» называлось распашное платье, шитое в талию (карта 40 IV), из покусной ткани, носившееся поверх рубашки с широкими рукавами (по-видимому, туникообразной)¹. Характерные черты этого комплекса — вазанный коллак или шапка и штаны, что говорит о сильном влиянии на одежду казаков их восточных соседей. Комплекс с кубельком, по свидетельству А. Ригельмана, широко беговал у донских казаков во второй половине XVIII в.² Но кроме того, у них были и другие, более древние комплексы — с поновой, с сукманом и туникообразной рубашкой и проч.

Юбка. Комплекс с юбкой в качестве старого явления, связанного с доматканщиной, не был характерен для русских в целом. Юбка как часть женского традиционного костюма отмечается только в определенных областях. Она была двух типов: 1) юбка (сузья, сукманка) иногда под названием андарак из шерстяной доматканной материи, иногда однотошной, но чаще из ткани с яркими разноцветными продольными полосами (карта 46, I; табл. VII, 4); 2) подол — холщовая юбка, большей частью на задержке с тканым узором по нижнему краю, которую одевали девушки, не носившие (как правило) поновы. На севере были подолы (с пришитым поясом), из холста, богато орнаментированные (карта 46, II); носили их девушки и молодые женщины.

Полосатая (реже клетчатая или гладкая) доматканная шерстяная юбка распространена была в южнорусских губерниях (карта 46), у одновдворцев, в частности в селах вдоль укрепленной пограничной линии, так называемой второй засечной черты (служилое население которой формировалось в XVI в.). В одних местах полосатую юбку носили жители целых районов (например, между р. Парой и р. Вердой в Синожковском уезде Рязанской губернии); в других местах ее носили в отдельных селениях, так было, например, в Тинском, Шигровском уездах Курской и Елецком уезде Орловской губернии, иногда только часть селения знала эту одежду (Дмитровский уезд Орловской губернии). Поскольку полосатая юбка являлась общей частью одежды и белорусов, частично украинцев, поляков, литовцев (для которых она характерна), а среди служилых людей было немало выходцев из-за литовского рубежа, поскольку совершенно очевидно, что полосатая юбка (вместе с другими характерными чертами одежды) была принесена на юг воиснослужившим сословием в XVI-XVII вв.

Второй значительный район распространения полосатой юбки-андарака — Смоленская губерния. Однако, здесь комплекс с андаракком не был исконным. Он как бы насланился на комплекс с поновой, а в ряде уездов, особенно восточных — Бельском, Духовицком, Смоленском — сохранялась более древняя понева. Территория Смоленщины, особенно западная ее часть, входила в состав Литовского княжества, а затем Польско-Литовского государства, и наличие здесь комплекса с андаракком можно объяснить усилением белорусско-польско-литовских связей русских, особенно в XVI-XVII вв. Можно предположить, что именно отсюда и из прилегающих районов этот комплекс костюма, свойственный служилому верхушке, был перенесен в южнорусские губернии.

Менее значительные районы распространения юбки на юго-востоке и на севере. Появление шерстяной полосатой юбки на юго-востоке — в Нижнем Поволжье, на Кубани — можно объяснить сравнительно поздними переселениями украинских и русских групп, вошедших в состав казачества. На севере — в бассейне Сухомы и Сверхней Двины (см. карту 46) — наличие полосатой юбки менее ясно, и вопрос этот требует дальнейшего исследования в связи с историей селений, где ее носили. По всей видимости и здесь ее появление связано с перемещением населения с запада, возможно, в процессе хозяйственного освоения этих районов в XVI-XVII вв. Нам известно, что в Кадниковском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии в середине XIX — в. были белорусские селения³.

Таким образом, появление у русских комплекса одежды с полосатой юбкой относится к периоду не ранее XVI в.

Сарафан. Область распространения комплекса с сарафаном в середине XIX в. была значительно шире области распространения поновы (карты 41, 42 и карта 44), причем сарафаны носили не только в деревне, но и во многих городах. Хотя сарафан в это время уже заменили городской одеждой (юбкой и кофтой), все же наблюдалась тенденция к его распространению в южнорусских губерниях, где ранее господствовала понева. Обратного процесса проникновения поновы на север не наблюдается. Если один тип сарафана исчезал, то распространялись другие, более поздние его типы (прямой на лямках и с лифом).

Область распространения сарафана в основном соответствовала границам Русского государства XVI-XVII вв. Отсутствие сарафана у белорусов и украинцев — свидетельство того, что комплекс с сарафаном сформировался в период обособления великорусов от других восточнославянских народов.

Он стал основным типом женского костюма в Среднем Поволжье, в Приуралье, наиболее интенсивное заселение которых происходило в XVI-XVII вв., а также в Западной Сибири, где старокалужское население складывалось начиная с XVI в. Сарафан был известен у потомков служилого населения, водворенного на «засечные черты» в XVI-XVII вв. Его носили также повсюду старообрядцы; старообрядцы, скрываясь от преследований, переселялись в Сибирь, на Дон, в Заволжье, на Украину, в Прибалтику и другие области России. Они с XVII

¹ Давиденко Н. Ф. Материалы по одежде донских казаков. ДО. М., 1906, № 1-2, С. 49.

² Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1808, табл. 9-15.

³ ЦГИАЛ, Р30, фонд 91, оп. 2, № 815, л. 115; Иванюшкин П. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. Сб. сведений для изучения быта крестьянских населенных пунктов, вып. II. М., 1890, С. 3.

и сохраняли сарафан в качестве основной и обрядовой одежды. Таким образом, можно полагать, что распространение комплекса с сарафаном происходило в период сложения и развития Русского централизованного государства в XV-XVII вв. В это время сформировался общерусский национальный костюм, бытовавший у разных классов допетровского времени: дворянства, посадских людей и в значительной степени у крестьян (хотя в ряде областей крестьяне продолжали носить поноу). Первое упоминание «сарафана» в качестве мужской одежды датируется, как известно, XIV в.¹ Собственно сарафан, т. е. женская одежда, упоминается в XVI в. Однако это не исключает того, что женская одежда типа сарафана была и раньше, под другими названиями. Так, например, термин косьтуч относится еще к XVI в., а суконки упоминаются в документах на рубеже XVI и XVII вв. Более ранние источники слишком скудны и в них редко перечисляется одежда.

Рис. 3. Сарафаны первого типа
А — «суконка» из белого сукна, Бородинский уезд, Тульская губ.; Б — «ферня» из холста, Старо-Русский уезд, Новгородская губ.; В, Г — «касталавы», Ржевский уезд, Тверская губ.; Д — «шупун» из темно-красного сукна, Псковская губ.; а — сиверди; б — сяди.

Исследователи русского костюма выделяют четыре основных типа сарафана². Существовала также и наиболее воздвиг форма — на кокетке, поэтому здесь рассматриваются пять типов, которые располагаются в хронологическом порядке от наиболее древнего к наиболее позднему (см. карты 41 и 42, I-V).

1. Древнейший — глухой косоклинный сарафан, сшитый большей частью из перегинутого на плечах полотнища, со вставленными по бокам слегка скошенными полотнищами или продолженными клиньями (карта 41, I). На рис. 3 сарафаны из разных мест отличаются друг от друга деталями: расположением клиньев, формой выреза ворота; среди них преобладает сарафан с широкими про-

ймами, но есть и с узкими лямками и т. д.

Но одна общая черта объединяет представленные образцы: перед состоит из цельного неразрезанного полотнища. Из карты 41 видно, что в XIX в. этот тип сарафана (шупун-сукман) сохранялся главным образом на северо-западе — в Новгородской, Олонекской, Псковской и некоторых других губерниях, являясь одеждой старух или «смертной» одеждой некоторых старообрядок.

Второй район бытования глухого сарафана — южнорусские губернии — Рязанская, Воронежская, Курская и другие, но здесь он был частью только денешного костюма. В некоторых селах Курской губернии, где и женщины носили глухой сарафан (вместе с седлообразным кокошником), он бытовал среди крестьян «четвертого права». Следовательно, в этих местах он сравнительно позднего происхождения, как и само бывшее служилое население.

Южные девичьи белые и черные сарафаны (рис. 3, А), как и северо-западные старушечьи сарафаны-шупуны, генетически восходят к туникообразной одежде древнего происхождения, сохранившейся до наших дней в виде нагрудника, входящего в комплекс с поновой. Это весьма обоснованное предположение высказал еще Б. А. Кудин³.

Н. П. Гринкова убедительно показала на одежде Смоленской и Тверской губерний изменение носова — касталава — холщовой туникообразной одежды в сторону сарафанного покрова⁴.

Районы бытования глухого сарафана отделены друг от друга широкой центральной зоной (Московская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская и другие губернии), где не отмечены ни этот тип сарафана, ни его характерные названия.

Очень важен тот факт, что в южнорусских губерниях глухой сарафан не был никогда общераспространенной одеждой, поскольку таковой оставалась понова. На северо-западе обстоит иначе: здесь он стал основной женской одеждой очень рано. По этнографическим данным, понова или близкая к ней набеленная одежда здесь не отмечена. Письменные источники, иконографические памятники ничего не говорят о наличии здесь поновы.

Этнографические данные (XVIII-XIX вв.) позволяют считать, что в отдаленном прошлом глухой сарафан был здесь более широко распространен. Есть указания о том, что во второй половине XVIII в. «шупуны», «сукманы» были в Тверской, в Архангельской губерниях, а в первой половине XIX в. «шупуны», были и в Новгороде⁵. Но даже в XVIII в. шупуны, сукманы были уже старомодной старушечьей одеждой. Псковский шупун, известный нам по музейным собраниям, чрезвычайно сходен с болгарским сукманом. Так же и южные девичьи сарафаны-нагрудники имели большое сходство с некоторыми видами болгарских сукманов⁶, что говорит о большой древности этой одежды и о глубоких историко-культурных

¹ Патриаршая или Никоновская летопись. // ПСРЛ, т. XI. М., 1965, С. 22.

² Кудин Б. А. Материальная культура русской женщины. ч. I. М., 1928, С. 107-126; Гринкова Н. П. Одежда бугарских старообрядцев. // Бугарские старообрядцы. Материалы Восточного института исследования Академии наук СССР, вып. 17. Серия «Восточная», Л., 1930, С. 313-326; Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. // Восточнославянский сборник. Труды ИО АН СССР, новая серия, т. XXXI. М., 1955, С. 637-646; Тихонова Л. В. Русский сарафан. // ИСНД, вып. XXII. М., 1956, С. 21-35.

³ Кудин Б. А. Указ. соч., С. 112-113.

⁴ Гринкова Н. П. Одежда «старушек» Ржевского уезда. // Этнография, 1926, № 1, С. 161-162.

⁵ Сукманов И. П. Покровы на 12-ти губерниях с историческими и статистическими замечаниями в 1836 году. СПб., 1838, С. 6.

⁶ Маслова Г. С. Как произошла из сарафана болгарская понова от начала XIX в. // Известия на этнографически институт в мурей, кн. IV. София, 1961, рс. 22; Маслова Мария. Копилка понов от начала XIX в. // Известия на этнографически институт в мурей, кн. I. София, 1953, С. 33, рс. 3 и табл. 16.

русско-болгарских связях.

Глухой сарафан носило жившее по соседству с рус-

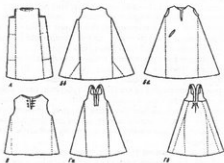

Рис. 4. Глухая одежда типа сарафана финно-угорских народов

А — «Аме» — одежда води; Б — «китасник» эстонцев-сету из белого холста; а — спереди; б — сзади; В — сарафан карел из белого сукна (на коновальной основе), с. Реболы, Повенский уезд, Архангельская губ. 1) Г — «кузник» ижор из белого холста; а — вид спереди; б — вид сзади.

скими финноязычное население: карелы, води, ижора, эстонцы-сету (рис. 4). Водская одежда аме (рис. 4, А), сходная с глухим сарафаном (рис. 3), имела вместе с тем и существенные различия — швы на плечах, горизонтальный разрез ворота и т. д.

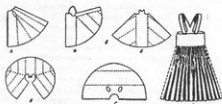

Рис. 5. Покрой распашных сарафанов — клинников (этого типа)

А — олонский, с продольными боковыми клиньями; Б — петзенский, со швами, сходящимися на спине слочкой; а — сбоку; б — сзади; В — владимирский, со швами, сходящимися по бокам слочкой, в развернутом виде; Г — уральский, с параллельными швами; Д — сарафан с лифом на лямках; е. Третьякова, Духовнинский уезд, Смоленская губ.

Древняя эстонская одежда близка к покрою русских нагрудников и некоторых сарафанов. Мы имеем в виду находку древней безрукавной одежды из сукна в болоте Париселья (Западная Эстония), датированной XIV-XV вв.¹

Подобная простая одежда могла возникнуть самостоятельно у каждого из этих народов. Но изменения ее в сторону сарафанного покрова связаны, по-видимому, с русским влиянием. Глухие сарафаны были в Южной Эстонии — у сету и в Северной Эстонии, в районе Ийсаку², т. е. среди тех групп населения, в одежде которых отразились тесные взаимоотношения с русскими. Обозначались сарафаны преимущественно русскими названиями: китасник, сукман, красик и т. п. Сарафан карелок — касто косто — также испытал влияние русской одежды. Термин «костыч» — русского происхождения; он был широко распространен на севере. Глухой белый сарафан карелок, тканый из конопли и шерсти, из с. Реболы Повенского уезда Олонской губернии — простейшего покрова, близок к новгородскому сарафану (рис. 3, Б)³. Псковский шушун (как и сукман у сету) — более сложный. По расположению швов, наличию рукавов он был сходен с некоторыми разновидностями распашного сарафана (рис. 3, Д, 5, Б).

Формирование комплекса одежды с глухим сарафаном мы связываем с населением древней Новгородской земли, в которую первоначально входила и Псковская земля. В орбиту влияния Новгорода — крупного экономического и политического центра на северо-западе — входило и нерусское население новгородских пятин; многие группы его рано восприняли некоторые черты русской культуры, частично и одежду. Особенно это касается веси, карел, а частью ижоры и води. Карелы уже в XII в. выступали в качестве союзников новгородцев в борьбе против ени. В процессе распада племенных связей развития феодальных отношений, христианизации этих народов они рано испытали значительное русское влияние. Происходила и ассимиляция некоторых местных «чуждских» групп. Это имело значение и для формирования русского костюма северо-запада.

Такие детали, как холщовые поголенки — калгут (Тверская губерния), некоторые характерные черты орнамента, как византских изделий (чулок, варежек, перчаток), так и вышивок головных уборов, одежды свидетельствуют о «чуждских» элементах в русском костюме. В ряде случаев, возможно, этим же объясняется распространение здесь туникообразной рубашки, часто входившей в комплекс с глухим сарафаном⁴.

В дальнейшем, когда сарафан изменился под влиянием новой моды, древняя его форма сохранялась до XIX — начала XX в. у некоторых групп прибалтийских финнов: ижоры, води, сету и в глухих уголках Карелии. Характерно, что карелы, переселившиеся на верхнюю Волгу с севера (главным образом из Средней и Северной Карелии)⁵ в XVI-XVII вв., принесли с собой уже распашной сарафан, который, однако, сохранял еще черты, сходные с псковскими и олонскими шушунами: широкие проймы, ложные рукава и название шушун⁶. Это является доказательством того, что предшествовавший распашному глухой сарафан нужно отнести к более раннему времени, чем переселение карел в Тверской край.

¹ Миксо Х. А. Из истории развития эстонской народной одежды. // Эстонская народная одежда XIX — начала XX в. Таллин, 1960, с. 15-18.

² Миксо А. Х. Об историко-этнографических областях Эстонии. // Вопросы этнологии истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 263-264.

³ Сильное русское влияние проявилось и в других частях одежды с. Реболы, в наличии нугак, курочников, прямого сарафана на лямках и т. п. (С. Грозный. Этнографические описания Ребольского прихода. АГО, I, 62, т. 3-5).

⁴ Псковский шушун носили с туникообразной рубашкой; северная одежда в Карелии носили уезд Олонской губернии, а также в Олонском уезде Пермской губернии, Мезенском уезде Вятской губернии состояли из глухого сарафана и туникообразной рубашки.

⁵ Рубин Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1967, с. 43.

⁶ Мяслова Г. С. Народный орнамент севернорусских карел. М., 1951, с. 17.

2. Второй тип сарафана — косоклиный распахнутой или со швом спереди (клинник, кумачник, кэтайка) — генетически связывается с другим типом одежды — с распахнутой одеждой (табл. IX, 2-4; рис. 5, А-Г). Перед всегда состоял из двух пол, соединенных посередине застежкой или сшитых друг с другом и имевших декоративную застежку на пуговицу или сшитых друг с другом и имевших декоративную застежку из пуговиц и петель. По расположению полотнищ и клиньев можно выделить четыре основные разновидности такого сарафана: 1) с продольными клиньями, идущими нередко от самого верха (в этом большое сходство с покроем глухого сарафана — табл. IX, 2 и рис. 5, А); 2) боковые полотнища пришиты к застегиванию как бы елочкой (рис. 5, Б); 3) елочка из швов обдается на боках (рис. 5, В); 4) полотнища располагаются параллельными рядами (рис. 5, Г). Наиболее старые разновидности косоклинного сарафана шили с широкими проймами и нередко также с откидными или ложными рукавами. Такой сарафан был распространен в XVII в., судя по немногим изображениям того времени.

В XVIII в. происходил постепенное «отмирание» рукавов, а к XIX в. широкие проймы заменяются узкими проймами или лямками, хотя нередко их продолжали выкраивать вместе с сарафаном. Сарафаны-клинники были сходны с верхней одеждой XVI-XVII вв. — охабнем, ошапшем, ферелью, как можно судить по описаниям того времени. Обшири с верхней распахнутой одеждой являются и многие названия сарафана, среди которых немало названий восточного происхождения, в частности к ним относятся и термин «сарафан», ставший нарицательным (о терминах см. ниже). При сравнении покрой сарафинов и верхней одежды XIX в. отмечается сходство глухого сарафана с прамосновной одеждой с клиньями по бокам (карта 62, II; рис. 3, Д). Покрой клинника сходен с армяком, понтиком, свиткой (а также с покроем доугреек). Эти одежды в распластанном виде образуют полукруг, иногда почти круг со сходящим как у сарафана расположением швов (табл. XXIII, 1, 4, 7 и рис. 5, Б, В). Близость покрой этих одежд позволяет предполагать одновременное и параллельное их развитие. Распахнутой сарафан: клинник распространился повсюду, включая и северо-запад, где он вытеснил шушун, сукман или где под его влиянием шушун, сукман сильно видоизменился (табл. IX, 2-3).

Распахнутой сарафан распространился под названием «русский» в Поволжье и Приуралье. Основной центр, откуда он распространялся, находился, видимо, в Северо-Восточной Руси. Как видно, сарафан-клинник был в основном типичен для областей преобладания владимиро-суздальской и московской колонизации. Не случайно, что в коллекциях Государственного музея этнографии народов СССР (в Ленинграде) преобладает этот тип сарафана — из разных губерний, но наибольший процент распахнутых сарафанов (с настоящей застежкой) происходит из центрально-промышленного района (Московской, Владимирской, Костромской, Ярославской и др. губерний); наименьший процент — из северных областей (Архангельской, Вологодской губерний) ¹.

3) Третий тип сарафана — прямой, собранный на обшивке, с лямками — генетически не связан ни с первым, ни со вторым типом. Распространился он почти повсеместно, где ранее был клинник (который он и заменил) (карты 41, 42). В народе он часто назывался москвич, москвичик, московский и считался «москowsкой модой». Его носили еще в допетровское время; это подтверждается наличием его у потомков служивых людей (у некоторых групп «однодворцев»), стойко сохранявших костюм старого времени.

Покрой этого сарафана (высокая юбка на лямках) может быть сопоставлен с покроем западнославянской рубашки на лямках ², а также с юбками на лямках, известными на севере Европы (в Швеции, Норвегии, Финляндии, частью — в Эстонии и др.). У. Т. Сирелюс приводит данные о юбках на лямках у финнов, имевшихся у них уже в XVI-XVII вв.; он связывает их происхождение с древней несшитой одеждой финнов, карел, ижор, ливов-хуреп (huustu hurstakset), державшейся на лямке, перекинутой через левое плечо ³. Т. Шиндт, пытаясь реконструировать женский карельский костюм позднего-среднего века, изобразил карелку в одежде в виде высокой юбки с наплетенными кусками ткани, скрепляющими передние и задние полотнища ⁴. Такого же рода сарафан отмечен в Карелии в XIX в. в качестве старинного ⁵. Все это может свидетельствовать о древних традициях подобной одежды на северо-западе.

Русские «круглые» сарафины-«москвичи» имели свои особенности в материале, украшениях, деталях покрой и т. д. (карта 41, III). В первой половине — середине XIX в. они были распространены главным образом в районах с развитыми промыслами, отходничеством. Их носили преимущественно молодые женщины и девушки — в праздники; носили их и дворянские крепостные крестьянки. Во второй половине XIX в. эти сарафаны из ситца (шабойки, пестряди, кумача) становятся общераспространенными в деревнях и женском праздничном костюме южнорусских губерний, вытесняя местами и поневу. Лямочный прямой сарафан, по-видимому оказал влияние и на сарафаны двух рассмотренных выше типов, у которых широкие проймы превратились в узкие лямки.

4. Четвертый тип сарафана отличался от третьего типа только тем, что прямая сборчатая юбка делалась короче и у талии пришивалась к лифу (с выкройными проймами или с плечиками-лячками) (карта 41, IV).

Для середины XIX в. сарафан отмечен на карте 41 лишь в западных уездах Псковской, Орловской губерний. Происхождение его, по-видимому, связано с белорусским андаряком (или сянком), который носили с лифом-шпуровкой (китлаком). Слияние андаряка с китлаком — явление, распространенное у белорусов, частью — у украинцев. Поэтому не случайно, что раньше всего сарафан с лифом появлялся в западных губерниях. «Сарафаном» он стал называться только у русских. Во второй половине XIX — начале XX в. он распространился в центральных губерниях. Был он и на севере — в Вологодской губернии (см. карты 41, 42). В середине XIX в. вопрос о времени появления здесь сарафана с лифом тре-

¹ Таблица Л. В. Урал. сов., С. 27-28.

² Юфен В. А. Урал. сов., С. 116.

³ Sirelius U. T. Suomen kansanomaista kulttuuria, II. Helsinki, 1921, С. 382-386.

⁴ Там же, рис. 488.

⁵ Там же, рис. 485.

бует дальнейшего исследования. В одежде населения этой губернии отмечаются более старые черты общности в одежде с одеждой западнорусских и белорусских губерний¹, и происхождение здесь сарафана с лифом может иметь иные общие корни. Возможно, откуда он широко распространился и в Сибири.

5. Питый — наиболее поздний тип сарафана — на кокетке, часто назывался полуплате (карта 42, V). Шили его из ситца. Распространилась эта одежда под городским влиянием в конце XIX — начале XX в. (карта 5).

Картографирование названий сарафана подтверждает предположения о генезисе его отдельных типов. Карта 43 и карта 50 показывают распространение терминов «шущун», «шущан», «сукман», относящихся как к сарафанам, так и к туникообразным нагрудникам. Распространение названий и типов сарафана, с которыми главным образом связаны эти термины, не всегда совпадает. Названия шущун, шущан, сукман характерны для сарафанов первого типа, но в XIX в. они были шире распространены, чем покрой этого сарафана. Чем дальше к северо-востоку, тем чаще эти названия обозначали распашной кососкладный сарафан. Однако название, по нашему мнению,

Рис. 6. Крестьянка в красивой полосутой пювсю и в нагруднике, с. Вязина, Кересовский уезд, Пензенская губ.
может свидетельствовать о том, что здесь была и более древняя форма. Термин «шущун» хорошо был известен комп. Он означал распашной кососкладный сарафан. Но наиболее старинный его тип, о котором упоминает В. Н. Беллицер, шился с продольными клиньями, и в этом был сходен с древним типом сарафана-шущуна². У коми были разнообразные кососкладные сарафаны, а затем — прямые, под русскими названиями: печатник, китайник, дубас и т. д.³ Это можно связывать с усилением влияния московской культуры, начиная с конца XV в., и вытеснением более старых форм одежды.

«Костыч» в качестве названия женской одежды упо-

минается в духовном завещании 1595 г. («костыч крашеинный»); в XIX в. он был распространен на севере от Кемеровского уезда до Печоры (карта 43). По Далю, слово «костыч» происходит от костыль — нашивки из шнура в виде костыля, которым украшали холщовые или суконные кафтаны, в местах вставки боковых клиньев⁴. По данным XIX в., костыч — старушечий, досельный, т. е. старинный или старообрядческий сарафан, большей частью — одежда бедности и крайне редко (на Пинеге) — праздничный сарафан. Из скудных описаний не всегда можно определить его покрой. Часто указывается, что это был крашеинный сарафан; встречаются определения — невырезной, глухой, — т. е. с широкими проймами, а возможно, и с цельным передним полотнищем. Но встречаются упоминания о кумачовом костыче на лямках и с плуговыми лентами, т. е. в виде распашного кососкладного сарафана. Характерно, что на крайнем западе костыч, косто — у карел Архангельской и Олонецкой губерний — был большей частью глухой (суконный белый или красный) сарафан⁵, а на крайнем северо-востоке, у коми костыч — распашной клинник (Удорский район Коми АССР)⁶.

К термину «костыч» близки термины «костол», «костолан» западных уездов Новгородской, Псковской, Смоленской, Тверской губерний. Названия «костолан» и «посов» применялись и для туникообразной одежды с рукавами, которую в Смоленской и Калужской губерниях носили с поноевой. Близость здесь не только терминологическая, но и морфологическая (рис. 3, А-Г; 6, 7, А). Это приводит нас к выводу, что костыч, костолан — одна из древних одежд, ведущих свое происхождение (так же как и шущун, сукман) от туникообразной одежды, послужившей прототипом глухого сарафана. Следы его сохранились еще на крайнем северо-западе и на западе — в областях более древнего расселения русских, а то время как на северо-востоке, в области более позднего расселения и значительного влияния московской колонизации, старинные типы сильно трансформировались.

Название «сарафан» с прилагательными: «кососкладный», «китайский», «кумачный», или просто: «клинник», «кумачник», «китайка» или с определением: «крутой», «московский» — является основным для центральных областей.

Ряд названий кососкладного распашного сарафана, подтверждающих его генетическую связь с распашной верхней одеждой (ферязь, кунтыш), распространены были в XIX в. к северу от Москвы, а шуба, шубка — к югу, где шубкой назывался кососкладный распашной сарафан (табл. IX, 4), но главным образом прямой, на лямках. Шубка в девичьем, чисто женском костюме южнорусской деревни распространяется главным образом в XIX в. Ее можно рассматривать как заподазленную московскую моду. В документах допетровского времени упоминается наряду с шубкой — распашной одеждой и шубка накладная, т. е. не распашная. От этой одежды, видимо, и происходит шубка — сарафан прямого покроя.

¹ Визно упоминалось о наличии полосатой юбки в Вологодской губернии (см. карту 46); юбка так отмечена в русской рубашке с притесом (полосками или с вышивкой на плечах, не адаптирована для русских).

² Беллицер В. Н. Очерки этнографии народов коми. М., 1958. С. 261-262.

³ Там же, С. 14.

⁴ Сомовский Д. Я. Завещание Марии Буруновой. Древний материал. // Новонайденные документы полностью потонувших учреждений Московского царства, т. III. М., 1909. С. 237.

⁵ Даль В. Толковый словарь живого восточнославянского языка, т. II, С. 176. Помятено, в какой-то степени сарафан обозначался тем же термином.

⁶ Hmari Mantsien. Die Kleidung. Kasanistebriefen arklio. Helsinki, 1957. С. 116 и табл. VIII.

⁷ Беллицер В. Н. Указ. соч., С. 258.

Карта названий сарафана показывает, хотя и не полно (так как картографированы лишь основные названия), разнообразие местного творчества, отражающее сложную историю сарафана. Богатство терминологии было в значительной мере обусловлено и различиями в покрое, в его деталях, в материале, в окраске и т. д.

По названиям сарафана выделяются определенные области или группы населения. Для севера, кроме упо-

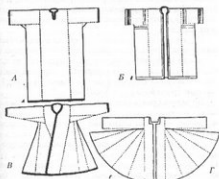

Рис. 7. Шушаны шерстяные белые

А — шушка девичья из белого сукна, Скопинский уезд, Рязанская губ.; Б, В — шушаны шерстяные белые, Рязанская губ.; Г — шушан шерстяной, белый, Задонский уезд, Воронежская губ.

мянутых выше, характерны были названия матуринок, мареник, происшедшие от окраски суконных сарафанов в красный цвет (мареной, матурой). Матуринки, мареники Олонечкой губернии в ряде случаев представляли собой глухие сарафаны (те же шушаны, сукманы), но были среди них и распашные (табл. IX, 2, 3). Для севера же характерны названия набивник, штофник. Для сарафанов на промысловом севере часто употребляли шелковые ткани; в других же, особенно южных областях, это являлось редкостью, доступной только наиболее богатым. Для северо-востока, кроме шушан, шушан, характерны названия дубас, дубилинск (от дубить — красить) и сандальник (от сандала — краски).

Выделяются два района распространения термина «саи» для косоклинного сарафана: а) на юго-востоке Тверской и прилегающей к ней северной части Московской губернии и б) в Курской губернии. По-видимому, это объясняется белорусско-литовскими связями отдельных групп населения в Тверском крае, особенно в период его заселения, заустения в XVI-XVII вв., когда совершались большие переселения из западных областей. В Курской губернии было большое количество служилого населения, среди которого могли быть также выходцы из западных или центральных областей. Термины в ряде случаев оказываются более устойчивыми, чем покрое, как сами указывалось относительно термина «костыч». То же

можно сказать о других названиях: феришь (в Тверской губернии) и дубас (в Пермской губернии), характерные для косоклинных сарафанов, впоследствии были перенесены на прямой сарафан с лямками. Выше упоминалось, что название шубка применялось к старинному косоклинному шерстяному сарафану (матуриная шуба, шубка), а затем — к прямому. Изучение и тщательный анализ терминологии одежды помогают понимать ее генезис. Появление термина, как правило, приурочивается к появлению одежды. Так, например, появление белорусского термина «шадрак» в южных областях связано с появлением там определенного типа одежды (полосатой юбки). Трансформация покрова одежды при сохранении одного и того же названия прослеживается и в верхней одежде. Бывает, что новый термин, связанный с новой одеждой, в какой-то мере сходной с предшествовавшей, переносится на эту более древнюю одежду, как, например, термин «сарафан», ставший нарицательным, перенесен был, по нашему мнению, и на более старый — «шушан», «сукман», «костыч».

Выявление специфики терминологии в области материальной культуры у определенных групп населения или общности ее с терминологией других групп ценный этнографический материал.

Понева. Комплекс с поновой наиболее древний. Упоминание понева в письменных памятниках периода до нашествия монголов, общность исходных форм этой одежды у всех славянских народов и народов Прибалтики дают основание считать ее очень древней. Характерно, что термин «понева» («поява», «пояска») употреблялся в древнерусских памятниках¹ в значении полотнища, ткани, а у южных и западных славян встречался в значении покрывала, одеяла.

У русских — это несложная, часто не полностью сшитая набедренная одежда. Исключением были редкие случаи, когда поневой называли нагрудник (Суражский уезд Витебской губернии — «пашева»)², девичий глухой хлопчатый сарафан (Бельский уезд Смоленской губернии)³ или верхнюю одежду — крытую шубу (в Романовском уезде Ярославской губернии)⁴ и суконный женский кафтан (в Холмогорском уезде Архангельской губернии)⁵. Аналогична поневсе набедренная одежда украинцев платки; название ее известно в значении платка у русских и кусок ткани, употребленного как плащ, у западных славян (поляков, лужичан). То же можно сказать о гуше — древнем славянском термине, обозначающем кусок ткани, носившейся украинками как набедренная одежда, а также и как плащ (в западных областях Украины); у русских термин «гуша» обозначал рубаху, сарафан и верхнюю одежду с рукавами. Все эти термины восходят, по-видимому, к тому времени, когда полотнища ткани могли служить набедренной одеждой, плащом, покрывалом и т. п.

Древность понева доказываются и обряды. Изучение обрядов и верований, связанных с одеждой и головными уборами, дает возможность установить некоторые хронологические вехи. В XIX в. понева — одежда замужней женщины; ношение понав девушками отмечалось в этот период как редкое исключение (например, д. Вязем-

¹ ИОРЗ. т. XVII, СПб., 1913, С. 58, т. I, вып. I, стр. 496; Успенский, А., 1925, С. 122.

² Золотой Д. И. Описание рукописного учебного альбома Императорского Русского географического общества, вып. I, № 1, 1911, С. 131.

³ Колосовский Смоленского областного музея, изучение Н. И. Лебедевой в 1926 г.

⁴ Виноградский М. Сборник материалов для изучения костюма русского (Ярославской губернии) народа. СПб., 1902, с. «понева».

⁵ Гринделовский А. И. Описание Кураторства Холмогорского уезда, 1897, С. 60-128; АГО, 144.

ка, б. Керенский уезд Пензенской губернии и другие). Однако в древнее время понева, по-видимому, была одеждой и девушек (как плахта у украинок), достигших совершеннолетия, замужние женщины носили ее пока не состарятся. На это указывают обряды надевания поневы на девушку до замужества и нередкое отсутствие поневы у старух. Обряды, связанные с первым надеванием поневы, как доказали исследователи¹, бесспорно явились обрядами совершеннолетия девушки, т. е. какою-то отголосками древнего возрастного деления общества. Характерно, что наибольшее количество обрядов и верования связано с поневой, поясом, некоторыми головными уборами, т. е. наиболее древними частями комплекса; немало их связано и с рубашкой². Одежда, возникшая позднее, не связывалась с дохристианскими верованиями и обычаями, отмечавшими переходы из одной возрастной группы в другую (например, сарафан, душегрейка, многие поздние головные уборы и т. п.). Отметим, что женские уборы, подражавшие рогам животных, птице (сорока), т. е. кичкообразные отражали древние народные представления и входили главным образом в комплекс с поневой (карта 52).

То, что каждое село или группа сел и деревень даже в XIX в. имели свои отличия в поневе (размеры клетки ткани, украшения и т. п.), а молодая, выйдя замуж за жителя соседней деревни, вынуждена была менять свой костюм на одежду, которую носили в семье мужа, является каким-то отголоском старых родовых традиций.

Высказанные соображения позволяют считать поневу одной из древнейших одежд, в своей основе восходящей, по-видимому, еще к древнему племенному быту.

В настоящее время наличие поневы у древнерусского населения доказано находками фрагментов клетчатых поневных тканей в славянских курганах X-XIII вв. на территории современных Московской, Владимирской и Смоленской областей³.

Понева, как уже отмечено было Б. А. Куфтиным⁴, некогда не играла существенной роли в одежде господствовавших классов. В XIX в. — это только крестьянская одежда, в южнорусских губерниях сохранение ее было обусловлено многими причинами. В частности и известной изолированностью этих областей в феодальный период, и длительным сохранением здесь при капитализме феодально-крепостнических пережитков.

В XIX в. поневы носили в южнорусских губерниях, частично в среднерусской полосе, в Смоленщине и кое-где на юго-востоке — в Поволжье, куда она была занесена русскими переселенцами (карта 44).

Область распространения поневы заметно сокращалась. Если в середине XIX в. понева была еще известна в южных уездах Московской губернии и северных уездах Калужской и Рязанской губерний, то в конце XIX в. она там исчезает и заменяется сарафаном. В XVIII в. понева была распространена еще шире к северу, в частности ее носили в Меленковском, Судогодском, Муромском уездах Владимирской губернии⁵. Сокращение территории распространения этой одежды говорит, что понева была в этот период уже отмирающим видом одежды, хотя мес-

тами она сохранялась вплоть до Великой Октябрьской революции.

Комплекс с поневой не был, как видно, «ведущим» и в период формирования и расцвета Русского централизованного государства. Расселившиеся по огромной территории русские несли с собой, как говорилось выше, главным образом сарафан.

Надо полагать, что комплекс с поневой был «ведущим» гораздо раньше, в период формирования древнерусской народности, поскольку аналогичные одежды были известны в древности предкам всех трех восточнославянских народов.

То, что понева (и поневный комплекс в целом) была воспринята ассимилированными финскими группами (в частности междой), помогает установить одну из дат, когда эта одежда являлась основной — в период наиболее интенсивных славяно-финских взаимоотношений в бассейне средней Оки — в X-XIII вв.

По покрою различали два типа поневы: собственно поневу и поневу-плахту (карта 44). Первый — собственно понева — из трех шерстяных полотнищ домотканой материи, собранных на шнуре гашнике; распашная понева — без прошивы, ее три полотнища не смыкались друг с другом, образуя щель (карта 44, 1, А; рис. 6; табл. IV, 1). Разновидностью этого типа являлась бельская понева, состоявшая из двух задних и одного переднего (не считая с задними) полотнищ (карта 44, 1, Б). Глухая понева — с прошивой — вставленным четвертым полотнищем из более легкой фабричной материи, реже — домашней холщовой или шерстяной ткани (карта 44, 1, В; табл. IV, 2).

Второй тип — понева-плахта (называемая еще снованка, колышка), сходная по крою с украинской плахтой, шилась из двух длинных полотнищ и в переплутку виде укреплялась на талии поясом (табл. IV, 3; табл. I, 5, 6).

Поневы, кроме покрою, различались по расцветке, технике изготовления ткани и орнамента (табл. V, VI). На картах 44 и 45 выделяются три района:

1) Основной — окский — с типичной клетчатой сине-красной собственно поневой, распространенной среди населения южнорусских губерний. Он как бы подразделяется на восточный и западный подрайоны; в первом — преобладала глухая понева с прошивой, вышивка применялась редко; во втором — была распашная, нередко вышитая понева.

2) Междойский район — север Рязанской, части Тамбовской губерний — выделяется не столько покроем, сколько своеобразием техники тканья, расцветки, рисунков узоров (карта 45). Здесь были своеобразные поневы из толстой, тяжелой ткани со сложной орнаментацией, или же синие гладкие и красные полосатые тяжелые поневы (табл. VI).

3) Днепровский район — бассейн верхнего Днепра, Десны, Сейма; Смоленская губерния — Духовицкий, Поречский, Бельский уезды; Орловская губерния — Севский, Трубчевский, Карачевский, Брянский уезды; Курская губерния — Рыльский, Суджанский уезды — ха-

¹ Золотая Л. К. Обрядовое крашество совершеннолетия девушек у русских. ЖС, 1911, вып. 2, С. 238-239.

² Из древней одежды больше обрядное значение имела ночная рубашка, по-видимому, благодаря своему материалу (вкрапления сновались главным образом с мехом — овином).

³ Лавинский Николай М. И. Ткачество. Очерки по истории русской одежды. — СПб., 1909, С. 12-18.

⁴ Куфтин Б. А. Указ. соч. С. 47.

⁵ Топографическое описание Владимирской губ., составленное в 1784 г. Владимир, 1906, С. 10.

растеризуется распространением поны-платхы.

Понева, отмеченная в Бельском уезде Смоленской губернии, древняя реликтовая форма набеденной одежки близка, с одной стороны, к собственно поныне (из трех вертикальных полотнищ) и другой — к суконным передникам, колпакам белорусов Гомельщины, а в какой-то степени к запясам украинцев.

Преобладающий цвет поны — синий. Но были красные и черные поны, окрашиваемые местными раскрасками красками, мареной и ольхой, вероятно, являющиеся наиболее древними (табл. V). Синий же цвет связан с утроблением краски индиго, которая была известна в Индии уже около I в. н. э. Оживленная торговля с Индией через арабов, шедшая по Оке к верховьям Днепра и Западной Двины, связана с образованием феодального Болгарского княжества в VII в. Распространение синей поны в этой области в значительной степени совпадает с районом находок курфических, арабских монет¹. Характерно то, что она бытовала по берегам Оки, а в сторону от нее (села Мелихово, Курша Касимовского уезда) сохранялась красная понева. Область синей клетчатой поны, тканой на двух подножках (которую по покрою мы называем собственно поновой), охватывает территорию от берегов Десны на западе до берегов Цны на востоке, от р. Угры на севере до р. Сейма на юге и является основной территорией распространения вятических курганов с семиплоскими подвесками. На севере граница распространения этого типа поны не доходит до р. Клязьмы, границы между древними кривичскими и вятичскими поселениями. Следует, однако, сказать, что северная граница не точна, так как в южных уездах Московской губернии, хотя и бытовала понева, но исчезла ранее, чем ее успели изучить. В Воронежской, частью Курской, Тамбовской, Пензенской губерниях этот тип поны распространяется позднее в ходе их колонизации в VI-VII вв. Территория распространения синей клетчатой поны не подтверждает, а скорее опровергает положение Б. А. Куфтина, что вятичи, являвшиеся, повидимому, носителями синей клетчатой поны, пришли в Рязанскую губернию с юга — по Дону.

Бытование красной поны отмечается в бассейне Дона (Рождественно-Монастырщина б. Елифановского уезда Тульской губернии, Роговатое Нижнеднепровского уезда, в Задонском уезде Воронежской губернии и других). Краевые поны-колышки имелись в глухих местах Смоленской губернии и по правую сторону Десны в Трубчевском и Севском уездах Орловской губернии.

Черная клетчатая понева (тканая тоже на двух подножках) бытовала в Данковском уезде Рязанской губернии. Такую же поневу (с закладными узорами латками) носили в с. Банионичи Жидринского уезда Калужской губернии и в др. (табл. V).

Черная однотонная понева отмечена в с. Чуиково Сапожковского уезда и в с. Палушево Спасского уезда Рязанской губернии (табл. V, 3), где ее делали гофрированной, а также и в с. Роговатое Нижнеднепровского уезда Воронежской губернии, где она бытовала наряду с чер-

ной клетчатой поновой (табл. V).

Отдельные отати бытования красных и черных поны говорят об очень древних группах, вошедших в состав кожных великорусов, не утративших до конца XIX в. некоторых специфических черт в одежде.

Понева днепровского района по технике тканья и расцветке были близки к понам окского района, но, уже отмечалось выше, значительно отличались по покрою.

Граница между днепровским и окским районами, проходившая приблизительно по Десне, как мы полагаем, возможно, являлась древней границей между вятичами (носителями собственно поны) и северянами (носителями поны-платхы).

Мещерский район отличался большим разнообразием поны, различных по технике тканья, расцветке и орнаменту ткани. Красная полосатая понева с посконной основой и шерстяным толстым утком отмечена в северо-восточной части Рязанской губернии — Касимовском уезде (с. Мелихово, Нивязино), в Тамбовской губернии — Темниковском уезде, в Пензенской губернии — Керенском уезде (села Кириллово, Ушника, Вязека) и еще далее на юго-востоке — в Аткарском уезде Саратовской губернии, где жили выходцы из рязанской мещеры (табл. VI, 1; рис. 6). Это узкополосная, очень древняя разновидность поны, аналогичной которой находим у украинцев в полосатых запасах с конопляной основой и утком из сученой шерстяной нитки.

Близкие виды одежды известны у болгар. Все это говорит об очень древних общеславянских связях.

Синяя клетчатая понева (синяя) распространена была на побережье Оки в Касимовском уезде Рязанской губернии (табл. VI, 2). Известна такая же понева из Калужской губернии². Нельзя не отметить, что у латышей Курземы встречаются синие юбки, выполненные этой же техникой тканья.

Тяжелые браные поны с одной основой и двумя утками характерны были для б. Куршинской и Палищенской волостей Касимовского уезда (табл. VI, 4). Основой их послужили красные с синими или черными полосами поны мелеховского типа (табл. VI, 1). В отличие от мелеховских, по фону куршинских поны проступал узор из суровых ниток, состоявший из диагональной сетки с мездрическим орнаментом, с ромбиками — челноками.

Браная тяжелая шашенная понева с двумя основами и утками, выполненная на четырех подножках, с характерным свастическим узором (табл. VI, 3; табл. III, 2), была в б. Паракшинской волости Касимовского уезда, где она бытовала одновременно с шашенной поновой, тканой на двух подножках (табл. V, 4). Последняя все более и более ее вытесняла. Однако нельзя считать, что шашенница заменила браную поневу³. Они, вероятно, бытовали вместе — одна как парадная, другая как каждодневная, исчезновение первой привело к широкому применению второй.

Использование столь высокой, сложной техники тканья в одном из отдаленных глухих углов Рязанской губернии отмечалось Б. А. Куфтиным⁴. По нашему мне-

¹ Яков В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М. 1956, с. 102, карта распространения динамов в 830-900 г. н. э.

² Рязанский экземпляр подобной синей клетчатой поны из Калужской губернии хранится в ГИИ (Фонд Музея СССР). Эта понева дана описанием Б. А. Куфтиным в статье «О древних свастических вышивках по шелку с Прибалтийской черной веточкой, по латвийскому свастическому вышиванию с запада еще в то время, когда у нас были погребены с друшожниками. Куфтин сообщает положение этой поны с древней волости колонизации вятичей в Мещерский край (см. «Материалы культуры русской мещеры», стр. 90, 93).

³ Куфтин В. А. Указ. соч., с. 55-56.

⁴ Там же, с. 57-58.

нию, нельзя не учесть тот факт, что Парахинская волость была пограничной с Владимирской губернией, где, по данным XVIII в., еще широко бытовала полевая, и, по видимому, сходная с касимовскими тяжелыми красными и синими полевками, с белой прошивой. «Живущие по Владимирскому и Судогодскому округам, — как говорится в «Топографическом описании», — за рекой Клязьмой к Мурому женщины большею частью одеваются в поники, кои весьма сходны с юбками, только половина их должна быть или синяя, или красная, а другая белая»¹. Возникает вопрос, не была ли тяжелая синяя и красная полевая одежда населения и Владимиро-Суздальской Руси в ранний период ее формирования?

Если для XIX в. браные полевки мы можем рассматривать как локальный вид полевки, характерный для Рязанского Полесья, то для раннего периода истории населения Волго-Окского междуречья территория бытования тканей (и полев) подобного рода была шире, как показала работа польского ученого Адама Нахлика.

Адам Нахлик², опираясь на исследования так называемых ажурных тканей из славянских курганов XI–XIII вв., выдвинул гипотезу, которая проливает в известной степени свет на «загадочное» происхождение парахинских полев. Разделив мнение М. Н. Левинсон-Леничевой³ о том, что «ажур» тканей, исследованных ею, получается от разложения в земле нитки из растительного волокна, он выделяет две группы ажурных тканей: 1) клетчатые ткани при одной основе и одном утке; 2) тяжелые узорные ткани с двумя основами и двумя утками. Левинсон-Леничева дает реконструкцию одной из узорных тканей (с. Доброселье Калужской области) со свастическим орнаментом, близкой к тканям парахинских полев. К сожалению, ни М. Н. Левинсон-Леничева, ни А. Нахлик, исследовавшие ткани Государственного музея, не указывают, с каким погребальным комплексом вещей связана эта ткань. Река Угра являлась границей вятических и киевских погребений. А. Нахлик отмечает «ажурные» ткани в погребениях Московской, Владимирской, Тамбовской, Пензенской, Костромской, Новгородской губерний, а также в Любимском могильнике (Витебская губерния), но не указывает, к какому из двух выделенных им типов относятся найденные в них ткани. Уточнение этого поможет решить вопрос о происхождении парахинских полев. А. Нахлик, отмечая общность восточнославянских тканей (с двумя основами и утками) с белостоцкими (польскими) и шведскими коврами (выполненными той же техникой), попытался объяснить ее появление колонизацией населения в XIV–XVII вв., но сам же признал свои доводы неубедительными. Это сходство приходится объяснять более древней славянской общностью, а возможно, древними культурными связями с другими народами Скандинавии, Прибалтики.

Следует отметить, что свастические и меандрические узоры являются еще славянским орнаментом в Рязанском крае. Меандрический орнамент был известен на территории Рязанской губернии со времени эпохи бронзы.

Свастический орнамент в большом количестве встречался здесь у русских и у касимовских татар. Широко был известен он карелам, коми, мордье и марийцам, а также некоторым русским группам в бассейне верхней Волги (Тверской край), на севере, в частности — в бассейне Онеги, Северной Двины (Заволочье), а также у некоторых южнорусских групп, живущих по соседству с украинцами Черниговщины и Полесья⁴. Нельзя не заметить, что орнамент этот, очень древний в Восточной Европе, у русских наиболее интенсивно был распространен главным образом в районах наибольшего смешения славян с «чуждыми» народами.

Женская рубашка. В состав всякого комплекса языковой одежды (с полевой, с сарафаном и т. д.) входила рубашка.

Материал. До середины XIX в. основным материалом для рубах служил конопляный и льняной холст. Шерсть — древнейший придаточный материал — употребляли местами только для вышивки рубахи.

Рубахи из льняной ткани преобладали на северо-западе, севере, на западе и в значительной степени в центральных нетерриториальных губерниях. Конопляная ткань для одежды преобладала в Калужской, Рязанской и центрально-территориальных губерниях: Тульской, Орловской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской, а также на юге, в бассейне Дона, Кубани и нижней Волги. Такое распределение одежды из льна и конопли на территории расселения русских имело, может быть, связь с генетикой этих растений: конопля в древности была известна в Поволжье, на Украине, в Юго-Западной Сибири и Средней Азии, а лен широко был известен на Кавказе, в Причерноморье (в диком виде)⁵. Археологические находки последних лет подтверждают древность расчленения льна на севере Восточной Европы: мы имеем в виду находки льна в памятниках неолитической культуры II тыс. до н. э., обнаруженные в Вологодской области⁶. По достаточному обоснованному мнению Б. А. Куфтина у восточных славян льняные одежды широко распространялись раньше, чем на Западе — в Скандинавии, Германии⁷. Лен рано распространился в Поднепровьи, на территории Новгородской и Псковской земель.

С другой стороны, многие исследователи не без основания считают, что применение конопли в Восточной Европе древнее, чем льна⁸. Однако это может быть сказано в отношении отдельных русских районов, а иногда даже только селений, где конопля была основным придаточным материалом вплоть до самого последнего времени. Это касается главным образом тех селений, где состав русского населения вошли другие, в частности «чуждые» компоненты.

Характерно, например, что жители таких сел, как Городище Пронского уезда и Мелихово Касимовского уезда (Рязанской губернии), никогда не сеяли льна.

Конопля преобладала в юго-восточной части восточноевропейской территории, а лен — на северо-западе. Такое распределение конопляной и льняной одежды по-

¹ Топографическое описание Владимирской губернии. С. 10.

² Adam Nahlik. W sprawie pochodzenia tak zwanych dwunowy dwunowy dwunowy. // Polska sztuka ludowa. 1961, 3, С. 194–195.

³ Левинсон-Леничева М. Н. Указ. соч., С. 25.

⁴ Юрфен В. А. Указ. соч., С. 63.

⁵ Лебедев Н. В. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. // Восточнославянская этнография. С. 463–466.

⁶ Бурков А. Я. Сетчатая керамика. // СА, т. XIV, 1959, С. 254–258.

⁷ Юрфен В. А. Указ. соч., С. 26.

⁸ Славская Д. В. Перспективы план работ по изучению текстиля культуры. // Временник, 1928, № 5, С. 264.

воляет представить те древние пути, по которым импортирование культуры восточных тканей и, в частности, русских: с одной стороны, древние, уходящие в глубь веков связи с населением Поволжья и Средней Азии, с другой — связи с Причерноморьем.

Со второй половины XIX в. все шире используются фабричные ткани в одежде и, в частности, для рубашки. Особенно ярко это проследывается в тех местах, где развивалось отходничество, где близко были расположены текстильные фабрики (Московская, Владимирская, север Рязанской, Смоленской и другие губернии), там, где крестьянский бюджет основывался не только на сельском хозяйстве, но и на заработке от того или иного промысла. В тканях домашнего приготовления, кроме льна и конопли, все чаще использовались хлопчатобумажные, покупные нитки.

Покрой. Обычная рубашка шилась большей частью из четырех продольных полотнищ холста. Сшитую из целых полотнищ рубашку (цельную, одностенную — как говорили в Калужской и Орловской губерниях, проходную — как говорили в Вологодской губернии) хранили главным образом как обрядовую: для свадеб, похорон, для праздников, преимущественно в южных губерниях; на севере она сравнительно редка.

Рубашка чаще состояла из двух частей разного материала: верх — из тонкого холста или покупной материи, низ — из грубого холста. Названия частей рубашки различны: на севере верхняя часть называлась рукава, воротника, груди и плече, низ — стан, подстава; на юге — станом, станушкой называлась верхняя часть (кроме того на юго-западе: манишка, чехол, чехлик), а нижняя часть — поставок, подстава.

В зависимости от покрой выделяется несколько типов русских женских рубах (карта 47). Основной нужно считать рубашку с плечевыми вставками-поликками (1 тип). Она была общерусско-славянской и общеславянской, поскольку известна не только всем восточным, но и западным, а частью южным славянам. Возникновение ее относят к глубокой древности; одним из доказательств этого является изображение подобной одежды на фигурах памятника I тыс. н. э. в Адамклизе (Румыния).

Покрой расширил верхнюю часть рубахи и ворот и при этом собирался в мелкие сборки. По форме поливок выделяются рубахи: с прямыми и косыми поликами, а по способу пришивки поливок — рубахи с поликом, пришитым по утку, или по основе центрального полотнища, из которого шилась рубашка. В связи с этим выделяются на карте три подтипа I типа рубахи (которые в свою очередь подразделяются на разновидности):

1-й подтип, А. Рубаша с прямыми поликами, пришитыми по утку (карта 47, I, А; табл. X, 1, 2, 4);

2-й подтип, Б, с косыми поликами (карта 47, I, Б; табл. XI, 1-5);

3-й подтип, В, с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани (карта 47, I, В, а, б).

Подтип А. Рубаша с прямыми поликами, пришитыми по утку, была распространена у русского населения по всей территории бытования комплекса с сарафаном, но, кроме того, она входила в комплекс с юбкой-андаракком, в частности, так носили ее однодворцы (вариант, близкий белорусскому, с отложным воротником). Лишь в не-

многих местах в южных областях (как, например, «Богословские» Михайловского уезда, у бывших конно-заводских крестьян Скопинского уезда Рязанской, коегде в Воронежской губернии) ее носили с поневой, и она являлась здесь единственно известной рубашкой; в других же местах южных губерний она заменяла предшествовавший ей тип рубахи с косыми поликами.

Вторую разновидность рубахи с прямыми поликами представляла поздняя рубаха с рукавами, идущими от ворота, т. е. выкроенными вместе с поликами (со слитными поликами, пришитыми также по утку) (карта 47, I, Б). Часто такую рубашку шили из покупного материала (особенно верхнюю ее часть — рукава) и носили с прямым лямочным сарафаном. Распространение ее ограничивается областью преобладания сарафана; она не была известна на территории, где преобладала понева, за исключением некоторых уездов Калужской, Рязанской губерний (см. карту 47). Третья разновидность этой рубахи с рукавами, кроенными по-топорному или в замок (см. карту 47, I, В), выделена на карте особо. Самый способ кройки являлся аналогичным рубке бревен «в замок», который применялся, когда хотели соединить два бревна вместе; он был широко распространен среди крестьян-плотников в Новгородской и других губерниях. Покрой рубахи в замок или по-топорному отмечен в Старорусском уезде Новгородской губернии — в бассейне реки Ловати, и поэтому можно было бы назвать «новгородским». Здесь он, по свидетельству населения, является наиболее древним¹. Кройка по-топорному рубашек отмечена кое-где и южнее — в Псковской, на севере Смоленской губернии, а кройка нагрудников таким же способом применялась в Калужской и на севере Рязанской губернии. Основной район бытования этой рубахи — северо-западные области, откуда они мог проникнуть в Мещерский край и в Калужское Полесье.

Однако вопрос о территории распространения и хронологии рубахи, кроенной по-топорному, требует еще дополнительных исследований.

Подтип Б. Рубаша с косыми поликами в виде трапециевидных вставок. Область ее распространения четко выделяется на карте (см. карту 47) и совпадает в значительной мере с областью бытования поневы и рогатой юбки. В нее входили основные южнорусские губернии: западная ее граница — р. Десна, восточная — область населения, называемого «русской мещерой» (север Рязанской губернии). Наличие ее у мещер, переселившихся на территорию Пензенской губернии в XVI в., говорит о ее бытовании уже в это время. Однако она возникла, по-видимому, значительно раньше: связь ее с древним комплексом с поневой, соответствие области ее распространения области бытования собственно поневы дает основание называть ее «старорязанской» или, может быть, «мещерской». Распространение ее в Тамбовской, Пензенской и Воронежской губерниях было связано главным образом с передвижением населения в XVI-XVII вв.

Подтип В. Рубаша с прямыми поликами, пришитыми по основе, (также в двух разновидностях: и со слитными слитными поликами; карта 47, I, В, а, б), встречалась главным образом в западных и юго-западных губерниях. Связь ее с «жюжнорусской» или «украинской» рубашкой справедливо отмечалась Б. А. Куфтиным (хотя по ряду

¹ Лобидова Н. Н. Этнографические материалы по Новгородскому, Псковскому, Великолукскому округам 1928-1929 гг. Собр. Тос. Лиг. арх. № 4512, см. 4920).

деталей эта рубаша у русских имела отличия от украинской). Носили такую рубашу в Калужской, Орловской, Курской, частью в Смоленской губерниях. Область ее распространения в значительной мере совпадает с распространением поневы-плахты. Известна она и в восточной части русской территории. Если в одних местах она — старое явление, единственно известная форма, то в ряде других мест (особенно на востоке южнорусской территории) она — вторичное явление, упрощение рубашки с козым поклоном.

Таким образом, эти три подтипа рубашки, возможно, своими корнями восходящие к трем древним группам населения (ильменской, или новгородской, окской, или вятичской, и днепровской), получили дальнейшее развитие и распространение в период развития феодальных отношений и образования феодальных княжеств.

Рубаша с прямыми полками (принятыми по утку) становится общерусской, войдя в комплекс русской общенациональной одежды с сарафаном, а частью и с поновою.

II тип — туникообразная рубаша (карта 47, II). В XIX — начале XX в. она прослеживается лишь кое-где в качестве старшей или даже обрядовой одежды (причем часто, как указывалось выше, она надевалась с глухим сарафаном).

Б. А. Куфтин, признавая туникообразный покрой характерным для женских рубах волжских финнов, для чуваш, а также для русских мужских рубах, считал, что у русских этот покрой в женских рубахах не встречался, но бытовал и «горячий» (кюмшайт) одежде — нагруднике. Исследования последних лет выявили наличие туникообразной рубашки кое-где у белорусов, у русских Латвии, у русских в отдельных местах Архангельской, Пермской, Вятской, Калужской, Орловской и других губерний. Такие рубахи бытовали в качестве старшей и погребальных рубах, особенно у старообрядцев; известно также, что у некоторых групп западных украинцев туникообразная рубаша являлась основной (Черновицкая область). Известна она была и у донских казаков.

Б. А. Куфтин указывал на сходство этого покроя с антипной туникой, почему и назвал его туникообразным. С. П. Толстов считает, что распространение южнорусских и финских туникообразных одежд связано с древней волжской магистралью¹. Однако близость к древнему миру по линии Трансвааля предполагает возможность освоения этой одежды славянами и этим путем. Более поздние связи Киева с Византией упорядили этот покрой в княжеской и церковной одежде. Он сохранился еще в XVII в. в царской и православищенской одежде.

Туникообразная женская рубаша в XIX в. встречалась, как мы видим на карте, более на периферии основной области расселения восточных славян. Обрядовое значение ее говорит о большой древности и сохранении ее в XIX в. только как реликта. Вместе с тем, по-видимому, этот тип женской рубашки не был «ведущим» типом в период формирования великорусов, но и гораздо ранее — в период формирования древнерусской народности, когда, по-видимому, «ведущим» типом была поволокая рубаша.

На карте выделяются районы более интенсивного распространения туникообразной рубашки: на северо-востоке, где русские жили в непосредственной близости с маори, удмуртами, затем на западе — в Псковщине, где по соседству с русскими жили эстонцы, у которых такой тип рубашки являлся основным.

Соприкосновение русских с народами, носившими туникообразную рубашу, содействовало, по-видимому, возрождению старой, почти исчезнувшей традиции.

III. Рубаша с «воружушкой» — круглой вставкой около ворота (карта 47, III) — узко-локальный тип, созданный, по-видимому, не без участия соседнего неславянского населения Тверского края («месь егоньская», карелы). Отмечена она и на северо-востоке — в Вологодской губернии, где местами также было смешанное русско-карельское население.

IV. Рубаша на конете (карта 47, IV) представляла собой новое явление XIX в. Покрой ее был заимствован из города. Однако эта рубаша была еще связана с традиционным комплексом — с сарафаном, носили ее и с юбкой.

Льмошная рубаша позднейшего времени, получившая в XX в. почти повсеместное распространение в качестве нижней белья при одежде городского типа («с юбкой и кофтой или платьем»), на карте не отмечена.

Нагрудная женская одежда. Нагрудная женская одежда, прикрывая верхнюю часть корпуса — грудь и спину, обычно доходила до пояса или же спускалась ниже, иногда — почти до колен. Типы этой одежды: 1) нагрудник туникообразного покрои; 2) нарукавники — короткая распашная кофта; 3) душегубка на лямках; 4) безрукавник (табл. XII).

Нагрудник был распространен главным образом в восточной части южнорусских губерний — Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Тульской, Пензенской, второй район его бытования — на западе (Калужская, Смоленская, частью Псковская и Витебская губернии), т. е. в области преобладания поны или там, где понона, видимо, бытовала раньше (карта 48).

Глухой туникообразный нагрудник — древняя славянская одежда² — имела общий покрой с мужскими рубахами и аналогичными одеждою мордвы, маори, чувашей и удмуртов. Распашные нагрудники у русских — более поздние. Еще в конце XIX — начале XX в. можно было наблюдать превращение этой одежды из глухой в распашную (Смоленский уезд Рязанской губернии)³. Но этот переход мог совершаться и в более раннее время, например в XIV-XV вв., в связи с интенсивным распространением распашной верхней одежды на Руси.

Туникообразные нагрудники имели множество локальных разновидностей: нагрудники были с рукавами и без них, короткие и длинные, прямые и с клиньями и т. д. Разнообразны были материалы, расцветка и украшения нагрудников, а также их названия.

Нами объединены в одну группу и белые рубахообразные шушуны и насонки, и короткие нагрудники-коротки (из шерстяной красной или темно-синей шерстяной ткани с неширокими проймами) из княжих уездов Рязанской губернии, и безрукавная распашная, богато орна-

¹ Толстов С. П. К проблеме аккультурации. // Этнограф, 1936, № 1-2, С. 75.

² Для обозначения этого типа мы взяли одно из народных названий этой одежды.

³ Нидерл. Л. Купюра в быт древних славян. Прага, 1924, С. 161-163.

⁴ Наблюдение Н. И. Лебедевой в исследовании в Рязанской губернии в 1923-1924 гг.

ментированная юбочка, и желтик Михайловского уезда Рязанской губернии (табл. XII, 5).

Картографирование нагрудников по характеру материала (карта 51) показало, что шерстяные сосредоточены в Рязанской, Тульской, Тамбовской, Воронежской губерниях, холщовые — льняные и коноплиные — западные — в Калужской, Смоленской, Псковской губерниях и частью на северо-востоке (Касимовский уезд Рязанской губернии). Существование компактного района бытования шерстяных нагрудников указывает на большую древность здесь этого вида одежды и уводит к тому времени, когда шерстяной придаточный материал (в восточной части южнорусских губерний) преобладал над растительными придаточными веществами.

Наиболее распространены были белые шерстяные нагрудники, но встречались районы бытования красных и черных нагрудников (по Дону — в Рязанской, Тульской, Воронежской губерниях и у доисских казаков) под названием «шуман», «сукман», а иногда кодым (их носили передко и как плащ). Наличие черной одежды в этих местах дало некоторым исследователям основание предполагать¹, что предками части населения среднеазиатской полосы были древние «меланхлены» — черноплащники, о которых есть упоминания у Геродота. Во всяком случае эта одежда, как и красные поносы, отмеченные у населения бассейна Дона, дает основание думать о каких-то очень древних группах, вошедших в состав южных великорусов.

Желтые шерстяные нагрудники, крашенные растительной краской, были в Михайловском и Пронском уездах Рязанской губернии. Крашенные одежды в желтый цвет было известно и у мордвы еще в XVIII в.

Кроме восточного района, желтые нагрудники были на западе — в Псковщине. Здесь нужно вспомнить о том, что желтая расцветка для одежды применялась соседними с русскими эстонцами и считалась у них траурной². Возможно, таким образом, что желтые нагрудники отражали в какой-то мере взаимосвязи русских с соседними финноволжскими народами.

Из карты названий нагрудников (№ 50) видно, что на востоке, где преобладали шерстяные нагрудники, более распространены термины «шумун», «шумпан», «шуща», «сукман», а для запада более характерны названия «касталан», «насон», обозначающие холщовую одежду. Наличие термина «посовчик» в Мещерском крае, наряду с другими деталями одежды, техники ее тканья и т. д., ставит вопрос о необходимости дальнейшего исследования связей населения западных областей с населением Мещерской низменности.

Если для комплекса с поношей был характерен нагрудник (исключением являлась юго-западная часть южнорусских областей — Орловская, Курская губерния, где не носили нагрудников), то для комплекса с сарафаном характерной нагрудной одеждой были наруканники и душегрейка. Наруканники — прямая, короткая распахнутая кофта из домотканного или покупной ткани, которую носили поверх рубашки и сарафана (рис. 8, Б; 9, А). Рукава, соединенные только узкими перемычками (рис. 8, Б), мы

рассматриваем как дальнейшее изменение «наруканников» в XIX.

Наруканники были характерны для севера (карта 48, II). Сходящая с ними короткая кофта прямого покроя известна в крестьянском костюме финнов³, а также шведов⁴. Таким образом, эта деталь одежды наряду с другими (см. ниже — тип плетеной обуви и др.) говорит в какой-то мере о культурных взаимосвязях разных групп населения северо-запада.

Другие типы нагрудной одежды явно позднего происхождения и связаны или с формированием национального костюма великорусской народности (душегрейка), или с дальнейшим его развитием в XVIII-XIX вв. (лифкорсетка).

Душегрейка (коротень, бастрог, перо, полунубок) по своему покрою является как бы укороченным косовидным или прямым сарафаном и всегда шилась на лямках (рис. 8, А). Распространена была эта одежда в области преобладания сарафана, с которым ее носили; в южнорусских губерниях она встречалась в уездах, реже в губернских городах — у мещан, купцов, а также среди крестьян четвертого права, т. е. преимущественно у тех, кто носил сарафан. Эта часть одежды, очевидно, развивалась параллельно с сарафаном. Шили ее чаще всего из парчи, бархата, и с сарафаном она составляла парочку. Богатые душегрейки XVIII-XIX вв., хранившиеся в музеях, большей частью кулевские. Но их носили и в аристократической среде в допетровскую эпоху. В XIX в. у крестьян более всего она бытовала на севере — у поморо-
ров, в больших промысловых селах, где парочные сарафаны, душегрейки-шуган и коноплики — части женского костюма XVI-XVII вв. — сохранялись дольше, чем в других местах России. Вообще же душегрейка в крестьянском костюме в XIX в. была сравнительно редка и имела главным образом у богатых (в ремесленных, торговых или пригородных селах), где еще сохранялся традиционный костюм. Были домотканые душегрейки в южнорусских губерниях, но крайне редко.

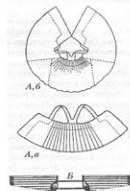

Рис. 8. Женская нагрудная одежда.

А — «коротеньша» — девицы; Б — общий вид; Г — раскрой; Г — Пушечное, Архангельская губ.; Г — наруканники из сита, Архангельская губ.

Шнуровка — в виде короткого, обтягивающего лифа на застежке — входила в женскую одежду с юбки-андароком (и рубашкой с прямыми полками). Она

¹ «Руссия». Полное географическое описание нашего отечества. / Изд. ред. В. Н. Сомовина. СПб., 1902, т. II, С. 117.

² Mantiene J. Указ. соч., С. 56.

³ Sirolia U. T. Указ. соч., С. 292, рис. 4, табл. XX.

⁴ Anna-Maj A. Nyk'n. Swedish Peasant costumes. // Nordiska Musei. Stockholm, 1919, С. 57, Oshfeldt Ella. Över de danska bondes kultur under 1800-talets första hälften. Lund, 1933, р. 167.

отмечены на западной границе Смоленской губернии (карта 48, V) и как по покрою, так и по названию близка к белорусским шнуровкам, которые, как упоминалось выше, в свою очередь имели аналоги в литовском, латышском и польском женском костюме, а также с корсажем в костюме народов Западной Европы, распространившимся там с XV

Рис. 9. Женская одежда и головные уборы, Архангельская губ., начало XX в.

А — крестьянка в сарафане, паруканниках, платке, Архангельский уезд; Б — женщина в «самуре» (китче), Онежский уезд, Архангельская губ.

в.¹ Юбка с лифом-корсажем сохранилась тем местом в крестьянском костюме вплоть до XVIII-XIX вв. Появление шнуровки в Смоленщине происходило, видимо, одновременно с распространением полосатой юбки, как было у белорусов.

Корсетка у русских отличалась от шнуровки главным образом тем, что к лифу от талии пришивались сборчатая (или с клиньями) вельветная юбка. Она распространялась в деревне в XIX в., преимущественно в центральных и южных областях, и не была связана с определенным традиционным костюмом: ее носили и с сарафаном, и с поновой, и с юбкой (см. карту 48, IV). Такого же рода корсетка широко распространялась также на Украине, начиная с 30-х годов XIX в.,² где ее носили с платкой или шпандицей. Корсетку в русской деревне шили с отрезной спинкой, со сборками от талии, из пикса или букашной черной, красной и желтой ткани (иногда подбивая ватой или льняными очесами); она была обязательно двубортной, в общем близкой к украинской. Но встречались формы более старые, предшествовавшие корсетке указанного типа. Это безрукавки из белого (в Бринском уезде Орловской губернии), и синего сукна (у одноворцов Санжковского уезда Рязанской губернии), сшитые с цельной спинкой и клиньями по бокам. Эта разновидность близка к белорусским домопальным гаретам. Для Восточной Европы подобная одежда — довольно старый тип. Мы имеем в виду русскую городскую одежду XVIII в., в которой встречались подобные безрукавки, а также татарские женские каззолы, сшитые в талию, но не отрезные, однобортные, с застежкой-кантермой посередине, распространившиеся у многих народов Европы и Азии (башкир, киргизов и других).

Передник. Наиболее четко выделяются две группы передников, восходящие к разным прототипам: к плечевой туникообразной одежде и к поностной или набедренной одежде. Были и другие, как бы промежуточные типы (карта 49, I-V; табл. XIII). Туникообразный передник с рукавами был очень близок к нагруднику, отличался от него главным образом большей длиной переднего полотнища или наличием разреза сзади. В Жидаринском уезде Калужской губернии передник-шпандица шился на переплутого на плечах полотнища и лишь слегка суживался по бокам (табл. XIII, 1). Он не только по покрою, но и по названию близок к нагруднику. Туникообразный передник часто заменял нагрудник, и, по-видимому, не случайно, что в тех местах, где его носили, не отмечено бытования нагрудника³ (см. карту 48, 49). Основной район распространения туникообразного передника с названием «запавеска» или «запон» — центральные конюшенные губернии. Он входил обычно в женский комплекс с поновой. Единичные случаи бытования туникообразного передника с рукавами были на севере и северо-востоке. Наличие его в Белозерском, Кирилловском и Устюженском уездах Новгородской губернии можно рассматривать как пережиток ранее более широко бытовавшей одежды. Подобного типа холщовый украшенный вышивкой передник был у южар в югу⁴.

В северо-восточной области туникообразный передник с рукавами сохранился исключительно как рабочая одежда из грубого холста, и носили ее не только женщины, но и мужчины, надевая нередко поверх кафтана или шубы⁵.

Передник (без рукавов) с узким прибоком или широким на кокетке мы рассматриваем как трансформацию или более позднюю замену старинного туникообразного передника. Большею частью они имели те же названия (запавеска, запон) и были распространены в тех же областях. Если с поновой носили передник-запавеску (в его различных вариантах), то для сарафана были характерны: передник, укреплявшийся завязками выше груди, или запон с нагрудкой — с завязками на талии и дополнительной тесьмой, укреплявшейся на шее. Передник с грудкой или нагрудкой был характерен для севернорусской полосы, особенно для Поволжья, а также для Урала (и Сибири). Нисели он и у многих народов Урала и Поволжья — удмуртов, татар и других.

Передник с немецким названием фартук, повязанный по талии — носили чаще с юбкой или сарафаном (позднее покровы), а не с поновой. В русской деревне он распространялся почти повсеместно, но только в конце XIX — начале XX в., под влиянием городской моды.

Отметим, что на северо-западе такой фартук часто сохранял древнее название передник, передница, в отличие от общераспространенного «фартук». Возможно, здесь эта одежда древнего происхождения. У белорусов Минской губернии нарядные холщовые или шерстяные фартуки — очень старая одежда. Передницей, попередницей у украинцев называлась запаска. Украинские и белорусские передники генетически восходят к запаскам. В связи с этим возникает вопрос: не являются ли термины «передник», «передница» на северо-западе остатком древней набедренной одежды типа запаски или носшитой понывы

¹ Кривин Б. А. Указ. соч., с. 116.

² Волков Ф. К. Украинский народ в его прошлом и настоящем. // Этнографическое общество украинского народа. т. II. К., 1916, с. 362.

³ Лобасов Н. И. Народный быт в верховьях Дона и верховьях Осы. М., 1927, с. 60.

⁴ Платонова Н. Ф. Одежда южар и южар. // Записки о народах. Л., 1930, с. 321-325.

⁵ Маслова Г. С., Селиванов Т. В. Материальная культура русского сельского и низового населения Приуралья. // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. // Труды ИД АН СССР, новая серия, т. LVII, № 1, 1960, с. 117, 119.

бельского типа?

Фартук (укрепленный на поясе) с названием «запаска» отмечен в бассейне Десны, где его носили с пошевой-платочной.

Женские головные уборы. Традиционные головные уборы в XIX в. сохранились в деревне и лишь частично в городе. Как известно, головные уборы замужних женщин отличались от головных уборов девушек. Характерной чертой девичьего убора была открытая макушка, в то время как основным признаком всех женских головных уборов было закрывание волос полностью, так как по старым обычаям показывать их было нельзя.

Форма головных уборов связана с прической. Девушки заплетали волосы в косу. Плетение волос в две косы и складывание их так, чтобы образовались рога, — широко распространенная прическа замужних женщин у русских крестьян. Однако известна и другая — свертывание волос в пучок спереди. Прическа без предварительного заплетения волос является в некоторых местах более старой, чем плетение двух кос (Орловская, Тверская, Архангельская губернии и др.). Это дает возможность говорить об общности некоторых групп русского населения с белорусами и украинцами, у которых в прошлом не было обычной заплетать волосы замужней женщины. Волосы сдерживались кибалкой и чепцом, сверху покрывавшимся наметкой. Древность прически (без заплетения волос), скрепленной металлическим венчиком, доказана археологами, обнаружившими ее в кривичском сургане XIII в. под Москвой¹. Приходится признать, что плетение кос, хотя и очень старый обычай, по сему, по-видимому, предшествовало свертыванию волос без предварительного заплетения у замужних женщин и ношение распущенных волос у девушек (расплетение косы у невесты в свадебном обряде, по-видимому, пережиток этой традиции).

В косу вплетались разнообразные косички — из полусы ткани, шнурка, лент, сшитые в виде треугольника, сердечка или другой формы, разукрашенные золотым шнуром, сделанные в виде кисточки из шнурка или багря.

Девичий убор охватывал голову в виде обруча или перевязки. На карте 55 отмечены следующие типы уборов:

- 1) полотноце — полотноце холста (шнурка, наметки) с затканными концами (карта 55, I; табл. XIV, 4);
- 2) обруч из древесной коры (или картона) в виде замкнутого круга, обшитого тканью, украшенного бисером, вложенным цветами, крапеными перьями, пучком ковыля, на спине — жемчужном: налобный, венок, перевязка (карта 55, II; табл. XIV, 5);
- 3) сшитая из материи перевязка (повязка, лента, полчок, золотуха и др.) в виде полосы ткани, большей частью — парчи, попомята, золотой вышивки и проч. с завязками на концах (карта 55, III);
- 4) венец (коруна, чёлка, рефедь, рефеля, раска, голландка и др.) городчатый, с прорезью, украшенный бусинами с разноцветными стеклышками, с подкладкой фольги и пр. Богатые украшали венцы жемчугом и драгоценными камнями (карта 55, IV, табл. XIV, 1, 2);

5) венок из искусственных цветов (карта 55, V);

6) платок (пластик, подпластик, жосинка, фатка и др.) большей частью из фабричной ткани, свернутый, повязанный вокруг головы и завязанный концами сзади (карта 55, VI);

7) колпак вязаный (карта 55, VII).

Полотноце (наметка) у девушек бывало лишь в западных губерниях, где отмечен и женский полотночатый головной убор.

Обруч (как и полотноце) — общеславянский тип девичьего убора — сохранился в XIX в. также преимущественно на западе (ближе к белорусам), в южнорусских областях и кое-где на севере (девичья жемчужница перевязка в бассейне р. Онеги). О большой древности обруча, как основы девичьего (а также и женского) убора, свидетельствуют археологические материалы: головные металлические, пластинчатые венчики были известны в XI-XII вв.²

Парчовая лента и платок, повязанный по-девичьи, могут рассматриваться как поздние варианты древнего полотночатого убора. Они являлись общерусскими, и можно считать, что были известны повсюду (хотя не всегда имеются сведения о наличии их в отдельных районах). Локальными типами девичьих уборов были венки из цветов и колпаки. Ношение венков из живых цветов, отмечавшееся кое-где на юге, — древняя общеславянская традиция, вошедшая в культуру некоторых русских групп и получившая особенно широкое развитие у украинцев, частично у белорусов. Девичий вязаный колпак отмечен лишь на северо-востоке — в Вологодской губернии (где его носили только просватанные девушки)³, в Вятской губернии⁴, а также в Нижнем Поволжье. Вероятно, он заимствован из татарского костюма (непосредственно от татар или же через посредство других народов — удмуртов и пр.). Характерно, что девичий вязаный колпак, занесенный, видимо, с северо-востока Европы русскими, а частью, может быть, и нерусскими переселенцами в Сибирь, был убором девушки-сибирячки в XIX в. на Енисее, в Привалтае.

Девичий головной убор нередко входил в женский как составная часть. В тех местах, где девичьим головным убором было полотноце (Смоленская, западная часть Орловской губернии), оно являлось основной частью головного убора женщин; там, где налобной повязкой девушки была вышитая полоса холста, парча ручной работы или покупная лента, они нередко входили и в состав головных уборов замужних женщин (карта 52, III). Девичий венец с расами, одетый с попойником, закрывавшим волосы, составлял женский головной убор на севере (олонецкий убор эземуч). В тех местах, где девичий головной убор дополняли пушками, селазенными кудрями, эти детали являлись обязательной частью и женского головного убора.

Головные уборы и их украшения отражали социальную принадлежность женщины или девушки, степень экономической самостоятельности ее семьи.

Кроме того, головные уборы изменялись в зависимости от возраста и семейного положения женщины: в первые годы замужества «молодухи» носили рогатые клочки, ко-

¹ Рыбачев М. Г. Курганы в Поволжье. // Сборник научных студенческих работ Мокшанского государственного университета, вып. XI. История, 34, 1938, С. 90.

² Рыбачев Н. А. Древние предметы. // СА, с. XVIII, 1953, С. 41-82.

³ Троицкая Н. В. Родные пережитки, связанные с раздольем по полу и возрасту. // Этнография, 1906, № 2, С. 30.

⁴ Мяслова Г. С., Стояновский Т. В. Указ. соч., С. 133.

которые иногда после рождения первого ребенка меняли затем на лопатообразную кичку или на полойник. Старушки часто совсем не носили рогатых головных уборов, не смотря на их распространенность. Некоторые виды нарядных кокошников также носили только очень молодые женщины в первые годы замужества, до появления первого ребенка, причем надевали их в большие праздники.

Надвение головного убора и изменение прически после венчания сопровождалось обрядами. Требуется обязательного закрывания волос замужней женщиной и боязни «засветить волосом», связанные с древними поверьями, характерны для всех восточнославянских народов и некоторых из их соседей. «Рог», как считают, являлись подражанием рогам животного, а «сорока» — птице. Мотив подражания животным в одежде, головных уборах по своему происхождению очень древний, так как известен многим народам на ранних ступенях их развития¹.

Связь женских головных уборов с возрастными группами, обряды, сопровождавшие надевание их и т.п., а также связь с древними дохристианскими поверьями² заставляют относить происхождение некоторых видов женских головных уборов, бытовавших еще в середине XIX в., а в ряде мест до начала XX в., к глубокой древности.

Полотенце — ширинка, наметка — встречалось в некоторых местах как основной головной убор (Смоленская, Орловская и другие губернии); в качестве старушечьего — в Тверском крае, но чаще — как дополнение к кичке-сороке, кокошнику. Как дополнительная часть убора полотенце было известно всем группам русских, но в XIX в., особенно со второй половины, его заменил платок из фабричной ткани. До начала XX в. полотенце сохранялось в некоторых местах лишь в свадебном обряде или в качестве старушечьего убора (карта 52, П).

О древности полотнятого головного убора свидетельствуют упоминания термина «убрус» (полотенце) в ранних русских письменных памятниках (летописях и др.), изображение его на миниатюрах в XI в., известия средневековых арабских писателей³.

Полотенчатые головные уборы известны с древности многим народам. Специфика полотнятых уборов (характер ткани, украшения, способ ношения, а также названия) позволяет проследить общность и различия подобных уборов у разных народов. Прежде всего полотнятые уборы являлись общеславянскими, поскольку они были известны всем группам восточнославянских народов, а также славянам западным и южным. Однако варианты их, возможно, были обусловлены различными древними культурными связями. Так, полотенце в качестве основного головного убора в Смоленской губернии и западной части Орловской губернии (с. Ружное, с. Львово и селения вокруг них Брянского уезда) при наличии других элементов одежды, свойственных белорусам и украинцам, позволяет говорить о древней общности населения этой территории, позднее, по-видимому, вошедшего в состав белорусов, украинцев и русских. Особен-

ности орнамента полотнячатых головных уборов у русских в Чучкове, Папушине и других селениях восточной части Рязанской губернии и Тамбовской губернии, возможно, объясняются их связями с финноязычными и тюркоязычными народами Поволжья.

Кичкообразные головные уборы (кичка, сорока) обычно делались составными. Основные их части были: а) нижняя часть с твердой основой, придававшей форму всему убору (кичка, рога, волоски, копыто, сдержка); б) верхняя украшенная часть из ткани (сорока, верховка, привязка, обвязка и др.); в) позатыльный из ткани, по-видимому сзади, под сороку. Кичка-сорока дополнялась множеством других частей — налобником, с боков — бисерными подвесками, железными кудрями, павлиньими перышками, иногда так называемыми наушниками — украшениями из ткани, с опушенными по бокам, шнурками, прикрепленными к убору сзади, кистями из шелка, укрепленными на рогах (табл. XV) и т. п.

Кички были очень разнообразны по форме: а) рогатые; б) копытообразные (рис. 9, Б); в) лопатообразные (карта 52, П, А); г) котелькообразные, в том числе в виде обруча, овала, полуовала и т. п.

Кичка в соединении с сорокой — характерный убор для русского крестьянского населения. Но отмечаются случаи, когда кичка соединялась не с сорокой, а с кокошником — также мягкой верхней частью, сшитой из ткани. Нередко такой «кокошник» по существу представлял ту же сороку, но со слинными с задней частью крыльями. Встречались также кокошники кое-где в южных областях (по-видимому, как явление более позднее по сравнению с сорокой). Однако в ряде мест средней полосы России кичкообразный убор с мягким кокошником был очень старым явлением, предшествовавшим собственно кокошнику — цельному головному убору. Таков, например, кокошник с кичкой и позатыльником из бисера из б. Весьегонского уезда Тверской губернии. Отмечено ношение при кокошнике позатыльника, а иногда и кички в б. Псковской, Рязанской и других губерниях⁴.

Включение в комплекс кичкообразного убора вместо сороки, полойника или сборника (см. ниже), сшитого из ситца или другой фабричной ткани, отмечается в деревне главным образом во второй половине XIX — начале XX в. Сравнительно поздним явлением следует считать и так называемую махренку, получившую название от украшающей ее бахромы из ниток, в несколько измененном виде повторяющую покрыв сороки, которую она, по-видимому, заменила.

Если полотнячатый убор можно назвать общеславянским, то кичкообразные уборы с сорокой — общерусскими.

Из карты 52 видно, что более слабо были распространены кичкообразные головные уборы на северо-востоке и юго-востоке (в областях, где русское население формировалось позднее, чем в центральных областях, и в особые исторические условия). Слабо выражены кичкообразные уборы и на северо-западе, где, по-видимому, очень рано развились тип кокошника, генетическая связь кото-

¹ Золотенко Д. К. Женские головные уборы восточных (русских) славян. // *Slavia*, IV, вып. 2, Прага, 1926, С. 313-317, 320-322, 336.

² Подражание осязанию веревкой, связанной с головным убором, не входит в задачи настоящей работы. Об этом говорится в указанном выше соч. Д. К. Золотенко. Ряд продолжений с происхождением некоторых обрядов и обрядов, связанных с женскими головными username, высказаны в статье Н. И. Галева-Торн «Мифическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы» (СЗ, 1933, № 5-6, С. 76-88).

³ Подрабан см. «Восточнославянская сборник», С. 669-681.

⁴ «Восточнославянская сборник», С. 681, рис. 72.

рого с сорокой прослеживается отчетливо.

Упоминание о кичке (чело кичное) впервые встречается в русских письменных памятниках XIV в., но включение ее у отдельных восточнославянских групп, вероятно, относится и к более раннему времени. «Рога» — один из распространенных видов кички. Рогатые кички были в XIX в. (карта 52) главным образом у населения Окского бассейна, в южных областях, где преобладала повнева (Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская и другие губернии). Наиболее северной точкой, где по нашим сведениям, бывали рогатые головные уборы (с высоко поднятыми рогами), являлась Теблещенская волость Бежецкого уезда Тверской губернии.

В южнорусских губерниях все виды других кичек (компообразные, лопатообразные) население иногда называло также «рогатыми»; часто они были вариантами одного и того же головного убора.

Нередко компообразные и лопатообразные кички являлись заменой рогатой (например, села Бояновичи, Пеневичи б. Жиддринского уезда Калужской губернии). Однако в ряде мест южнорусских губерний они были единственно известными (например, сорока под названием «рипка» с компообразной кичкой в Бучинской волости Жиддринского уезда Калужской губернии, лопатообразная кичка — в селах Новом и Квань Козельского уезда Калужской губернии, в с. Свенто Брянского уезда Орловской губернии). На севере же компообразные кички были основным типом.

Наиболее значительная область распространения компообразной кички — комыга, сдерихи — Олонечская, Архангельская, частично Вологодская губернии, где рогатость в уборах выражена очень слабо (рис. 9, Б).

Рогатость — древняя черта, в известной степени была присуща и уборам белорусов и украинцев, но у них она была слабо выражена благодаря тому, что они ограничивались подкладыванием пучков лына под полотенец, шпестку.

Вместе с тем кичкообразные уборы (с сорокой и лопатообразной кичкой) отмечались в прошлом у большинства финно-угорских народов: мордвы, маори, коми, казели и других. Поэтому развитие и распространение кичкообразных головных уборов у русских приходится отнести не к древней общеславянской общности, а к более позднему периоду — ко времени расселения восточных славян по территории северной части Восточной Европы их тесным взаимодействием с «нудскими» народами, у которых имелись некоторые аналогичные виды уборов. Выработка общих черт в одежде, головных уборах славян и финно-угров могла происходить одновременно, хотя не исключает влияния одного народа на другой. Для дятловки появления рогатых головных уборов может служить время распространения двурогой кички у ассимилированного славянами «нудского» населения в бассейне среднего течения Оки (была ли то шемера или другие мордовские племена). Интенсивный процесс ассимиляции протекал здесь, по археологическим данным, главным образом в X-XIII вв.¹

Уменьше все разнообразие вариантов кичкообразных головных уборов невозможно, это явилось результатом активного творчества. Но вместе с тем прослеживается близкая стойкость некоторых основных элементов. В

рогатых головных уборах резко выделялись: кичка холщовая стеганая со стойкими рогами и кичка из дерева. И тот и другой вид кичек был очень устойчив на определенной территории. В рядом расположенных селах встречались кички, в одном — холщовые, в другом — деревянные. Принимая во внимание большую древность кичек, можно полагать, что эти варианты являлись каким-то отголоском головных уборов родоплеменных групп, существовавших в отдаленном прошлом. До самого начала XX в. само население подчеркивало это разнообразие головных уборов, относил определенные типы к отдельным селам. Например с. Бояновичи и с. Пеневичи б. Жиддринского уезда находятся рядом, но жители их носили различные кички. И на молодую, вятую из соседнего села, надевали кичку, которую носили в селе мужа. Нередко в селенных предлагали брать извест только из своего села, объясняя: «одна снаряда».

Особо можно выделить кичкообразные головные уборы с дубяным обручем в качестве твердой основы, иногда дополненным сеткой. Они известны были в Смоленской, в западной части Калужской, Тверской губерниях. Составные части убора — обруч и сетка — общие с кибалкой и щепцом украинцев и белорусов.

Форма сороки обычно связана с формой кички, но наряду с этим некоторые сороки скрывали рогатость кички (Зарайский уезд Рязанской губернии, Веневский уезд Тульской губернии и др.). Древнейшей и наиболее простой сорокой являлась холщовая квадратная шпиринка, по которой повязывалась полоса холщовой же ткани (с. Мелехово Касимовского уезда), или такая же шпиринка с боковыми заплатами (с. Сескирино Скопинского уезда Рязанской губернии). Были сороки, шитые в форме рогов, но если их распороть, получалась также шпиринка (пригородные слободы г. Саложка Рязанской губернии).

Позатыльник — бисерный или из ткани (часто из парчи) — необходимая принадлежность каждого кичкообразного головного убора, который закрывал волосы женщины сзади (карта 52, II, А, в; табл. I, 1).

Позатыльники южных областей имели длинные бисерные подвиги; на севере и в центральных областях позатыльники шли без подвигей, но иногда украшали короткой отделкой из бисера.

Если кички были крестьянским головным убором, а в городах встречались даже в середине XIX в. крайне редко, то кокошники носили в городах мещанин, купчихи; в деревнях же они служили праздничным головным убором (Вологодская, Владимирская, Новгородская, Архангельская, Олонечская и другие губернии), а местами — только свадебным. В будни носили сороку или повойник, сборник, а иногда и платок. Нередко обладательницами кокошника были только одна-две женщины в деревне, а другие брали его на время свадьбы (Тверская, Владимирская губернии). Шили кокошники специальные мастера: цы в городах, в крупных селах, в монастырях, их продавали на ярмарках; сороку же умела шить каждая крестьянка.

Кокошник — как цельный твердый богато украшенный головной убор — первоначально, по-видимому, был более связан с феодальной верхушкой, может быть, с городом, но развился он на основе местных народных кичкообразных уборов. Многие виды кокошника имели свои

¹ Монастырь А. Я. Рязанская земля. М., 1901, с. 130.

кличкообразные прототипы.

В коллекциях музеев встречаются редкие экземпляры «однорогого» кокошника, состоящие из нижней кички, мытного верхнего чехла-кокошника и позатыльника; известны также «седлообразные» головные уборы из нескольких составных частей и т. д. Другие же типы кокошников обнаруживают близость к сорке с кичкой и несомненно связаны с ней генетически: в них можно различить части, слившиеся в одно целое¹.

Картографирование типов и разновидностей кокошников позволяет выделить четыре основных района их распространения.

а) Северо-западный, где были наиболее интенсивно распространены кокошники разных вариантов, но одного типа, связанного по происхождению с соркой (карта 54, I). Сюда относятся новгородская кичка и тверская головка; кокошник Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской губернии; тверская риска или кокошник, а также своеобразный каргопольский кокошник. Здесь же распространился кокошник типа твердого повойника с рисами — подвязку из жемчуга и кокошник типа сборника — моршени. Мы полагаем, что эти два типа уборов, игравшие роль кокошников (делались твердыми, шились из дорогой ткани, украшались жемчугом и т. д.), — более поздние по сравнению с новгородской кичкой. Область распространения этих кокошников в основном совпадает с древней Новгородской землей и областями с сильным преобладанием новгородского влияния. В Псковской губернии основной вид — кокошник с шишками, примыкает к другому типу — однорогим головным уборам, но во многих местах Псковской, а также Тверской губернии проникли новгородские головные уборы: головки и др. (карта 54).

б) Центральный район (б. Владимирская, Костромская, Нижегородская, Ярославская, Московская губернии) и примыкающими с востока и юго-востока губерниями (Среднее Поволжье, Приуралье, Вятская и частью Вологодская губернии), где бытовал другой тип кокошника, входивший в группу однорогих уборов (см. карту 54, II). Это — область древней Владимиро-Суздальской Руси и преобладания владимиро-суздальской, а позднее московской колонизации. Хотя в самой Москве и ее ближайших окрестностях этот кокошник в XIX в. не сохранился, но несомненно, что он здесь был, так как его бытование отмечено вокруг Москвы и в некоторых более южных городах, его носили купчихи и мещанки.

Вариант подобного головного убора (как уже упоминалось выше) бытовал на Западе — в Псковщине.

в) Юго-западный район с центром в Курской губернии, где носили своеобразный двухгребенчатый или седлообразный кокошник (карта 54, IV). Он встречался также в западной части Орловской губернии и в Богородском уезде Харьковской губернии (где были переселенцы из Курской губернии). Местное происхождение этого убора не подлежит сомнению (древнее название шлемок, наличие местного составного убора этого типа, сходство с украинским седлообразным ойчиком и пр.). Район бытования этих кокошников в основном совпадает с районом бытования сарафана, мало распространенного на юге, и

с областью расселения крестьян «четвертного права» — потомков военнослуживых людей низшего разряда, составляющих значительную часть населения некоторых уездов Курской губернии².

г) Южный район (особенно Рязанская, Тамбовская, Воронежская губернии) и частично более западные (Курская, Калужская) губернии характеризуются наличием кокошника, названного нами «однодворческим» (карта 54, I, Д), так как встречался он главным образом у населения, связанного с московской военно-служилой колонизацией XVI-XVII вв. Этот тип кокошника по существу очень близок к новгородской и тверской головке. Последняя имела некоторые отличия: уши — лопасти, спускавшиеся по бокам головы, и жемчужную подвязь. Близость северных и южных уборов не случайна, так как из юг этот кокошник был принесен выходцами из других — более северных областей. Таким образом, на юге оба основных типа кокошников большей частью были связаны с определенными сословными группами населения, среди которых значительно был распространен и сарафан.

Район бытования различных разновидностей кокошников (кроме однодворческого) в значительной мере совпадает с древним феодальным делением. Псков, Новгород, Тверь, Владимир и Суздаль, Кострома и Галич, Белозерск в разное время были феодальными центрами. Население этих центров имело свои кокошники; кроме того, в некоторых крупных торговых городах севера в районах вокруг них — Каргополе, Сольвычегодске — также имелись свои варианты кокошников (карта 54, II, Г).

Распространение седлообразного кокошника в значительной степени совпадает с древней территорией Новгород-Северского княжества (Курск, Трубчевск, Путилов, Рыльск и др.).

Кокошник, несмотря на его несплошное бытование, можно считать также общерусским головным убором. Его широкое распространение связано во времени с распространением сарафана, в то время как кичка (особенно рогатая) связана главным образом с более древним комплексом — с понойей.

Древние типы как женских, так и девичьих головных уборов имели своеобразные украшения. Картографирование их выявило характерные историко-культурные области.

Кличкообразные уборы и кокошники довольно значительно отличались друг от друга по украшениям. Для первых — особенно рогатых — были характерны украшения из разноцветного бисера (табл. I, 2; карта 52, II) и дополнительные височные и ушные украшения из птичьих перьев. Для кокошников — особенно на севере — более характерны были украшения из жемчуга или его имитации (карта 54, I, II, В; V). Различались по украшениям северные и южные девичьи уборы (табл. XIV; карта 55, II).

Бисерные украшения на девичьих и женских головных уборах (особенно бисерные позатыльники) в середине — второй половине XIX в. были широко распространены у южных великорусов, частично — у средних великорусов (карта 56). Западной границей распростра-

¹ О происхождении каргопольского кокошника по вышесказанной схеме, сорки и позатыльника см.: Маслова Г. С. Старинная одежда и головные произведения Каргопольского уезда, вып. VI, 1945, С. 5-6.

² Бодина Н. И. Этнографическая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей. // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. / Труды ИЭ АН СССР. Новая серия, т. LVII, 94, 1960, С. 225.

ения такого рода украшений являлась р. Десна. Бисерные украшения, древние у русских, находят в славянских курганных погребениях. Территория наибольшего распространения бисера совпадает с территорией распространения находок куфических монет (Оса, верхняя Волга, Западной Двины и Днепра).

Ибн-Фадлан (первая половина X в.), описывая «рус», упоминает, что жены их любят ожерелья из бус и то особенно ценится у них бусы зеленого цвета¹. Следует отметить, что особая любовь к зеленому цвету наблюдалась и в XIX в. в северо-восточных уездах Рязанской губернии — женские позатыльные украшения бисером темно-зеленого цвета или же разноцветным бисером, в котором зеленая расцветка играла существенную роль. Возможно, что эта традиция — весьма древняя, поскольку на этой территории длительно сохранились архаизмы костюма крестьян.

Исследования археологов привели к выводу, что наряду с привозными бусами были на Руси бусы и местного производства². По мнению Ф. Д. Гуревича, имеются и следы местного изготовления бисера (находки в раскопках нижних культурных слоев Старой Ладоги VIII-X в.). Она предполагает, что болгары были искусны в изготовлении бус, возможно и бисера³. Бисер, по этнографическим данным XIX в., наиболее широко, кроме южных великорусов, применялся у поволжских финнов и таттар, а также у южных болгар, предки которых были, полагает, связаны с народами Поволжья. Все это позволяет отнести возникновение этой общности к булгарскому времени — VII-XI вв.

Русские крестьянки (как и украинки) использовали для украшения крашенные утиные, гусиные и петушиные перья; носили, кроме того, некрашенные селенные кудри или косицы (подтыкала их на висках под сороку), павильны перышки и шарик из белого гусиного пуха — пушки, надевшие на ушную раковину при помощи ремешка или привешенные к серьгам. Материал пушков — из домашних гусей; а в более отдаленные времена — из диких гусей, а иногда и зачатых шкурки (как в Костромской, Ярославской губерниях) — продукт охоты. Это дает возможность предполагать их большую древность. В середине — второй половине XIX в. пушки были еще широко распространены в южнорусских (см. карту 53), частью — в среднерусских губерниях и изредка отмечались на севере (в Вологодской, Костромской губерниях).

В южнорусских губерниях пушки из гусиного пуха изготовляли так: пух подбирал, закладывая его между ребрами гребня, туги перебивали, получались плотные, овальные шарик, местами пушин из гусиного пуха закрывали шариком из цветного гаруса. Так же селенные перья XIX в. нередко имитировали, заменяя их стержнем из черной шерсти. На севере пушки делали из хвоста утки или другой водолавающей птицы, вызвав из него жидкую железу с пухом⁴. Северные пушки были намного меньше по объему и менее плотными, чем южнорусские. Кроме севера, такие пушки носили еще в Средней Поволжье (куда они могли распространиться из Вер-

хнего Поволжья) и затем в Сибири — в Приангарье, Забайкалье⁵. Вопрос о распространении этих двух разновидности пушков требует дополнительных исследований (на карте они не выделены). Важно отметить, что пушки были известны всем группам мордвы и горным марий и являлись одним из тех общих элементов культуры, которые как бы связывают эти народы с русскими, главным образом южными, в одну группу.

Что касается павильных перьев, также употреблявшихся в качестве височных украшений, но менее широко распространенных, то, по-видимому, они более позднего происхождения, чем селенные кудри или пушки. Павильны перья служили праздничным украшением и мужского грешневика — цилиндрической нарядной шляпы, широко распространенной в XVIII в. и первой половине XIX в. у крестьян и в городе; возможно, что одновременно они вошли и в состав женских украшений.

Чем далее на север, тем меньше применение бисера в головных уборах (и в нагрудных украшениях), исчезают украшения из перьев (карты 53, 56). Север, особенно северо-запад, выделяется на карте своими украшениями из жемчуга (настоящего или поддельного) в виде вязаных подвязок-налобников для праздничных и свадебных девичьих и женских головных уборов (откуда многие из них получили названия: ряссы, ряска, рефель, рефля); кроме того, сами кокошники украшались жемчужным шитьем⁶.

Первые сведения об применении жемчужного шитья относятся к X в.⁷. Известны образцы одежды, шитой жемчугом в XII-XIII вв. В это время так, по всей вероятности, украшали одежду привилегированного класса. В XVI-XVII вв., судя по документам того времени, жемчуг широко применялся для украшения головных уборов и одежды боярской, княжеской, церковной; упоминается жемчужное шитье и в описях крестьянского имущества и в описаниях одежды посадских и служилых людей.

В XVIII-XIX вв. жемчуг являлся украшением девичьих и женских головных уборов в купеческой, мещанской и крестьянской среде. Однако головные уборы с настоящим жемчугом были доступны лишь наиболее богатым в городе и деревне; их берегли и передавали по наследству из поколения в поколение. Некоторые купеческие кокошники в середине — второй половине XIX в. стоили по несколько тысяч рублей. Наряду с этим были и бусовые кокошники (украшенные бусинами — поддельным жемчугом). В крестьянских семьях среднего достатка ряссы — подвязки к кокошникам — делали из мелкого перламутра, белого или прозрачного бисера, а иногда — стеклыра (в конце XIX — начале XX в.).

Как видно из карты 56, в середине XIX в. головные уборы с жемчужными украшениями бытовали в Новгородской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Псковской, Тверской, Костромской, Владимирской и других губерниях; у южных великорусов они встречались в уездах и губернских городах (у мещан, купцов), у крестьян «четвертого права» и у казаков. Больше всего использовался жемчуг богатыми крестьянами северо-за-

¹ Путешествие Ибн-Фадлана по Волге. Перевод и комментарии под ред. Н. Ю. Крыжовского. М.-Л., 1939, с. 79.

² Оскар М. В. К вопросу об изготовлении древнерусских изделий. // Труды ГИМ, вып. III, М., 1939, с. 165.

³ Гуревич Ф. Д. Древнейшие бусы Старой Ладоги. // Сб. в. XIV, М.-Л., 1950, с. 184-186.

⁴ Потанин Гр. Навильский уезд и его жители. // Древняя и новая Россия, т. III, М., 1876, с. 138.

⁵ Маслова Г. С. Русский народный костюм Восточной Сибири. // Этнографический сборник, вып. 2. Улан-Удэ, 1962, с. 22.

⁶ Золотин Д. Н. Женские головные уборы восточных (русских) славян. // Slavia, ann. 2, Прага, 1926, с. 309.

⁷ Якунина Л. Н. Русское шитье жемчугом. М., 1955, с. 4.

пада и севера. Это объясняется в значительной мере и тем, что в ряде мест там издавна существовала добыча местного речного жемчуга. Жемчужница (*Marquittata margaritifera* L.) в изобилии водилась в реках Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Вологодской, Ярославской и других губерний.

Другие типы женских традиционных головных уборов (самшюра, колпак) у русских были распространены на ограниченной территории и не могут быть названы общерусскими.

Самшюра в виде своеобразной шапочки с тьердым дном характерна для северо-востока, где в XIX в. почти не отмечены кичкообразные уборы, а кокошники хотя и были, но не имели значительного распространения (см. карту 52). Некоторые из разновидностей такой шапочки, названной С. П. Толстовым собственно самшюрой¹, очень близки к головным уборам коми-пермячек.

Название самшюра встречается в документах XVII в., в описи имущества Строгановых. Оно распространено только на севере, особенно северо-востоке и характерно было также для головных уборов коми, карел и саамов². Вполне вероятно, что название заимствовано было русскими от их соседей³. Сам же убор трансформировался и в XIX в. представлял несколько локальных типов: собственно самшюра (Вятская, Пермская, восточная часть севера Нижегородской губернии) — близкая к повойнику с тьердым дном; западнее — в Подвинье, Поволжье — самшюра-кичка с мягким чехлом-кокошником; в Поонежье и Поморье — самшюра-кичка (она же копыто, едерица) с сорокой (рис. 9, Б). Общей чертой их является большая часть полукруглая (копытообразная) форма или круглая (валик подкладывался вокруг донышка). На карте 52 отмечена только собственно самшюра — цельный головной убор. Самшюра-кичка отнесена к кичкообразным головным уборам.

Распространение термина «самшюра» гораздо шире, чем бытование собственно самшюры. Названия уборов часто, как это отмечалось нами и по отношению к частым одежде, оказывались более устойчивыми, чем их форма. Так, например, повойник (заменивший сороку) в с. Нювонга на берегу Белого моря также назывался сорокой, а в Приуралье — повойник называли кокошником⁴ и т. д. То же предположение возникает относительно самшюры: не является ли она результатом кантазации древних местных уборов под этим названием с различными русскими username?

Женские шапки (чепак, малахай, кораблик) не имели, по-видимому, широкого распространения среди крестьянства в XIX в. По нашим данным в середине XIX в. их носили главным образом на севере, а затем они исчезли из быта (карты 57, 58).

Старинные русские женские шапки имеются в Государственном музее этнографии (карта 57, III), однако неизвестно, из каких они мест. Одна из них, по описанию, похожа на чепак или треух. Кроме севера, шапки в качестве головного убора были и у казаков на Дону, но уже сравнительно редко. В конце XVIII в. шапки с мехо-

вой опушкой и длинными железными поднизями были в моде и имелись в зажиточных казачьих семьях.

Колпак называли в качестве женского головного убора был распространен у донских казаков и кое-где в верховьях Дона (б. Воронежская, Тульская губернии), а также в Тамбовской губернии. Его бытование, как и бытование девичьего колпака, обусловлено, по-видимому, связями с соседними народами.

Большое распространение уже в середине XIX в. в крестьянской среде имели разнообразные мягкие женские уборы в виде небольшой шапочки-чепца из легкой, большей частью фабричной ткани (повойники, сороки) особенно в ряде мест нечерноземной полосы, в промысловых районах, в селениях с развитым скотоводством (карта 57, II).

Во второй половине XIX в. повойник, сорокник (иногда под другими названиями: волосник, чепчик, шлепа, кокуй, колпак и др.) широко распространяются, заменяя более сложные старинные головные уборы, которые сохраняются лишь местами, главным образом в южных губерниях (Орловская, Калужская, Рязанская и другие губернии), или входят в состав сложного кичкообразного убора, заменяя сороку. В конце XIX в. появляется новый вид головного убора, заменяя сороку. В конце XIX в. появляется новый вид головного убора, большей частью из шелка — наволока, сколок — в виде повязанного и склоного или сшитого платка или небольшой овальной шапочки (карта 58, V). В середине XIX в. он встречался только в городах, главным образом у мещанского населения, откуда он, по-видимому, и проник в деревню. Новым убором являлся и чепец (заказанный под подбородком), не характерный для русских и появившийся у донских казаков⁵ под городским влиянием. В самом конце XIX — начале XX в. распространяется в деревне фашонка — косынка (плетеная из шелковых или бумажных черных ниток) главным образом там, где шло интенсивное вытеснение старинных головных уборов и всего традиционного костюма в целом. Платок становится общераспространенным головным убором, причем разрыв между головным убором девушек и молодых женщин постепенно стирается (табл. XVI, 1, 2). Таким образом, карты 57, 58 иллюстрируют изменения, происходившие в женских головных уборах в течение XIX — начала XX в. Область традиционных головных уборов уже в середине XIX в. была сужена по сравнению с прошлым, а дальнейшему еще более сократилась. Полотенчатые уборы бытовали лишь на западе (в неосвоенной области злости с белорусами), но отдельные случаи ношения этих уборов старухами в Тверской, Тульской и других губерниях могут служить доказательством более широкого бытования их в прошлом.

Область распространения кичкообразных уборов сократилась, поскольку они вытеснялись кокошниками (как было на северо-западе) и другими, более поздними username.

Анализируя распространение кичкообразных головных уборов в связи с историей формирования населения

¹ Классификация самшюры дана С. П. Толстовым в работе «Материалы к культуре населения Вятско-Воронежского края» (рукопись, архив автора). Он относит собственно самшюру к шапочке меху — составной головной убор.

² Волков В. И. Указ. соч., стр. 273-275; Мяслова Г. С. Народный орнамент верховолжского края, 1954, с. 24.

³ Нам кажется вероятным происхождение его от слова «кошница» Соловьев Д. К. Женские головные уборы... с. 3183.

⁴ Мяслова Г. С., Станкович Т. В. Указ. соч., с. 111, рис. 21, 26.

⁵ Чижикова Л. Н., Шенюва М. Н. Итоги исследования материальной культуры XIX — начала XX в. русского населения южных областей Сибири. Отчет об экспедиции 1954 г. (рукопись), с. 75.

отдельных областей, можно выделить основную и первоначальную территорию, где они сложились. Это — бассейн верхней и средней Оки, верхней Волги, Волхова, Великой, а позднее — бассейны Онеги, Северной Двины. На юг они распространялись главным образом с движением полного земледельческого населения в XVI-XVII вв. и получили широкое бытование в бассейне Сейма, Ворсклы, верхнего Дона и на юго-востоке (территория Тамбовской, Пензенской губерний).

Территория распространения кокошника, по-видимому, также сужена, поскольку он в это время замещается появлением, сборником. В ряде мест, где он ранее был, в середине XIX в. его уже не было (например, в Москве, Московской губернии).

Выше отмечена приуроченность отдельных типов и разновидностей кокошника к определенным центрам. Поэтому возможно очертить территорию их первоначального распространения на Руси в период феодальных княжеств, выявить также распространение кокошников на северо-восток, в Поволжье, на юг, связанное с передвижением населения — с размещением служилых людей на линиях засечных черт в XVI-XVII вв.

В северо-восточной и юго-восточной областях возникли своеобразные локальные виды женских уборов (самшур, колапак), время распространения которых определяется формированием населения этих областей: (в бассейне Камы и Вятки (с конца XV-XVII в.; на юго-востоке с формированием культуры казачества). Вытеснение старинных головных уборов платком, наколкой, файнкой, шарфом шло одновременно с распространением юбки с кофтой или платья (см. карты 38, 39 и 57, 58; табл. XVI).

Мужская одежда

Русский мужской костюм по сравнению с женским гораздо более однотипен как в своих старых, так и в более новых разновидностях (карта 59). Туникообразная рубашка, выпущенная поверх нешироких штанов, известна была повсюду (табл. XVII, 12). В основе разновидностей лежали древние общевосточнославянские формы. Особенностью русской одежды стала та, называемая косоovorоткой — с разрезом ворота, расположенным на левой стороне груди (карта 59; табл. XVII, 1, Б).

Можно считать доказанным, что более старой разновидностью общевосточнославянской рубашки была туникообразная рубашка с разрезом посередине груди, оставшаяся основной у украинцев и известная белорусам. Косоovorотка, по мнению многих исследователей, появилась в период после нашествия монголов. Д. К. Зеленин датирует ее появление не ранее XV в.² Во всяком случае она распространилась как русская одежда в период известного обособления русских от других восточнославянских народов, так как у последних она была известна либо в определенных с русскими областях, либо под сравнительно поздним русским влиянием (главным образом в XIX в.).

Рубашка с прямым разрезом в XIX в. у русских крестьян встречалась редко (карта 59; табл. XVII, 1, А); исключение в этом отношении представляла юго-восточная область, где жили казаки.

Если в середине XIX в. мужские рубахи шили пре-

имущественно из холста льняного или поссеонного, то со второй половины XIX в. в деревне все более широко применялись для этого покусные ткани (табл. XIX). Праздничную кумачовую или ситцевую рубашку, а у более богатых из яркого кошемира вышивали по рукавам, подолу, груди — манишку. Изменялся в деталях и покрой косоovorотки: ее стали шить гораздо короче, а не длинной — до колен, как в старину, часто со скошенными бочками, иногда с подкороенными проймами, со сборами у запястий, к которым пришивали обшлага. Косоovorотка из фабричной ткани, выпущенная поверх штанов, перекрашенная поволоком, составляла характерную часть костюма рабочих в городе в конце XIX — начале XX в. К этому добавляли жилетку, иногда поджак (рис. 2, 1).

Мужские порты или штаны шились обычно неширокими, с двумя трапециевидными вставками между калашами — штанишками (табл. XVII, 3). Этот покрой можно назвать русским, он очень устойчив и широко бытовал на всей основной русской территории. Второй тип нешироких штанов с ромбовидной вставкой (табл. XVII, 4) аналогичен по покрою портам белорусов и гачам западных украинцев. Кроме нешироких штанов, были и штаны с широким шагом (табл. XVII, 5) — шаровары, гачи.

В первой половине XIX в. штаны (порты, шаровары) нередко еще шили на гашнике — на подержке, но со второй половины века делали их на поясе с застёжкой. В это же время широко входил в быт деревни штаны из фабричной ткани (плоские шаровары и другие), шившиеся на городской манер (без соединительной вставки), а также бриджи.

Для картографирования мы выделили несколько комплексов мужского костюма по покрою рубашки и штанов:

1) Туникообразная рубашка с неширокими штанами русского покроя (табл. XVII, 1, 3). На карте выделены три подтипа этого основного комплекса: а) с рубашкой с прямым разрезом ворота (табл. XVII, 1, А); б) с косоovorоткой — с разрезом ворота на левой стороне груди, так называемой «русской рубашкой» (табл. XVII, 1, Б), наиболее характерный комплекс русской мужской одежды; в) с косоovorоткой с разрезом на правой стороне (табл. XVII, 1, В). Последний можно рассматривать, как локальный вариант русского мужского костюма, чаще встречавшийся в восточных губерниях (Поволжье, Приуралье), и как результат культурных связей с народами Волго-Камья.

2) Туникообразная рубашка с прямым разрезом (или реже косоovorоткой) с неширокими штанами с ромбовидной вставкой белорусского типа (табл. XVII, 1, А, 4). По имеющимся (однако очень неполным) данным, этот комплекс бытовал лишь в крайних западных уездах западных губерний.

3) Рубашка с прямыми полками (табл. XVII, 2, 3, 4), со штанами с нешироким шагом (покрой их не всегда возможно было выявить) — комплекс также узко-локальный (Воронежская, Смоленская губернии), имевший общие черты с одеждой белорусов и некоторых групп украинцев.

4) Туникообразная рубашка с прямым разрезом одевалась со штанами широкого покроя (с квадратной или ромбовидной вставкой) (табл. XVII, 1, А, 5). При этом

² Д. Зеленин. Русские (остславянские) Volkskinder. Berlin-Leipzig, 1927. С. 128-129.

рубашу носили не на выпуск (как в трех вышеупомянутых комплексах), а заправляли обычно в штаны (табл. XVIII, 3). Этим комплексом население юго-востока отличалось от населения остальной русской территории. Особенно был характерен он для казачества. В этом комплексе, наряду с другими особенностями в одежде, отражались особенности формирования этой части русского населения в состав которых входили различные компоненты.

Мужские головные уборы.

Мужские шапки, шляпы XIX в. очень разнообразны как по форме, так и по материалу и учесть все их разнообразия невозможно. Удалось картографировать лишь основные и некоторые локальные типы, те из них, которые выявляли этническую специфику отдельных групп населения. Карта 60 показывает бытование таких древних головных уборов, как шлык и шапка-валенка. Шлык из холста (карта 60, I) был уже реликтом: его носили лишь немногие старики. Территориально он тяготел к западу (Смоленская, Тверская губернии), но встречен также восточнее (Касимовский уезд Рязанской губернии, Спасский уезд Тамбовской губернии). Также древнего происхождения валенка — валеный белый (реже коричневого) козляк, который вместе с белой суконной одеждой распространен был в Смоленской, Псковской, в западной части Орловской, Курской, Калужской, частью Воронежской губерний. Козляк-валенка (карта 60, III) — общевосточнославянский убор — и в XIX в. был характерен для белорусов и украинцев северных областей, как и многие другие части костюма, о которых упоминалось выше.

Грешневик или черепеник — типично русский крестьянский головной убор (карта 60, IV) — в середине XIX в. имел повсеместное распространение, за исключением западных районов (где бытовала шапка-валенка) и юго-восточных — у казачества ее не было. Грешневик известен по гравюрам и лубкам XVIII в.; возможно, что его носили и раньше — в XVII в. Отсутствие его у казаков объясняется спецификой формирования и особенностями быта казачества; казаки выработали своеобразные виды одежды, обуви и головных уборов. В прошлом известна была у них особая казачья шапка, затем распространяется папаха.

Шапка с четырехугольным дном (карта 60, V) в середине XIX в. бытовала, судя по имеющимся данным, главным образом в нечерноземной полосе. О ней есть упоминание в источниках XVI-XVII вв., когда она была убором мелких служилых людей. Позднее большое распространение она получила, видимо, там, где население занималось извозом (ямщина), особенно в северных областях (Ярославская, Тверская, Архангельская губернии); шапка эта в городе еще в XX в. сохранялась как головной убор извозчиков.

На крайнем северо-востоке носили шапки из оленьего меха, приобретавшиеся у венцев, коми; охотники, кроме того, использовали лыжники из сукина (на Печоре и Северной Двине), заимствованные также от коми (карта 60, VI).

На карте отмечено ношение вязаных козляков у

поморов (карта 60, II), что до некоторой степени характеризует их быт (поездки в отдаленные области, связи с рыбаками Скандинавии, Финляндии; в крестьянском костюме этих стран имелись аналогичные мужские уборы)¹.

Характерная для середины XIX в. шапка-малахай (с ушами и лопастью сзади) постепенно исчезает, заменяется в конце XIX - начале XX в. шапкой-ушанкой; на нее очень часто переносился термин «малахай», как это имело место в Среднем Поволжье². Со второй половины XIX в. все шире распространяется картуз, вытеснивший другие головные уборы.

Пояса мужские и женские (карта 61).

Пояс в XIX в. — необходимая часть как мужской, так и женской одежды. Им подпоясывали рубашки, укрепляли набедренную одежду, подпоясывали распашную верхнюю одежду, иногда не имеющую застежки. Пояса были узкие (примерно от 1 до 10 см ширины), их носили поверх рубашки, сафрана (пояс, покроя, подживотник), и широкие (кушаки), примерно от 20 до 40 см ширины, которые носили с верхней одеждой (табл. XXI; XXII).

Термины «пояс» и «кушак» были известны повсеместно. Остальные названия имели локальное значение. Название опояска для кушака было более характерно в восточных губерниях. Термины «подживотник», «наживотник» указывают на способы повязывания пояса: низко или высоко. Покромка — название пояса, наиболее распространенное в южно-русских губерниях, главным образом у бывших однодворцев. Термин этот часто относился к тесьме, которой обшивались поменя и шупшаны, и обозначал узкую ткань с кромок (табл. XXI, 4).

Некоторые виды поясов — лыковый, «рушник» — полотене, а также вшитые из двух-трех придел ленток — были известны шире, чем это отражено на карте. Они не получили должного отражения на карте, потому что большинство из них не привлекали в свое время внимания исследователей, а некоторые и исчезли в конце XIX в. (например, лыковые).

Отмеченное на карте бытование рушника, как пояса, безусловно уже, чем это было в действительности. Поскольку рушник был широко распространен, как пояс в свадебных обрядах, он, повидимому, бытовал гораздо шире.

Пояса сравнительно позднего происхождения, шитые из фабричной ткани или состоявшие из ленты, полосу поизмента, также недостаточно полно показаны на карте. Отмечены женские материалы бисерные и даже жемчужные пояса, а также пояса металлические (серебряные), применявшиеся главным образом у казаков. Ремешные мужские пояса, бытовавшие почти повсеместно, на карте не указаны из-за недостатка сведений.

Большое разнообразие отмечается в технике изготовления поясов из пряжи, нитей. По технике изготовления они делились на плетеные, тканые и вязаные. К плетеным поясам относились дерганые, плетеные на вилочке, плетенные по стене и другие.

Дерганые пояса известны было в южной части Калужской губернии (локальная форма), оно заключа-

¹ Столяра И. Т. Указ. соч., стр. 209; Nyi Anna-Maja, в: Указ. соч., С. 37, 41, 46, 47, 55, 79, 83.

² По любезному сообщению Е. Р. Бусукина.

лось в своеобразном плетении на пяти пальцах руки при участии двух работниц — одна переплетала через пальцы петли основы, а другая переплетала рукой, протергивая петли, как уток (см. табл. XX, 1). Плетение на вилочке заключалось в разделении ниток основы на две группы — на четные и нечетные — и в протергивании крайних ниток, как уток до середины (табл. XX, 2; XXII, 6). Плетение по стене заключалось в перевивании ниток основы, расположенной между двумя колышками на стене (табл. XX, 3); известно оно в юго-западных губерниях (Калужской, Орловской, Курской) и является способом, широко распространенным у украинцев и части белорусов.

Плетение с помощью бутылки давало круглые (в сечении) пояса. Моточки разноцветного гаруса спускались в бутылку, плетение выполнялось при помощи булавки, вставленной в пробку (табл. XX, 4).

Тканые пояса (кроме тех, которые ткали на стане) изготовляли при помощи дощечек, на ниту, на бердечке.

Тканье на дощечках выполнялось при помощи квадратных дощечек с четырьмя дырочками, от вращения которых каждый раз сменялась 1-4 часть основы (табл. XX, 6). На территории России этот способ был известен с эпохи позднего неолита; в конце XIX в. он бытовал у всех русских.

Тканье на ниту заключалось в подвешивании нечетных нитей основы при помощи нитяных петелек, оттягивание и опускание которых образовывало зев; способ был известен всем русским (табл. XX, 7). Вероятно, такой способ тканья являлся прототипом тканья на горизонтальном ткацком стане. До появления берда и подножек он долгое время мог существовать как ткацкий станок для изготовления тканей, что мы видим у киргизов.

Тканье на бердечке осуществлялось при помощи бердечки с дырочками на тростях и широкими отверстиями между тростями (табл. XX, 5). Четные нити основы пропускались через дырочки в тростях, а нечетные между отверстиями в тростях. Поднимание и опускание берда способствовало образованию зева. Тканье на бердечке было известно среди населения северо-западных и частично центральных губерний и было широко распространено у белорусов.

Тканье широких поясов и кушаков на горизонтальном ткацком стане ничем не отличалось от обычного изготовления тканей. Только станок для тканья пояса всегда делался меньших размеров. Узор поясов часто состоял из продольных полос. Следует отметить своеобразный орнамент, который встречался в Курской области. Узор «стрелено» получался от окрашивания нити в разные цвета частями; основа перевивалась узлами и каждая ее часть, заключенная между нитями, окрашивалась отдельно. Этот прием был известен и в Средней Азии.

Вязаные пояса вязались, как чулок, на пяти спицах: они были известны как локальная форма в Орловской губернии. Поскольку они в готовом виде были близки к поясам, изготовленным способом плетения по стене, то можно предполагать, что вязание поясов было упрощенным видом древнего весьма сложного плетения по стене.

Верхняя одежда (мужская и женская)

Верхняя одежда, надеваемая поверх нательной и ком-

натной при выходе на улицу, очень разнообразна по покрою, материалу и по названию.

Верхнюю одежду сельского населения, ее отличия от одежды горожан хорошо описывают корреспонденты Русского географического общества, приславшие ответы на анкету, разосланную обществом в конце 40-х годов XIX в. Они дают красочную картину одежды разных социальных слоев населения. Крестьяне в будни летом носили зипуны из серого и черного сукна домашней работы, а зимою овчинный полушубок. Редкие из них, кроме сельского начальства, носили в праздники шетные (т. е. из покупного сукна) чекмени, зипуны и полукафтаны, похожие на казачьи. Мещане, занимавшиеся торговлей, одевались гораздо богаче, позволяли роскошь носить полукафтаны и сюртуки. Купцы облекались с дворянством как в покрое платья, так и в его богатстве¹.

Одежда населения, где были развиты отхожие промыслы, отличалась от одежды крестьян-земледельцев. Вместо сермяжного зипуна или кафтана носили поддевку из фабричной ткани. Так, например в Чухломском уезде Костромской губернии, где уже в середине XIX в. было сильно развито отхождичество, одевались очень опрятно, а побывавшие на стороне, приезжая, выглядели щеголими. Непременной принадлежностью их была поддевка синего сукна и армяк². Верхняя одежда крестьян разных возрастов различалась: молодежь носила более модную, старики чаще носили одежду старого покроя. Это отмечалось как в корреспондентских сообщениях Географического общества, так и в современных и более поздних этнографических исследованиях.

Женская крестьянская верхняя одежда почти не отличалась от мужской по покрою, но больше украшалась (особенно праздничная). Сравнительно немногие виды верхней одежды являлись исключительно женскими (например, шугай) или исключительно мужскими (например, бешмет у казаков, казачки, бешета в виде сюртука или поддевки на меху и некоторые другие). Большинство же видов крестьянской одежды были как мужскими, так и женскими.

Материалом для верхней одежды крестьян, особенно в дореформенный период, служили ткани домашнего изготовления: сермяга — грубое сукно, понтичина, сарка — ткань саржевого переплетения, изготовленная на ткацком стане при помощи четырех подножек, а также холст. От материала произошли многие названия верхней одежды.

Сукно обычно сохраняло естественный цвет овечьей шерсти: коричневый, черный, серый и реже — белый. Районы распространения белой или светло-серой шерстяной одежды: 1) западный — Смоленская, Псковская, частью Калужская губернии (Жидаринский уезд); здесь она имела общие черты с белорусской одеждой; 2) восточный район, главным образом Рязанская губерния, где она имела общие черты с одеждой народов Поволжья (мары и мордвы-тереханы).

Преобладание черной, серой или белой одежды находилось в прямой зависимости от породы разводимых овец; однако определенная расцветка одежды стала этнографической особенностью отдельных групп населения. В середине — второй половине XIX в. белое

¹ Дятковский А. Домашний быт жителей Рыльского и Суджанского уездов, 1851, С. 1-11; АГО, XIX-16.

² Прудников Дм. Несколько замечаний об особенностях говора, быта и характера чухломцев в Костромском крае, 1853 г., С. 10-20; АГО, XVIII-21.

домашнее сукно нередко окрашивали в синий и черный цвета. Одежда из синего домашнего или фабричного сукна была очень распространена. В это время популярным материалом, сукно и особенно бумажная ткань, все шире входил в быт. Распространяется одежда на вате, на подкладке, которая редко встречалась в деревне в первой половине XIX в., так как тогда для утепления одежды пользовались льняными или пеньковыми очесами и шерстью.

Овчинную одежду шили из дубленых — главным образом красных — вохренных овчин, иногда — черных и редко — белых, недубленых. Применение недубленой, сыромятной овчины — явление очень старое, в конце XIX в. сохранившиеся сравнительно в немногих местах: а) на востоке — в Поволжье — в Нижегородской и соседних Пензенской и Симбирской губерниях; б) на западе — в Смоленщине; в) на юге — по Дону (начиная с верхнего его течения); г) кое-где на севере. В центрально-промышленных областях распространены были главным образом дубленые полушубки, тулумы и пр. Здесь были расположены главные центры овчинного производства, шитья верхней одежды (Ярославская, Владимирская, Нижегородская, Костромская и другие губернии). Дубление (при помощи древесной коры) для окраски и придания прочности овчине получило широкое распространение у русских в XIX в. У белорусов и части украинцев в это время еще в довольно значительной степени использовались белые недубленые овчины¹.

Верхняя одежда, как правило, была двубортной — правая пола глубоко заходила на левую и плотно застегивалась. Реже шили однобортную одежду (полы сходились спереди, почти не накладываясь одна на другую). Последний тип более старый и, как можно судить по изображениям XV — XVII вв., в то время преобладал. В конце XIX — начале XX в. однобортные кафтаны, сшитые в талию, были редки, но халатообразная одежда, надевавшаяся поверх кафтана, оставалась однобортной: обе полы делались одинаковыми, застежек обычно не было. Носили ее, подпоясав широким кушаком или распахну, но если запахивались, то обязательно также на левую сторону. Такая халатообразная одежда (армяк, халат, азия, чекмень, чапан, тулун и др.) служила главным образом дополнительной, надевали ее в дорогу, в холод, в ненастное время поверх кафтана, шубы, полушубка.

Верхняя одежда — распашная. Однако была в XIX в. еще и глухая верхняя одежда — кабат (верховица, рядовка), шившаяся из грубого холста (карта 62) и сохранившаяся на севере до наших дней благодаря удобству использования ее как рабочей одежды для рыболовов, охотников, на лесных промыслах. Была глухая одежда и в южных областях. Шуща в девичьем костюме Рязанской губернии — туникообразная одежда из белой шелковой, слегка подсиненной домашней ткани (рис. 7, А). Шущуны, шущаны, отнесенные нами к кончатной одежде и рассмотренные как нагрудники, иногда служили выходной летней верхней одеждой.

Существен тот факт, что глухая одежда из грубого

сермяжного сукна была у эстонцев, у кольских лопарей, у карел (рис. 10). Последние шили ее из толстого сукна и называли зипун. По сообщению корреспондента географического общества, этот зипун носили, надевая поверх рубашки, опоясавшись ремешком поясом с медной или железной пряжкой; к поясу прикреплялись ножны (с. Реболы Повенецкого уезда Олонецкой губернии — первая половина XIX в.)². Была туникообразная холщовая одежда в качестве верхней рабочей и у коми — дудник (т. е. дудник)³.

Все эти виды шерстяной и холщовой, туникообраз-

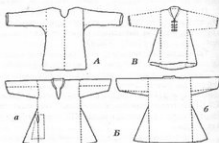

Рис. 10. Верхняя глухая одежда

А — зипун, с. Реболы, Повенецкий уезд, Архангельская губ., Б — одежда из сукна; а — середина, б — сзади; с — о-ва Кехиу, Эстония; В — женский кафтан кольских лопарей.

ной по покрою одежды мы рассматриваем как пережитки древней глухой верхней одежды в Восточной Европе. Это согласуется с историческими данными; в иконографии периода до нашествия монголов изображается только глухая и плащевидная одежда: на фресках киевского Софийского собора и Новгородской церкви Спас-Нередицы, в мозаике, иконостисах, миниатюрах XI в. (Изборник Святослава, Тирской псалтыри и других). Отсюда видно, что наличие такой одежды у восточных славян не является только «предположением» (причем «лишним основанием», как пишет Н. И. Гаген-Торн)⁴. Отрицать ее наличие у восточных славян можно только, если не принимать в расчет этнографические и исторические документальные данные. Неудобительно звучат высказывания Н. И. Гаген-Торн, что глухая одежда «мало удобна» и «плохо совместима с традицией плащевидной одежды»⁵. Между тем во всех фресках, миниатюрах и иконостисах глухая одежда сочетается именно с плащом.

Можно полагать, что в древней Руси была и распашная одежда, поскольку таковая на территории Восточной Европы отмечается уже с глубокой древности (у скифов). Б. А. Рыбаков на основании находок серебряных застежек в дружинном кургане Гуляйшице под Черниговом произвел реконструкцию одежды X в. — в виде распашного кафтана. Однако находки подобных застежек — редкость в славянских курганах. По замечанию Б. А. Рыбакова, они известны в кочевнических древностях XIV в.⁶ Та-

¹ Zelenin D. Russische (entworfene) Volkskunde..., С. 192-194.

² З. Громов. Этнографическое описание Ребольского прихода. АГО, I, 62, л. 3.

³ В. И. Бельмер. Указ. соч., С. 267-268.

⁴ Н. И. Гаген-Торн. Женская одежда народов Поволжья, Чебоксары, 1960, С. 130.

⁵ Там же.

⁶ Б. А. Рыбаков. Древности Черногола. МАН, № 11, М.-Л., 1949, стр. 38.

ким образом, вряд ли распашная одежда у восточных славян (в начале II тыс.) была преобладающей. Она широко отражена в более поздних иконографических памятниках, начиная с XIV в.: в миниатюрах Кенигсбергской или Радзивилловской летописи (XV в.), иллюстрациях житий, в частности в житии Сергия Радонежского (XVI в.), Лицевого летописного свода (XVI в.) и т. д. Большое количество названий верхней распашной одежды появляется в наших источниках в период после нашествия монголов.

Собранный для атласа материал о верхней крестьянской одежде XIX — начала XX в. позволил уточнить ранее выработанную классификацию¹. Выделив плащевидную, т. е. накидную, одежду и одежду, надеваемую в рукава, последнюю мы подразделяем на глухую и распашную. В глухой одежде туникообразного покроя (как и в туникообразных рубахах) выделяются два подтипа по расположению швов:

1) с центральным полотнищем, перетнутым на плечах, с пришитыми боками (рис. 7, А), что было наиболее характерно для русских,

2) с двумя полотнищами, перетнутыми на плечах; швы проходили спереди, сзади (посередине) и на боках (карта 62, 1). Переход к распашной одежде здесь был более прост и непосредствен (чем в первом подтипе): полотнища спереди не сшивались.

Из глухой одежды первого подтипа распашная одежда возникла более сложным путем: для этого нужно было разрезать переднее полотнище. Таким образом, например, возникли распашные южные шушпаны, шушуну, первоначально глухая одежда, усложнявшаяся в дальнейшем вставкой боковых клиньев (рис. 7).

Распашная одежда по покрою подразделяется на следующие типы.

1) Халатообразная с прямой спинкой однобортная одежда:

а) прямого покроя — шушпаны и др. (рис. 7, Б);

б) со вставленными боковыми продольными клиньями (балхои из холста, шушпан из белого тонкого сукна, азм, кафтан из грубого сукна, шуба, полушубок из овчины и пр.) (табл. XIII, 2; рис. 7, В и др.).

в) с клиньями, сильно расширяющимися низ; швы вередо на боках сходятся «елочкой»; в распластанном виде одежда представляла полукруг (пониток, тайник, элат, армяк, свита, зипун — из домотканого сукна; тулун, шуба — из овчины и т. п.) (табл. XXIII, 2; 3-5).

2) Одежда, суженная в талии (с пережатом, с пережимом), с отрезной спинкой со вставленными по бокам клиньями, двубортная, реже однобортная. Как правило, она была более короткой, чем одежда типа 1. К ней относились: кафтан, зипун, свита, жулан и другие одежды, большей частью сшитые из домотканых, но иногда и из покупной ткани (табл. XXIV).

3) Одежда с пережатом или с пережимом — в талию, с отрезной спинкой (или отрезная кругом), преимущественно из фабричной ткани; двубортная (исключение представляют однобортные шугай, бешмет и некоторые

другие). Разновидности ее следующие: а) с отрезной спинкой и юбкой без сбор, сшитой из усеченных клиньев (семишовка, пятишовка, бешмет и др.) (табл. XXV, 2); б) со сборками или складками (последние встречались реже) — поддевка, сибирка, казаккин, кафтан, зипун, шугай и другие (табл. XXV, 3, 5, 6).

Исследователи русской одежды прослеживают переход от прямой одежды к косоклиной, затем к одежде сборчатой с отрезной спинкой². Установить точно, когда появилась одежда со сборками, пока трудно. Некоторые ее виды были в XVII в., как, например, женский шугай, носившийся с сарафаном. По ряду свидетельств, одежда со сборками в XVII в. была распространенной среди городского населения и у крестьян³. Однако местами в деревне даже в XIX в. ее еще не было⁴. В ряде селений она появилась лишь в 60-х годах прошлого столетия⁵. Таким образом, выделенные нами типы и разновидности глухой и распашной одежды расположены в соответствии с развитием одежды — от более древней к более поздней (табл. XXII-XXV). Но это не везде выдержано, и в одну группу попадают и старинный шугай, и семишовка, и пятишовка конца XIX в.

В нашу классификацию не вошли наиболее поздние типы верхней одежды, появившиеся в конце XIX — начале XX в. под городским влиянием: прямого подкажачного покроя, различные «пальто», иногда сшитые по фигуре (короткий сак и длинный дипломат и пр.).

Выделив в особую группу одежды с горизонтальным швом (отрезную в талии), мы не касались одежды с вертикальными швами. Эта разновидность имеется во всех типах, начиная с туникообразного покроя, откуда, вероятно, она и происходит: в глухом кафте, где полотнища

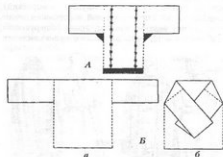

Рис. 11. Плащевидная одежда из Задонского уезда Воронежской губ.

А — «сукман» из темно-синей «волосенки» — прорядочная одежда и детская одежда; рукава до локтей не сшиты; Б — «белки» будничной женской из белого сукна; а — перной; б — сносной понитки 1854 г.

сходятся посередине (карта 62, 1), в халатообразной одежде — понитке Рязанской и азме Вологодской губернии

¹ Восточнославянский сборник, С. 703-712.

² Зелин Д. Указ. соч., 198-217; «Восточнославянский сборник», С. 702-712.

³ Грегор. Описание вост. в России государственных обитаний, тканей, тканей их житейской одежды, обыкновенной, одежды, житейской, верховоходной и прочей домашней одежды, ч. 4. СПб., 1799, С. 127, 130.

⁴ Маллер В. Ф. Систематическое описание коллекций Дагестанского этнографического музея, вып. II. М., 1893, С. 64-65.

⁵ Лейкина И. Н. Народный быт в верховьях Дона и верховьях Оки. М., 1927, С. 129.

(табл. XXIII, 2, 5), в одежде с перехватом — суженной в талии (табл. XXIV, 3) и т. д. Однако одежда с вертикальными швами менее характерна для русских; она встречается в восточных губерниях и известна также коми, башкирам и татарам Поволжья¹.

Этот покрой (сравнительно позднего происхождения) в усложненной форме — с несколькими продольными швами — встречался у русских на юго-западе по соседству с украинцами, у которых он, по-видимому, получил более широкое распространение².

Что касается плащевой одежды, то она сохранилась в качестве пережитка в очень немногих местах: на севере в XIX в. спонтицу с завязками у шеи одевали невесте, в Сибири епанча — накидка, подбитая белым мехом; в южнорусских областях плащом для женщин служила туникообразная одежда — кодман (Скопинский уезд Рязанской губернии) и сукман, белик — из сукна (Воронежской губернии) (рис. 11). Плащом был иногда и распашной шушпан, который крестьянки называли в ненастье на голову, а также характерный черный шерстяной «пониток» Михайловского и Скопинского уездов Рязанской губернии и Богородицкого уезда Тульской губернии (рис. 12). Ношение одежды на запах, т. е. не надевая в рукава, — старая традиция. Об этом свидетельствуют миниатюры Кенгисбергской летописи.

Ношение плаща в XIX в. встречалось редко, поэтому он и не нанесен на карту.

Названия верхней одежды очень разнообразны: в них встречаются древние общеславянские термины: «свита» (от свивать), «гуния», «кошуля», «кабат», «кожух»; древнерусские: «опашень», «охабень», «однорядка», «пониток», «сермяга», «суконник»; затем такие русские названия, как семишовка, пятишовка, верховница, рядовка, чуйка, куцунка (от кушый — короткий), поддевка, шуфай, тяжелко, коротай, коротышка и другие. В названиях верхней одежды, кроме общерусского, отражаются и термины восточного происхождения,

Рис. 12. Крестьянки с. Вослобы, Скопинский уезд, Рязанской губ., начало XX в.

А — старуха в тунике; Б — женщины в понитке

причем, даже чаще, чем в названиях других частей одежды.

К ним относятся названия кафтан, зипун, шуба, тулуп, армяк; некоторые из них упоминаются в источниках до XIV в., другие — XVI и XVII вв. Они прочно во-

шли в русский словарный фонд; от них образовано много производных слов: полукафтан, полукартанные, полушубок, шубинцы (рукавицы) и т. д.

Картографирование покровы одежды XIX в. с учетом ее названия показало, что под одним и тем же названием нередко бывала разная по покрою одежда: халатообразная, сшитая в талию с клиньями и в талию со сборками, что свидетельствует о ее трансформации. Картографирование помогло связать преобладающий покрой отдельных видов одежды с соответствующими терминными.

Белый балахон шился главным образом из некрашеного холста и служил рабочим кафтаном (надевали его нередко поверх другой одежды или шубы). Шился с клиньями, реже — со сборками. По характеру материи (тканой на четырех подложках) он иногда назывался саржа. Распространен был на севере, частью у белорусов (см. карту 62, II).

Армяк (карта 66; табл. XXII, 3; XXV, 5) шился из толстого сукна из овечьей (а в восточных губерниях нередко из покушного привозного сукна из вербловской шерсти — армячины, в виде длинного, расширенного к низу халата, с большим отложным воротником, надевавшегося в дорогу поверх полушубка, шубы. Крайне редко встречался армяк в виде кафтана. Та же одежда под названием халат известна повсюду, кроме северо-запада. Кроме халата типа крестьянского армяка, были известны и восточные, например, бухарские халаты в юго-восточных губерниях (Нижнем Поволжье).

Кафтан (карта 67) шился из домашнего сукна или фабричной ткани двубортным, с пережимом, с цельной спинкой и клиньями или же с отрезной спинкой со сборками; это был более поздний покрой (табл. XXIV, 1; XXV, 3). Кафтан в виде одностороннего халата XIX в. встречался сравнительно редко.

Зипун (см. карту 68) шился главным образом из домашнего сукна; был значительно распространен, но не повсеместно, как кафтан. В центральных областях зипун — двубортный кафтан (с клиньями или сборками), но в южных и юго-восточных областях, особенно в Среднем и Нижнем Поволжье — это халатообразная одежда, надевавшаяся поверх другой одежды (табл. XXIII, 7; XXV, 1).

Пониток в северных областях — двубортный кафтан из пониточины — толстого сукна на портняжной основе; на юго-востоке (Рязанская, Пензенская и частью Саратовская губернии) — это халатообразная одежда из пониточины — чисто шерстяной тонкой домашней ткани (карта 65, VI, табл. XXII, 5, XXIV, 2).

Свита известна в южном районе (главным образом в Окском бассейне) — преимущественно широкая, расширенная книзу халатообразная одежда (табл. XXI, II, 1). В восточной части Рязанской губернии одежда подобного же покрою еще называлась понитком, тайник. В западном районе (главным образом Смоленская, частично Псковская, западная часть Орловской и Калужской губерний) свита шилась в виде кафтана с перехватом, часто из белого или серого сукна. Такая же одежда была здесь известна еще под названием жулан, жуница (см. карту 65, I, II).

¹ Бельмер В. И. Указ. соч., С. 267, рис. 117, в; Мамонтов Я. Указ. соч., С. 132, рис. 125-126, 128; Воробьев Н. Н. Календарь тайны, Казань, 1933, С. 228-231.

² Урядник. Историко-этнографическая монография (Одесса). Киев, 1939, С. 398-399.

Свита на севере отмечена в отдаленных местах Новгородской губернии (Белозерском и Кирилловском уездах). Это не случайное явление, а «остаток» распространенной в прошлом одежды, как можно заключить из документа первой половины XIII в. — Новгородской берестяной грамоты, в которой упомянуты аты¹; следовательно, свита была в Новгороде.

Азым (термин, по-видимому, тюркского происхождения) в основном халатообразная одежда, была распространена на северо-востоке (табл. XXIII, 2); она шилась из сукна верблюжьей шерсти, привозившегося из Оренбургской и других губерний. Азым известен и в Сибири у русского и тюркоязычного населения. Изредка (в виде шафта с перехватом) встречался азым и на западе, куда он, по-видимому, был принесен переселенцами из более восточных областей, например старообрядцами (Краславский район Латвийской ССР) (см. карту 69, III).

Чекмень — преимущественно халатообразная одежда, распространенная в восточных и юго-восточных губерниях. Особенно большое значение имела у казаков на Дону, нижней Волге, на Урале (см. карту 69, I).

Чалпан — также большей частью халат (см. карту 69, II).

Сходные названия для халатообразной одежды встречаются у многих тюркоязычных народов Восточной Европы и Азии: чеккен — у киргизов, сипкен — у казахов, чеккен — у алтайцев² сыюман — у башкир, чапан — у киргизов, шаян — у казахов и т. д.³ Чалпан и чекмень носили и у казанских татар в виде длинных халатов темного цвета, носившихся в городе духовенством и богатыми людьми. Н. И. Воробьев считает эту одежду сравнительно недавнего происхождения (не ранее XVIII в.)⁴. По-видимому, и у русских это не очень древняя одежда. Во всяком случае в документах XVI-XVII вв. она не упоминается.

Были чекмени и чапаны в виде казачьих и крестьянских кафтанов с перехватом, у крестьян иногда с отрезной спинкой со сборами (позднейшая форма). Чекмень с перехватом в талии имелся у народов Кавказа. Так, например, чеккен или чопкен у кумыков (Дагестан) — одежда, шитая в талию, но с цельной спинкой и двумя глубокими складками с боков (эта же одежда называлась еще череской)⁵.

Бешмет был распространен преимущественно на юго-востоке (см. карту 69, IV). Большой частью он представлял собор кафтан с перехватом, иногда отрезной в талию, но не со сборами, а с клиньями. Его шили из разных тканей, иногда из шелковой восточной материи, а подкладке, часто стеганой на вате. Бешмет особенно характерен для казачества — терских, гребенских, рязанских, донских, кубанских казаков (табл. XXV, 2). Широко бытовал он также у казанских и сибирских татар⁶, (башкир (хотя у последних, как отмечает С. И. Руденко⁷, и не являлся очень старым). Широко был известен бешмет на Кавказе, где его шили с перехватом, но с цельной спинкой⁸.

Термином «бешмет» в Приуралье обозначался дорожный суконный халат, иногда с капюшоном (табл. XXI, II, 6).

Шабур — большей частью кафтан с пережимом (с клиньями или сборами) из холста, иногда крашеного или же из сукна, сходный по названию с одеждой марийцев и других народов Поволжья (табл. XXIV, 3; XXV, 6, карта 69, V).

Шутай — женская короткая одежда со сборами сзади, большей частью из шелковой или парчовой ткани на подкладке. Эта старинная одежда известна еще в XVII в. В XIX в. граница ее бытования проходила несколько южнее Москвы и совпадала в основном с границей преобладания сарафана, с которым носили шутай (карта 63).

Картографирование одежды из меха проведено без детализации покроя (ввиду неполноты сведений). Шубу и полушубок носили всюду (см. карту 64, I, II).

Шуба — длинная меховая одежда, разного покроя: а) в виде длинного, широкого, запахивающегося халата; б) бытовала на юге, особенно на Дону, Кубани (так называемая «донская шуба»), а также по Тереку и в Сибири; двубортная одежда; в) с перехватом, но с цельной спинкой; г) со сборами, как полушубок (наиболее поздний тип); широко распространилась в центрально-промышленных губерниях, в Среднем Поволжье.

Полушубок — короче шубы, большей частью отрезной в талию и со сборами, но встречался под этим названием и более старый вид — полушубок с клиньями. Полушубок в его типичном виде со сборами распространен был в центральных областях, на севере и меньше — на юго-востоке, где его, если носили, то крестьяне «нигородние», а не казаки.

Кшуля — крытая тканью на меху шуба (преимущественно женская), сохранялась на севере. Термин — общеславянский, более известен в значении сорочки, но в документах XVII в. встречается в значении крытой шубы.

Тулуп (редко — кожан) — длинный халат из овчины, с высоким отложным воротником, надевавшийся в дорогу поверх шубы, — был общераспространенным (карта 64, III).

Доха или яга в виде широкого халата из шкур, мехом наружу (карта 64, V) — зимняя дорожная одежда; характерна для Приуралья, Нижнего Поволжья. Широко применялась доха и в Сибири.

Совик и малица — одежда из оленьего меха; малица шилась мехом внутрь, совик — мехом наружу и надевались один на другую, чаще всего в дорогу в холодное зимнее время (карта 64, VI, VII).

В результате картографирования выделяются общерусские типы верхней одежды, распространенные повсеместно. Кроме того, выделяются сравнительно широкие области (центральная область и север) где преобладают двубортные одежды с перехватом, в частности сильно распространена одежда отрезная в

¹ Архивский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1955 г. М., 1958, с. 12.

² Историко-этнографический атлас Сибири. М., 1961, с. 234-235.

³ На основе материала Е. И. Мозоля.

⁴ Воробьев Н. И. Кавказские татары, с. 233-234.

⁵ Гаджикова С. III. Кумыки. Историко-этнографический этнографон. М., 1961, с. 295.

⁶ Воробьев Н. И. Указ. соч., с. 231-232; Историко-этнографический атлас Сибири. М., 1961, с. 229.

⁷ Руденко С. И. Башкиры, ч. II, Л., 1925, с. 115.

⁸ С. III. Гаджикова. Указ. соч., с. 224-225, 291.

талии, со сборами. В периферийных ее районах — в некоторых селах южнорусских губерний — еще сохранялись и привозимые однобортные халаты, которые были не только дорожной одеждой, но и праздничной, надевавшейся в церковь. Особенно же были характерны халаты для юго-восточной области, где они и преобладали. Здесь же отмечается широкое распространение разнообразных восточных названий для одежды — чекмень, чапан, бешмет, азам и другие. Названия эти проникают на Урал и в Поволжье и в южные районы центральных губерний.

Северная область выделялась также распространением белого балахона, рядовки (верховицы), шугая, кашули; характерно и то, что на северо-западе отсутствовали многие из восточных названий, широко бытовавших в других областях (см. карту 62, 63).

Некоторые виды одежды имели узколокальное распространение. Иногда они были в районах, где сохранялись старые виды одежды. Ситу, например, в областях Окского, Днепровского бассейна и на севере, можно рассматривать как остаток общеславянославянской одежды, вытесненной у русских иными типами. Подобным же остатком является гуля на северо-востоке (карта 65, III), сильно трансформировавшаяся (шлахась со сборами). В других случаях наличие таких узколокальных видов одежды было обусловлено связями русских с соседями: малица и совик на северо-востоке заимствованы от немцев, коми (карта 64, VI, VIII), бурка — на юго-востоке — от казакских горцев. Население юго-западных губерний в местах близкого соседства с украинцами, а также русские Харьковской, Екатеринославской губерний носили близкую к украинской одежде: юпку, чечмару, чумарку, кушину. Это сравнительно короткая одежда, шившаяся в талию, большей частью из фабричной ткани (карта, 65, IV, V), с некоторыми особенностями покрой.

Обувь мужская и женская

Кожаная обувь (карта 71; табл. XXVI) имела повсеместное распространение в русской деревне XIX — начала XX в., хотя различные по зажиточности группы крестьян пользовались ею в разной степени.

Основные виды кожаной обуви: сапоги (преимущественно мужская, но также и женская обувь) и коты, чары, чары, обутки и пр. — твердые, грубые туфли с каблукками на подковках. Иногда этим названием именовались мягкие выворотные туфли. Сапоги шли также выворотными, с пришитым голенищем или же выгнанные, на ранту. Голенища у праздничных сапог делали в гармошку — со сборами. С конца XIX в. все более входят в крестьянский быт женские башмаки, полсапожки с резинками и мужские шиблеты городских фасонов того времени. Сапоги и коты были далеко не у всех, а башмаки, шиблеты, туфли имели наиболее зажиточные в деревне. Они же могли носить сапоги постоянно. Обычно сапоги, полсапожки берегли и надевали только в церковь, на праздники.

Мы не располагаем данными для картографирования

разновидностей обуви ремесленного или фабричного производства, и на карте они не нашли отражения. Сведения о распространении примитивной кожаной и меховой обуви дают возможность характеризовать своеобразие отдельных областей.

Так, например, на севере и северо-востоке большое значение имели своеобразные мягкие сапоги с пришитым высоким голенищем, с петлями и ремешками для подвязывания их к ноге — бродни, бредня, бахилы, ловчиги (карта 71, I, B), употреблявшиеся для работы и на промыслах. Бродни были широко распространены и в Сибири.

Наиболее примитивная кожаная обувь — поршин (морщина, кашкич) — служила рабочей и была двух разновидностей: 1) более старая форма — из одного куска кожи, собирающегося вокруг ноги при помощи ремешка или веревки, протодой в прорези, и 2) из двух кусков кожи, с пришитой головкой (карта 71, I, A)². Обувь эта была распространена еще у древних славян и у многих из их соседей. Автор книги «Опшники у румын» проследивает этот тип обуви еще в эпоху неолита, гальштатской и латенской культур, а также на памятнике в Адамкиссе³ и связывает некоторые виды румынских опшников с иллиро-фракийскими. Таким образом, этот тип обуви — один из древнейших. Его нужно считать и общеславянским, поскольку он известен всем славянским народам. В Древней Руси поршини носили главным образом горожане (в Новгороде, Смоленске, Старой Рязани, Москве и других городах), но также и крестьяне. Однако в русских деревнях XIX — начала XX в. эта обувь не была так широко распространена, как например, у украинцев. Поршини носили в северо-западных губерниях и на крайнем юге, т. е. там, где мало носили лапти или где их совсем не было (карта 70). Лишь в Среднем Поволжье они встречались наряду с лаптями. На северо-западе ношение подобной обуви — древняя традиция, широко распространенная еще в древнем Новгороде⁴. На юге — Северном Кавказе, Нижнем Поволжье (где население сформировалось сравнительно поздно) — ношение поршиней, — возможно, украинское влияние; широко распространены они и у народов Кавказа. Не случайно, по-видимому, здесь и названия этой обуви: постолды (у кубанских казаков) и чуваки — у донских и кубанских казаков.

Ношение меховой обуви — уледи, упакы, шмыа, кепги, ияры — из шкур или кожи животных, как видно из карты, ограничивалось крайним севером. Это объяснялось наличием соответствующего материала (продуктов охоты, оленеводства, морского рыболовства и т. п.), а также природными условиями севера, тундры, где эта обувь особенно удобна. Большое значение имели связи с местным населением, выработавшим многие из этих видов меховой обуви.

Валенная обувь с высоким голенищем, появившаяся в начале XIX в., во второй половине все более входила в крестьянский быт, а в конце XIX — начале XX в. валенки были характерной обувью, особенно в центральных и южнорусских губерниях России. Меньше они были распространены на юго-востоке (особенно у казаков); не

² Население у русских поршин с остроконечным, подобно постолдым западным украинцам, у южн. донских казаков.

³ Грегора Флора Ибна. *Opuscula de romanis*. Восточн. 1937, с. 133-135.

⁴ Назимова С. А. К истории кожаной и сапожной обуви Новгорода Великого. // МНН, № 65, 1959, с. 192-222.

лю их и на крайнем севере (в тундре они неприменимы) (см. карту 71).

Картографирование типов плетеной обуви, которая была распространена в крестьянском обиходе в XIX в., даю очень много для выяснения древнейших этнических корней русских. Плетеная обувь (из древесной коры) распространена была на территории восточных и западных славян, народов Прибалтики, западных и восточных финнов, а также в прибрежных районах Швеции. Многочисленные находки копытенов — орудий для плетения лаптей, кремневых и костяных (последние аналогичны костякам, употреблявшимся белорусами в начале XX в.) — говорят о существовании техники плетения с древнейших времен. Часть этих находок относится к неолиту, что давало основание некоторым исследователям (В. А. Городцов) говорить о наличии лаптей уже в неолите¹. Лингвистические данные также говорят о древности лаптей. Термины «лапти» и «лячак» относятся к общеславянским. Термин «оборы» находится в родстве с соответствующими наименованиями *бар* в балтийских языках и уводит нас в еще более глубокую древность. Термин «лячак» — восточнославянский, а термин «лапоть» известен уже в X в., термин «лячница» — в XII в.²

Древнейшим, известным по археологическим данным, является лапоть из Любимского могильника, хранящийся в Вытекомском музее (I тыс. н. э.). При археологических раскопках в Финляндии найдены были берестяные лапти, датировки их не имеется.

О древности плетеной обуви говорит множество преданий и поверий, связанных с ней. Лапти применялись в семейных обрядах: старообрядцы на Урале обязательно проливали в лаптях; в Курской губернии жених должен был подарить невесте лапти, начиналось сватовство. Лапти применялись в аграрных обрядах: в Бривском уезде Псковской губернии семена огурцов возили на огород в лапте (чтобы плети были такие длинные, как оборы лаптей), а также в обрядах, связанных с домашней птицей; лапти считались «куриным богом», его вешали вместе с овсом с отверстием на носете, чтобы куры неслись дома (сидя на домашней носетке (с Русаново Лихвинского уезда Калужской губернии)).

Карта 70 показывает типы плетеной обуви и их распространение в середине XIX в. Мы не располагаем данными, позволяющими представить соотношение кожаной и плетеной обуви в разные периоды, а также интенсивность распространения кожаной и плетеной обуви в разных областях. Однако из наших материалов с определенностью вытекает, что к концу XIX — началу XX кожаная обувь гораздо шире входила в употребление по сравнению с серединой XIX в. С другой стороны, ясно, что соотношение кожаной и плетеной обуви по областям не неодинаковым. На севере лапти имели значение лап рабочих, в основном покровной обуви, в центрально-таежных и черноземных областях лапти были и ботин, и праздничной, и обрядовой обувью, на юго-

востоке (у казачества) и в Сибири она отсутствовала. О степени распространения лаптей в более древние времена археологические раскопки дают некоторые сведения. Так, при раскопках в Новгороде, где берестяные изделия сохранились в большом количестве, А. В. Арихонский нашел лишь один берестяной лапоть и множество изделий из кожи. Это дало ему основание предполагать, что в Новгороде лапотников не было и среди бедняков, все новгородцы носили кожаную обувь³.

Выше мы отмечали наличие поршней — кожаной примитивной обуви — в Новгородской и Псковской губерниях в XIX — начале XX в. наряду с лаптями.

М. Г. Рабинович⁴, производивший раскопки в Москве, сделал вывод, что лапти составляли в древности лишь незначительный процент среди остальной обуви. Очевидно, лапти в основном были обувью крестьян-земледельцев и сохранились до XX в. среди крестьянской массы. Жизнь лаптей И. С. Ваврох объясняет: 1) привычкой населения (вернее говорить о традиции, благодаря которой архаизмы сохраняются в быту в течение ряда веков), 2) легкостью и удобством самой обуви и 3) ограниченной или слабой покупательской способностью крестьянского населения в прошлом⁵. С этим нельзя не согласиться, однако с оговоркой: наличие из названных причин — основная.

Отсутствие лаптей в юго-восточных областях (у казачества) и в Сибири может быть объяснено рядом причин: 1) сравнительной состоятельностью населения, 2) позднейшим формированием этих групп населения, 3) отсутствием необходимого материала для изготовления плетеной обуви.

По технике плетения лапти разделялись на две группы: прямого плетения и косого. Д. К. Зеленин указывал на эти два признака как основные для классификации лаптей⁶. Он же выделял лапти смешанного типа, где сочеталось прямое и косое плетение.

1. Лапти прямого плетения изготовлялись без колодок, их решетка состояла из перпендикулярных друг другу лык (липовых, вязовых и т. д.). Лапти начинали плести с носка, боковые петли надевали на деревянные палочки, и когда лапоть был готов, то через эти петли протягивали веревочку — оборинку, чтобы стягивать лапоть на ногу; продолжением ее являлась оборивка (карта 70, I, А). К лаптям прямого плетения относятся коверзены Псковской губернии, крестовины в Духовщинском уезде Смоленской губернии, рачины — в бассейнах рек Десны, Ветвы, Болвы, Навли. Все эти лапти имели разные названия, но одну форму — общую с украинскими лячками и белорусскими коверзены, а также с лаптями народов Прибалтики и западных славян. Территория распространения лаптя прямого плетения была очень велика. Она охватывала всю западную часть Восточной Европы: бассейн Днепра, Одера, Вислы, Прибалтику, а также Финляндию и берега Швеции. Территория их распространения во многом совпадала с территорией древних этнических общностей. По картам П. Н.

¹ Городов В. А. Вытекомские археологические раскопки. Курс лекций, прочитанных в Московском университете. М., 1910.

² Кюне Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней Руси. М.-Л., 1937, с. 162, 178; Ваврох И. С. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1936, с. 16, 28, 121, 126.

³ Арихонский А. В. Археологическое изучение Новгорода. // Труды Новгородской археологической экспедиции. // МНБ, № 55, 1956, с. 24; Он же. Раскопки восточной части Дворца в Новгороде. // Материалы к исследованию по археологии древнерусских городов. I. МНБ, 1948, № 11, с. 173.

⁴ Рабинович М. Г. Из истории быта городского населения Руси в XI-XVII вв. СПб., 1955, № 4, с. 42.

⁵ Ваврох И. С. Указ. соч., с. 13.

⁶ Зеленин Д. К. Первобытный быт и искусство русских культур. // Краеведение, 1928, № 5, с. 262-263.

⁷ Третьяков П. Н. Восточнославянские языки. М., 1953, с. 23, 31, 44.

Третьякова² видно, что балтийцы выделились из праславянской общности в I тыс. до н. э. Поскольку рассматриваемый тип плетеной обуви был характерен и для балтийцев, и для славян, то очевидно, он восходит к более древнему времени их общности. Он являлся и общеславянским, и обществославянским.

Разновидностью этого же типа лапти следует считать новгородский коверзень прямого плетения, отмеченный кое-где по р. Ловати и в Олонечкой губернии. Отличие его состояло главным образом в материале — бересте, который, по мнению И. С. Вахрова, является более поздним материалом по сравнению с липовым лыком.

Лапти косого плетения изготовлялись на колодке, начинали их плести с пятки, решетка состояла из полосок лык, расположенных друг к другу под тупым и острым углами. Встречалось несколько типов лаптей косого плетения.

2) Лапти мордовского типа плелись из липовых и вязовых лык косым плетением, имели головку трапециевидной формы и по две петли с каждого бока для продевания обор (карта 70, I, Б). Характерны для этого лаптя лыки, перевернутые углом вдоль или поперек головки — курки, положение которых определяло лапоть мужского и женского типа. Этот лапоть известен у всех групп мордвы, отчего и получил название мордовского. У русских он был распространен в Рязанской губернии, к северу от р. Пры и к востоку от р. Рамовы, в Муромском, Мелеховском, Суздальском уездах Тамбовской губернии. Это территория древних финских могольничков, муромы и мещеры. С движением рязанской мещеры на юго-восток этот тип лаптя попал в Керенский уезд Пензенской губернии и в Аткарский уезд Саратовской губернии, где и был вытеснен самой революцией вместе с другими частями костюма «русской мещеры».

Таким образом, мордовский лапоть являлся одним из компонентов финно-угорской материальной культуры, вошедшим в состав материальной культуры русских. И это было результатом не столько заимствования, сколько ассимиляции восточных финно-угров славянами. Берестяной лапоть с двумя оборами по бокам рассматривался нами как разновидность северного верзья³. Однако, если не считать материала (бересты) и сходства формы головки, он больше близок к мордовскому лаптю (с боков имеются по две петли для обор), хотя сделан грубее (карта 71, I, Д). Возможно, что эта разновидность лаптей являлась результатом контаминации древнего (может быть, «чуждского») лаптя с северными новгородцами. Район его распространения, судя по карте, Ярославская, Тверская губернии. Но сведения о его распространении неполны; так же и предположение о его происхождении нуждается в дополнительной аргументации.

3) «Московский» лапоть косого плетения изготовлялся в основном из липовых лык, с хорошо выплетенной круглой головкой, с высоким задником и толстыми бортами, полученными от толстых лык, подложенных под петли во время плетения, оборы продевались через отверстия в бортах (карта 70, I, В). По косому плетению он был ближе всего к мордовскому лаптю, а по

подложенным лыкам в бортах его можно сравнить с коверзнем. Лыки были аналогичны тем палочкам, которые подкладывали при плетении коверзней, но здесь они не вынимались, а оставались, чтобы дать опору для продевания обор. Характерной особенностью являлось наличие в праздничных лаптях писаной, т. е. плетеной из мелких лык узорами головки.

Основная территория бытования московского, или русского лаптя — бассейны р. Оки до р. Рамовы, к югу от р. Пры, бассейны р. Москвы, верхняя Волга; на западе граница доходила до Десны. М. Г. Рабинович нашел лапоть этого типа, но подошве подковыреинный ремешком, в Москве, в Зарядье, на усадьбе сапожника XV в. Московский лапоть проник на север — в Ярославскую, Костромскую губернии, на запад — в Новгородскую, Псковскую, Смоленскую губернии, в Поволжье, в Вятскую губернию, а с колонизацией лесостепного юга в XVII в. — в Орловскую, Курскую губернии.

4) Лапоть новгородский — верзень — берестяной, косого плетения, с высоким задником (карта 70, I, Г). Основная территория его бытования — Каргово-льский, Онежский, Петрозаводский уезды Олонецкой губернии, бассейн Пинеги, Северной Двины до Печоры, т. е. области Новгородской земли и территории, на которой в отдельных районах преобладала новгородская колонизация⁴. Это говорит о том, что берестяной верзень был вытеснен еще в древнее время, когда происходило освоение севера новгородцами. Но по отношению к коверзю прямого плетения, о котором говорилось выше, это более поздний тип.

К лаптям косого плетения должен быть отнесен и лапоть пермский, который был очень близок к русскому, или московскому и выделялся лишь устройством женского лаптя, к которому пришивались так называемые опушки — обшивка из пеньки, собиравшейся на шпурке вокруг ноги (карта 33, I, Ж).

К смешанному типу относятся татарский, чувашский, марийский лапти, в которых, хотя и имелись различия в деталях, но в целом сочеталось косое и прямое плетение: подошва — косого плетения, а головка выплеталась прямым плетением (карта 70, I, Е). Лапти этого типа встречались у русских в Нижегородской, Вятской, Казанской, Екатеринбургской, Пермской и других губерниях, в тех местах, где русские жили по соседству с народами Волго-Камья. К русским эти лапти попадали большей частью путем покупки, поскольку торговля лаптями была развита в больших селах и мелких городах⁵.

Следует отметить, что лапти косого плетения — московский, мордовский и другие — плели на косой колодке, то есть с различными колодками для правой и левой ноги, и то резки как лапти прямого или смешанного плетения делали без различия для обеих ног. Последние чаще предназначались для работы. В Поволжье, например, покупные (чувашские, татарские и другие) лапти надевали для работы, но хорионы обязательно в русских лаптях. В некоторых селениях употребление этих лаптей может быть объяснено и ассимиляцией русских татарско-липовозычного населения; у обрусевшего

¹ Восточнославянский сборник, С. 719.

² Висковский М. М. Зональное саморазвитие из русских Севере XVII в., I. М., 1959, С. 2.

³ Маслова Г. С., Ставицкий Т. В. Указ. соч., С. 129.

иселения оставались их старинные лапти.

Московские, а иногда и мордовские лапти делались с писаной головкой, в то время как для других типов это не характерно.

И. С. Вахрос считает, что лапти косого плетения распространились позднее, чем лапти прямого плетения. Исследователь основывает свой вывод на работе Н. Батонова. Последний объясняет это тем, что везде где делалась плетеная обувь, изготавливали косым плетением тарки, коробки, ножки и прочее из липового лыка и березовой коры¹. Однако неясно, у каких народов косое плетение появилось позднее, чем прямое. Если у славянских, то с этим положением можно согласиться. Однако нужно считать, что косое плетение было древнейшим для восточной части Восточной Европы.

С лаптами носили огуни (обертки из ткани) и оборы (привязки), ведущие свое начало с глубокой древности. Лаптовые оборы являлись общеславянскими. Находки медных колец около колен в славянских курганных захоронениях говорят о наличии у славян ремешков обора. Среди обора выделяются шерстяные черные, плетеные или тканые; они были известны у белорусов (Витебская, Смоленская губернии) и у русских (Смоленская, Тверская губернии, Орловское, Калужское полевье), что говорит о связях населения этих территорий. Помимо белых лаптовых и суконных огуи, всюду распространенных, шестны были черные шерстяные огуи («пошлы»), тканые на двух подножках, у русских (Рязанская, Тамбовская губернии) и у народов Поволжья.

Кроме традиционных форм плетеной обуви, известны две лаковые сапоги и туфли (карта 70, II, III). Первые ведали локальное распространение (Нижегородская, Пермская, Олонская и другие губернии) и являлись, возможно, подпольным явлением; они служили рабочей и промысловой обувью. Вторые же, в форме туфли или шмашка (носившиеся без огуи и обора), известны были в разных местах под названиями: бахилы, ступни, босовики (так как надевались на босую ногу). Они были большей частью домашней рабочей обувью (при выходе во двор, для ухода за скотом). Плетлись они из лыка липовых, ольховых, ракитовых, из бересты косым плетением на ажурной колодке.

Чуны, шептунки, шоптанники — род туфель, плетенных из липовых веревочек, верки, трипок прямым плетением (карта 70, IV). По форме чуны были: а) с прямоугольной головкой, б) с круглой головкой и с загнутым сверху носом. Последняя форма была выражением кожаной обуви с приподнятым носом, шестной уже в XI в.² и более широко вошедшей в быт в IV-VII вв. Распространение обуви, плетеной из веревочек, по нашим данным, сосредоточено было преимущественно в центре России (см. карту 70). Возможно, что это было вызвано недостатком лыка в связи с уменьшением лесов, а развитие в этих губерниях животноводства, коневодства и ткачества давало отходы лабратки петлицы и лыка, которые и использовались для плетения обуви.

Картографирование выявило ту общность в одежде, которая прослеживается по всей территории расселения

русского народа в XIX в. Эта общность проявлялась в единообразном типе мужского костюма (не только крестьянского, но и городского — мещан, рабочих), в мужских головных уборах, типах обуви, поясах, в разнообразности верхней мужской и женской одежды из ткани и меха (шуба, полушубок, тулуп, армяк, поддевка, кафтан и пр.), которые носили в этот период не только крестьяне-земледельцы, но и ремесленники, отходники в фабричные центры, частично и городское население — мещане, купцы (см. карты 59, 66-69).

Женская одежда была гораздо сложнее. Общее распространение получила рубаша с поликами, отличная от туникообразной рубахи финно- и тюркоязычных соседей, но сходная с рубашкой украинцев и белорусов (карта 47). Кичкообразные головные уборы и кокошники были характерны для русских; сарафан — также общерусская одежда — широко распространялся, проникнув в известной степени и в область стойкого бытования поневы (карта 41, 42).

Один из элементов одежды, как мы видели, вошел в состав русской культуры из общеславянской среды (женская рубаша с поликами, типы набедренной женской одежды, полотняные головные уборы и кокошники), другие появились в процессе образования великорусской народности и формирования русского национального костюма. Наконец, немало и таких, которые появились или распространились сравнительно поздно — в XVIII — XIX вв. (как, например, одежда со сборами, отрезная в талии, из ткани и овчины, корсетка, сарафан-полуплатье, мужская и женская рубаша на конетке и т. д.). Эти элементы одежды у русских распространялись и видоизменялись неравномерно: в одних местах — раньше, в других — позже, являясь их общим культурным достоянием.

Естественно, что русские, расселившись из огромной территории, не были полностью однородны в этнографическом отношении.

По особенностям одежды, которые согласуются с результатами картографирования народного жилища и хозяйственных построек³, в Восточной Европе в XIX в. выделяются следующие группы, а соответственно, и историко-культурные области: севернорусская, южнорусская, среднерусская; кроме этих основных подразделений, выявились особенности западной, а также северо-восточной и юго-восточной групп населения. Эти историко-этнографические области были разделены не резкими границами, а широкими переходными зонами. Наиболее существенны были различия между северной и южной группами. В востоке южной группы преобладал комплекс с поневой, включавший немало других особенностей: рубашу с косыми поликами, нагрудник, рогатые головные уборы, украшения из птичьих перьев и из бисера и т. д. Единство этой группы ярко выражено почти на всех картах, несмотря на сложность этнографического состава ее населения. Среди основного массива потомков древних славянских, оставшихся в наиболее глухих лесных местах юдали от татарских шляхов, как бы вкраплены более поздние переселенцы (потомки служилых людей XVI-XVII вв., переселенные

¹ Вахрос И. С. Указ. соч., с. 25.

² Батонова С. А. Указ. соч., с. 211.

³ Гаврилова О. А., Маслова Г. С., Найдан Д. В. Русский историко-этнографический атлас. Доклад на VI международном конгрессе антропологии и этнографии, 1968.

помещиками крестьяне, старообрядцы и другие).

Поздние переселенцы четко выделялись по одежде (с ними распространился здесь комплекс с сарафаном и кокошником, принесенный из центральных областей, и комплекс с полосатой юбкой-андарак — из западнорусских областей).

Данные о народном костюме позволяют говорить о продвижении населения из окского района на южные окраины Русского государства в XVI-XVII вв. (имеется в виду расширение территории распространения синей клетчатой поны). Группы так называемых цуканов в Орловской и Курской губерниях вряд ли можно рассматривать как крестьян, сравнительно поздно переселенных своими помещиками. Комнатная территория распространения цуканской одежды (поны и рогатой кички) говорит о вольной колонизации — движения населения на юг, в степи по мере ликвидации утробы татарских набегов.

Среди южной группы русских выделялось население крайнего юго-запада — области бытования особой разновидности поны, близкой к украинской плахте, полотенчатых головных уборов, лаптей-рачков прямого плетения и т. д. Культура юго-запада особенно была близка к культуре украинцев и белорусов (см. карты 45, 52), но это русское население и легко отличается, по этнографическим данным, особенно по одежде, от собственно украинцев, составивших в XIX в. значительную часть населения южных уездов Курской и Воронежской губерний, сформировавшегося здесь сравнительно поздно — в XVI-XVII вв.

Восточная и западная части южнорусской области имели некоторые различия.

Если в западной части сохранялась большая близость с белорусами и украинцами (особенно в области Десны и Сейма), то в восточной части (в бассейне средней Оки) значительно сказались связи русских с народами Поволжья. Наиболее ярко прослеживались эти связи у населения северо-востока Рязанской губернии — в Мещерском крае. Однако это не нашло должного отражения на картах. У мещеры распространен был южнорусский комплекс (с поновой, рубахой с косыми полками, нагрудником, кичкой и т. д.). Это дало основание Б. А. Куфину назвать ее «русской мещерой», но ряд деталей в одежде, украшениях, орнаменте отличал мещеру от населения южной части Рязанской губернии. На карте видно лишь своеобразие мещерских поны и плетеной обуви (карты 45, 70).

Характерные черты севернорусского комплекса в одежде (а также в жилище) особенно ярко выражены на территории примерно от бассейна р. Волхова на западе до Мезени на востоке (по административному делению XIX в. это — Новгородская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская губернии, северная часть Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и других губерний).

Северная область распространения русского комплекса прослеживается менее четко, чем южная, так как одежда ее населения во многом была сходна с одеждой среднерусской группы (преобладание комплекса с сарафаном) и различалась по отдельным частям и ее деталям. Однако и эти детали позволяют довольно хорошо видеть особенности одежды населения севера (распространенность белого балахона и рядовки,

характерных типов плетеной и кожаной обуви, способа тязня поясов на беречке, девичьего венца — коруны, головца, особая разновидностей кокошника, нарукавников, шуга, кошули, своеобразных названий сарафан (см. карты 43, 48, 53-57, 61, 70). Северо-западный комплекс несколько отличался от северо-восточного (типами женских головных уборов, наличием глухого сарафана-шущуна и т. д.). В костюме крайнего северо-востока было немало общего с костюмом населения северо-восточной области (карты 43-52).

Одежда севера была не столь разнообразна, как одежда южнорусской или юго-восточной областей. Процесс выработки общих форм здесь начался очень рано. Однако и здесь можно видеть как бы вкрапление некоторых, мало характерных для севера типов одежды, которые могут свидетельствовать о каких-то древних группах, не совсем утерявших в XIX в. особенности своей материальной культуры. Один из таких «очажков» — в Каргопольщине, где отмечена рубаха с косыми полками и девичьи головные «перевязочки» из лубяного обруча (карты 47, 53), по-видимому, южного происхождения. Другие «очажки» прослеживаются в Архангельской, в главном образом в Вологодской губернии, где встречались шерстяная полосатая юбка и мужской комплект, отличный от среднерусского, — с мужской рубахой с полками, по-видимому, западно-русского или белорусского происхождения.

● Среднерусская группа занимала главным образом Волго-Окское междуречье (являвшееся тем центром, где в XIV-XV вв. происходило формирование основного ядра великорусской народности). По административному делению XIX в., это — Московская, Владимирская, часть Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, север Рязанской, Калужской и других прилегающих губерний. Здесь наблюдаются как бы «наступление» северных форм (как в одежде, так и в жилище) на южные. Комплекс с сарафаном нередко насаждался на комплекс с поновой и вытеснял его (известно, например, что понову носили еще в XVII — начале XIX в. во многих местах Московской и Владимирской губерний). Сарафан здесь считался с однокройным кокошником или с кичкой-сорочкой (которые носили иногда с пушками и бисерия позатылиником); характерен был и тип плетеной обуви — московский лапоть. Объединяющая роль населения центральной области, сказавшаяся и в одежде, в известной мере выявляется по картам. Выше говорилось, что это — основной центр, откуда распространился сарафан-кичник, прямой сарафан (московник, шубка и др.). Для этой же области особенно была характерна одежда с сарафанами, валяная обувь с высоким голенищем, широким распространением по всей Руси.

К среднерусскому населению центральных губерний, по этнографическим данным, близко примыкало население Среднего Поволжья, довольно единообразное по своей культуре. Это сказывалось и в одежде. Здесь также преобладал комплекс с сарафаном (расширявшимся), господствовавшим в центральной полосе, в частности в Верхнем Поволжье, с которым тесно связано формирование культуры населения Среднего Поволжья. Здесь бытовал тот же тип кокошника и ряд деталей в одежде и связанной с ней терминологии, которые были характерны и для центральной области. Взаимосвязь с мари, мордвой, чувашами и татарами не могла и

отразиться на материальной культуре русских Поволжья (см. карты типов плетеной обуви, мужских головных уборов, верхней одежды и ее терминологии и др.).

«Вкрапление» комплекса с поновой в одежду населения Среднего Поволжья было связано с переселениями южнорусских групп; частично оно объясняется движением «русской мещеры» с севера Рязанской губернии на юго-восток в XVI в. — в Пензенскую, а в XVIII в. — в Саратовскую губернии.

Западнорусская группа включала население бассейнов рек Великой, Верхнего Днепра, Волги и Западной Двины (Псковская, Смоленская, юго-западная часть Тверской губернии и северная часть Витебской), которое объединялось некоторыми общими чертами в одежде и жилище. Они прослеживаются на картах 50, 51, 60, 70 (наличие терминов и одежды — кастолан, насов, распространение белого балахона, шапки-валенки, типов белорусского лапта и др.). Но вместе с тем по одежде население этой области довольно резко подразделялось в две подгруппы — северную (в Псковщине) и южную — в Смоленщине (с прилегающими районами). В одежде жителей Псковской губернии было много общего с одеждой населения Новгородской губернии (бытование древнего типа сарафана-пушунта, некоторые виды женских головных уборов), но вместе с тем бывало немало черт, общих с одеждой средней (тип однорючего кокошника), а в известной степени и южной областей (пушунки).

Южная часть — Смоленская губерния — область древнего местного поновного комплекса в двух вариантах (с поновой-спованкой, близкой по покрою к украинской тахте, и нешитой поновой белеского типа). Но в ряде мест эта одежда была вытеснена комплексом с полосатой белой-андарком (саыном), появление которого мы объясняем сравнительно поздним белорусско-литовскими влияниями населения, асхождение этой территории в состав Литовско-Литовского государства (в XVI — XVII вв.). Бытовал здесь и среднерусский комплекс с сарафаном и кокошником, особенно в наиболее восточных уездах. В ряде древних элементов одежды было много общего с белорусской, а частью с украинской (что отмечалось выше). Связь с белорусами видна и в северной, но особенно сильно в южной части этой территории (см. карты 46, 47). Таким образом, западная область являлась как бы переходной между северными и средними, финскими и южными великорусами, а также между русскими и белорусами.

Северо-восточная группа (Вятская, Пермская, частично Уфимская и части других соседних губерний) являлась как бы переходной от северной к среднерусской группе. В одежде, как и в других сторонах культуры, выделялись две основные группы элементов, характеризовавшие два главных направления, по которым шла заселение края: с севера и из центральных областей Поволжья. Из северных элементов отмечаются белый алахон, термин «пушун» для сарафана, девичий венец-лавочек, мягкие сапоги-бродини и другие (карты 43, 55, 271). Из деталей костюма, привнесенных из центральной области и Поволжья, известны прежде всего тип однорючего кокошника, московский лапот и другие

(карты 54, 70). Эти черты в одежде могли быть занесены выходцами из Суздальско-Нижегородской и Галицких земель еще в XIV-XV вв. и, в связи с усиленной колонизацией края в XVI-XVII вв., а также с дальнейшими переселениями старообрядцев. В одежде сказалось соседство русского населения с мари, удмуртами, татарами, коми (некоторые группы из них были ассимилированы русскими). В результате этих взаимодействий больше, чем в других местах, распространилась здесь туникообразная рубашка, носили женский девиный колапак, мужскую рубашку-косоворотку с разрезом на правой стороне, марийский лапот. Особенно много было общего в одежде русского населения с одеждой коми, которые много заимствовали от русских, но вместе с тем и русские заимствовали от коми охотничью одежду — лузан, шапку-зырянку, типы обуви (см. карты 60, 70). Общими у русских с коми-пермяками являлись тип первичного лапта женский убор — самшюра. Для одежды северо-восточной области были характерны названия сарафана (дубас, сацалынк), верхней одежды (шабур, гуня) — см. карты 43, 65, 69.

Важным моментом в жизни края было раннее (с XVII в.) развитие металлургической промышленности, что существенно отразилось на формировании населения Приуралья и его быте. На заводы прибывало ремесленное население из Подмосквы, Тулы, Новгородской губернии, крестьяне из Поволжья и т. д. Существенным фактором в жизни края были связи с Сибирью, так как здесь пролегали основные пути в Сибирь и население из Приуралья и Вятского края составило значительную часть сибирских старожилов. Вместе с тем возвращавшиеся из Сибири нередко оседали здесь; таким образом, связи крестьянских и заводского населения с Сибирью были постоянными¹. В связи с особенностями экономики края, развитием промышленности, торговли, подвижностью его населения отмечается ранняя индустриалка быта, значительное влияние городской одежды XIX в. (карты 38, 39). Особенно это касается Пермской губернии. Исключение составляли здесь группы старообрядцев из сельского или заводского населения, у которых сохранялась старинная одежда.

Население юго-востока (на территории от бассейна р. Хопра до бассейнов рек Кубани и Терека — главным образом Область Войска Донского, восточной части Новороссии, Кубанской, Тверской областей, а также Нижнего Поволжья) объединяется на картах в одну область. Оно отличается некоторыми особенностями как в одежде, так и в жилище, хотя и не является единым в этническом отношении. Значительную часть населения составляло казачество (сформировавшееся в разное время из разнородных русских, частью украинских, а также неславянских групп).

Раннее всех (XVI в.) из выходцев с разных концов русской земли формировалось по рекам Дону, Донцу, Хопру, Медведице, донское казачество, впоследствии наиболее многочисленное. Есть указания на браки казаков с полоненными «черешенками, татарками, турчанками». Донские казаки несли подразделения на верховых и низовых. Сложность формирования этих групп в известной мере отражена на картах. Она особенно сильно

¹ Гринкова Н. П. Одежда бутурлиничских старообрядцев. // Бутурлиничские старообрядцы. Материалы комиссии экспедиционных исследований Академии наук СССР, серия казачество. Л., 1930. С. 313-396.

² Харузов М. О казачьих общинах на Дону. Материалы для общего права. М., 1885. С. XVI.

сказалась на одежде женской части населения, у которого, бывало в XVIII-XIX вв. несколько комплексов: 1) с поновой и рогатой кичкой (в верховьях Дона); 2) с сарафаном и кокошником (верхний и средний Дон); 3) с туникообразной рубашкой и сукманом (Усть-Медведицкий округ); 4) с кубельком — платьем, сходным по покрою с платьем кавказских народов, а также 5) городской комплекс XIX в. с рубашкой на кокетке, юбкой и пр. (карты 38-40).

Казаки на Терее были наиболее ранними (конец XVI в.) русскими поселенцами на Северном Кавказе. Терские и выходившие в их состав гребенские казаки жили в тесном общении с кавказскими горцами. Рассказывая о быте гребенских казаков, И. Пото¹ упоминает о множестве черт их быта, общих с бытом кабардинцев. Эти черты проносили, вероятно, и через женщин, большей частью — местных уроженок. Были восприняты мужские головные уборы, обувь, верхняя одежда; женский костюм также близок к кабардинскому. Многие части одежды народов Кавказа распространились гораздо шире и были у многих групп казачества и даже вошли в состав военного обмундирования казаков (бурка, череска, кубанка и др.).

Кубанские казаки — более поздняя группа, сформировавшаяся на Кубани в конце XVIII — начале XIX в. из украинских выходцев из Запорожья и русских. Украинские элементы как в языке, так и в культуре были особенно сильны у западной, более многочисленной группы кубанских казаков: на карте отмечены женский комплекс одежды с полосатой юбкой, очиник, свитка, постолы и пр. В восточной части были сильнее русские элементы костюма.

Казачество, как мы видим, не было однородно в этнографическом отношении. Крестьянское население (выселенное из разных мест России) сложилось из коренных (бывших помещичьих и государственных) крестьян и иногородних — более поздних переселенцев, главным образом из южных губерний. Казаки экономически были более состоятельными, чем крестьяне, хотя и среди них было сильное классовое расслоение. У казаков сложились свои традиции в одежде, особенно мужской, чему способствовали особенности их военной службы. Что касается иногородних, то они, постоянно пополняясь новыми пришельцами, отличались от казачества общерусской крестьянской одеждой: носили, например, поддевки, полушубки, рубахи-косоворотки, шапку-гребенник и пр., что казаки, как правило, не носили. Наиболее зажиточные из иногородних подражали в одежде казакам.

Русское население Нижнего Поволжья сформировалось также сравнительно поздно, начиная с XVI-XVII вв., а процесс заселения этого края продолжался вплоть до XIX в. Кроме русских разных губерний, сюда переселялись украинцы, чем объясняется большая пестрота типов женского костюма (карта 40). Были и казачьи группы на Волге (астраханские и другие казаки).

Несмотря на сложность состава населения юго-восточной области, со временем здесь выработалась известная общность материальной культуры, чему

способствовали и природнохозяйственные, и бытовые условия. Эта общность более всего видна в мужском комплексе одежды, который отличался (как видно по карте 39) от общерусского. Общее было в типах обуви, верхней одежды, мужских головных уборов и т. д. (карты 60, 70). Комплекс мужской одежды, характерный для юго-востока, был общим с украинским и костюмом тюркоязычных соседей казаков. Это объясняется, по-видимому, вхождением в состав казачества как украинских, так и неславянских компонентов. Во всяком случае для русских этот комплекс сравнительно позднее явление, связанное с формированием казачества на Дону, Урале, Северном Кавказе и т. д. Условия военного быта, по-видимому, имели большое значение для распространения этого комплекса, а также для распространения своеобразных видов головных уборов (казачья шапка, папаха, кубанка, военная фуражка) и особой верхней одежды у казаков.

Такие одежды, как бешмет, чекмен, чапан, некоторые виды мужских уборов, женский казаный колпак, кубелек, штаны, также приходится относить за счет «восточного» влияния. Многие из этих особенностей по своему происхождению связываются с восточными тюркоязычными соседями, другие определенно указывают на тесные связи с народами Кавказа.

Выработка общих форм одежды способствовало развитию капиталистических отношений в XIX в., которое здесь шло интенсивнее, чем в центрально-черноземных губерниях, особенно в низовьях Дона. Это сказалось еще в дореформенный период², и уж в середине XIX в. здесь распространились полугородские и городские виды русской одежды (карта 38).

Подразделения по этнографическим признакам в основном соответствуют диалектологическим подразделениям³, но не всегда полностью совпадают, что вполне понятно, поскольку распространение языка и материальной культуры подчинено различным закономерностям. Наибольшее соответствие языковых и этнографических подразделений обнаруживается в областях древнейшего расселения, особенно в северной и южной; известное соответствие есть и в средней полосе, хотя выделяемая диалектологами область среднеурусского переходного диалекта гораздо уже той среднеурусской области, которая выделяется по этнографическим данным. Меньше соответствий в областях, где население сформировалось сравнительно поздно и из разнообразных этнических групп.

Этнографическое своеобразие населения отдельных областей создавалось под влиянием разнообразных факторов: исторических, социально-экономических; известное значение имели и природные условия.

Если особенности одежды юго-восточной и северо-восточной областей, а также Среднего Поволжья формировались, как и само население, сравнительно поздно, главным образом в XVI — XVII вв. и позднее, то этнографические особенности выделенных нами северной, южной и западной областей уходят своими корнями в более отдаленное прошлое — к древним этнографическим общностям. По картам выделяются три таких основных

¹ Пото И. Терские казаки стародавних времен. Исторический очерк. СПб., 1880, С. 11.

² Чихачев Д. Н., Шолом Н. Н. Итоги исследования материальной культуры XIX — начала XX в. русского населения южных областей Союза, 1954 г. (рукопись).

³ Дурново И. Н., Солодов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с продолжением очерка русской диалектологии. М., 1915.

общности или области: 1) днепровская (Верхнее Поднепровье, частью бассейны Десны и Сейма), где сохранилась более всего обществославянская основа, очень близкая по культуре к белорусам и украинцам; 2) окская, в которой при сохранении древней обществославянской основы имелась и большая специфика; 3) новгородская или северная, в которой обществославянские черты прослеживаются в отдельных наиболее древних элементах и деталях одежды (названия сорочница — рубаха, — кожных, свита¹, вытесненные другими названиями, лапти прямого плетения, замененные лаптими косого плетения, и пр.). Среди них немало черт, связывающих население северо-запада особенно с белорусской культурой: белый балахон, способ тканья на бердечке, термин «коверсень» и ряд других. Но уже в раннее время здесь развиваются свои особенности в одежде и других областях культуры и быта.

Этнографические данные в значительной мере согласуются с данными археологии, по которым четко выделяются на изучаемой территории три основные группы памятников: длинные курганы, сотки и курганы с деревянными доминанами. Местоположение их соответствует сведениям начальной летописи о расселении древнеславянских племен — кривичей, словен новгородских и вятичей².

Отдельные наиболее древние элементы костюма происходят, как уже говорилось, выше, к племенному быту, пережитки которого были очень сильны в IX—XIII вв., а у вятичей сохранились и позднее.

Древние области хорошо видны на картах распространения древнейших типов одежды, плетеной обуви, женских головных уборов и др. На карте 70 — выделяются: северо-западная территория, где преобладал северный берестяной лапоть; бассейн Оки — московский или вятичский лапоть; бассейн Днепра — белорусско-украинский лапоть.

Как уже говорилось выше, окский район характеризуется синей клетчатой собственно пошевой, днепровский — колышайкой-снованкой и пошевой бельского типа. Анализируя карты распространения типов пошев (карты 44, 45), нельзя не заметить, что наиболее сложное сочетание различных типов пошев наблюдается на древних племенных границах: кривичей и вятичей (север Рязанской губернии), вятичей и северян (бассейн Десны и Сейма).

Распространение пошевы типа плахты, как и рубахи с прямыми полками, припущенной по основе (характерные для украинцев), а также ряда других элементов можно связывать с движением населения вверх по Днепру, происходившим еще в древнее время.

В одежде населения новгородской или древней северной этнографической области мы не находим пошевы (ни по этнографическим, ни по историческим и археологическим данным). Мы полагаем, однако, что такая то набережная одежда (типа пошевы или запясов), вероятно, была у населения Приильменя, но рано исчезла, и уже в период продвижения новгородцев на

север, в Поморье, они несли с собой не пошеву, а другой комплекс — с сарафаном (в его наиболее древней форме — шушуна, сукмана). Этот же тип одежды восприняли, по-видимому, и псковские кривичи. Однако пошева когда-то была в Псковщине. Такое заключение можно сделать из факта сохранения в Псковской губернии в XIX в. пережитков обряда надевания пошевы при обряде совершеннолетия девушки³.

По картам четко выявляется распространение элементов одежды, позволяющее проследить направление путей новгородской и росто-во-суздальской, а затем московской колонизации. Это видно на карте распространения типов плетеной обуви (северный и московский лапоть), на картах распространения типов традиционных женских уборов и других элементов костюма.

Бытование древних элементов на определенной территории позволяет поставить вопрос об автохтонности культуры данного населения. Наличие элементов культуры эпохи неолита, а также времени славянских племенных образований в бассейнах Днепра и Дона безусловно говорит о древней культурной общности, которую П. Н. Третьяков ведет со II тыс. до н. э.⁴ Некоторые из этих элементов культуры, дожившие до начала XX в., подтверждают это положение.

Наряду с широкой распространенностью одних элементов (в частности, одежды) на картах видна и разобщенность некоторых из них. Такая разобщенность сходных типов одежды может быть результатом исчезновения их на более широкой территории (например, отдельные «очажки» белой овчинной одежды из сарматинны являются результатом вытеснения ее в XIX в. дубленой одеждой). Разобщенность может быть также результатом смещения и передвижения населения, что очень четко прослеживается в казюрусских губерниях. Наконец, она может быть объяснена остатками очень древних групп, вошедших в состав народа (места бытования красных пошев и черных нагрудников, гофрированных пошев, мешерских пошев и др.). Но и эти небольшие очажки очень ценны для исследователя.

Данные об одежде помогают до некоторой степени осветить славяно-финские, балто-славянские и другие историко-культурные взаимосвязи русского народа.

В первую очередь возникает вопрос о взаимоотношениях славян с финскими племенами северной части Восточной Европы, которых многие исследователи склонны были называть «чудскими». Этот термин применяется летописцем к «чуждым языколюбам», к западной части финнов. А. Л. Монгайт считает этот термин забытым в нашей литературе, «неправомерно исключенным» и предлагает им пользоваться⁵. С ним нельзя не согласиться, и под этим термином здесь объединяются племена, говорившие с эпохи неолита на финно-угорских языках и занимавшие лесную северо-восточную часть Восточной Европы, бассейны верхней Волги, Оки, верхнего Днепра, Невы, окрестности озер Ладозского, Псковского, Чудского, Ильмень и т. д. и

¹ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (к раскопкам 1952 г.). М., 1954, С. 45; Арциховский А. В. и Воронков В. Н. Указ. соч., С. 17.

² Савилов А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖЭИИ, кн. VIII, 1899, стр. 320; Третьяков П. Н. Итоги археологического изучения обществославянских племен. М., 1958, С. 9-9.

³ Золотев Д. К. Обрядовая праздничная совершеннолетия девушки у русских. // ЖС, 1911, вып. 2, С. 238-239.

⁴ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, карты по рис. 6, 8, 23, 48.

⁵ Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I-ом тысячелетии н. э. // СА, кн. XVIII, М., 1953, С. 151.

частично ассимилированные славянами с X-XI вв., а может быть, и ранее.

Этнографические материалы XIX в. и первой четверти XX в. выявляют ряд «чуждских» элементов, прослеживаемых в одежде русских. Общими для славянских и «чуждских» народов были туникообразная одежда, некоторые виды головных уборов, украшения из бисера и др. Однако вряд ли всегда можно рассматривать эту общность как влияние одного народа на другой, хотя, конечно, и это имело место. Нередко она создавалась на базе общей культуры в очень древнее время. Выше мы рассматривали туникообразный покров у русских и их соседей. Что же касается лопатообразных и однорогих головных уборов, общих у восточных славян с «чуждскими» народами, то можно предполагать, что выработка их шла совместно у обеих групп. Другие черты общности русских с «чуждскими» народами выражались в ношении пушковых, шерстяной и шелковой бахромы на головном уборе и т. д. Селезеневые кудри были широко распространены как среди южных групп русских, так и среди мордвы.

Шелловая бахрома на русских головных уборах (в с. Мелихово Касимовского уезда, в Саложковском уезде, в «Богословщине» Михайловского уезда Рязанской губернии, а также у менцеры Пензенской губернии — табл. XV) известна была еще и удмуртам.

Крылышки, которые носили русские женщины в Михайловском уезде Рязанской губернии (табл. 1, 2), в Тульской и Воронежской губерниях сходны в какой-то степени с поволжскими головными уборами. С. П. Толстов связывает крылышки с марийским и чувашским шарпаном¹.

Многие из общих черт русских и «чуждских» народов отражают торговые связи этих народов в прошлом. Выше указывалось на бисерные украшения.

Раконины-ужовки также были привозными; они провозились от Индийского океана и, судя по территории их распространения, торговый путь шел по Волге. Эта торговля раковинами-ужовками, по-видимому, предшествовала более поздней по времени торговле Болгарского государства по Волге и Оке.

Раконины-ужовки в качестве украшения, по этнографическим данным, широко распространены были у всех финно-язычных народов, а по данным археологии, характерны для финских могильников. У русских в конце XIX в. они прослеживаются на территории обрусевшей воды, а также у «русской менцеры» (с. Мелихово Касимовского уезда Рязанской губернии, д. Вяземка Керенского уезда Пензенской губернии)². Поскольку раковины-ужовки неизвестны в славянских древностях, то их следует отнести на долю финских компонентов, вошедших в состав русского народа.

Некоторые элементы одежды, распространенные на сравнительно широкой территории, безусловно также говорят об ассимиляции здесь бывшего «чуждского» населения. Мы имеем в виду распространение так называемого мордовского ланга (см. карту 70). Это позволяет проследить границу «чуждских» элементов в Рязанской области в дославянское время. Этой границей

являлись реки Пра и Ранова; к востоку от них простиралась сплошная территория обитания менцеры.

Некоторые особенности в одежде дают возможность выделить специфику ее даже у отдельных чуждских групп. Своеобразный пояс с бахромой, напоминающей в какой-то мере пулугай (у русских с. Мелихово Касимовского уезда Рязанской губернии и д. Ушнин Керенского уезда Пензенской губернии), может указывать на общность в одежде менцеры с мордой-орей. Но характерно, что этот пояс носили поверх расташной поневы.

Наличие в обуви черных опут (появил) у курашав Касимовского уезда и в Саложковском уезде Рязанской губернии, а также у мордвы-мошки, мари, чуваш позволяет говорить о культурном контакте менцеры с этими группами поволжского населения.

Русские вышивки свидетельствуют об общности русских с отдельными группами «чуждских» народов. Эзянский шов, известный эзян, встречается у населения Рязанской губернии (в Спасском и Михайловском уездах). В вышивках села Мелихово, выполненных гладью с черной контурной обводкой, отмечается близость к вышивкам мордвы-мошки, а также к чувашским и удмуртским вышивкам. Такая распространенность определенных типов вышивок среди отдельных групп населения смогла возникнуть в результате разделения их другими группами населения, а с другой стороны, она говорит о сложности пути расселения древних племенных групп.

Ассимиляция местного населения Окского края происходила, по-видимому, двумя потоками славянского населения — с запада (с верховьев Оки) и с севера, что отразилось и на одежде. В северной части Рязанской губернии прослеживается общность с населением Смоленщины, которая в каких-то чертах, возможно, восходит к курьичской культуре: холщовые нагрудники, а также желтые, носовички, холщовые мужские шары, крой «по-топорному» мужской и женской одежды, шерстяные оборы, рубашка с прямым полком, пришитым по утку. Общность с основным западноокским (вятчским) районом прослеживается в женской одежде: синяя клетчатая собственно понева, рубашка с косыми полками, суконные нагрудники, рогатые головные уборы, украшения из бисера и перьев — элементы, восходящие, по-видимому, к вятчской культуре. Наличие этих двух путей заселения территории Рязанской губернии подтверждается также данными археологии³.

Нельзя не отметить, что в южных частях Рязанской губернии прослеживаются древние общие элементы с группами русского населения по Дону (Тульской, Воронежской губерний). Имеется в виду черная шерстяная туникообразная одежда (сукман, кодман) и красная клетчатая понева (о которой упоминалось выше), что может быть связано с движением по Дону древнего населения в Рязанскую землю.

Славянизация «чуждского» населения Волго-Окского междуречья X-XIII вв.⁴ привела к исчезновению мери и муромы, упоминаемых летописью. Е. И. Горюнов, обрисовав характерные черты искусства мери, проследил

¹ Толстов С. П. К проблеме аккультурации..., с. 76.

² Материалы исследования В. А. Васильева, собранные в 1951 г. (РОМ).

³ Монастыр А. Л. Рязанская земля. М., 1961, с. 123, карта, рис. 43.

⁴ Горюнов Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, с. XI-XII.

в орнаменте костромских полшубков XIX — начала XX в. традиционные мотивы уток и гусиных лапок, характерные для мерянских шумящих подвесок.

Особенно яркое отражение элементы «чуждого» искусства нашли в орнаменте русской и карельской одежды Тверского края (Весьегонский, Бежецкий, Тверской и др. уезды Тверской губернии). Водолавающие птицы, коньки (иногда парные конские головки), змея, дось или олень в сочетании с растительными мотивами и солдскими знаками — все это образы еще «чуждого» искусства, тесно связанного с верованиями. Они украшали сороки теблешанок (крестьянок Теблешской волости Бежецкого уезда), кушарей (Сандовской волости Весьегонского уезда) и другого русского населения, а также карел Тверской губернии. В вышивки тех и других групп вошли черты орнамента докарельского и дославянского населения этого края, может быть, «внеси его» или других «чуждских» групп¹.

Мурома — в низовьях Оки — представляла, по мнению Е. И. Горюновой², одно из местных племен, родственных мордве-мокше. В одежде русских этого района в XIX в. отдельные детали в какой-то степени указывают на древние связи с местным населением, например, тип плетеной обуви, близкий к мордовскому запято (встречаются вплоть до Суздаля), мужская рубашка с разрезом на правой стороне, которая была образной (похоронной), следовательно очень старинной, в Муромском уезде³, в орнаменте головных уборов и т. п.

Если на территории Рязанской, Владимирской, Костромской губерний прослеживается ассимиляция чуждого населения с X по XIII вв., то западнее — в верховьях Волги, Днепра — этот процесс отмечается ранее⁴. Частичная ассимиляция воды, икоры происходила в IX—XII вв. в связи с движением двух славянских групп: новгородских славян по верховьям Луты и кривичей по Плюсе. Начиная с XII в. археологи отмечают здесь курганы, в которых ошашны славянские и неславянские черты⁵. Анализ одежды воды и икоры обнаруживает древние элементы, общие с русскими⁶. Выше упоминалось о тузовообразной одежде типа глухого сарафана, характерной для населения северо-запада, а также хурсту — набедренной одежде на змее, близкой по ткани к некоторым видам меншерских тонов.

Некоторые особенности в одежде, обуви русского населения в XIX в., особенно западных областей, характеризуют его историко-культурные связи с народами Прибалтики. Одни из них следует отнести к глубокой древности (общность древнейших типов плетеной обуви, черных шерстяных обор, сходство техники тканья и другие), что частично может быть объяснено ассимиляцией некоторых, в частности литовских групп. В Московской и Калужской губерниях некогда жило литовское племя «голядь». Следы его пребывания сказались в топиовнике. Так, например, в Дмитровском районе Московской области до настоящего времени

сохранилось село Гольдь.

Не исключена возможность, что среди населения, появившегося в Рязанское полевье, также были древние группы литовского происхождения.

Так, например, «куршаки», обитатели семи селений по р. Курша, имеют этноним «литва». Название села на р. Курше — «Ветгане», с окончанием на «аны» — характерно для литовских селений. Название одного из селений Куршавской волости — «Култуки» — является литовским, в переводе обозначающим «маленький человек».

Антропологи указывают, что куршаки — обрусевшие литовцы⁷. Лексика куршаков весьма сложная, в основе, конечно, славянская, но имеет параллели с лексикой литовского и финно-угорских народов⁸. В материальной культуре куршаков отмечаются некоторые черты общности с литовцами: в орнаменте фартуков (бранье шерстью на определенных участках), в сложном узорном тканье: ткань куршинской поневы сходна с литовскими тканями (в Государственном музее этнографии Литовской Академии наук имеется ткань от подкладки под шлею, тканая той же техникой, как и поневы Курши).

Другие черты, сходные с одеждой прибалтийских народов, несомненно более позднего происхождения и связаны с перемещением населения из-за литовского рубежа в XVI—XVII вв., с польско-литовским культурным влиянием (термин «саля», полосатая шерстяная юбка-андарак, корсет-шпуровка и др.).

Узорные вязаные изделия, характерные для народов Прибалтики и ряда финноязычных народов севера, встречаются на западе Псковской губернии, в Новгородчине, местами на крайнем севере. Характер орнамента — геометрический, с сильными элементами меандра и спастик — и сама техника вязания при помощи костяной иглы позволяют относить эти изделия к глубокой древности и расценивать как местный элемент, вошедший в состав культуры новгородской Руси.

Древние историко-культурные связи с населением северо-запада прослеживаются у русских в типе плетеной обуви, в характере тканья с двумя основами и двумя утками (изучавшегося А. Нахликом), в некоторых особенностях костюма севернорусских, карельских, финских и шведских крестьян (нарусанники).

Более поздние связи, возможно, отразились в развитии льняной одежды у русских.

Выше, характеризуя одежду населения Среднего Поволжья и северо-востока, мы упоминали о ряде черт и деталей, общих с одеждой народов Волго-Камья и севера.

Историко-культурные связи с тюрко- и ираноязычными племенами и народами Восточной Европы и Средней Азии, а также с народами Кавказа особенно сказались на формировании культуры населения восточных областей. Некоторые «восточные» черты проникают к славянам еще в период до нашествия монголов, но особенно с XIV в., на что указывает ряд исторических данных.

¹ Маслова Г. С. Народный орнамент верховьями карел. М., 1951, С. 125—137.

² Горюнова Е. И. Указ. соч., С. 155—159.

³ Звонковская Г. С. Масловой в Муромский уезд Владимирской губ. в 1927 г. (Муромский краеведческий музей).

⁴ Троицкий В. И. Восточно-славянские племена. С. 236—237.

⁵ Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. СА, XVIII, С. 214—215.

⁶ Притыкина Н. Ф. Указ. соч., С. 16.

⁷ Лагунин Н. Е. Огнет о поезде в Рязанскую губернию. СПб, 1916, 1, 2, С. 46.

⁸ Звонковская Г. Т. Указ. сочин. по р. Курше. Автореферат канд. дисс. М., 1961, С. 18.

В частности, это отражено во многих видах верхней одежды, ее терминологии, типах мужских головных уборов, обуви и наиболее сильно у населения юго-восточной области — у казачества, у которого сложился своеобразный бытовой уклад. Роль казачества в распространении «восточных» черт в одежде (и в материальной культуре вообще) была, по-видимому, довольно значительна. Казаки вербовались на службу во вновь возникавшие города московской уkraine и образовывали казачьи слободы в ряде городов (Старый Оскол Курской губернии, города Михайлов, Данков Рязанской губернии и др.) и несли в эти города уже сложившуюся свою материальную культуру.

Народная одежда XIX в., сохраняя ряд архаических черт, позволила ретроспективно проникнуть в глубь истории формирования костюма русского народа и его этнических связей. Но в ней ярко отразились также новые явления, характерные для периода бурного развития

капиталистических отношений в России, хотя процесс изменения быта, в частности одежды, протекал неравномерно как в отдельных областях, так и у различных социальных и сословных групп. Карты атласа 38-39, 41-42, 57-58 и другие, иллюстрируют процесс изменения одежды, усилившийся к концу XIX — началу XX в. Одежда этого периода отражает и общность в материальной культуре русских, создавшуюся в результате длительного периода консолидации.

Таким образом, рассмотренные данные о народном костюме, анализ распространения отдельных составных частей и типов одежды, ее терминологии, позволил нам хотя и далеко не полностью, не исчерпав всего материала (поскольку это невозможно сделать в небольшой статье), выявить значение народного костюма как исторического источника, освещающего вопросы формирования русской народной культуры и тем самым вопросы этнической истории народа.

Хозяйственный быт Приангарья¹ (XIX — начало XX в.)

Русское население Приангарья сформировалось в XVII-XVIII вв. из служилых людей и пашенных крестьян, пахавших «государеву пашню» для прокормления служилых людей.

Население пополнялось ссыльнокаторжными из разных губерний царской России, которые, отбыв свой срок в тюрьме, переходили на «вечное» поселение. После крестьянской реформы сюда хлынула волна новоселов — русских, украинцев и белорусов, приезжавших целыми семьями со всем своим хозяйственным инвентарем и домашней утварью.

Русское население встретило в Приангарье бурят и эвенков. Первые были скотоводами и отчасти земледельцами и занимали более степные районы; вторые — рыболовы и охотники — кочевали в лесных массивах. В дер. Дальней Муе нам говорили: «Пришли русские, попилились вместе с ними береза, и тулгусы ушли на восток». Местное население отодвигалось к востоку, но часть его осталась жить по соседству с русскими и частично ассимилировалась с ними. Термин «ясашный», т.е. облагаемый ясаком, относящийся к отдельным селениям (Ясачной Харюзовке) и частям селения («Ясачный конец» Долонова), а также к отдельным фамилиям, говорит о том, что здесь жили обрусевшие буряты и эвенки. Население с. Харюзовки называет жителей Ясачной Харюзовки «дубурятами». Широко распространенная в селах Ключи-Булак, Долоново, Олонки, Пономарево и других фамилия Поповы, по мнению местных жителей, давалась «ясашным» при их крещении, начавшемся во второй половине XVII в.

История заселения края оставила свой след в названиях селений (Казачье), в фамилиях (Беломесцовы — потомки служилых людей, не облагавшихся податью в Иосковском государстве), сохранилась в топонимике изхоженных полей («государева пашня» — Дюнская, Еленово, Середкино).

Встречаются нерусские названия островов на Ангаре Марактуй, Забалчи, Тайты, Шантей, Кутулик), лесных угодий, сенокосов (Тарей, Тукер), русские названия пашей и заимок (по фамилиям их хозяев или по особенностям видов деревьев), охотничьих угодий (Кежма). Встречаются русские названия сенокоса, указывающие на наличие нерусского населения (Зимние юрты, Братский луг).

Хозяйственная деятельность и материальная культу-

ра населения Приангарья складывалась из элементов культуры русских с локальными особенностями и отдельными элементами культуры эвенков и бурят.

Сельское хозяйство

Основное направление хозяйства Приангарья — земледельческо-промысловое. Крестьянин-землепашец, поселившийся в Приангарье, попадал в тяжелые природные условия. Почва была разнообразна даже в пределах одного селения². Лучшей почвой считался лесной суглинок. По нему сеяли пшеницу. Второе место занимал чернозем, лежащий в падах (междуречных долинах). Годные для посевов пашни располагались по южным и восточным склонам, не доходя и не достигая вершин, чтобы хлеб не вымерзал зимой и не выгорал летом. Большую часть территории покрывал лес. Нужно было не только выбрать место под пашню, но и отвести ее у леса. Счастью был поселенец, если подходящая почва попадалась в еланиях, т.е. в местах, свободных от леса.

Высокая температура летом (+35°), низкая зимой (до -50°), короткий вегетационный период (90 дней), неравномерное распределение влаги (недостаток ее весной, избыток осенью) — все это создавало много трудностей. Нужно было обладать тонкой наблюдательностью, приложить огромный труд, чтобы создать в новых тяжелых условиях свою агротехнику. И сибиряк ее создал. Выработались сроки посева: эти сроки были более поздние, чем в Восточной Европе, так как сибирская земля промерзает глубоко и протительность развивается позднее. Ранее всего сеяли яровую рожь, ярицу. Овес сеяли значительно позже в противоположность русским другим областям, где сложилась пословица: «Сей овес в грязь, будешь князь». Определялись и нормы высева зерновых: вдвое больше, чем в Восточной Европе. Завышенные нормы высева считались необходимыми для борьбы с сорняками. На песчаных почвах норма высева была меньше. Урожай пшеницы был сам-6-7, что давало урожай 120-140 пудов с десятины — выше, чем в губерниях восточно-европейской части России. Копноло сеяли густо, чтобы получить большие мужских стеблей — покоски. В селениях Перевоз, Светлолово, Бутаково и других кудель не выбирали. Всю копноло, не различая покоски и моченца, выбирали осенью и употребляли на прядево.

В. Е. Писарев считает, что существовало ошибочное

¹ Статья написана на основе материала, собранного среди русского населения на территории от Иркутска до Бутанова (на правом берегу Ангары), включая селения изхоженные Сибирской тракты и по рекам Оне и Иле от Тулуза до Иркутка.

² В Поний Удэ — чернозем, по поймам рек — дерюжный карбонат, много красной глины; в Ессено: в падах — суглинок, в горах — песок, в степи — синий песок, груду чернозем; в Долоново — полевой суглинок, хлоробродный; в Перевозе — более всего суглинка.

мнение, будто до прихода русских в Сибирь не было земледелия. Он отмечает, что у бурят до прихода русских были посевы проса, ячменя и гречихи. На основании исследования семян Тулунской опытной станции В. Е. Писарев устанавливает, что эти семена вошли в зерновые культуры русских вместе с семенами, привозимыми из Восточной Европы. Из семян восточно-европейской части Руси выработался особый сорт ржи — ярица. Местные жители легко отличают эти семена среди других: семена ярицы мелкие, имеют особый цвет и вкус. Хлеб из ярицы сибиряки очень любят. В. Е. Писарев не сомневается, что своим происхождением ярица обязана северной озимой ржи, завезенной русскими на Илим. Что же касается технических культур — льна, конопли, то они своим происхождением обязаны русским. Семена конопли смешались с местной дикой коноплей, растущей на стойбищах³.

Семена льна завозились сюда много раз, но лен не принимался. «У нас он не растет, не посевает», — говорят старожилы. Завозили его и новоселы (черногородские украинцы и переселенцы из Псковской и Курской областей), но он плохо родился, и его перестали сеять.

В основе огородных культур — северные культуры Восточной Европы: репа, брюква, редька, морковь, лук, чеснок, огурцы. Под влиянием украинцев-новоселов вводятся свекла, тыква, дыни, арбузы. Выработалась культура овощей на высоких грядах, которые хорошо обогриваются солнцем и скоро высыхают; в некоторых случаях (для огурцов, тыкв, дынь, арбузов) подкладывали навоз. Дыни и арбузы появляются в 60-х годах XIX в. Они не вызревают. Их собирают незрелыми, солят и употребляют солеными. Выработалась луночная система⁴ посева огурцов, тыкв, дынь, арбузов.

Пашня делилась на два основных поля: пар и жинно. Но четкой эта система не выдерживалась. Поскольку пашня была разбросана по мелким участкам, то в одном и том же хозяйстве наряду с двухпольем наблюдалось и однополье. По жинну нередко сеяли горох, ячмень. У новоселов, псковских «скобарей», четко проводилась трехпольная система земледелия, в которой они привыкли у себя на родине. Под влиянием новоселов в предреволюционное время стало появляться трехполье и у старожилов.

Пашни под залежь оставляли редко, так как была возможность удобрить землю, притом трудность разработки новых земель заставляла беречь пашню.

Пашня, находившаяся в индивидуальном владении семьи и обрабатывавшаяся личным трудом на земле, принадлежавшей государству и не находившейся в чьем-либо пользовании, называлась займой. Нов разрабатывалась силами своей семьи. Если не хватало рабочей силы, то устраивали помочи — звали родственников и соседей на помощь, за что угощали. Помочи устраивались при выкорчевке деревьев и при пахоте. В последнем случае привлекались инвентарь и рабочий скот

помогающих. Прибегали к наемной рабочей силе. Брали батраков из сосильных за 50 руб. в год на полном содержании⁵. Нередко батраки женились на дочках хозяев и входили в семью на положении примаков.

Займка располагалась в 2 — 4, а иной раз в 15 км от населенного пункта. В начальной форме займка — только пахотная земля с временным жилищем в виде конических шалашей (Какуй), балаганов с котлами на татагах (Олонки) или бревенчатых изб. Постепенно займка превращалась в населенный пункт. Отделившийся женатый сын селился на займке (Олонки, Пономарево). Его дети обрабатывали землю вокруг и в свою очередь, отделившись, селились здесь. Получалась семейная братчина, чем и объясняется наличие одних и тех же фамилий на займке и названия займок по фамилии или имени их первых основателей⁶. В братчине видны черты первичных форм расселения и землепользования, напоминающие печие нашего Севера — небольшое селение с несколькими хозяйствами, связанными близким родством⁷. Здесь те же черты коллективной помощи, а также черты украинской супруги — объединения рабочего скота и инвентаря нескольких хозяйств для поочередной обработки земли.

Орудия обработки земли до XX в. были так же примитивны, как и сама система хозяйства.

Основным пахотным орудием была соха-рогалоха, или двойчатка. Она состояла из рогали — верхнего остова с ручками, сделанного из нижней доли цельного ствола дерева с корнем. В рогаль вставлялся рассоха с двумя рогали для сошников. Один сошник, называемый женка, разрезал пласт, другой, мужичок, отваливал его. Этот тип сохи был близок к сохам северо-восточной части Европейской России и Приуралья⁸.

Разновидностью рогалохи была андреевца — соха с двумя сошниками, с отвалом и двумя оглоблями (Перевоз).

Была еще соха-одинарка. Она состояла из логаря (40 см длиною, 3 см толщиной), рассохи (1,2 м длиною, 10 см шириною), сошника, шаблы — отвала деревянного (60 см длиною, 20 см шириною), крюка-регулятора глубины вспашки (2 см толщиной). Такая соха, соединенная осью с двумя колесами — колесами и двумя оглоблями, по словам колхозника Ельцова из с. Пономарева, образовывала колесуху, которая была когда-то и у него.

Одинарка близка к костромским и ярославским колесухам и к черкушам. Внесены лишь некоторые изменения: форма сошника образована от мужички двойчатки и служит режущим орудием, а для отвала приделана шабла. Соху-одинарку считают более поздней, нежели рогалоху.

Разновидностью сохи-одинарки была пермячка (с одним сошником, железным отвалом и дышлом (вместо оглобли)). Ее покупали готовой (Перевоз, Кобы).

Разновидностью одинарки была также железная соха с сошником в форме параллелограмма (65 см длиною,

³ В. Е. Писарев. К вопросу о происхождении земледелия и пахотных культур Восточной Сибири. «Матер. по истории земледелия в России», т. 2. М. — Л., 1936, стр. 172-174, 179-185, 197, 198.

⁴ Луночная делалась диаметром до 20 см, а глубиной 20 см. В них сеяли 5 — 8 зерен. В случае заморозков и в холодное время накрывали стеклом. Каждая луна была как бы маленьким парником.

⁵ Сохранились рассказы из быта батраков, в которых ясно отражены противоречия интересов хозяина и работника. Первый стремился получить как можно больше от работника, второй — стать скорее самостоятельным. Есть рассказы о том, что хозяин, используя работника как рабочую силу в течение нескольких лет и вида, что тот немаленький делец, той-то обиделся, колыхнулся, увел его и забрал все себе. Но есть рассказы и о том, как работники убивали хозяев и сжигали в их владениях. «Та шапках конитом было шута и красто», — говорят местные жители.

⁶ Около с. Бельдана (д. займка Шалана (З дора), Зюгерова (4 дора), Михайлова (З дора), Марьина (З дора), Викторова (З дора) и т. д.

⁷ Печие было подробно описано в «См. А. Я. Ефимов. Крестьянское земледелие на Крайнем Севере. «Исследования народной жизни», вып. 1. М., 1980.

⁸ См. В. Н. Елснер. Очерки по этнографии народов Коми. «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. XLV. М., 1958, стр. 40-41.

40 см шириной). Аналогичный сошник известен на вятской косуле⁹.

Колесука состояла из рогаля, рассохи, сошника, шайбы, винта, дышла (хобяка) с гужином для привязывания к оси, оси с двумя колками — гнутыми «окопанными» колесами (бывали и корневые сохи). Лошадь шригали в оглобли с дугой, вторую лошадь — на припязку к валыку. Колесухой пахали новь на глубину 20 — 30 см.

Встречались разновидности колесух. У них вместо рассохи изогнутая пятка плужного типа. Колесуха, которую мы видели в селениях Кобь, Ключе-Булак, состояла из рогаляху с приделанными к ней колесами. Как видно из сохранившегося материала, основным прищом колесуки было прикрепление одинарки или двойтки — папущего орудия с пятой — к колесам. Колеса вбегали пахоту. Колесуха известна только в Сибири — это изобретение сибиряков. Его подсказали какие-то орудия плужного типа, возможно, украинский плуг, а может быть, сабан. (Обычно в работах о сельскохозяйственных орудиях сабан и колесуха не различаются). До прихода русских у бурят бытовала соха (вернее, плуг) с пятой и ромбовидным сошником. Возможно, пята и оказала влияние на некоторые типы колесух¹⁰.

Сабан с полозом и пятой, железной шайбой, дышом и колесами продавался в магазинах в конце XIX в. Но, как рассказывали нам в селениях Перевоз, Бада, Ключе-Булак, покупали наиболее зажиточные. Сабан был широко распространен в Поволжье. Отдельные чермы были перенесены на сохи Приуралья и, как мы видели, на сохи Восточной Сибири. С первого десятилетия XX в. железные покупные плуги, одно- и двухлемешные, стали вытеснять прежние формы, которые все же иногда дожили до коллективизации.

Таким образом, сельскохозяйственные орудия Приуралья создавались на базе сельскохозяйственных орудий Приуралья, но сибиряк изменял их, творчески приспосабливая к местным условиям.

Новоселы в конце XIX и в XX в. привозили свои сельскохозяйственные орудия. Черниговские и житомирские украинцы из с. Допчур привезли железные плуги, а для распашки новы они покупали у старожилов кожаную-одинарку. Псковские «скобары» приехавшие в Илор после издания столыпинского закона о хуторах, привезли сохи с коловыми сошниками и перекладными палицами. Их употребляют до сих пор для окучивания картофеля и обработки приусадебных участков.

Уборочными орудиями были серпы и коса-литовка. Они были старинные кованые и фабричные. В с. Халовка найден серп, по своим показателям близкий к казанскому серпу¹¹. Молотили молотилом, осом (термин молотило — севернорусский). Он состоял из длинного стержня, колодки, с отверстием на нем, через которое проходил гужик — ремеш, привязываемый к другой, более короткой палке — былу.

К концу XIX в. известна была молотба лошадью с помощью деревянных и каменных чулок (рис. 1). Молотба при помощи чулок была известна украинцам, Дону, на Кавказе, в основном на юге европейской России, изредка встречалась и на севере, в бывш.

Ярославской губернии.

Старожилы вели лопатами стоя, и только украинцы

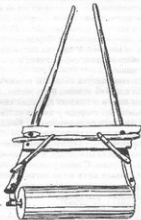

Рис. 1. Каток для молотбы.

в с. Допчур — сидя. Первый способ характерен для севернорусов и южнорусов, второй — для белорусов и украинцев (он не был воспринят старожилами Сибири).

В способах кладки хлеба встречаются хрестцы для озимого и бабки для ярового хлеба. Первые характерны для южнорусов, вторые — для севернорусов.

ЖИВОТНОВОДСТВО

Животноводство в Приангарье достаточно развито. Домашними животными были лошади, коровы, овцы, козы (козлы назывались яманами). Нередко из леса привносили диких козочек и медвежат и выкармливали их дома. Собак держали много: собака нужна охотнику, доха из собачьей шкуры самая теплая, из собачьей шерсти пряли нити для вязания чулок. Большие сибирские просторы определяли некоторые особенности содержания и ухода за скотом. Прежде всего скот пасся без пастуха на покотине. Вокруг селений огораживали покотину в 10-15 км². В бывш. Евсеевской, Новоудинской волостях покотина была общей для всей волости. Один конец ее упирался в реку; она имела двое ворот: становые в деревню — и полевые. Становые ворота делали на столбах с дверью, полевые состояли из положенных горизонтально жердей, которые снимали по мере надобности (Евсеево, Какуй). В огораживании покотины участвовали все владельцы скота — по количеству голов городили определенные участки. Покотина частично сохранялась в Дальней Муре. На покотине были загоны с навесами, в них прятался молодняк от жары. Весной весь скот выпускался на покотину. Дома оставались рабочие лошади. Коровы ко времени дойки подходили к столбовым воротам. На лошадях делали метавры — знаки хозяина, у овец — нарезки на ушах. Лошадь ходила табунами, их пастухом был жеребец. Задние

⁹ А. С. Божиков, С. К. Жегалов, А. А. Лебедев, С. К. Прохорова. *Хозяйство и быт русских крестьян*, М., 1939, стр. 19, рис. 14.

¹⁰ См. В. Е. Насарев. *Указ. соч.*, стр. 168.

¹¹ См. В. Н. Лозанов. *Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.*, «Тр. гос. истор. музея», вып. 3, М., 1956, стр. 62-63.

ноги жеребца подковывали. Ими он защищал табун от зверя (Дальняя Муя, Толкичи, Евсеево, Ключи-Булак).

В одних селениях весь скот отгонялся на покосы. В других — его частично пасту пастухи. Пастухи для коров и овец были в Шаманове, Каде, Коби, пастухи для одних овец — в Харюзовке, Середкине. Они уходили с овцами на все лето. У пастуха была палочка-резец — бирка с обозначением, сколько овец и какого хозяина надо на выпас.

В дер. Евсеево пастуха нанимали только с 15 августа, когда скот паста на живые. В тех местах, где пастух ежедневно на ночь и в полдень пригонял скот в деревню, он кормился по очереди у хозяев скота. Пастухи большей частью были из «русских». Каждый пастух имел бич из кожи и металлическую трубу.

Второй особенностью в содержании скота был отгон его на лето на острова (например, в Казачем). Отгонялись и дойные коровы. С ними уезжала молодежь. Молоко перерабатывали здесь же на месте. Масло сбивали деревянными мутовками в глиняном сосуде, сивове.

Посуда для хранения молока и молочных продуктов очень разнообразна: глиняные горлачи (жювеликурского и украинского типа); широкие невысокие горшочки-кирки — отстойники для молока (северовеликорусские — новгородские); деревянные невысокие кадочки бондарной работы, аналогичные буратским (Ясачная Харюзовка).

Третьей особенностью скотоводства был припуск теленка к корове. Телка не отнимали, считая, что с ним корова больше дает молока. Припуск телка к корове прекратился с коллективизацией скота, но теперь его снова стали применять в колхозах.

Сенокосы в Приангарье были в общем пользования. Их делили каждый год (Новая Уда через 3 года) по мужским душам (лицам мужского пола, достигшим 18 лет и обложившим подушной податью). Были покосы и в индивидуальном пользовании — участки, которые хозяин силами своей семьи очистил от леса (Долыново, Бада, Будаково). В с. Допчур наряду с общим сенокосом были участки в долях — в личном владении. На покос выезжали всей семьей. Там строили двухскатные и конические шалаши, крытые сеном (Середкино, Харюзовка). Косили косой-литовкой; очень давно, лет 80 назад, были горбуши (Долыново, Шаманово). Косили ею на обе стороны: то справа, то слева. Сено складывали в зароды и остоки (Шаманово), а затем стаскивали его при помощи веревки или стреляли волокушами-метелками (рис. 2). Это изобретение старожилов-сибиряков очень широко применяется и теперь при уборке сена в колхозах.

Таким образом, в животноводстве мы видим некоторые черты, общие с племенами животноводства у бурят:

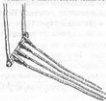

Рис. 2. Волокуша-метелка для перевозки сена.

вольное содержание скота, подковывание жеребцов, типы посуды для хранения молока. Но многое принесено из Восточной Европы: общинное владение сенокосами, общественная пашня, коса-горбуша, складывание сена в зароды, остои (северовеликорусские черты); молочная глиняная посуда жюжи — и северовеликорусского типа.

Такое же смешение можно отметить и в обрядах, связанных со скотоводством. Здесь и старый общерусский обычай окоривания коров после отела (Кажуй), и такой далекий отголосок медвежьего культа Сибири, как глажение вымени коровы медвежьей лапой для увеличения надоя молока¹².

После создания колхозов в социальной и экономической жизни края произошли огромные изменения. Почти во всех колхозах введено многополье, механизирована работа животноводческих ферм, подача воды на фермы, приготовление кормов, вводится электродойка. Механизация сельскохозяйственных работ торжествует разбросанностью пахотных участков. Поэтому во многих колхозах до 1957 г. (когда работала наша экспедиция) еще встречалась нахота на лошадях железными плугами и ручная уборка урожая.

Существенные изменения произошли в составе полевых и огородных культур. Основной культурой стала пшеница. Строятся теплицы для ранних овощей, помидоров и рассад. Разводят сады и развивается пчеловодство (Толкичи, Перевоз, Шаманово, Олонки) со специальными посевами гречихи и люпина. До коллективизации пчеловодства в Приангарье не было, так как здесь не было медоносных растений.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДОБЫВАЮЩИЕ ПРОМЫСЛЫ. ОХОТА.

Обилие леса, где водились пушные звери, способствовало развитию охоты. «Охотой раньше жили», — говорил нам 85-летний старик-охотник Миклулин в с. Илр. Да и теперь в Приангарье охота не потеряла своего значения. В каждом населенном пункте всегда найдется несколько охотников, которые с 15 октября уходят на месяц в тайгу на беличий промысел, иногда за 80 и более километров (белка поселяется в тех местах, где уродились кедровый орех). Белка и соболь — основные промысловые звери. Около Шаманова появилось много горностая. В некоторых районах в последние годы стало больше соболя. Гоны на коз известны повсеместно. Медведь, волк, рысь, лиса, олень, изюбр, россомаха, выдра, норка, кабарга, горный козел, заяц-беляк, бурундук, суслик, кролик — вот многочисленные обитатели лесных и степных просторов Приангарья. С 1937 г. стали разводить ондатру. Охотники объединены в охотничьи общества. В 1933-1935 и 1946 гг. в селах Шаманово, Средняя Муя были попытки организовать колхозные бригады. Но из-за низкой оплаты они «не устояли». Охотятся для собственных надобностей все, кто хочет. Охота на ханжирку разбрасыванием отравы и обловами очень поощряется и не ограничивается законами.

Основное орудие охотников — ружье отечественного производства. Еще не так давно бывали кремневые ружья. Были известны и пистолки. В конце XIX в. широко распространилось ружье фирмы Винчестер. Огнестрельное оружие появилось здесь вместе с приходом русских в XVII в. Эвены стали пользоваться им с XVIII в.

¹² См. коллекция Иркутского областного краеведческого музея, № 8136.

Нараду с ружейной была широко распространена охота при помощи всевозможных ловушек: ям для ловли медведей, волков, лосей, в различных вариантах известных также бурятам и эвенкам; ловушек ударного действия с использованием силы тяжести животных — пастей, кулем, петель, применяемых для ловли птиц и зайцев и даже для ловли медведей; садков-загородок для волков. Большинство этих ловушек известно бурятам, эвенкам и русским по всей европейской части СССР. Облава на волков и изюбра известна у бурят, а гоны лосей и коз — также у эвенков¹⁹. Однако нет никаких оснований предполагать, что все эти виды и приемы охоты заимствованы от эвенков и бурят.

Охота с огнестрельным оружием соединялась с дополнительными приемами: стрельбой с лобза (помоста) на валонцах (Бада), устройством избушек, скрытков на болотах при охоте на сохатых (Какуй, Новая Уда), раскладыванием приманки при охоте на волков.

Применяли пиккульки — берестяные трубочки, подкакая крику коз; были трубочки для приманивания рыбчиков. Пиккульки аналогичны пичаунам эвенков²⁰. При охоте на коз надевали для заскоровки белые косулины шкуры, что известно и у бурят. Бытовала охота с чулками на уток, тетеревов. Известна была югатина.

В охотничьей одежде и в приспособлениях для переноски добычи гораздо более четко прослеживается их значительное происхождение. Так, в охотничьей одежде русских и эвенков есть общие элементы: прикатки — меховые носки (в последнее время их шьют из меха ондатры), юз из заячьих хвостов, нагрудник-телогей из шкуры рыси. Охотничьи носилки встречаются двух типов: крошани и жучера. Крошани — две рогульки, соединенные планшеткой с ляжками, — аналогичны вилкам у коми-зырян и русских Поеры и Приуралья. Жучера — планшетки или изогнутые дуги с перекладинами, с ляжками для надевания через руки и ремнями, которыми притягивается добыча, аналогичны охотничьему снаряжению эвенков. Лыжи встречаются как общепользовательского типа (длиной 1,7 м, шириной 20-25 см), так и местного — подшивцы, подбитые мехом — камусами изюбра, косули, лоса, изюболоки, подбитые камусами оленя, или сухотиной осы.

Лыжи

Югатина

Рыболовство

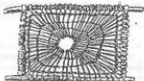
Изученная территория охватывает бассейны больших рек — Ангара, Ока, Ин и мелких — Муи, Толкичи, Уды, Ялонки, Илри. В бассейне Оки много озер. Все эти реки изобиловали рыбой. Теперь в них встречаются таймень, хариус, налим, елец, сиг, линнок, щука, пестерь, осетр, стерлядь, бискаzub, окунь, ерш, язь, лещ, жиник-плотва, карась. Ценные породы — стерлядь и лещ — водятся в Оке, таймень и хариус — почти повсеместно. Естественно, что рыболовство развивалось здесь

с древнейших времен. Следы его встречаются в неолитических находках. Однако по всему течению Ангара от Иркутска до с. Бутакова рыбаки отмечают уменьшение количества рыбы. Причинами этого считают постройку плотин, которые задерживают ход рыбы с верховьев, усилившиеся пароходство по Ангаре, которое не дает покоя рыбе (и она бежит в ее притоки Оку и Ию), славя сосновых пород по Ангаре (рыба не любит смолы). Уменьшение рыбы в Ангаре способствовал хищнический лов во время войны, массовый лов рыбы леспротехозами — «почем зря», как говорят рыбаки. В Оке и Ин, напротив, отмечается небывалое количество стерляди, осетра.

Рыболовные снасти и приемы рыбной ловли, бытовавшие ранее в Приангарье, разнообразны. Некоторые из них можно найти и сейчас.

Орудия лова можно свести к следующим группам.

Ставные. Морды, плетеные из лозы, четырехгранные, длиной до 2 м, с отверстием — творилом, в которое вставлялся язык (известны в Долонове, Большеокинском, Дальней Муе, Ключи-Булаке, Баде, Толкичах, Каде, Казачьем, Верхний Бурети).

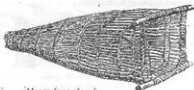
Морда (вид спереди)

Корыга — круглая, плетеная из лозы, размером 1х0,5 м, творило — глубиной 50 см (известна в Илри, Перевозе, Какое, Новой Уде).

Фитиль — нитяной мешок на четырех обручах, длиной 1,55 м, с двумя краевыми (80-95)х20 см каждое. В с. Перевоз называется украинской сетью, в Большеокинском он считается новинкой, заимствованной у новоселов-украинцев (известны в Баде, Каде, Илри, Ключи-Булаке).

Сеть-поставушка со свинцовыми грузилами цилиндрической формы и поплавками, уськами, из бересты (известна в Ключи-Булаке).

Ставные орудия рыбного лова часто соединяются с устройством заездок (термин «заездок» северовеликорусский, у южных великорусов называется язь, в Новгородской области и у белорусов — заколы, в Вологодской

Морда (вид сбоку)

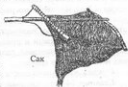
области — загороды). Заездок — загородка в реке из прутьев с воротами, в которые вставляются морды, в некоторых местах — фитиль или ставная сеть (Бада, Илри, Дальняя Муя, Толкичи, Новая Уда). В Пономарево раньше заездки соорудили на Ангаре в январе. В Шаманове

¹⁹ «Народная Сибирь», М.-Л., 1936, стр. 228, 707.

²⁰ Там же, стр. 707.

заседок делается на озерах во время цветения черемухи для ловли карасей.

В. В. Федоров считает ловушки запорной системы приемы рыбной ловли, применявшимися еще в эпоху неолита¹⁵. В древней Руси часто делали заклады, о чем свидетельствуют многочисленные письменные источники. Заседки известны у остяков и эвенков Сибири. Таким образом, считать их заимствованными едва ли возможно. Эти примитивные способы ловли рыбы известны многим народам с древнейших времен.

Сак

Волоковые снасти. Бредень (называемый пеходок в Дальней Мые) с усами из бересты, со свинцовыми грузиками цилиндрической формы. Невод с мотней и крыльями был известен повсеместно как промысловое орудие лова. Сеть плавая из сетки с мелкой ячеей и режей известна повсеместно.

Черпальные. Сак — мешок из сети, натянутой на треугольник из лозы, с ручкой, применяется для зимнего лова (известен в Какуе, Баде, Перевозе).

Все орудия лова, связанные с сетью были занесены из Восточной Европы русскими и украинцами. Считают, что эвенки их восприняли от русских¹⁶.

Удильные. Удочки, чаще всего дощатые. Особенность удочки — обмотка ее около крючка синеелькой, разноцветной шерстью или шерстью-волоском.

Дорожка-удочка-якорь, с барсучьей шерстью, пистоник из красного шелка и блестящий — металлической пластиной. Обматывание крючков шерстью животных и разноцветной шерстью напоявчатой наживку у эвенков (привязывание на крючок пучков подшеиных волос оленя), возможно, было от них воспринято русскими.

Ударные. Чекарь — деревянная колотушка для глушения рыбы. Острога пяти — и шестизубая распространена во многих центральных губерниях.

Втулчатая острога, сделанная из цельной полосы железа, близкая к русской остроге, применялась для битья рыбы в Большой Каде, Илри, Дальней Мые, Толкичах,

Фитиль

Какуе, Нижней Уде, Харизовке, Пономаре-ве.

Удильно-ставные. Переметы ставятся вдоль реки. Самолы — так называемая ловля на рыбку. Рыб-

ка, наплавов, или бурболка, из коры лиственницы, поплавок из бересты, надеваются на крючок — уду (рис. 3).

Рыба, играя рыбкой, зацепляется хвостом за крючок. Крючок большой, стальной, по своей форме (с петлей, без бородки) похож на владимирские крючки¹⁷ из археологических раскопок. Крючок прикрепляется к поводку из капроновой нити (раньше поводок делали из конского волоса) длиной 40-45 см. Поводки на расстоянии 1 м друг от друга привязываются к хрептовине самолова — т. е. веревке из конского волоса длиной до 30 м. К одному концу хрептовины привязывается проволока длиной 20 м с камнем весом около 30 кг. К другому концу привязывается прогон — веревка длиной около 30 м с бревном. Когда самолон окутает, бревно плавает сверху и указывает место, где стоит самолон. Поводки стоят в воде под углом 45°. Самолы есть продольные (ставятся вдоль реки) и поперечные (ставятся поперек). На поперечных поводках чаще — в 35-40 см друг от друга. На Оке эти самолы считаются более удобными (Большееонинское, Большая Када).

Рис. 3 Орудия рыболовства.

Самолы у русских были известны везде и на европейской территории, но они ставились без бурболки. И рыба, проходя мимо, просто зацеплялась за крючок. Этот способ считается хищническим, так как много равной рыбы уходит и погибает. Бурболки могут быть отожествлены с костяными рыбками эвенков, обнаруженными в неолитических памятниках¹⁸. Можно думать, что рыбка, или бурболка, заимствована русскими у эвенков; веревки из конского волоса — у бурят, они же заимствовали их у якутов.

О рыболовстве русских в Приангарье можно сделать следующие замечания:

заседки, лозовые плетеные снасти — это древнейшие способы ловли рыбы, известные и в Восточной Европе и в Азии; обматывание уды волосками животных и цветной шерстью, бурболки-рыбки заимствованы от эвенков; плетенные из ниток рыболовные снасти принесены русскими и частично украинцами из Восточной Европы.

Мелкая крестьянская промышленность

В. И. Ленин намечает четыре формы мелкой крестьянской промышленности в России в конце XIX в. ¹⁹: домашняя промышленность — переработка сырых материалов в крестьянском хозяйстве, которые крестьянин сам добывает, — пережиток натурального хозяйства, бытовавший в глухих уголках царской России; ремесло — работа на заказчика; мелкокрестьянское производство на рынок; капиталистическая мануфактура, где производитель лишается прежней самостоятельности.

Все эти формы бытовали до революции в различных

¹⁵ В. В. Федоров. Рыболовные снасти неолитической эпохи из долины р. Оки. «Сов. археология», 1937, N 2, стр. 61-70.

¹⁶ Народы Сибири, стр. 712.

¹⁷ «Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.» Тр. гос. ист.-экон. зап. 2 М., 1956, стр. 119.

¹⁸ М. Г. Лавин, А. П. Складников. Этнографические параллели к неолитическим фигуркам рыб. «Сов. этнография», 1937, N 2, стр. 171-174.

¹⁹ С. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, гл. V-VI, стр. 328-332.

промыслах Приангарья. Обработка волокнистых веществ и шерсти оставалась до самой революции домашним промыслом. Обработка дерева: изготовление сельскохозяйственных орудий, средств передвижения — волокуш, саней, телег, колес, дуг, смолокурение и гонка дегтя, будучи в основном домашним производством, ставились ремеслом и даже обращались в производство для продажи на рынке. Известны были санники, тележники в селах Большеоконском, Шаманове, в Новой Уде (изготавливали и возили на базар сани, колеса).

Обработка шкур животных — выделка кож, овчин, будучи также в основном домашним производством (почти каждый умел обработать шкуру убитого зверя), превращалась в ремесло.

Обработка металлов — кузнечное дело — была ремеслом: работали на кувалде. Обработка глины — гончарство — в основном также ремесло, но связано и с продажей изделий на рынке. Некоторые производства превращались в мелкие капиталистические предприятия с наемными рабочими. Так, в с. Ключи-Булак была дегтярня, в с. Када — кожаное производство Беломестных, в дер. Дальней Мые — завод бондарных изделий. Бондарному ремеслу обучил местного крестьянина Федора Царва ссыльный из «русских».

В сибирской деревне была весьма заметна роль ремесленников из ссыльных «русских», которые, отбыв каторгу, поселялись в деревне и жили своим ремеслом (самопрядильщики, гончары, бондари, бродячие шерстобиты и портные). Они передавали свои навыки местным жителям.

Занимались ремеслом и буряты. Русские пользовались услугами кузнецов-бурят, бондарей-бурят, отдавали бурятам на обработку кожи и овчины, шерсть для валенных войлоков, считая их большими мастерами в этих ремеслах.

В Приангарье не создались центров крестьянской промышленности, продукция которых распространялась бы по всей России.

Теперь домашняя промышленность, ремесло коренным образом перестроены. Одни их виды исчезли, другие сохранились. Ткут, например, только половики (для себя) и коврики для колхоза. Некоторые производства сосредоточились в колхозных бригадах. Бригада подерживщиков изготавливает волокуши-метелки, телеги, сани, дуги; есть колхозные смолокуры, гонщики дегтя, мастера по вытёвке верёвок.

Другие производства вошли в артели. В с. Усолье артель «Ангара» в 1957 г. объединила гончарный и ва-

ляльный цехи, в с. Балаганск в артели «Красный труженик» был бондарный цех, в дер. Кирпичи на кирпичном заводе — гончарный, в с. Тулун кирпичная артель объединила гончаров в отдельном цехе. В артелях много нововведений: разделение труда (мастер получает готовое сырье и не сам сбывает продукцию), сделанная оплата труда, некоторая механизация производства (например, гончарный круг в Усолье приводится в движение электричеством).

Рассмотрим отдельные элементы техники домашней промышленности и ремесла крестьян Приангарья.

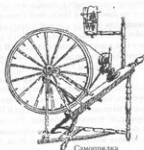
Домашнее прядение и ткачество старожилы по характеру производства и орудиям труда представляют компактную группу. Прядение и ткачество новоселов разнообразно. Оно связано с теми приемами и орудиями труда, которые отдельные семьи принесли с родины.

Комплекс орудий и приемов домашнего ткачества старожиллов имеет черты, связывающие их с севером России, Приуральем и с «братскими» бурятами, а также локальные особенности, выработанные на сибирской территории. К первым элементам относится лопатообразная прялка-самород, сделанная из ствола дерева с корнем. Большая лопатообразная лопасть с орнаментом, выполненным трехгранно-выемчатой резьбой, с узором из кругов сближает ее с вологодскими прялками; щетка из свиной щетины для чесания льна, корневая бабка для моталок-крестов, ткань на бердечке, термин сермяжина для ткани, изготовленный на четырех подложках, поперечная ткань с основой из растительного волокна и утком из шерсти — все это черты, характерные для северовеликорусов.

Ножницы для стрижки овец в Приангарье встречаются двух типов. Они делаются из железной упругой пластинки, согнутой вдвое, концы которой заходят друг за друга и служат лезвиями. Этот тип ножниц известен в Европе с III в. до н. э. в памятниках латинской культуры. У восточнославянских народов он бытовал в деревне как единственный универсальный тип ножниц. Второй тип — из двух лезвий с кольцами на концах, соединенных посередине гвоздем (русская загадка о них говорит: два конца, два кольца, посередине гвоздь), в XI-XIII вв. бытовал в русских городах (например, старая Рязань), но в деревню не попадал.

В Приангарье известны ножницы второго типа — больших размеров кузнечной работы как изделие бурят. Русские называют их братскими и широко ими пользуются. Этот тип ножниц, обнаруженный в раскопках Алау, может быть назван азиатским⁹.

Ножницы европейского типа привозились в Сибирь еще в XVII в., но их не хватало. Недостаток пополнялся изделиями бурят.

Самопрядка

⁹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, гл. V-VI, стр. 328-432.

¹⁰ См. А. В. Архиповский. Введение в филологию, М., 1947, стр. 110.

Способ катания войлока в мешке при помощи скалки прижим (диаметром до 10 см) очень сходно с бурятским способом.

Веретено с большим деревянным присплицем для сучения прижи (диаметром до 10 см) очень сходно с бурятским.

На территории Сибири русские научились ткать краши на войлоки браной техникой, при посконной основе и двух шерстяных утках (известны в Бадэ, Шаманове, Долоньке и др.). Мы видели крышу-потник (1,5х0,4 м), на войлок (служивший натрашем), вытканый в 80-90 гг. XIX в. (с. Бадэ). Потник шит из двух полотнищ ткани с основой из посконной сученой нитки и утком из черной шерсти натурального цвета и крашеной покупной красной и желтой краской. Узор бран на 7 досках. В Шаманове встречались браные покрывала с узором крути, вилушки, выполненные на 14 палочках (т. е. досках) красной и черной шерстью.

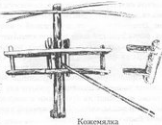
Только для сибиряков характерно тканье накомарин-кон на ткацком станке-ниточке (аналогичное тканью поясов «на ниточке» у русских центральных областей). Материал для тканья — конский волос, который употребляли также буряты и якуты для плетения сетей и веревок. Ткацкий стан-кросна обычного русского типа имеет некоторые особенности в деталях устройства — крючки для подпитника, серезки для подвешивания нитов. Местная особенность — веретена, вырезанные вместе с деревянным присплицем.

Повсеместно применялось белевие холста на морозе, которое в Восточной Европе встречалось очень редко.

Прядение и ткачество новоселов всецело связаны с теми навыками, которые они привезли с родины (с. Долгучур). У черниговских украинцев бегут стани с косой, стоячий гребень для чесания льна, а у житомирских украинцев — гребень-лежак для той же цели. У псковских «скобарей» (Илир) — драчок (приспособление для обрезания головок льна), самопрядка с личиной для кудели. У переселенцев из Воронежской губернии в с. Толкини встречается стоячий гребень для чесания войлока, что характерно для кожухов великорусов.

Остальные орудия прядения и ткачества, бытовавшие здесь, — общерусские.

В кожевенном производстве употреблялась вертикальная кожемялка, известная в Восточной Европе и бытовавшая у бурят. Кто, когда и у кого заимствовал ее — неизвестно. Возможно, она попала к русским от монголо-татар и опять вернулась с русскими в Аляску. В обычном производстве известен крок, повсе-

Кожемялка

местно употреблявшийся в России. Бурятан он неизвестен.

Гончарное производство Верхнего Приангарья основано на крутом, привнесенном сюда белорусскими и украинскими гончарами. Наблюдается большое разнообразие в формах гончарной посуды: здесь и горлаки (жонковеликорусские) для молока, и низкие горшки-жришки (северовеликорусские) и макитры, тывки (украинские). По-видимому, приезжие мастера внедряли здесь свою продукцию. Местных старинных очагов гончарного производства в Верхнем Приангарье по Оке и Или не найдено. В семье Вотьяковых (Шаманово) нами обнаружены горшки, сделанные бес гончарного крута жуговой техникой, обожженные, вероятно, в русской печи. По рассказам, здесь был старик-гончар из «пермиков», который делал эту посуду. Сосуды банкообразной формы очень близки к посуде, изготовлявшейся в Шадринске²¹.

При вите веревок употребляются вертикальные прядки и крючки, известные повсюду у русских.

В кузнечном производстве употреблялись одинарные мехи.

В углежжении известно два приема: материал для обугливания ставится стояком или кладется плашмя. Оба приема известны в Восточной Европе. При гонке дегтя и смолы для приема готовой продукции в прошлом употребляли глиняные корыта, теперь корыта и кадки, так же как и в центральных областях. В этом, как и в других явлениях быта, видна тесная связь русских европейских и азиатской части России.

Хозяйственный быт в основном сформировался на базе материальной культуры северовеликорусов (типы сох, горбуша, некоторые орудия прядения и ткачества), в частности на основе культуры Севера и Приуралья — бывш. Пермской, Вятской губерний. Вполне прав В. Н. Шерстобов²², когда говорит, что «гулящие люди — выходцы из черных волостей Северной Руси, были основным ядром азиатского населения». Элементы культуры белорусов²³, украинцев (сельскохозяйственные орудия, формы глиняных изделий), жонковеликорусов (форма глиняных горшков, гребни для чесания шерсти, войлоки) у старожилов прослеживаются слабее, чем у новоселов.

Старожилы от новоселов воспринимали новые, более прогрессивные элементы культуры (железные плуги, трехполку, вертикальные сновалки, самопрядки).

Характерно, что новоселы не воспринимали от старожилов традиционных северовеликорусских элементов материальной культуры, но пользовались их знанием местных природных условий и перенимали некоторые местные сельскохозяйственные орудия, например колосуку.

Отмечается особенно тесная связь старожилов с бурятами.

Свой след в хозяйственном быту Приангарья оставила культура эвенков (способы ловли рыбы, кожные мешалки, крытые корьем, одежда охотников, способы переноски добычи, гребля одним веслом с двумя лопастями).

Три столетия совместной жизни с бурятами и эвенками привели к частичной ассимиляции с ними русских Приангарья.

Гребень для прядки кожи.

²¹ Шадринская черная посуда хранится в Гос. музее этнографии народов СССР.

²² В. Н. Шерстобов. Земледельцы северного Прибайкалья в XVII-XVIII вв. «Мастер по истории земледелия СССР», сб. 1. М., 1952, стр. 283.

²³ Например, в Толкини употреблялись белорусские корытала.

Классификация одежды русских

1. Нателная мужская и женская:

Рубаха (рубашка, станушка, манишка)

II. Горничная

Нагрудная (женская одежда)

Нагрудник-навершник, наздевок, насовник, шарган, касталан, чупрун, сарафан, чехлик, шушпан, балахон, одеваля, шушка, котман, юпа, юпочка, желник, сиюшка, коротыш.

Сарафан-ферязь, шубка, гульба, сарафанчик, катарник, кумачник, штофник, крашениник.

Передник-фартук, хвартук, запан, шушман, занавеска, застилка.

Набедренная повязка

III. Выходная (мужская и женская одежда):

Кодман

Шушпан-чупрун, балахон, одеваляник, тулуп

Халат-пониток, свияк, черник, свига

Зипун — армяк, шугай, коротыш, шуба, полушубок, юденка

IV. Одежда для рук (мужская и женская):

Рукавицы

Варежки

Перчатки

Нарукавники женские

V. Обувь мужская и женская:

Онучи

Повилы

Наголенки

Оборы

Чулки

Поршни

Лапти

Коты

Сапоги

Валенки

VI. Пояса мужские и женские:

покрояк, кушак

VII. Набедренная женская одежда:

повязка — поныка, сиюшка, колышка

юбка — подол, «маршанка»

VIII. Набедренная мужская одежда:

штаны — портки

IX. Головные уборы:

а. Мужские:

обруч из лыка

шлык

валенка

гречневик

фуражка, кепка

шапка

Девичьи головные уборы:

1. Прическа

1) распущенные волосы

2) коса

3) две косы

2. Головные уборы

1) Полотенце

2) Связка — похватка, перевязка

3) Налобник: а. из полумента (тканка, нанка)

б. из ленты (лентка)

4) Платок, сложенный полосой (холщовый, покупной)

5) лубяной обруч

6) корона, корута

7) сборки

8) венки из цветов

Селезневые кудри и павлиньи перья, ковыль как дополнительные части головного убора.

3. Головные уборы замужних женщин:

1. Прическа: 2 косы, уложенные под головной убор, чуб

2. Полотенчатые головные уборы: полотенце, шинка (сорока), косынка, платок

4. Кичкообразные головные уборы:

1) кички — твердое основание — рогатые, лопатообразные, коньтообразные, котелькообразные, с повойником и без него.

2) сороки привязки: шинкообразные, с 4-угольным дном с двумя закругленными углами, с круглым дном, рогатообразные.

3) позатыльники (матерчатые, шнуровые, бисерные)

4) повойники — плетеные и матерчатые

5) заушники — бисерные

6) налобники — девичьи головные уборы, как составная часть головного убора замужних женщин

7) птичьи перья, как часть головного убора

8) кисти — бахрама

9) ленты

10) шкуры, гайтаны

5. Кокошничкообразные: цилиндрические, конические, лопатообразные, каблучкообразные.

Соединение их с рогатой кичкой и позатыльниками.

6. Повойники (с круглым дном, с 4-угольным, со сборами).

7. Чепцы

Женские нагрудные украшения:

ошейник

цепочка гайтан

разметки

бусы (стеклянные и янтарные)

Женские ушные украшения:

пушпы

серьги

Классификация одежды по материалу:

1. Из бересты и луба (лапти, головные уборы, рогожки покрывала)

2. Кожаная (поршни, коты, сапоги с гармонией, фартуки рыбаков)

3. Овчинная и меховая

4. Тканая:

а. холщовая

б. шерстяная: дома

(пониточные и суконные)

5. Из покупной ткани: парча, хлопчатобумажные ткани

По технике тканья одежды:

1. тканые на 2 подножках

2. тканые на 3 подножках

3. тканые на 4 подножках

4. браные с 1 ушком, с 2-мя
5. закладные с 1 ушком и 2-мя
6. соединение браной техники с тканьем на подножках

как
7. соединение закладной техники с тканьем на подножках.

Классификация одежды по способам кройки:

1. Разрез полотниц по утку.
2. Разрез по основе
3. Кройка клинов (ползков, ширинки у штанов, клинов фартука с грудничкой, клинов сарафанов, халатообразной одежды). Основной принцип — все идет в дело, ничего не остается.
4. Кройка одежды по талии (остаются отрезки).
5. Завертывание углов, чтобы придать форму (без отреза): фартуки, сороки, рубашки.

По способу сшивания:

1. Обметка через кромку — сшивание полотниц по кромке.
2. Соединительные швы «росшива».
3. Запошивки.
4. Шов «вперед иголку».
5. Строчка.

По украшению одежды:

1. аппликация
2. затканки (бранные и закладные)
3. вышивка, швы: 1) роспись, 2) бранье: а. сквозное по основе и утку, б. — с поворотом обратно; 3) косой стежок; 4) штуровой; 5) петельчатый шов; 6) поддевичатый шов; 7) тамбур; 8) по выдергу: мерзжка, перевить, настил; 9) гладь: атласная и с настилом; 10) путаный (мордовский шов).

По раскраске вышивок:

1. белые; 2. черные и коричневыми; 3. красные; 4. полхромные.

По орнаменту вышивки:

1. Геометрический (круги, челноки, медведи, змеи, лягушки и др.).
2. Растительный.
3. Зооморфные образы
4. Антропоморфные образы¹.

По способам ношения одежды:

1. Накладка-плащ — кодман, рогожный кулак, белог²
2. Распашная: а. безрукавная (халат, сарафан, ферязь)
- б. с рукавами
3. Надевающаяся через голову (вся туникообразная).
4. Одежда с застежками.

По способам укрепления одежды:

1. Привязывание тесьмой, поясом (онуч, запасок)
2. На выдержке (гашики)
3. На обшивке (штанов, юбки, фартуки).
4. На завязках
5. На запонках
6. На пуговицах (костных, деревянных, стеклянных)

По употреблению:

1. Одежда нательная; 2) горничная; 3) выходная
- 1) будничная; 2) рабочая (спецодежда); 3) праздничная; 4) обрядовая (свадебная, похоронная).

Возрастная (символика одежды)

- 1) детская; 2) подросток; 3) совершеннолетний;

- 4) молодых; 5) старых.

По месту укрепления на человеческом теле:

- 1) Нагрудная; 2) набедренная; 3) головные уборы; 4) обувь; 5) украшения нагрудные и на спине; 6) украшения ушей; 7) защита рук от холода (рукавицы, варежки, перчатки).

По полу:

- мужская, женская, большинство одежды общей, разница в набедренной одежде, в головных уборах, в поясных привесках, в нагрудных украшениях

Рубашки мужские и женские:

1. Туникообразные:
 - а1 с прямыми бочками,
 - б1 со скошенными бочками,
 - в1 с бочками, кроеными по-топороному,
 - а2 с прямым разрезом на груди,
 - б2 с косым разрезом налево,
 - в2 с косым разрезом направо,
 - а3 без воротника,
 - б3 со стоячим воротником,
 - в3 с откладным воротником,
 - а4 с затканым подолом и рукавами,
 - в4 без украшений,
 - а5 из белого холста,
 - в5 из пестриды.

II. Рубашки с полками:

1. с прямым полком: а. пришитым по основе; б. пришитым по утку,
2. с косым полком: а. с ташками; б. без них,
3. с полком и рукавом, кроеным по-топороному.

Рукава к рубашкам I и II типа

- а1 цельные, прямые,
- б2 суживающиеся книзу,
- в3 в сборку: а) на обшивке; б) с оборкой,
- а2 с клином,
- в2 с 4-угольной ластовицей:

1. одноцветная с материей рубашки; 2. кумачовая или из другого материала, чем рубашка.

- Разрез ворота: 1) оторочен; 2) в сборку на обшивке;
- 3) со стоячим воротником; 4) с откладным воротником.

III. Рубашки льняные:

- а. с одной лямкой,
- б. с двумя.

Рубашки по материалу:

- а) цельные; б) с подставком; а1 белые холщовые; б1 полосатые; в1 стег из пестриды; г1 вставки из домашней материи; д1 из покупной материи.

По украшениям и их размещению:

1. украшения поперек рукава,
2. украшения частично вдоль рукава,
3. украшения по разрезу на груди,
4. украшения по вороту и обшивкам рукава,
5. украшения по подолу,
- а1 — цветная лямка в основе или утке (волосы, клетка),
- а2 — бранье на станке,
- а3 — закладная техника,
- а4 — вышивка, швы: поддевичатый, бранье, штуровой, петельчатый, гладь (атласная), гладь с подстилом;

¹ Будино жила. — Г. М.

² Накладка из белого меха у русских одношюрцев.

материал: человеческие волосы, шерсть овечья, шлен-ка, шелк, крашенные нитки льняные;
элементы узора: геометрический, растительный, животный;

расцветка: красный цвет, полихромность, блестящие тона.

Нагрудники:

1. Туникообразные —

а1 — с прямыми боковыми полотнищами,

б2 — со скошенными полотнищами,

в3 — с клинами по бокам,

г4 — с клинами позади,

д4 — с боковыми полотнищами, кройными по-топорному,

а2 — с рукавами: короткими, длинными,

б2 — без рукавов.

II. Лямочные —

а. с клинами по бокам,

б. с трубчатыми складками назад.

Нагрудники по материалу:

1. из холста,

2. из шерстяной материи, тканной на 2 подножках: а) ервой; б) красной; в) желтой,

3. из парчи.

По украшению:

1. Вставка вдоль по швам полос красной и зеленой помотканой материи.

2. Затканые: бранье, закладки.

3. Вышивки.

Шушаны — распашная верхняя одежда (женская):

1. Туникообразные

1) с прямыми боковыми полотнищами,

2) со скошенными боковыми полотнищами,

3) с боковыми полотнищами, кройными по-топорному,

4) с клинами по бокам,

5) с клинами позади,

а. с короткими рукавами,

б. с длинными рукавами.

Шушаны по материалу:

1. холщовые: а) тканые на 2 подножки; б) тканые на 4 подножки;

2. шерстяные: а) тканые на 2 подножки; б) тканые на 4 подножки и суконовые.

II. Набедренная женская одежда:

По форме:

1. Запасака — из 1 полотнища.

2. Дерга — из поперечной ткани.

3. Плахта¹ а) сшитая до 1/2 с одной стороны; б) сшив с двух концов (Смоленская); в) из 2 полотнищ, разной длины (Сволохов)².

4. Распашная понева из 2 полотнищ с полуполотнищами на боку (Смоленская обл.).

5. Понева распашная из 3 полотнищ.

6. Понева с прошвой.

7. Понева глухая (из 4 — 6 одинаковых шерстяных полотнищ).

8. Юбка: а) полосатая; б) клетчатая.

По ткани:

1. тканная на 2 подножках:

а. гладкая черная; б. клетчатая: черная, синяя, красная; в. кубиками; г. тканная на 2 подножках — основа портяная, уток шерсть (полосатая),

2. тканная на 4 подножках:

браная при 2 основ и 2 утках

а. Куршинский тип (б. Парахинский тип)³ (при 1 основе и 1 утке — украинская плахта)

3. тканная на 2 подножках и соединении с браньем — (укр. плахта, куршинская проща)

4. тканная на 2 подножках в соединении с закладной техникой (брянская понева, украинская запасака)

По способу ношения:

1) ношение «распустимши»

2) с «кульком»

Передники:

1. Туникообразные: а. Шушман (брянский); б. Запан: цельный, с отрезной грудничкой, с рукавами, без рукавов

II. Передник — поясной: а) запасака; б) в сборку на обшивке по талии

III. Занавеска (фартук) нагрудная: а. с трапецевидной грудничкой (куршинская),

б. с широкой обшивкой,

в. на узкой обшивке.

Передник по материалу:

а. белые холщовые; б. из пестряди; в. из покушной материи.

Нашивки и заткана, как у рубашки

Сарафаны:

1. Кососклянные: а. с клинами по бокам и круглые с клинами елочкой,

б. распашные и нераспашные,

в. без рукавов, с длинными фальшивыми рукавами,

г. с плечиками, с лямками,

д. домотканые шерстяные (бел. черные) и из китайки

II. Прямые на лямках:

а. из домотканой материи,

б. из покушной — ситца, сатина,

в. из парчи

III. Прямые с лифом: а. из домотканой материи,

б. из покушной материи

Мужские штаны: 1. с шириной клинами или с трапецевидной вставкой и без ширины (детские),

2. на гашнике и на обшивке,

3. из «тяжких», белого холста или покушной материи.

Обувь:

1. Плетенная из древесной коры:

1) коверени (подтип: белорусский, украинский, литовский, латышский), 2) лапти березовые: а. мелкие; б. туфли (ступни), 3) лапоть мордовского типа: а. мужской, женский; б. липовый, вязовый, 4) лапоть «вятичский» (московский)

а. простой, б. писанный

II. Кожаная:

а. кожаные чулки,

б. туфли: поршни, коты,

в. сапоги: 1) чоботы; 2) сапоги с гармонией.

Оборы:

а. ремешные,

¹ Сволохов — автор этнографически описанной Орловской губернии. Зельман Д. К. Описание рукописей учебного архива ИРГО. Петербург, 1915, в. 2, с. 965.

² И. И. Верещагин включает в классификацию элементы одежды других восточнославянских народов. Здесь имеется в виду понева типа плахта. См. Атлас «Русские», т. 44.

³ Поневы из района «Курши» с. Пархано 6. Засновского у. Рязанской губ. Куршев. табл. II, III.

б. портянки «сученные» в 3 — 4 пряди,
в. шерстяные: 1) дергаемые; 2) тканые на досках; 3)
тканые на бердечке

Онучи:

1. тканые на 2 подножках из конопли или льна,
2. →, 4 → — → — → —
3. Шерстяные, тканые на 2 нитях, приденные в жил-
ку, черные, 4. полушерстяные, тканые на 4 подножках

Пояса: по технике изготовления

1. тканые на дощечках
2. тканые на бердечке
3. тканые на нигу
4. плетенные на вельчю
5. плетенные по стене.

По употреблению: мужские женские

Поясные подвески:

1. Нож,
2. гребешок,
3. огниво и кремезь,
4. сумочка «калита» — мужские,
5. куринные косточки,
6. орехи-двойни,
7. раковины-ужовки,
8. полосы материи,
9. бисерные кисти,
10. бубенцы женские¹.

**1. Одежда, головные уборы и обувь из неспитых
полотнищ ткани:**

1. запаска 2. дерга 3. полотенце головное 4. платок 5.
ширинка 6. косынка 7. онучи 8. повила

II. Одежда, сшитая из цельных полотнищ ткани:

1. плахта 2. сновенка 3. понева 4. наголенки 5. нару-
кавинки 6. штаны детские 7. мятлик — детская одежда

8. постельца

Одежда туникообразная:

1. с прямыми боковыми полотнищами 2. со скошен-
ными бочками 3. с клинами по бокам 4. с клинами поза-

- ди 5. с бочками, кроеными по-топорному
по покрою: 1а — с рукавами длинными
2а — с рукавами короткими; 3а — без рукавов.
1б — выемка ворота овальная
2б — выемка ворота каре
3б косой разрез на груди или прямой
1в — одежда длинная, до колен и ниже; 2в одежда
короткая до талии

Виды одежды: 1) рубашка мужская; 2) рубашка же-
нская; 3) шушман² 4) запан; 5) нагрудник; 6) шушпан; 7)
кодман; 8) рубашка-пеленка³.

V. Одежда ляжочная:

- а) лямки у одежды из прямых полотнищ,
- б) лямки у одежды с клинами
1. Рубашка женская с ляжками
2. Сарафан
3. Нагрудник

A. Одежда с поликами:

- 1) с косыми; 2) с прямыми: а — пришитыми по упу,
б — пришитыми по основе; 3) с рукавами и поликом, кро-
еными по-топорному; 4) рубашки мужские и женские
кофты.

Б. Штаны с ширинкой:

- а — треугольной; б — трапециевидной, в — с двумя
клиньями⁴

**VI. Одежда халатообразная: (из разрезных полот-
нищ)**

- 1) с рукавами, 2) без рукавов; 3) с фальшивыми ру-
кавами

Пониток, снитка, сарафан косоклиный — «фериз»

VII. Одежда со сложной выкройкой (по талии)

1. короткая 2) длинная
корсетки а. с клинами
б. со складками
в. со сборами
- кофты (зипуны, шутан, полушубки,
поддевки и пр.)

¹ Вязало новое — Г. М.

² Крестильная рубашка в виде мужской рубашки

³ Добавлено новое — Г. М.

Духовная культура рязанских крестьян

Полевые материалы 1923 — 1965 годов

1

Леший. Дед матери — учитель, 32 лет, пошел в лес с ратом матери. Заснули в лесу. Мальчик видит: подхо- дит дед и ведет его. Шли-шли, дошли до ручья. Мальчик вспомнил господ. Дед бух в воду. Это был леший.

2

Домовой — похож на хозяина. Шли с гулянки до- мой. Смотрит: дед кормит лошадь. Вошли в избу. Дед лает плетет. Дед объяснил: домовой.

3

Домовище был в доме. Были одни бабы. Каков хозя- ин — таков и домовой.

4

На скотном дворе вешали лапти, обору, онучи — обу- тизина. Он похож на хозяина, есть в той избе, где есть пужик-хозяин. Он охает в доме. У повешенного Дерюги- а неделю охал. Мать спросила: «К добру или худу?» — К худу», — сын и повесился.

5

Когда переходит в новую избу, берут с собой утоль с чага и несут в новую, говоря... Пускают кошку, чтоб привя околела, и петуха: он закричит — весело жить.

6

Есть сказки о «поддниках», которые щекочут малень- ких детей; о леших, которые закручивают людей в лесу; том, как заspanные младенцы — «успленцы» — дела- лись русалками.

7

Русалку провожают: малый нарядится во все белое, свит и летит, и детишек пугает: защечочет.

8

В Морозовых Борках перестали провожать русалку, ак перестали коноплю сеять, так как ходили провожать кононы.

Ездил в Секирино: проводы русалки.

9

Куриный бог — Микола (...) Куры молятся. При- риним боте была насадка, а теперь веде садятся.

10

Куриный бог — разбитый горшок вешали на нашестве, об куры ему молились.

11

На святки кресты пекут. В тесто крест запекают. Кому упадет с крестом — тому первому ехать засеивать.

12

...Окрай городоча
По святкам вечерам.

Ищу-поищу

Ласкового теста.

— Я буду доброй молодухой.

— А я буду добрый зять.

13

На святки. Кушак кидают через крышу: куда расти- нется — туда замуж.

14

Таусень — ходят взрослые:

Клен да береза

Чем не дрова?

Каша молочная

Чем не яда?

Жареная старня

Чем не яда?

Не пора ли нам нести

(проб. 1 стих)

Или пышек мешок,

Или пашки копшек?

А не дадут:

— Влами в бок!

Солдаты боявые ходят. Собирают вместе, разделят и вместе едят под Новый год.

15

Под старый Новый год по 8 — 10 ребят ходят:

Таусень, Таусень!

Пышки-лешки,

Свинные ножки,

Давай мы закусим.

Кто не даст пирога —

Корову за рога.

Кто не даст:

На Новый год

Осиновый гроб,

Еловую шишку.

Ходят и теперь с мешком по свинные (ножки). Собе- рутся в одну избу и все съедят. Блюдут для них свинные ножки. Ходят и теперь.

16

«Сдобник», или «авсенька».

31 декабря, накануне Нового года, женщины пекут особые пирожки с кашей или картофельной начинкой, из белой или черной муки, смотря по достаткам хозяйки. С утра начинают ходить маленькие детишки и авсенька- ют в сенях, не заходя в избу, а в избу заходят один или два за подаванием. Они поют авсеньки — пожелания на следующий год: пожелания супругам жить в согласии, де-

вушкам — женихов, парням — невесту (с обозначением имени, фамилии и местожительства той или того, с кем гуляют). Если же ничего не подадут, то, отойдя от дома, поют: «На Новый год — осиновай гроб!» После прохода маленьких идут взрослые — женихи и невесты — наряженные, с пением. Все собранное делают и съедают.

17

Накануне Нового года медведя ридили. На Новый год и ведут его. Старик ведет.

18

На Новый год радят коня. Два человека попрыгивают со звоном — «балабошкой»: «Коню овсеца, коню овсеца!» И сейчас ходят, как делали взрослые.

19

Под Крещение пекут круглую лепешку, не менее 1/4 аршина в диаметре; посередине ее делают крест двумя перекладинами из теста, между концами креста приворачивают коров, свиней, овец, кур, гусей, уток, сделанных из того же теста. Обычно делают изображения тех животных, которые находятся у данного хозяина. Пекут из ржаного кислого теста, иногда натертого, иногда из сеяной муки. В день Крещения, когда придут от обедни, то хозяин покропит лепешку святой водой, раскрошит на мелкие части, смешает с овсом и понесет на скотный двор. Здесь вырубят на льду крест, на него посыплет приготовленную смесь, позовет всю скотину, обедет вокруг нее топором круг и стоит наблюдает: кто из скотины выйдет во время еды за этот круг, то окалеет в этом году. Поэтому хороший хозяин должен заблаговременно продать или съездить обреченную скотину. По сведениям других крестьян этого села, священник, приходя в дом со святой водой, кропит лепешку и лошадей. После этого сам хозяин проделявает остальную часть обряда.

20

Кресты.

6 января — Крещение. Или накануне хозяева обходят весь дом и рисуют на дверях, окнах кресты. На Крещение хозяйки пекут из ржаного теста пироги и кресты — «форма». Берут два раскатанных комка теста, кладут их крест-накрест. Придя из церкви, ходят по всему дому и двору со святой водой, а кресты дают скотине.

21

Коня.

Пекут на Крещение и Фролов день с двумя головами и с одной, из сеяной муки ржаной, пресные (сделаны натертые на масле), сдобные. Пекут накануне утром. В семейник не едят до звезды, после едят от воды, только коней едят (в этот день не сдобные, а на Фролов день сдобные). На Крещение пригласят от обедни, не закусив, всем дадут по коню. На скотный двор до обеда несут коня с двумя и одной головой, аршин величины. Несут кобыла, чтоб кобыла скусила голову; потом крошат в ясли в меру с овсом семенным, просом и дают всему домашнему скоту и птице.

На Фролов день (этот) день пекут, святят у часовни лошадей, в доме у ворот встречают с этими конями, чтоб лошади не падали, дают только лошадям из рук — каждой лошади, чтоб сразу съела. Объясняют: чтоб скот не падал, был лучше, так как велели старики. Кто не выполнит — у него со скотом не благополучно. Уж заметили, так как зовет на Крещение хозяин домашнего — придти вместе с ними побеседовать со скотом на скотный двор. Несет старик. Муж идет и мать, жена. Молодежь не хо-

дит.

22

Копыри. Пекут на Власия, в самый день утром, на всю семью. Сами следят и дают пастухам, которые ходят под окнами, по количеству коров: за одну корову — 1, за телку не считается.

Чтоб скотина не болела — копыри не скоронили. Скот проходит в поле, и пойдут собирать: выгонять выходит вся семья. В этот день не работают на скотине — это скотный праздник: могут загореть зеленцы, если падет скот, поэтому выполняют.

В этот день и люди не работают. Если шить — черн в ране.

23

Жаворонки пекут на Сороки. Ребята в поле носят и кричат:

Жаворонки, жаворонки

На тебе зиму,

А нам лето

или

На тебе сани,

А нам телегу.

24

Жаворонки, жаворонки,

Прилетите к нам,

Принесите к нам

Весну красную,

Лету теплую.

Туды сани с казырами.

Отсель борону с сохой,

Все с кобылой вороной.

Кидают на солому. (...) 9/III.

25

Воробушки мои бабюшки,

Прилетите ко мне,

Принесите мне

Весну красную,

Лету теплую,

Осень богатую.

Из пресного теста, с раскрытыми крылышками. На сарай залезут и пустят. Потом брали к засену.

26

Жаворонков пекли с раскрытыми крылышками.

Жаворонки, жаворонки,

Лети к нам,

Неси нам

Весну красную,

Лето теплое,

А зиму унеси.

27

Жаворонки летят —

Весну несут.

Зима надоела,

Весь хлеб поела.

Сейчас шумят.

28

Кривель. Жаворонки со сложными крыльями.

Песочия. 9 марта запекают деньги — «мордки» серебряные, медные, еще бывшие в 90-х годах (нашли кушанки с мордками в Кошелевском саду). Кому достанется этот жаворонки, становился на колени и клал три поклона в землю.

29

Кресты пекут в среду на 4-ой неделе поста, из ржаного кислого или пресного теста, в виде круглой лепешки. В одной из лепешек запекают монету, а в другой делают крест из теста. Едят за завтраком все члены семьи. Кому достанется пышка с крестом, тот будет счастлив, кому с монетой — тот богат.

30

Кресты пекут в среду на 4-ой неделе (поста), из ржаного кислого или пресного постного теста. В одном из крестов запекают мелкую монету.

Кому достанется крест с монетой, тому засеять в этом нынешнем году яровое. Если достанется ребенку, то его все равно поведут в поле во время посева и заставят первым бросить из горсти несколько зерен.

31

Крестушки. На 4-ой неделе в среду (или четверг). Утром в четверг не работают, едят в честь прилета (птиц): «Скоро прилетит — тепло принесут». Едят весь день: с утра по одной, и весь день дают.

32

Хресты — из 13 снопов, на четвертой неделе в среду, постные (ибо пост), чаще черной муки; едят за всякой едой. Одни хранят до весеннего сева: когда поедут в поле, его запакивают в поле, копей и копыта — нет.

33

Хресты пекут в середине 4-й недели, из ржаной муки, кислые и пресные, крошат лошадям во время сева.

34

Кресты. Одни оставляют: когда едут пахать, берут с собою в поле, отдают лошади.

35

Кресты пекли. Засеяли в поле в овсе. Отдавали лошадям.

36

На Вербное (воскресенье) мать пекла орешки — круглые катюшки из пресного пшеничного теста. Напекла ельное решето. Давала их овцам, чтоб катили двойняшек. Остальное съедали все члены семьи.

37

«Кытка» — печенье на Вербное воскресенье — ягчий праздник.

38

Пекли из теста кресты на Пасху, в хлеб брали и ставили в хлеб. Свечку в заставили (нрб.), засеяли все растения.

39

Красная горка — девичий праздник.

На Красную горку девочки-подростки делали и нынешний год яичницу. Собирались 7 подружек, привели щ, молока и масла, сделали яичницу в саду у речки на повороте на трех ножках, ставили между двумя кирпичи. Съели ложками, сидя вокруг сковороды. Делали ром после завтрака.

40

Красную горку:

Выйду я на улицу,

Выйду на широкую —

Сушит ветер сердце и болит (...)

У колодезю студеного

Разлейся, вода,

По той воде гуси плывут.

Навстречу несут.

На работу идут (?)

— Стой, дорогая дочь, пошла,

— В след пойду.

41

Лестницы на Вознесенье, как Христос на небеса лезе. Дома едят. Ни курам, ни козам — нет.

42

Лестницы. Пекли на Вознесенье — пресные, ржаные, сдобные — или. Форма — длинная лепешка с поперечными нарезками. Делали в честь того, что Христос полез на небо.

43

Лестницы — на Вознесенье, на самый день. Перекладыны две, а между ними каша. Чаще пресные, черные, сдобные. Одевают ребятишек; дают яйцо крашеное — по одному, и едят в поле; швыряют в розах и на этом месте едят.

44

Лестницы — на Вознесенье, перекладыны выдавливают; внутри творогом или заливают сметаной; пресные, сдобные. Иногда идут с лестницами и яйцами в поле, там бросают в розах и говорят: «Русалка, русалка, на тебе яичко». Раскрывают лестницу и яйцо. Ходит после обеда, едят лестницы только в поле и там делают яичницу, каждый на своем загоне.

45

Лестницы. Пекут на Вознесенье из ржаного пресного, сдобного теста, в виде лепешки. Ступеньки лестницы изображают в виде нарезок ножом на лепешке.

Девушки с другого едут, берут с собою, когда идут в поле в этот день, и говорят, бросая в зеленя: «Русалочка, русалочка, не кусай меня».

46

Лестницы пекут на Вознесенье из ржаной или пшеничной муки, пресные, сдобные или кислые. Форма: овальная пышка, на ней перекладыны сделаны вдавленными линиями — рукой. Молодежь после обеда несет лестницы и яйца в поле, прячет во ржи, потом ищут. Кто чью лестницу найдет — становится кумой или кумой: после этого так и зовут друг друга целый год. Так делали в старину: другого объяснения не помнят.

47

С лестницами ходят в поле, помолчатся и скажут: «Христос воскрес, лезь по моей лестнице», берут с собою блинчики, мясо и все это съедают; поют обычные песни и с ними идут в зеленя.

48

На Вознесенье лестницы носят в церковь, освящают, идут в поле и зарывали в своем загоне (так делали раньше), теперь подают на стол и съедают.

49

На Вознесенье пекут лестницы с творогом, на Сороки — галок, на Средокрестье — кресты; на сочельник (вод Крещение) для деда пекли коров, лошадей и всякую скотину, дед ее крошил, крошил святой водой и ею кормил скот.

Все обрядовое печенье в скоромные дни печется из пресного теста со сдобой, в постные — из кислого.

50

Когда засевают лен, бабы дают яйца. И едят их на полосу. Старик берет святу и скидает штаны и распева-ет без них лен. Идет в свите: лен родится подлиннее — предмет имеет длинный рост и лен будет длинный.

51

На Троицу венок заивают в лесу и с ним приходит в село.

Ой Троица — ой али! — Богородица!
Мы во дуг пошли вити.
Сорву, сорву цветочек,
Совью, совью веночек,
Вздешу на головушку.
Венок мой золотой, дорогой.
Уж я вздешу я на головушку
Венок мой — ой али-дели — дорогой.

52

По полю:
Во лугах, лугах зеленых
Расцвели цветы лазорь-малиновые,
А тени цветами — коня кормить.
Коня выкормлю, выгляажу,
Поведу коня к батюшке.
Государь мой родный батюшка,
Ты прими слово приветливое,
Не отдавай за старого замуж.
Я старого до смерти не люблю,
И гулять не пойду,
И рубашки не сошью,
И спать не лягу,
И на ручку не положу,
И (не) обойму.

Второй раз:
За милого пойду,
Я пойду за ровню,
С ним гулять и целоваться буду.

53

Ой во поле лепынка,
Под лепынкой яблонка,
Под лепынкой яблонка,
Под яблонькой горенка,
Во горенке стол стоит,
За тем столом девица,
Красная рвала цветы,
Со травы вила венки на голову.
— Кому венок, кому носить?
Кому носить?
— Носить венок старому,
Носить-износить,
Чтобы младость загубить
Во поле и....
З миров кому износить,
А мою младость извести.

54

Венок.
Пойду, пойду, млада, млада,
В сад-садок,
Сорву, млада, дм я цвет-цветок,
Завью, млада, дм я вян-вянок,
Да я надешу венок на голову.
Стаивились в хоровод.
Ой, да пойду я, млада, дм на улицу.
На мосту:
Грушница, грушница зеленая моя.
За грушницею светлица стоит. (...)
Пойду я на речку,
Стану на... полоту,
Сброшу с головы венок.

Не потонет мой веночек.
Мой веночек потонул,
Ай мой милый всплывнул.

56

День Ивана Купалы называют «Иван-Травник». В этот день нужно собрать целебные травы до утра.

Мордвин (чертополох) растет у прясел, у оград усадоб. Его заваривают, этой водой моются от чесотки. Листья мордвина кладутся под балку, когда строится дом. «Травка божья — в дом, а колдун — вон», — при этом говорят.

57

Конюх колхоза был инициатором проводов коня из Петровское загоненье — последний раз 1927 — 1928 год. Палки, делали головы из палок с соломой, по бокам... покрывали. Один на палке держит голову, а другой сзади хвостом управляет. Идут за ними. На закате солнца делали. В Пичкураеве и сейчас коня провожают: пять-шесть мужиков надевают, в дыру — палка — обматывается бархатом, и все шесть — за один хомут, за оглобли ржет, как жеребец.

58

Когда ходили с конем, пели «Во лугах, лугах зеленых, в этих лугах трава выросла». Коня делали женщины.

59

Фролов день — лошадиный праздник. В этот день на конях не работали, давали день отдохнуть. Со всей волости съезжались на конях в нарядных рубашках с платками. У церкви служили молебне. Омовали в кадке воду и крошили первым делом священник других дяков.

60

На Введенье в блины запекают копейку или гривенник (бросают в тесто); кому достанется — тот счастливый.

61

Сватать ходили сродники — «сродства». Кто как уговорит. Сначала жених договорится, а потом сватать пошлет. Жених невесте — два пуховых одеяла, два (1 слово проб.), два гривенника денег... Чоботы, подушубок — коротник, обшит сузном, со сборами. Тогда вагола и постилки, а теперь матрац и одеяла. Подушки. Тогда одна подушка большая, перины, а теперь матрацы.

Запой — сродство невесты со сродством от жениха — трое: отец, мать, крестная. Немного — четверть — выпьет и поют...

Девичник у невесты. Приезжает жених со сродством «на ужин». Караван не было. У уянов есть, а у них нет (с овсом молотят) В баню не водят невесту. После запыла начинают вопить, с ней мать крестная. На девичнике надевала поневу крестная; у уянов прыгала по лавке. Нарывали три платка, волосы расчесуют, как запой, под венец распускали; и кичка — так ходили. В старину деки к обеду ходила.

А свадьбы — как соберут, а одну неделю, а то и месяц ждут. Выкуп места.

От венчания придет дружок, все снял уклады в шапку, и голова оголена. Стыпай.

Сколько в болоте коцков,

Сколько родить дощков.

Сколько в лесу пенечков,

Сколько родить сыночков.

Дружок выводит из-за стола и ведет в клеть — был

на дворе, и в ней всю зиму спали, из конопей свиганная (постылка), а родственники пировали.

Поедут в дом невесты все родство и жених с невестой, а там переоденутся. Под венчанье - по печальнее, а там все красное. Приедет к жениху за стол и даст ему гостинiec (что припасла накануне, когда орехи). Оттуда на сундук сядут и поедут к жениху — опять весь поезд. Это последний поезд. Лошадь — с колокольцами, и курицу убирала.

Девки во святых елку убирают. Садятся в клеть. Сундук. Начинаются дары. Тарелку несут и ей дадут на платочек, по стакану. Дружок:

Положите нам,
Молодые на ноги,
Много им надо:
На шилцу,
На мыльцы,
На помочу, торшцы.
Стаканчик примите,
А молодых наделите.
Подносят по мере блага. Наливают и берут дар, кладут деньги.

Из веза были дудки длинные, на них играли:
Ай дуда, ай дуда,
Дуда по лесу ходила,
Дуда голос наводила,
Дуда льны драла,
Дуду лапти плела,
Ревятушкам по лаптям,
Мужу — двое,
Себе — трое.
Просто пели. Теперь бьют горшки, а раньше не делали, это по-игушки.

62

Каждое воскресенье:
Тешенья,
Ой, леле-ладо!
О, гуси плывут по той реке,
Стоят дубья, золотые ступья.
Между дубьев — скамья.
На этой скамье сидит —
Сидит свекор —
Дары просят.
Голос с подголоском.

63

Свахи ходили сватать. Помолится.
— Здорово живете! Мы пришли сватать. Овечку купите хотим, ярочку.
— У нас ярочка неподходящая. При 6 годах взяли прокормить.
— А мы, купим, купим.
— Спросите жениха, невесту. Жених берет ли?
— Я беру.
А она скажет:
— Иду.
Их принодают. Ладят. Целую четверть вина принесут, по родню соберут. 25 рублей, 4 ведра (вина), 3 пуда хлеба, 2 — муки, пшена. Сядут за стол, постелят скамью. Зажгут свечку. Руку на руку — родные, кто-нибудь даст (рукавицы); голой не хватаются: мол, голые дудут. Соберутся 30—40 человек, пируют в 2—3 избах. Идут, «кто сватал». Пойдут к жениху.
Первый пир. Ходят «колышки глядеть»: как жених

живет. Жениха подведут к столу, он упадет на колени... поцелует, утрет.

Девичник. 12 девок шли целую неделю. Выпили 6 рубах. Их кормили. Блины, пироги, огурцы, каша, грибы, студень, курник, баранки. Жениха после первого раза берут к невесте зичинцу есть, с ним едет крестная. И девушки собираются. Жених пойдет, зовет девок к себе: «Девушки, швеюшки, желаю вас угостить». Девки берут косы и палки, греют, «узнают, как просватали». Девки идут к жениху. Четверть вина им и закуски. Жених подносит вино, а они выпьют и жениха целуют.

Как просватают, каждый день придет (жених). Как обед — садятся, им дают стакан вина перед обедом. После обеда опять кричат в кручинном: черный цвет, запан, ... плат в руках невесты. Косу заплетают, ленту вынимают.

Через неделю свадьба. Накануне гулянья в баню водили — «баню топили», накрывали утиркой, и в косу греют и играют. Под «лели» играли:
Житие-бытие баба распроклятое,
Накроют головушку,
Наложат заботушку
И тяжелую работушку.
Навяжутся малые дети,
И пролетели года на свете.

Девка:
Кормилец-батюшка,
Родная матушка,
Мои сроднички все!
Вы пейте, не спивайтесь,
Моей буйной головушкой
Не нахваляйтесь,
В обман не давайтесь.
Пойдешь тихо —
Скажут: «Ленива!»
Пойдешь ловко —
Скажут: «Сердита!»
Петь стала с подругами, и невеста вопила. К венцу одевали в печальное, если отца-матери нет; а если есть — в веселом. Приезжает поезд в несколько лошадей, с колокольцами, с иконами. Ворота заперты. Выкупали место, сажал крестный, крестная. Приводит жениха, как расплатятся, дают по стакану, отдадут матери и отцу, наклонят головы «приказывать»:

Живите, слушайте,
Почитайте своих родных!
Встают. Повежут в церковь. Везут повозы: жених на одной подводе, невеста на другой. Первая с попом, вторая — с женихом, а третья — с невестой. В шубе или шушунчике, полушалок цветной. И девки играют.
Приезжает в церковь. Становят рядом: «В охоте иде-те?! А не в охоте — поп не венчает. Повенчают, сажает рядом и везут к жениху. Ведут в венцах и с крестом. Поп — вперед, жених и невеста — сзади с иконами.
Приведут домой. У двора встречают мать с отцом, по холсту ведут. Во дворе стол скатертью накрывают: хлеб и соль. Икону дают свекру — женихову отцу. Их благословляют. Упадут в ноги, икону поцелуют и отца с матерью. Вводят в избу, сажает рядом за стол. На стол ставят вино и закусь. Выпьют по стакану, отдадут отцу с матерью жениховым. Упадут на стол, и им прикажут слушаться и подчиняться.
Выводят во вторую избу — кормить, и постель там.

Дружка ложится на постель. За отцом и матерью (невесты) едут, везут постель. На сундуке сидит мать. Постель стелют дружки. И лягут повалиться. К ним подойдут, дадут по стакану. Встанут — и плясать. Невеста с женихом — за стол: щи, мясо, вино, блины тонкие, пироги. (...)

Пообедают, тогда приведут отца с матерью и родных всех, начинают гулять и юбку надевают. Крестная приводит дары дарить, и сажают за стол в кюшке. Водки подносят. Дарили свекру рубаху, свекрови — паль. По стаканчику водки подносят. Опять им приказывают слушаться. Невеста подымается. Крестная отдаривает рубаху свекру. Невеста принимает от жениха шубу.

На другой день, коли за невестой придут... ставят горшок на брус. Как крестная ходит, его тряхнет кнонбуда — встречают.

Молодые ходят за водой. Избу мести. Ей деньги бросают: слепая или нет.

Чтоб курицу радили и несли с сундуками и в пушках и цретах.

64 Свадьба.

Ходили сватать. Ходили отец, мать, крестный и крестная. Станут ладиться с отцом и матерью... за невесту. У его за невесту дали 16 руб., 2 корова, шубу сшили невесте, а жениху — шаровары, кушак, а невесте — платок. Четверть водки приносили.

Как уйдут сватья, тогда звали жениха с товарищами и невесту с подружками. Их угощали. И водили к жениху с подружками. Зимой в шубке ходили, а летом — в кофточках.

Накануне свадьбы — девичник, и у жениха тоже. Привозит курник к жениху круглый, с двумя куклами наверху, а невесте — сукожные белые онучи и лапти, а жениху — рубаху и штаны. В курник — 2 яйца с козурой и курицу. На девичнике разрезали курник жениха. Яйца клали на божницу (?), (после девичника невеста съездала). Курица жениха вареная.

Вонить начинали за день до девичника. Сидели в углу избы на конике и стульях. Под окнами все ходили. В китайках и рубашках и в ленте.

На девичнике — «Хорошая ягода» — когда сватья придут:

Ты хорошая ягода,
Ты милая,
Мне ты хорошая.
Там Иван сидит.
Он хочет по пирам
Песни слушать,
Нам не одну
И пятьдесят, а одну
Гринну золотую.

Дружки приезжают от жениха — угощают их. А отец с матерью — их у жениха. Там не играют, а только обедают и пьют. Жених привозит шубу и надевает на невесту крестик.

Не шубушу
На меня надевают,
А надевают на меня
Большую обузу.
Не дают воли
Ни мать, ни отец,
А медный крест.

Утиралыник белый, волосы распущены. Девушки расплетут косу, каждой девке — ленту... Невеста вопит. В баню везут.

На море утушка купалась,
На море полоскалась,
С крутого бережку пала...
Сироте «Реку» играют. Ночью не вопили.

Выкупали место. С ней брат сидит и просит за место. Как сторож, отпирал ворота.

Венчали всегда с распущенными волосами. Заплетали в церквы и надевали повойник. Накрывали и везут. Они почесали, а на другой день бабы надевали понаку (на молодую).

Как венчать поедут, в это время коробы везут. Жених здесь. Как сваха придет, молодых утешит за столом, в чулан идут, бабы жениховы постель постеляют. Дружок не выпускает, просит денег. Дружку платят, вводят в чулан. Как народ приезжает, их сажают за стол.

Как отгуляют, кидают горшок — молодой мести. И за водой ходили. Пировали у невестыных родителей и вторую ночь почесали у невесты. Опять пир у жениха. Ходили по родням.

65

Завили сваты,
Затрубили в трубу
Равно по заре,
Закричала Пелагея
По своей косе.
— Станут мою косу
Расплетать,
Рвать и метать,
Станут мою косу
На две заплетать.
Начало — потом наперед (?).
Росла моя косынька —
Часто чесана,
Мелко плетена,
А теперь косыньку
Буду на две заплетать.
Если отца с матерью нет, то темью везут на кладбище, и там кричат:

Родная матушка!
Благослови в чужьи люди!
Расстуйся, мать сыра земля,
Разверни полотно,
Простнись, родная матушка,
Ни поить, ни кормить —
В чужие люди проводить.
Все ночки не спала,
Всю ночьку прозоболтала.

Кто продавец:
— Чем, игрицы, торгуете!
— Красным товаром или моей буйной головой.

Посреди человек 12 идут. Вечер — пошеву подоткнули, днем — в шушутчик. По своим ходим — блин дадут. Молодая, свекровь ей даст — несет матери, а мать дает назад свой... Каждое воскресенье — праздник, как идешь к своему. И блин носили, а мать подложит мясца.

66

Когда расплетали косу в девичник, невеста вопила:
Не расплетайте мою косу русу,
Не увязывайте моей шелковой косушю.
Свет моя буфина головушка,

Свет растрепана.
Свет моя дивичья красота,
Полети в чисто поле,
Сядь, моя дивичья красота,
На белу березу,
Покрасуйся, моя дивичья красота,
Как у родного батюшки
Гуляла и ножилась.

67

Свадебная песня в пир:

Красавица девица
По сачочку гуляла,
По сачочку гуляла,
С Дону вестку услышала.
Слышно было нам с моря,
Что идет перемена.
Одному солдатику
Ему смену нужно.
Жалко, жалко нам того,
Что без смены служит.
Жальчей нам того,
Кто с кем расстанется...
Расставался один голубь
С голубкой,
Белорыбича-душа —
Со полою водою.

68

Каравай. Пекут накануне свадьбы в доме жениха. Вечер сажают мужик с бабой из соседей. Делают из ржаго теста, сеяный, сдобный. Когда вынимают из печи, абы пляшут возле него. Особых каравайных песен нет. Юют, что вздувается. В день свадьбы, когда молодые приходят из церкви, дружка приносит каравай, закрытый шестом, затем, прочитав «Отче наш», открывает каравай и передает молодому. Молодой принимает каравай и говорит: «Наш каравай приятен, молодых подарите не блем, не полтний, а золотой гривной». Каравай раздают по части. Всем присутствующим раздают по чар-юдки, а молодая — по кусочку каравая. Все присутствующие кладут, сколько кто может.

69

Каравай. В семье жениха хозяйка печет из сеяного каного сдобного теста. Каравай приносит к гостям: пос- того, как молодые посят, их ведет дружка и поет «Дарю Небесный». Потом гости поют особую песню «Ка- вай» (слов не помнит). Гости сидят за столом: кто по- стнее (попочетнее) — в переднем углу. Молодых ста- т сзади. Молодая дарит свекру, по уговору, полотен- рубашку, шаль, поднося это на тарелке. Свекор при- нимает, выпивая при этом чарку вина; молодые кланя- ются ему до земли. После этого молодые целуются. Ка- вай во время всего обряда лежит на столе. Куда он по- н дается, рассказчица не помнит.

70

Ставили на пиру свиную голову наряженную

71

Во время гулянья первого дня свадьбы — «сыры» — ры. Деньги в ползую отда молодой. Второй день — «ры» с дарением молодых. Деньги молодым.

72

Одежда невесты. До приезда жениха: черные опучи, тли, белая рубашка без затканю, шерстяной наздевок, ший платок — «затуужилась».

73

Понька. Поневу красную одевали, как придут от вен- ца, делают первый присест, молодых ведут в особый чу- лан, сестра или золовка и надевают поневу, а сродники беседуют в юбе.

74

Свадебная одежда нередко беретлась, как погребаль- ная «на смерть». «В чем венчалась, в том и похороните».

Траурной одеждой «по горю» была одежда белая, без особых украшений. Она нередко надевалась на невесту в первой части «печального» свадебного обряда.

75

Шуба. Овчинная, сзади цельная овчина, по бокам — по клвну. Стали крыть суюном. Теперь шьют со сборами. Когда молятся о дожде, надевают шубу и вывертывают наизнанку, «чтоб потрудиться».

76

До войны при засухе собирались у часовни и старые служили. На горе — целебный колодец.

77

Когда зараза была летом — был 1956 год — опахали село. Старухи в рубахах (выриглись) в соху. Три раза обошли.

78

Опахивали в Крутом. Бывает и сейчас. В Ка(менное — ?) недавно было. Девушку запрягли с распущенной косой.

79

Опахивали до войны — муж и жена молча вели соху. Муж пахал, отвая делали от села, шли от селения. Несла петуха, замок, лапы на перекресток. Кладла крест, не крестилась.

80

Опахивали очень давно. Эпидемия была на людей. Вокруг двора вечером обошли, девки косы расплетут, во всем белом; мужик в хомуте, держит соху, вдовы пахнут — была горючка. Вокруг двора, где были умершие; свечи брали — горят. Косой звенят, смерть путали, молитвы читали: «Святый Боже, святый крестный...» и молились. Вокруг всей деревни шли, половина села померла, пол- села опахали. Идут бледные, как мертвые, в саванах на головах. Заступница служила.

81

На смерть машинкой грех шить: «Сама руками сошью, пока вику, и все у меня будет».

82

Хоронят в лаптях. Баб — без кольца.

83

На удавленника не полагается надевать креста, удавленника нельзя отпевать.

84

На кладбищах кресты ставят в головах покойников — обычай, как говорят местные люди, заведенный нста- ри. Такая традиция у католиков, православных хоронят — в ногах кресты на могилах.

Этноним обывателей Ветчан — «литовцы». Литов- цы крещены в XIII веке. Не принесли ли они с собою и эту традицию? Следовательно, появились здесь после XIII века.

На ограде кладбища навешены тряпички холщовые — объясняют: полотенца — утираться покойникам, ко- гда выходит из могил. Покойников несут на полотенцах, с погоста едет подвода с топорами, лопатами — копать

могилу. Ее копают, как привезут покойника. На сунуль у лошади подвешена тряпка, ее переносят на ограду кладбища. У ограды бросают горшок, из которого обмывали покойника.

Старинные кресты на могилах — выжженные деревянные.

85

Покойника поминают (на) 9, 20, 40 день. Если поминуть, будет хорошо. Вот Екатерина не поминула старичка — хороший был, гусей пас... — на 40 дней: «Ну его, не чады зарыть». Наступила весна, выпустила овечек — 7 старых да 7 молодых утонуло в яловой воде. Вот и постановили одну резать на поминки.

Комментарии к текстам Н. И. Лебедевой.

Автор комментариев Е. А. Самоделова

1. д. Каменка Пичагярского сельсовета Сасовского р-на, 8 августа 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. Тетр. 1. Л. 1.

2. Там же.

3. с. Мелехово Чучковского р-на. 21 июня 1926 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 65. Тетр. с. Мелехово. Л. 30.

4. д. Крутое Салтыковского с/с Сасовского р-на. 5 августа 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 23 об.

5. Там же. Л. 24.

6. с. Лом Касимовского у. 1923 г. Сведения давал Васюков, школьный работник, РИАМЗ, н.а. Ш-878. Л. II.

7. с. Салтыково Сасовского р-на. Август 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 34.

8. с. Морозовы Борки Саложковского р-на и с. Секирино Саложковского р-на. 29 июня 1965 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1 об.-2.

9. с. Мелехово Чучковского р-на. 21 июня 1926 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 65. Тетр. с. Мелехово. Л. 30.

10. с. Золотая Поляна Сасовского р-на. Помета Н. И. Лебедевой: «7 км от Свежелькой». Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. Тетр. 1. Л. 6 об.

11. с. Вяземка (?). Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. Тетр. 1. Л. 18.

12. п. Красная Дубрава Мордовского с/с Сараявского р-на. Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. Тетр. 1. Л. 32-32 об.

13. с. Вяземка (?). Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. Тетр. 1. Л. 15.

14. Там же. Л. 14-14 об.

15. с. Салтыково Сасовского р-на. Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. Тетр. 1. Л. 1 об.

16. с. Малево Касимовского у. Сведения давал Филиппов. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. Полевые материалы по Рязанской области № 2. Л. 14.

17. д. Каменка Пичагярского с/с Сасовского р-на. 9 августа 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 36 об.

18. Там же.

19. с. Чучиково Саложковского у. 23 августа 1924 г. Сведения давали несколько жителей с. Чучикова: Грецикина, Рязанова и др. РИАМЗ, н.а. III-517. Ки. 10. N 237. П. 7. — «Н. И. Лебедева. Свадебные и праздничные печенки Рязанской губернии. Рукопись 1924 - 26 гг.» (хотя

86
Подите, наши сродники,
На свою подворницу,
На свою широкую.
Расступися, мать сыра земля,
Расколися, гробовая доска,
Распрепене, родимая матушка
И коронилец батюшка,
Свои белые крылышки,
Прилетите на свою подворницу,
К нам, горьким, беззастыным.
На могилу бляны, мысо крошат. На Красный день
крошат яйца.

имеются записи и 1923 г.). Заглавие написано почерком Н. И. Лебедевой, текст — рукой другого лица. Текст под- разделяется на 22 пункта (параграфов), в конце дано по-яснение: «Обрядовые печенки Рязанской губернии, опи-сание которых поступило в Румянцевский музей Дашав-на». — Ср.: Мансуров А. А. Описание рукописей этно-логического архива Общества исследователей Рязанско-го края. Вып. 3. Рязань, 1930. № 237. С. 15 — только упоминание печенки «кресты».

20. с. Малево Касимовского у. Сведения давал Фил-личкин. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. Полевые ма-териалы по Рязанской области № 2. Л. 14.

21. Печенки с. Деревенское Спасского у. 3 мая 1924 г. Сведения давала Пелагея К (ондо) урва. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. Полевые материалы по Рязанской области № 2. Л. 18-18 об. — Ср.: РИАМЗ, н.а. III-517. Ки. 10. № 237. П. 22 и Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14.

Сравните: «Коня и всадника пекут на Егорья». — РИ-АМЗ, н.а. III-517. Ки. 10. № 237. П. 22. — Ср.: Мансу-ров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14. Вешний Егорьев день (День святого великомученика Георгия Победоносца) — 23 апреля ст. ст. / 6 мая н. ст.

22. Рукопись 1923 - 1926 гг. РИАМЗ, н.а. III-517. Ки. 10. № 237. П. 21. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 15 — указаны с. Деревенское Спасского у. с. Увязь Касимовского у.

Сравните: «В (с). Ирицах Спасского у. пекут на Вязе-сия кони и копыта, внутри с творогом, по одному на чле-на семьи». — РИАМЗ, н.а. III-517. Ки. 10. № 237. П. 6. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14.

23. с. Мордово Саложковского у. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. Полевые материалы по Рязанской об-ласти № 2. Л. 39 об. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14.

Сравните: «Жаворонки. Сдобных не пекут. Женщи-ны выходят с детьми на улицу и выносят жаворонки, дают друг другу; играют на горках и на улице. Жаворо-нок пекут в честь песни, радости — на Сорок мучени-ков». 1923 - 1926. РИАМЗ, н.а. III-517. Ки. 10. № 237. П. 21. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14. Описано к с. Деревенское Спасского у.

24. с. Вяземка (?) Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. 1. Ед. хр. 41. Тетр. 1. Л. 12.

25. п. Красная Дубрава Мордовского с/с Сараявско-го р-на (У. Н. И. Лебедевой помечено: «д. Красная Дуб-

раса»). Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 41. Тетр. I. Л. 27.

Сравните: «Жаворонки носят на скотный двор и подвешивают кверху». — с. Гремячка Скопинского у. 1923-1926 гг. — РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 22. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14.

26. с. Засечье Печкиевского с/с Сасовского р-на. Август 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 43. Л. 41.

27. д. Новая Новинского с/с Сасовского р-на. 5 августа 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 43. Л. 33-34.

28. с. Криуль Дмитриевского с/с Сапожковского р-на. с. Песочья Шилового с-на. 1923-1926 гг. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 43. Полевые материалы по Рязанской области № 2. Л. 59. — Ср.: РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 4 и Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14.

29. с. Чучково Сапожковского у. 23 августа 1924 г. Сведения давала: Рязанова и др. жит(ель) села. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 14. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 15.

30. д. Бреево Касимовского у. (В рукописи указано: «с. Бреево»). 16 августа 1924 г. Сведения давала местная жительница. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 15. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 15.

Сравните: «В среду на 4 неделе (Великого поста) пекли кресты и на всех воротах, дверях рисовали кресты. Часть педают, другие берут в поле, когда едут пахать яровое». — Ирицы Спасского у., с. Песочья Шилового (ныне Лутыгинского) р-на. 1923-1926 гг. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 12. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 15.

31. 1923-1926 гг. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 19. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 15.

32. с. Лукичи Зарайского у. Сведения давала Анна Лоздиковна. 1923 г. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 20. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 15.

33. с. Мордово Спасского у. 19 августа 1923 г. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 13. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 15.

34. с. Черная Слобода Лепинковского с/с Шилового р-на. 1923-1926 гг. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 12. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 15.

35. с. Засечье Печкиевского с/с Сасовского р-на. август 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 43. Л. 41.

36. д. Баравково Зарайского р-на Московской обл. (бывш. Зарайского у. Рязанской губ.). Записано 1 мая 1935 г. от Прасковьи Пчелкиной, 48 лет. ГАРО. Ф.Р-710. Оп. I. Ед.хр. 41. Полевые материалы по Рязанской области № 2. Л. 105.

37. Михайловский у. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 4. Л. 124 об.

Сравните: «Постом Великим — жаворонки, кресты, мяжица (на Вербуго)». — с. Гладковские Выселки Михайловского у. 1923-1926 гг. Сведения получены от Давыдова. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 17. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14-15.

38. д. Новая Новинского с/с Сасовского р-на. 5 августа 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 43. Л. 32.

39. с. Астромино Рязанского р-на. Записано 7 мая 1935 от Мани Садонниковой, 11 лет. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 41. Полевые материалы по Рязанской об-

ласти № 2. Л. 104-104 об.

40. п. Красная Дубрава Мордовского с/с Сараевского р-на (?). У Н. И. Лебедевой помета на л. 27 перед др. этнографическими записями: «д. Красная Дубрава». Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 41. Тетр. I. Л. 38 об.

41. с. Вазенка (?). Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 41. Тетр. I. Л. 18.

Сравните: «Лестницы на Вознесенье едят. Говорят, Господь в Вознесенье на небо поел». — с. Салтыково, д. Крутое Салтыковского с/с Сасовского р-на, с. Малый Борец Сараевского р-на. Август 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 43. Л. 9 об.

42. д. Вакное (?) Конобеевского р-на Рязанской обл. 28 августа 1925 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 41. Полевые материалы по Рязанской области № 2. Л. 118.

43. с. Лукичи Зарайского у. 1923 г. Сведения давала Анна Поздиковна. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 20. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14.

Сравните: «С лестницами ходят в поле: помолотся и, поломая, следят, прося, чтоб уродился хороший хлеб». — с. Криуль Дмитриевского с/с Сапожковского р-на. 1923-1926 гг. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 10. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14.

44. 1923-1926 гг. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 23. П. 22. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14-15. Относно к с. Романцево Рязанского у.

45. с. Долгое Данковского у. 5 октября 1924 г. Сведения давала жительница с. Доллого, спутница во время перехода из с. Доллого в с. Медведкино. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 11. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14.

46. с. Астромино Рязанского у. 5 мая 1924 г. Сведения давала Варвара Соломонова. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 9. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14. В рукописи у А. А. Мансурова ошибочно указано: «с. Астромино».

47. с. Ирицы Спасского у. 1923-1926 гг. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 10. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14.

Сравните: «Лестницы и каравайцы (блинчики: обувь Христа)». — с. Мордово Спасского у. 1923-1926 гг. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 10.

48. с. Песочья Сапожковского р-на. 1923-1926 гг. РИАМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 10. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14.

49. Записано от Юры Гриша(и)киной, 23 лет, из с. Панины Пруды Спасского р-на. Живет в Рязани. 4 ноября 1937 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 41. Полевые материалы по Рязанской области № 2. Л. 96.

50. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 41. Полевые материалы по Рязанской области № 2. Л. 17 об. Ощущается украинское или белорусское влияние: «свитя» — верхняя одежда. О ее бытовании в некоторых селениях Рязанщины (в частности, в Кузьминской вол. Рязанского уезда) свидетельствует упоминание свиты в повести С. А. Есенина «Яр» при описании косям с ноженками в лугах: «Филипп постелал у костра кожух, накрылся свиткой и задремал». — Есенин С. А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. М., 1979. С. 65.

51. д. Камзевка Печкиевского с/с Сасовского р-на. 9 августа 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед.хр. 44. Л. 37.

52. Там же. Л. 37-38.

53. Там же. Л. 38.

54. с. Мелехово Чувковского р-на. 1926 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 40. Рязанский дневник 1926 (Маленькая тетрадь). Л. 100-101.

55. Там же. Л. 101-101 об.

56. д. Ветчины Малаховского с/с Спас-Клепиковского р-на. 7 июля 1964 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 62. Л. 59.

57. д. Крутое Салтыковского с/с Сасовского р-на. Август 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 43. Л. 2.

58. с. Салтыково, д. Крутое Салтыковского с/с Сасовского р-на, п. Первомайский Казачинского с/с Шацкого р-на. (У Н. И. Лебедевой помета: «1 Мая»), с. Борец Саранского р-на. Август 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 43. Л. 10.

59. д. Плещенка Сасовского р-на. Август 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 41. Тетр. I. Л. 6.

Сравните: «Копыта (Сапожки. у. (с) Телтинки). Пекут на Флора и Лавра, дают лошадям.

В д. Андреевке (Сапожковского у.), лет 30 назад, пекли копыта из пресного теста с яйцами и вторгом, носили в церковь сыгнать, одно давали священнику, остальные ели сами. (...)». Аналогично — в с. Мордово Сапожковского у. и г. Рязань. 1923-1926 гг. РИМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 6. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 14. — Здесь ошибочно село Телтинки названо деревней.

60. с. Гладковские Васелки Михайловского у. 1923-1926 гг. Сведения получены от Данилина. РИМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 17. — В указ. соч. А. А. Мансурова отсутствуют.

61. с. Вязьма (?). Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 41. Тетр. I. Л. 16-18.

Игуны — прозвище государственных крестьян из селений бассейна р. Прони — Ершово, Муляново, Ухорское, Татаркино.

Обряд первого надевания поневы описан Н. И. Лебедевой для селений Ветчинского вол. Спасского у.: «Девки понев не носили: перед венцом надевали поневы. Крестная трясет поневу, приговаривая: «Скажи, скажи, Оленька дорогая». Девушка бежит по лавке, отвечает: «Хочу — вскожу, хочу — не скажу». Мать скажет: «Пора, твои ровесницы в поневе», тогда девушка потрясет поневу и наденет ее не через голову, а с полу». — РИМЗ, н.а. III-612. Кн. 18. № 434. «Лебедева Н. И. По Касимовскому уезду. 1922, август». Л. 13. — См. также: Лебедева Н. И. Материалы по народному костюму Рязанской губернии // Труды Общества исследователей Рязанского края. Вып. 18. Рязань, 1929. С. 13. — с. Песочня, с. Криль, с. Морозовы Борки Сапожковского у.

На девчонки в некоторых селениях Рязанщины употреблялись различные печения:

1. «Кутник. Запекают 3 кол.; крутлый: сверху вылошют; от жениха к невесте приносят денгам, с мясом. (с) Ирицы Спаск. у.

Свадебный кутник — покупают белую булку (с) Мордово (Сапожковского у.).

2. «На свадьбы на девчонки приносят мясо и пироги сдобный с начинкой. От невесты закладывают пироги, а к венцу 2 ст(акана), 2 бл(юда), 2 булки, а когда от венца приедают, приносят наряженную курочку. Сведения дала Алена Подняикова, 1923 год. Заряйск. у. с. Лужки». — РИМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 16, 20 — В указ.

соч. А. А. Мансурова отсутствуют.

62. с. Красная Дубрава Мордовского с/с Саранского р-на. (У Н. И. Лебедевой помета на л. 27: «д. Красная Дубрава»). Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 41. Тетр. I. Л. 32 об.

63. Там же. Л. 32 об. - 36.

64. с. Засечье Пичкиряевского с/с Сасовского р-на. Август 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 43. Л. 38 об. - 41.

Текст «Река» не записан Н. И. Лебедевой. Сравните вариант:

Ты река ли моя, реченька,

Ты река ли моя быстрая.

Течет речка, не колышется,

Желтым песком не возмущается.

Сидит свет-Прасковьяшка, не улыбнется,

Сидит свет-Прасковьяшка, не усмехнется.

А к чему же ей улыбнется?

А к чему же ей усмехнется?

У их холон двор коней стоит,

Полна горенка людей сидит,

Только нету гостя милого,

Много батюшки родимого.

Снарядить-то меня есть кому,

Благословить-то меня некому.

— Ой ты, братец, мой родной братец!

Ты пойд-ка во конюшню,

Оседлай-ка коня вороного,

Поезжай-ка ко святой церкви,

Приударь-ка во большой колокол,

Ты пусть-ка слух во сыру землю,

Разбуди-ка моего батюшку,

Разбуди-ка моего родного.

(Записано зимой 18 августа 1982 г. в с. Б. Озерки Саранского р-на от Ягичевой Екатерины Дмитриевны, 1900 г. рожда.).

65. с. Красная Дубрава Мордовского с/с Саранского р-на (У Н. И. Лебедевой помета на л. 27: «д. Красная Дубрава»). Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 41. Тетр. I. Л. 37 об. - 39.

66. с. Салтыково Сасовского р-на. Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 41. Тетр. I. Л. 2-2 об.

67. с. Салтыково, д. Крутое Салтыковского с/с Сасовского р-на. 5 августа 1951 г. Записано от Екатерины Андреевны Марюшковой, 1906 г. рожда. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 43. Л. 14 об.

68. с. Вослбы (Вослебово) Скопинского у. 26 августа 1924 г. Сведения дала Зайцева, РИМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 1. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 13.

69. с. Новоалександрово Скопинского у. 30 августа 1924 г. Сведения дала урож(енка) с. Новоалександрова, жонгл(я) теперь в с. Чулокне, РИМЗ, н.а. III-517. Кн. 10. № 237. П. 2. — Ср.: Мансуров А. А. Указ. соч. № 237. С. 13.

70. с. Засечье Пичкиряевского с/с Сасовского р-на. Август 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 43. Л. 41 об.

71. с. Б. Ардабьево Касимовского р-на. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 41. Полевые материалы по Рязанской области № 2. Л. 95.

72. с. Мелехово Чувковского р-на. 1926 г. РИМЗ, н.а. III-1530. (Фонд Н. И. Лебедевой). Л. 41.

73. с. Салтыково, д. Крутое Салтыковского с/с Сасовского р-на. 1950 - 1951 гг. РИАМЗ, н.а. III-1530. Л. 20.

74. РИАМЗ, н.а. III-2658. (Фонд Н. И. Лебедевой). Л. 7.

75. с. Мелехово Чучковского р-на. 1926 г. РИАМЗ, н.а. III-1530. Л. 20.

76. д. Крутое Салтыковского с/с Сасовского р-на. Август 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 43. Л. 2 об.

77. с. Вяземка (?). Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 41. Тетр. I. Л. 15.

78. д. Крутое Салтыковского с/с Сасовского р-на. Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. Л. 2 об.

79. с. Салтыково, д. Крутое Салтыковского с/с Сасовского р-на, п. Первомайский Казачинского с/с Шацкого р-на (у Н. И. Лебедевой помета: «1 Мая»), с. Борец Сараевского р-на. Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 43. Л. 10.

80. п. Красная Дубрава Мордовского с/с Сараевского р-на. Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 41. Тетр. I. Л. 37.

81. с. Салтыково, д. Крутое Салтыковского с/с Сасовского р-на, п. Первомайский Казачинского с/с Шацкого р-на (у Н. И. Лебедевой помета: «1 Мая»), с. Борец Сараевского р-на. Август 1957 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I.

Ед. хр. 43. Л. 11 об.

82. с. Мелехово Чучковского р-на. 21 июня 1926 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 63. Тетр. с. Мелехово. Л. 35 об.

83. с. Салтыково, д. Крутое Салтыковского с/с Сасовского р-на, п. Первомайский Казачинского с/с Шацкого р-на (у Н. И. Лебедевой помета: «1 Мая»), с. Борец Сараевского р-на. Август 1957 г. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 43. Л. 19 об.

84. д. Ветчаны Малаховского с/с Спас-Клепиковского р-на. 7 июля 1964 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 62. Л. 59 - 59 об.

Более 40 лет назад, в своих заметках «По Касимовскому уезду 1922 г., август», написанных вскоре по завершении экспедиции, Н. И. Лебедева отмечала: «С. Ветчаны Ветчанской вол., Сп(ас) - Клеп(иковского) у., Рязанской губ., Куриша, Подселочное, Подушерское, Истоминю. Крестьяне — бывшие помещичьи, по прозвищу «литовцы»; предание: барин привез из Литвы». — РИАМЗ, н.а. III-612. Кн. 18. № 434. Л. 12.

85. с. Салтыково Сасовского р-на. 9 августа 1951 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 43. Л. 35.

86. с. Лубное Шилковского р-на. 1926 г. ГАРО. Ф.Р-6710. Оп. I. Ед. хр. 40. Рязанский дневник. Маленькая тетрадь. Л. 89 об. - 90.

Примечания

В настоящем издании впервые собраны почти все опубликованные ранее научные труды крупного отечественного этнографа Н. И. Лебедевой (1894 — 1978).

Во всех работах максимально сохранен авторский стиль. Название музеев, архивов, других научных, культурных и иных учреждений и организаций (включая аббревиатуры), а также списки, даются в авторской орфографии, соответствующей принятым ранее нормам их написания. Названия населенных пунктов, этнонимов, предметов народной культуры и быта, а также формы их склонения даются в авторском написании.

1. Вместо предисловия. Маслова Г. С. Из истории изучения восточнославянской этнографии. (О жизни и творчестве Натальи Ивановны Лебедевой). Впервые работа опубликована в сокращении в журнале «Советская этнография». — 1991. — № 5. — С. 45 — 57. Полный текст работы впервые опубликован в издании: Лебедева Н. И. Духовная культура рязанских крестьян. Из полевых материалов. 1923 — 1965 гг. Классификация одежды русских. Маслова Г. С. Из истории восточнославянской этнографии. О жизни и творчестве Натальи Ивановны Лебедевой. Рязанский этнографический вестник. — Рязань, 1994. — С. 48 — 109. Текст печатается по этому изданию.

Маслова Гали Семеновна (1904 — 1990), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Муслухо-Маклая. Подруга и соратник Н. И. Лебедевой.

2. Предварительный отчет об этнографических работах в Сапожковском уезде Рязанской губ. летом 1923 года. Впервые работа опубликована: Вестник рязанских краеведов. — Касимов, 1923. — № 3. — С. 5-8. Текст печатается по этому изданию.

3. Городок у деревни Новоселки Рязанского уезда. Впервые работа опубликована: Вестник рязанских краеведов. — Рязань, 1924. — № 4. — С. 13-15. Текст печатается по этому изданию.

4. Отчет о летних работах 1924 г. по археологии в окрестностях г. Касимова. Впервые работа опубликована: Вестник рязанских краеведов. — Рязань, 1925. — № 1. — С. 1-3. Текст печатается по этому изданию.

5. Этнологическое изучение Калужского Полесья как характерного этнологического района. Впервые работа опубликована: Вопросы этнологии Центрально-Промышленной области. — М., 1927. Текст печатается по этому изданию.

6. Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-м и 1926-м годах) — Часть 1. Народный костюм, прядение и ткачество. Работа впервые опубликована в серии: Мемуары этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. — Вып. 2. — М., 1927. — 164 с. Текст печатается по этому изданию.

7. Перстни Рязанских курганов. (По материалам Рязанского областного музея). Впервые работа опубликована: Исследования и материалы / Рязанский областной музей. — Рязань, 1928. — С. 4-15. Текст печатается по этому изданию.

8. Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний (бассейн Дона). Впервые работа опубликована: Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнологические исследования и материалы. — М., 1929. — С. 109-113. Текст печатается по этому изданию.

9. Систематика прядения и ткачества на территории Центрально-Промышленной области. Впервые работа опубликована: Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнографические исследования и материалы. — М., 1929. — С. 46-54. Текст печатается по этому изданию.

10. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Впервые работа опубликована: Труды Общества исследователей Рязанского края. — Вып. XVIII. — Рязань, 1929. — 35 с., илл. Текст печатается по этому изданию.

11. Очередные вопросы изучения прядения и ткачества. Работа впервые издана Кабинетом краеведения Московского областного отдела народного образования (М., 1929. — 22 с., таблицы). Текст печатается по этому изданию.

12. К методике полевой работы по постройкам. Впервые работа опубликована: Крестьянские постройки / Кабинет краеведения Московского отдела народного образования. — Вып. 2. — М., 1929. — С. 17-24.

Текст печатается по этому изданию.

13. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Мозырский и Бобруйский округа по левому берегу Припяти и ее притокам. Работа впервые издана Центральным музеем народооведения. Текст печатается по первому изданию этой работы (М., 1929).

14. Типы поселений Рязанской области. (По документам Рязанского областного архива и Научного архива Рязанского краеведческого музея). Работа написана совместно с Милоновым Николаем Петровичем (1896 — 1976), профессором Рязанского государственного педагогического института. Впервые опубликована: «Советская этнография» — М., 1950. — №4. — С. 107-132. Текст печатается по этому изданию.

15. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX века как материал к этнической истории народа. (По данным Русского историко-этнографического атласа). Работа написана в соавторстве с Г. С. Масловой. Впервые опубликована: Советская этнография. — М., 1956. — С. 18-32. Текст печатается по этому изданию.

16. Придние и качество восточных славян в XIX — начале XX в. Впервые работа опубликована: Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. / Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. — Т. 31. — М. — Л., 1956. — С. 461-540. Текст печатается по этому изданию.

17. Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской революции. Впервые работа опубликована: Краеведческие записки. — Рязань: Областной краеведческий музей, 1959. — С. 120-130. Текст печатается по этому изданию.

18. Рецензия на работу: Рязанское село Кораблино (История, экономика, быт, культура, люди села). Впервые опубликована: Советская этнография. — М., 1959. — №2. — С. 171-174. Текст печатается по этому изданию.

19. Этнографическая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей. Впервые работа опубликована: Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР / Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. — Т. 57. — М. — Л., 1960. — С. 258-266. Текст печатается по этому изданию.

20. Материальная культура сельского населения восточнорусских областей (XIX — начало XX в.). Работа написана совместно с О. А. Гандрой и А. С. Парниковой. Н. И. Лебедевой написаны разделы: «Введение», «Одежда». Впервые опубликована: Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР / Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М. — Л., 1960. — С. 172-177, 210-256. Текст печатается по этому изданию. Гандра Ольга Андреевна, доктор исторических наук, Лауреат Государственной премии СССР, ведущий научный сотрудник ИЭА. Парникова Анастасия Степановна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения РАН.

21. Материальная культура русского сельского населения западных областей (во второй половине XIX — начале XX в.). Работа написана совместно с О. А. Гандрой и Л. Н. Чижиковой. Н. И. Лебедевой написаны разделы: «Введение», «Одежда». Впервые опубликована в том же издании, где и предыдущий труд, с. 5-8, 9-71. Текст печатается по этому изданию. Чижикова Людмила Николаевна, доктор исторических наук, Лауреат Государственной премии России, ведущий научный сотрудник ИЭА.

22. Рецензия на работу: Сысоев Н. И. Касимовское узорное ткачество XIX — начала XX века. М., 1963. Впервые опубликована: Советская этнография. — М., 1964. — №6. — С. 181-182. Текст печатается по этому изданию.

23. Народное искусство. Выставка в краеведческом музее. Работа написана в соавторстве с Л. Ляховой. Впервые опубликована в газете «Приомская правда». — Рязань, 1965. — 15 авг. Текст печатается по этому изданию.

24. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX века. Работа написана совместно с Г. С. Масловой. Впервые опубликована: Русские. Историко-этнографический атлас. Земледеле. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX — начала XX века. — М.: Наука, 1967. — С. 193-267. Текст печатается по этому изданию.

25. Хозяйственный быт Приангарья (XIX — начало XX в.). Работа впервые опубликована: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Часть 1. Приангарье. — Новосибирск: Наука, 1971. — С. 78-95. Текст печатается по этому изданию.

26. Классификация одежды русских. Впервые работа опубликована в том же издании, где и предыдущий труд, с. 110-126. Текст печатается по этому изданию.

27. Духовная культура рязанских крестьян. Полевые материалы 1923 — 1965 годов. Впервые работа опубликована: Лебедева Н. И. Духовная культура рязанских крестьян. Из полевых материалов 1923 — 1965 г.г. Классификация одежды русских. Маслова Г. С. Из истории восточнославянской этнографии. О жизни и творчестве Натальи Ивановны Лебедевой / Рязанский этнографический вестник. — Рязань, 1994. — С. 3-48. Текст печатается по этому изданию.

Б. В. Горбунов

Содержание

Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.	3
Изучение Рязанской области в этнографическом отношении после Октябрьской революции	42
Рязанское село Кораблино (рецензия на работу)	47
Этнографическая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей.	50
Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX — начало XX в.)	55
Материальная культура сельского населения западных областей (во второй половине XIX — начале XX в.)	99
Сысоева Н.И. Касимовское узорное ткачество. (рецензия на работу)	132
Народное искусство	133
Русская крестьянская одежда XIX — начала XX века	134
Хозяйственный быт Приангарья (XIX — начало XX века)	175
Классификация одежды русских	183
Духовная культура рязанских крестьян	187
Примечания	198